Николай Гейнце

В ТИНЕ АДВОКАТУРЫ

Николай Эдуардович Гейнце «В тине адвокатуры» //Glagoslav Publications, Лондон, 2013
ISBN: 9781783847501
FB2: Starkosta, 17 June 2019, version 1.0
UUID: 888E8DCF-4EE6-4E51-8FB9-1246E8A2FE54
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Николай Эдуардович Гейнце

В тине адвокатуры

Главный герой его грандиозного романа «В тине адвокатуры» — прохвост и прощелыга, беспринципный жулик-адвокат Н. Г. Гиршфельд, ловкий гешефтмахер, не брезгующий никакими средствами для достижения своей цели. Этот роман — история его восхождения к богатству и падения в самую бездну порока.

Содержание

Часть первая Жрецы Ваала 0009
I Молодой волчонок 0009
II Попытка не пытка 0016
III За завтраком 0022
IV Сорвалось! 0029
V Роковой шаг 0035
VI Современная Мессалина 0040
VII Легенда старого парка 0046
VIII Прошлое княгини 0053
IX На родине 0060
X Ловушка 0066
XI Марго 0072
XII Княжна Лида 0076
XIII В Шестове 0081
XIV Успех 0093
XV Наедине с собою 0098
XVI Наперсница 0105
XVII В будуаре 0112
XVIII Прошлое княжны 0121
XIX Рыба клюет 0129
XX Жребий брошен 0141
XXI Меткий выстрел 0150
XXII Адский замысел 0157
XXIII В разлуке 0167
XXIV В дороге 0174

XXV В гостинице 0183
XXVI Будущая наследница 0190
XXVII Идеалист 0198
XXVIII За чаем 0205
XXIX В клубе 0212
XXX Первый поцелуй 0221
XXXI Жизнь возле смерти 0228
XXXII Князь спит! 0236
XXXIII В кабинете 0249
XXXIV Следствие 0260
XXXV Преступник 0272
XXXVI Три гроба 0286
XXXVII Поверенный 0292
Часть вторая На скамье подсудимых 0298
I В зале суда 0298
II Учитель и ученик 0308
III Искусительница 0319
IV Товарищи 0330
V Друг 0339
VI Глаза открыты 0348
VII Подозрение подтвердилось 0358
VIII В последний раз 0372
IX Смерть княжны Лиды 0383
X Болезнь Шатова 0394
XI Свадьба Стеши 0404
XII Отъезд 0412
XIII Комедиант 0424
XIV Выгодный денек 0434

XV Живоглот 0441
XVI Странное поручение 0448
XVII Неподкупный 0456
XVIII Последний заговор 0463
XIX Две просьбы 0472
XX Под взглядом трупа 0482
XXI Роковой ключ 0489
XXII Последнее свиданье 0499
XXIII В тюрьме 0508
XXIV Судный день 0517
XXV В Тюмени 0527
XXVI Наедине с прошлым 0533
XXVII Посадка арестантов 0542
XXVIII На арестантской барже 0548
XXIX Кровавый эпилог 0554
Часть третья В тенетах 0560
I Семейная тайна 0560
II Мать и сын 0569
III Детство Александрины 0576
IV Камеристка 0585
V Покровительница 0593
VI По следам зверя 0605
VII Томительные дни 0614
VIII В когтях пантеры 0624
IX Первая петля 0632
X Репортер 0644
XI Второй свидетель 0654
XII Московский «censor morum» 0665

XIII Казначей поневоле 0674
XIV Хочу быть актрисой 0685
XV Директриса 0693
XVI В конторе театра 0703
XVII Каприз исполнен 0714
XVIII Еще палач 0725
XIX Сибирский гость 0735
XX Сделка 0747
XXI Мраморная красавица 0760
XXII В уборной 0770
XXIII Tet-a-tet 0781
XXIV Светский брак 0795
XXV Приговор семейного совета 0805
XXVI Соломенный вдовец 0815
XXVII Под дулом револьвера 0824
XXVIII Генерал-баба 0831
XXIX Подлог 0840
XXX Ловля жениха 0852
XXXI Еще жертва 0864
XXXII Свадьба 0877
Часть четвертая В Архангельскую губернию 0885
I Аристократка 0885
II Главноуправляющий 0898
III В женских руках 0908
IV Гнездышко 0919
V Неприятная новость 0929
VI Газетная вырезка 0939

VII Редактор 0950
VIII У постели умирающего 0963
IX Васька-миллионер 0975
X Наследник 0989
XI Барон 1001
XII Последняя игра 1016
XIII В Макирихе 1024
XIV Выпуск в тираж 1037
XV Примиренье 1052
XVI Под угрозой смерти 1062
XVII Последний удар 1073
XVIII В спальне 1084
XIX Перебежчики 1093
XX На Лахте 1103
XXI Повестка 1113
XXII В камере 1124
XXIII В Москве 1133
XXIV Знакомые лица 1142
XXV Известие об аресте 1151
XXVI Повезли 1160
XXVII Дело Гиршфельда и К° 1170
XXVIII После приговора 1181
XXIX С повинною 1191
XXX Крах банкирской конторы 1197

Николай Эдуардович Гейнце
В тине адвокатуры

Часть первая
Жрецы Ваала

На французском масле,
Сделанном из сала,
Испекла природа
Этого нахала.

Н. Некрасов

I
Молодой волчонок

— Станция Ломовис, поезд стоит три минуты! — зычным голосом прокричал обер-кондуктор, соскочив на станционную платформу, у которой поезд, уже останавливаясь, замедлил ход и, наконец, остановился совершенно.

Из вагона второго класса вышел только один пассажир, молодой человек лет двадцати трех, небольшого роста, но стройный, шатен с бледным, выразительным лицом и умными карими глазами, уверенно смотревшими через золотое пенсне, крепко сидевшее на

правильном, с маленькой горбинкой носу. Небольшие усики оттеняли толстые, чувственные губы. Одет он было в светло-серую летнюю пару и таковую же крылатку, на голове была маленькая, с узкими полями, шляпа из черного фетра, в правой руке он держал изящный зонтик, а в левой — дорожный сак.

Одновременно с выходом пассажира, из багажного вагона был выброшен большой чемодан желтой кожи.

Это было в половине июня 187* года.

— Возьми, любезный, мой багаж, — обратился прибывший к железнодорожному сторожу, подавая ему багажную квитанцию и указывая на лежавший на платформе чемодан.

Сторож бросился исполнять приказание.

Раздался свисток обер-кондуктора и поезд отправился далее.

Сторож, с чемоданом в руках, стоял около оставшегося пассажира.

— Лошадей прикажете?

— Из имения князя Шестова разве не прислано экипажа?

— Под учителя?

— Ну, да, под учителя! — поморщился пассажир.

— Часа три как коляска дожидается, кучер в станционной кухне спит...

— Так пойди, разбуди его, чемодан положи в экипаж и вели подавать.

Сторож исчез.

Путешественник вошел на станцию и опустился в ожидании посланного на один из деревянных диванов, стоявших по стенам. Воспользуемся временем его ожидания, чтобы представить его читателям.

Кандидат прав Николай Леопольдович Гиршфельд, сдавший выпускной экзамен в московском университете и представивший кандидатскую диссертацию на тему: «Деньги как экономическая сила», был молодой человек, подающий, как говорится, блестящие надежды.

Большинство такого рода молодых людей так и остается до конца дней живота своего подающими надежды, некоторые из них вскоре обращаются в безнадежных. Но Николай Леопольдович был из молодых да ранний, и с первого взгляда на него можно было,

не будучи пророком, предсказать, что он не пропадет и спокойно дойдет до раз им намеченной цели... Цель эта, впрочем, вся исчерпывалась рефреном известных куплетов:

Ничего, кроме денег, не надо!

«Деньги, — рассуждал, конечно, сам с собою, еще на гимназической скамейке Николай Леопольдович, сила. За деньги я куплю себе все: уважение, славу, почет... Звон презренного металла это благовест на колокольне современного храма золотого тельца», — повторял он с восторгом где-то слышанную им фразу.

Самый выбор темы для кандидатской диссертации указывал, что университетский курс не сбил его с раз намеченной дороги, что из-под крова храма науки вышел еще неоперившийся орел-стервятник, будущий жрец Ваала или попросту делец-акула.

Было ли это следствием его происхождения от колена Левитова (отец его, хотя и был лютеранином, но происходил из немецких евреев), или же он был просто продуктом современного жидовствующего веяния време-

ни? Решить этот вопрос затруднительно. Отец его, бедный учитель музыки, упорно отрицал свое семитическое происхождение. Сын же, наоборот, громко заявлял, что с большим удовольствием готов причислить себя к потомкам Израиля, чем к утопающей в своем глубокомыслии немецкой нации.

«Все гениальные люди — евреи»... — парадоксально подтверждал он свои симпатии к этому народу.

Он забывал при этом другой, более близкий к истине парадокс: «все евреи — гениальные мошенники».

Одно лишь обстоятельство останавливало этого молодого волчонка снять овечью шкуру — это бедность.

Грошевые студенческие уроки и небольшие суммы, которые он, буквально, вымогал у своих, перебивающихся с хлеба на квас, родителей, единственным сыном, единственною надеждою и единственной радостью которых был, едва хватали ему на изящный костюм, необходимый для поддержания знакомства с богатыми товарищами (он был знаком только с такими) и на другие нужды это-

го далеко не дешево обходящегося общества.

Приходилось все-таки со скрежетом зубовным отказывать себе во многом...

— Все верну, сторицей верну... — утешал себя Николай Леопольдович, — только бы дотянуть до диплома.

Когда эта желанная бумага была получена и положена в карман, и он, высоко подняв голову, вышел из правления университета, жизнь представлялась ему заманчивой картиной...

Поскорее бы только занять место за этим пиром, который, по выражению эпикурейцев, надо оставить только насытившись, но как это сделать?

Конечно, за этим пиром желанные гости, ведущие себя как дома — адвокаты...

Он давно принял решение причислиться к их сонму...

Достав рекомендательное письмо к одному из московских светил, он без труда, недели в две, был зачислен к нему в помощники.

Там уж поприще широко!
Знай работай, да не трусь!
Вот за что тебя глубоко

Это стихотворение народного поэта не выходило из головы Николая Леопольдовича.

— Но как вступить на это широкое поприще без денег? Необходима квартира, изящная обстановка. Без этого не вотрешь очков доверителю, без этого нельзя сказать ему с апломбом: «Не твой рубль, а мой рубль», — и положить этот чужой рубль в свой карман на законном основании.

Попробовал было он позондировать дражайших родителей, но увы, собранные ими для будущего светила адвокатуры крохи были каплею в море предначертанных расходов для твердой постановки карьеры.

«Жениться!» — мелькнуло в голове Николая Леопольдовича, но он тотчас же отбросил эту мысль. Не то, чтобы он не хотел продавать себя. Ничуть. Он продал бы себя даже по фунтам, если бы это было возможно. Он боялся продешевить себя.

«Если бы пристроиться к какой-нибудь богатой старушке или еще лучше к замужней женщине средних лет...» — мечтал он, глотая слюнки от одного предвкушения благ зем-

ных, имеющихся очутиться в его власти в подобном положении.

Случай ему благоприятствовал.

II

Попытка не пытка

Терзаемый мучительными вопросами первоначального устройства своей карьеры на широкую ногу, зашел он побеседовать да и посоветоваться к своему бывшему учителю русской словесности Константину Николаевичу Вознесенскому.

Вознесенский был когда-то преподавателем одного маленького московского пансиона, где Николай Леопольдович провел года два до поступления в гимназию.

Пансион этот, впрочем, вскоре постигла судьба многих московских пансионов: он закрылся за недостатком учащихся, а Вознесенский, с помощью одного капиталиста, открыл свое большое реальное училище и повел дело на широких началах.

Дело оказалось блестящим.

Николай Леопольдович, надо сознаться,

надеялся не только на советы, но и на материальную поддержку любившего его Константина Николаевича.

Войдя в подъезд громадного дома на Мясницкой, где помещалось реальное училище, он не без тревоги справился у солидного швейцара, дома ли Константин Николаевич.

— Дома, пожалуйте! — серьезно проговорил швейцар, снимая с пришедшего пальто.

Николай Леопольдович поднялся по широкой, устланной коврами лестнице, прошел в сопровождении выбежавшего на звонок швейцара, лакея длинный коридор и очутился к роскошно убранной приемной.

— Вы по делу? Как прикажете доложить? — осведомился лакей.

— Нет, я так повидаться.

— Потрудитесь обождать, приемные часы до двух, они в кабинете с посетительницей.

— Хорошо, я подожду.

Лакей удалился.

Николай Леопольдович опустился в мягкое кресло, крытое темно-синим штофом, и взглянул на стоявшие на массивном пьедестале из черного дерева роскошные часы.

Было без десяти минут два.

— Даст, или не даст? — загадал на пальцах Гиршфельд. Пальцы не сошлись.

Он закурил папиросу и стал пускать кольцами дым.

В этом занятии прошло минут пять.

Вдруг тяжелая дубовая дверь кабинета отворилась, откинулась портьера и на пороге, в сопровождении Константина Николаевича, появилась нарядно одетая, высокая, стройная барыня.

Темно-каштановые волосы густым бандо падали на ее спину из-под легкой черной кружевной шляпы с веткой темной сирени. Темно-лиловое платье красиво облегало ее стан, говоря, впрочем, более об искусстве корсетницы и портнихи, нежели о дарах природы.

Цвет лица, очертание бровей, глубина темных глаз тоже красноречиво говорили об искусстве, хотя черты этого артистически ремонтированного лица были правильны и красивы.

Николай Леопольдович поспешно встал и поклонился.

Константин Николаевич с радостным вос-

клицанием пожал ему руку.

Барыня окинула его быстрым, как бы вызывающим взглядом и обратилась к Константину Николаевичу:

— Ainsi, вы мне положительно отказываете в вашем содействии?

— Положительно, княгиня, примеры прошлых лет ставят меня в невозможность...

— Но чем же виноват мой мальчик, что у него полоумный отец? Впрочем, я публикую и выберу сама.

Последние слова она видимо умышленно подчеркнула, причем снова бросила выразительный взгляд в сторону отошедшего в амбразуру окна Николая Леопольдовича. От него не ускользнул этот взгляд.

— Это будет самое лучшее, ваше сиятельство... — заметил на ходу Константин Николаевич.

— Au revoir! — протянула она ему руку, затянутую в светлую лайковую перчатку, и скрылась в коридоре.

— Теперь я весь ваш, милейший, — подошел Константин Николаевич к своему гостю. — Прием, слава Богу, кончен: пойдемте

завтракать.

Он взял его под руку и повел в столовую, находившуюся в противоположной стороне кабинета.

— Если я кому-либо в жизни завидую, то сознаюсь, что вам, — заметил Гиршфельд. — Всегда по горло занят, но всегда бодр и весел. Это, вероятно, одна из причин вашего постоянного успеха во всем. Человек, вешающий голову, сам подписывает свой смертный приговор. Вам, видимо, легко далось сделаться баловнем судьбы...

— Вы скоры на приговор, мой молодой друг, это не совсем так. Успех дается лишь тому, кто его заработал. Фортуна не даром изображается женщиной. За ней надо уметь ухаживать и ухаживать настойчиво и серьезно. Это не кисейная барышня, которую можно увлечь потоком громких фраз, и не светская львица, падкая на мимолетные интрижки. Нет, это серьезная барыня, которая дарит свою благосклонность только серьезным людям.

— Ну, — подумал Николай Леопольдович, — это ты, кажется, того... зарапортовал-

ся… фортуна нашего времени — просто кокотка.

Однако, он не высказал этого взгляда своему бывшему учителю.

— Я видел много лишений, испытал почти нищету, прежде нежели дошел до этой тихой пристани, заработанной усиленным трудом, — продолжал Константин Николаевич. — Мне всего сорок пять лет, а я почти седой, и на голове не осталось волос, как говорится, даже на одну клочку.

Константин Николаевич был небольшого роста, быстрый в движениях человек, безукоризненно одетый в серую летнюю пару и белый галстук (он носил только черный и серый цвет).

Его лицо, обрамленное жиденькой, начинавшей сильно седеть козлиной, каштановой бородкой, дышало спокойствием и довольством, и лишь темно-карие глаза выражали настойчивость, энергию и даже суровость.

Не даром он, по рассказам, умел не только учеников, но и даже и учителей своего заведения держать в должном страхе.

Его почти совершенно оголенный череп

был украшен на затылке и висках бахромкой редких каштановых, с проседью волос.

Таков был директор московского реального училища с правами реальных гимназий.

III

За завтраком

В комфортабельно убранной столовой Николай Леопольдович встретил инспектора классов реального училища, Ивана Павловича Карнеева.

Карнеев учился с ним в одной гимназии, но был старше его года на четыре, так что в то время, когда Николай Леопольдович перешел в четвертый класс, Карнеев кончил курс первым учеником с золотой медалью и был награжден на акте массою книг, купленных по подписке учителями гимназии.

Еще будучи в седьмом классе, он издал маленькую брошюру по какому-то математическому вопросу.

В гимназии он считался гениальным учеником.

Первый прилив зависти и злобы почув-

ствовал в своем молодом сердце Гиршфельд, присутствуя на акте, который был торжеством для далеко не представительного по фигуре Карнеева.

С тех пор он без злобы и желчи не мог видеть чьего-нибудь превосходства. Даже чтение о подвигах каких-либо выдающихся деятелей вызывало на глаза его завистливые злобные слезы.

Карнеев, между тем, поступил в университет, окончил курс первым кандидатом по физико-математическому факультету, получил за сочинение золотую медаль и был оставлен при университете.

Он стал готовиться к магистерскому экзамену.

Константин Николаевич предложил ему инспекторство в его заведении, соединенное с преподаванием в высших классах.

Карнеев согласился и Николай Леопольдович снова столкнулся с ним на жизненном пути.

Из непредставительного гимназистика Иван Павлович сделался солидным молодым человеком, держащим себя хотя не гордо, но с

достоинством, серьезным, не любящим кидать слова на ветер.

Встреча с Карнеевым подняла в душе Николая Леопольдовича прежнюю бурю злобы и зависти.

Он дошел до того, что не мог равнодушно выносить этого спокойного, невозмутимого человека.

«Гордый пошляк», — окрестил он его про себя, но ничем перед Константином Николаевичем, зная глубокое уважение последнего к Карнееву, не выдал своей тайны.

«Наверное будет неудача, раз этот торчит здесь!» — думал он, любезно пожимая руку Карнееву.

— Поздравить можно? — спросил Иван Павлович.

— Да, кончил кандидатом, хотя и не первым, — умышленно подчеркнул Николай Леопольдович.

Иван Павлович сделал вид, что не заметил намека. Сели за стол.

— А я и забыл поздравить, значит — мы нынче выпьем за здоровье нового кандидата прав и будущего адвоката, — сказал Констан-

тин Николаевич.

— Не будущего, а даже настоящего, я уже принят в число помощников присяжного поверенного, — заметил Гиршфельд.

— К кому записались?

— К Левицкому.

Константин Николаевич поморщился.

О деятельности этой адвокатской знаменитости ходили по Москве далеко нелестные слухи. Говорили, что его, бывшего петербургского профессора, отказались принять в свою среду присяжные поверенные петербургского округа, и он лишь фуксом[1] попал в это московское сословие.

— Быстро, ну, да дай Бог. Думаете начать практику? — задал вопрос Константин Николаевич.

— Не знаю, право, я было и зашел к вам посоветоваться… поговорить…

— И прекрасно, уединимся после завтрака в кабинете и потолкуем, а пока кушайте.

Все трое принялись за обильный завтрак. Константин Николаевич наполнил стаканы вином.

— Эта княгиня Шестова опять ко мне при-

ставать приезжала... — обратился он к Карнееву.

— Об учителе для сына? — улыбнулся тот.

— Кажется, больше для себя.

Николай Леопольдович навострил уши.

— Что же вы, рекомендовали? — спросил Карнеев.

— Напрочь отказал; помилуйте, два года подряд одна и та же история. Возьмет учителя для сына, заведет с ним шуры-муры. Муж, выживший из ума старик, делает в деревне скандалы, да еще приезжает сюда объясняться. Вы, дескать, рекомендовали студента, а он увлек мою Зизи. Это Зизи-то, эту старую бабу увлек... Комикс...

— Чай обиделась?

— Кажется, хотела публиковать, я сказал, что это самое лучшее. Только, боюсь, опять явится, благо здесь недалеко, в Северной гостинице остановилась...

— Да зачем, говорю я, вам репетитора, когда все равно сын ваш на второй год в классе остался?

— Помилуйте, как же мальчик будет без присмотра!?

— Ну, думаю, матушка, кажется за тобой более присмотра нужно.

— Что же вы не кушаете? — обратился он к гостям.

— Помилуйте, по горло сыты, всего по немножку попробовали, — заметил Николай Леопольдович, отодвигая тарелку.

— Я так даже попрошу позволения откланяться, — встал Карнеев, — мне необходимо съездить по делу.

— Если по делу, не задерживаю, сигару на дорогу захватите, — пододвинул Константин Николаевич гостям ящик с сигарами и взял одну сам.

Гости не отказались. Когда сигары были закурены, Иван Павлович вторично откланялся и вышел из столовой.

— Пойдемте и мы беседовать в кабинет — там удобнее, — предложил Гиршфельду Константин Николаевич, когда они остались одни.

Гиршфельд встал и последовал за хозяином.

Кабинет Вознесенского представлял из себя смесь возможной простоты и возможного

комфорта. Мягкая мебель, турецкие диваны по стенам манили к покою, к кейфу, а громадный письменный стол, стоявший посредине и заваленный массою книг и бумаг указывал, что хозяин покупал минуты этого покоя усиленным, непрестанным трудом. Массивный библиотечный шкаф, наполненный книгами, и тяжелые портьеры на дверях и окнах дополняли убранство этого делового хозяйского уголка. Мягкий ковер на полу этой обширной комнаты заглушал шум шагов.

Константин Николаевич с Гиршфельдом уселись с сигарами на одном из турецких диванов.

IV
Сорвалось!

— Ну, дружище, какой же совет нужен от меня, ничтожнейшего смертного, будущему светилу русской адвокатуры? — пошутил Константин Николаевич.

Николай Леопольдович рассказал откровенно свои планы и невозможность их осуществить в настоящее время.

— А разве нельзя остаться пока с родными и начинать не сразу на такую широкую ногу?

— Об этом нечего и думать; это значит на первых же порах испортить себе карьеру. Обстановка и внешность для адвоката первое дело. Без этого закрывай лавочку.

— Лавочку... хорошо сказано... — улыбнулся Константин Николаевич. — Но что же делать?

— Я вот что надумал. Теперь время летнее, глухое. Взять на лето хороший урок, скопить деньжонок, а с сентября начать практику. Вас хотел попросить не рекомендуете ли вы?

— С удовольствием бы, да поздно, все уже

разъехались из училища. Если обратятся, то, конечно, место будет за вами, да едва ли, говорю — поздно.

— Жаль!

— Вот княгина Шестова все просит рекомендовать ей учителя, но не вас же я ей рекомендую... Она просто ищет себе любовника, а какой же порядочный человек на это согласится...

— Гм! Конечно... — заметил Николай Леопольдович.

— Не лучше ли было бы вам сначала поступить на службу здесь, в Москве, или в Петербурге, наконец, в провинции, там быстрее ход. Я бы мог вам дать рекомендательные письма. У меня есть в министерстве юстиции и в разных судебных учреждениях знакомые — люди влиятельные...

— Нет, нет, я чувствую, что адвокатура мое настоящее призвание...

— Призвание-то это от вас бы не ушло, послужили бы годиков пять, не понравится — бросите и прямо будете присяжным поверенным, а служба великая вещь, она вырабатывает характер, приучает к регулярному, систе-

матическому труду... Подумайте, милейший друг!

— Нечего и думать. Я задохнуть в канцелярии, заглушу и последние мои способности, если они только есть у меня, из меня выйдет ограниченный человек и неспособный чиновник, вот и все. Если начинать работать на избранном поприще, то надо относиться к нему с любовью, вступать на него со свежими силами, а не покрытым канцелярскою пылью, заеденным бумажною формалистикою... И не говорите, ни за что, ни за что!

— Вы хорошо делаете, что просите не возражать, так как возразить можно много против этого восторженного молодого бреда... — заметил Константин Николаевич.

Наступило молчание.

— А если бы я попросил у вас взаймы рублей шестьсот для первого обзаведения, вы бы мне не отказали? — вдруг в упор спросил Николай Леопольдович.

— Нет, отказал бы, — серьезно, после некоторой паузы ответил Вознесенский. — И не потому, что не верю, или не могу дать этих денег, апросто потому, что люблю вас.

— Это, то есть, как же?

— Так... Начинать карьеру с займа плохое дело. Это значит строить здание на песке. Если впоследствии случится нужда и надо будет перехватить, поверьте, вы у меня не встретите отказа, но на обстановку, будто бы нужную для адвокатской лавочки (ваше собственное выражение), хоть сердитесь на меня, не дам...

— Да я и не прошу, я пошутил, можно будет в самом деле начать понемножку.

— И самое лучшее. Тише едешь, дальше будешь...

«От того места, куда едешь», — злобно подумал про себя Гиршфельд.

— Лучше бы все-таки поступить на службу...

— Нет, нет, ни за что, и не говорите! — замахал руками Николай Леопольдович.

— Молчу, молчу...

Собеседники докурили сигары.

Николай Леопольдович встал и начал прощаться.

— Ну, подавай вам Бог счастья и успеха, — обнял его Константин Николаевич. — Вы не сердитесь?

— Помилуйте, за что же, ведь повторяю, я пошутил...

По уходе Гиршфельда, Константин Николаевич отправился в библиотеку, помещавшуюся за его личной столовой, и там застал Карнеева.

— Вы уж вернулись?

Иван Павлович смутился.

— Вы и не ездили? Почему же вы нас оставили?

— Простите, я буду откровенен, мне несимпатичен этот Гиршфельд.

— Напрасно, он милый малый, вы имеете к нему предубеждение.

— Не думаю! Впечатления, производимые на меня людьми, никогда меня не обманывали; к вам, например, он приходил сегодня занимать деньги для начала карьеры.

— Браво, да вы отгадчик, я этого за вами не знал. Денег, правда просил...

— И вы дали?

— Нет.

— Значит, рекомендовали Шестовой?..

— Какой вздор, я ему объяснил, так как перед тем, как просить у меня денег, он спраши-

вал, нет ли ему подходящего урока на лето, и он согласился со мной, что порядочный человек не примет такого места.

— Еще бы ему не согласиться с вами, да еще перед тем, как попытаться сделать у вас заем, а я так думаю, что он был бы самый подходящий учитель для княгини Шестовой и с удовольствием воспользовался бы нашей рекомендацией, засмеялся Иван Павлович.

— Нет, это уже слишком, вы сегодня не в духе и от того злы, и все вам представляются в черном свете… Гиршфельд молод, увлекается, но на заведомо бесчестный поступок он неспособен, я его знаю с детства…

— И идеализирую, как всех, по обыкновению… — перебил Иван Павлович.

— Ничуть.

— Поживем — увидим!

V
Роковой шаг

Пасмурный и недовольный вышел Николай Леопольдович из подъезда реального училища.

«Зажиревшее животное! Туда же нравоучения читает!» — ворчал он про себя, по адресу Константина Николаевича.

Подъезд училища был со двора.

Выйдя из ворот на Мясницкую, он вдруг остановился: гениальная мысль осенила его.

— В Северную гостиницу, гривенник! — крикнул он проезжавшему извозчику.

— Пожалуйте, — подкатил тот.

Гиршфельд сел в пролетку и через несколько минут уже входил в подъезд гостиницы, помещающейся близ Красных ворот.

— Княгиня Шестова в каком номере? — спросил он распахнувшего ему дверь швейцара.

— Номер первый, в бельэтаже.

— Дома?

— Только что приехать изволили.

— Судьба! — прошептал Николай Леопольдович, поднимаясь по лестнице. «Разве порядочный человек на это согласится!» — мелькнула у него в уме фраза Константина Николаевича.

— Идиот! — отправил он по его адресу.

Отыскав лакея, он вручил ему свою визитную карточку, на которой значилось: «Кандидат прав, Николай Леопольдович Гиршфельд. Помощник присяжного поверенного», и велел доложить о себе княгине.

Лакей вошел в номер и, выйдя через несколько минут, произнес:

— Пожалуйте…

Николай Леопольдович вошел в номер, тот же лакей снял с него пальто.

Атмосфера номера была насыщена тяжелым запахом косметики.

В первой комнате княгиня Шестова полулежала в кресле, удивленно глядя на поданную ей карточку Гиршфельда.

При его появлении в дверях, выражение удивления сменилось довольной улыбкой: она его узнала, но не подала вида.

— Извините меня, ваше сиятельство, что я

осмелился явиться к вам не будучи представленным, без рекомендательного письма, но счастливый случай привел меня сегодня к г. Вознесенскому, и я узнал от него после вашего отъезда, что вы нуждаетесь в учителе для вашего сына...

— Да, да, это ужасно, он положительно отказался рекомендовать... я в отчаянии... Садитесь, пожалуйста.

— Это и побудило меня явиться к вам предложить свои услуги... — произнес он, садясь в кресло.

— Вы хотите... сами?

— Сам. Я несколько недель как кончил университетский курс, во время же студенчества занимался педагогической деятельностью, и хотя теперь записался в помощники присяжного поверенного, но летом глухое время для адвокатуры, и я с удовольствием поехал бы на урок в деревню, отдохнуть... Занятие с детьми я считаю отдыхом, я так люблю их!

— Очень рада, очень рада, не знаю как и благодарить вас, вы так меня выручили! — подала ему руку княгиня.

— Ваша радость, ваше сиятельство, для меня лучшая благодарность, — с пафосом произнес он, медленно, с чувством целуя руку Шестовой.

На его губах остался целый слой душистой пудры.

— Зовите меня просто Зинаидой Павловной... Я чувствую, что мы будем друзьями.

— Много чести, ваше сият... Зинаида Павловна.

— Поговорим об условиях.

— Провести лето под одной кровлей с вами я согласен безусловно.

— О, да вот вы какой... шалун! — игриво произнесла Зинаида Павловна, и вырвав руку, которую тот все еще продолжал держать в своей, фамильярно ударила его по руке.

— Я говорю лишь то, что чувствую — недостаток молодости! — скромно произнес он.

— Скажите лучше достоинство... Но к делу!

Не прошло и нескольких минут, как разговор об условиях был окончен.

Княгиня сама предложила за занятия с одиннадцатилетним сыном двести рублей в месяц и сто рублей на дорогу взад и вперед.

Эти деньги она тотчас передала Гиршфельду.

Большего он не мог и желать и всеми силами старался скрыть свое удовольствие, принимая из рук княгини Зинаиды Павловны радужную бумажку.

— Прикажите дать расписку?

— Quelle bettise!.. Какие расписки... я вам верю...

Николай Леопольдович поклонился.

— Где же мой будущий ученик?

— Он уже в деревне, я отправила его третьего дня с Марго — это бедная племянница моего мужа, княжна Маргарита Дмитриевна Шестова. Она гостит лето у нас. Красавица в полном смысле этого слова. Смотрите, не влюбитесь, — сказала княгиня, играя глазами.

— Около вас, в другую! Это будет мудрено... — глядя ей прямо в глаза, развязно произнес он.

Зинаида Павловна снова заиграла глазами.

— О, да вы на самом деле опасный, а я в Москве одна.

Он скромно потупил глаза.

— Вы когда можете выехать?

— Когда вам будет угодно, я свободен.

— Я еду завтра, а вы выезжайте через два дня. По расчету времени, я вышлю лошадей на станцию.

— Хорошо-с! — произнес Николай Леопольдович и стал прощаться.

VI

Современная Мессалина

— Это еще не все условия и нечего убегать так скоро, — остановила его Зинаида Павловна. — Через несколько дней вы принадлежите всецело моему сыну, но сегодня я хочу, чтобы вы отдали ваше время мне.

Княгиня потупилась.

Николай Леопольдович чуть заметно улыбнулся и снова опустился на кресло возле нее.

— Это, конечно, не входит в круг принятых вами на себя обязанностей, и вы можете, если не пожелаете… отказаться…

Она взглянула на него исподлобья.

— Я лучше откажусь от всех обязанностей, чем отказаться от этой...

Он взял уже сам ее руку, лежавшую на столе, и снова прильнул к ней губами. Она не отнимала руки.

— Поболтаем, повеселимся вечерок, а там, в деревне, ни-ни, ни малейшей шутки. Мой муж слишком стар, чтобы не быть ревнивым. Поняли?

Он выразительно наклонил голову.

— Куда же мы поедем? Надо сперва пообедать, здесь так скверно кормят... — спросила она.

— В «Славянский Базар», а за обедом придумаем программу вечера.

— Дельно, позвоните, дружочек!

Николай Леопольдович встал и нажал пуговку электрического звонка. Явился лакей.

— Двуместную карету на целый вечер, самую лучшую! — приказала Зинаида Павловна.

— Прикажете сейчас, ваше сиятельство?

— Сию минуту.

— Слушаю-с.

Лакей вышел.

— Вы ни в кого не влюблены? — вдруг в упор спросила его Зинаида Павловна.

— До сих пор ни в кого не был... — подчеркнул он первую половину фразы.

— А в вас? Ведь вы такой хорошенький! — продолжала княгиня, глядя ему прямо в глаза.

Даже Николай Леопольдович смутился, но вскоре поправился.

— Не знаю, не интересовался... — небрежно произнес он.

— Не верю, — погрозила ему пальцем княгиня.

— Поверите, — уверенно произнес он.

— Посмотрим, — вздохнула княгиня. — Однако, я пойду поправлюсь и надену шляпку, извините.

— Помилуйте!

Княгиня исчезла за портьерой. Николай Леопольдович остался один.

Ощупав еще раз в жилетном кармане небрежно смятую им сторублевку и убедясь, что она в наличности, он самодовольно улыбнулся.

«На ловца и зверь бежит! — припомнилась ему пословица. — Что скажет Константин Ни-

колаевич, когда узнает?» — пришло ему на ум.

«Да, ну его!» — отогнал он от себя эту мысль и стал строить планы, один другого заманчивее.

«Нужно подделаться к старику и сделаться его поверенным. Если же он умрет (поскорей бы) — крупное утверждение в правах наследства, управление делами и именьями, можно даже жениться... Это худший исход... но все-таки».

— Экипаж подан! — прервал лакей его сладостные грезы.

Одновременно с этим приподнялась портьера и появилась княгиня в шляпе и накидке, натягивая перчатки.

— Едемте.

Николай Леопольдович, надев с помощью лакея пальто, последовал за княгиней.

— В «Славянский Базар»! — крикнул он кучеру, усадив княгиню и усаживаясь сам.

Карета понеслась.

После изысканного обеда в отдельном кабинете, обильно политого дорогими винами, в которых княгиня оказалась большим знато-

ком, они отправились в Петровский парк в Шато де-Флер.

Там царила тогда, только что входившая в моду, шансонетка.

Они заняли ложу.

Здесь Николая Леопольдовича ожидала неприятная встреча.

Он почувствовал на себе устремленный из партера взгляд.

Посмотрев вниз, он увидал смотрящего на него из первого ряда кресел Константина Николаевича.

Кровь бросилась ему в лицо — он невольным движением отодвинулся в глубину ложи.

«Нанесла нелегкая!» — подумал он про себя.

В шестом часу утра следующего дня карета с опущенными шторами отъехала от угла Софийки и Кузнецкого моста и проехав последний, Лубянку, Мясницкую, площадь Красных ворот, повернула за угол налево и остановилась у подъезда Северной гостиницы.

Из нее вышли Зинаида Павловна и Гирш-

фельд.

— Ты приедешь ко мне завтра обедать и проводить на вокзал? — спросила она его по-французски.

— Конечно, но это будет уже сегодня… — улыбнулся в ответ Гиршфельд.

— И то правда! — засмеялась она, и еще раз кивнув ему дружески головой, скрылась в подъезде.

Николай Леопольдович сел снова в карету, поднял шторы и приказал ехать на Бронную.

Карета покатила.

Он вынул бумажник и бережно раскрыл его.

В нем, кроме мелких депозиток, была уже не одна, а шесть радужных…

Он так же бережно уложил бумажник обратно и самодовольно закурил папиросу.

VII
Легенда старого парка

В качестве учителя сына Зинаиды Павловны и прибыл Гиршфельд, дня через три после происшедшего, на станцию Ломовис, где мы оставили его сидящим на станционной скамейке.

— Лошади готовы-с, ваше сиятельство! — крикнул над ухом задумавшегося Николая Леопольдовича станционный сторож.

Титул сиятельства приятно защекотал его слух.

Он быстро заменил приготовленную для сторожа мелочь рублевой бумажкой. Это не ускользнуло от внимания последнего.

— Саквояж позвольте, ваше сиятельство.

Гиршфельд важно подал ему саквояж и последовал за ним в подъезд станции.

У этого подъезда стояла прекрасная дорожная коляска английской работы, запряженная тройкой подобранных в цвет и в масть рыжих лошадей.

Молодцеватый молодой кучер, одетый в

нарядный ямщицкий костюм, в ухарски заломленной поярковой шляпе с павлиньими перьями, боком, по-ямщицки, сидел на козлах.

При появлении на крыльце Николая Леопольдовича, он почтительно снял шляпу.

— С приездом-с.

— Благодарствуй.

Подсаженный сторожем, довольным рублевкой, Гиршфельд важно развалился в коляске.

Кучер лихо ударил по лошадям.

Коляска понеслась.

Усадьба князей Шестовых лежала в одной из лучших местностей Т-ской губернии. Не говоря уже о том, что в хозяйственном отношении именье это было золотое дно — черноземная почва славилась своим плодородием, а «шестовская» пшеница всегда дорого стоила на рынке, — самое местоположение усадьбы было до нельзя живописно.

Господский каменный дом, окруженный громадными террасами, стоял на горе. Отлогий спуск последнего, достигавший до самой реки, протекавшей внизу, был занят частью

английским парком, а частью фруктовым садом, по соседству с которым находились богатые оранжереи, вверенные попечению искусного садовника, и бахчи, где произрастали арбузы, достигавшие в Шестове колоссальной величины.

Одна из оранжерей имела вид крытой галереи, спускавшейся от дома вниз к самой реке и оканчивавшейся роскошной купальней.

Рядом с английским парком было несколько десятин огороженного, чищенного леса, испещренного причудливыми дорожками и носившего название «старого парка».

В одной из задних аллей этого парка, посредине дорожки, почти у самой реки стоял огромный столетний дуб, ствол которого был огорожен железной, заржавевшей от времени решеткой.

Решетка была четырехугольной формы и на четырех углах ее было водружено по большому медному кресту.

Против самого дуба стояла поросшая мохом каменная скамейка, носившая название «скамейки старого князя».

На этом дубе по преданию, удавился один

из отдаленных предков князей Шестовых и в княжеском семействе сохранилась легенда, что перед каждым несчастием, грозящим княжескому роду, старого князя видят в полночь, сидящим на скамейке.

Место это, окруженное такой страшною тайною прошлого, было, конечно, совсем непосещаемо.

Некоторые смельчаки из дворни «на спор» ходили туда после полуночи, но всегда возвращались с искаженными от страха лицами и рассказывали, что слышали предсмертные стоны старого князя, сопровождаемые адским хохотом сидящих на ветвях дуба русалок.

По приметам стариков, никто из ходивших туда не доживал до нового года.

Легенда шла далее и объясняла причину княжеской смерти.

Удавился он не сам, а был повешен дьяволом на дубе, стоявшем у того места реки, где князь утопил несколько десятков своих крепостных любовниц, ставших русалками.

В реке, в этом месте, на самом деле был омут.

Место это так было проклято Богом и отда-

но Им во власть «нечисти», что против нее были даже бессильны водруженные одним из потомков старого князя кресты.

Так повествовали старожилы.

Прибавляли, что построивший решетку с крестами князь в день ее окончания был во время вечерней прогулки заведен нечистой силой на это место, избит старым князем и защекочен русалками.

На утро его нашли мертвым, изуродованным, лежавшим на каменной скамейке, со сложенными, как в гробу руками, но вместо образа на груди лежало осиновое полено.

Старый барский дом находился далее настоящего, как раз против старого парка, но в одну ночь сгорел до основания от неизвестной причины.

Во время этого пожара погиб, задохнувшись в дыму, другой потомок старого князя. Семья его и дворня едва успели спастись.

Это несчастье связано преданием также с таинственным дубом.

Потомок князя погиб в ту ночь, перед которой отдал приказание срубить «проклятый дуб».

Таким образом убийство и поджог, совершенные крепостными, выведенными из терпения самовластием и жестокостью помещиков, остались, быть может, по справедливости, безнаказанными, прикрывшись действиями таинственной силы.

Новый каменный дом был построен лет пятьдесят тому назад отцом настоящего владельца, но отделан заново и даже почти переделан этим последним после своей, по счету третьей, женитьбы, лет около двенадцати тому назад.

Громадный дом, со своими лепными карнизами, колоннами с причудливыми орнаментами, террасами с асфальтовым полом, уставленными летом тропическими растениями, утопающий в зелени, был великолепен.

Внутренне убранство вполне соответствовало наружному виду.

Чувствовалось, что утонченный вкус аристократа, с помощью бешеных денег, нашел возможность вполне удовлетвориться, создав такое роскошное палаццо.

Перед домом, со стороны дороги, был разбит парк с обширным цветником, в середине

которого находился громадный фонтан — колоссальный бронзовый лебедь с поднятой вверх головой.

Цветник-парк был окружен изящной железною решеткой с такими же воротами, от которых густая липовая аллея вела к парадному подъезду.

Надворные постройки, службы, людские помещались на другом дворе, отделенном от барского забором с воротами и калиткой.

За этим черным двором помещалась псарня, тоже на совершенно отдельном дворе — там жили охотники, егеря, доезжачие и благоденствовали стаи гончих и борзых.

VIII
Прошлое княгини

Все в княжеской усадьбе напоминало старое помещичье, доманифестное время, а сам хозяин-помещик, князь Александр Павлович Шестов, истый представитель этого времени, один из его «последних могикан», совершенно гармонировал со всей окружающей, созданной им обстановкой.

Князь Александр Павлович Шестов был старик лет семидесяти восьми, небольшого роста, подвижной, но за последнее время заметно ослабевший.

С подстриженными под гребенку, седыми как лунь волосами, всегда тщательно выбритый «по-актерски», одетый постоянно летом в чесунчовую пару, а зимой в черный драповый костюм, он с пяти часов утра уже был на ногах, ведя таким образом совсем иную жизнь, нежеле знакомая уже нам супруга его, княгиня Зинаида Павловна, и не изменял своих привычек ни для каких гостей, которыми дом Шестовых, кстати сказать, был всегда пе-

реполнен.

Княгиня вставала в два часа дня и пила утренний чай в голубой гостиной, муж же в это время уже обедал.

Настоящий же обед обыкновенно был сервирован к шести часам вечера и заменял князю ужин, который для княгини и прочих подавался в час ночи.

Свой ежедневный режим княгиня также не изменяла для гостей, которые, по большей части соседние помещики и губерские власти, по несколько дней гостили в Шестове, ведя себя совершенно как дома, заказывали себе в какое хотели время завтраки (два повара, один переманенный князем из клуба, а другой старик, еще бывший крепостной, работали, не покладая рук, в обширной образцовой кухне), требовали себе вина той или другой марки из переполненных княжеских погребов, не мешали хозяевам, а хозяева не мешали им, и обе стороны были чрезвычайно довольных друг другом.

Лишь к обеду княгини, или ужину князя все обязательно сходились к столу, по бокам которого, кроме нескольких лакеев, два ка-

зачка с громадными веерами из павлиньих перьев, отгоняли летом от обедающих назойливых мух.

Появление к ужину, как и к завтраку, не было обязательно.

Приглашение же к утреннему чаю княгини считалось особой милостью и знаком высшего расположения.

Одиннадцатилетний князек Владимир, зимой учившийся в Москве (князь и княгиня безвыездно жили в усадьбе, причем последняя, и то в последние годы, изредка выезжала в губернский город и еще реже в Москву), а летом отданный на попечение дядьки и приглашаемого студента, завтракал в два часа, обедал со всеми и не ужинал, так как в одиннадцать часов ложился спать.

Такова была внутренняя жизнь в усадьбе князей Шестовых.

С внешностью и некоторыми нравственными чертами личности княгини Зинаиды Павловны мы уже отчасти знакомы.

Княгиней Шестовой сделалась она, что называется, «фуксом», при следующих обстоятельствах.

Она была единственной дочерью одного из т-ских губернских чиновников не из крупных.

Рано лишившись матери, вкусив несколько от французской премудрости в местном пансионе, открытом француженкой эмигранткой, она семнадцати лет был полной хозяйкой и распорядительницей в отцовском неказистом домишке. Природа наделила ее выдающейся красотой, а пансионское воспитание склонностью к несбыточным мечтам и способностью строить воздушные замки, не вложив в молодое сердце никаких устойчивых нравственных правил.

При этих условиях жизнь в доме отца, понятно, показалась ей неприглядной, и она с нетерпением стала ожидать жениха, но непременного «самого красивого и самого богатого», который мог бы ей построить пышные чертоги из бирюзы и янтаря, или, по меньшей мере, всю осыпать бриллиантами.

В таких ожиданиях прошло несколько лет.

Женихи губернские, принадлежавшие к чиновной иерархии, некоторые даже стоявшие на довольно высоких ступенях, встречая

презрительный отказ разборчивой невесты, отступились и поженились на менее требовательных губернских и даже столичных барышнях.

Зинаиде Павловне Введенской (такова была фамилия ее отца) наступил уже двадцать второй год, но достойный претендент не являлся.

Разочарованная ли судьбою, утомленная ли долгим ожиданием, или же под влиянием страсти, но только в один прекрасный день, или лучше сказать вечер, она убежала из родительского дома с сыном и наследником неизмеримых богатств незадолго до того отошедшего к праотцам местного откупщика.

Побег дочери сильно повлиял на старика отца. С горя и одиночества он запил, потерял место и через несколько месяцев умер, оставив в наследство дочери обремененный закладными дом, вскоре, впрочем, проданный с аукционного торга.

Зинаида Павловна. Введенская жуировала в это время со своим обожателем в Париже.

Этот последний тратил на нее безумные деньги, почти весь доход с громадных наслед-

ственных капиталов, словом, великодушно предлагал свое сердце и кошелек, но благоразумно воздерживался от предложения своей руки, на что в начале она сильно рассчитывала.

Увидав вскоре всю тщету этой надежды, она ловко выманила у своего обожателя несколько сотен тысяч и дала ему полную отставку, сойдясь, как рассказывали одни, с прогоревшим маркизом, а другие — с оперным певцом.

Сынок откупщика, которому его пассия уже успела приесться, был не особенно тронут ее коварной изменой и, пожуировав несколько времени с пикантными француженками, спокойно уехал в любезное отечество, женился на дочери одного московского коммерческого туза и зажил в первопрестольной столице.

Скандальная хроника заграничных газет была несколько лет подряд наполнена описаниями aventures d'une dame russe m-me Vedenski — как в Париже, так и в разных модных курортах.

Рассказывали, что после нескольких лет

безумной жизни с переменными обожателями (маркиз или, по другой редакции, оперный певец, вскоре был тоже отставлен), Зинаида Павловна, обобрав изрядно напоследок сына одного московского миллионера и пожуировав еще года два на денежки этого «московского саврасика», возвращенного с помощью русского посольства из «угарного» Парижа в отцовский дом в Замоскворечье, с оставшимися крохами, но со множеством сундуков и баулов, наполненных парижскими туалетами, благополучно возвратилась в свой родной город Т.

Ей было в это время уже за тридцать лет.

IX
На родине

Наняв и обмеблировав весьма скромно, но изящно небольшую квартирку возле собора и губернского дома, Зинаида Павловна взяла себе в компаньонки бедную вдову-чиновницу, очень чистенькую и приличную старушку, и зажила уединенно, не ища знакомств, посещая аккуратно церковные службы в соборе.

Мужское население города было без ума от сохранившейся красивой «русской парижанки», как окрестили Зинаиду Павловну в Т., но ни один из кавалеров города, несмотря на все ухищрения, не мог завязать с ней даже мимолетного знакомства.

Такое поведение приезжей вызвало одобрение со стороны «губернских дам».

Романтическая дымка, накинутая на прошлое m-lle Введенской, ее парижские туалеты, подобных которым не было даже у законодательницы губернской моды — губернаторши, баронессы Ольги Петровны Фальк,

особенный кодекс губернской нравственности, беспощадно бичующий малейшие проступки, совершенные на родной почве, и снисходительно относящийся к заграничным грешкам, сделали то, что начальница губернии в одно из воскресений первая завязала в соборе знакомство с Зинаидой Павловной и пригласила ее в следующий вторник на «чашку чаю».

Весть об этом облетела моментально весь губернский бомонд, да и сама губернаторша поспешила объехать «свой круг», как она выражалась, и сообщить о причинах такого ее поступка.

— Все же, — ораторствовала Ольга Петровна в салонах губернских дам, — она наша, из бюрократии (Ольга Петровна никогда не говорила чиновник, а заменяла это слово словом бюрократ), дочь надворного советника, ведет себя уже с полгода прекрасно, скромно, а если что и было там, a l'étranger... ca ne nousregarde pas...

Губернские дамы хором согласились с мудростью баронессы и прием Зинаиды Павловны в высший свет города Т. состоялся с пом-

пою.

Князь Александр Павлович Шестов, служивший в молодости по дипломатической части, но уже давно вышедший в отставку и проживающий в Москве, незадолго перед торжественным возвращением заблудшей овцы в губернское стадо, потерял свою вторую жену, с которой прожил около десяти лет, и приехал погостить в город Т., близ которого лежало его большое родовое именье, и в котором жил его младший брат, вдовец, с двумя маленькими дочерьми.

Состояния братьев были различны, как были различны и их характеры.

Александр Павлович хотя и любил пожить широко, но был рассчетлив и не выходил из бюджета.

Он увеличил при этом свое наследственное состояние двумя выгодными женитьбами и был миллионером.

Брат же его, Дмитрий Павлович, служивший в молодости в гусарах и кутивший, что называется, во всю ширь русской натуры, уступил даже часть своего родового именья своему расчетливому братцу за наличные,

увлекся, когда ему было за пятьдесят и он был полковником, во время стоянки в Варшаве, безродной красавицей полькой, женился на ней, и, едва сохранив от своего громадного состояния несколько десятков тысяч, после четырех лет роскошной жизни уже с женой, вышел в отставку и приехал с ней и четырехлетней дочкой Маргаритой в Т., где купил себе одноэтажный деревянный домик, записался членом в клуб и стал скромным семьянином и губернским аристократом.

Через год после приезда, над князем Дмитрием разразился удар судьбы.

Его ненаглядная Стася, так звал он свою жену, Станиславу Владиславовну, умерла в родах, подарив ему вторую дочку, Лидию.

Дмитрий Павлович дал у постели умирающей жены клятву остаться неутешенным вдовцом и сдержал ее, что было тем легче, что ему уже в то время кончался шестой десяток.

Старик боготворил своих дочерей, из которых старшей ко времени приезда дяди шел уже девятый год, а младшей исполнилось четыре.

Старушка няня, единственная крепостная князя Дмитрия, на попечение которой отданы были обе малютки, помещалась вместе с девочками в детской, рядом с кабинетом и спальней отца, которого после смерти жены подагра стала часто и надолго приковывать к постели и креслу на колесах.

В доме этого-то брата и остановился Александр Павлович, решивший пробыть в Т. около месяца, а затем уехать в деревню.

Это было в конце марта.

На одном из губернаторских вторников, он встретился с Зинаидой Павловной, и эта встреча решила его судьбу.

Несмотря на то, что ему в то время было шестьдесят шесть лет, он был еще бодрый старичок.

Женившись оба раза по холодному расчету, он в жизни не испытал любви, и крылатый божок, хотя и поздно, но очень сильно ранил его в сердце.

Пожелав быть представленным, он на другой же день сделал визит m-lle Введенской и был положительно очарован «русской парижанкой».

В это время Зинаиду Павловну уже окружил рой поклонников, с губернатором, бароном Фальк, во главе, но чаще других бывал у нее, даже запросто, молодой чиновник особых поручений при губернаторе, барон Павел Карлович Фитингоф, выразительный брюнет, окончивший года с два курс в одном из привилегированных заведений Петербурга. Зинаида Павловна, видимо, отличала его из толпы своих поклонников, но насколько реально было это отличие, могла знать разве лишь наперсница ее Анна Ивановна (так звали компаньонку-чиновницу). Последняя, впрочем, относительно своей благодетельницы была нема, как рыба, хотя относительно других дам язычок ее можно было сравнить со змеиным жалом.

X
Ловушка

Князь стал настойчиво ухаживать, и ухаживанья его оказались далеко не противны.

Ему сделали сперва тонкий намек на возможность взаимности.

Затем дали еще более реальные доказательства.

Князь утопал в блаженстве, тем более, что это ему ничего не стоило.

От него не принимали даже мелких подарков.

Считая все это не более, как мимолетной светской интригой, он и не подозревал западни.

Однажды торжествующий ехал он провести tеté-a-tеté с обворожительной Зизи.

Он застал ее расстроенною, с заплаканными глазами.

Князь вспомнил своих двух жен и поморщился.

— Что с вами, ma chérie? — осведомился он.

— И он еще спрашивает! — откинулась на спинку дивана Зинаида Павловна и истерически зарыдала.

Князь растерялся.

Припадок истерики ослабел и она томно сообщила князю, что почувствовала себя матерью.

— Vous comprenez, — заметила она ему, — что мне остается только умереть, и я умру. Я увлеклась вами и поплачусь за увлечение. Я откроюсь только одному моему искреннему другу, madame la baronne, с тайной от нее я не лягу в гроб, а затем я умру.

Припадок истерики повторился.

Князь был ошеломлен.

Две первые жены снова пришли ему на память.

Князь задрожал. Перспектива открытия тайны madame la baronne, то есть Ольге Петровне Фальк, была равнозначна открытию ее целому городу, сделаться басней которого князю не хотелось.

Положение отца хотя и было сомнительного качества, но все же приятно щекотало самолюбие князя. От двух первых жен у князя

детей не было.

— Зачем же умирать? Мой ребенок, — князь подчеркнул слово «мой» — будет законный. Я имею честь предложить вам руку и сердце.

— Князь, вы благородный человек, я еще более люблю вас, если можно любить более... — упала она в его объятия.

Припадки истерики прекратились.

Через полчаса невеста с женихом уже весело болтали за чаем в столовой.

В передней раздался звонок.

— Ее превосходительство, баронесса Ольга Петровна Фальк, — доложил вошедший лакей.

Следом за ним в дверях появилась баронесса. Она приехала по приглашению Зинаиды Павловны, но увидав нарушенное ею tetè-a-tete, остановилась.

— Coyez la bienvenue! — бросилась ей навстречу хозяйка.

— Je ne vous empêche pas? — с язвительной улыбкой спросила гостья.

— Представляю, баронесса, сказала вместо ответа Зинаида Павловна, — моего жениха.

Князь сегодня сделал мне предложение, и я приняла его. Вас я прошу быть посаженной матерью. C'est comme ca gu'on dit?

— Enchante! — заявила баронесса и бросилась целовать Зинаиду Павловну.

— Поздравляю, князь, не долго повдовели, быстро нашли достойный вас бриллиант! — обратилась она к князю с худо скрываемым сарказмом. Она рассчитывала на него для одной из своих племянниц, которую нарочно выписала из Петербурга.

Князь молча поклонился.

Свадьбой поспешили, но все-таки справили ее с подобающей торжественностью.

Князь был мрачен.

Барон Фитингоф, бывший шафером у невесты, лукаво улыбался.

В общем все были довольны выдающимся для провинции праздником и до упаду танцевали на свадебном балу в губернаторском доме.

Рассчитывали, что в городе прибавится богатый дом, но расчеты эти оказались неосновательными.

Князь на другой же день после свадьбы

увез свою молодую жену в деревню, где и поселился безвыездно, держа ее буквально взаперти, хотя и окружая всевозможной роскошью.

Он оказался странным ревнивцем.

Происходила ли эта ревность от самолюбия, или любви — об этом знал один князь.

Через семь месяцев после свадьбы княгиня Шестова благополучно разрешилась от бремени наследником титула и богатств князей Шестовых, князем Владимиром.

Компаньонка Зинаиды Павловны не была взята князем в деревню и перешла в дом князя Дмитрия Павловича, на место умершей няни, и стала ходить за детьми князя и заведывать его хозяйством.

Только за последнее время князь, удрученный старческими недугами, дал своей жене относительную свободу.

Мы видели, как она пользовалась ею.

Год рождения у князя сына почти совпал с годом освобождения крестьян от крепостной зависимости.

Ярый крепостник, князь не хотел этому верить и продолжал командовать над крестья-

нами по-прежнему. Много возни было княгине, чтобы заставить его подписать уставную грамоту.

Надо было действовать хитростью.

Свободная прислуга получала от княгини особое жалованье за перенесение побоев арапником, с которым не расставался князь.

Выдавались также единовременные вознаграждения и побитым временнобязанным.

Два мужика в деревне служили по найму. Их обязанностью было позволять себе сечь на конюшне за провинившегося перед помещиком.

Ревность к жене и сохранение во всей неприкосновенности помещичьей власти сделались двумя пунктами положительного помешательства год от году стареющего князя.

Гости тоже стали ездить в Шестового только за последние годы.

Прежде князь слыл далеко не гостеприимным хозяином.

XI
Марго

В то лето, когда в усадьбу князей Шестовых приехал новый, приглашенный к князю Владимиру, учитель Николай Леопольдович Гиршфельд, княжна Маргарита Дмитриевна Шестова, племянница князя Александра Павловича, гостила, как нам известно со слов княгини, в усадьбе.

Последняя, сказав, что Марго была красавица в полном смысле этого слова, ни мало не преувеличивала.

Высокая, стройная княжна, несмотря на крайне простой и всегда весьма недорогой костюм, поражала с первого взгляда своим врожденным изяществом.

Изящество это было именно врожденное, от которого княжна старалась, но часто весьма неискусно, отделаться, считая его аристократизмом, проявление которого она ненавидела, как ей, по крайней мере, казалось, от всей глубины своей души.

Черные как смоль волосы с синеватым от-

ливом, цвета вороньего крыла, всегда с небрежно сколотой на затылке роскошной косой, оттеняли матовую белизну ее лица с правильными, но нерусскими чертами, лучшим украшением которого были большие, выразительные, по меткому определению одного заезжего в Т. генерала агатовые глаза, смотревшие смело, бойко и прямо при обыкновенном настроении их владелицы.

В минуты же какого-нибудь расстройства, потрясения, или глубокой задумчивости, глаза эти направлялись на одну точку и приобретая вид стеклянных, делались страшными. В минуты же раздражения в них быстро мелькал какой-то зеленый огонек.

— Сверкнет глазами, как змееныш! — говаривала еще в детстве про нее старая нянька.

Лучшего определения нельзя было и подобрать для безумно дикого блеска глаз княжны Маргариты Дмитриевны в минуты раздражения.

Верность основного правила народной физиономистики, что глаза есть зеркало души, находила себе полное подтверждение в применении к ней.

Как изменчиво было выражение этих глаз, как резки были в них переходы от выражения к выражению, так непостоянен и порывист до резкости был характер старшей племянницы князя Александра Павловича.

Княжна Маргарита была вообще странная девушка.

Ее взгляды, ее мнения, весь склад ее характера носили отпечаток чего-то неустановившегося, несмотря на сравнительно зрелый ее возраст, в ней было что-то ребяческое.

Она, как молодое вино, еще все бродила.

Казалось, она искала чего-то, к чему-то стремилась.

Но чего она ищет, к чему стремится, она сама едва ли могла дать себе отчет, или, лучше сказать, она боялась признаться даже самой себе в истинной цели своих стремлений.

Цель эта была — исканье во что бы то ни стало превосходства над другими, блеска, владычества.

С одной стороны она сознавала всю неприглядность, всю мелочность, всю суету такой неутолимой тщеславной жажды, стараясь не признаваться в ней даже самой себе, объяс-

няя свои поступки, для которых эта жажда была единственным рычагом, иными, более благовидными и даже высокими мотивами, как желание учиться, любовь к ближним и тому подобное, а между тем, с другой, чувствовала, что эта жажда растет, настойчивее и настойчивее требует своего удовлетворения, и «годы», выражаясь словами поэта, «проходят, все лучшие годы».

Все средства испробованы, а цель остается такой же далекой, как и в начале.

Этот-то разлад с самой собой, эта-то неудовлетворенность и сделали то, что княжна Маргарита Дмитриевна казалась для окружающих ее загадочной натурой, странной девушкой.

Мнения о ней, среди встречавшихся с нею людей, были весьма различны, смотря по тому, в какой фазис ее жизни и деятельности они встретили ее, а этих фазисов было много, и они тоже были весьма и весьма различны.

Князь Александр Павлович со свойственной ему резкостью называл ее «искательницей приключений» и вообще недолюбливал, объясняя даже привязанность к ней княгини

русской пословицей «рыбак рыбака видит издалека». Княжна Маргарита платила дяде за антипатию антипатией, хотя, проводя лето в усадьбе, старалась всячески угодить ему и даже умеряла при нем резкость манер, особенно шокировавшую старого аристократа.

Но это «лебезенье», как окрестил князь ухаживанье за ним племянницы, не примиряло с ней князя.

XII
Княжна Лида

Любимицей Александр Павловича была младшая его племянница, Лида. Ей уже исполнилось шестнадцать лет.

Княжна Лидия была и по наружности, и по характеру полною противоположностью своей старшей сестры.

Совершенная блондинка, с золотисто-льняным цветом роскошных волос, с миниатюрной, но изящной фигуркой, прелестным личиком прозрачной белизны и нежным румянцем, с ангельским, каким-то не от мира сего выражением, она была бесконечно доб-

рой девушкой, обожающей своего старого отца и довольной своим положением, находясь за последние годы безотлучно при нем, так как он уже несколько лет не сходил с кресла на колесах, и ведя все домашнее хозяйство.

В этом отношении она была искусницей, и весь дом буквально лежал на ней, так как Анна Ивановна (бывшая компаньонка-чиновница Зинаиды Павловны) умерла года за три до этого времени.

Заботы о больном отце и по хозяйству препятствовали княжне Лиде погостить в дядиной усадьбе со дня смерти Анны Ивановны.

Это очень огорчало Александра Павловича, изредка наезжавшего в город к брату и непременно чем-нибудь дарившего свою любимицу.

Об этих, иногда очень дорогих, подарках знала княжна Маргарита Дмитриевна, и это предпочтение ей «княжеской экономки и сиделки», как в минуты раздражения называла она свою сестру, глубоко уязвляло ее бесконечное самолюбие. Подачки княгини Зинаиды Павловны не могли в этом случае не только удовлетворить, но даже мало-мальски уте-

шить ее.

Отношения ее к старику-отцу были более чем хладнокровные.

Это происходило от того, что младшая, Лида, потерявшая мать в момент рождения, естественно вызывала более забот о себе и более нежности к себе со стороны овдовевшего князя Дмитрия Павловича, безумно любившего так безвременно утраченную им жену.

Лида, похожая на него, была в его уме лучшим доказательством того, что покойница любила его — так, по крайней мере, казалось неутешному вдовцу. Маргарита же, похожая на мать, вызывала в нем горькое воспоминание об утрате.

Быть может это было не логично, но это было так.

Княжна Маргарита еще ребенком чувствовала, что отец любит ее менее сестры, и из самолюбия сама отдалялась от него, не жалуя, конечно, и свою маленькую соперницу.

С летами индиферентизм к отцу и неприязнь к сестре увеличились, но к последней она старалась относиться с покровительственной нежностью.

Восторженная Лида платила своей красавице сестре, как она ее называла, чуть не поклонением.

Она и не подозревала в невинности своей души, что можно было говорить одно, а чувствовать другое.

В ее глазах красавица Марго была лучше, умнее и ученее всех.

Еще в местном пансионе, где учились обе сестры, конечно, в разных классах, ее сестра была лучшей ученицей.

По выходе же из этого пансиона, княжна Маргарита Дмитриевна засела за книги — пополнять недостатки, по ее мнению, пансионского образования, а затем укатила в Москву и Петербург, где была на каких-то высших курсах.

В родительский дом возвращалась она не надолго, часто лишь по пути в Шестово, окруженная для Лиды ореолом высшей учености и ума.

Лида же с детской радостью встретила желанный день окончания пансионской премудрости и отдалась всецело попечениям о больном отце и хозяйстве.

Где только не побывала, чему только не училась и чем только не занималась за четыре года, прошедшие со дня окончания пансионского курса, княжна Маргарита Дмитриевна.

В этой погоне за знанием, в этом искании женского самостоятельного труда были, как и в остальных ее поступках та же порывистость, то же непостоянство.

Видно было, что ни знание, ни труд не удовлетворяли ее сами по себе, что она видела в них лишь средства к какой-то другой намеченной ею цели, но увы, эта цель этими средствами не достигалась, и несчастная княжна, как шальная, металась из стороны в сторону.

XIII
В Шестове

Тридцатипятиверстное расстояние от станции железной дороги до усадьбы князей Шестовых, сплошь по шоссе, в покойном экипаже и на отличных лошадях Николай Леопольдович проехал почти незаметно, углубленный в свои мысли.

Мысли эти были довольно тревожны.

Предстояла встреча с мужем княгини, который был нарисован последней далеко не в привлекательных красках.

Надо суметь ему понравиться, отвести ему глаза, не выказывая своим поведением и недовольства княгини.

Положение было из затруднительных.

Русский народ очень метко определяет его пословицей: «не довернешься — бьют и перевернешься — бьют».

Образ красавицы княжны, с которой ему придется провести целое лето под одной кровлею, тоже против его воли приходил ему на память, создавался в его воображении по

рассказам княгини, в пленительных красках.

Николай Леопольдович, несмотря на высказанные им по этому поводу Зинаиде Павловне взгляды, был очень падок до красивых женщин, называя их «лакомыми кусочками».

С этой стороны, значит, тоже представлялась опасность рассердить княгиню и впасть в немилость.

В результате, весь задуманный план мог расстроиться.

Было о чем подумать, чтобы все предусмотреть и выйти из этого затруднения, выражаясь языком древних спартанцев — «со щитом, а не на щите».

Погруженный в эти размышления, он очнулся лишь тогда, когда экипаж завернул в ворота господского дома и покатил по липовой аллее.

Гиршфельд посмотрел на часы. Было четверть второго. Экипаж подкатил к крыльцу, на которое выскочил лакей и помог приезжему выйти из коляски.

— Пожалуйте в приготовленные для вас комнаты! — почтительно заявил он. Николай Леопольдович последовал за ним.

Лакей по входе в парадное крыльцо, повернул направо и спустившись на несколько ступеней вниз, ввел его в светлый коридор с окнами с правой стороны, кончавшийся вдали стеклянной дверью, ведущей в сад; с левой стороны было двое дверей, первые они прошли.

— Апартаменты молодого князя, — зачем-то счел нужным доложить лакей, указывая на них.

Перед Николаем Леопольдовичем он распахнул вторые двери. Приготовленное для него помещение состояло из двух комнат, с маленькою передней, весьма обширных, прекрасна отделанных и меблированных. Первая видимо предназначалась для кабинета и классной, так как в одном углу стоял школьный пюпитр и шкаф с книгами, по стенам была развешены географические карты и учебные картины, а вторая — для спальни. Там стояли: прекрасная, пышная кровать, мраморный умывальник, туалетный столик с зеркалом и всеми туалетными принадлежностями. Окна обеих комнат выходили в сад. Такая роскошная обстановка его будущего жи-

лица была для Николая Леопольдовича приятною неожиданностью.

Следом за вошедшими, другой человек внес чемодан приезжего.

— Ты, Петр, будешь служить барину, — обратился к вошедшему первый лакей, и направился к двери.

— Слушаю-с! — осклабившись отвечал Петр и бросился помогать раздеваться Николаю Леопольдовичу.

Петр был расторопный, молодой парень, с добродушным лицом, но хитрым выражением бегающих глаз.

Быстро распаковал он, по приказанию Гиршфельда, чемодан, уложил белье и платье по местам, и все было уже прибрано, а самый чемодан вдвинут под кровать, когда Николай Леопольдович окончил умываться.

Едва он успел с помощью Петра одеться, как вошел первый лакей.

— Его сиятельство, князь Александр Павлович просит вас на террасу.

— Сейчас! — ответил он, осматривая последний раз себя в зеркало.

«Пронеси, Господи!» — подумал он про се-

бя и последовал за лакеем.

Тот распахнул ему дверь, ведущую в сад, и указал рукой налево:

— Пожалуйте!

Гиршфельд очутился перед лестницей, ведущей на верхнюю террасу... Твердою поступью стал он подниматься по ней... Сердце его, впрочем, сильно билось.

— Добро пожаловать! — раздался старческий голос князя, вставшего со стула, на котором он сидел у ломберного стола, следя за игрой четырех посторонних лиц, поднявших при словах князя от карт свои головы, мельком взглянувших на вошедшего и снова углубившихся в игру.

В руках князя был не покидавший его арапник.

Ломберный стол стоял в глубине террасы влево; вправо, ближе к балюстраде, было несколько железных садовых столов, стульев и кресел. На одном из них сидела с книжкою в руках и княжна Маргарита, положившая при появлении Гиршфельда книжку на колени и устремившая на него в упор взгляд своих больших глаз.

У ее ног, сидя на скамейке, играл с огромным догом пепельного цвета худенький, тщедушный, черномазенький мальчик, одетый, как и старый князь, в чесунчовую пару. Это и был будущий ученик Гиршфельда, князь Владимир.

Гиршфельд сделал общий поклон и подошел к князю, который подал ему руку.

— Кандидат прав, Николай Леопольдович Гиршфельд.

— Очень приятно, очень приятно, — повторил князь, — прошу любить и жаловать... Володя! — обратился к сыну князь.

Тот встал с пола и подошел.

— Вот и ваш ученик, держите его построже, способен, но ленив, маменькин сынок, баловень.

— Надеюсь, мы не будем лениться, вместе будем работать, вместе гулять, — пожал Гиршфельд худенькую ручку князя Владимира.

— А вот имею честь представить княжна Маргарита Дмитриевна, моя племянница, это уже не кандидат, а магистр, или даже, пожалуй, доктор всех наук, с ней держите ухо вост-

ро, всю премудрость наших дней изучила и все еще находит недостаточным, — ядовито заметил князь.

Николай Леопольдович почтительно поклонился и мельком взглянул на лежащую на коленях княжны книгу — это была «Логика» Милля, с примечаниями Чернышевского.

Княжна бросила чуть заметный враждебный взгляд в сторону князя, подала руку Николаю Леопольдовичу и крепко, по-мужски, пожала его руку.

Князь, со своей стороны, покосился на это пожатие.

Княжна снова углубилась в чтение.

«Как хороша!» — мысленно сказал себе Николай Леопольдович и подавил в себе вырывавшийся безотчетный вздох.

— Однако, соловья баснями не кормят. С дороги, чай, проголодались? Пойдемте завтракать; Володя, и ты.

Николай Леопольдович с Володей последовали за князем в столовую.

— Я, собственно говоря, в это время обедаю, а когда вы будете обедать, то я уже ужинаю, потому в восемь часов вместе с курами

ложусь спать... За то встаю в пять часов утра, а иногда и раньше. В деревне так и следует, а вот моя любезная супруга... вы, кажется, с ней знакомы? — вопросительно взглянул князь на Николая Леопольдовича.

— Имел честь быть представленным ее сиятельству и даже несколько минут говорить с ней у Константина Николаевича Вознесенского, чьей рекомендации обязан я удовольствием беседовать теперь с вашим сиятельством.

Ответ, видимо, пришелся князю по вкусу.

— Так вот с ее сиятельство, — продолжал князь, делая ударение на титуле, — теперь, т. е. в два часа, только что изволит оканчивать свой утренний туалет, а потом пить свой утренний чай, понятно, что обед ее совпадает с моим ужином, а ужинает она тогда, когда я уже третий сон вижу.

Пройдя несколько роскошно меблированный комнат, они вошли в обширную столовую, где был сервирован для князя Александра Павловича обед, а для других обильный завтрак.

— Игроки наши и про еду забыли, — засме-

ялся Александр Павлович, ну, проголодаются, придут.

Николай Леопольдович тоже, на самом деле проголодавшись с дороги, с удовольствием принялся за завтрак.

Княжна появилась вскоре в столовую и села против него.

Немного спустя, появились один за другим и игравшие на террасе гости. Князь поочередно представил им прибывшего.

Один из них был местный земский врач Август Карлович Голь, тучный блондин с красноватым носом, красноречиво говорившим о том, что обладатель его не любил выпить. Он был постоянным врачом самого князя, которому, и то за последний год, приписывал лишь один опиум, без приема нескольких капель которого князь не мог заснуть.

Ежемесячно он посещал Шестово, так как в селе был врачебный пункт, и гостил дня три, четыре, проводя, впрочем, все время за карточным столом в княжеской усадьбе.

С больными же крестьянами орудовал приезжавший с ним фельдшер. Особенное свойство Августа Карловича было то, что он

часто допивался до красной собаки и это было уже высшим пунктом его опьянения.

— Вертится, подлая, у меня под ногами, лягу — на грудь лезет, руки лижет, просто беда, не отгонишь! — рассказывал он про это виденье.

Второй был судебный следователь, Сергей Павлович Карамышев, имевший резиденцию в отстоящем верстах в сорока от Шестова торговом селе. Он был уже старик, лет пятидесяти, с выбритыми усами и подбородком и небольшими седыми министерскими баками. Следователем он служил уже давно, еще по наказу и остался вместе с очень немногими по введении судебной реформы, которой, кстати сказать, был очень недоволен и вел постоянную войну с прокурорским надзором, окружным судом и судебною палатою, что, впрочем, в виду того, что он был утвержденным следователем, благополучно сходило ему с рук. Оригинал он был страшный и летом переносил свою канцелярию из занимаемого им помещения в приобретенную им лагерную палатку на берег реки, заставляя своих двух рассыльных поочередно сторожить дела,

а сам на несколько дней отлучался в Шестово перекинуться в картишки, до которых он был страшный охотник. Дома принимала пакеты и вела книги его жена, в экстренных случаях присылавшая за мужем. У ней же хранились, подписанные им на всякий случай бланки, в которые она вписывала тексты ответных бумаг, из обыденных. В деле исправления должности следователя ей помогала и старшая дочь Леночка, угреватая девица лет двадцати трех. Кроме Леночки, у Карамышева было двое сыновей, они учились в Т-ской гимназии, на вакациях же предавались полной свободе.

Остальные двое были соседние помещики из небогатых: Василий Васильевич Бурбанов и Владимир Павлович Кругликов. Они оба, но их откровенному признанию, отдыхали в Шестове от семейного содома... Их обоих Бог наградил многочисленным потомством обоего пола. Владимир Павлович был, кроме того, страстным охотником и, как следует быть, вдохновенным лжецом.

Князь Александр Павлович всегда с особенной серьезностью, выслушивал его ро-

сказни и тем придавал ему еще более духу.

О нем, между прочим, ходил следующий анекдот: однажды в Шестове он рассказывал о том, как раз он ехал где-то в Северо-Западном крае по местности, отличающейся обилием волков.

— Еду это я, — повествовал Владимир Павлович, — вдруг двадцать волков...

— И вы не боялись? — с участием спросил Александр Павлович.

— Нет, со мной был револьвер... — спокойно ответил тот.

Окружающие расхохотались.

Владимир Павлович обиделся.

Гости, после взаимного пожатия рук с Николаем Леопольдовичем, уселись за стол и принялись истреблять приготовленные яства.

XIV
Успех

— Ее сиятельство, княгиня Зинаида Павловна просит Николая Леопольдовича пожаловать к ней кушать чай! — доложил вошедший лакей.

Гости переглянулись с улыбкой.

Князь Александр Павлович нахмурился.

Николай Леопольдович, сидевший рядом с Володей и уже дружески болтавший с ним, заметил произведенное докладом лакея впечатление, и громко проговорил, обращаясь к мальчику:

— Пойдемте вместе к мамаше, чтобы она могла видеть, что мы не только познакомились с вами, но и подружились.

Князь Владимир удивленно посмотрел на своего учителя, но последовал за ним.

Лицо князя просияло.

Гости уткнулись в тарелки.

Княжна Маргарита проводила Николая Леопольдовича долгим взглядом.

— Прекрасно воспитанный молодой чело-

век, — заметил авторитетно князь, когда сын с учителем вышли. — Студент, а какая выдержка; кажется, даже из жидков, а какие манеры...

Княгиня, только что спустившаяся сверху, где да антресолях находились ее апартаменты, пила, по обыкновению, чай в угловой голубой гостиной. Чай был сервирован роскошно: серебряный самовар, такие же поднос, чайник, сухарница, полоскательная чашка и японский сервиз красиво выделялись на белоснежной скатерти. Сама княгиня в белом, шитом утреннем платье полулежала на кушетке с папиросой в руке. Недопитая чашка стояла на столе.

Атмосфера комнаты насыщена смесью запахов духов и мариланду.

Увидя Николая Леопольдовича вместе с сыном, княгиня бросила на последнего удивленный взгляд но, заметив особенно серьезное выражение лица Гиршфельда, быстро сообразила, что верно так нужно, и приветливо поздоровалась с ним.

Володя бросился здороваться с матерью.

— Как доехали?

— Прекрасно, ваше сиятельство, экипаж так покоен, лошади превосходные и я не заметил, как очутился в этом земном раю, как, по справедливости, можно назвать вашу усадьбу.

— Познакомились? — кивнула она в сторону сына, гладя его по голове.

— Даже подружились.

— Занятия начнете, конечно, завтра, сегодня вам надо отдохнуть с дороги.

— Как прикажете.

— Не хотите ли чаю?

— Mercі, я только что позавтракал, — отказался он и встал.

— До свиданья, за обедом! — проговорила она, подавая ему руку.

Тот почтительно пожал ее и, взяв за руку Володю, направился снова в столовую.

— Явились? — весело встретил его князь, кончивший свой обед.

— Имея честь представиться и получить разрешение начать занятия завтра...

— Ну, конечно, завтра, куда же сегодня... прямо с дороги... А вот, если не устали, пройдемтесь со мной, стариком, я покажу вам дом,

сад, оранжереи, все хозяйство…

— С большим удовольствием, — согласился Николай Леопольдович.

Окончив обед, князь повел его в свой кабинет, взял фуражку, затем спустился с ним вниз, зашел к нему посмотреть как он устроился, и дать ему возможность взять шляпу. Заметив неприбранную на полу веревку, распушил находившегося тут Петра, при чем ударил его для вразумления арапником.

— Нельзя не бить, такой уж народ! — сообщил при этом, как бы в объяснение, князь Николаю Леопольдовичу.

— Совершенно верно, — согласился тот, — распустить беда…

Около трех часов водил князь Гиршфельда по дому, саду, оранжереям, старому парку, заднему двору и псарне, подробно объясняя ему способ постройки дома, которую он производил сам, так как был архитектором-дилетантом, указывая на редкие растения, которые он выводил собственноручно, на породы и свойство псов и прочее.

Николай Леопольдович внимательно выслушивал своего чичероне, задавал вопросы,

видимо всем искренно интересовался, не забывая со своей стороны делать замечания и давать объяснения сопровождавшему их Володе.

Князь к концу прогулки был совершенно очарован новым учителем.

Незадолго до обеда он отпустил его с сыном купаться, а сам отправился к княгине, которой и выразил свое удовольствие по поводу выбора ею репетитора.

— Я и не выбирала, Константин Николаевич рекомендовал… — небрежно кивнула она, но в душе была очень довольна.

XV
Наедине с собою

После обеда, за которым князь всячески старался выказать свое внимание новому учителю, приказывая подавать ему по несколько раз кушанья и наливать лучшее вино, он предложил ему прекрасную сигару и обняв за талию, отправился с ним на террасу подышать, как он выразился, перед сном воздухом.

Гости наперерыв старались поддержать разговор с о свежеиспеченным княжеским любимцем.

Княгиня, храня недоступный вид, чуть заметно лукаво улыбалась.

Княжна продолжала бросать на учителя загадочные взгляды.

Наконец, князь простился и отправился на боковую.

Княгиня села с Голем, Гурбановым, Крутиковым за партию ералаша, любезно заменив Карамышева, за которым прислали нарочного по «экстренному» делу.

— Что там такое? — кричал он на дворе, садясь в таратайку.

— Убивство! — невозмутимо отвечал посланный.

— Вот, подлецы, не вовремя! Как ко мне карта шла! С утра как карта шла! — воскликал жрец Фемиды, ни к кому в особенности не обращаясь.

Таратайка укатила, нарочный плелся за ней легкой рысцой.

Николай Леопольдович присел было к княжне, но увидел устремленный на него ревнивый взгляд Зинаиды Павловны, перекинулся с Маргаритой Дмитриевной несколькими незначительными фразами, взял Володю и отправился в сад.

Княжна принялась за чтение. Володя предложил Николаю Леопольдовичу удить рыбу.

Они отправились сперва в помещение молодого князя, которое было очень мило обставлено и также, как помещение Николая Леопольдовича, состояло из двух комнат и маленькой передней. Во второй комнате спал вместе с молодым князем его старый дядька Дементьевич, вырождающийся тип крепост-

ного служаки.

Захватив последнего со всеми принадлежностями уженья, они втроем отправились через сад на реку.

Уженье было удачно, и они не заметили, как наступило время вечернего чая.

Возвращаясь домой, они застали уже все общество за чаем, на передней террасе.

Володя начал с восторгом рассказывать матери и кузине об удачном ужении.

— А вы охотник? — спросила Николая Леопольдовича княжна.

— Да, я люблю охоту, когда в результате хорошая добыча.

— О, да вы человек практический... несмотря на свою молодость.

— Разве молодость — время бесцельного труда?

— Я этого не говорю... — смешалась княжна и покраснела.

— Время молодости — время идеалов! — заметила со вздохом княгиня.

— Идеалы надо заработать; приближение к ним, не говорю осуществление, доступно лишь практикам, — авторитетно заметил Ни-

колай Леопольдович.

— Какие же, по-вашему, жизненные идеалы? — спросил Август Карлович.

— Богатство, комфорт, слава, власть.

— Вы отрицаете поэзию жизни?

— Поэзию мечты — да, но поэзию действительности, которая состоит в достижении названных мною идеалов — нет.

— Вы, значит, все-таки материалист?

— Я не гонюсь за прозвищами — я работник.

Княжна вся превратилась в слух, и глаза ее сделались стеклянными.

— Что с тобою, Марго? — окликнула ее княгиня.

— Ничего, ma tante, я задумалась! — вздрогнула княжна.

— О богатстве, комфорте, славе? — пошутил Голь.

— Вы угадали, — бросила ему княжна, в ее глазах блеснул зеленый огонек.

Николай Леопольдович внимательно посмотрел на Маргариту Дмитриевну.

— Если вы захотите заняться чтением, то наша библиотека к вашим услугам; мы полу-

чаем все новые журналы и книги… — переменила разговор княгиня, обращаясь к Гиршфельду.

— Благодаря вас за позволение и не премину сегодня же им воспользоваться.

Чаепитие кончилось. Княгиня встала из-за стола, сказав Николаю Леопольдовичу:

— Мы ужинаем в час, если вам это покажется поздно, то прикажите подать себе ранее.

— Нет, я не привык ложиться рано.

— Марго, пойдемте ко мне, — позвала она княжну, и обе удалились.

— А мы не засядем в преферансик? — предложил Август Карлович. — Вы играете? — обратился он к Гиршфельду.

— Ни в какую игру, кроме стуколки, и то потому, что она скорее… — отвечал тот.

— И ближе к цели, или пан, или пропал! — заметил доктор.

— Пожалуй и оттого… — согласился Гиршфельд.

— Так мы втроем? — обратился доктор к помещикам.

— Отчего же не перекинуться до ужина, —

согласились те.

Все трое отправились на террасу.

Николай Леопольдович, в сопровождении Володи, прошел в библиотеку и, взяв последнюю книгу «Русского Вестника», проводил своего ученика, уже простившегося после чая с матерью, до его комнаты, передал его с рук на руки Дементьевичу и, пожелав обоим покойной ночи, отправился к себе.

Он застал Петра, дежурившего в его комнатах.

— Вы мне не нужны, — объявил он ему, когда тот зажег свечи на письменном столе, — можете идти, до ужина я буду читать.

— Слушаю-с, — радостно ответил Петр, очень довольный предстоящей трехчасовой свободой и быстро исчез из комнаты.

Николай Леопольдович раскрыл было книгу и принялся за чтение, но ему было не до него; он бросил книгу на стол и перешел на кресло, стоявшее у открытого окна.

Устроившись попокойнее, он стал бессознательно глядеть в окутывающийся уже июньскими сумерками тенистый сад.

Образ княжны упорно носился у него пе-

ред глазами.

Ее обольстительная, чисто плотская красота волновала ему кровь, в виски стучало. Он заметил произведенное им на нее впечатление, особенно коща он высказал свой взгляд на идеалы — он видел, что она всецело согласилась с ним, он ее понял. Слабая струна души ее была так быстро и так неожиданно найдена, надо только суметь сыграть на ней и княжна его.

Она бедна, жениться на ней, при его настоящем положении, было бы безумием, но обладать ею, сделать ее своею помощницею, своею союзницею… Княгиня, думал он далее, уже начала следить за ним ревнивыми глазами, она мешает ему, надо вразумить ее, с ней он справится, он заставит ее смотреть на все его глазами! Она влюблена и не захочет потерять его; но когда удастся ему на досуге переговорить с ней?

— Днем следит князь, вечером гости, при ней всегда княжна — это ужасно! Но княжна… княжна… она должна быть моею! — вслух проговорил Николай Леопольдович и сам испугался произнесенной им фразы.

К усугублению этого испуга, по коридору раздались легкие шаги, кто-то как будто крался. Он стал прислушиваться. Шаги остановились у его дверей, кто-то дотронулся до ручки двери, она тихо отворилась.

Николай Леопольдович вскочил.

XVI
Наперсница

В комнату впорхнула миловидная, изящно одетая в палевое летнее платье, сшитое по моде, пикантная брюнеточка.

Черные как смоль, гладко причесанные волосы оттеняли свежее молодое личико с вздернутым носиком и хитрыми блестящими, веселенькими глазками.

На вид ей было лет девятнадцать. Затянутая в корсет фигурка, и обутая в прюнелевый башмачок маленькая ножка придавали ей вид барышни, исполняющей роль горничной на любительской спектакле.

— Записка от княгини! — лукаво проговорила вошедшая, подавая Николаю Леопольдовичу изящный конвертик.

Это была камеристка княгини Зинаиды Павловны, Стеша, любимица и наперсница своей барыни, вывезенная ею из Москвы года два, три тому назад.

Александр Павлович не любил ее, называл егозой и обвинял в любовных шашнях со всеми лакеями.

Николай Леопольдович вертел в руках полученное письмо.

Это был маленький конвертик без надписи, с тисненный княжеским гербом.

Развернув его, он вынул маленький листок почтовой бумажки с таким же гербом и прочел следующее:

> «Подательница этого письма преданная тебе и мне девушка. Постарайся сегодня после ужина удалить твоего лакеям она проведет тебя ко мне наверх.
> Твоя З.»

Он кончил чтение и поглядел на Стешу.

Та стояла, опустив глазки, с невинным видом перебирая черный с оборкой фартушек.

— Ответ будет-с?

— Не торопитесь, душечка, какая вы ско-

рая!

Стеша улыбнулась и вскинула не него глазками.

Он вынул из бокового кармана пиджака бумажник, бережно уложил в одно из его отделений письмо княгини, вместе с конвертом, а из другого отделения вынул пять рублей.

— Княгиня пишет, что вы преданная девушка, а преданность должна вознаграждаться, возьмите это себе на ленты... — подал он Стеше пятирублевку.

— Зачем, к чему вы беспокоитесь, я ее сиятельством и так довольна, — отнекивалась она.

— Говорю вам, возьмите... — настойчиво повторил он, вкладывая в ее руку бумажку и пододвигаясь к ней ближе, та торопливо отодвинулась.

— Благодарю вас, не надо бы совсем... и я так... — бормотала она, пряча бумажку в карман.

— Э, да вы недотрога-царевна! — пододвинулся он к ней снова.

— Какой же ответ-с? — снова попятилась

Стеша.

Николай Леопольдович взял ее за талию. Стеша вырвалась.

— Оставьте, не шалите, разве можно?

— Отчего же нельзя? И зачем вы, такая хорошенькая, ходите по чужим поручениям?

— Как же, ее сиятельство... Что же прикажете ответить? — снова забормотала она, очевидно не поняв вопроса.

— Ее сиятельству скажите, что хорошо. В в другой раз милости просим ко мне и без поручений. Поняли?

Стеша сверкнула на него плутовскими глазками. Он схватил ее в охапку и поцеловал.

— Ай! — взвизгнула она и, выскользнув как змейка из его объятий, убежала.

«Не уйдет! — подумал он, затворяя дверь. — А ее сиятельство — молодец! Быстро обо всем озаботилась. Надо будет переговорить с ней обо всем серьезно».

Он уселся за книгу и читал вплоть до ужина.

К ужину княжна не вышла, княгиня вопросительно посматривала на Николая Лео-

польдовича.

Тот ответил ей полуулыбкой.

Поужинали довольно быстро и почти молча, так как княгиня не поддерживала разговор, а игроки спешили к недоконченной пульке.

Вскоре все встали из-за стола и разошлись, пожелав княгине покойной ночи.

Княгиня отправилась к себе.

Николай Леопольдович спустился вниз, где застал Петра.

— Ступай спать, я разденусь сам, — сказал он ему.

Петр ушел и он запер за ним дверь; когда в коридоре затихли его шаги, он снова отпер дверь и стал ждать.

Прошло не более получаса, в коридоре послышались крадущиеся шаги, дверь отворилась и на пороге появилась с маленьким потайным фонарем в руках Стеша.

— Идите! — недовольным голосом сказала она.

Гиршфельд потушил свет, запер дверь снаружи, положил ключ в карман и последовал за своей путеводительницей.

Они поднялись на парадную лестницу, прошли обширную переднюю, громадную залу, вступили в коридор и очутились перед лестницей, ведущей на антресоли.

Коридор и лестница были устланы мягкими коврами, так что шагов не было слышно, но Николай Леопольдович все продолжал с осторожностью ступать по полу, из головы у него не выходил стих Пушкина:

Трепещет, если пол под ним
Чуть заскрипит.

Ему стыдно было сознаться, что он трусил, но он трусил. Поднявшись на лестницу, он очутился в небольшой комнате с двумя дверями.

Одна дверь, противоположная входу, была задрапирована какой-то персидской материей.

Стеша подняла портьеру и отперла дверь.

— Пожалуйте! — произнесла она и быстро скрылась в не задрапированную дверь направо.

Он перешагнул порог и портьера опустилась.

Он очутился в темноте и стал положительно в тупик. Только через несколько минут он сообразил, что стоит перед второй портьерой, откинул ее и вошел в будуар Зинаиды Павловны.

В то же самое время между портьерами появилась Стеша, вышедшая из маленькой двери в стене, заперла дверь на ключ и скрылась в ту же дверь.

Какое-то странное чувство охватило Николая Леопольдовича.

Панический страх обуял его.

Нелепая мысль о возможности западни мелькнула в егой голове.

Ему чудились сзади мелкие шажки князя.

Господствующий в будуаре странный полумрак усиливал впечатление.

XVII
В будуаре

Будуар княгини Шестовой резко дисгармонировал с обстановкой остальных княжеских апартаментов, убранных хотя и роскошно, но с тою неуловимою аристократической сдержанностью, при которой самая безумная роскошь не представляет из себя ничего кричащего, ничего бросающегося в глаза.

Помещение же княгини, напротив, страдало всеми этими недостатками и напоминало собою будуар модной кокотки высшего полета.

Громадный пунцовый фонарь на золоченых цепочках спускался с разукрашенного причудливыми гипсовыми барельефами потолка и полуосвещал обширную комнату, сплошь затянутую пунцовой шелковой материей и устланную такого же цвета пушистым ковром.

Во весь громадный простенок между двумя окнами, с тяжелыми, как и на дверях, портьерами, вделано было в стену от пола до по-

толка громадное зеркало.

Масса самой разнообразной и оригинальной мебели, этажерок со всевозможными безделушками и objets d'art, совершенно загромождали комнату, придавая ей вид скорее магазина, bric a brac, чем жилого помещения.

С левой стороны находилась громадная арка с приподнятой на толстых шнурах портьерой, открывавшей вид в следующую комнату-альков, всю обитую белой шелковой материей. В глубине ее виднелась пышная кровать, а справа роскошный туалет, с большим овальным зеркалом в рамке из слоновой кости. Альков освещался молочного цвета фонарем, спускавшимся из центра искусно задрапированного белоснежным шатром потолка. Пол был устлан белым ангорским ковром.

Зинаида Павловна, в капоте из легкой шелковой материи цвета крем, полулежала на кушетке, с папиросой в руках.

Озаренная царившим в будуаре каким-то фантастическим полусветом, она была более чем эффектна.

Увидав вошедшего Николая Леопольдовича, она сделала радостное движение.

Он подошел к ней и с чувством поцеловал ее руку.

— Наконец ты здесь и мы одни! — томно сказала она, целуя крепко его в лоб.

— Садись... — подвинулась она на кушетке. Он сел.

— Ты уверена в Стеше? — тревожно спросил он.

— Как в самой себе. А я тобой недовольна и выдеру тебя больно за ушко... — шутя начал она, нежно взяв его за ушко.

— Можно спросить, чем?

— Вы с первого дня стали заглядываться на княжну.

Он сделался серьезен.

— Ты это, конечно, шутишь, а вот я так серьезно недоволен тобой и даже перед появлением ко мне Стеши с письмом думал о том, когда мне удастся тебе это высказать.

— А ты думал, что я не позабочусь устроить наши свидания?

— Не думал, что это будет так скоро.

— Чем же это ты недоволен мной?

— А тем, что ты слишком выдаешь себя, так странно глядишь на меня, когда я подой-

ду и заговорю с княжной. Это так легко заметить. Заметит она, заметят гости, заметит, наконец, сам князь. Я не хочу подвергаться скандалам, бывшим с прежними учителями. Подобная перспектива мне далеко не привлекательна.

— А если я не могу удержаться! Если я боюсь за тебя, боюсь, что ты увлечешься. Княжна, видимо, обратила на тебя свое внимание. Не далее как сегодня, после чаю, она здесь мне призналась, что ты ей очень нравишься, что ты, видимо, умный, недюжинный человек.

Он чуть не припрыгнул от радости, услыхав это, но вовремя сдержался и небрежным тоном произнес:

— Пусть так, но какое дело до всего этого мне и тебе?

— Как какое дело? — уставилась она на него.

— Именно какое дело? — продолжал он. Если ты думаешь, что в наших отношениях не играет роль с моей стороны никакое чувство, если ты полагаешь, что мизерною подачкою в Москву ты купила меня, то поздрав-

ляю тебя с такою победою, а себя с таким твоим лестным мнением о моей особе.

— Что ты говоришь! Замолчи!

— Ничего особенного. Я делаю только вывод из твоих собственных слов и из твоих опасений.

— Ничего не понимаю! Женщина любит его, а его это оскорбляет.

— Остается только пожалеть, что не понимаешь. Всякая любовь должна соединяться с уважением. Ревность же к первой, встретившейся на пути любимого человека смазливой девчонки доказывает неуважение к нему. Как же ты решаешься посылать за мною Стешу? Почему не ревновать и к ней?

— Но княжна — красавица, а Стеша... горничная.

— Это не мешает ей быть очень хорошенькой. По-моему, она даже лучше твоей ломающейся княжны. Ты, кажется, поторопилась записывать ее в красавицы, или уже слишком снисходительна, как всякая красивая женщина.

— Так она тебе не нравится? — с довольной улыбкой спросила она.

— Ничуть! Самый вопрос мне кажется странным. Нравишься мне только ты, люблю я одну тебя.

Он припал губами к ее руке. Другой она играла его волосами.

— Я хотел лишь сделать из нее ширмы.

— Как же это.

— Очень просто. Я поставил себе задачей во что бы то ни стало понравиться твоему мужу.

— И достиг уже этого. Он от тебя в восторге. Сам приходил объявить мне об этом… — затараторила княгиня.

— Очень рад! Но князь умный человек. Он очень хорошо понимает, что я не принадлежу к юношам, бегающим от женщин. Две здешние красавицы — ты и, по-твоему, а, быть может, и по его мнению, княжна должны произвести на меня впечатление. Он непременно задаст себе вопрос: которая? Я хочу показать ему, что это княжна и буду усиленно ухаживать за ней при нем.

— Зачем это? — нахмурилась она.

— А затем, что в противном случае он догадается, что мой выбор пал на другую — на те-

бя. Дождаться этого я не желаю и лучше уйду, сославшись на первое полученное из Москвы письмо.

— Ты уедешь отсюда? Это невозможно! — вскрикнула она.

— Будь благоразумнее и этого не случится. Поверь мне, что княжна мне сама по себе совершенно не нужна. Она нужна мне, как средство. Я желаю заслужить полное доверие князя, сделаться даже в будущем его поверенным. Я только для тебя согласился быть учителем. С зимы я займусь адвокатурой. Как поверенный князя, я могу спокойно приезжать сюда по делам, даже гостить, мы будем видиться чаще. Я буду, кроме того, на страже интересов любимой женщины, т. е. твоих.

— Ты, в самом деле, умный! — задумчиво и наивно произнесла она.

— Любовь к тебе сделала меня таким. Мгновения, подобные настоящему, так хороши, что стоит позаботиться, чтобы они повторялись все чаще и не прекратились бы в один прекрасный день вследствие нашей опрометчивости.

Николай Леопольдович подвинулся ближе

к княгине. Та продолжала играть его волосами и восторженно глядела на него.

— Ты меня не обманываешь?

— Ты меня оскорбляешь! — отшатнулся он от нее.

— Прости, — притянула она его к себе, — я не верю своему счастью.

— Это счастье также и мое.

— А если князю не понравятся твои ухаживания за княжной?

— Не беспокойся. Князь, я заметил, ее недолюбливает. Ухаживанье такого ничтожного человека, по его княжескому мнению, будет оскорбительно для княжны Шестовой и он будет этим очень доволен, даже поощрит. Вот увидишь.

— Пожалуй это так, — согласилась она, но я боюсь.

— Чего?

— Ты увлечешься.

— Есть чем.

— А вдруг?

— Ты опять за свое. Повторяю, что ты должна согласиться, так как это единственный исход в нашем положении, иначе,

несмотря на мою страстную любовь к тебе, я не желаю подвергать тебя и себя неприятностям и лучше уеду от греха.

— Это невозможно!

— Ты сама этого хочешь!

— Я? Нет, тысячу раз нет. Делай что хочешь, поступай как знаешь, но только останься и скажи, что ты любишь меня.

— Люблю, люблю, люблю…

Она привлекла его к себе.

Через несколько времени Стеша прежним путем проводила Николая Леопольдовича до дверей его комнаты.

— С добрым утром! — усмехнулась она и убежала.

Он вошел к себе.

Сад, подернутый ранним утренним туманом, глядел в открытые окна.

Комната была полна утренней свежестью.

Заперев дверь, он быстро разделся, бросился в постель и вскоре заснул.

Ему снилась княжна Маргарита.

XVIII
Прошлое княжны

Княжна Маргарита Дмитриевна, сказав тетке, что Гиршфельд ей понравился, не сказала фразы, а, напротив, была далеко не вполне откровенна с ней по этому поводу.

Николай Леопольдович произвел на нее в действительности чрезвычайно сильное впечатление. С первого взгляда он ей показался симпатичным, поведение его за завтраком обнаружило в нем в ее глазах быструю находчивость и сообразительность, обвороженный новым учителем князь представился ей жертвою сатанинской хитрости последнего, но более всего поразил ее разговор его за вечерним чаем.

Убедившись по первым шагам его в новом для него доме, среди незнакомых ему совершенно людей, в его уме и такте, она, страдая слабостью к быстрым и, по ее мнению, непогрешимым выводам, сразу причислила его к людям выдающимся, далеко недюжинным.

Она не любила своего хитрого, не поддаю-

щегося ее подходам дядю, и то, что нашелся человек, которые перехитрил его, приводило ее в восторг.

Составив себе такое лестное о нем мнение, она вдруг услыхала от него высказанную им смело, беззастенчиво и откровенно мысль о настоящем жизненном идеале, мысль с недавних пор появлявшуюся и у нее в уме, но которую она гнала от себя, боялась не только высказать ее, но даже сознаться в ней самой себе. Он же, этот недюжинный человек, высказывал ей прямо, открыто, как нечто вполне естественное, как свой всесторонне обдуманный жизненный принцип.

С подобным человеком она сталкивалась первый раз и это было весьма естественно, так как, вращаясь среди курсисток и студентов, она встречалась лишь с псевдолибералами конца шестидесятых и начала семидесятых годов, которые все свои даже эгоистические стремления умели искусив ярикрывать тогою «общего блага» и «общего дела».

Слова Гиршфельда чрезвычайно повлияли на впечатлительную княжну.

Расставшись с теткой, она отказалась от

ужина, вышла в парк и спустилась к реке. Была тихая, светлая лунная ночь. Усевшись на одну из скамеек, устроенных на берегу, она стала пристально смотреть на гладкую водяную поверхность и задумалась.

В ушах ее звучал уверенный голос этого человека. Она чувствовала, что в нем есть то, чего недостает ей — сила и энергия.

Вид реки, этого прообраза человеческой жизни, несущей свои воды подобно пережитым годам, все вдаль и вдаль, невольно навевает мысли о прошлом.

То же произошло и с княжной: она стала анализировать себя, свое прошедшее.

Думы эти были не из веселых.

Рано лишившись матери, отдалившись, вследствие детской ревности, от отца, она ушла в самое себя и зажила сперва детским воображением, извращенным в добавок ранним чтением книг из библиотеки ее отца, предоставленной всецело в ее распоряжение и состоявшей в переводных и оригинальных французских романов, сочинений французских философов и тому подобной умственной пищи наших бар тридцатых годов.

В раннем детстве она соединяла в своих мечтах с носимым ею титулом княжны роскошную обстановку, жизнь в ряду веселых празднеств, чудный фимиам поклонений и все эти месяцы прелести высокого положения.

Скромная действительность, ее окружавшая, казалась ей лишь временным искусом, долженствующим прекратиться не нынче — завтра при появлении какого-нибудь маркиза, кавалера де-Мезон-Руж, или чего-нибудь в этом роде.

На одиннадцатом году она поступила в пансион.

Отец ее, князь Дмитрий Павлович, хотя был далеко не богат, почитался одним из первых лиц в городе по происхождению и не жалел денег на воспитание дочери.

Начальница пансиона носила вверенную ей княжну на руках, называла красоточкой, маленькой принцессой, распаляя этим еще более воображение девочки.

Княжна была до крайности самолюбива и из одного самолюбия шла всегда первой, тем более, что способности ее были из выдающих-

ся, и первенство это доставалось ей без усиленного труда.

Похвалы в этом отношении нежили ее детский слух и западали в молодую душу, оставляя в ней зерна самомнения.

Дома, еще и до поступления в пансион, и во время пансионского курса (она, как потом и сестра, была приходящей), Анна Ивановна напевала ей в уши, что она красавица и при этом забавляла ее, по ее мнению, невинными рассказами о блеске, туалетах и роскошной жизни ее тетки Зинаиды Павловны за границей, еще до замужества.

Роскошная жизнь ее тетки и дяди в Шестове, где она бывала, тоже не осталась без влияния на впечатлительную детскую натуру, особенно при сравнении с небогатой жизнью в отцовском доме.

Подрастая и начиная сознавать всю неприглядную сторону бедности, препятствующей ей блистать и повелевать, она начала искать средств быть выдающейся и без денег.

Ее способности, о которых на разные лады восторженно пела начальница пансиона, казались ей средством для достижения власти,

влияния, славы и богатства.

Это был конец шестидесятых годов. Вопрос о женском образовании, о женской самостоятельности, о женском труде был в полном своем развитии в литературе и прессе.

Самолюбивая княжна, жадно прислушиваясь к этому вопросу, жадно и без толку читала все, что писалось по этому поводу.

Место маркизов и кавалеров де-Мезон-Руж заступил заманчивый призрак женской самостоятельности, ореол передовой русской женщины.

За эту мысль княжна, по окончании пансионского курса, став в ряды невест-бесприданниц, так как рассчетливый дядя, не любивший фантазерку-племянницу, видимо, не торопился прийти на помощь в устройстве ее судьбы, ухватилась, как утопающий за соломинку и, упросив отца высылать ей рублей пятьдесят в месяц, на что тот согласился, укатила сперва в Москву, а затем и в Петербург на курсы.

Добиться славы и имени передовой русской женщины княжне Маргарите Дмитриевне, конечно, скоро не предвиделось, а жизнь

курсистки и студентки в столицах, среди заманчивых, бросающихся в глаза роскоши и блеска, на сравнительно скудные средства, несмотря на то, что кроме отца, помогала своей любимице и княгиня Зинаида Павловна, была далеко не по вкусу нетерпеливой Маргарите Дмитриевне.

Ее самолюбие страдало от массы жизненных уколов, да и самая помощь родных, или, как она выражалась, «подачка», глубоко оскорбляла ее, и она только из упрямства продолжала свои научные занятия, весьма часто их переменяя.

Слушала она и педагогические курсы, и акушерские, принималась заниматься и историей, и математикой, и естественными науками, но с ужасом чувствовала иногда, что к серьезному труду она неспособна, что единственный, благополучный для нее исход — это появление маркиза или кавалера де-Мезон-Руж, но таковых, ставших за это время более практичными, не являлось.

С негодованием старалась она отогнать эту мысль от себя, а та все назойливее и назойливее лезла ей в голову, поднимая желчь и рас-

страивая и без того расшатанные нервы.

Страстная же натура, она хотела жить, а жизнь не давала ей этой жизни.

В таком страшном состоянии душевной и телесной борьбы, дошедшей до своего апогея, выехала она со своим двоюродным братом из Москвы, куда приехала по вызову Зинаиды Павловны, в Шестово, в то лето, когда в нем, в качестве учителя князя Владимира, должен был появиться Николай Леопольдович Гирш-фельд.

Расстроенная, она даже не заехала в Т. к отцу, решив погостить у него несколько дней по возвращении из деревни.

Возвращавшаяся почти вслед за ней, княгиня рассказала ей, о найме ею нового учителя для сына, восторженно описав его яркими красками. Княжна недоверчиво улыбнулась.

Она не уважала тетку и не могла допустить и мысли, что они сойдутся во вкусах.

Напротив, похвалы княгини поселили в ней заранее предупреждение к имеющему прибыть в усадьбу новому лицу.

«Какой-нибудь пошляк и вертопрах!» — подумала Маргарита Дмитриевна.

И вдруг является Гиршфельд и с первого дня знакомства приковывает к себе ее внимание, почти влюбляет ее в себя. Было над чем призадуматься.

«Надо рассмотреть его поближе и повнимательнее!» — решила Маргарита Дмитриевна, возвращаясь в свою комнату.

XIX
Рыба клюет

Дне шли за днями. На дворе стояло жаркое лето. Прошел июнь. Наступил июль с его зноями.

Со своим учеником, князем Владимиром, Николай Леопольдович почти не занимался.

На другой день после приезда, он было засадил его утром за книги, но в классную явился князь Александр Павлович.

— Учиться в такую жару, да Бог с вами, Николай Леопольдович, вы и себя измучаете, да и мальчишку моего совсем замучаете. Ребенку надо летом на зиму здоровьем набираться, на солнышке печься, мускулы беганьем развивать, а он его за книгу. Бросай, Володя,

книжки под стол! Кати, брат, в сад, в поле!

Князь Владимир, хотя и просиял, но не решился буквально исполнить приказание отца, с тревогой погладывая на учителя.

— Да ведь надо же заняться! — попробовал отстоять тот свои права.

— Надо заняться! — передразнил его князь. — Успеете: ученье не медведь, в лес не убежит, а вот здоровье как он, да вы потеряете, никакой наукой не вернете. Так-то.

Князь фамильярно потрепал его по плечу.

— Убирайте книги! — с улыбкой обратился Гиршфельд к Володе.

Тот с радостью бросился исполнять приказание и, уложив книги в шкаф, моментально исчез за дверью.

— Ишь, как быстро от вашей науки стрекача задал! — засмеялся князь. — Пойдемте-ка лучше, я вам покажу, какие у меня центифольумы распустились.

Николай Леопольдович последовал за ним в оранжерею.

Ученье таким образом было заброшено, а князь положительно не расставался с Николаем Леопольдовичем, все более и более при-

вязываясь к нему и открывая с каждым днем в нем все большие достоинства и массу знаний.

Заметив, что Гиршфельду нравится княжна, он, как и предсказал Николай Леопольдович, даже поощрил:

— Приударьте, приударьте, от нечего делать, но не втюрьтесь серьезно. Жениться на такой «шальной», лучше прямо в петлю, да и не пойдет, потому княжна, хоть и бесприданница.

Гиршфельд, для вида, стал разуверять князя. Тот пригрозил ему пальцем.

— Не финтите, меня, старика, провести трудно. Все и всех насквозь вижу. Защемила черноокая молодое сердчишко. Ну, да ничего, поферлакурьте от скуки, поболтайте. Она и сама, чай, рада. Охотница разводить бобы о высоких материях.

Всесторонние познания в новом учителе были открыты князем при следующих обстоятельствах. Во время прогулок их вдвоем, князь давал ему объяснения, каким образом он подводил на дом лепные карнизы, как выводил и выращивал те или другие редкие рас-

тения, чем лечил борзых и гончих. Забывая на старости лет о данных им уже объяснениях, которые Николай Леопольдович твердо старался завомнить, князь возвращался снова к тому же предмету.

— А как вы думаете сделал я то-то и то-то?

— Очень просто, — невозмутимо отвечал тот и повторил уже раз данное князем объяснение.

— Так, так, и откуда это вы знаете? — удивился князь. — Вот, батюшка, Бог послал мне учителя! Клад, а не учитель! Все знаете, специально все знаете, — повествовал Александр Павлович о Николае Леопольдовиче, конечно в его отсутствии, приезжавшим гостям.

Те внимали его повествованиям. Многие, впрочем, лукаво улыбались.

— Парень-выжига, не даром из жидов, старику в душу без мыла лезет. Посмотрите, добром это не кончится! — пророчил подвывавший Август Карлович.

Впрочем, все старались наперерыв быть любезными с Гиршфельдом, видя, что это очень приятно самому князю.

Подозрения относительно княгини и мо-

лодого учителя, возникшие по примеру прежних лет, в уме ревнивого Александра Павловича, совершенно исчезли.

Он видел, что Николай Леопольдович все вертится около княжны Маргариты и, кроме того, раз днем он поймал на пороге его комнаты Стешу.

— Где была, егоза? Вишь, к учителю затесалась, губа не дура, мужчина молодец.

Та быстро юркнула мимо него и убежала.

— Накрыл, накрыл! С поличным, друг любезный, попался! — вошел он в комнату Николая Леопольдовича.

— Что, с каким поличным? — не на шутку перепугался тот, схватываясь за карман, где хранился бумажник с записками княгини.

— Стешку к себе прикормил! Вот, скажу, молодец, так молодец. Девчонка угар! У княжны, не пообедаешь, а тут коротко и просто.

У Николая Леопольдовича отлегло от сердца. Он притворился сконфуженным.

— Нечего конфузиться! Быль молодцу не укор. Все мы люди, всё человеки! Сам был молод, все знаю! — смеялся князь.

— Она так забежала, письмо просила на-

писать.

— И не впопад: она грамотная.

— Я не знаю, в таком случае, зачем ей? — запутался Николай Леопольдович.

— Знаем мы эти письма, сами писывали. Да ничего, говорю, хвалю, молодец.

Князь продолжал хохотать от души.

Получив согласие княгини Зинаиды Павловны на усиленное ухаживание «для вида» за княжной Маргаритой, Гиршфельд на другой же день начал свои тонкие подходы к княжне.

Прекращенные, по воле князя, занятия с маленьким князьком, раннее удаление князя Александр Павловича «на боковую» оставляло ему массу свободного времени.

Дом, почти постоянно наполненный гостями, давал, как это всегда бывает, частую возможность уединяться.

Беседы его с княжной были почти ежедневны и продолжительны. Он искусно играл на найденной им в душе ее «больной струнке».

Он развивал перед ней свои взгляды на жизнь, на единственный, по его мнению, спо-

соб добиться полного успеха на жизненном пути.

Княжна жадно внимала его словам, так как они находили полный отклик в ее измученном мыслями в этом же направлении уме, в ее уязвленном самолюбии.

Освоившись с ним, привыкнув к нему, она ему доверилась.

Она передала ему свои взгляды на жизнь, передала повесть о терниях, встреченных на избранном ею пути, высказала охватившие ее за последнее время сомнения в самой себе, в своих силах, страшное для нее сознание ее неподготовленности, даже прямо неспособности.

— Я положительно теряю голову. Это ужасно! — закончила она.

— Ничего нет ужасного, — серьезно заметил он, — и не от чего терять голову, в вас есть все задатки для жизненного успеха: молодость, красота, ум, было бы только желание.

— В желании, кажется, нет недостатка! — горько усмехнулась она.

— Молодость, красота, ум, — задумчиво

продолжала Маргарита Дмитриевна. — В последнем, увы, я стала сильно сомневаться, молодость есть, но она скоро, и не заметишь, пройдет, я не кокетка, признаю, что есть и красота, но что в ней?

— Как что? Красота — это капитал, сила. Вы только идете по ложному пути.

— Какой же истинный?

— Он есть, — уклончиво отвечал он. — Ваш же путь, путь труда, самообразования, борьбы — химера. Он выдумка людей, сидящих в роскошных кабинетах и проедающих наследственные капиталы, нажитые их отцами и дедами более реальным путем, ничуть не похожим на рекомендуемые фантазерами-внуками, этими сибаритами в жизни, науке и искусстве.

Она глядела на него во все глаза и слушала, затая дыхание.

— Однако, пора идти пить чай! — вдруг оборвал свою речь Николай Леопольдович и встал со скамейки.

Они сидели в саду.

Ей хотелось удержать его, хотелось попросить его продолжать, но она не решилась.

Задумчивая последовала за ним на переднюю террасу.

«Он знает этот путь — истинный, верный! — думала она. — Надо будет заставить его высказаться».

Это было не так легко исполнить, как она предполагала.

Гиршфельд был на стороже.

Он умышленно несколько дней подряд уклонялся от продолжения начатого разговора.

Попытки княжны возобновить его были безуспешны.

Она выходила из себя.

Он знал, что делать. Он искусно подготовлял почву, на которой намеревался сеять.

Княжна слушала его с каким-то благоговением, увлекалась его речами, привязывалась к нему.

Наконец она не вытерпела.

— Какой же, по-вашему, настоящий верный путь для постижения успеха в жизни? — раз прямо спросила она его.

Он молча, пристально начал смотреть на нее.

— Говорите же! — с какой-то внутренней болью в голосе вскрикнула княжна.

Он понял, что время наступило.

— Путь наживы, — медленно начал он. — Жизнь — это борьба за существование. Все средства хороши для достижения единственного рычага земного счастья — богатства. Золото, золото, золото в наше время — все.

Она пронизывала его испытующим, ненасытным взглядом. Это взгляд поднимал бурю страсти в его сердце.

— Гений, талант, нравственность, честь, добродетель — понятия условные, — продолжал он. — Их представители, не запасшиеся презренным металлом, глохнут в тиши, затертые людскою волною, спешащей на рынок — этот форум современной всемирной империи, иногда лишь оцененные потомством. Какая приятная награда для гниющего в земле! Прочтите биографии поэтов, писателей, художников, изобретателей, ученых, и вы убедитесь воочию, что неизвестность и нищета, или унижение и ползанье перед сильными и богатыми был удел при жизни этих благодетелей человечества, оцененных

по-достоинству лишь после смерти. Для кого работали они, для кого трудились? Опять же для представителей золота. Их гениальные произведения стали добычей избранных богачей, их вдохновенные звуки нежат слух сибаритов, их изобретения дали возможность обладающим миллионами нажить другие миллионы, их картины украшают стены палат миллионеров. Лучшей похвалой артистического произведения служит фраза: оно ценится на вес золота. Великий Пушкин, произносят как высшую похвалу его современные почитатели, получал по червонцу за строчку. Золото, значит, мерило всего.

Он остановился перевести дух.

Княжна восторженно слушала, неотводно смотря на него во все глаза.

— Подлость, низость, порок, преступление приобретают в глазах людей другую окраску, если сопровождаются звоном золота. Подлецы становятся магнатами, преступники делаются героями! Такова сила золота. Соберите со всего мира весь сор, грязь, отбросы, издающие невозможное зловоние, налолните всем этим колоссальный золотой сундук, и все че-

ловечество, мимо соборов, монастырей, церквей и часовен, мимо произведений искусств, мимо гениальных изобретений, мимо наполненных перлами человеческого ума и знаний книгохранилищ, мимо памятников исторической старины и исторических деятелей, побежит любоваться на этот «золотой сундук», с жадностью и наслаждением вдыхая зараженный вокруг него миазмами воздух. Такова сила золота.

— О, как вы правы, как правы! — простонала княжна, закрыв лицо руками. — Но как достигнуть богатства?

— Надо подумать! — загадочно отвечал Гиршфельд.

XX
Жребий брошен

Как-то вскоре выдался в Шестове день, когда не было никого гостей.

Князь Александр Павлович, отправляясь спать, подошел к Николаю Леопольдовичу, беседовавшему, по обыкновению, с княжной.

— Что вы тут около профессора нашего прилипли? Подите посадите с княгиней, ей, чай, одной скучно.

Николай Леопольдович встал.

Князь сам повел его к княгине в угловую гостиную.

— Вот тебе, Зизи, гостя привел, побеседуй с ним, а то они с княжною, того и гляди, друг друга сглазят, по целым дням не наглядятся. Покойной ночи. Впрочем, это мне, а вам приятного вечера! — пошутил он и удалился.

Это было настолько неожиданно для княгини, что она даже не обратила внимания на то, что Николай Леопольдович и княжна, по словам князя, не наглядятся друг на друга.

Впрочем, надо сказать, что Зинаида Пав-

ловна с некоторого времени, видя на деле благие результаты начертанной Гиршфельдом программы их отношений, довольная выказываемым им страстным чувством в часы весьма часто устраиваемых Стешей их свиданий наверху, почти успокоилась и уверилась в его искренности, а потому стала смотреть на проделываемую им, по ее мнению, комедию ухаживания за племянницей довольно равнодушно.

Визит князя к ней с Николаем Леопольдовичем еще более укрепил в ней уверенность в практическом уме Гиршфельда и в убеждении, что он действует лишь для нее.

Князь, в самом деле, уже успел посвятить его во все свои дела, показал написанное им духовное завещание, советовался с ним о покупке тех, или иных бумаг, о продаже имеющихся у него и замене их другими.

Тяжебных дел, к сожалению, у князя не было, так как вообще он судов недолюбливал и споры с соседями, если они и возникали, как по т-скому, так и по другим, находящимся в разных губерниях, его имениям, оканчивал миролюбиво.

Пищи для Николая Леопольдовича, как адвоката, таким образом, при жизни князя, не предстояло.

Уведя Николая Леопольдовича к княгине, князь прервал разговор его с княжной Маргаритой на самом интересном месте. Гиршфельд готовился сделать решительный шаг.

По уходе его она осталась на террасе одна.

Несколько времени она сидела глубоко задумавшись. Ее странные глаза уставились в видимую ей только одной точку.

Так продолжалось минут пять.

Наконец, она нервно тряхнула головой, как бы стараясь выбросить из нее неотвязные мысли, порывисто встала и нервною походкою сошла с террасы и пошла по направлению к «старому парку», любимому месту ее одиноких прогулок. Забившись в самую глушь, она села на скамейку и снова задумалась.

Видимо, неотвязные мысли не покидали ее головки.

Кругом все было тихо. Громадные, столетние деревья окутывали весь парк густою тенью и распространяли приятную влажность.

Легкий, чуть заметный ветерок шелестел их вершинами. Слышался как бы таинственный шепот, прерываемый лишь изредка криком загулявшей или одержимой бессонницей птицы, кваканьем лягушек на берегу недалекой реки, или отдаленным человеческим голосом, доносившимся со двора усадьбы.

О чем шептались эти вековые старожилы княжеских владений? Вспоминали ли они в тихой беседе свежую в памяти их одних повесть минувших лет? Сравнивали ли они прошедшее с настоящим, давая ему надлежащую оценку, или же, одаренные даром прозрения, с ужасом перешептывались о грядущем?

Княжне было, по-видимому, не до разрешения этих вопросов. Встреча ее с Николаем Леопольдовичем, ежедневные разговоры с ним окончательно перевернули вверх дном все ее прежние взгляды, планы, предначертания.

Она была в положении незнакомого с местностью путника, сбившегося с дороги и идущего по какой-то, не зная, приведет ли эта дорога к желанному жилью, где он может отдохнуть от далекого пути, но идущего только

потому, что видит впереди себя другого путника, бодро и весело шагающего по этой дороге.

Она тоже заблудилась и решилась следовать за Гиршфельдо, тем более, что он становился на нее необходимым, порой так, что она чувствовала, что готова полюбить его.

Все в нем подкупало ее — авторитетность тона, смелость, выводов, ярмизна взглядов. Она чутьем угадывала, что в нем таится какая-то сила, какой-то непременный залог жизненного успеха, именно то, чего у нее, утомленной бесплодным исканьем жизненной цели, или лучше сказать, средств к ее достижению — не доставало.

Какого качества была эта сила, какого качества был этот самый успех, какие средства с откровенным цинизмом предлагал этот, по ее мнению, прямолинейный человек?

Над этим она глубоко не задумывалась.

Какой-то внутренний голос подсказывал порой ей, что проповедь этого нового человека безнравственна, что путь, указываемый им для достижения земных благ, позорен, преступен, но жажда успеха, власти, первен-

ства туманила ей голову, и поток его громких, красиво связанных фраз, как звон золота, заглушали этот голос.

Вспоминалась порой ей другая встреча, другие речи.

Образ бледного чернокудрого молодого человека, с восторженным взглядом глубоких умных глаз, в Москве, в первый год ее вступления на самостоятельный путь, когда она еще была твердо уверена, что у нее хватит силы и энергии пройти предначертанный путь, да и самый путь казался ей и более краток, и более верен.

Этот юноша был уроженец города Т., единственный сын чиновника, славившегося своим бескорыстием и неподкупностью, оставившего ему только честное имя, которое этот чудак, как называли его сослуживцы, ценил выше всякого земного богатства. Студент-медик, беззаветно преданный науке, готовый ради нее на все лишения, он бодро шел по тернистой дороге труда.

Они были знакомы ранее немного в Т. Среди большого города, почувствовав себя, как всегда в толпе, более одинокими, они со-

шлись.

Красота молодой княжны, ее жажда самостоятельности, желание трудиться, быть полезной, не могли не произвести впечатления на юного идеалиста. С особенным увлечением беседовал он с нею долгие вечера. Он говорил о поэзии жизни, о любви к ближним, об удовольствии сознания принесения пользы, о сладости даже погибели для пользы человечества, о мерзости проявления в человеческих поступках признаков корысти, о суете богатства, о славе, об идеалах.

Он не задавался мечтами о широкой деятельности, не требовал себе обширного горизонта; он говорил, что можно и достаточно быть полезным в маленьком кругу, что принесение пользы надо соразмерять с силами и возможностью человека, он указывал на лепту вдовицы, поставленную Великим Учителем выше богатых приношений.

Он говорил о любви, о сладости взаимности, о симпатии душ, он называл брак по расчету — самопродажею.

Она увлекалась его горячею проповедью, но ей казалось, что рисуемая им жизненная

программа тесна для нее, что этот идеал так называемого мещанского счастья.

Еще не утомленная жизненными бурями, она ие искала тогда тихой пристани, которую восторженно рисовал перед нею ее идеальный друг.

И теперь, даже она едва ли бы удовлетворила ее.

Она видела, что он говорит с ней, вдохновленный к вей чувством любви, она наблюдала, как это чувство зародилось, росло. Она ощутила даже в своем сердце на него мимолетный отклик, и испугалась, что это послужит ей препятствием для достижения высших целей, установит ее в тесные рамки будничной жизни.

Она оттолкнула от себя восторженного юношу и уехала в Петербург.

Потом она встречалась с ним, когда он, кончив курс, поселился в Т. и бывал в доме ее отца, который очень любил его.

Сестра Лида призналась ей, что она любит его, княжна Маргарита видела, что «идеальный друг» остался ей верен, по-прежнему восторженно любит ее, по-прежнему благоговеет

перед ней, мало обращая внимания на влюбленную Лиду.

Она осталась довольна этим предпочтением, отдаваемым ей пред сестрою и… только.

Одно ее слово и он был бы у ее ног, но этого ей было мало.

Не столкни ее судьба с Гиршфельдом, быть может она, утомленная и разбитая, и обратила бы свой взор на него, сказала бы это слово, стала бы женой и матерью у тихого семейного очага — любимая мечта молодого идеалиста, но здесь, по ее мнению, открывались ей более широкие горизонты. Идя с этим бесстрашно глядящим в будущее «новым» человеком, она вместе с ним покорит весь мир. Он, конечно, не разделит даром с ней добычу; даром не подаст ей даже руки, чтобы вывести на настоящий путь, но он говорил ей, что красота тоже капитал. Она купит его этим капиталом.

К такому решению мысленно пришла княжна Маргарита Дмитриевна под тенью столетних деревьев дедовского парка.

XXI
Меткий выстрел

— Мечтаете! — раздался около нее голос.

Княжна вздрогнула.

Перед ней стоял Николай Леопольдович.

Побеседовав несколько времени с княгиней, и уверив ее, что злоупотреблять позволением князя Александра Павловича занимать ее было бы с их стороны опрометчиво для будущего, он оставил ее за любимым ее занятием — раскладыванием пасьянса, а сам поспешил на террасу, оканчивать свой разговор с княжной, который он решил сегодня же довести до благополучного конца, так как почва, по его мнению, была подготовлена.

Не застав княжну на террасе, зная ее привычки, пошел искать ее по аллеям «старого парка» и, как мы видели, предстал перед нею в ту минуту, когда она пришла к роковому решению.

— Ну-с, — начал он, подсаживаясь к ней, — на чем мы с вами остановились? Давайте продолжать, если ваши мечты, в которых я за-

стал вас, не заставили вас позабыть наш разговор.

— Ничуть! — ответила княжна. — Я именно и думала о нашем разговоре, думала о вас.

Он встал и поклонился с комическою важностью.

— Весьма признателен вашему сиятельству, что вы в минуты досуга иногда вспоминаете в своих мечтах такое ничтожное существо, как ваш преданный и покорный слуга.

— Перестаньте балаганить! Это совсем к вам не идет, а преданы ли вы мне — это я еще увижу, но что не будете покорны, я это знаю, на это не рассчитываю и даже этого не желаю.

— Преклоняюсь перед вашею прозорливостью и способностью не желать недостижимого. Что же касается моей преданности, то предан я буду тому, кто меня оценит по достоинству.

— А можно спросить, какая будет цена? — улыбнулась она.

— Это относительно. Вы, собственно говоря, спрашиваете об этом из сиятельного любопытства вообще, или же для себя? — серьез-

ным тоном спросил он в свою очередь.

— А если бы для себя.

— Для вас — вы сами безусловно и бесповоротно! — не сморгнув, в упор отвечал он ей.

Она смутилась.

— Это значит... вы делаете мне... предложение? — с расстановкой спросила она.

— Нет, не значит! — цинично улыбнулся он.

— Я вас в таком случае отказываюсь понимать.

— Как будет угодно вашему сиятельству.

— Но если бы я согласилась быть вашей женой? — глухим голосом с трудом вымолвила она.

— Увы! При настоящем положении вещей я принужден был бы отказаться от этой высокой чести. Отказаться в ваших и даже в наших общих интересах, если бы вы, понятно, пожелали, чтобы они были общие, — невозмутимо продолжал он.

— Я вас опять не понимаю.

— А, между тем, это так понятно. Что приобретаю я, женясь на вас? Красавицу девушку, которая из княжны Шестовой превраща-

ется в жену кандидата прав Маргариту Дмитриевну Гиршфельд, и более ничего. Еще менее приобретаете вы, жертвуя даже своим титулом. Вы получаете мужа, только что вступившего на скользкое адвокатское поприще, без средств, а следовательно без возможности с честью и славою идти по этому пути. Образуется из нас бедная семья, которая может приращаться. Природа не справляется с родительским бюджетом! Я — муж, бегающий за грошовыми заработками, чтобы что-нибудь дать голодающей семье, вы — жена, обмывающая и пеленающая своих детей и ведущая грошовое хозяйство! Вам нравится такая перспектива? Мне — нет.

— Но у моего отца есть тысяч тридцать. Картина немного не верна! — попробовала возразить она.

— Значит, на вашу долю придется пятнадцать. Разве это деньги? Мы с вами еще не жили, нам хочется жить. На сколько нам их хватит? А между тем, жизнь манит своими соблазнами. Ими пользуются другие под нашим носом. Почему же не мы? Деньги эти пройдут быстро, наступит безденежье, и кар-

тина окажется верна.

— Умрет дядя… — заикнулась она.

— Вы сделаетесь обладательницей его деревенской библиотеки.

— Что? — вскочила Маргарита Дмитриевна.

— Такова его единственная, относительно вас, воля, высказанная в завещании, которое я читал несколько раз.

Княжна остолбенела.

— Это злая насмешка! — сквозь зубы прошептала она, и ее глаза загорелись зеленым огнем.

— Похоже на это, особенно сопоставив, что вашей сестре Лидии завещано двести тысяч.

— Ей? — простонала княжна.

— В нашей воле все изменить… — прошептал Гиршфельд.

— Как? — схватила она его за руку.

— Позвольте, не торопитесь, вами еще не приняты мои условия.

— Какие? Говорите! — снова простонала она.

— Я люблю вас! — задыхаясь от страсти, подвинулся он к ней.

Она не отодвинулась.

— За обладание вами, я готов отдать вам себя на всю жизнь — это не фраза. Получая вас, я приобретаю себе полезного союзника и помощника, сохранить которого будет в моих интересах. Для людей, для света княжна Шестова и помощник присяжного поверенного Гиршфельда будут только хорошими знакомыми. К нам, у меня уже составлен план, перейдут все капиталы князя Александр Павловича Шестова. Красавица княжна Шестова поможет мне приобрести капиталы и из других рук по моим указаниям, деля добычу, по-братски, пополам.

— Это значит продавать себя! — в ужасе прошептала она.

— Ничуть! Женщина, продающая себя, разменивается на мелочи и не ценится вовсе. Умная, красивая женщина должна только брать, ничего не отдавая или отдавая очень мало.

— Это как же?

— Я объясню вам это впоследствии, но если вы с предубеждением, то, значит, я в вас ошибся, и нам лучше прекратить этот разго-

вор.

— Продолжайте, продолжайте! — настойчиво повторила она.

— Когда мы достигнем главного — богатства, тогда от нас будет зависеть пойти под венец или нет. Быть может, поделив добычу, мы захотим разойтись, вы или я, мы будем свободны.

— Но средства к достижению этого богатства — преступления? — робко задала она вопрос.

— Вас пугают страшные слова, — усмехнулся он. — Не открытые преступления — не преступления.

— А если откроют?

— Значит, мы глупы и нам поделом.

— Страшно.

— Волков бояться — в лес не ходить. Впрочем, это зависит от вашей воли, вы можете остаться при перспективе читать книги из вашей собственной библиотеки и няньчить детей вашей богатой сестры.

— Я ваша! — порывисто склонилась она к нему.

В его глазах блеснул огонек неудержимой

страсти и он заключил ее в свои объятия.

Раздался первый поцелуй.

Он был печатью заключенного договора.

Столетние дубы и вязы «старого парка» были одни немыми свидетелями тайного союза потомка немецкого жида с отпрыском древнего русского княжеского рода.

XXII
Адский замысел

Прошло несколько дней. Истинный и верный путь, к достижению желанных целей, открытие которого было куплено княжной Маргаритой Дмитриевной такою дорогою ценою при последнем свидании ее с Гиршфельдом в «старом парке», был пока известен ей лишь в общих чертах.

Николай Леопольдович не успел еще посвятить ее в отдельные детали.

Она знала лишь одно, что на этом пути ей не следует смущаться препятствиями, именуемыми на языке «пошляков», как говорил Гиршфельд, совестью, честью, стыдом, правдой, нравственностью, пороком, грехом и

преступлением.

Она догадывалась также, что она должна будет вести подпольную борьбу со всем родом князей Шестовых, начиная со старика дяди и кончая, быть может, сестрой и двоюродным братом.

Это ее не смущало, тем более, что она была уверена, что выйдет с помощью ее друга и руководителя, из этой борьбы победительницей.

Она, несомненно, сделает зло всей этой семье, она составит ее несчастье, но зато она отомстит.

Сладкое удовлетворение своего дьявольского самолюбия находила она в этой мысли.

Отец, бросивший ее, как ей казалось, на произвол судьбы и няньчащяйся с этой «глупой Лидкой», дядя, неудовлетворяющийся мелкими уколами и оскорблениями ее, при жизни, а наносящий ей страшное оскорбление после своей смерти насмешкой в духовном завещании — не стоили пощады с ее стороны.

Они не оценили ее, и будут за это жестоко наказаны.

Поскорее бы только начать.

Она с нетерпением ждала удобного времени для второго свидания, когда она узнает все подробно.

Давнишняя злоба ее к дяде, князю Александру Павловичу, дошедшая до своего апогея, когда она узнала относящийся к ней пункт его завещания, еще более укрепилась в ней через день после свидания с Гиршфельдом.

Княжна получила телеграмму от одной своей подруги по курсам, что та проездом будет на станции Ломовис, куда и просила княжну выехать повидаться с ней минутку.

Маргарита Дмитриевна переговорила с княгиней и отдала приказание приготовить к утру следующего дня лошадей.

Проснувшись рано, она оделась и совсем готовая вышла садиться, но у подъезда экипажа не было.

— Узнай, скоро ли подадут! — обратилась она к проходившему через залу лакею.

— Его сиятельство приказали распречь! — почтительно отвечал тот.

— Как распречь? — вспыхнула она. — В

чем же я поеду?

— А можете и не ездить, такая же будете, — вышел в это время из кабинета князь, находившийся с самого раннего утра в дурном расположении духа. — Стану ли я для всяких ваших проходимиц или, как они теперь называются, курсисток дорогих лошадей гонять. Заведите своих да и катайтесь сколько угодно.

— А! — могла только прошипеть сквозь зубы вся побагровевшая княжна и быстро ушла в свою комнату.

Князь уже кого-то распекал во дворе. Его голос был слышен в комнате княжны.

«Жестоко поплатишься ты мне за это, негодный старикашка, с тебя первого начну я уничтожение захудалого рода аристократов-тунеядцев!» — со страшною, непримиримою ненавистью думала она.

Наконец, давно желанное второе свидание с Гиршфельдом состоялось.

Во время ее обычной прогулки, между вечерним чаем и ужином, по задним аллеям «старого парка», на дорожке, ведущей к «проклятому дубу», показался Николай Леополь-

дович.

Маргарита Дмитриевна бросилась ему навстречу.

— Наконец-то! — прошептала она. — Я уже думала, что ты никогда не выберешь время.

— Напрасно думала, о чем думать не следует... — улыбнулся он. — В нашем положении осторожность — первое условие успеха.

Они опустились на «скамейку старого князя».

Была чудная тихая ночь. Луна с безоблачного, усыпанного мириадами звезд неба лила на землю кроткий волшебный свет, таинственно отражавшийся в оконечностях медных крестов на решетке, окружающей старый дуб. Вокруг «проклятого места» царило ужасное безмолвие. Поднявшийся с протекающей невдалеке реки туман окутывал берег и часть старого парка, примыкающего к нему, создавая между стволами и листвой вековых деревьев какие-то фантастические образы.

Нашим собеседникам, впрочем, было, видимо, не до созерцания окружающей их природы.

— Время дорого, приступим прямо к делу, — серьезно начал он. — Необходимо прежде всего уничтожить завещание князя.

— Да, да; но как это сделать?

— Способы есть, но надо выбрать лучший и выгоднейший. Можно уничтожить завещание еще при жизни князя, похитив его, но это рисковано, так как князь может хватиться и не найдя написать новое; можно, наконец, похитить его и уничтожить после смерти, но, во-первых, смерти этой надо ждать, а он, кажется, умирать и не собирается.

— Кажется! — злобно прошептала она.

— Во-вторых, кто нам поручится, что князь не передаст этого завещания при жизни на хранение в верные руки — своему брату, например, твоему отцу...

— Это предположение возможное... — задумчиво произнесла Маргарита Дмитриевна.

— Не это еще не все, нам необходимо, чтобы князь умер как можно скорее, чтобы умер он без завещания, так как кроме того, что из его состояния двести тысяч идут от нас твоей сестре, а она с таким приданым не засидится, и эти деньги, с момента ее замужества, пропа-

дут для нас навсегда, сама княгиня по завещанию является очень ограниченною в своих правах на громадное состояние князя, а я желал бы, чтобы эти права ее были бы обширнее, так как, имею на нее влияние.

— И даже, как я заметила, очень большое! — съязвила княжна.

Гиршфельд посмотрел на нее.

— Ревность, кажется, не предусмотрена ни одним пунктом нашего договора.

— С чего это ты взял, что я буду ревновать к этой красивой развалине?

— В таком случае и предоставь этой развалине взять свою долю жизненного счастья. Поверь, она дорого поплатится за это.

— Не не могу же я уверить тебя, что мне приятно это видеть.

— Что делать, нет пути без терний. Я постараюсь, чтобы тебе реже все напоминало об этом. Вот единственная уступка, которую я могу сделать твоим пылким чувствам! — улыбнулся он.

— Хорошо, хорошо. Ведь я же понимаю, что не можешь же ты предпочесть меня ей для нее лично.

— Что правильно, то правильно. Я знал, что ты меня поймешь. Ты умная, рассудительная женщина. В наше время они, к сожалению, редкость.

Он привлек ее к себе.

— Что же делать, чтобы осуществить все, что ты говоришь? — начала она.

— Надо, чтобы князь окончил жизнь самоубийством, или, по крайней мере, был признан самоубийцей. Тогда, на основании 1472 ст. Уложения о наказаниях, духовное завещание его будет сочтено ничтожным. Этого только нам и надо.

— Значит, надо убить его? — резко спросила Маргарита Дмитриевна.

Она вспомнила все, вспомнила недавнее оскорбление и злобная радость прозвучала в тоне ее вопроса.

— Да, отравить; это очень удобно, так как он принимает опиум. Почтенный Август Карлович прописал, как он сам выразился, лошадиный раствор. Несколько десятков капель и князь уснет на веки. Положим, на самоубийство будет похоже мало, но, приняв во внимание, что Сергей Павлович Карамышев так же

много смыслит по следственной части, как я в китайском языке, да и остальные ваши местные жрецы Фемиды довольно убоги — я полагаю, что они, за отсутствием мотивов для отравления князя посторонним лицом, поспешат покончить это дело именно в этом смысле.

Надо сознаться, что сам Николай Леопольдович плохо верил в то, что говорил княжне, но ему необходимо было как можно скорее устранить князя и сделать княгиню распорядительницей шестовских богатств. Он даже готов был поступиться двумя стами тысяч в пользу Лиды, надеясь и на них, впрочем, наложить впоследствии свою загребистую лапу, а потому ему было безразлично: умрет ли князь с завещанием, или же без него.

Говорил же он все это для княжны Маргариты, желавшей всеми силами души своей лишить сестру наследства, которое являлось смертельным для нее оскорблением.

Он надеялся таким образом добыть ее согласие. И он не ошибся.

— Кто же должен исполнить это, то есть влить опиум? — после некоторый паузы спро-

сила княжна.

— Ты.

— Я! Но как?

— Камердинер князя приготовляет лекарство во время нашего обеда; после обеда князь идет на террасу, где курит трубку, которую ему приносит тот же камердинер из кабинета. Ты, будто бы идя в свою комнату, зайдешь в всегда отворенный кабинет и вольешь опиум, который стоит на письменном столе, около крайнего шкапчика, в коричневом пузырьке, в приготовленную на ночном столике рюмку, а затем пройдешь к себе. Это дело одной минуты. Князь уже впился в опиум. Он принимает его целый год. Он проглотит и не заметив количества. Принимающие опиум даже любят увеличение доз. Я уеду на это время для того, чтобы, как посторонний человек, не навлечь на себя подозрения.

— Ты уедешь? Куда? — тревожно спросила она.

— В Т. дня на два. Я уж устрою. До этого времени ты присмотрись к кабинету и к месту на столе, где стоит пузырек. Смотри, чтобы только никто не заметил.

Княжна молчала. В ней происходила борьба, но злоба против князя одержала верх.

— И так, решено? — спросил Гиршфельд.

— Хорошо, я делаю. Решено! — глухим голосом ответила она.

XXIII
В разлуке

Наступили первые числа августа.

Время мчалось для княжны Маргариты Дмитриевны с ужасающею быстротою.

Вступив на новый жизненный путь, связав на всю жизнь, как ей по крайней мере казалось, свою судьбу с избранным ею человеком, она зажила какою-то двойною жизнью. Ум ее лихорадочно работал, нервная система, доведенная до высшего напряжения, как бы закалилась; неведомая доселе страсть охватила все ее существо, а между тем, в душе царил какой-то страшный покой.

Она чувствовала себя далеко не самостоятельной, чувствовала, что находится в полном подчинении воле этого железного человека, но это самое подчинение доставляло ей

величайшее наслаждение.

Ей казалось, что рука этого человека настолько твердая, непоколебимая опора, что она, княжна, может теперь спокойно и безмятежно смотреть в будущее, отдохнуть от пережитых треволнений, что он один доведет ее до цели, выведет ее на широкую желанную дорогу.

Она сознавала, что она не идет, а ее ведут, но, по крайней мере, она была уверена, что не собьется с дороги.

Этот относительный покой ее организма разливал в нем какую-то сладостную негу и истому.

Так заблудившийся в дремучем лесу в зимнюю стужу путник покойно вверяет себя первому встречному и следует за ним, с наслаждением предвкушая теплую комнату и мягкое ложе.

Встречный же для заблудившейся в жизненном лесу княжны не только ведет ее, но рассказал ей заранее дорогу, поручил даже расчищать путь по его указанию, то есть действовать самой для себя и даже для него в благодарность за то, что он ведет ее.

Без нее, быть может, и сам он не так скоро вышел бы на дорогу, к жилью. Она, следовательно, помогает ему, она ему необходима. Друг без друга они — ничто, вместе — сила. Это вполне удовлетворяло ее самолюбие.

Еще более странное чувство стало охватывать ее с некоторого времени.

Ей стало казаться, что если бы даже она убедилась, что помогает этому человеку в начертанном им плане исключительно для него, то и тогда бы она не постаралась разорвать приковывающую ее к нему цепь, лишь бы быть с ним, около него.

Она без ужаса не могла представить себя без него. Холодный пот выступал у ней на лбу при одной мысли о возможности остаться снова одной. Она поняла, что безумно, страстно любит его. Она полюбила его прежде всего за смелость, с которой он взял ее. Эта любовь, в течение каких-нибудь двух недель со дня рокового свиданья в «старом парке», возросла до самоотречения.

С трепетом ожидала она коротких с ним свиданий в самом отдаленном месте «старого парка», на «скамейке старого князя», между

вечерним чаем и ужином. Там, на этом «проклятом месте», развивал он перед нею свои страшные планы, там предавалась она первым восторгам любви.

Опьяненная этими восторгами, благоговейно внимала она своему кумиру.

Даже страх перед опасностью раскрытия его страшного плана совершенно исчез из души княжны Маргариты Дмитриевны — так велика была в ней уверенность в уме, дальновидности и рассчетливости ее нового друга, союзника и соучастника.

Она была в каком-то чаду, а между тем в нем, как в чистом воздухе, дышала полною грудью.

Такая картина ее нравственного состояния, — последствия роковой для нее встречи, — предстала перед ней с полною ясностью во всех мельчайших деталях во дни первой, хотя и кратковременной разлуки.

Гиршфельд уехал.

Он поехал дня на два в Т. с какими-то поручениями от князя Александра Павловича.

Княжна сидела одна в комнате у окна, выходящего в парк.

Комната племянницы князя Александра Павловича находилась на одной линии с его кабинетом, комнаты через две, и была угловая, в два окна. Одно из них выходило в парк, а другое — во двор. Убрана она была сравнительно с другими княжескими апартаментами весьма скромно.

Штофная темно-синяя мягкая мебель и такие же занавески на окнах, темные обои придавали ей мрачный вид, и единственным светлым пятном на этом темном фоне выделялась постель княжны, покрытая белоснежным тканьевым одеялом с целою горою подушек.

Княжна спала почти сидя, иначе чувствовала страшные приливы к голове.

В углу, между окнами, стоял косяком большой письменный стол на шкафчиках. Он был завален книгами и тетрадями. Посредине лежала какая-то неоконченная рукопись.

Прислуге было отдано княжной строгое приказание не касаться ее письменного стола, который она убирала сама.

Судя по его настоящему внешнему виду, можно было сразу догадаться, что за ним не

сидели давно. Довольно густой слой пыли на книгах и неоконченной рукописи указывал, что к ним не прикасались, по крайней мере, несколько дней.

Да и на самом деле, занятая совершенно иным, княжна бросила с некоторого времени свои научные работы.

Зная, что сегодня утром Николай Леопольдович уехал и должен вернуться лишь послезавтра, она накануне еще решила, что проведет эти дни за работой и таким образом не заметит двух дней горькой, как она почувствовала, для нее разлуки.

В эту ночь ей не спалось, она задремала лишь под утро и сквозь сон слышала, как, звеня колокольчиками, подъехала к крыльцу коляска, как уселся Гиршфельд, сопровождаемый громкими пожеланиями приятного препровождения времени со стороны князя Александра Павловича.

— Удастся ли тебе узнать, как он проводил время? — злобно подумала она с просонья, и с этою мыслью заснула крепче.

Было почти уже два часа, когда ее разбудил раздавшийся под самым ее окном резкий

голос того же Александра Павловича, распекавшего возвратившегося со станции железной дороги кучера за то, что он дал слишком незначительный отдых лошадям.

— Загнал, негодяй, лошадей; хозяйское добро жалеть не ваше дело! — кричал князь.

Послышались звуки ударов нагайкой.

Она вздрогнула, точно ударили по ней самой, и проснулась. Быстро вскочила она с постели, оделась, распахнула окно, выходящее в сад, села у него и задумалась.

О предполагаемой работе она совершенно забыла.

Она просидела бы, быть может, очень долго, если бы дверь ее комнаты не отворилась и на ее пороге не появилась Стеши.

— Пожалуйте к княгине, наверх, — отрывисто обратилась она к ней.

— Сейчас, — отвечала та, вздрогнув и встала. Стеша ушла.

Она также была, видимо, не в своей тарелке. Грустила ли она также об отъезде Николая Леопольдовича, или же ее тревожила мысль — привезет, или не привезет он из города обещанный им дорогой подарок — неиз-

вестно.

XXIV
В дороге

Княгиню Зинаиду Павловну княжна застала пьющей чай у себя наверху. Ссылаясь на мигрень, она не сошла даже вниз.

— Почитайте мне, ma chère, только потише. Я совсем больна, сама не могу.

Княжна взяла раскрытый французский роман, лежавший на столе, и принялась за чтение.

Княгиня почти не слушала. Мысли ее вертелись на Николае Леопольдовиче.

«Зачем он уехал? Зачем его услали? Противный князь!»

В перспективе, менее чем через две недели, была еще более долгая разлука. Сын уезжал в Москву. Пребывание Гиршфельда в усадьбе теряло свое raison d'être, и из последних нескольких дней вырвать целых два дня — это ужасно!

Княжна тоже читала машинально. Почти одинаковые с княгиней мысли бродили в ее

голове, осложненные еще другим серьезным делом — предстоящим исполнением начертанного Гиршфельдом замысла.

Чтение, между тем, продолжалось.

Одна старалась сделать вид, что внимательно читает, другая — что внимательно слушает.

Виновник же тревоги и печали этих трех совершенно разнородных женщин был уже далеко и думал о них, но совершенно иначе, нежели они, каждая порознь, об этом воображали.

Николай Леопольдович с неделю, как замыслил уехать денька на два в Т.

Ему было необходимо обратить скопленные от великих милостей княгини Зинаиды Павловны деньжонки, в размере более двух тысяч рублей, в какие-нибудь бумаги, чтобы деньги не лежали без милых сердцу Гиршфельда процентов и занимали в бумажнике менее места.

Сделать это поблизости можно было только в одном Т.

Хотелось ему также познакомиться с отцом и сестрой княжны Маргариты Дмитриев-

ны. С последней в особенности, так как она являлась наследницей двухсоттысячного капитала и, пока что, до сих пор состояла ею.

Княжна Маргарита, как он и не ошибся, дала на это свое согласие и даже благовидное поручение в форме письма к отцу и сестре.

Кроме того, как мы уже знаем, ему надо было провести дня два в отсутствии из княжеской усадьбы.

Задумав такую отлучку, Гиршфельд стал исподволь подготовлять к ней Александра Павловича, мельком роняя в разговоре с ним о своем желании посмотреть Т., исполнить, если было бы нужно, кстати, какие-нибудь его княжеские поручения.

Князь, исполняя желание своего любимца, придумал несколько таких, якобы неотложных поручений, в числе которых было отвезти письмо брату, а племяннице несколько снятых недавно приглашенным фотографом видов с усадьбы и окружающих ее живописных мест.

— Познакомьтесь, хороший, прямой человек, старый вояка! — аттестовал Александр Павлович брата.

Николай Леопольдович хотя и обрадовался возможности уехать, но поморщился от этого поручения.

— Впрочем, все равно, эти пустяки не помешают! — подумал он и согласился.

Князь выдал ему, в счет жалованья, двести рублей.

Сообщив княгине о желании князя, чтобы он ехал в Т. по делам, что подтвердил и сам князь, Николай Леопольдович успел у нее утянуть радужную на дорогу и укатил.

Полуразваляеь в покойной дорожной коляске, оставив быстро позади себя усадьбу, он не переставал думать о ее обитателях или, лучше сказать, обитательницах.

Княгиней он был недоволен. Она оказалась далеко не такой тароватой, как он надеялся, и старалась избегать денежных вопросов.

Быть может это происходило оттого, что она сама не располагала большими деньгами, глядя из рук мужа, но только ему приходилось прибегать к вымышленным рассказам о бедственном положении его семьи, о старых студенческих, его беспокоящих, долгах, о чем

будто бы ему сообщают и напоминают в получаемых им из Москвы письмах, и только тогда княгиня, желая его утешить, раскошеливалась, но при этом, — он это заметил, — на ее лицо всегда набегала какая-то тень.

«Ужасная вещь иметь дело с этими стареющими красавицами, они уж чересчур щепетильны в финансовых вопросах, тревожась возникающим, вероятно, в их уме сознанием, что их любят не за увядшую красоту, а за деньги...» — рассуждая про себя Николай Леопольдович.

Мысль его переносилась к молодой княжне.

Ею до сих пор он был чрезвичайно доволен. Он чувствовал, что она была вся в его руках, что она на самом деле отдалась ему беззаветно и бесповоротно, что она полюбила его со всею страстью молодого, нетронутого организма. Он глубоко верил только в такое плотское чувство и оно служило, по его мнению, верным залогом, что она не будет в будущем перечить его планам и не выдаст, если попадется.

«Ну, а как попадется?» — мелькнуло в его

уме.

Ему пока все-таки еще было жаль ее: она не потеряла для него еще обаяния новизны.

— Какова-то она, как исполнительница?

— Вернусь, увижу! — сказал он сам себе.

Кто давненько приелся ему и изрядно таки надоел, так это Стеша.

«С этой расправа коротка. Я уж несколько раз прогонял ее, дуется, ну и пусть... Привезу ей из города серьги и брошку... и баста!» — решил он в своем уме.

— В усадьбе-то у нас, барин, опять нечисто стало! — обернулся к нему кучер Степан, молодой парень с лунообразным лицом, опушенным жидкою белокурою бородкою.

Уставших лошадей он пустил пройтись шагом.

— Как, нечисто стало? — встрепенулся пробужденный от своих дум Николай Леопольдович.

— Старый-то князь опять стал посиживать на своей скамеечке. Посмотрите, барин, быть беде.

— Ты откуда это знаешь? — спросил он.

Александр Павлович давно рассказал ему

легенду проклятого места.

— Парни из деревни на рыбной ловле были и опоздались, мимо ехали, так его видели и не одного даже.

Николай Леопольдович побледнел. Он понял, что это видели его с княжной. Вдруг у него мелькнула мысль. Он улыбнулся.

— Все вздор, бабьи сказки! — оборвал он Степана.

Тот посмотрел на него с нескрываемым удивлением, но замолчал.

— Эй вы, пошевеливайтесь! — тронул он вожжами лошадей.

Вдали виднелась уже железнодорожная станция.

Среди княжеской дворни, действительно, за последнее время ходили слухи о появлении вновь старого князя на его скамейке.

— Стрясется, наверное, какая ни на есть беда! — решили все в один голос.

В день отъезда Гиршфельда с горькими слезами явился на кухне Степан, избитый князем под окном комнаты княжны Маргариты Дмитриевны.

Там он застал молодого франтоватого ка-

мердинера князя, всегда одевавшегося «по моде» и любившего ужасно цветные галстуки, Яков, так звали камердинера, считался среди дворни большим сердцеедом, и не одно женское сердце людской и деревни страдало по нем. Он всегда тщательно расчесывал свои черные кудри и красивые усы.

— Нашего сердцегрыза-то почище тебя угостили... — указал на Якова клубский повар, Коропат Иванович, выслушав рассказ Степана о барской с ним расправе.

Последний посмотрел на Якова и увидал на лице его три свежих красных рубца.

— Кто это вас, Яков Петрович? — участливо обратился он к нему.

— Кто? Известно кто, кто и вас... — злобно ответил Яков.

— Зачто?

— Трубка из рук, подлая, выскочила, янтарь отлетел, он меня и давай арапником полосовать, насилу убег. К барыне явился, пятишницу пожаловала, да разве этим залечишь! Долго не пройдут, проклятые, — отвечал тот, рассматривая свое лицо в снятое им со стены зеркало.

— Под колодцем умываться почаще, первое дело, — посоветовал другой повар, Сакердон Николаевич.

— И с чего это он таким зверем ходит? Прежде, кажись, на него реже находило! — недоумевал Степан.

— Перед смертью, смерть чует, мухи, вон, и те злее становятся, как дохнуть им приходится! — раздражительно заметил Яков, под впечатлением ходивших слухов о появлении «старого князя».

— Ну, кажись, смерти-то его еще не видать: гоголем ходит. Смотри, парень, тебя переживет и не раз еще разукрасит! — подзадорил Якова Коропат Иванович.

— Издохнет скоро, помяните мое слово, издохнет! — озлился Яков и, повесив зеркало на место, вышел из кухни, сильно хлопнув дверью.

— Ишь как его разобрало! — усмехнулся Сакердон Николаевич.

— Красоты поубавили, а это ему перед бабами зарез! — серьезно заметил Коропат Иванович.

Бывшие в кухне расхохотались.

XXV
В гостинице

Приехав на станцию Т., Николай Леопольдович, по получении железнодорожным сторожем багажа, приказал нанять ему извозчика в гостиницу «Гранд-Отель».

Эту гостиницу указал ему перед его поездкой князь Александр Павлович.

Город Т. отстоит от станции железной дороги не более как в полуверстном расстоянии. Это пространство занято немощеной площадью с низенькими строениями кругом, в которых помещаются разные лавчонки, портерные, питейные дома и даже ресторации.

Эта площадь, собственно говоря, могла бы считаться за начало города, если бы находящаяся в конце ее застава, состоящая их двух каменных, выкрашенных в белую краску столбов с гербами города, не указывала, где начинается городская черта.

Тотчас за заставою тянется прямая улица, носящая название Дворянская.

Гостиница «Гранд-Отель» находилась на углу Дворянской и Базарной улиц, в каменном трехэтажном доме.

Внизу помещались магазины.

Парадный подъезд ее выходил на Базарную, так как по Дворянской улице домов с парадными подъездами не было.

Все дома ее обнесены палисадниками с довольно густой растительностью, что летом придает, ей весьма красивый вид.

— Номер получше! — кинул Гиршфельд швейцару гостиницы, стоявшему у подъезда, быстро соскочив с пролетки подвезшего его извозчика.

— Вы не из усадьбы князя Шестова? — обратился к нему швейцар.

— Да, так что же?

— Пожалуйте-с! Для вас готов номер первый! — бросился швейцар вынимать из пролетки чемодан.

Николай Леопольдович остановился в недоумении.

— Мне приготовлен? Почему?

— Его сиятельство князь Шестов нарочного в контору изволили присылать с приказа-

нием.

Такое внимание приятно поразило его.

— Добрый, бедный старик! — прошептал он, поднимаясь по лестнице в сопровождении несшего чемодан швейцара, и нечто вроде угрызения совести зашевелилось в его душе.

— Извозчику прикажете заплатить? — уничтожил это мимолетное настроение вопросом швейцар.

— Да, отдай там сколько следует... — отвечал Николай Леопольдович.

— Слушаю-с. Проводи в первый номер, — сдал швейцар чемодан выбежавшему на встречу нового постояльца коридорному и быстро спустился вниз.

— Пожалуйте! — распахнул коридорный двери одного из номеров коридора бельэтажа.

Николай Леопольдович вошел.

Это был лучший номер в гостинице. Он был угловой и состоял из двух больших комнат и передней.

Четыре окна приемной выходили: два на Дворянскую и два на Базарную улицы. На них

были повешены традиционные белые шторы с фестонами и тюлевыми драпри.

В спальне было одно окно с репсовыми коричневого цвета, уже изрядно полинявшими гардинами.

Малиновая триповая мебель приемной тоже не отличалась свежестью и сильно потертый бархатный ковер под преддиванным столом оканчивал убранство.

Лакей поставил чемодан Николая Леопольдовича у входных дверей в передней, вынул затем из входной двери ключ с наружной стороны и воткнул его с внутренней.

— Развяжи чемодан и открой его, — приказал Гиршфельд, подавая лакею ключ.

Тот начал исполнять приказание.

Чемодан был открыт.

Тем временем Николай Леопольдович подошел к окну, противоположному двери, распахнул его, так как воздух в номере показался ему спертым.

— Приготовь мне умыться, я выну сам, что мне нужно, — обратился он к слуге. Тот быстро поднялся с пола и исчез за дверью.

От сквозного ветра дверь сильно, с ка-

ким-то звоном хлопнула. Николай Леопольдович вздрогнул.

— Фи, как я разнервничался! — обозлился он сам на себя.

Вынув из чемодана необходимое платье, белье и привезенные фотографии, Николай Леопольдович запер его и приказал вернувшемуся с водой лакею перенести в спальню. Когда все это было исполнено, он, совершив свой туалет, взглянул на часы.

Было без десяти минут четыре.

Он приказал подать себе обед, решив, что после обеда отправится к Шестовым, прогулявшись предварительно по городу.

Обед оказался превосходным.

За чашкой кофе, Николай Леопольдович закурил дорогую сигару, из данных ему на дорогу князем Александром Павловичем, и обратился к убиравшему со стола лакею.

— Далеко, братец, отсюда дом князя Дмитрия Павловича Шестова?

— Никак нет-с. Два шага по Дворянской. Сейчас, как выйдете из подъезда, повернете налево, за угол, дойдете до бульварчика, что у Собрания, по правой стороне против бульвар-

чика, второй дом будет, одноэтажный, в пять окон, окрашенный в дикую краску.

— Дворянская-то улица у вас, конечно, лучшая? Далеко они тянется?

— Никак нет-с, не лучшая, — осклабился лакей. — Лучшая — Дворцовая. Как бульварчик пройдете, в нее и упретесь.

— Городской сад есть?

— Как же-с, около дворца.

— Какого дворца?

— Так у нас губернаторский дом называется.

Докурив сигару и получив эти топографические сведения, он взял шляпу, захватил пакет с фотографиями и приказал подать себе пальто.

— Где же ключ? — посмотрел он на дверь, выходя. Лакей вернулся в номер.

На внутренней стороне двери ключа не оказалось. Лакей бросился искать на полу передней, в приемной, забежал даже в спальню, но бесполезно. Ключ исчез.

— Куда он мог запропаститься? — недоумевал слуга. — Я сам его вставлял в замок.

Он начал снова поиски, но снова без-

успешно.

— Надо будет доложить хозяину, может у него найдется запасной, — решил он.

— Иди, докладывай, только поскорей! — сказал Николай Леопольдович. — Мне некогда.

Лакей побежал и через несколько времени возвратился с другим ключом, который и вручил Гиршфельду.

Тот запер дверь, положил ключ в карман и удалился.

— И куда он мог деваться? — продолжал рассуждать сам с собою лакей о пропавшем ключе, осматривая внимательно пол коридора, возле двери.

Поиски ключа отняли немало времени, а потому когда Николай Леопольдович дошел до указанного лакеем гостиницы бульварчика и посмотрел на часы, то оказалось, что было без четверти семь.

«Посижу четверть часика, а ровно в семь пойду», — подумал он, опускаясь на одну из скамеек бульвара. В воздухе было жарко.

Небольшой бульварчик был обсажен густыми липами, дававшими прохладную тень,

и Гиршфельд с наслаждением вдыхал распространяемую ими свежесть.

XXVI
Будущая наследница

Дом князя Дмитрия Павловича был весь виден с этой скамейки. Он выделялся среди других строений, несмотря на мрачную дикую окраску, своим уютным, приветливым видом. Стекла его пяти окон с зелеными ставнями были замечательно чисты и ярко блестели на солнце. За большими, окрашенными в такую же, как и дом, краску, отворенными настежь воротами виднелся усыпанный песком двор, содержавшийся в идеальной чистоте. Со двора направо, в дом вело парадное крыльцо, обтянутое чистой парусиной.

Каким-то теплом, радушием и гостеприимством веет от таких домиков, все реже и реже встречающихся на святой Руси, не только в столицах, но и в губернских городах. Они год за годом уступают место домам другого типа, — большим и красивым, но, увы, ни величина новых, ни вычурная красота их архи-

тектурного стиля не могут скрыть от глаз наблюдателя, что в основу их постройки положен не комфорт отжившего старого барства, а гешефт новых народившихся дельцов.

Чувство какого-то покоя, чувство предвкушения приветливой встречи охватывает приближающегося к такому жилищу, непременно, так и кажется, добрых, бесхитростных, простого закала людей.

Такое же, или почти такое же чувство шевельнулось в душе Николая Леопольдовича, когда он подошел к парадному крыльцу и дернул за блестевшую, как золото, медную ручку звонка.

— Дома? — спросил он отворившего ему дверь казачка. Тот с недоумением посмотрел на него, видимо не привык к подобного рода вопросам.

— Пожалуйте-с. Вы не из усадьбы? — спросил он, оглядывая с любопытством нового гостя.

— Да, из усадьбы. От князя Александра Павловича. Доложи.

«И здесь уже ждут!» — подумал он про себя.

— Пожалуйте-с в гостиную, — произнес снова казачок, сняв с него пальто и указав на дверь, ведущую в залу.

Николай Леопольдович последовал его указанию.

Зала, в которую он вступил из передней, была большая.

Три окна выходили на улицу и два на двор. Убрана она была по-старинному. Два громадных зеркала в рамах из красного дерева висели в простенках. Под ними стояли ломберные столы. Слева, от входной двери, находилось старинное фортепиано, с потолка спускалась небольшая бронзовая люстра с хрустальными подвесками; на стенах было несколько бронзовых бра. На окнах с подъемными шторами ослепительной белизны стояла масса цветов. Пол, прочно выкрашенный под паркет, блестел как лакированный. Старинные стулья с высокими спинками и две старинных лампы, на высоких витых деревянных подставках, стоявшие в углах, дополняли меблировку.

Гостиная, убранная так же, как и зала, по-старинному, мебелью красного дерева, с ла-

кированными спинками и мягкими подушками, обитыми коричневым сафьяном, атласными такого же цвета гардинами на окнах, заставленных жардиньерками, полными цветов, была бы мрачна, если бы не вышитые подушки на диване, скамеечки и разбросанные там и сям на столиках и креслах белоснежные вязаные салфеточки, придававшие ей уютный и приветливый вид и указывавшие, как и чистота залы, на заботливую аккуратную женскую руку. Старинный персидский ковер покрывал пол, а на преддиванном столе, покрытом бархатною скатертью, стояла дорогая касельская лампа.

«Ого! — подумал Николай Леопольдович. — Эта старина стоит и теперь хорошие деньги».

Не успел он прикинуть в уме приблизительно стоимость окружающей его обстановки, как дверь, ведущая во внутренние комнаты, бесшумно отворилась и на ее пороге появилась грациозная, худенькая блондинка, с заплетенными в одну роскошную косу золотисто-льняными волосами, видимо, оттягивавшими назад ее миловидную миниатюр-

ную головку.

Она была одета в простенькое светло-голубое платье из легкой бумажной летней материи.

Это была княжна Лидия Дмитриевна.

— Вы Николай Леопольдович Гиршфельд, из Шестова? — с детской простотой подошла она к гостю, только что хотевшему представиться, и протянула ему руку.

— К вашим услугам! — отвечал он.

— А я Лида, сестра Марго, которую вы знаете. Она, вероятно, вам говорила обо мне, а может и нет? — наивно вопросительно поглядела она на Николая Леопольдовича.

— Очень часто, и с восторгом! — поспешил успокоить ее Гиршфельд.

Княжна улыбнулась довольной улыбкой.

— Это и сделало то, что я с большим нетерпением ожидал удобной минуты вам представиться! — продолжал он.

Княжна покраснела.

— Что же это я говорю с вами, а не прошу сесть! Садитесь, пожалуйста!

Они уселись около преддиванного стола.

— Князь Александр Павлович просил меня

передать вам вот эти фотографии, — подал Николай Леопольдович ей пакет.

— Фотографии? — переспросила она.

— Да, виды, снятые нынешним летом с усадьбы и живописных мест Шестова.

— А, очень рада, очень рада, я так люблю Шестово, но папа болен, и я уже три года как не была там. Это баловник дядя для меня и задумал снять виды. Я уж знаю. Я ему как-то раз выразила желание... — затараторила Лидия Дмитриевна, развернув фотографии и любуясь ими.

— Вот и проклятый дуб, там никогда не бывала: страшно, а вы? — обратилась она к Гиршфельду.

— Я бывал! — усмехнулся тот.

— Ночью?

— И ночью.

— И ничего?

— Ничего.

Княжна посмотрела на него с каким-то суеверным страхом.

— Я сейчас скажу папе, его вам вывезут. Он ведь теперь совсем не может ходить... — с грустью сказала она и вышла в ту же дверь,

оставив ее полуоткрытой.

«Заманчивая штучка, особенно для сластолюбивых старичков! Грезовская головка — выражение невинности и глупости на лице!» — подумал Николай Леопольдович, провожая ее глазами.

— Очень рад, очень рад, проси сюда к чаю, запросто! — послышался из соседней комнаты добрый старческий голос.

Княжна Лидия быстро впорхнула в гостиную.

— Папа просит вас в столовую, вы застали нас за чаем, так не хотите ли, запросто.

— С большим удовольствием! — поклонился Гиршфельд и последовал за княжной.

В небольшой столовой за столом, уставленным разного рода домашним печеньем, с кипевшим прекрасно вычищенным томпаковым самоваром-вазой, в кресле на колесах, сидел князь Дмитрий Павлович Шестов и какой-то молодой, скромно одетый, выразительный брюнет.

Князь Дмитрий Павлович был чрезвычайно симпатичный старик, с открытым, добродушным, чисто русским лицом. Остатки се-

дых волос были тщательно причесаны по-старинному, на виски, густые седые брови, нависшие на добрых, юношески-свежих глазах, были бессильны придать им суровый вид. Длинные седые усы с подусниками сразу выдавали в нем старую военную складку, если бы даже он не был одет в серую форменную тужурку с светлыми пуговицами — его обыкновенный домашний костюм. Ноги старика были закрыты пледом.

В столовой было прохладно. Два окна, выходившие в сад, были открыты.

Николай Леопольдович представился князю и передал ему письма его брата и дочери.

— Очень рад познакомиться... — с чувством пожал князь ему руку.

— Вы позволите? — указал он на письма.

— Помилуйте, пожалуйста! — отвечал Гиршфельд. Князь распечатал письма и принялся за чтение.

— Антон Михайлович Шатов, Николай Леопольдович Гиршфельд! — представила княжна молодых людей и заняла свое место за самоваром.

Новые знакомые пожали друг другу руки.

Княжна подала Гиршфельду стакан чаю, тот взял его, поклонившись, и присел к столу.

XXVII
Идеалист

Антон Михайлович Шатов был тот самый «идеальный друг» княжны Маргариты Дмитриевны Шестовой, мысль о котором, подобно голосу совести, возникла в уме княжны перед роковой для нее беседой с Гиршфельдом в «старом парке».

Княжна, впрочем, ни одним словом не обмолвилась об этом знакомстве своему новому другу.

В начале она даже позабыла о его существовании в вихре увлекшей ее страсти, а потом как-то инстинктивно не хотела профанировать чистое чувство этого человека перед практическим до цинизма спутником ее жизни.

Саркастическая улыбка, с которой непременно встретил бы Николай Леопольдович рассказ о начале романа ее юности и о герое этого романа, казалось ей, до боли потрево-

жит память о ее прошлом, а эту память, несмотря на уверенность в счастии настоящего и будущего, она почему-то ревниво охраняла.

По окончании курса, Антон Михайлович поселился в доставшемся ему после смерти отца небольшом наследственном домике на окраине города Т., занялся практикою и стал готовиться к докторскому экзамену.

Молодой, внимательный и счастливый врач, он скоро заслужил доверие города и практиковал на славу.

Впрочем, не хорошая практика, не родной город и не родительский дом, с которыми связывали его столь дорогие для всех воспоминания раннего детства, привлекали его в Т.

Неразделенное чувство, как известно, сильнее и живучее.

Такое-то чувство сохранял он в своем сердце к княжне Маргарите Дмитриевне.

Она не ошибалась, чувствуя, что до сих пор ее пленительный образ занимает воображение молодого идеалиста, что до сих пор одно ее слово способно перевернуть весь склад его жизни.

Он давно уже подыскал в уме своем оправдания ее с ним поступка, ее поспешного бегства из Москвы, после того счастливого для него дня, когда он увидал в ее глубоких, как море, глазах светоч зарождающейся взаимности.

«Она боялась помешать мне и себе работать, сделаться полезными человечеству. Она испугалась мысли, чтобы время восторгов взаимной любви не стало для нас второй Капуей. Она принесла, быть может, свое личное чувство, возможность своего личного счастья на алтарь общего дела».

Он за это был от нее в восторге.

Новые встречи, новые люди успели на время заглушить в ней зародившееся к нему чувство, но он уверен, что оно еще тлеет под пеплом и будет время, когда оно разгорится, если не в пожар (он этого не хотел, он даже боялся этого), то в скромный приветливый костерок семейного счастья.

Дом ее отца, где он изредка, раз в год, мог видеть ее, где она провела свое детство и юность, где все напоминало о ней, стал для него тем любимым, укромным уголком, где

он отдыхал, витая в прошедшем, мечтая о будущем.

Настоящее его было: работа, наука и практика.

За последнее, впрочем, время любовь его к княжне Маргарите, приезжавшей в отцовский дом раза три, или четыре, не то чтобы уменьшилась, а как-то притупилась. Мечты о возможности грядущего счастья хотя и не покидали его, но помимо его воли являлись закутанными в дымку сомнения.

Теплота дружеских отношений к нему князя Дмитрия Павловича, худо скрытое восторженное обожание со стороны княжны Лиды постепенно примиряли его с действительностью.

Порой даже у него являлась мысль: не в этой ли действительности следует искать ему столь желанной тихой пристани?

В доме князя Дмитрия Павловича Шатов был уже несколько лет почти ежедневным гостем, считался как бы родным. Отсутствие его за обедом или вечерним чаем было редким явлением.

— Кто это нынче увлек нашего молодого

доктора? — обыкновенно говорил князь, не видя его за столом и лукаво поглядывая на краснеющую под взглядом отца Лмду.

Князь догадывался о чувствах его младшей дочери к молодому гостю, не подозревая чувств последнего к его старшей дочери.

К чести князя Дмитрия Павловича надо сказать, что он был весьма невысокого мнения о геральдических достоинствах, и молодого энергичного труженика науки далеко ее считал неравною партиею для княжны Шестовой.

Поведение Шатова, исполненное чисто братских чувств по отношению его к княжне Лиде, непоколебимая уверенность князя в высокой честности и чистоте взглядов его молодого друга делали то, что князь спокойно доверял ему свою дочь, и Шатов, к величайшему удовольствию влюбленной Лиды, был постоянным и бессменным ее кавалером на прогулках и редких выездах.

В городе все считали его женихом княжны Лидии Дмитриевны, необъявленного еще за юным возрастом невесты.

Никто, конечно, и не подозревал, что лю-

бовь к старшей сестре со стороны предполагаемого жениха препятствует счастью младшей.

Менее всех подозревала это сама княжна Лида.

Долгие беседы с Шатовым о княжне Маргарите, видимо, весьма для него приятные, доставляли и ей большое удовольствие.

Разделяемый им ее восторг по адресу старшей сестры она считала, лишь должною данью достоинствам княжны Маргариты.

Будучи еще совсем ребенком, княжна Лида не ведала страсти и ее вполне удовлетворяло то нежное внимание, с которым относился к ней любимый ею человек, отыскавший эту нежность в своем сердце, переполненном любовью к другой.

В альбоме Лиды, большой охотницы до стихов, находилось между прочими стихотворение Шатова, написанное по ее просьбе на второй год пребывания его в Т.

Восторженный медик был немножко и поэтом.

В этом стихотворении он сравнивал княжну Лидию с манящей его тихой пристанью, и

ее сестру — с бурным морем, пробуждающим в нем желание мчаться вдаль.

Впрочем, с течением времени, как мы уже сказали, отношения Шатова к этим двум встретившимся на его пути девушкам несколько изменилось.

Привязанность к нему княжны Лиды, ежедневные встречи с ней, давшие ему возможность узнать ее близко и оценить все достоинства этой детской, нетронутой души, постепенно оттесняли в глубину его сердца яркий образ ее сестры, а братское нежное чувство дружбы превращалось незаметно для него самого в чувство тихой, без вспышек, страсти.

Ко времени нашего рассказа ему шел двадцать девятый год.

XXVIII
За чаем

Князь Дмитрий Павлович окончил чтение писем и передал их дочери.

— Брат Александр пишет, что в половине сентября приедет в город недели на две. Из письма Марго видно тоже, что она приедет к этому времени. Тебе тут тоже есть от нее записочка.

— Вот это хорошо, это очень кстати, что все будут в сборе! — радостно воскликнула она, бросив полный любви взгляд на Шатова, и занялась записочкой сестры.

От наблюдательности Гиршфельда не ускользнул это взгляд.

«Ого, — подумал он. — Дело-то у этих голубчиков, кажется, уже на мази. Ну, да Бог с ними. Двухсот тысяч тебе, голубчик, в приданое не получить!»

— Очень, очень, повторяю, приятно мне вас видеть у себя. Заочно я уже давно знаком с вами, так как брат Александр в каждом письме упоминает о вас, расхваливая вас, как

человека и как воспитателя и руководителя его сына... — обратился князь Дмитрий к Николаю Леопольдовичу. Тот, сделав сконфуженный вид, поклонился.

— Это не комплимент, я вполне убежден в ваших высоких качествах, так как без них приобрести дружбу и доверие брата, особенно в такое короткое время, невозможно. Мы с братом люди тяжелые, подозрительные и свое расположение даром и опрометчиво не даем.

Князь при последних словах своими добрыми глазами посмотрел на Антона Михайловича, занятого разговором в полголоса с княжной Лидой.

До навострившего уши Гиршфельда долетали слова: свадьба, Москва, экзамен.

Громкий голос князя мешал ему слышать более.

— Особенных достоинств я за собой не вижу, я только исполняю свой долг, — отвечал он на последние слова князя Дмитрия.

— Скромность — вот уже первое достоинство! — заметил тот.

Гиршфельд потупил глаза, все настойчиво

прислушиваясь к разговору молодых людей на другом конце стола.

Чаепитие, между тем, окончилось.

Завязался общий разговор.

Из него Николай Леопольдович узнал профессию и положение своего нового знакомого — Шатова и увидал близость его отношений к дому князя Дмитрия.

Не ускользнула от него и нежная любовь к молодому другу дома, прорывающаяся в словах и взорах княжны Лиды.

Чувство злобного недоброжелательства, желчное настроение при виде чужого счастья напали на него.

«Не худо бы лишить этого молодца его лакомого кусочка, может и нам пригодится. Надо переговорить с Маргаритой...» — пронеслось у него в голове.

— Папа, тебе пора спать, ты и так дурно себя весь день чувствовал... — сказала княжна Лида, взглянув на висевшие в столовой часы, показывавшие одиннадцать — время, в которое князь Дмитрий Павлович обыкновенно ложился спать. В доме князя Дмитрия не ужинали никогда.

— Мне теперь лучше, можно бы и посидеть для дорогих гостей, — заметил князь, сдерживая зевоту.

Гости поняли, что это любезность, и стали прощаться.

— Жду вас завтра к обеду, без церемонии, отказом обидите меня и молодую хозяйку, — крепко пожал князь Дмитрий руку Гиршфельду.

— Сочту за честь... — раскланялся последний.

— Лучше, если это доставит вам удовольствие, — отвечал князь.

— В этом едва ли можно сомневаться, — заметил Николай Леопольдович, с чувством пожимая на прощанье маленькую ручку княжны Лиды.

Он, впрочем, у всех хорошеньких женщин пожимал руки с чувством.

— Вас я не приглашаю, вы свой, — простился князь с Шатовым.

— Еще бы его приглашать теперь! — улыбнулась княжна Лида, подчеркнув последнее слово.

Молодые люди вышли из ворот княжеско-

го дома. Была прелестная августовская свежая ночь.

— Какая чудная ночь! Вам далеко? Я бы с удовольствием прогулялся! — обратился Гиршфельд к Шатову.

— Да, я живу довольно далеко, за Дворцовой улицей, за мостом, впрочем, что же я вам объясняю, ведь вы первый раз в городе? — отвечал тот.

— В первый, а потому и хотел обратиться к вам с вопросом, где бы у вас тут поужинать? Хотелось бы не дома, а на народе.

— В ресторане при гостинице «Гранд-Отель».

— Это будет дома — я там остановился.

— В Коннозаводском собрании.

— Это что за учреждение?

— Так называется местный клуб.

— Но там нужно, вероятно, записываться?

— Конечно, но я состою членом, хотя очень редко бываю, но могу вас, если хотите, записать: идти мне все равно мимо.

— А поужинать вместе? — предложил Гиршфельд.

— Нет, благодарю вас, я никогда не ужи-

наю и дома у меня спешная работа... — отказался Шатов.

— Так будьте так добры, запишите.

— С удовольствием.

Гиршфельд последовал за Шаговым.

Они прошли бульварчик, вышли на Дворцовую улицу и повернули налево.

— Какие, видимо, прекрасные люди эти Шестовы... — прервал молчание Николай Леопольдович.

— Князь образцовый человек, один из типов вырождающегося, к сожалению, поколения... — серьезно заметил Шатов.

— Ну, и в их поколении тоже много было сорной травы! — вставил Гиршфельд.

— Но зато были люди, каких теперь нет — носители идеалов.

— Каких идеалов?

— Честности, стойкости и неподкупности убеждений и бескорыстной любви.

— Почва была для возрастания этих сладостей за спиною крепостной, рабочей силы, — сквозь зубы проговорил Гиршфельд.

Шатов не ответил ни слова.

— Он куда дряхлей на вид князя Алек-

сандра Павловича, не смотря на то, что моложе… — вышел из неловкого молчания, после своей неуместной фразы, Николай Леопольдович.

— Он серьезно болен, — печально отвечал Шатов, — кроме паралича ноги у него болезнь сердца. Бывший с ним сегодня перед обедом припадок меня очень беспокоит. Я боюсь, что княжна Лидия Дмитриевна скоро сделается сиротою.

— Вы думаете?

— К сожалению, почти уверен.

Они дошли до ярко освещенного здания — это и было Т-ское коннозаводское собрание.

Шатов записал Гиршфельда в клубную книгу и простился с ним.

— Поужинали бы вместе? — снова предложил Николай Леопольдович.

— С удовольствием посидел бы с вами, если бы не спешная работа… — извинился Шатов и вышел из швейцарского клуба.

Николай Леопольдович стал подниматься по освещенной лестнице.

XXIX
В клубе

Т-ский клуб был устроен по обыкновенному типу провинциальных клубов.

Запертая в обыкновенные дни танцевальная зала, несколько игорных, биллиардная и столовая с буфетной в глубине.

Посетителей было довольно много.

В игорных комнатах слышны были лишь карточные возгласы.

Из биллиардной доносились щелканье шаров и счет маклера.

В столовой было шумно.

Громкий говор и хохот указывали на собравшуюся веселую компанию.

Гиршфельд направился туда.

Не успел он войти, как один из сидевших за столом вскочил и бросился к нему навстречу.

— Ба, кого я вижу, какими судьбами, откуда?

Это был Владимир Павлович Кругликов.

Гиршфельд объяснил причины своего при-

езда в Т. и то, что он явился в клуб прямо от князя Дмитрия Павловича.

— Значит ужинать, потому у князя Дмитрия не поужинаешь. Я не говорю это в том смысле, как говорит русский народ «не пообедаешь» князь — сердечный человек, и в буквальном смысле пообедать у него можно очень даже вкусно... — затараторил Кругликов.

— Я завтра в этом надеюсь убедиться: зван обедать! — улыбнулся Гиршфельд.

— На кого сюда записались?

— Меня записал доктор Шатов, с которым я познакомился у князя.

— А, жених!

— Чей?

— Княжны Лидии Дмитриевны. Это держится пока под секретом, но в этой приятной должности он состоит давно. Чай записал, а сам драло?

— Да.

— Чудак, домосед, а хороший, душевный парень и прекрасно знает дело. Да что же мы стоим! Милости прошу к нашему шалашу. В компании веселее. Люди все собрались вы-

пить не дураки. Ужинать еще рано. Красненького выпьем?

— Пожалуй.

— Человек, бургунского!

Владимир Павлович быстро представил Гиршфельда человекам около десяти, занимавшим почти половину громадного стола, назвал их по фамилиям.

— Это, господа, необыкновенный человек, — возгласил Кругликов, указывая на Николая Леопольдовича. — Несмотря на его молодость и красоту, князь Александр Павлович Шестов имеет к нему полное доверие. Он доверяет ему все, даже свою жену.

Присутствующие расхохотались.

— Это еще не все. Он образцовый ментор юридического сына князя Шестова.

Хохот усилился.

Особенно громко и задушевно хохотал сидевший тут же барон Павел Карлович Фитингоф, занимавший уже давно место правителя канцелярии губернатора и бывший правою рукою барона Фалька.

Павел Карлович, спустя полгода после свадьбы Зинаиды Павловны, женился на пле-

мяннице баронессы Ольги Петровны, на той самой, которая была неудачно выписана ею из Петербурга для обольщения князя Александра Павловича.

Он был уже отцом четырех дочерей.

Николай Леопольдович нашел нужным тоже улыбнуться и только укоризненно покачал головою по адресу Владимира Павловича.

— Когда вы перестанете балаганить?

— Кончил, дружище, кончил! — потрепал его по плечу Кругликов. — Вот кстати и бургунское.

Николай Леопольдович поместился рядом с Владимиром Павловичем.

Прерванный приходом Гиршфельда разговор возобновился.

Собравшиеся оказались все охотниками.

Разговор шел о собаках.

Говорил, впрочем, почти один Кругликов.

— Что вы там ни говорите, барон, про своего Арапа, собака, нет слов, хорошая, но до моего Артура ей далеко. На вид она у меня не мудреная, по душе скажу, даже и порода не чиста, но ума палата, да не собачьего, сударь вы мой, а человеческого ума. Не собака — зо-

лото; только не говорит, а заговорит — профессор. Вы что это, господин ментор, в усы смеетесь, или не верите? — обратился он к Гиршфельду.

— Нет, я ничего, так! — улыбнулся тот.

— То-то так! Нет, вы послушайте, я вам про моего Артура расскажу, диву дадитесь, благоговение почувствуете, зря хвалить не буду — не продавать. Не продажный он у меня. Генерал Куролесов полторы тысячи за него давал. За пятнадцать тысяч говорю, ваше превосходительство, не отдам. Так-то.

— Расскажите, расскажите, это интересно! — послышались голоса.

— А вот что расскажу я вам, государи мои, — начал Кругликов, — охотился это я прошлым летом, охота не задалась, еду я обратно. Артур возле дорога, по полю, бежит, вдруг стоп — остановился. Я попридержал, думаю, посмотрю, что такое. Вижу Артур стоит и как раз перед кочкой, как вкопанный. Заинтересовало это меня, сошел я с лошади, иду и как близко стал подходить — место низкое, вижу на кочке сидит дупель, а перед ним Артур стоит и оба не пошевельнутся. Я ближе,

ни с места, и что же вы думаете, государи мои, шапкой я дупеля-то прикрыл. Это он, значит, под взглядом Артура окаменел, а может быть и загляделся, потому что при стойке — картина, а не собака.

— Да, это случай на самом деле из ряда вон... — заметили слушающие, едва сдерживая хохот.

— Да что тут случай, — продолжал Кругликов. — Года два тому назад с Артуром у меня случай был, так случай, кабы мне кто рассказал, не поверил бы, ей-ей, не поверил. Охотился я близ именья графа Панскова, чай все его знаете, а в самом именьи графа охота на диво, ну, да запрещает. Отправился, однако, я к нему сам, принял радушно, обедать оставил и приказ в контору дал охотиться мне у него не препятствовать. Денька это два спустя поплелся я с Артуром в его лесок. Молоденький этакий с кустарничком, самое тетеревиное место. Только это я ступил на опушку, Артур впереди и уже встал, а навстречу мне сторож. «Не приказано здесь охотиться, говорит».

— Мне, говорю, сам граф позволил, и фамилию свою назвал.

— Не можем знать, только не приказано.

— А далеко, говорю, контора?

— Да версты три с небольшим будет.

— На, говорю, тебе полтину, сходи спроси: Кругликову, дескать, дозволено ли охотиться? А до тех пор я выстрела не сделаю.

— Записал это я ему на бумажке мою фамилию и отправил, сказав, что тут же и подожду его. Парень пошел. Смотрю, а Артур все стоит. Сел это я на опушке, трубочку закурил, потом прилег, не идет мой парень назад. Соскучился я и вздремнул, с час с места таки проспал. Парень мой вернулся, разбудил.

— Виноват, говори, ваше высокородие, извольте пулять.

— Глянул я на Артура — все стоит. Пиль! — закричал я, выпалил, ну, две штуки на месте и положил. Вот это собака, а вы — Арап. Далеко вашему Арапу! — обратился Владимир Павлович к барону Фитингофу.

Тот только улыбнулся.

— Я ничего не вижу особенного, — проговорил Гиршфельд, — собака у вас, значит, часа два простояла?

— Да-с, два часа, или около этого. Как же

это ничего особенного? — налетел на него Кругликов.

— Да так! С одним моим знакомым был случай не в пример необыкновеннее вашего. Жил это он в своем имении Харьковской губернии, сад у него был при доме большой, а за садом болото. Вот он раз утречком взял ружье, собаку крикнул — Нормой звали — и отправился через сад на болото. Собака вперед убежала и на болоте уже стойку сделала, а он только что к нему подходить стал, как вдруг из дому лакей бежит.

— Пожалуйте, говорит, домой, эстафета.

— Вернулся мой приятель, получил известие о смерти своей тетки, жившей в ближайшем уездном городе. Сейчас это лошадей туда. Пока там, с похоронами возился, наследство кое-какое осталось ему по завещанию, пришлось в губернский город ехать — утверждать завещание. Все это он покончил, имущество принял, во владение ввелся. Месяца через два в имение к себе вернулся.

— А где же, говорит, Норма?

Хвать-похвать — нет собаки.

— Да ведь с тех пор, как вы тогда на охоту

пошли, ее и не видать, — сообразили домашние.

Пошли на болото и что же? Собака скелет и дупель — скелет. Вот это стойка! — засмеялся Гиршфельд.

Присутствующие разразились неудержимым хохотом.

Владимир Павлович обиделся и стал глотками отпивать бургунское.

Это продолжалось, впрочем, недолго.

— Э, да вы большой руки шутник! — потрепал он его по плечу.

— Вывьем лучше.

Гиршфельд чокнулся.

Попойка, а затем и ужин пошли своим чередом.

В пятом часу утра Кругликов подвез Гиршфельда к подъезду гостиницы «Гранд-Отель».

XXX
Первый поцелуй

Николай Леопольдович, сказав себе, что дело у этих голубчиков, как он назвал Шатова и княжну Лиду, кажется, на мази — не ошибся.

Шатов накануне того дня, когда Гиршфельд приехал в Т., сделал предложение княжне Лидии Дмитриевне и получил согласие как ее, так и ее отца.

Это случилось для него совершенно неожиданно.

После обеда, когда князя Дмитрия Павловича увезли, по обыкновению, в кабинет подремать и молодые люди остались в гостиной одни, Антон Михайлович, между прочим, заговорил о своем отъезде в Москву для экзамена и защиты диссертации.

— Вы, конечно, туда не надолго? — испуганным голосом спросила Лида.

— Нет, вероятно, придется остаться в Москве, мне предлагают место ординатора при клинике, там более материала для нашей

науки и отказаться перейти в столицу — грешно. Это значит пожертвовать наукой.

— А пожертвовать мной ничего не значит, расставшись навсегда? — вдруг каким-то неестественным голосом вскрикнула она и неудержимые слезы брызнули из ее глаз.

Он машинально опустился перед ей на колени.

Этот безыскусственный взрыв неподдельного горя детски чистой, наивной души произвел на него чарующее впечатление.

Разлука с этим плачущим, беззаветно любящим его ребенком представилась для него самого невозможной.

— Зачем же расставаться, можно и не расставаться, если вы только согласитесь быть моей женой! — сам не свой, прошептал он, отнимая руки княжны от ее лица.

Руки повиновались и упали ему на плечи.

Прелестное заплаканное личико, озаренное улыбкой счастья, более красноречивой, нежели всякое согласие, выраженное словами, приблизилось к его лицу.

— Милый, хороший! — шепнули ее губки. Их уста слились в долгом поцелуе. Княжна

Лида опомнилась первая.

Быстро вскочила она с кресла и, снова закрыв лицо руками, бросилась вон из комнаты.

Шатов остался один.

Он почувствовал какое-то просветление, как-то особенно легко стало ему. Точно у него спала с глаз долго бывшая на них повязка, точно он сбросил со своих плеч какую-то долго носимую тяжесть.

Девственно чистый поцелуй, казалось ему, рассеял мрак, окутывавший его страсти, дал ему силу сбросить с себя гнет прошедшего.

Он возродился.

Твердою походкой бесповоротно, уже осмысленно решившегося человека направился он в кабинет князя Дмитрия, как бы предчувствуя, что его Лида должна быть именно там.

Он не ошибся.

Прямо из гостиной, после первого неожиданного для нее самой, подаренного ею любимому и любящему человеку поцелуя, бросилась она в кабинет к отцу, забыв даже, что он предается послеобеденному сну.

Быстрый вход дочери разбудил старика, дремавшего в кресле.

Он с удивлением увидал ее заплаканное лицо.

— Что случилось, что с тобой?

— Я счастлива, папочка, счастлива! — упала она к нему на грудь и зарыдала.

— Если счастлива, так чем же ты плачешь, разве плачут от счастья?

— Плачут, папочка, плачут, я так счастлива, что не могу ничего более делать, как плакать.

— Но в чем же дело, утри слезки и расскажи толком.

Она бросилась его целовать.

— Я люблю, папочка, и любима...

— Кем это? Вот им? — улыбнулся князь, указывая на входящего в кабинет Шатова.

— Им, им? — прошептала она и снова спрятала свое лицо на груди отца.

— Князь, я люблю вашу дочь и прошу ее руки. С ней я уже говорил — она согласна! — дрогнувшим от волнения голосом произнес Антон Михайлович.

— Во-первых, я для вас не князь, а Дмит-

рий Павлович, а во-вторых, надо бы прежде поговорить со мной... — с напускной суровостью проговорил он.

— Простите, это вышло для нас обоих так неожиданно... — стал оправдываться Шатов.

— Прощаю, прощаю. Возьмите ее от меня, пожалуйста, совсем, а то она мне все пальто слезами испортит, только чур, чтобы в жизни ее с вами были только такие слезы — слезы радости.

Князь нежно отстранил от себя рукою дочь, которую Шатов бережно принял в свои объятия. Она взглянула на него сквозь слезы.

— Милый, хороший! — прошептали ее губы.

— Будьте покойны, Дмитрий Павлович, что я не допущу печали коснуться этой ангельской души, что ценой целой жизни я буду бессилен заплатить за дарованное мне судьбой счастье! — уверенно произнес Антон Михайлович.

— Да благословит вас Бог! — произнес князь над коленопреклоненными дочерью и Шатовым.

— Я люблю вас, как сына и верю вам... — с

чувством обнял он наклонившегося к нему после благословения Антона Михайловича и крепко поцеловал будущего зятя. — Поцелуйте теперь невесту.

Княжна Лида успела уже вытереть слезы и, вся зардевшись, исполнила приказание отца.

Увы, это уже был не тот — первый поцелуй.

— Прикажите выкатить меня в гостиную — там потолкуем.

Жених и невеста вышли из кабинета. В этот же вечер было решено до времени не объявлять о помолвке, а написать дяде и сестре в Шестово. Княжна Лида принялась писать письма. Князь со своей стороны написал брату. Письма были отправлены с тем же нарочным, который был прислан в город князем Александром Павловичем заказать номер в гостинице «Гранд-Отель» и уведомить князя Дмитрия о визите к нему Николая Леопольдовича Гиршфельда.

Нарочный уехал с вечерним поездом.

Долго, под наплывом новых ощущений, не могла заснуть в эту ночь княжна Лида. Ей

представлялось, как обрадуется дядя, узнав о счастии своей любимицы, как будет довольна ее ненаглядная Марго.

Милый, хороший Тоня, как она мысленно называла Шатова, не выходил из ее головы.

Его поцелуи горели на устах.

Наконец, она заснула крепким сном юности, но сладостные грезы не переставали виться над ее золотистой головкой.

Не спал и Шатов.

Такая неожиданно близкая перспектива тихого семейного счастья, этого долго лелеянного им идеала, все еще казалась ему несбыточной мечтой и он с трудом верил в ее действительность.

Сон бежал от него, и картины одна другой заманчивее проносились в его воображении, а вдали, как бы в тумане, нет, нет, да и восставал все еще пленительный, но получивший какой-то мрачный оттенок, образ княжны Маргариты.

XXXI
Жизнь возле смерти

С тяжелой головой, после бессонной и бурно проведенной ночи, около двух часов дня проснулся в гостинице Николай Леопольдович.

Отперев дверь, он позвонил.

Явился лакей.

— Умываться и чаю скорей!

— К вам приходил человек от княжны Шестовой.

— От Лидии Дмитриевны?

— Так точно.

— Ко мне?

— К вам-с. Князь Дмитрий Павлович приказали долго жить.

— Умер?

— Скончались сегодня в ночь, под утро, я уж сбегал поклониться праху, на стол положили. Народищу страсть — весь город, любили их-с очень, хороший человек были, царство им небесное.

Николай Леопольдович остолбенел.

Весть о смерти вообще производит и на черствых людей тяжелое впечатление.

Это зависит от ее субъективности, от сознания неизбежности для каждого из нас переселения туда, «где нет ни печали, ни воздыхания», но где предстоит расплата за все совершенное в «земной юдоли».

Представление о такой окончательной расплате покоится на прирожденной в человеческом разуме идеи возмездия. Оно появляется рано или поздно у всех без изъятия, несмотря на глубокое убеждение иных в безотрадной «нирванне». Биографии величайших атеистов дают тому разительные примеры.

Вспомним Вольтера.

Известие же о переселении в лучшие миры человека, которого мы за несколько часов видели живым, надеющимся, не думающим о скорой разлуке с близкими, не помышляющим о том, что минуты его сочтены, что смерть, грозная, неизбежная, стоит буквально за его спиною — потрясающе.

Оно холодит мозг, мутит воображение.

Быстро одевшись и наскоро выпив стакан

чаю, Гиршфельд прежде поспешил все же в банк, а затем в дом князя.

Вся улица около дома была запружена разнокалиберными экипажами, начиная с патриархальных долгушек и кончая венской изящной губернаторской коляской.

Весь город буквально съехался в дом ныне уже покойного т-ского аристократа.

Зала, где лежало на столе бездыханное, одетое в военный мундир тело князя, еще вчера так радушно принявшего Гиршфельда, была битком набита собравшейся на первую панихиду публикой.

Вся аристократия была в сборе, но кроме нее толпились люди и из других слоев т-ского общества, даже самых низших, что доказывало, что город потерял не только князя, но и человека.

Какая-то старушка на дворе искренними горькими слезами плакала и причитала о потере ею ее «родимого князюшки» и «благодетеля».

Гиршфельд протеснился в толпу.

Панихида уже оканчивалась.

По ее окончании, он благоговейно покло-

нился праху покойного, но взглянуть ему в лицо не посмел.

Среди собравшихся он увидел Кругликова и молча разменялся с ним кивком головы.

Бледный, мрачный Шатов стоял прислонившись к косяку двери, ведущей в гостиную.

Высказанное им вчера Гиршфельду пророчество сбылось так невозможно скоро.

Не успел он вчера же вернуться домой и сесть за работу, как за ним прислали от князя Дмитрия Павловича, с которым сделался второй припадок, сильнее первого.

Он поспешил туда и застал князя близким к агонии.

На коленях, у его постели, в белой юбке и кофте, стояла онемевшая от неожиданности случившегося, от инстинктивного предчувствия близкой потери, княжна Лида.

Роскошные распущенные волосы золотой волной падали на ее спину.

Ее позвали в тот момент, когда она делала свой ночной туалет.

— Вы пришли… это хорошо… не как доктор… а как будущий ее муж! — слабым голосом проговорил больной и повел уже затума-

нившимся взглядом в сторону дочери. — Как доктор… не надо… умираю…

Шатов держал князя за руку.

Пульс больного указывал на отлетающую жизнь.

Глаза Антона Михайловича наполнились слезами. Он отвернулся, чтобы скрыть их от больного, но не смог вымолвить неправды — слова утешения. Как врач, он видел, что помощь бессильна.

— Благословить… — прошептал больной. Шатов понял и опустился на колени рядом с Лидой. Больной сделал неимоверное усилие и положил на их головы свои руки.

В это время в дверях спальни появился священник — этот врач души, никогда не приходящий поздно.

Шатов встал и поднял свою невесту, которая машинально, как бы в забытьи, рука об руку вышла с ним из спальни умирающего отца.

Он привел ее в гостиную и усадил на то самое кресло, с которого так недавно, только третьего дня, она убежала к отцу сообщить ему о первом ее шаге в новую полную жизнь,

о решимости исполнить первый долг женщины — стать любящею женою, а теперь в соседней комнате этот ее отец и друг, благословивший ее на этот акт, отдавал последний долг в своей оканчивающейся жизни.

Священник совершил таинство.

Их снова позвали к постели князя.

Княжна Лида послушно дала Шатову снова повести себя за руку.

На столике, около постели князя, лежал вынутый священником из стоявшего в углу киота образ в золотой ризе — тот самый, которым благословляли князя Дмитрия к венцу.

Тут же лежало снятое им с руки, с помощью священника, его обручальное кольцо.

— Исполняя последнюю волю вашего батюшки, я благословлю и обручу вас, — сказал священник вошедшим.

— Да, да, благословить... — чуть слышно произнес умирающий.

— Кольцо вашей покойной матушки у вас на руке. Снимите и дайте его мне, — обратился служитель алтаря к княжне Лиде.

Та видимо не поняла ничего.

Священник взял ее руку и снял сам глад-

кое золотое кольцо.

Благословение и обручение свершилось.

Священник удалился.

Княжна Лида снова опустилась на колени у постели отца.

Шатов стоял рядом.

— Простите… положите в Шестове, рядом с женой… — еле произнес князь.

Княгиня Станислава Владимировна Шестова была похоронена в фамильном склепе.

— Не оставляйте, сохраните…

Князь перевел с Шатова свой угасающий взгляд на дочь.

Раздался последний вздох.

Князя Дмитрия Павловича не стало.

Присутствующие на панихиде стали разъезжаться, справляясь у Шатова о здоровья княжны Лидии Дмитриевны, которой не было видно в зале.

Шатов не счел нужным скрывать ни от кого, что он состоит ее женихом, и многим даже передал обстановку их печального обручения, и то, что покойный князь, за день до его смерти, уведомил своего брата письмом о

предстоящей свадьбе и что Лидия Дмитриевна тоже написала об этом в письме дяде и сестре.

Весть об этом моментально облетела всех присутствующих.

— Княжна в постели, — отвечал Антон Михайлович на расспросы, — она так потрясена смертью столь любимого ею отца, что я боюсь, чтобы это потрясение не имело дурных последствий. Безусловный покой и сила молодости могут одни поставить ее на ноги.

Николай Леопольдович был в числе тех, которым Шатов рассказал все.

— Послали уведомить в Шестово? — спросил его он.

— Как же, но только, увы, недавно; впопыхах, ошеломленный таким неожиданно скорым концом, я совсем растерялся и позабыл, так что, пропустив утренний поезд, нарочный поехал на лошадях.

— Я завтра еду туда, но вероятно возвращусь отдать последний долг, даже один, если все уже выедут сюда… — заметил Гиршфельд.

— Не лучше ли вам подождать их здесь? — вставил Шатов.

— Нет, этого нельзя, мой отпуск кончается сегодня. Я не знаю, как взглянет на мою просрочку князь Александр Павлович. Я человек наемный! — скромно потупил он глаза и распрощался с Шатовым.

На подъезде он встретился с вышедшим уже Крутиковым, который потащил его с собою обедать в клуб.

Проголодавшийся Николай Леопольдович не отказался.

XXXII
Князь спит!

Нарочный, посланный в Шестово с известием о смерти князя Дмитрия Павловича, прибыл туда, в виду невозможной проселочной дороги только в десятом часу вечера.

Князь Александр Павлович уже давно лег спать, на то указывали спущенные шторы в окнах его кабинета.

Княжна Маргарита Дмитриевна нервно ходила по дорожкам старого парка, проклиная долго тянувшееся в разлуке с Гиршфельдом время.

Завтра он должен был приехать.

Кроме горечи разлуки, тяжести одиночества, особенно в ее настоящем положении, на ее возбужденное состояние подействовало и полученное ею накануне письмо сестры Лидии.

Она невеста Шатова!

Она не могла простить ему, что ее, хотя им и не достигнутую, хотя его от себя и оттолкнувшую, он решился променять, и на кого же? На сестру, на эту кисейную аристократку.

«Нет, этот брак не должен состояться!»

Ведь тогда лишение сестры наследства — ближайшая цель, для которой она предприняла работу последних дней, страшную работу, не достигнет цели.

«Они, эти люди, не доросшие до понимания значения денег, будут счастливы и в скромной, нажитой трудом обстановке — своим мещанским счастьем».

Княжна глубоко задумалась.

— Ваше сиятельство, ваше сиятельство, пожалуйте в дом, там нарочный из города приехал! — раздался около нее голос лакея.

— От отца?

— Из их дома… — уклончиво отвечал он.

Княжна отправилась в дом.

— Письмо? — обратилась она к посланному.

— Так точно, ваше сиятельство! — подал тот ей запечатанный конверт.

Адрес был написан рукою Шатова. Сердце Маргариты Дмитриевны сжалось. Она распечатала письмо и прочла следующее:

«Многоуважаемая Маргарита Дмитриевна!
Как жених вашей сестры Лидии Дмитриевны, беру на себя печальную обязанность уведомить как вас, так и князя Александра Павловича с семьею, о кончине вашего батюшки, последовавшей в ночь на сегодняшнее число. Лидия Дмитриевна сама написать вам не в состоянии, так как, потрясенная обрушившимся на нее так неожиданно несчастием, лежит в постели без памяти.
Имею честь быть вашего сиятельства покорный слуга
А. Шатов».

Княжна выронила письмо из рук и упала в

обморок.

Княгиня Зинаида Павловна, сидевшая, по обыкновению, за пасьянсом в своей гостиной, получив доклад о прибытии нарочного из города, вышла в залу в момент обморока княжны.

— Что случилось?

Ей подали упавшее на пол письмо.

Она прочла его.

Смерть князя Дмитрия, которому она далеко не симпатизировала и он платил ей тем же и даже всячески старался отговорить брата от брака с нею, не произвела на нее сильного впечатления.

— Надо доложить князю! — сказала она, когда бесчувственную Маргариту Дмитриевну унесли в ее комнату.

— Они почивают-с! — ответил Яков с затертыми мелом синяками на лице.

— Надо разбудить.

— Я уж и то около получасу стучался, никакого ответа, верно очень крепко започивать изволили.

— Постучись погромче.

Яков отправился исполнять приказание.

Княгиня с письмом в руках удалилась в гостиную и, как ни в чем не бывало, занялась снова пасьянсом.

Николай Леопольдович, тяжесть разлуки с которым она тоже чувствовала, не выходил у нее из головы.

«Похороны будут через два дня. Завтра он приедет, послезавтра мы поедем вместе в Т.».

Эта мысль ей понравилась.

«А ну, как он там останется на похороны?» — смутилась она.

— Невозможно-с добудиться: стучал изо всех сил — ничего не помогает! — доложил вошедший Яков.

— Оставьте его, пусть спит, теперь все равно нельзя ехать, завтра утром передадите ему это письмо, может поехать с княжной Маргаритой Дмитриевной. Меня не будить. Доложите князю, что я приеду прямо на похороны. Велите заложить тройку рыжих. Пусть отвезут князя и княжну и подождут на станции Николая Леопольдовича… — подала княгиня Якову письмо Шатова.

— Слушаюсь, ваше сиятельство! — взял тот письмо и вышел.

Княжна Маргарита вскоре пришла в себя.

Смерть отца, к которому за последние годы она была почти равнодушна, не особенно поразила ее.

Если она упала в обморок, то это произошло от нравственных потрясений, пережитых ею в эти дни, и от рокового совпадения смерти отца с первым шагом ее по пути, предначертанному ей Гиршфельдом.

Силою своей воли она заставила себя взглянуть на дело иначе.

Смерть болевшего уже несколько лет отца представилась ей весьма естественной.

Она успокоилась.

— Князю доложили? — обратилась она к прислуживающей ей горничной Дуняше, белокурой девушке лет двадцати.

Голос ее дрогнул.

— Не могли никак добудиться, — отвечала Дуняша, — ее сиятельство не приказали больше будить и велели Якову доложить завтра.

Какая-то внутренняя дрожь начала одолевать княжну. Ее било, как в лихорадке.

— Разбудите меня, Дуняша, завтра пораньше, как только начнут запрягать лошадей, я

лягу, мне что-то нездоровится.

— Ложитесь, ложитесь, барышня, ваше сиятельство, как тут не нездоровиться с такого-то горя! — заметила та, оправляя постель.

Княжна разделась и легла. Сон ее был чуток и тревожен.

Она проснулась рано, нежели в ее комнату вошла Дуняща и доложила, что лошади готовы.

Княжна стала одеваться.

— Князь проснулся?

— Никак нет-с, и не придумаем, что с ним случилось. Яков с четырех часов на ногах и уже с час как стучится. Ни ответа, ни привета.

Одевшись во все черное, княжна вышла в залу, а потом на подъезд, у которого уже стояла коляска.

На дворе собралась вся дворня, толкуя между собой и разрешая на разные лады причины такого странного долгого сна князя Александра Павловича.

— Не ладно это, братцы! — слышались возгласы.

— Может быть и помер? — догадывались другие.

— Разбуди барыню и доложи ей! — увещевал Яков Стешу.

— Поди, попробуй, разбуди сам. Стану я их сиятельство из-за всяких пустяков тревожить.

— Какие же пустяки? Может он там на самом деле не живой.

— Держи карман, не живой, смотре живехонек и здоровехонек по деревне разгуливает, раньше тебя встал… — заметила Стеша.

— Это всего раз и было, что я его проспал… — оправдывался он.

— Было, значит и теперь может быть! — безапелляционным тоном решила она.

Некоторые из дворни вскарабкались на окна кабинета, но они были завешены темно-зелеными толстыми репсовыми шторами.

— Может быть князь и в самом деле ушел, так я поеду одна, а то еще опоздаю, — заметила княжна и села в коляску.

— Пошел! — сказала она кучеру. Коляска покатила.

Дворня, полуубежденная категорическим заявлением Стеши, стала расходиться, все еще рассуждая о той или другой возможной

случайности.

Один Яков нет-нет да продолжал стучаться в запертую дверь кабинета своего барина.

Ответа на стук не было.

Первое лицо, которое встретила на т-ском вокзале княжна Маргарита Дмитриевна, был Николай Леопольдович.

Проведя последний день своего пребывания в Т. с Дмитрием Павловичем, он довольно рано вернулся домой и начал укладываться.

Открыв чемодан, к удивлению своему, нашел в нем потерянный накануне ключ от номерной двери, видимо случайно упавший в раскрытый чемодан, стоявший около двери, когда лакей уходя хлопнул последней.

Сперва он хотел позвать лакея и возвратить ему ключ, но потом раздумал.

— Возможно пригодится! — мелькнуло в его практическом уме.

Он положил ключ в карман.

Когда утром, перед отъездом на поезд, он потребовал счет, то хозяин гостиницы, толстенький, чистенький обрусевший немец, явился сам и объяснил, что по приказанию князя Александра Павловича, он все записал

на его счет, а потому денег принять не может.

Он, между прочим, рассыпался в извинениях в причиненном постояльцу беспокойствии историей с ключом.

Николай Леопольдович уехал на вокзал.

Утром на станции Т. происходит скрещение поездов, и поезд, на котором в этот день ехала Маргарита Дмитриевна, прибывает ранее минут на десять.

Таким образом состоялась их встреча.

— А князь? — дрогнувшим голосом спросил он ее.

— Князь спит! — выразительно отвечала она ему.

— Спит! — повторил он машинально.

— Ни вчера, ни сегодня его не могли добудиться. Существует, впрочем, предположение, что он встал сегодня ранее обыкновенного и ушел, как это с ним не раз случалось, — продолжала она ровным голосом.

Он крепко пожал ее руку.

— Здесь тебя ждет горе и радость! — заметил он.

— Радость? — вопросительно поглядела на него она.

— Радость видеть счастье твоей сестры — невесты доктора Шатова.

— Ты знаешь?

— Это знает весь город.

— Вот как!

Он передал ей в коротких словах сцену обручения у постели умирающего и то, что Шатов после смерти князя Дмитрия счел нужным объявить всем о его положении в его доме.

— Он торопится! — сквозь зубы прошипела она.

— Что ты сказала? — недослышал он.

— Я говорю, что эта радость ничто в сравнении с постигшим нас горем и что свадьбу эту придется теперь, конечно, отложить, по крайней мере, на год.

— Это будет всецело зависеть от жениха и невесты. Быть может они пожелают, исполняя волю покойного, поспешившего с их обручением, обвенчаться тихо, без обычного торжества.

— Это было бы крайне бестактно. Свадьба до истечении года со дня смерти отца! На сестру я имею влияние… — вспыхнула княж-

на.

Гиршфельд проницательно посмотрел на нее.

— Ты недовольна выбором сестры?

Она вскинула на него глаза, горевшие зеленым огнем.

— Какое мне дело до ее выбора! — запальчиво произнесла она. — Но все-таки было бы лучше, если бы эта свадьба не состоялась никогда.

— Почему?

— У меня есть на это свои причины, я их, конечно, объясню тебе. Теперь же поверь мне на слово, что они основательны.

— Верю.

— Но сделать это будет трудно.

— Не труднее того, что уже сделано. Если ты говоришь, что нужно, чтобы свадьбы этой не было — ее и не будет.

— Ты говоришь так уверенно.

— Имею на это тоже свои причины и тоже, конечно, объясню их тебе. Поверь мне теперь тоже на слово.

— Верю.

— Господин Шатов мужем моей сестры не

будет! — с расстановкой, как бы про себя, добавила она.

— Однако, прощай, — заметил он, — на нас могут обратить внимание, да и поезд уже пришел.

Московский поезд на самом деле в это время остановился у платформы.

— Понаблюдай за оставшимися деньгами и имуществом, — проговорил Николай Леопольдович.

— Не беспокойся, знаю сама, не маленькая… — бросила ему Маргарита Дмитриевна.

Они расстались.

XXXIII
В кабинете

Николай Леопольдович, приехав в усадьбу, застал там Августа Карловича Голь, только что, впрочем, перед ним прибывшего.

В усадьбе все были на ногах, все волновались.

Многие из дворни по собственной инициативе объездили соседних помещиков, но вернулись, убедившись, что князя Александра Павловича не видали нигде.

Относительно спокойной была одна Зинаида Павловна, беседовавшая в своей гостиной с доктором.

Она присоединилась к мнению, высказанному Стешей, и тревожно поджидала Гиршфельда, уверенная, что кроме него никто не в состоянии дать разумного совета.

Тут же сидел притихший князь Владимир.

Его детское сердце инстинктивно чуяло правду в толках прислуги, что с князем не ладно.

Прислуга и дворня были убеждены, что

стряслось несчастье.

Недавнее появление старого князя на его скамейке подтверждало в их глазах его неизбежность.

Маленькому князю было страшно.

Это происходило не от опасения, что что-нибудь случилось с отцом.

Последний был суров, резок и ребенок не любил его.

Ему было как-то беспричинно страшно.

Тяжесть всей атмосферы усадьбы предвещала недоброе.

Явившийся Гиршфельд, поздоровавшись со всеми, выслушал рассказ княгини о происшедшем, отправился вместе с Яковом к кабинету.

— Стучи! — сказал он ему.

— Да я со вчерашнего вечера раз двадцать изо всех сил колотил… — заметил тот, но все-таки принялся стучать.

Ответа не последовало.

Гиршфельд наклонился и стал смотреть в замочную скважину.

— Ключа-с нет, я смотрел, но их сиятельство всегда вынимали, запираясь изнутри.

День был яркий. Солнце как раз ударяло в закрытые окна кабинета и маленькие полосы света едва освещали обширную комнату, пробиваясь по бокам темных штор.

Оттоманки, на которой спал обыкновенно князь, стоявшей у стены, где были двери, не было видно.

— Надо послать за полицией, за становым! — выпрямился Николай Леопольдович.

— Разглядели? — уставился на него Яков.

— Фуражка и арапник князя лежат на стуле, следовательно он в кабинете! — отвечал Гиршфельд.

— Ахти, грех какой, чуяло наше сердце! — ударил себя по коленкам Яков и бросился исполнять приказание.

Николай Леопольдович отправился к княгине и сообщил ей о своем открытии и распоряжении.

— Не лучше ли отворить самим, может быть нужна немедленная помощь? — вставил Голь.

— Отворять без надлежащей власти неудобно. Мы не знаем, что встретим в кабинете. Что же касается до помощи, то если это

продолжается со вчерашнего, вечера, то какой-нибудь час не составит разницы — становая квартира в пяти верстах... — отвечал Гиршфельд.

— Вам юристу и книги в руки... — согласился Голь. Княгиня заволновалась.

— Что же могло с ним случиться?

— Умереть мог, князюшка, все мы под Богом ходим, — заметил Голь.

— Как умереть? Ведь он эти дни был совершенно здоров, весел, ни на что не жаловался. Вы, доктор, ничего не замечали в нем опасного?

— Ровно ничего. Я полагал, что он меня переживет.

— Так как же это?

— Все Бог.

— Вам следует, ваше сиятельство, приготовиться ко всему... — скромно вставил Гиршфельд.

Княгиня сделала грустный вид.

Николай Леопольдович переменил разговор и стал рассказывать о смерти князя Дмитрия и о странном обручении княжны Лиды и Шатова.

На дворе, между тем, у крыльца собралась толпа народа из дворни и даже соседних крестьян.

В передней и на крыльце толпились лакеи и горничные.

Тут же вертелась и знакомая нам Стеша, все еще продолжавшая настаивать, что все это одна пустая прокламация, и что князь живехонек и здоровехонек.

— Просто его Яков Петрович проспал, да и поднял весь этот сумбур... — ядовито замечала она.

Яков был серьезен и не обращал на нее ни малейшего внимания, что ее еще более подзадоривало.

В толпе шли громкие разговоры. Стоявшие у крыльца перекидывались замечаниями со стоявшими на крыльце и наоборот.

Несомненно было одно, что или в кабинете что-нибудь случилось, или же на самом деле князя не было в нем, так как иначе этот шум непременно разбудил бы его и он прекратил бы его немедленно одним своим появлением с традиционным арапником.

Раздался звон колокольчика.

— Едет, едет! — послышались возгласы.

В ворота усадьбы вкатил тарантас, запряженный тройкой и остановился у подъезда.

Это приехал становой пристав, Петр Сергеевич Кошелев, из когда-то блестящего гвардейского офицера коловратностью судьбы превратившийся в скромного уездного полицейского чиновника, принадлежал к тогда только еще нарождавшемуся типу полицейских новой формации, изящных, предупредительных, любезных, умеющих деликатно поступать по всей строгости законов и в меру оказывать возможное снисхождение.

Этот тип выступил на смену классических «Держиморд», еще имевших много своих представителей в благословенной провинции.

Петр Сергеевич, несмотря на свой внешний лоск, был на счету дельного служаки и любимец губернатора, благосклонно принимавшего его у себя в доме даже запросто, к великому смущению местного исправника — полицейского старого закала.

Звон колокольчиков прискакавшей тройки донесся и до угловой гостиной.

Княгиня Зинаида Павловна, в сопровождении Гиршфельда и Голя, вышла в залу встретить приехавшего чиновника. Князя Владимира Николай Леопольдович отправил вниз и сдал на руки дядьке.

После обмена приветствий и любезностей, Гиршфельд подробно изложил Кошелеву причины, по коим они решились его беспокоить.

— Вы сами, надеюсь, согласитесь, что без вашего участия отпереть двери кабинета было бы рискованно и опрометчиво, — закончил он.

Кошелев, принявший с самого начала речи Гиршфельда серьезный, глубокомысленный вид, медленно и с расстановкой ответил:

— Вы совершенно правы. Дело представляет слишком серьезную загадку, чтобы решиться приступить к ее раскрытию без вмешательства надлежащей власти.

— Таково было и мое мнение! — заметил Николай Леопольдович.

Кошелев вышел на крыльцо, выбрал из стоявших на дворе крестьян двух грамотных понятых и распорядился послать за слесарем.

Последний тотчас явился и отпер дверь.

Становой пристав с понятыми, княгиня, Гиршфельд и Голь вошли в кабинет.

Кабинет князя Александра Павловича представлял из себя обширную комнату с тремя окнами, выходящими на двор. У среднего окна, перпендикулярно наружной стене, стоял огромный старинный письменный стол с этажерками и разными шкапчиками, заваленный бумагами, чертежами и уставленный пузырьками всевозможных размеров с разными лекарственными снадобьями, свидетельствовавшими о занятиях князя ветеринарным искусством.

Старинная мягкая мебель, крытая темно-зеленым сафьяном, громадная подставка для трубок с бесчисленным их количеством и несколько оригинальных картин на стенах дополняли убранство.

Пол был застлан войлоком и покрыт клеенкой с рисунком паркета.

Отоманка, служившая князю постелью, стояла у противоположной окнам стены, влево от входной двери. В кабинете от опущенных штор было темно.

Гирщфельд поднял штору у крайнего окна.

На отоманке спал, казалось, крепким сном князь Александр Павлович.

Он лежал на левом боку, лицом к окнам.

Одеяло из тигрового меха, с которым князь не расставался круглый год, было откинуто немного ниже плеч. Правая рука выбилась и лежала полусогнутой на одеяле.

Все сгруппировались около лежащего.

Один Гиршфельд стоял немного поодаль, у письменного стола.

От его зоркого взгляда не ускользнуло лежавшее на столе, поверх других бумаг, письмо, начинающееся словами: «Милый, дорогой дядя», с какой-то припиской сверху, сделанной княжеской рукой.

Князь имел обыкновение, не только на донесениях своих управляющих, но и на всех получаемых им письмах класть свои резолюции.

Некоторые из них были оригинальны. На иных письмах князь писал: «стоило тратить почтовую марку».

Николай Леопольдович тотчас сообразил, что это было письмо княжны Лиды, уведомляющей князя о предстоящем ее браке с Ша-

товым.

Голь первый подошел к лежащему князю и положил правую руку на его голову, а левую на его руку.

— Он мертв, и даже окоченел. Смерть последовала уже давно, вероятно еще вчера вечером, — отчетливо произнес врач.

Среди тишины кабинета эти роковые слова раздались как-то особенно громко.

Кто-то страшно крикнул.

Это княгиня Зинаида Павловна упала в обморок.

Все бросились к ней.

Гиршфельд, воспользовавшись переполохом, незаметно ни для кого, взял со стола заинтересовавшее его письмо и сунул в свой карман.

Явившаяся прислуга унесла княгиню наверх.

Кошелев тоже дотронулся своей изящной, выхоленной рукой до руки князя, но тотчас отдернул ее.

У отоманки стоял круглый столик, на нем свеча и пустая рюмка.

Голь взял рюмку, понюхал ее, покачал го-

ловою и вновь поставил на место.

— Что вы думаете? — обратился к нему Кошелев.

— Пока думаю, не переложил ли он опиуму, который принимал по моему предписанию от бессонницы.

Становой пристав сел у письменного стола и быстро составил акт первоначального осмотра, прочел его понятым, которые его и подписали.

Подписались также присутствовавшие Голь и Гиршфельд.

Затем он написал донесения исправнику, прокурору, следователю и председателю мирового съезда.

Эти бумаги тотчас были отправлены с нарочными.

Известие о смерти князя Александра Павловича моментально облетело всю усадьбу.

Толпа на дворе начала увеличиваться, но становой пристав и Гиршфельд распорядились удалить любопытных на задний двор.

Там зато шли оживленные толки.

По окончании официальной стороны дела, становой пристав, опечатав двери кабинета,

отправился вместе с Голем и Гиршфельдом в столовую, где был накрыт запоздалый завтрак.

XXXIV
Следствие

Обморок княгини Зинаиды Павловны был полупритворный, хотя неожиданная смерть мужа, надо сознаться, ее поразила.

Почти со дня брака с ним она не переставала в душе своей лелеять мысль об этой смерти.

Самая прелесть ее замужества заключалась для Зинаиды Павловны в сладкой надежде на скорое вдовство.

С годами эта мысль, вследствие крепкого здоровья князя, хотя за последние годы видимо ослабевшего, стала казаться ей все неосуществимее.

Первое время, сидя взаперти, в этой золотой клетке, как она называла усадьбу, княгиня страстно желала свободы, жизни, а это желание могло исполниться по смерти мужа.

Она страстно желала его смерти.

Более свободная за последние годы, она начала примиряться со своим положением и относиться индиферентнее к его существованию.

Вдруг — она вдова.

«Не поздно ли?» — мелькнуло в ее уме.

Она взглянула в зеркало.

Довольная улыбка, появившаяся на ее лице, красноречиво свидетельствовала, что она решила этот вопрос отрицательно.

Явившийся к ней после завтрака Гиршфельд застал ее уже полулежащею на кушетке в ее будуаре.

Перед ней на столе стояла хрустальная ваза с любимым ею лакомством — киевским вареньем.

— Свершилось, князя нет и ты вдова! — сказал он, входя, и подал ей руку.

Она потянула его к себе.

Он наклонился и поцеловал ее долгим поцелуем.

— Я сегодня заслужил вполне этот поцелуй… — сказал он, присаживаясь на кушетку.

Она вопросительно поглядела на него.

— Когда я говорил, что буду всегда стоять

на страже твоих интересов — это была не фраза. Вот доказательство.

Он подал княгине похищенное им со стола покойного князя письмо княжны Лиды.

Резолюция на этом письме, написанная рукою князя, была следующая:

> «Выдать не в зачет завещанного в приданое сто тысяч».

— Я не понимаю! — сказала она, пробежавши письмо и надпись.

— Если бы это письмо найдено было при всех, то хотя оно юридически не обязательно, но сто тысяч, во избежание пересудов и неприятных толков, пришлось бы выдать.

Княгиня, видимо, поняла, и лицо ее озарилось довольной улыбкой.

Она приподнялась с кушетки, обняла его за шею и звонко поцеловала в губы.

— Теперь же будущая госпожа Шатова может удовольствоваться завещанными ей двумя стами тысяч, если только завещание признают действительным.

— То есть как признают действительным? Разве может быть иначе?

— Это покажет вскрытие и следствие. Если признают, что князь покончил с собой сам, что он не был жертвой случайности или преступления, то завещание его, как самоубийцы, недействительно.

— А как же я? — встрепенула она.

— Для тебя-то это безразлично. По завещанию ты получаешь в пожизненное владение Шестово и в собственность капитал в пятьсот тысяч рублей. Доходы же с других имений и с капитала свыше миллиона рублей в государственных бумагах остаются неприкосновенными до совершеннолетия князя Владимира, так как именья и капитал завещаны ему. Опекуншей над сыном назначаешься ты и обязана эти доходы обращать только в государственные бумаги. Шестово после твоей смерти переходит в собственность князя Владимира. По закону же, если завещание будет признано недействительным, ты получаешь свою вдовью часть из имении и капиталов и становишься естественною онекуншей твоего сына — это выйдет много больше и лучше. С уничтожением завещания потеряет княжна Лидия — двести тысяч, а княжна Маргарита

библиотеку. Последнюю ей можно и подарить! — усмехнулся он.

Она весело улыбнулась.

— Тебе необходимо будет взять поверенного… — продолжал он.

— Кто же, как не ты, будешь моим поверенным! — снова обняла его она.

Он поцеловал ее.

— Письмо это я уберу к себе подальше, — сказал он, пряча письмо княжны Лиды в карман.

— Ты хочешь сохранить его?

— Нет, конечно уничтожу.

В это время послышался звон колокольцев въезжавшего во двор экипажа.

— Надо идти! — сказал он, освобождаясь от ее объятий и подарив ее прощальным поцелуем.

Он сошел вниз.

На губах его играла торжествующая улыбка.

Приехал судебный следователь, Сергей Павлович Карамышев.

Гиршфельд застал уже его в зале, беседующим со становым и доктором.

Поодаль от них стоял, смотря в окно, фельдшер, призванный для предстоящего вскрытия.

— А княгиня? — обратился к нему Карамьгшев, пожимая руку.

— Я только что сейчас справлялся, она еще не оправилась от обморока и лежит у себя наверху, — отвечал он.

— Жаль Александра Павловича, хороший был человек, и какое совпадение: оба брата один за другим! — соболезновал Карамышев.

— Приступим, господа, чем золотое время терять, печалью не поможешь! — продолжал он и направился в кабинет.

Август Карлович высказал ему свое предположение, что князь отравился или отравлен сильным приемом опиума.

Составив протокол наружного осмотра трупа и всего кабинета, судебный следователь взял рюмку.

— А где же самый опиум? — обратился он к Голю.

Последний взял с письменного стола пузырек коричневого стекла с ярлыком, на котором было написано: Tinctura opii, и подал его

следователю.

Тот приобщил его к рюмке в качестве вещественных доказательств, опечатав их своею печатью.

Труп был раздет, внесен в залу и положен на приготовленный стол.

Вскрытие началось.

Предположение доктора оправдалось: князь умер от приема сильной дозы опиума.

Открытым оставался вопрос: сам ли отравился князь, или же был отравлен другим лицом?

Наступило время обеда, к которому вышла Зинаида Павловна — печальная, молчаливая.

Труп князя обмыли, одели и положили на стол.

Из залы доносилось уже монотонное чтение псалтыря.

Тотчас после обеда была отслужена панихида.

Карамышев решил вечером же приступить к допросу свидетелей. Гиршфельд предложил для этого свое помещение.

После панихиды была допрошена княгиня и вся домашняя прислуга, но в их показаниях

не оказалось ничего существенного, или хотя бы мало-мальски разъясняющего это темное дело.

— Кто давал князю лекарство? — спросил судебный следователь княжеского камердинера Якова.

— Я-с! — отвечал тот.

— По сколько капель?

— Сперва по три, некоторое время по четыре, за последний же месяц по пяти.

— Расскажи, как и когда ты приготовлял лекарство!

— Во время общего обеда я стелил постель его сиятельству, наливал полрюмки воды и капал лекарство, которое и ставил на столик перед отоманкой около свечки, зажигал ее и затем уже опускал шторы.

— Знал ли ты, что это лекарство ядовито и опасно для жизни, если принять его более предписанного врачом?

— Знал-с. Мне об этом сколько раз и Август Карлович, и их сиятельство говорили.

— Не случалось ли тебе капнуть лишнюю каплю?

— Несколько раз случалось.

— Что же ты тогда делал?

— Я выливал лекарство в песочницу, вытирал начисто рюмку и начинал снова.

— Сколько капель налил ты князю вчера?

— Пять-с.

— Не ошибался?

— Нет-с, вчера с первого раза.

— Верно? Говори правду!

— Как перед Господом!

— Твердо, значит, помнишь?

— Твердо, как сейчас помню!

— Приготовив постель и лекарство, ты дожидался князя в кабинете?

— Да-с.

— Никуда не отлучался?

— Летом я носил на террасу трубку, которую их сиятельство изволили курить после обеда перед сном на вольном воздухе.

— Вчера носил тоже?

— Носил-с.

— Дверь кабинета оставлял открытой?

— Так точно.

— Когда ты вчера нес на террасу трубку, не встретил ли ты кого-нибудь шедшего по направлению к кабинету?

— Вчера их сиятельство Маргарита Дмитриевна попалась мне навстречу.

— Ее комната в той же стороне, где и кабинет?

— Так точно-с. Они, вероятно, изволили идти к себе.

— Чего я-то расспрашиваю? Придет же в голову такая глупая мысль! — подумал Карамышев и отпустил свидетеля, прочитав ему его показания и заставив расписаться.

Доктор Голь при допросе подтвердил показания Якова относительно количества капель прописанного им лекарства и того обстоятельства, что он действительно говорил, чтобы он был осторожнее, так как это лекарство — яд.

— Скажите, доктор, неужели усиленный прием опиума не сопровождается никакими предсмертными страданиями? — спросил Карамышев.

— Нет, человек просто засыпает мертвым сном.

— Сколько потребно капель, чтобы произвести смерть?

— Это относительно, смотря по организму

принимающего.

— В данном случае?

— Капель двадцать пять, тридцать, так как князь принимал опий уже около года, следовательно, привык к нему, раствор же был сильный.

— Мог он почувствовать, приняв лекарство, что доза велика?

— И мог, и не мог. Скорее даже нет, так как лекарство, обыкновенно, глотают, следовательно язык — этот главный орган вкуса, почти не принимает участия.

— Можно ли предположить, что князь был психически расстроен?

— Он был странный человек, но если судить по этому, то каждый из нас сумасшедший по своему.

Так окончился допрос доктора.

Все клонилось к предположению о самоубийстве, так как не было никаких причин к совершению такого преступления над князем со стороны постоянного лица, не говоря уже о близких.

Одно показание Гиршфельда возбуждало сомнение.

Николай Леопольдович показал, что, уезжая третьего дня в Т., он оставил князя совершенно здоровым и веселым.

— Какие поручения дал вам князь? — спросил Карамышев.

— Отвезти письмо брату и фотографические виды племяннице.

— Из-за этого он посылал вас в Т.?

Гиршфельд вспыхнул.

— Он меня не посылал и посылать не мог. Я сам предложил исполнить эти поручения, а поездку предпринял, во первых, желая проехаться, а во-вторых, исполняя желание покойного князя, познакомиться с его больным братом, ныне тоже покойным, и племянницей.

— Извините! — пробормотал Карамышев. — Вам известно содержание письма, которое вы передали покойному князю Дмитрию? — продолжал он допрос.

— Я его не читая, но князь Дмитрий Павлович, прочитав его, сказал при мне своей дочери, что ее дядя собирается подольше погостить у них в половине будущего сентября, значит он писал, между прочим, и об этом.

Дело снова запутывалось, и главный вопрос оставался неразрешенным.

XXXV
Преступник

На другой день в Шестове появились новые лица.

К утренней панихиде собрались соседние помещики, в числе которых был и Василий Васильевич Гурбанов.

Экипаж, посланный на всякий случай к поезду железной дороги, привез двух официальных лиц — судебного пристава т-ского мирового съезда Михаила Николаевича Христофорова и товарища прокурора т-ского окружного суда Леонида Ивановича Невского.

Известие о загадочной смерти второго князя Шестова с быстротой молнии, после доклада исправником губернатору, облетело весь город.

Прокурор т-ского окружного суда, получив уведомление, нашел нужным командировать своего товарища для наблюдения за производством следствия по столь важному делу.

Княжна Лида, немного было оправившаяся, слегла снова при известии о второй тяжелой для нее утрате.

Шатов положительно потерял голову.

Сохраняла присутствие духа и хладнокровие одна княжна Маргарита, с необычайною нежностью ухаживавшая за сестрой и распоряжавшаяся всем в доме.

На вид она тоже казалась убитой обрушившимися на их семью несчастьями, следовавшими одно за другим.

Прибывшие городские гости тотчас приступили к исполнению своих обязанностей.

Михаил Николаевич Христофоров, подвижный, маленький человек лет тридцати пяти, быстро исполнил все законные формальности.

Духовное завещание найдено было в одном из ящиков стола.

Леонид Иванович Новский, элегантный блондин с ярким румянцем на щеках, выглядел совсем юношей.

Он был недавно назначен на должность товарища прокурора из Петербурга, вскоре по окончании им там курса в училище правове-

дения.

Тотчас после завтрака он углубился в чтение следственного производства.

Карамышев еще не был знаком с ним, и они представились друг другу в усадьбе.

— Молокососа прислали наблюдать за моими действиями! — ворчал про себя недовольный старик, и насмешливо поглядывал на внимательно читавшего дело юного представителя обвинительной власти.

— Темное дело, — сказал Новский окончив чтение, — но только не самоубийство.

— А что же, по вашему? — усмехнулся Сергей Павлович.

— По-моему, князь отравлен.

— Кем же это? Пощадите.

— Кем? Разъяснить это и есть задача следствия. Что смерть князя последовала от вмешательства посторонней руки — если этого из дела ясно не видно, то это чувствуется. Согласитесь сами, человек совершенно здоровый, богатый, собирающийся ехать в гости в половине будущего сентября к брату, вдруг ни с того, ни с сего травится сам. В этом нет логики.

— А в том, что князь отравлен, конечно домашними, так как посторонних в доме не было, разве есть логика? У кого какие мотивы могли бы быть для этого? — спросил Карамышев.

— Мотивы. Мотивы, их надо сыскать. Это тоже одна из главных следственных задач… — заметил Леонид Иванович.

— Вы хотите решить уравнение со всеми неизвестными? Я за это не берусь. Я заявлю вам это официально! — почти грубо отвечал Сергей Павлович.

— Зачем волновался, добрейший Сергей Павлович, поработаем и подумаем вместе, — мягко произнес Новский.

— Нечего думать, нечего и работать. Самоубийство ясно как Божий день. Если не умышленное, то случайное.

— То есть как случайное?

— Так! Князь, по уходе Якова, мог опрокинуть и пролить рюмку, наполнил ее снова водой и стал сам капать лекарство. Руки, как случается у стариков, затряслись. Он перелил и не заметил.

— Это предположение основательное, не

говорю, но все-таки лишь предположение.

— Чем же оно хуже вашего, тоже предположения?

Карамышев сомневался сам, но говорил лишь из желания противоречить.

— Так-то так, но мне сдается, что я правее… — задумчиво отвечал Новский.

— Не могу спорить. Ведь вам чувствуется! — подчеркнул Карамышев. — Что же тут спорить?

— Надо все-таки подумать! Я пройдусь по саду! — заметил Новский и встал.

— Прогуляйтесь, желаю надуматься, или лучше обдуматься, — уязвил его Сергей Павлович, и тоже вышел вслед за товарищем прокурора.

Беседа их происходила в комнате Николая Леопольдовича.

Последний был у княгини, наверху.

Погуляв по саду, юный жрец Фемиды отправился на задний двор, прислушаться к толкам дворни.

Проходя мимо кухни, все окна которой были открыты, он услыхал голоса.

— Уж не Яков-ли Петрович это ему подсу-

добил, помните, Коронат Иванович, а намеднясь грозился… — говорил один голос.

— Что ты без толку брешешь, — остановил его другой, — долго-ль так невинного человека погубить. Со злости тогда, что красоту его испортили, сболтнул, а то статочное ли дело на убийство решиться. В уме ли ты, парень. Смотри сам под ответ не попади. Следственник его уже допрашивал, он сам говорил, что все дотошно показал. Уйди от греха.

Голоса смолкли.

Дверь кухни отворилась и на пороге показался знакомый нам кучер Степан.

Леонид Иванович внимательно посмотрел на него, но ни сказал ни слова и отправился в дом.

— Что, надумалось? — уколол его Карамышев, которого он застал на передней террасе.

— Надумался. Когда пожелаете продолжать следствие, я к вашим услугам.

— Что же продолжать? Оно окончено? — уставился на него тот.

— Мне бы хотелось предложить вам допросить еще несколько свидетелей. Я кажется имею на это право? — в свою очередь съязвил

Новский.

— 281 и 286 статья устава уголовного судопроизводства. Знаю-с, знаю-с. Имеете, полное имеете. Извольте, всю дворню и даже всю деревню допрошу, приказывайте — обозлился Сергей Павлович.

— Приказывать я вам не смею, да это мне было бы и не к лицу. Вы годитесь мне в отцы. Но воспользоваться правами, предоставленными не лично мне, а занимаемому мною положению законом, я не премину… — с достоинством отвечал Леонид Иванович.

Сергей Павлович смолчал, ограничившись язвительной улыбкой.

— Тем более, что в интересах раскрытия истины я попрошу допросить лишь двух, или четырех человек… — продолжал тем же тоном товарищ прокурора.

— Это милостиво, сжалились надо мной стариком… — с комическим почтением поклонился Карамышев.

Новский только улыбнулся.

— Угодно начать сейчас? — после некоторой паузы спросил его следователь.

— Извольте, я свободен! — отвечал тот.

Они отправились вниз.

— Кого же вам будет угодно еще допросить? — спросил Карамышев Новского, усевшись за стол.

— Княжеского повара.

— Какого? Их два.

— Так обоих.

Сергей Павлович пожал плечами и приказал дежурившему у дверей сотскому позвать поваров Короната Ивановича и Сакердона Николаевича по очереди.

Первый явился Коронат.

После предварительных расспросов Карамышев спросил:

— Что известно тебе о смерти князя Александра Павловича?

— Нам ничего не известно, потому что мы на кухне, — ответил Коронат.

Карамышев вопросительно с усмешкой поглядел на Невского.

— Скажите, свидетель, — начал тот, — кто полчаса тому назад говорил у вас на кухне, что не дело-ли это Якова Петровича, так как он грозился когда-то?

Коронат вздрогнул от неожиданности и

удивленно уставился на товарища прокурора. Карамышев стал необычайно серьезен.

— Это, ваше высокоблагородие, кучер Степан болтал.

— Расскажите же нам, что он болтал?

Коронат Иванович подробно передал, как разговор Степана с ними на кухне, случайно слышанный Невским, так и сцену в кухне в день отъезда Николая Леопольдовича, уже известную читателям.

Другой повар, Сакердон Николаевич, и кучер Степан показали согласно с Коронатом.

— Беспременно, ваше высокоблагородие, это он со злости, потому рассвирепел тогда страсть! — заключил свои показания Степан.

— Вот видите, добрейший Сергей Павлович, и вопрос о том, кому? — разрешение и мотивы найдены, — обратился к Карамышеву Новский.

— Принужден согласиться, что дело принимает другую окраску, благодаря счастливой случайности, — нахмурился следователь.

— Пусть хоть случайности, — улыбнулся Леонид Иванович, — но что это за старый князь, появляющийся на скамейке, о котором

говорят свидетели?

Карамышев рассказал ему подробно эту легенду, переходящую из рода в род в усадьбе князей Шестовых.

— Средневековые бредни! — решил Новский.

— Как знать, чего не знаешь! — не утерпел не противоречить Сергей Павлович.

— Допросим теперь Якова, — заметил товарищ прокурора, сделав вид, что не слыхал последней фразы следователя.

— Сбегай в деревню, позови старосту и десятского, — обратился к сотскому Карамышев. — Я думаю арестовать обвиняемого... — заметил он Невскому.

Тот молча наклонил голову.

Прошло около получаса, когда требуемые лица явились.

Карамышев и Новский не проронили за это время ни слова.

Сотский по приказанию следователя, привел Якова.

Последний был смущен. Он уже знал о данных поварами и кучером показаниях.

Подробно рассказал он о нанесенных ему

покойным князем побоях, знаки которых не прошли s до сих пор, и о том, что под влиянием злобы и толков о появлении старого князя, говорил приписанные ему слова.

— Это я, ваше высокоблагородие, с дуру, совсем с дуру! — закончил он свои показания.

Следователь прочел их ему и дал подписать.

— Сознайся лучше, что ты по злобе или, как говоришь, сдуру, подлил лекарства в рюмку, зная, что от этого князь умрет? — резким тоном в упор спросил его следователь.

Яков побледнел.

— Видит Бог, всего пять капель влил, разрази меня Господи, если вру. Не убивец я. Сколько лет служил их сиятельству, да и вы, ваше высокоблагородие, меня, знаете. Зачем же напраслину на меня возводите?.

— Ну, напраслина ли это — разберет суд! Так ты не сознаешься?

— Господи, Господи, да в чем же? Я, вот вам Христос, не виновен.

— Я тебя арестую. Староста, посади его в камеру при сельском управлении под строгий караул. Завтра утром приведешь его сю-

да, получишь бумаги за караулом на подводе отправишь в город — в острог.

— Слушаю-с! — отвечал староста, подходя к арестованному.

Яков задрожал и, не будучи в силах вымолвить слова, как сноп повалился на пол.

Сотский и десятский подняли его и буквально волоком вытащили за дверь.

Староста последовал за ними.

Карамышев, видимо раздраженный, продолжал писать. Писал он быстро, перо так и прыгало по бумаге. Новский отошел к окну и смотрел в сад.

— Кушать подано! — доложил вошедший лакей и удалился.

Сергей Павлович окончил работу и вместе с товарищем прокурора отправился в столовую.

Обед прошел молча. Тотчас после него состоялась вечерняя панихида и церемония положения тела в богатый дубовый гроб, доставленный из города. По окончании церемонии, Карамышев с Голем не утерпели и составили партию винта, в которой приняли участие Гурбанов и Новский. Последний оказал-

ся прекрасным винтером, что отчасти примирило с ним все еще хмурившегося Сергея Павловича.

Гиршфельд и княгиня, появившиеся за обедом и панихидой, снова куда-то исчезли.

Игроки провинтили до поздней ночи. Наутро следователя ожидал новый сюрприз. Староста явился один.

— Где же арестант? — спросил Карамышев.

— Виноват, ваше высокоблагородие, — взмолился староста, — не досмотрели!

— Убежал? — крикнул Карамышев.

— Никак нет-с, ваше высокоблагородие, удавился убивец, собачью смерть принял.

Карамышева это известие ошеломило.

«Ну, а если он не виноват?» — мелькнуло в его уме.

Он сознавал, что, раздраженный вчера Новским, погорячился.

«С чего же бы ему кончать с собой?» — успокоил себя Сергей Павлович.

Второй акт уголовной драмы совершился уже при других декорациях.

Место действия перенеслось из роскошного княжеского дома в неказистое помещение

сельского управления.

В арестантской камере на петле, сделанной из помочей и накинутой на стенной крюк, висел труп покончившего с собою княжеского камердинера Якова.

Карамышев, Новский и Голь прибыли туда почти следом за становым приставом, оставившим усадьбу лишь накануне утром. Совершены были обычные формальности, и акт о самоубийстве обвиняемого в умышленном отравлении князя Александра Павловича Шестова, т-ского мещанина Якова Петрова Быстрова был приобщен следователем к делу, следствие по которому местным производством было окончено.

Оставалось, по мнению товарища прокурора, разделенному и следователем, допросить княжен Маргариту и Лидию Дмитриевну Шестовых, для чего Карамышев, по совету Невского, и препроводил дело при представлении на распоряжение прокурора т-ского окружного суда. Таким образом, князь Александр Павлович Шестов был признан жертвою гнусного преступления.

Завещание его было действительно.

XXXVI
Три гроба

В доме покойного князя Дмитрия Павловича все шло своим печальным чередом. Княжна Лида, немного оправившаяся под животворными ласками обожаемой сестры и попечениями любимого человека, была все еще слаба и еле ходила. Исхудала она страшно. Улыбка не появлялась на этом так недавно оживленном ярким румянцем, а теперь мертвенно-бледном, восковом личике. Веселые, добрые глазки приняли какое-то мрачное, почти строгое выражение. Обрушившиеся на нее несчастья переродили ее. Она в несколько дней прожила целые годы и из ребенка сделалась взрослой девушкой.

Этот быстрый нравственный рост пугал Антона Михайловича, боявшегося, чтобы он не отразился роковым образом на здоровье молодой девушки.

В тот самый день, когда в Шестове покончил свои расчеты с жизнью предполагаемый виновник смерти князя Александра Павлови-

ча — Яков, в Т. происходили похороны князя Дмитрия.

Вынос тела состоялся в десять часов утра.

Богатый дубовый гроб все довольно далекое расстояние от княжеского дома до собора, где происходило отпевание, несли на руках представители высшего т-ского общества, с губернатором во главе.

Масса экипажей и толпы народа буквально запрудили всю Дворцовую улицу, по которой тянулась печальная процессия.

Заупокойная обедня и самое отпевание отслужены были соборе местным архиереем, другом покойного, в сослужении со всем т-ским духовенством.

По окончании службы, архирей сказал над гробом покойного слово, в котором, между прочим, выразил, что общая скорбь над прахом доблестного вельможи непритворна уже потому, что составлена из отдельных личных скорбей всех знавших покойного, а знал его весь город.

— А каждый, кто знал его — любил его! — закончил проповедник.

Гроб был вынесен из собора, поставлен на

роскошный катафалк, и мимо дома, где была отслужена лития, препровожден на вокзал железной дороги.

С товарным поездом он должен был быть доставлен на станцию Ломовис, а оттуда в Шестово для погребения, согласно выраженному покойным предсмертному желанию.

Сопровождать гроб в прицепленном к товарному поезду, по распоряжению железнодорожного начальства, вагоне первого класса отправились дочери покойного и Шатов.

Общий поминальный обед должен был состояться в Шестове, после похорон князя Александра Павловича, назначенных на другой день.

Туда также был приглашен весь город и должны были отправиться архирей, начальник губернии и большая часть т-ского духовенства.

Начальство железной дороги назначило ранний экстренный поезд. На станции Ломовис прибывших ожидала вереница княжеских экипажей.

Приехавшие перегнали катафалк с гробом князя Дмитрия Павловича и сопровождав-

шую его коляску с дочерьми покойного и Шатовым недалеко от усадьбы.

С колокольни небольшой, но прекрасно отделанной иждивением покойного князя Александра Павловича, церкви села Шестова несся заунывный похоронный звон. По прибытии городского духовенства, в княжеском доме была отслужена панихида, и гроб на руках был вынесен из дома.

Когда печальный кортеж с прахом князя Александра выступил из ворот усадьбы, с другой стороны на встречу ему показался катафалк с прахом Дмитрия. Так состоялась встреча братьев.

Процессии соединились. Оба гроба были внесены в церковь, где также архиереем соборне была отслужена литургия и совершено отпевание. После краткого надгробного слова, произнесенного архиереем над жертвой людской злобы и преступления, как он назвал покойного князя Александра Павловича, гробы были вынесены из церкви и опущены в находящийся в ее ограде фамильный склеп князей Шестовых.

Приглашенные отправились в дом.

В этот же самый день, в стороне от сельского кладбища, без церковного погребения был опущен в могилу дощатый деревянный гроб с прахом самоубийцы убивца князя Александра Павловича — Якова.

Все гости пробыли в Шестове до утра следующего дня.

За роскошным поминальным обедом и после него разговоры шли на тему совершенного княжеским камердинером преступления.

Оно для всех казалось очевидным и безусловно доказанным.

Одному Карамышеву, нет, нет, да и приходила мучавшая его мысль о невиновности лежавшего уже в могиле Якова Петрова Быстрого. Он, впрочем, не высказал этой мысли вслух.

Гиршфельд улучшил минуту и сообщил княжне Маргарите Дмитриевне, застав ее на задней террасе одну, что так князь не признан самоубийцей, то завещание его действительно, и показал ей похищенное им письмо с резолюцией князя.

— Теперь менее чем когда-нибудь возможно допустить состояться свадьбе сестры, так

как тогда ее деньги уйдут из наших рук, — сказал он.

— Не беспокойся, — заметила она ему, — я уже успела внушить ей мысль о глубоком годичном трауре и о том, что свадьба ранее этого срока была бы оскорблением памяти покойных отца и дяди, а год — много времени.

— Ты надеешься за это время расстроить эту свадьбу совсем?

— Я уже раз говорила тебе, что этой свадьбы не будет, значит и не будет! — раздраженно отвечала она, идя навстречу входившим на террасу княгини с бароном и баронессой Фальк.

Гиршфельд успел незаметно спуститься вниз.

На другой день гости разъехались, и Шестово опустело, Шатов уехал тоже.

Остались лишь княжны, решившиеся выехать в Т. через несколько дней, вместе с теткой и будущим ее поверенным — Гиршфельдом.

XXXVII
Поверенный

На девятый день после смерти князя Александра Павловича была отслужена панихида по обоим братьям, а на другой день княгиня с племянницами и Гиршфельдом выехали в Т.

Князь Владимир уехал в Москву ранее. Его повез, по просьбе княгини, Владимир Павлович Кругликов, ехавший туда по делам.

Роскошный господский дом был заперт наглухо. Вся прислуга, кроме Стеши, оставшейся при княгине, получила расчет и награды.

Венки на гробницах князей Шестовых завяли. На могиле Якова был поставлен, по распоряжению Карамышева, большой деревянный крест.

В Т. княгиня и Гиршфельд остановились в доме князя Дмитрия.

Вскоре по приезде, княжны Маргарита и Лидия Дмитриевны были вызваны повестками к следователю для допроса, в качестве свидетельниц по делу об отравлении князя Алек-

сандра Павловича Шестова.

В показании княжны Маргариты не было ничего существенного. Княжна Лида представила судебному следователю сохраненное ею письмо покойного дяди к ее покойному отцу, привезенное Гиршфельдом.

Завещание князя было утверждено судом к исполнению. Княгиня была, кроме того, назначена опекуншей племянницы своей, княжны Лидии Дмитриевны Шестовой.

Гиршфельд получил полную доверенность, как от нее лично, так и как опекунши над сыном и племянницей.

Княжна Лидия, в виду полученного ею от дяди наследства, отказалась фактически от части в наследстве отца в пользу княжны Маргариты. Последняя, таким образом, получила тридцать две тысячи рублей в бумагах и дом со всею движимостью.

Она также выдала Гиршфельду доверенность на ведение ее дел.

По его совету, она продала дом отца со всей обстановкой. Его купил, за пятнадцать тысяч рублей, барон Павел Карлович Фитингоф, давно приглядывавший в городе, как он

выражался, свой собственный уголок.

Гиршфельд торжествовал. Все шестовские капиталы и доходы оказались в полном распоряжении молодого адвоката, в вознаграждение за труды которого княгиня Зинаида Павловна назначила двенадцать тысяч рублей в год.

Княжна Маргарита не договаривалась о вознаграждении со своим поверенным. Отдав ему всецело самою себя, она также отдала в безотчетное распоряжение и доставшееся ей состояние, тем более, что считала его ничтожным волоском того золотого руна, на поиски которого она пошла с ним рука об руку.

Адвокатская карьера Николая Леопольдовича начиналась блестящим образом. Успех превзошел его ожидания. Из скромного учителя княжеского сына он стал распорядителем княжеских богатств.

Под маской напускного равнодушия старался он скрыть от других впечатление, произведенное на него самого этой метаморфозой. Это ему, однако, не удавалось. Вся его фигура служила олицетворением нахального довольства.

Княгиня Зинаида Павловна, почувствовав себя после смерти мужа совершенно свободной, стала довольно открыто выказывать свои отношения к нему, но на первых же порах была им остановлена.

Это могло поставить его в щекотливое положение перед его союзницей — княжной Маргаритой.

— Я не желаю компрометировать ни тебя, ни себя, — заметил он ей, — не все поймут то горячее чувство, которое я питаю к тебе, а догадавшись о нашей связи, могут истолковать ее в дурную сторону для тебя и особенно для меня. Люди злы, а нам с ними жить. Мне даже делать между ними карьеру. Если ты любишь меня, то наша связь останется по-прежнему тайной. Поверь мне, что это даже пикантнее. При настоящей полной моей и твоей свободе тайна ни чуть ни стеснительна. Мы над нею господа. Так ли, моя дорогая?

Он обнял ее и нежно заглянул ей в глаза. Они сидели вдвоем в гостиной покойного князя Дмитрия Павловича.

— Так, так, мой милый, умный, ненаглядный! — разнежившись прошептала она и да-

ла слово.

Он крепко поцеловал ее. Разговор перешел на более серьезные темы. Княгиня решила переехать вместе с племянницами на постоянное жительство в Москву.

— Мне, во-первых, не хочется расставаться с тобой, да и Марго, живя в моем доме, может сделать лучшую партию. Я буду жить открыто! — сообщила она Николаю Леопольдовичу, одобрившему ее планы.

— Замуж ей пора, — продолжала княгиня, — Лида еще совсем ребенок, а уже невеста. Я хотя не считаю Шатова хорошей партией для нее, но воля ее покойного отца для меня священна.

Гиршфельд чуть заметно улыбнулся. Княжна Лидия Дмитриевна, между тем, поправлялась плохо; церемонии двух похорон подряд произвели на нее угнетающее впечатление. За последнее время она стала подозрительно покашливать.

Шатова в Т. не было. Он уехал, вскоре после переезда туда Шестовых, в Москву, куда призывали его полученное им назначение и докторский экзамен.

Княжна Маргарита Дмитриевна согласилась жить вместе с теткой. О согласии покорной во всем сестре княжны Лиды нечего было и говорить, тем более, что в Москве жил Шатов. Он был единственным яблоком раздора между сестрами.

Княжна Маргарита всеми силами старалась уронить его во мнении сестры.

— Голубчик, Марго, не говори о нем дурно, умоляю тебя, — со слезами на глазах просила ее Лида.

— Я говорю только правду, любя тебя... — отвечала та.

— А я прошу тебя перестать, любя его — замечала ей сестра.

Наконец, по окончании всех дел, в первых числах октября переселение княгини и княжен Шестовых из Т. состоялось. Гиршфельд уехал вместе с ними.

Следствие по делу об умышленном отравлении князя Александра Павловича Шестова было прекращено дальнейшим производством, за смертью обвиняемого.

Часть вторая
На скамье подсудимых

Бывали хуже времена,
Но не было подлей.

Н. Некрасов

I
В зале суда

Большая или так называемая Екатерининская зала московского окружного суда была буквально переполнена самой разнообразной публикой.

Все классы московского общества выслали сюда своих многочисленных представителей. Громадный контингент составляли пышно и нарядно одетые дамы. Специально для них даже перед решеткой, за которой находилась публика, были поставлены скамьи и кресла.

Шел знаменитый процесс Судно-Коммерческого банка. Кончался обеденный перерыв. Судебное следствие было объявлено законченным. Ожидали начала судебных пре-

ний — наступал, таким образом, самый интересный момент всякого процесса.

В публике господствовало оживление. Шли разговоры, высказывались суждения, старались заранее предрешить исход дела. В толпе сновали «защитники правды» — адвокаты, присяжные поверенные со значками в петлицах фраков и без этих украшений — частные поверенные и помощники присяжных поверенных.

Последних не трудно был отличать от вторых, по громадным новым, с иголочки, портфелям, неизменно находящимся под мышкой, высоко поднятым головам и дельному, серьезному выражению порой даже еще безусых лиц. Так и казалось, что эти юнцы, эти мальчики, только что сорвавшиеся со школьной скамьи, сразу заиграли в больших. Так ходят, с инстинктивным сознанием самой природой данного им назначения, вылупившиеся птенцы орлов-стервятников и коршунов.

Среди публики много сановных старичков, офицеров, а между последними мелькали даже, редкие в Москве, гвардейские мундиры

приезжих из Петербурга.

Мировой институт, судебные власти и представители прокуратуры были почти в полном составе.

Все это волнами переливалось по громадной зале, говорило и жестикулировало.

Екатерининская зала представляет из себя совершенно круглое громадное помещение. Эта зала старого московского сената, здание которого, по введении судебной реформы, было передано новым судебным учреждениям. В два света, с высоким и широким окном, сажень около шести в вышину, она оканчивается наверху громадным куполом, который виден снаружи здания и увенчан витой колонной с короной и надписью со всех четырех сторон ее на особых дощечках: закон — девиз, принятый со дня введения судебных уставов министерством юстиции. Кругом залы идут обширные хоры, поддерживаемые массивными полуколоннами, оштукатуренными и окрашенными, как и стены, белою краскою. Потолок украшен барельефами.

В залу ведут пять дверей — средняя, прямо против главной входной двери, ведущей с

лестницы и парадного подъезда, и по две боковых, крайние из которых выходят в идущий кругом по всему зданию коридор, а дальние, — одна, направо, соединяет с залой заседаний окружного суда по гражданским делам, а налево — с маленькой уголовной залой.

Прямо против средней двери, на устроенной возвышенной эстраде, стоял громадный судейский стол, покрытый зеленым с золотой бахромой сукном. Слева отдельный, также покрытый, столик для двух секретарей, а справа стол и трибуна для двух же представителей обвинительной власти. Ниже последних, но тоже на возвышении, шли места для присяжных заседателей, а против них, за деревянной решеткой, окрашенной в желтую краску, помещались подсудимые, имея перед собой своих защитников, для которых были поставлены стулья и пюпитры.

Радом с присяжными заседателями находились места для гражданских истцов и их поверенных, числом более ста человек. Вся остальная глубина залы, огороженная также деревянной решеткой, была отведена для

публики и в это пространство вход был только из средних дверей.

Пол залы, из прекрасной каменной мозаики, и эстрады были обиты серым сукном.

Заседания в этой зале редки, и она каждый раз особо приспособляется для них. В обыкновенное время зала эта служит приемной судебных учреждений и в ней нет иной мебели, как стоящих кругом низеньких мягких скамеек, крытых малиновым трипом.

Справа от входа, в простенке, между двумя колоннами, висит громадный портрет Екатерины Великой, а под ним стоит ее сенаторское кресло старинной формы, обитое малиновым бархатом и украшенное сверху спинки золоченой короной и другими императорскими регалиями.

Кресло это имеет свою историю. Оно было найдено в числе старой сенаторской мебели на чердаке и реставрировано в первый год открытия новых судов в Москве.

Кругом всей залы между колоннами по карнизам находятся золоченые надписи выдержки из знаменитого наказа Екатерины II-ой. Отсюда и название залы: Екатерининская.

Места, отведенные для подсудимых и присяжных заседателей, были пусты, так как и те, и другие были отведены судебными приставами в их помещения. Судьи удалились в кабинет.

Защитники и поверенные гражданских истцов тоже покинули свои места и смешались с публикою. В числе первых были все московские и даже некоторые петербургские корифеи адвокатуры. Тут же находился и известный всей России, как неподражаемый оратор, московский адвокат, известный под именем московского Демосфена. С сутуловатой фигурой, лицом монгольского типа, умными и проницательными, узко разрезанными глазами, длинными плоскими черными волосами и реденькой бородкой, он был на первый взгляд далеко не красив, но печать гения, лежащая на его лице, быстро уничтожала первое впечатление. Когда же он говорил свои вдохновенные речи, это лицо становилось положительно красивым.

Он стоял за судейскими креслами, с завернутым, по обыкновению, бортом фрака, где был пристегнут значок, в своей обычной ле-

нивой позе, опершись левой рукой на один из столиков, поставленных в амбразурах окон для корреспондентов русских и заграничных газет, и разговаривал с редактором одного в то время сильно распространенного органа мелкой петербургской прессы.

Последний был видный мужчина, с длинною темнорусою бородою, умными, вечно смеющимися глазами, небрежно одетый в мешковато сидевший на нем черный сюртук.

Их окружало несколько человек присяжных поверенных и корреспондентов.

Разговор здесь, как и в публике, шел о возможном исходе процесса.

— Я не берусь угадывать, — заметил редактор, — какая участь ожидает подсудимых по этому делу, но твердо уверен, что гражданские истцы останутся не при чем и таким образом дорого поплатятся за увлечение обстановкой, зеркальными окнами и массивными железными шкафами этого безрассудного, а может быть, и бессудного банка. Само расположение этой всей залы судебных заседаний невольно утверждает меня в этом мнении.

Московский Демосфен вопросительно по-

смотрел на него.

— Посмотрите, как расположились эти золоченые надписи на карнизах.

Все начали осматривать залу, с недоумением посматривая на редактора.

— Здесь, где мы стоим, над местами судей, — продолжал тот, — красуется совершенно логичная надпись: «достойным — достойное» — этот лучшей девиз суда. Не менее соответственна и надпись, которую мы видим над местами присяжных заседателей: «желание России». Разве суд присяжных не есть на самом деле удовлетворение этого желания? Далее уже идут надписи юмористические. Над местами, занятыми подсудимыми, написано: «плоды побед», над публикой: «и вы подобно подвизайтеся», а над несчастными гражданскими истцами и их представителями пришлась зловещая надпись: «до вечности». Эта-то надпись наводит меня на горькие думы, в ней-то и вижу я нечто пророческое.

С присутствующими, при этом разговоре, случилось то, что обыкновенно бывает с рассматривающими загадочные картинки. Стоит только указать, в чем заключается секрет,

как он так и бросается в глаза. Через несколько минут, уже вся зала говорила об этом курьезном открытии. К вечеру вся Москва.

— Неужели, — спросил, между тем, редактор у Московского Демосфена, — все поверенные гражданских истцов будут говорить речи, ведь таким образом и процесс не окончится до вечности?

— Нет, — улыбнулся адвокат, — говорить будут лишь несколько поверенных потерпевших на крупные суммы, и в том числе присяжный поверенный Гиршфельд, как поверенный княгини и княжны Шестовых, потерявших в этом банке чуть не полмиллиона, и многих других.

— А Шестовы потеряли на вкладах?

— Нет, на акциях.

— Кто же надоумил этих барынь вложить такую уйму денег в этот банк?

— Да, кажется, их же поверенный.

— Дорого же обойдется карманам его доверительниц фигурирование его в настоящем процессе.

— Он, говорят, для них обеих более чем поверенный, так свои люди — сочтутся! — вста-

вил в разговор один из присутствовавших присяжных поверенных.

— Ну, это, батенька, — заметил ему поморщившись московский Демосфен, — относится к области московских сплетен, — я ими не занимаюсь и им не удивляюсь — они иногда доходят до колосальности.

— Все таки вопрос о том, что по Москве ходит упорный слух, что он находится у них обеих на содержании, возбуждался недавно в совете, при принятии его в присяжные поверенные.

— И это ничего не доказывает, мало-ли нелепых вопросов возбуждается у нас в совете.

В залу в этот момент вошли с одной стороны присяжные заседатели, а с другой подсудимые, сопровождаемые судебными приставами. Когда те и другие уселись, резкий голос третьего судебного пристава, прокричал: суд идет.

Все поспешили к своим местам.

II

Учитель и ученик

Наш старый знакомый Николай Леопольдович Гиршфельд до конца обеденного перерыва находился среди публики и вместе со своим бывшим патроном и другом присяжным поверенным Левицким беседовал с княгиней Зинаидой Павловной и княжной Маргаритой Дмитриевной Шестовыми, приехавшими послушать судебные прения.

Николай Леопольдович за истекшие пять лет, прошедшие с того дня, когда мы оставили его сопровождающим княгиню с племянницами Москву, пополнел и возмужал. Окладистая каштановая бородка придала ему более солидный, деловой вид. Изящный фрак с новым с иголочки значком присяжного поверенного (он был принят в эту корпорацию всего недели две тому назад) красиво облегал его стройную фигуру, дышавшую молодостью, здоровьем и довольством.

В княгине эти пять лет не произвели особой перемены, так как она сохранила своих

прежних поставщиков туалета, парфюмерии и косметик.

Одна княжна Маргарита отдала должную дань времени. Она похудела. Черты ее типичного лица как-то обострились и было даже заметно, что в косметических магазинах Москвы одной покупательницей стало более. Хороша она была, впрочем, по прежнему. Восторженный шепот мужчин сопровождал ее всюду, как и прежде. В чем изменилась она совершенно, так это в туалете. Прежний скромный наряд заменился роскошными парижскими новостями.

С четвертым собеседником этой оживленно разговаривающей группы мы знакомы только по имени.

Александр Васильевич Левицкий был толстый, лысый старик низенького роста, с солидным брюшком и коротенькими ножками. Круглое, бритое лицо с маленькими усиками было бульдогообразно. Одет он был в мешковато сидевшую на нем фрачную пару, и тусклый почерневший от времени серебряный значок присяжного поверенного указывал, что он носит это звание давно. Говорил он

хриплым фальцетом и трудно было поверить, чтобы человек обладающий таким несимпатичным органом голоса, мог быть замечательным оратором. Он брал живым, неисчерпаемым остроумием и необычайней силою оригинальной логики.

Перед тем, как в залу вступили судьи, он рассказывал княгине и княжне об одной своей доверительнице, которая была страшно недоверчива.

— Говорит мне все, — хрипел Александр Васильевич, — не верю, да не верю.

— Я ей и то, и се.

— Не верю.

— Рассердило это меня наконец, я ей и говорю: у меня, сударыня, есть бык, он тоже ничему не верит.

Дамы и Гиршфельд расхохотались.

В Александре Васильевиче Николай Леопольдович нашел себе достойного руководителя на адвокатском поприще, Левицкий же в Гиршфельде — неуклонно шествующего по стопам своего учителя ученика.

Беззастенчивость и нахальство Левицкого вошли в пословицу.

Чтобы судить об успехах Гиршфельда в этом направлении, под влиянием Александра Васильевича, достаточно сказать, что о Николае Леопольдовиче один почтенный товарищ председателя московского окружного суда выразился так:

— У этого Гиршфельда нахальства на десять Левицких хватит.

И он не преувеличил.

Первый урок этой судебной беззастенчивости получил Николай Леопольдович от Левицкого в первый год своего у него помощничества. Они отправились вместе на защиту в один из провинциальных городов, лежащих недалеко от Москвы.

Предано было суду целое конкурсное управление, Левицкий защищал председателя, а Гиршфельд и другой помощник Александра Васильевича — двух кураторов.

Провинциальный суд оказался благоговеющим перед знаменитым московским адвокатом и ученым. Все требования его беспрекословно исполнялись. После постановки вопросов о виновности подсудимых, Левицкий внес в редакцию их некоторое изменение.

Несмотря на протест товарища прокурора, суд постановил принять измененную редакцию. Когда это определение суда было объявлено, Александр Васильевич, садясь на стул, громко в лицо суда проговорил:

— Ну, теперь есть противоречие!

Даже Николай Леопольдович, сконфузившись, опустил голову.

В поставленных по редакции Левицкого вопросах не оказалось состава преступления, что потом и признал сенат по жалобе того же Левицкого. Дальше этого идти было некуда.

Общественное мнение о себе Левицкий игнорировал совершенно: дай на ручку денег кучку — всю-то правду расскажу было его любимой поговоркой.

Однажды он возвратился в Москву из одного провинциального города, куда ездил за большую сумму в качестве гражданского истца и частного обвинителя со стороны очень и очень скомпрометированного в деле лица. Подсудимая была торжественно оправдана, и газеты рассказывали, что Левицкий, не дождавшись вердикта присяжных заседателей, скрылся из залы судебных заседаний.

— Правда, Аександр Васильевич, что вы обратились в позорное бегство? — спросили его шутя в суде товарищи.

— Ничуть не обратился в бегство, — захрипел в ответ Левицкий, — я поехал в гостиницу закусить и послать лакея узнать, чем кончилось дело. Когда же он возвратился и сказал мне, что подсудимую оправдали, я дал ему рубль на водку, чтобы он не подумал, что я этим недоволен.

Таков был патрон Николая Леопольдовича.

Прибыв в Москву вместе со своими первыми доверительницами, княгиней и княжнами Шестовыми, Гиршфельд нанял себе на одной из лучших улиц города холостую квартирку, обставил ее всевозможной роскошью и той необходимою, показною, солидностью делового человека.

Роскошная приемная и громадный кабинет, уставленный шкафами с законами и юридической библиотекой и столом, заваленным книгами и бумагами, должны были производить подавляющее впечатление на клиентов.

Николай Леопольдович в этом не ошибся. Успев сделаться протеже Левицкого, он в скором времени приобрел весьма солидную практику. Это зависело отчасти от его полной обеспеченности в финансовом отношении, дававшей ему возможность брать первое время дела по выбору, с обеспеченным успехом.

Капитал Маргариты Дмитриевны, жалованье, получаемое от княгини, и бесконтрольное пока распоряжение шестовскими капиталами сослужили ему свою службу.

Гиршфельд не ограничился одной своей квартирой и нанял другое помещение на бойкой торговой улице, где завел контору и принимал в известные часы. Обстановка конторы также была роскошна. Кроме того, как повествовали некоторые московские всезнайки. Николай Леопольдович был настоящим владельцем скромного Кабинета справок и совещаний, существовавшего в Москве под фирмою отставного полковника Андрея Матвеевича Вурцеля, большого пройдохи, служившего когда-то в штате московской полиции.

Так расставил этот новый московский паук свою паутину, и доверчивые мухи всех сор-

тов лезли в нее.

Жил он широко, что называется, на показ, и умел экономить там, где эта экономия не бросалась в глаза, другими словами, он сеял деньги лишь там, где надеялся сторицею собрать жатву. Имея в руках солидные средства, он стал гнаться за известностью, за рекламой и дорого платил, чтобы его имя появлялось на страницах московских газет. Даже знакомство его разделялось на показное и келейное, и в числе представителей последнего находился один известный московский репортер, Николай Ильич Петухов, вращавшийся среди московских редакций и купечества и служивший Николаю Леопольдовичу не только одним из проводников его славы, но и комиссионером его кабинета Справок и совещаний и конторы на торговой улице, доставлявшим ему иногда солидные купеческие дела для его практики, как присяжного стряпчего.

В кругу своих товарищей Гиршфельд держался важно и гордо, стараясь уверить их, что он следит за юридической наукой и литературой, и что ни одно мало-мальски выдающееся сочинение на русском и иностранных

языках не ускользает от его любезности. Товарищи не любили его и в шутку прозвали московским Жюль Фавром.

Московский Демосфен, любитель открытия новых талантов, принял было сначала и его под свое покровительство, но вскоре разочаровался.

— Нет, это не то, я думал, что это будет новая звезда, а это гнилушка, светящаяся в потемках! — определил он Гиршфельда на своем образном языке.

Однажды этот, уже разочарованный в Николае Леопольдовиче, знаменитый адвокат зло подшутил над ним. Он стоял в коридоре окружного суда и о чем-то горячо беседовал с группой собравшихся товарищей.

— О чем это вы ораторствуете? — подошел к нему Гиршфельд.

— Э, батенька, о чем мы говорим, вы еще не читали.

Окружающие в недоумении смолкли, так как разговор шел далеко не о чем-нибудь прочитанном.

— Что, что не читал, я все читаю! — запротестовал Николай Леопольдович.

— А вот и не все. Читали вы последнее сочинение известного немецкого ученого юриста Карпенсгалле: О разграничении гражданской и уголовной подсудности?

— Не успел, не успел, но у меня на столе лежит неразрезанное, на днях получил.

Московский Демосфен расхохотался.

— Ну, батюшка, я должен вам сознаться, что такого сочинения нет, а фамилию этого нового немецкого ученого я составил из двух сапожников в Газетном переулке — Карп и Галле.

Окружающие разразились неудержимым хохотом.

Взбешенный Гиршфельд быстро отошел.

Через несколько дней большая компания адвокатов, с Московским Демосфеном во главе, приехала поужинать в загородный ресторан Стрельну. Проходя в отдельный кабинет мимо зимнего сада, компания заметила Гиршфельда, сидящего тоже с компанией за столом под громадной развесистой пальмой. Вспомнили сыгранную с ним шутку и, позвав лакея, показали ему Гиршфельда и приказали подойти к нему и спросить — не он ли госпо-

дин Карпенсгалле. Лакей побежал исполнять приказание и через несколько времени с растерянным видом вернулся в кабинет.

— Ну, что? — спросили его.

— Помилуйте, они очень рассердились, вскочили и закричали: «Я тебя изобью, а их убью».

Встревоженного успокоили данной на чай рублевкой. В таких отношениях находился Николай Леопольдович к лучшей части своих товарищей. Впрочем, эта лучшая часть была незначительна, остальные преклонялись перед ним и, в особенности, перед его патроном, и были далеки от мысли шутить с ним шутки.

III
Искусительница

Княгиня Зинаида Павловна уже пять лет, как безвыездно жила в Москве на Пречистенке, а летом — в законтактированной на несколько лет роскошной даче в Петровском парке.

В городе она наняла по приезде на названной нами улице дом особняк, разделенный на две половины; в одной из них поместилась сама, а другую отдала в распоряжение своих племянниц.

Предупредительный Гиршфельд, нашедший это помещение, быстро омеблировал его с соответствующими общественному положению его обитательниц роскошью и вкусом.

Салоны княгини Зинаиды Павловны и княжны Маргариты Дмитриевны были убраны почти одинаково.

Скоро они наполнились самым разнообразным московским обществом.

Москвичи страдают провинциальною слабостью к новым знакомствам, и дома людей,

в особенности богатых и тароватых, долго не пустуют.

Прием у старшей и младшей представительниц славного рода князей Шестовых был назначен в разные дни. В разные же дни недели назначены были на обеих половинах и, так называемые, журфиксы, когда гости съезжались по вечерам. Эти приемы и вечера были весьма различны. К княгине собрался весь московский большой свет, крупные литературные силы, знаменитости адвокатуры; в салон же княжны стекалось более разношерстное общество: курсистки, — студенты, начинающие адвокаты, артисты, художники, мелкие литераторы и сотрудники московских газет, в числе которых был даже и протеже Николая Леопольдовича — Николай Ильич Петухов.

Это разделение дней давало возможность княгине и княжне вращаться во всех слоях московского общества, так как они неизменно обе присутствовали на приемах и вечерах в обеих половинах.

Постоянными гостями были, конечно, Гиршфельд и Шатов, бывавшие, впрочем, и в

другие дни запросто.

В обоих салонах, вскоре по приезде Шестовых в Москву, стал появляться и наш старый знакомый, Иван Павлович Карнеев. Встреча с ним неприятно поразила Гиршфельда.

— Этот как сюда попал? — спросил княжну Маргариту Николай Леопольдович.

— Он представлен Антоном Михайловичем, как его друг и товарищ, — отвечала княжна.

— А! — поморщился Гиршфельд и замолчал.

Остальные дни недели были отданы ответным визитам, вечерам, балам, концертам, публичным лекциям, защитам диссертаций и тому подобным исполнениям обязанностей светской жизни. В вихре меняющихся впечатлений быстро летело время. Это была показная жизнь дома Шестовых.

За ней незаметно шла другая, внутренняя жизнь этой семьи, велась, начатая еще в Шестове, подпольная интрига, развертывалась во всю ширь страшная жизненная драма. Новой жертвой этой интриги, новым страдательным лицом этой драмы была намечена

княжна Лидия Дмитриевна.

После нескольких месяцев жизни в Москве, горькое впечатление утраты любимого отца и дяди уменьшилось, и здоровье младшей княжны Шестовой значительно поправилось, хотя она оставалась по прежнему тем хрупким, нежным созданием, которое требовало тщательного ухода и для которого было необходимо отсутствие всяких житейских волнений.

В первый год, вследствие траура, жизнь в доме Шестовых была сравнительно тиха и однообразна, хотя приемы и вечера без музыки начались чуть ли не через месяц по приезде. Княжна Лида, впрочем, редко показывалась на них, занималась вышиванием и даже пристрастилась к чтению, при чем не пренебрегала и русскими авторами, из которых Тургенев стал ее любимцем а из его героинь она симпатизировала более всего Лизе из «Дворянского гнезда». Заняться хозяйством ее не допускали, так как оно было всецело отдано метрдотелю и экономике, имевших в своем распоряжении многочисленную прислугу обоего пола.

Любовь к Шатову по-прежнему жила в сердце молодой девушки и перспектива брака с ним по истечение года траура была светлой точкой на горизонте ее не особенно веселой жизни. Расходясь во вкусах с сестрой и теткой, она жила среди них одинокой. Отводила она душу лишь в беседе с Антоном Михайловичем, бывшим, по праву жениха, ежедневно, и с его другом Карнеевым, часто навещавшим половину княжен.

Шатов, спустя несколько времени по приезде Шестовых, сильно изменился. Княжна Лида приписывала это сначала усталости от перенесенных трудов после блестяще сданного им докторского экзамена и защиты диссертации, на которой она присутствовала вместе с теткой и сестрой, и с детской радостью упивалась аплодисментами публики, выпавшими на долю молодого диссертанта — ее милого Тони.

Кроме того, у него было много занятий по клинике и громадная практика. Не мог же он с ней терять время, драгоценное для его больных. Он недавно ей сказал эту жестокую фразу. Она нашла ее справедливой.

«А что если он за это время разлюбит меня?» — мелькало порой в ее хорошенькой головке.

«Я пойду тогда в монастырь!» — мысленно отвечала она себе вспоминая судьбу Лизы.

Такое настроение, впрочем, продолжалось недолго. Являлся Шатов. Одно его нежное слово — и печальных мыслей как не бывало.

Антон Михайлович на самом деле изменился в отношении своей невесты, но из чувства долга старался скрыть это, хотя и выдерживал страшную борьбу с самим собою по вопросу — честно ли это?

Цель княжны Маргариты Дмитриевны — расстроить во что бы то ни стало свадьбу сестры, достигалась.

Вскоре по приезде в Москву она начала, с согласия Николая Леопольдовича, правильную атаку жениха сестры. Все тайны женского кокетства были пущены в ход. Предупредительность и любезность ее к Шатову были необыкновенны.

Неопытная Лида была очень довольна, приписывая изменение в отношениях ее дорогой Марго к ее Тоне переменою мнения

первой о последнем.

— Я говорила тебе, что ты ошибаешься, что Тоня прекрасный человек, что есть за что ее полюбить так сильно, как люблю его я... — говорила она сестре.

— Да, я действительно ошиблась в нем... — соглашалась Маргарита Дмитриевна, припоминая, что все ее приступы не ведут ни к чему, и Антон Михайлович относится к ее ухаживаниям совершенно равнодушно.

Княжна Лида была в восторге, что сестра ее с ней соглашалась.

Равнодушие Шатрова, так беспокоившее княжну Маргариту Дмитриевну, было, между тем, напускное. Он, как мы сказали, выдерживал жестокую борьбу с самим собою. Только полнейшее отсутствие надежды на взаимность предмета своей первой страстной любви отодвинуло эту любовь в глубину его сердца и дало место произрасти в этом сердце тихой привязанности к княжне Лиде. Вдруг эта надежда, вследствие более чем странного для него поведения его первого кумира, получала несомненную возможность осуществления: княжна Маргарита видимо была готова полю-

бить его. Как быть? О, если б он ошибался! Как сильно хотел он прежде быть в этом вполне уверенным, так теперь он хотел в этом ошибаться. Иначе положение его было бы более трагическое. На разбитом счастье, быть может, на разбитой юной жизни, или даже, страшно вымолвить, на трупе любящей прелестной девушки он должен будет построить свое счастье. Никогда! Никогда!

Если бы даже он не ошибался. Он прежде всего честный человек. О, дай Бог, чтобы не ошибался.

Проницательная княжна Маргарита Дмитриевна, руководимая не менее проницательным Гиршфельдом, как бы заглянула в смущенную его душу и решилась сделать последний шаг, долженствующий рассеять все сомнения влюбленного доктора. Случай скоро представился.

Выдался день, когда княжну Маргариту Дмитриевну задержала портниха, и княжна Лида уехала кататься перед обедом одна. Вскоре после ее отъезда и ухода портнихи, в передней раздался звонок.

Приехал Шатов ранее обыкновенного. Его

встретила в гостиной княжна Маргарита. Завязался разговор, начавшийся с разного рода злоб дня и городских происшествий.

Княжна была как-то особенно оживлена.

— Я хочу обратиться к вам, как к доктору, — начала она, после одной из пауз.

— Что такое, вы больны? — встревоженно спросил Антон Михайлович.

— Может быть и больна! — загадочно ответила княжна.

— Что же вы чувствуете?

— Очень много, — улыбнулась она. — Я хотела сиросить вас, существует ли физиологическое объяснение того французского правила, которое гласит: on revient toujours a ses première amours.

— Что вы этим хотите сказать? — вспыхнул Шатов.

— Ничего, я только предложила вам научный вопрос, — деланно удивленным взглядом окинула его княжна.

Антон Михайлович сдержал свое волнение и спокойно отвечал:

— В физиологии, как в науке о теле, о материи, едва ли можно искать подтверждения

этого явления чисто нравственного мира. Вообще же можно сказать лишь одно, что первые впечатления юности всегда сильнее и продолжительнее в последующие годы.

— Значит вы убеждены, что правило это верно, что отделаться от впечатлений юности трудно, едва ли возможно, что они, нет, нет да и всплывают из глубины души или сердца, как хотите, и дают себя знать, не смотря на то, что на смену им явились другие впечатления, быть может, кажущиеся более сильными? — с расстановкой спросила княжна.

— Пожалуй вы правы! — задумчиво, как бы про себя, заметил Шатов.

— Тогда я спрошу вас, уже как сестра вашей невесты, которую вы, конечно, любите, любили вы кого-нибудь ранее?

Шатов смутился и покраснел под пристальным, вызывающим взглядом Маргариты Дмитриевны.

— Не отвечайте, я по вашему смущению знаю ваш ответ, если вы только пожелаете быть правдивым. Конечно, любили? — продолжала пытать его княжна.

Антон Михайлович молча наклонил голо-

ву.

— И вы не боитесь, если предмет вашей первой любви жив, что вы вернетесь к этой любви?

— Я прежде всего, княжна, честный человек! — не поднимая головы, отвечал Шатов. — Это во-первых, а во вторых, мое чувство к Лидии Дмитриевне, моя к ней привязанность спокойны и рассудочны. Это не вспышка влюбленного человека и не роковая страсть охватившего его первого чувства.

— А разве это первое не сильнее? — в упор спросила его княжна.

— Но оно прошло.

— Но может вернуться.

— К чему этот разговор, я не понимаю?

— К чему? Я просто хотела узнать от другого человека, может ли с ним совершиться то-же, что совершается теперь со мной.

— С вами?

— Да, со мной. Я возвращаюсь к первому увлечению моей юности... — выразительно посмотрела княжна на Шатова.

Антон Михайлович побледнел.

— Вы... и я... — задыхаясь проговорил он и

схватил руку Маргариты Дмитриевны.

Та не отняла ее.

В этих двух местоимениях сказано было все.

В передней раздался звонок. Это вернулась с прогулки княжна Лида.

Княжна Маргарита быстро вырвала свою руку из руки Шатова и отодвинулась от него на другой конец дивана.

IV

Товарищи

Наряду с нравственной пыткой, которую за последнее время переносил Шатов, пыткой, дошедшей до своего апогея после описанной нами последней беседы с глазу на глаз с княжной Маргаритой Дмитриевной, другой близкий Антону Михайловичу человек также страдал и страданиям его также не виделось исхода. Этот человек был Иван Павлович Карнеев.

Он сошелся с Шатовым при поступлении в университет, и они вскоре стали закадычными друзьями, как на университетской скамье,

так и по окончании курса.

Отношения их были чисто братские — они жили, что называется, душа в душу, и временная, более чем трехлетняя разлука, когда Антон Михайлович переселился в Т., не расхолодила искренней теплоты их отношений, поддерживаемых частой перепиской.

Первое лицо, которое встретил Шатов на Рязанском вокзале в Москве, был Карнеев, извещенный о его приезде телеграммой. Друзья бросились друг другу в объятия.

Не пожелав допускать и мысли, чтобы Антон Михайлович остановился первое время в гостинице, Карнеев повез его к себе. Иван Павлович занимал в помещении реального училища три больших комнаты наверху: первая из них служила ему приемной, вторая кабинетом, а третья спальней.

На время пребывания своего друга он отдал в его полное распоряжение кабинет, находящийся в стороне.

Быстро проехали они незначительное расстояние от вокзала до дома, где помещалось училище.

Поезд прибывал утром.

За чаем началась между друзьями задушевная беседа о пережитом, передуманном и перечувствованном в долгие годы разлуки. Рассказ Карнеева, прожившего эти три года прежней однообразной жизнью труженика науки, вдали от общества, от мира, полного соблазнов, не представлял из себя ничего выдающегося, не заключал в себе ни одного из тех романических эпизодов, которые яркими алмазами украшают воспоминания юности.

Послушав сухой перечень бывших и предстоящих работ по вверенному ему заведению, надежды на получение в близком будущем профессуры, Антон Михайлович не удержался.

— Неужели, — воскликнул он, — ты до сих пор не встретил женщины или девушки, которая бы отвлекла тебя хотя на время от твоей зачерствляющей сердце специальности!

— Нет, дружище, не встретил! — серьезно отвечал Карнеев.

— Ты, может быть, уже слишком разборчив?

— Не думаю, мои требования довольно умеренны по идее: я ищу женщину не куклу

и не самку, а женщину-друга, но оказывается, что на практике такие требования чрезмерны. В наше время таких нет.

— То есть не нет, а ты не нашел, это разница! — возразил Антон Михайлович.

— Ну, пожалуй, если хочешь, не нашел, значит — для меня нет.

— А, может быть, проглядел?

— Пожалуй и проглядел; некогда, брат, посвящать себя всецело, быть может и приятной специальности — искать. Много и без того работы... — улыбнулся Иван Павлович.

— Нет, я счастливее тебя, — задумчиво начал Шатов.

Восторженно описал он своему другу свою невесту, княжну Лидию Дмитриевну Шестову, тепло и задушевно рассказал он историю их любви, неожиданность взаимного признания, печальную обстановку их обручения у одра умирающего отца.

— А та, другая? — спросил с дрожью в голосе Карнеев, знавший роман своего друга, но не знавший фамилию девушки, увлекшей молодого идеалиста.

— Та, это ее сестра, старшая... — смутился

Шатов.

— Сестра? — удивился Иван Павлович.

— Да, но там все кончено, мы расстались на полуслове, на полупризнании, между нами не осталось даже ни малейшей нравственной связи. Я, видимо, герой не ее романа! — с горечью ответил Антон Михайлович.

— Она живет с сестрой?

— Да, с ней будет жить теперь в Москве.

— И ты не боишься, что будешь между двух огней?

— Нет, повторяю тебе, там все кончено! — раздражительно произнес Шатов.

Как-то невыносимо больно сжалось его сердце. Он сознавал, что не сказал своему другу всю правду.

Он, впрочем, и сам себе боялся признаться, что образ княжны Маргариты, нет, нет да и восставал перед его влюбленными глазами.

— Эти Шестовы не родственники ли княгини Шестовой, сын которой учится у нас? — переменил, видимо нарочно, разговор Иван Павлович.

— Княгиня их тетка, а Володя их двоюродный брат.

— А!

Антон Михайлович в коротких словах рассказал о загадочной смерти отца князя Владимира, князя Александра Павловича Шестова, о том, что в настоящее время княгиня с княжнами находится в Т., а по окончании дела о наследствах, которое ведет Николай Леопольдович Гиршфельд, они переедут на жительство в Москву.

— Я тогда познакомлю тебя с моей Лидой... — закончил Шатов.

— А если я влюблюсь и отобью? — пошутил Карнеев.

— Нет, брат, это шалишь, такое сокровище я отдам только с моей жизнью.

— Так Гиршфельд там орудует всеми делами?

— Да, а разве ты его знаешь?

— Немного, мы были в одной гимназии, а потом встречались здесь у Константина Николаевича, который имеет честь считать его в числе своих учеников и любимцев. Впрочем, за последнее время он в нем разочаровался.

— Почему?

Карнеев рассказал Шатову, при каких обстоятельствах Гиршфельд попал в учителя к князю Владимиру.

— Благодарственное письмо князя Александра Павловича за рекомендацию Гиршфельда, которого Константин Николаевич и не думал рекомендовать, раскрыло перед ним весь непривлекательный кунсштюк этого жидка. Он страшно рассердился и написал князю резкий ответ, где высказал всю правду, но судя по времени, письмо не застало князя уже в живых.

— Вот каков этот господин, — заметил Шагов, — то-то я с первого раза, несмотря на его изысканную любезность, почувствовал к нему какую-то страшную антипатию. Я сначала объяснил это тем, что мне казалось, что он приносит несчастие семейству Шестовых, и я всеми силами старался отделаться от этой нелепой мысли, но безуспешно.

— Константин Николаевич просит пожаловать вас завтракать вместе с вашим гостем! — доложил вошедший лакей, обращаясь к Ивану Павловичу.

— Пойдем, познакомишься, отличный че-

ловек, — обратился Карнеев к Шатову.

Последний согласился, и друзья спустились вниз и прошли в знакомую уже нам столовую.

После обычных представлений, все трое уселись за стол. Во время завтрака Карнеев рассказал Константину Николаевичу похождения Гиршфельда и то, что он теперь уже поверенный княгини и княжен Шестовых.

— Вот так молодец! — закончил свой рассказ Иван Павлович.

— Дай Бог, чтобы таких молодцов было поменьше, — заметил нахмурившись, Вознесенский.

Более двух недель прожил Антон Михайлович у Карнеева, успел за это время сблизиться с Константином Николаевичем, и последний предложил ему место годового врача при его заведении.

Шатов согласился.

Наконец Антон Михайлович нашел маленький флигель-особнячок в одном из переулков, примыкающих к Мясницкой, наискось дома, где помещалось реальное училище, устроился в своем уголке и принялся за рабо-

ту. Это, однако, не помешало друзьям видеться часто и проводить в беседе долгие осенние вечера. Разговор Шатова вертелся всегда около ожидаемой со дня на день его невесты, княжны Лиды. Восторженные рассказы о ней Шатова в конец заинтересовали даже хладнокровного Ивана Павловича и он стал с нетерпением ожидать приезда невесты своего друга, радуясь заранее предстоящему ему семейному счастью.

Наконец, желанный день настал. С телеграммой в руке, полученной ночью, не вошел, а вбежал рано утром Шатов в спальню Ивана Павловича.

— Приезжает сегодня, сейчас еду встречать! — сообщил он ему свою радость.

— Ну, вот и отлично, что дождался, а то уж и совсем стал отчаиваться. О здоровье не телеграфирует?

— Нет, о здоровье ни слова... — затуманился Антон Михайлович.

Здоровьем его, при встрече невеста не порадовала.

V
Друг

Знакомство Ивана Павловича с Шестовыми состоялось вскоре после того, как последние совершенно устроились в Москве.

Княгиня была очень довольна этим знакомством и закидала Карнеева просьбами о покровительстве ее Вовочке, как Зинаида Павловна называла своего сына.

Иван Павлович любезно обещал свое заступничество, и княгиня осталась от него в положительном восторге.

— Я не могу простить Константину Николаевичу, что он летом отказал мне наотрез рекомендовать учителя для сына, — заметила она в разговоре, — передайте ему от меня, что я этого ему никогда не забуду.

— Но ведь вы нашли и, кажется, удачно! — чуть заметно улыбнулся Карнеев.

— Это случай, счастливый случай; не представься он, что бы я тогда делала? — отвечала княгиня.

Княжна Маргарита была очень сдержанна,

так как не знала еще, как взглянет на это знакомство Гиршфельд, а она уже приучила себя смотреть на все его глазами и выслушивать даже относительно мелочей его мнение.

Это произошло совершенно помимо ее воли.

С естественным, бесцельным и безыскусственным радушием встретила Ивана Павловича одна княжна Лидия Дмитриевна.

— Друг моего жениха будет и моим другом, я там много слышала от него о вас, что заранее вас полюбила! — с чувством пожала молодая девушка руку представленного ей Карнеева.

Искренность тона княжны нашла себе полное отзвучие в сердце Ивана Павловича, и оно откликнулось на этот наивный призыв к дружбе. Он сразу почувствовал, что не только готов сделаться, но уже сделался другом этой очаровательной девушки.

Сближение их произошло очень быстро.

— Я, пожалуй, так и на самом деле приревную тебя! — пошутил раз с Карнеевым Шатов.

Иван Павлович сделался необычайно серьезен.

— Эта шутка совершенно неуместна, как неуместно и странно твое поведение относительно твоей невесты.

— Что ты хочешь этим сказать? — вопросительно посмотрел на него Антон Михайлович, преодолев невольное смущение.

— А то, что сказал. Ты думаешь, что все слепцы и не видят, что ты, считаясь женихом младшей сестры, без памяти влюблен в старшую и не можешь даже этого скрыть. Княжна Лидия Дмитриевна в невинности своей чистой души безусловно верит тебе. Берегись, чтобы у нее не открылись глаза. Она слишком сильно тебя любит — это открытие может убить ее.

— Какой ты вздор мелешь! — заметил сквозь зубы Шатов.

— Дай Бог, чтобы вздор... — ответил Карнеев.

Шатов переменил разговор, но эта беседа поселила между друзьями некоторое охлаждение.

Антон Михайлович не мог простить Карнееву, чтоон разгадал страшную тайну его сердца.

Иван Павлович волновался вследствие других причин.

Бывая более двух месяцев весьма часто у княжен, он успел оценить по достоинству светлую личность княжны Лидии Дмитриевны. Она оказалась даже неизмеримо выше восторженных описаний ее жениха. Он до сих пор не встречал ей подобных, и эта встреча оказалась для него роковой.

Какой-то, неведомый ему досель, луч тепла и света внесла она в его однообразную, труженическую жизнь. Он с ужасом должен был сознавать, что любит ее, что чувство дружбы, что искренность ее отношений к нему начинают не удовлетворять его, что чувство зависти к счастью его друга, — за которое он тотчас же жестоко осудил себя, — змеей против воли вползало в его душу. Он страдал невыносимо. Впрочем, силою воли, которую он воспитывал в себе долгие годы, он сумел дать этому, позорящему его, как друга, чувству другое направление. Он заставил себя полюбить ее иною, высшею, нежели обыкновенная, любовью; выбросил из нее всякое присущее ей плотское чувство и в ее

счастье стал находить свое, переживал за нее и вместе с нею сладость любви ее к его другу Шатову, за нее переносил муки ревности, о которых она, наивная и чистая, пока не имела ни малейшего понятия. Охлаждение его к Шатову после вышеприведенного разговора нашло свою причину именно в этом, переработанном им в себе чувстве к княжне Лидии Дмитриевне.

Самое счастливое неведение безумно любимой им девушки, ее безусловная вера в окружающих ее людей, ее полное довольство судьбою для него, видевшего вокруг нее ложь и обман даже со стороны человека, которого она горячо и сильно любила и в которого слепо верила, усугубили лишь его страдания при виде творящихся вокруг этого чистого существа мерзостей. Он видел, что он бессилен в борьбе с существующим, тем более, что раскрытие глаз наивной и невинной княжны Лидии на окружающую ее грязь было бы равносильно убийству этой чудной девушки. Она неминуемо задохнется в струе этого зараженного воздуха, проникнувшей в ее светлый мирок.

Иван Павлович пробовал было серьезно говорить с Шатовым, но к ужасу своему увидал, что он, все более и более отуманенный не по дням, а по часам растущей в нем страстью к княжне Маргарите, не видит бездны, в которую падает и с трусостью человека, чующего за собою какую-то вину, боится, не хочет или даже не может прямо и честно взглянуть на вещи.

Карнеев понял, что его друг сам не сознает всей глубины своего падения, всего ужаса им самим созидаемого своего несчастья и, вместо грозного осуждения его поступков, в нем явилось к нему чувство безграничного сострадания.

Удержать его над этой пропастью он не мог.

В княжне Маргарите Дмитриевне он встретил слишком сильного, слишком хорошо вооруженного противника.

Не понимая цели этой гнусной интриги против родной сестры, Иван Павлович инстинктивно чувствовал, что тайным, но главным руководителем ее является Гиршфельд и не знал, какими средствами бороться с этим

человеком, не пренебрегающим никакими средствами для достижения своих целей.

Страдая от своего бессилия, Карнеев решил быть на стороже, решил охранять всеми силами средствами и способами блаженное неведение княжны Лиды.

«Антон слишком честен, чтобы решиться на окончательный разрыв со своей невестой! — размышлял он сам с собою. — Через несколько месяцев состоится их свадьба. Я постараюсь подготовить его и ее к мысли, что после свадьбы им хорошо бы прокатиться за границу. Новые места, новые люди, разлука с предметом его несчастной страсти, нежные ласки молодой, прелестной, любящей жены отрезвят его, и счастье их обеспечено».

«Только бы она не догадалась», — решил он.

С этой целью Иван Павлович начал еще чаще бывать на половине княжен Шестовых.

Почти одновременно с Карнеевым княжна Маргарита Дмитриевна трудилась над совершенно противоположной задачей: как сделать, чтобы сестра, наконец, догадалась?

«Тогда, несомненно, нежное чувство люб-

ви в этой пошлой девчонке к изменившему ей на ее глазах человеку заменится презрением и даже ненавистью, и о свадьбе не будет и речи».

Так думала старшая сестра.

Чтобы быть справедливыми, надо заметить, что мысль о том, что подобное открытие может убить ее младшую сестру, не приходила в голову княжне Маргарите. Быть может, она и не решилась бы на такую страшную игру, или же со стороны Николая Леопольдовича потребовалось бы более усилий склонить ее на такое преступление.

Сам Гиршфельд очень хорошо понимал, на что она бьет, и смерть княжны Лиды была для него лишь удачным средством сделать княжну Маргариту наследницей двухсоттысячного капитала, то есть иными словами, получить этот лакомый куш в свое уже совершенно безотчетное распоряжение.

Княжна Лидия Дмитриевна, несмотря на бросающееся в глаза предпочтение, оказываемое пред ней Шатовым ее старшей сестре, несмотря на раболепное его ей подчинение, казалось считала это за нечто должное необ-

ходимое и была весела и покойна, довольная изредка выпадающей на ее долю нежностью ее милого Тони. Огорчало ее лишь то, что все еще более полугода оставалось до дня их свадьбы. Это-то и выводило княжну Маргариту Дмитриевну из себя. Затеянная ею так искусно игра не достигала цели. Что делать? Навести самой сестру на мысль об измене Шатова княжне Маргарите казалось неловким.

Она боялась, чтобы сестра, об уме которой хотя она и была весьма невысокого мнения, не догадалась бы об ее интриге, не заподозрила бы ее в кокетстве с Антоном Михайловичем и в том, что она умышленно завлекала его.

Говорить же снова дурно о Шатове княжне Маргарите было нельзя, так как она стала, как мы уже видели, держаться с сестрой по этому вопросу другой системы.

Это свое недоумение, свое беспокойство она высказала Николаю Леопольдовичу, с серьезным видом выслушавшему свою сообщницу.

— Я положительно не знаю, как тут быть! — заключила княжна Маргарита свое

сообщение.

— Необходимо, чтобы она догадалась. Положись на меня. Я ей открою глаза! — ответил Гиршфельд.

VI
Глаза открыты

В один из вечеров на половине княжен гостей было не особенно много, да и они сгруппировались около княгини Зинаиды Павловны, так что молодым хозяйкам не приходилось занимать их.

Карнеев с княжной Маргаритой (он обыкновенно старался не отходить от нее, оттирая Шатова) и Антон Михайлович со своей невестой сидели друг против друга в уголке гостиной и о чем-то мирно беседовали.

Николай Леопольдович стоял, по своему обыкновению, спиной к горячему камину и грелся, лениво посматривая на собравшееся общество.

Так прошло несколько времени.

Группы переместились. Княжна Маргарита с Карнеевым встали и перешли на другой

конец гостиной. Антон Михайлович тоже оставил княжну Лиду одну. Его заменил около нее Гиршфельд.

— Когда вы здесь сидели с Антоном Михайловичем и разговаривали с сестрой, около которой находился господин Карнеев, знаете ли, княжна, какая мысль пришла мне в голову? — наклонился Николай Леопольдович к задумавшейся Лиде.

— Какая? — поглядела та на него вопросительно.

— Мне ужасно хотелось крикнуть, как это бывает в кадрили: changez vos dames.

— Это почему?

— А потому, что я этим доставил бы величайшее удовольствие обоим кавалерам.

— Я вас не понимаю.

— Ах, я и позабыл, что вы у нас святая простота! — улыбнулся Гиршфельд.

Княжна продолжала глядеть на него с недоумением.

— Я давно замечаю, — почти шепотом продолжал Николай Леопольдович, — что Антон Михайлович глядит на Маргариту Дмитриевну далеко не глазами жениха ее сестры, а этот

его друг поглядывает на вас совсем не так, как подобало бы глядеть другу жениха.

— Что вы хотите этим сказать? — вздрогнула княжна Лида.

— А то, что если бы княжна Маргарита Дмитриевна захотела, — а она, кажется, этого совсем не прочь, — то господин Шатов охотно бы уступил вас своему другу, не из чувства дружбы к нему, а из чувства любви к вашей сестре. Если же бы, к довершению всего, вы на это согласились, то счастливее человека, чем господин Карнеев, трудно было бы и сыскать.

— Как вы злы! — улыбнулась княжна какой-то деланной улыбкой.

— Вот вам и людская благодарность! — развел руками Гиршфельд. — Я единственно из доброго к вам расположения указал вам на сделанное мною открытие, в верности которого не сомневаюсь, и несмотря на совершенно незаслуженное обвинение вами меня в злости, советую вам, как друг, принять это мое сообщение к сведению.

С этими словами Николай Леопольдович встал и присоединился к гостям, окружав-

шим княгиню.

Та рассказала им о смерти своего мужа, о том горе, которое эта смерть причинила ей.

Княжна Лида осталась одна. Разговор с Гиршфельдом тяжелым камнем лег на ее сердце. Она задумалась.

Гости разъехались. Уже было поздно. Она прошла в свою комнату, разделась, легла в постель, но заснуть не могла. Неотвязная мысль не покидала ее головки...

«Неужели он сказал правду?»

В справедливости одной части высказанных им наблюдений она не сомневалась. Она инстинктивно догадывалась, что Иван Павлович горячо, безгранично любит ее, что не стой между ей и им любимый ею человек и друг, он многое отдал бы за возможность заслужить взаимность. Ни одним лишним словом не обмолвился он в этом своем чувстве, но она угадала его сердцем. Она сама ценила в нем хорошего человека, была довольна дружбой с ним, но еще более цены заслуживал в ее глазах этот человек с его затаенным, честным, горячим чувством. Он, может быть, сам давно заметил то, что высказал ей сего-

дня этот злой человек, но ни одним словом, ни одним жестом не дал понять это, не унизил в ее глазах своего счастливого соперника, потому только, что он его друг. Это настоящая дружба! Дружбой с таким человеком можно гордиться. Не потому ли он так неустанно бывает около ее сестры, чтобы не оставлять ее жениха около нее одного, а она, княжна Лида, думала за последнее время, что Иван Павлович начинает увлекаться Марго, что и последняя оценит его, и что они повенчаются тоже и будут счастливы.

Лучшей партии она не желала бы своей любимой сестре. Как бы весело было им ехать за границу, после двух свадеб, вчетвером.

Эту поездку проектировал для нее с Шатовым Иван Павлович. И вдруг такое ужасное открытие.

«Неужели ов сказал правду?»

Княжна Лида стала припоминать в отношениях своей сестры и своего жениха все оставленное ею за последнее время без внимания.

Чем дальше шла она мыслью в этом направлении, тем более с ужасом начинала

убеждаться, что Гиршфельд, пожалуй, прав. Она гнала от себя страшную мысль, но червь сомнения уже впился в ее бедное сердце.

«Надо будет проследить за ними. Я, быть может, ошибаюсь!» — старалась разуверить себя княжна.

«Неужели он сказал правду?»

Княжна Лида всю ночь не сомкнула глаз.

Долго не спала в своей комнате и княжна Маргарита Дмитриевна. Гиршфельд в этот же вечер успел шепнуть ей, что дело им сделано, что впечатление произведено.

Надо было придумать дальнейшую программу действий.

«А если она пропустила его слова мимо ушей, если по-прежнему она будет на все глядеть теми же невинными глазами?» — со злобой думала княжна.

«Тогда надо будет приняться за дело самой».

С этой мыслью Маргарита Дмитриевна заснула.

Великолепная пара серых в яблоках рысаков, запряженных в роскошные американские сани, с медвежьей полостью, еще стояла

у подъезда дома, где жили Шестовы. Зазябшие лошади нетерпеливо били копытами мерзлый снег мостовой. Видный кучер, сидя на козлах, зорко следил за ними, крепко держа в руках вожжи. Это были лошади Гиршфельда.

Он еще не уехал и был на половине княгини Зинаиды Павловны. Развалившись на одной из кушеток ее будуара, ов вел с ней, сидевшей на софе, деловой разговор.

— Я должен тебе заметить, что при такой жизни, которую ведешь ты с твоими племянницами, процентов ни с твоего капитала, ни с капиталов княжны Лиды, не говоря уже о грошах, принадлежащих княжие Маргарите, не хватит. Придется проживать твой и княжны Лиды капитал, что было бы нежелательно, а относительно капитала, завещанного последней, даже неудобно — в нем может через несколько месяцев потребовать от тебя отчета Шатов.

— Неужели мы так много проживаем? — беспокойным тоном спросила княгиня.

— И теперь не мало, а по истечении траура будет еще больше, а к тому времени двести

тысяч перейдут в семейство Шатовых, — отвечал Гиршфельд.

— Но я не вижу в чем же сокращать расходы; я трачу только на необходимое, не жить же мне по-мещански; у нас такой большой круг знакомства, который со дня на день увеличивается.

— Я и не говорю об ограничении расходов, я желал бы даже, чтобы ты себе не отказывала в безумных прихотях. Я готов отказаться от моего жалованья.

— Ты готов даже стеснять себя для меня, мой милый! — нежно вставила княгиня.

— Разве ты имеешь данные в этом сомневаться? — спросил Николай Леопольдович.

Княгиня, вместо ответа, с легкостью молоденькой девушки, соскочила с софы, подбежала к Гиршфельду и зажала ему рот крепким поцелуем.

— Не шали, садись и слушай! — тоном нежного упрека начал снова Николай Леопольдович, освободившись от ее порывистых объятий.

Зинаида Павловна возвратилась на место с наивным видом провинившейся школьни-

цы.

— Я слушаю! — покорно сказала она.

— Необходимо, по моему мнению, увеличить твои доходы.

— Как же это сделать?

— Очень просто. Надо обойти нелепый пункт завещания твоего безумного мужа, по которому миллионный капитал, завещанный твоему сыну, все доходы как с него, так и с имений, кроме Шестова, должны храниться в государственных бумагах, приносящих обыкновенно ничтожные проценты. Я полагаю, что князь Владимир, достигнув совершеннолетия, ничуть не будет s претензии, если даже узнает, получив свои капиталы и доходы в целости, что ты употребила на себя лишние проценты, полученные от умелого помещения этого громадного капитала в другие гарантированные правительством бумаги. Моя обязанность будет следить за состоянием биржи, и я буду тогда вполне заслуженно получать мое жалованье.

— Но ты говорил о каких-то отчетах дворянской опеке, будет ли это удобно?

— Пустяки, я еще не будучи в Т. все устро-

ил. Весь капитал в наших руках, доходы, обращенные в государственные бумаги, тоже будет оставаться у нас; все подписанные тобою отчеты будут утверждаться. Это, конечно, будет стоить денег, но сравнительно очень ничтожных.

— Так зачем же стало дело?

— За твоим согласием, моя дорогая.

Княгиня снова перепорхнула к Гиршфельду на кушетку.

— И ты в нем сомневался, когда я сама вся твоя! — обняла она его.

— Ты — да, но я не хочу считать моими твои деньги — это испортило бы всю иллюзию нашей любви. В денежных, всегда щекотливых, вопросах я очень щепетилен. Ты знаешь русскую пословицу: «дружба дружбой, а деньгам счет». Вот почему я беру с тебя всегда расписки в получении от меня сумм — аккуратность прежде всего... — поцеловал ее в свою очередь Николай Леопольдович.

— Милый, хороший, честный! — разнежилась княгиня.

— Однако, мне пора, завтра рано вставать... — взглянул на часы Гиршфельд.

— Зачем?

— Казенная защита, переданная патроном... — поморщился тот и встал.

— До завтра! — обняла его Зинаида Павловна.

— Так я начну действовать, — заметил он.

— Действуй, конечно, — простилась она с ним.

Гиршфельд укатил домой.

VII

Подозрение подтвердилось

Прошел месяц.

Княжна Лидия Дмитриевна стала неузнаваема. Она страшно похудела и осунулась, цвет лица приобрел снова восковую прозрачность, впалые щеки и глаза горели: одни зловещим румянцем, а другие каким-то странным, неестественным блеском.

Наблюдения, на которые она решилась в ночь после разговора с Гиршфельдом, почти открыли ей глаза. Она увидела, что ее милый, ее ненаглядный Тоня старается лишь быть с ней нежным, но что он не любит ее, а любит

ее сестру. Она не могла сказать, чтобы она заметила между ними что либо такое, что могло бы окончательно убедить ее в справедливости этого страшного вывода, но те мелкие подробности их отношений, которые теперь не только не ускользали от ее внимания, но даже восстали перед ней в более резких, выпуклых чертах, доводили ее почти до полного уразумения горькой действительности. Эта все-таки некоторая неопределенность в разрешении так, или иначе рокового для нее вопроса, желание, страстное желание ошибаться действовали на нее угнетающим образом. Она продолжала свои наблюдения, ждала и боялась подтверждающих факторов.

Иван Павлович следил за ней тревожным взглядом. Он один из окружающих ее понимал страшную опасность, в которой она находится, видел быстрое развитие ее внутренних, нравственных страданий, в таких резких формах отражающихся на ее и без того слабом организме. Он чуял приближающуюся беду и оставался бессильным, немым зрителем угасающей юной, дорогой для него жизни.

Княжна Маргарита торжествовала, не по-

дозревая величины опасности, и старалась отвлечь внимание Шатова от поразившей его перемены в княжне Лиде.

Последняя усердно, сама не зная того, помогала сестре в достижении намеченной ею цели и на все расспросы Антона Михайловича отвечала, что чувствует себя прекрасно.

— Что такое с Лидой? — спросил княжну Маргариту Дмитриевну Шатов. — Она несомненно больна, а между тем уверяет, что чувствует себя совершенно здоровой, избегает разговоров со мной о ее болезни, рано стала ложиться, видимо слабеет день ото дня, а между тем упрямо молчит на все расспросы.

— Просто капризничает, а может быть простудилась, катаясь; посидит несколько дней дома — поправится, соскучится — перестанет капризничать! — небрежно кинула ему в ответ княжна.

В тот же день она объявила Лиде, что ей несколько дней следует посидеть дома, так как она хотя и скрывает, но Антон Михайлович решил, что она больна от простуды.

— От простуды! — горько улыбнулась Лидия Дмитриевна, но беспрекословно согласи-

лась исполнить волю старшей сестры.

Иван Павлович решился переговорить с Антоном Михайловичем.

— Послушай, дружище, неужели ты ничего не замечаешь? — приятельским тоном начал он.

— Что такое?

— Ведь твоя невеста на твоих глазах сгорает, как свеча — она видимо догадалась.

— О чем догадалась?

— Да о том, что ты играешь с ней недостойную комедию... — резким тоном произнес взбешенный Карнеев.

— Знаете ли вы, Иван Павлович, — вспыхнул Шатов, — даже дружба имеет свои границы, и кто их переходит, того следует порой и останавливать. Я попросил бы вас не вмешиваться в мои дела с моей объявленной и обрученной невестой и избавить меня от ваших нравоучений, которые мне, признаться, очень надоели.

Озадаченный Карнеев замолчал и поглядел на Антона Михайловича своими добрыми глазами. Гнев его прошел. Его взгляд был полон сострадания.

— Девчонка схватила легкую простуду, капризничает, не хочет лечиться, а влюбленные друзья ее, — подчеркнул Шатов, — сваливают ее вину на других.

Иван Павлович не ответил ни слова.

Он понял, что счастье Лиды погибло. Ему осталось позаботиться спасти ей хоть жизнь.

«Надо показать ей жизнь в истинном свете, надо постепенно спустить ее с облаков, тогда удар падения не будет так силен!» — думал Карнеев.

Он не знал, что Гиршфельд уже ранее его грубо столкнул ее с ее неба.

«Что если она оправится и, свободная от прежних обязательств, подарит его чем-нибудь более дружбы?» — мелькнуло в его уме.

Он отогнал от себя эту эгоистическую мысль. Не для себя, а для нее, для нее одной он хотел, чтобы она жила. С таким решением он вечером поехал к Шестовым.

На половине княжны он застал одного Шатова, который вскоре, впрочем, уехал, объяснив, что спешит к нескольким трудноболь-ным. Княжна Лидия Дмитриевна проводила его долгим печальным взглядом.

По отъезде Шатова Маргарита Дмитриевна, недолюбливавшая Ивана Павловича, удалилась в свою комнату.

— Вы меня извините, — обратилась она к нему, — мне надо кое-чем позаняться. Развлеките Лиду, ей эти дни что-то не по себе.

Карнеев церемонно раскланялся. Они остались вдвоем с княжной Лидой.

— Вы себя не бережете, разве можно рисковать так своим здоровьем; простудиться легко, поправляться долго! — с нежным укором начал он.

— И вы верите в эту пресловутую простуду? — горько усмехнулась она и посмотрела на Ивана Павловича своими воспаленными глазами.

— Но что же с вами делается? Доверьтесь мне, как другу... — опустил он под взглядом княжны глаза.

— Я сама не знаю, что со мною делается: я как будто проснулась от хорошего, хорошего сна и почувствовала, что это был только сон.

— Надо свыкнуться с действительностью и постараться забыть о грезах.

— А если этот сон, эти грезы, как вы гово-

рите, составляли всю мою жизнь?

— Надо перенести. Вы еще не испытали жизни, для вас она еще вся впереди... — заметил Иван Павлович.

— Вы думаете? — печально спросила княжна.

— Тут нечего думать — это ясно. Если вы в ком-нибудь обманулись, надо благодарить лишь Бога, что не поздно.

— Почему вы знаете, что я обманулась? — вдруг порывисто заговорила она и даже пододвинулась на диване к сидевшему в кресле Карнееву.

— Я ничего не знаю, пока вы мне не скажете, я выразил лишь предположение! — смутился Иван Павлович.

— Нет, вы знаете, знаете! — с лихорадочной дрожью в голосе продолжала княжна.

— Уверяю вас, что я ничего не знаю, успокойтесь, ради Бога! — взял ее за руку Карнеев.

— Не знаете? — чуть слышно произнесла княжна, видимо ослабевшая после минутной ажиотации.

— Положительно ничего не знаю! — уверял он.

— Скажите мне, Иван Павлович, неужели есть люди, которые в состоянии делать и говорить одно, а думать и чувствовать другое? — начала она после некоторой паузы.

Карнеев с отеческой нежностью посмотрел на нее.

— Хорошее, доброе дитя, вы бы спросили лучше: существуют ли люди, которые этого не делают.

— Неужели все такие нехорошие, злые?

— Все — этого сказать нельзя, но хорошие люди очень редки.

— Ну, например, вы, вы этого не стали бы делать? — в упор спросила она.

— Я... я... — смешался Иван Павлович, — не знаю.

— А я знаю!.. знаю! — снова взволнованно заторопилась княжна. — Вы хороший, честный, за это я и люблю вас.

Крупные слезы покатились по ее впалым, разгоревшимся щекам.

Карнеев положительно растерялся. Слово «люблю», хотя и сказанное в наивном детском смысле, сразу перевернуло все его мысли. Кровь бросилась к нему в голову. Он был

на волосок от признания, но опомнился и сдержался.

— Успокойтесь, ради Бога, о чем же вы плачете, все перемелется мука будет! — бессвязно заговорил он.

В передней раздался звонок. Княжна Лида быстро вытерла слезы. Приехала княгиня с Гиршфельдом.

Княжна Маргарита вышла в гостиную. Иван Павлович, просидев еще около часа, начал прощаться, сославшись на вечерние занятия. Княжна Лида, нервно крепко пожала ему руку. Он почувствовал, что ее рука горит, как в огне. У него потемнело в глазах, и он опомнился лишь прокатившись по морозному воздуху, подъезжая к дому.

Прошло несколько дней. Побеседовать за это время с княжной Лидой Ивану Павловичу не пришлось, тем более, что, занятый какой-то срочной работой, он был у Шестовых всего два раза.

Выдался вечер, когда в гостях у княжен был один Шатов.

Княжне Лиде с утра сильно нездоровилось, и она, сославшись на головную боль, рано

ушла к себе в комнату. Княжна Маргарита и Антон Михайлович остались вдвоем в гостиной.

Последний был мрачно настроен.

— Что вы сегодня глядите таким рыцарем печального образа? — улыбнулась Маргарита Дмитриевна.

— Грех вам шутить, мне так положительно не до шуток.

— Грех... мне... я вас не понимаю! Причем тут я? — с расстановкой, медленно спросила она.

— Кому же как не вам... как причем вы?!. - удивленно поглядел он на нее.

Она продолжала вопросительно глядеть на него и молчала.

— Ведь вы знаете, что мое положение ужасно, — продолжал он с отчаянием в голосе, — что я, безумно любя вас, связан навеки с любящей меня девушкой, зародившееся было чувство к которой поглощено всецело вспыхнувшей вновь к вам любовью.

— Но вы знаете также, что я не в лучшем, чем вы, положении! — деланно-грустным тоном перебила его княжна.

— Это лишь усугубляет наше несчастье, а вы спрашиваете еще, отчего я мрачен.

— Надо найти исход. Говорят, нет положений безвыходных.

— Какой? Скажите, что делать? Я сделаю все!

— Я знаю в этом случае меньше вас. Надо вам освободиться от обязательств.

— О, я знаю это сам, но как? Ведь разрыв с вашей сестрою, начатый мною, убьет ее. Она так горячо любит меня.

— Авось и не убьет. Вы уж чересчур преувеличиваете ее чувство! — углом рта улыбнулась Маргарита Дмитриевна.

— Нет, убьет, убьет, для меня теперь это ясно. Разве вы не замечаете, что с ней сделалось; я поверил вам, что это каприз, а теперь, увы, оказывается, что Карнеев прав: она просто исстрадалась и тает как свеча. Что мне делать, что мне делать?.. Какой я низкий человек, какой я подлец перед ней!

Шатов схватился обеими руками за голову.

— Так пойдите и посоветуйтесь с вашим Карнеевым! — резко заметила княжна.

Антон Михайлович не слыхал последней

фразы, он сидел с поникнутой головой, углубленный в свои думы.

В это время до чуткого уха Маргариты Дмитриевны донеслись тихие шаги ее сестры, подходившей к двери гостиной.

— Иди от меня, жалкий человек, к твоей невесте, коли ты не в силах, несмотря на твою хваленую любовь, добыть меня! — вскочила с дивана и почти крикнула княжна.

Это в первый раз произнесенное безумно любимой им девушкой «ты» подействовало на него подобно электрическому току.

Он вскочил и машинально протянул к ней руки.

В дверях гостиной появилась бледная княжна Лида.

Шатов стоял спиною к этим дверям.

Маргарита Дмитриевна сделала вид, что не заметила ее и, быстро обвив руками голову Антона Михайловича, ввилась в его губы долгим поцелуем.

Лида как бы застыла в дверях.

По странной тайне человеческого организма, слабая девушка вдруг окрепла. Твердой походкой прошла она в переднюю, накинула

на голову первый попавшийся ей платок и стала спускаться по лестнице.

«Она видела!» — вдруг отняла княжна Маргарита от Шатова руки и снова опустилась на диван.

Антон Михайлович глядел на нее безумными глазами и, казалось, не понимал ничего.

В это время хлопнула парадная дверь. Это вышла княжна Лида.

Она бросилась в сани первого попавшегося ей извозчика и приказала ехать на Мясницкую.

Услыхав стук парадной двери, Маргарита Дмитриевна позвала лакея и узнала от него, что ее сиятельство княжна Лидия Дмитриевна в одном платье изволили сейчас выйти по парадному крыльцу.

— Как же вы ее не остановили! — накинулась она на лакея.

— Не посмел-с, да и не успел-с, очень быстро уж это случилось! — оправдывался лакей.

Посланный на улицу, он вернулся, не догнав ее.

— Она покончит с собой! — твердил расте-

рявшийся Шатов.

Неожидавшая такой выходки, княжна была смущена и молчала.

Лидия Дмитриевна, между тем, доехала, не чувствуя холода, несмотря на то, что на дворе стоял сильный мороз, до дома, где помещалось реальное училище.

— Иван Павлович дома? — с лихорадочным волнением обратилась она к швейцару.

— Дома-с! — ответил тот, с недоумением осматривая странную посетительницу.

— Доложите, что княжна Шестова! — слабым голосом произнесла она.

Недоумение швейцара увеличилось. Он дал сильный звонок.

Княжна Лида вдруг зашаталась, и, не поддержи ее швейцар, рухнула бы на пол.

Он бережно усадил ее на стул в швейцарской, и приказал выбежавшему на звонок лакею поскорее доложить Ивану Павловичу о приезде к нему княжны Шестовой.

VIII
В последний раз

Сбежавший вниз Карнеев застал княжну Лиду в глубоком обмороке. Бережно взял он на руки эту драгоценную для него ношу и быстро, мимо удивленных швейцара и лакея, понес ее к себе наверх. Она не приходила в себя. Иван Павлович уложил ее на диван. Одного из слуг послал за нашатырным спиртом в ученическую аптеку, а другого за бутылкой лучшего вина, всегда имевшегося в запасе в буфете столовой Константина Николаевича.

Весть о странной гостье инспектора достигла до Вознесенского, занимавшегося в кабинете. Он поднялся наверх и осторожно постучался в двери помещения Карнеева.

Иван Павлович, между тем, дал княжне понюхать спирта, натер ей виски и влил сквозь стиснутые зубы несчастной Лиды ложку вина. Лихорадочная дрожь пробежала по всему ее телу. Она очнулась.

— Это вы, вы! Я к вам! — чуть слышно обратилась она к Карнееву.

— Что случилось? — тревожно спросил он.

— Что случилось? — с болезненной улыбкой повторила княжна. — Он любит не меня, а ее, теперь я в этом окончательно убедилась; да и я больше не люблю его, не люблю, нет, нет, уверяю вас.

Она, казалось, разговаривала сама с собой и старалась убедить себя самое в этой мысли. Иван Павлович в ужасе прислушивался к этому полубреду и стоял наклонившись над больной.

— Тоня, Тоня, — шептала княжна, — как я горячо, как беззаветно любила тебя, а ты? Ты нет, никогда, и прежде, ни теперь; я поняла, поняла все: ты всегда любил ее, ее. Ты не виноват, она лучше меня. Но зачем же ты убил меня, убил ложью, сладкой ложью. И она не виновата, она не хотела моей гибели, она не знала, что делала. Поскорей бы умереть, умереть!

Княжна Лида заметалась.

— Успокойтесь, дорогая моя, побольше мужества; отбросьте печальные мысли, разве можно почти в детстве думать о смерти; забудьте о нем, он не достоин вас, забудьте.

Больная широко открыла свои светло-голубые, ясные глаза.

В них сияло какое-то странное, неземное спокойствие. Она устремила их на Ивана Павловича.

— Вы должны жить, жить для себя, для друзей! — продолжал он.

— Для каких? — прошептала княжна. — У меня один только друг, и я, я пришла к нему — это вы.

Она порывистым движением приподнялась на диване и обвила горячими руками его шею.

— В последний раз! — прохрипела она и обожгла губы Карнеева огненным поцелуем.

Он невольно отшатнулся. Лида упала на диван и заплакала. Белая пена, окрашенная алою кровью, смочила ее пересохшие губы. Обморок повторился.

Иван Павлович совершенно растерялся и бросился к двери. На ее пороге он столкнулся с входящим Константином Николаевичем, стука которого в дверь не слыхал.

Встреча его не удивила.

— Она умирает, умирает! — произнесон.

— Кто она? — вопросительно поглядел на него Вознесенский.

— Княжна Лидия Дмитриевна Шестова! — взволнованно продолжал Карнеев, указывая вошедшему Константину Николаевичу на лежащую в обмороке белую как полотно, с кровавою пеною у рта, княжну.

— Надо послать за доктором, за Шатовым! — заметил Вознесенский, окинув тревожным взглядом молодую девушку.

— Только не за ним, не за ним, она его невеста! — почти крикнул Карнеев.

— Тем более поводов послать именно за ним! — вставил было Константин Николаевич, но оборвал свою фразу, взглянув на Ивана Павловича.

Последний был положительно страшен. Бледный как полотно, с дикой тревогой в горящих глазах он дрожал, как в лихорадке.

— Нет, нет, не за ним, ни за что, ни за что, я вам объясню все! — порывисто умолял он.

— Ну, хорошо, пошлем за другим, успокойтесь! — сказал Вознесенский и отдал приказание позванному лакею.

По распоряжению Константина Николае-

вича, в комнаты Карнеева явилась кастелянша реального училища, немолодая девушка с добродушным лицом, и горничная.

Они расстегнули платье больной, отерли ей рот и устроили более покойное ложе.

Спиртом и ложкой вина они снова привели ее в чувство.

Княжна Лида очнулась, но молчала, как-то тупо, бессмысленно глядя своими прекрасными остановившимися глазами в одну точку.

Приступы кашля повторились несколько раз, и каждый раз белая пена у рта приобретала все более и более алый оттенок.

Тем временем Иван Павлович в своем кабинете передавал наскоро в коротких словах Вознесенскому грустную повесть княжны Лиды, его чувство к ней, не скрыл и последнего, предсмертного, как он назвал, ее поцелуя.

— Это одна из жертв Гиршфельда, — заключил свой рассказ Карнеев, — я не могу этого доказать, но я чувствую. Ему понадобилась не она, а ее деньги, которые должны перейти к ее сестре, а та в его руках. Он погубит и другую, погубит и Антона, я старался раскрыть ему глаза, но безуспешно; я достиг

лишь того, что потерял в нем друга, теперь теряю существо, которое для меня более чем друг. Я один, совсем один. Знаете ли вы, что значит быть одному? Я чужд миру и мир чужд мне.

В голосе его было что-то пророческое, он звучал нотами такой безысходной грусти, что Константин Николаевич не только не нашелся, но даже был не в силах сказать этому несчастному страдальцу слово утешения.

Явившийся доктор, почтенный старичок, констатировал в княжне Лиде начало скоротечной чахотки.

— Дни ее сочтены, она в чахотке уже несколько месяцев, какое-то сильное потрясение ускорило неимоверно ход болезни! — спокойно произнес врач не чувствуя, что режет как ножом сердце выслушавшего этот страшный приговор Ивана Павловича.

Весь бледный, дрожащий, он еле стоял на ногах, но вскоре пересилил себя. Наружное спокойствие сменило расстроенный вид, но чего стоила Карнееву эта перемена. Она во сто крат увеличила его внутренние, силой характера скрытые страдания.

— Можно ее перевезти домой? — деловым тоном спросил он доктора. — Она здесь не живет, а живет на Пречистенке.

— Далеконько; но, конечно, если надо, то можно, закутав хорошенько, в карете.

— Вы не будете ли так добры вместе со мной сопровождать ее?

— Извольте, я свободен.

— Но только, надеюсь, что этот ваш визит к нам и эта поездка останутся между нами! — просительно продолжал Карнеев.

— Будьте покойны, я не выдаю тайн, доверенных мне по профессии, и слишком стар, чтобы быть сплетником! — серьезным тоном ответил доктор.

Иван Павлович схватил его за руку и крепко с благодарностью пожал ее.

Закутанная в шубу той же кастеляншки, княжна Лида была бережно уложена в приведенную четырехместную карету. Вместе с нею поместились доктор и Карнеев. Карета тихо двинулась в путь.

На половине княжен Шестовых вся прислуга была на ногах и на разные лады истолковывала бегство барышни.

В гостиной, пораженная поступком Лиды, сидела смущенная Маргарита Дмитриевна и то нервно вздрагивала, то, выпрямившись всем телом, устремляла свой странный, загадочный взгляд в пространство.

Бледный Шатов, вне себя, неровными шагами ходил по гостиной и громко по временам произносил:

— Боже мой, Боже мой, что мы наделали!

Дали знать княгине, только что вернувшейся из гостей, а та послала за Николаем Леопольдовичем, о каковом распоряжении уведомила через посланного княжну и Шатова, добавив от себя, что до приезда Гиршфельда советует ничего не предпринимать.

В передней раздался звонок.

— Это он! — вышла из своей задумчивости княжна и бросилась в переднюю.

Шатов машинально последовал за нею.

Лакей распахнул обе половинки парадных дверей, и в них появились Карнеев и доктор, а у них на руках лежала бесчувственная Лида.

— Умерла! — вскрикнула княжна Маргарита и упала в обморок.

Собравшаяся прислуга подхватила ее и

унесла ее в комнату. Шатов зашатался.

— Еще не умерла, но умирает! — резко в упор бросил ему Карнеев и прямо взглянул в глаза Антона Михайловича.

Тот не вынес этого осуждающего взгляда своего друга и поник головой.

Больную принесли в ее комнату, раздели и уложили в постель. Доктор привел ее в чувство и, прописав рецепты, послал за лекарствами и остался ждать, чтобы дать самому первую дозу.

— Единственно что можно — это успокоить страдания, надежды нет! — шепнул он Карнееву.

Тот грустно наклонил голову и лишь благодарным взглядом ответил врачу. Больная узнала Ивана Павловича и протянула к нему свою руку. Карнеев подал ей свою, она крепко ухватилась за нее и видимо не хотела выпускать. Доктор подвинул ему стул. Иван Павлович сел, не отнимая у Лиды своей руки.

В это время в спальню вошли: оправившаяся от обморока княжна Маргарита Дмитриевна, Шатов и княгиня с прибывшим Гиршфельдом.

— Не надо, не надо, уйдите, уйдите! — заволновалась больная в необычайном экстазе.

Старичок доктор попросил прибывших удалиться, так как малейшее волнение гибельно для труднобольной. Он распорядился послать в больницу за сиделкой, как за новым лицом, не могущим возбудить в больной никаких воспоминаний. Шатов, с опущенной долу головой, последний вышел из комнаты своей умирающей невесты и, не простившись ни с кем, уехал домой.

Совершенно расстроенная, княгиня удалилась к себе, попросив Гиршфельда, оставшегося сделать кое-какие распоряжения, зайти к ней проститься.

Николай Леопольдович и Маргарита остались одни.

— Она умрет, ведь она умрет! — схватилась за голову княжна.

— Ну, да, конечно, умрет! — спокойно подтвердил Гиршфельд.

— И мы, мы ее убийцы! — не своим голосом воскликнула она.

— Не совсем так, — заметил Николай Леопольдович, — и я не вижу причин для траги-

ческих возгласов. Она всегда была болезненной девушкой, смерть отца и дяди уже надломили ее, и чахотка начала развиваться: рано или поздно она должна была свести ее в преждевременную могилу, так не лучше ли, что это случится теперь, а не тогда, когда она была бы госпожою Шатовой, и двести тысяч, которых вы теперь единственная наследница, были бы в чужих руках.

— Опять деньги, это ужасно!

— Ничего я не вижу ужасного. Если мы с тобой выше предрассудков считать позорным для достижения богатства и блеска решиться на убийство мешающих нам людей, то ускорить естественную смерть и подавно должно для нас быть по меньшей мере безразличным.

— Но она мне сестра! — попробовала оправдаться княжна в своей слабости перед своим ужасным ментором.

— У нас с тобой нет ни отцов, ни матерей, ни сестер, ни родных, ни близких, мы с тобой одни: ты да я — пора бы давно понять это! — отчетливо произнес Гиршфельд, наклонившись к уху княжны Маргариты.

Та умолкла.

Почти до рассвета пробыли Карнеев и доктор у постели больной, и лишь когда она забылась дремотой, уехали в ожидавшей их карете, оставив княжну Лиду на попечении прибывшей сестры милосердия.

IX

Смерть княжны Лиды

Через семь дней княжны Лиды не стало.

Она угасла тихо, не выпуская из своих охладевающих рук руки Карнеева, почти бессменно дежурившего у постели умирающей. Она не подпускала к себе никого кроме него, приглашенных докторов, всех московских знаменитостей и сестры милосердия.

— Все кончено! — вышел Иван Павлович в гостиную, где сидела княжна и Шатов.

Та посмотрела на него помутившимся взглядом. Антон Михайлович даже не взглянул на него. Он как бы окаменел.

Карнеев молча прошел в переднюю, надел шубу и вышел на улицу. Он был ошеломлен обрушившимся над ним несчастием и шел

сам не зная куда. На дворе была метель. Резкий ветер дул ему прямо в лицо, глаза залепляло снегом, а он все шел без цели, без размышления. Вдруг он очутился у ворот, над которыми висела икона и перед ней горела лампада. Он поднял глаза. Перед им были высокие каменные стены, из-за которых возвышались куполы храма.

Он стоял перед Зачатьевским монастырем.

Вид тихой обители внес в его измученную душу какое-то успокоение. Иван Павлович набожно, истово перекрестился. Лицо его просияло. Еще несколько минут простоял он в тихой, теплой молитве перед иконою и уже твердой походкой отправился назад. Сев в сани первого попавшегося ему извозчика, он велел ему ехать на Мясницкую.

Антон Михайлович и княжна Маргарита, ошеломленные вынесенным Иваном Павловичем из комнаты Лиды известием, пришли в себя уже по его уходе. Молча направились они к комнате умершей и вошли.

Комната была пуста. Усопшая казалось тихо спала, утопая в мягких складках постели. Худенькое тельце не обрисовывалось под го-

лубым атласным одеялом. Головка наклонилась немного набок, острые линии лица, налагаемые смертью, не придавали ему страдальческого выражения, оно было, напротив, совершенно спокойно. Глаза были закрыты. Золотисто-льняные волосы сбились на бледный лобик, как бы выточенный из слоновой кости.

— Она спит! — как-то растерянно, хриплым шепотом произнес Шатов и опустился на колени у постели покойницы.

Выбившаяся из-под одеяла маленькая ручка покоилась на краю постели. На одном из исхудавших пальцев ее блестело обручальное кольцо.

Антон Михайлович прильнул губами к этой руке.

Мертвенный холод этой, отданной ему несколько месяцев тому назад руки мгновенно представил его уму страшную, непоправимую действительность.

Он дико вскрикнул и скатился на пол у постели покойницы.

Княжна Маргарита стояла поодаль на коленях в молитвенной позе, но холодный

взгляд ее глаз, ее спокойное лицо, на котором со времени входа в комнату сестры не дрогнул ни один мускул, красноречиво говорили, что она заглушила в себе пробудившееся было раскаяние, что она примирилась с совершившимся фактом. При крике упавшего Шатова она встала с колен и холодным, деловым тоном стала отдавать приказания сбежавшейся прислуге.

Антон Михайлович вскоре пришел в себя, поднялся с полу и помутившимися, горячечными глазами оглядел комнату и присутствующих. Дольше других его бессмысленный взгляд остановился на покойнице. Вдруг он стремглав выбежал в переднюю и остановился, не зная что делать.

Лакей надел на него шубу, нахлобучил шапку, вывел из подъезда и усадил в сани.

Подъехав к парадному подъезду его квартиры, кучер остановился. Шатов не вылезал из саней. Кучер обернулся к нему. Антон Михайлович глядел на него во все глаза и бормотал какие-то несвязные речи. Он бредил.

Выбежавший на звонок дворника лакей внес с помощью первого своего барина в

квартиру и бросился за доктором. Явившийся врач застал Шатова в сильнейшей нервной горячке.

Карнеев вернулся домой совершенно успокоенным и ревностно принялся за свои запущенные болезнью княжны Лиды занятия, прерывая их лишь для посещения панихид в доме Шестовых. Он проявил за эти дни какую-то лихорадочную деятельность. Казалось, он спешил окончить свои дела, к чему-то приготовляясь. Константин Николаевич был очень доволен такой переменой в искренно любимом им человеке.

Узнав о болезни Шатова, Иван Павлович несколько раз посещал его, но тот метался в бреду и никого не узнавал. В одно из первых посещений им больного Антона Михайловича ему бросился в глаза висевший на стене кабинета большой фотографический портрет княжны Лиды. Он ранее видел этот портрет, но ему почему-то показалось, что он видит его здесь первый раз. Две крупные слезы скатились из его глаз, но он стряхнул их энергичным движением головы и вышел от своего друга по-прежнему спокойным, со светлым

выражением добрых глаз.

Похороны княжны Лидии Шестовой произошли с надлежащею помпою. Белый глазетовый гроб был буквально засыпан живыми цветами в венках и букетах. Вереница экипажей тянулась за роскошным катафалком. Княжну похоронили на кладбище Донского монастыря, невдалеке от церкви.

Спокойный, светлый, почти радостный присутствовал Карнеев на ее похоронах и проводил ее до могилы.

Когда последняя была засыпана, и все провожавшие удалились от места вечного успокоения безвременно погибшей страдалицы, на кладбище у могильного холмика, усыпанного цветами, остался один Иван Павлович.

Долго стоял на коленях в тихой молитве, и слезы градом сыпались из его глаз, но это были не горькие слезы отчаяния, а теплые, облегчающие душу, вносящие в нее мир. Он совершенно забылся и, быть может, еще дольше простоял бы коленопреклоненный перед дорогой ему могилой. Ему казалось, что весь мир сосредоточился для него в этом маленьком клочке земли, закрывшем прах един-

ственного горячо любимого им существа, что здесь вместе с ним похоронена вся прежняя его жизнь и над этим холмиком, подобно одной из лежащих на нем распускающихся роз, распускается для него более отрадная, светлая жизнь. Для обрезанной едва распустившейся розы почвы нет. К утру она завянет. Для распускавшейся для него новой жизни есть почва: эта почва — дорогая могила.

Вдруг кто-то тихо дотронулся до его плеча.

Он поднял голову.

Перед ним стоял монах с длинною седою, как лунь, бородой — это был игумен Донского монастыря, совершавший свою обычную послеобеденную прогулку. Он прежде, чем подойти к Ивану Павловичу, долго наблюдал за ним, как бы боясь нарушить его горячую молитву.

— О чем плачете, сын мой? — начал старик задушевным голосом. — О мертвых не плачут, надо радоваться, что милосердный Господь призывает к себе человека из этого грешного мира.

— Отец мой, — отвечал Карнеев, — не о смерти ее плачу я, плачу о своем возрожде-

нии — это слезы радости.

Игумен посмотрел на него долгим испытующим взглядом.

— Пойдемте, сын мой, ко мне, побеседуем, — прервал монах наступившее молчание.

Карнеев послушно отправился за ним.

В небольшой келье, где пахло кипарисом, где тихий свет лампад смешивался со светом потухающего дня, проникающего в узкие окна, в полумраке, возбуждающем благоговение, исповедал Иван Павлович перед настоятелем монастыря свою душу и высказал ему твердое, еще перед воротами Зачатьевского монастыря появившееся в нем намерение уйти из мира.

— Отец мой, — закончил он свою исповедь, — до зрелого возраста я не знал любви, мою юность я отдал труду наук. Образ женщины не смущал моего воображения, хотя я был не прочь в будущем обзавестись семьей, освященной браком, найти себе подругу жизни по сердцу и прожить предназначенные мне Господом годы с доброй женой и честной, умной матерью моих детей. Встреча с лежащей теперь в могиле девушкой показала мне,

что идеал такой образцовой женщины существует, но по воле Всевышнего она промелькнула для меня метеоритом. Невозможность сперва открыть ей мое сердце и, наконец, смерть ее на моих руках показали мне, что это счастье не для меня, что оно не суждено мне Богом. Силы для другой такой же любви, какую я питал к покойной, я не думал найти в своем сердце. Я дошел до отчаяния, до этого смертного греха, но Господь привел меня к тихой обители и ум мой просветлел. Я понял, что есть другая, высшая любовь — любовь к Богу, который есть Сам любовь, как говорит Апостол, и эта любовь, если не вытеснила из моего сердца ту, все-таки греховную любовь, — я говорю откровенно, — то очистила ее от всего земного и я чувствую, что эта новая, высшая, переполнившая мое сердце любовь способна поглотить первую и в ней одной я найду успокоение моей измученной душе. Это я и назвал там, на ее могиле, моим возрождением. За него со слезами радости я благодарил моего Господа. Я твердо решил уйти из мира и отдаться Богу, который отныне есть моя единственная любовь.

Эта серьезная, задушевная речь, твердая, непоколебимая решимость, звучавшая в тон голоса говорившего, таинственная обстановка, при которой зародилась в нем это твердое желание, произвели на выслушавшего его внимательно монаха сильное впечатление.

Он не счел даже нужным указывать будущему своему брату по схиме тяжесть обязанностей, принимаемых им на себя, силу искушений молодости и оставленного мира, трудность послушничества. Игумен понял, что этот решившийся бесповоротно человек знает все лучше его. Сила воли, звучавшая в каждом слове этого приходящего к Богу по воле Бога человека, ручалась, что он все перенесет, все преодолеет. Игумен презрел в нем будущего подвижника. Молча благословил он его на подвиг и отпустил с миром, обещав взять его под свое начало.

Уж с совершенно облегченным сердцем вышел Карнеев из кельи настоятеля, прошел снова на могилу княжны и, сделав три земные поклона, направился к монастырским воротам.

Подойдя к ним, он обернулся и с любовью посмотрел на утопающее в зимних сумерках кладбище, на ряд огоньков, светящихся в разнообразных там и сям монашеских кельях, вообще на это место, куда он жаждал поскорей возвратиться навсегда.

Проведя эту ночь в беспрерывной молитве, Иван Павлович на другой день утром сообщил о своем решении Константину Николаевичу.

Вознесенский задумался.

— Я вас знаю за слишком серьезного человека, чтобы думать, что вы решились на такой шаг, не обдумав его всесторонне, а потому у меня не поворачивается даже язык вас отговаривать, хотя я теряю в вас лучшего помощника, а мир — лучшего человека.

Он заключил Ивана Павловича в свои объятия и крепко поцеловал.

— Не забывайте нас в своих молитвах! — серьезно произнес он.

Через несколько времени магистр математических наук Иван Павлович Карнеев обратился в послушника Донского монастыря. Верный друг княжны Лиды остался около нее

и после ее смерти.

X
Болезнь Шатова

Болезнь Шатова была упорна и продолжительна. Только через полтора месяца он стал понемногу поправляться, хотя еще не вставал с постели.

Причиной такой продолжительной своей болезни он был сам. Едва он начал приходить в сознание, как настойчивыми мыслями о прошлом ухудшал свое положение. Он приказал перевесить портрет княжны Лиды из кабинета в свою спальню и по целым дням лежал, вперив в него свои воспаленные глаза. К вечеру происходил пароксизм и начинался бред.

Несколько докторов положительно не знали, что делать. Они приказывали выносить портрет, но волнение больного при исполнении этого приказания еще более увеличивалось — он доходил до бешенства.

Никакие успокоительные средства не действовали. В бреду больной путал лица — име-

на Маргариты и Лидии не покидали его уст. Врачи боялись за неизлечимое психическое расстройство. Внимательное лечение все-таки достигало цели — пароксизмы стали реже, больной спокойнее. Заставить отдать раструаивающий его портрет сделалось целью лечивших его докторов. Придумать для этого средства они не могли.

Больной сам вдруг решил расстаться с губительным для него сокровищем.

Карнеев, уже сделавшись послушником, несколько раз заходил к Антону Михайловичу, но все попадал, что называется, не в час — то больной спал, то был в пароксизме. Спустя месяц после похорон Лиды, Иван Павлович зашел к Шатову и застал его в сознании.

При входе в его спальню лицо озарилось радостной улыбкой и он приветливо протянул своему другу исхудалую руку. Монашеский костюм Карнеева не произвел, видимо, на него ни малейшего впечатления — он как бы ожидал этого.

Разговор шел о здоровье Шатова, о перенесенной им болезни. Ни тот, ни другой не коснулись ни единым словом столь недавнего,

страшного для них обоих, прошлого. Только при прощании больной крепко, на сколько хватило силы, пожимая правой рукой руку своего друга, левой указал ему на висевший над постелью портрет.

— Возьми себе, я не стою, это теперь твое! — слабым голосом произнес он.

Две слезы скатились из его глаз. Он отвернулся к стене, чтобы скрыть их от Ивана Павловича.

Последний снял со стены подаренный ему портрет и молча вышел.

Проходя через кабинет, он вспомнил, что, идя к больному, он невольно взглянул на то место, где висел портрет Лиды, который он теперь держал в своих руках, и удивился, что место было пусто — портрета не было — он не знал, что Шатов велел перенести его к себе в спальню.

Доктора с радостью узнали о исчезновении портрета, тормозившего все их усилия, направленные к излечению больного.

Последний, отдав портрет, как бы на самом деле успокоился, и выздоровление пошло более правильным путем.

К скромному убранству послушнической кельи Карнеева прибавился висевший на стене, затянутый густым черным флером, портрет покойной княжны Лидии Дмитриевны Шестовой.

Кажется, только эти двое людей и хранили еще память об этой несчастной, так безвременно погибшей девушке. Остальные позабыли, увлеченные жизненным вихрем.

Княжна Маргарита Дмитриевна повела свой обычный образ жизни и вскоре казалось, что сестры Лиды у нее как бы не было никогда.

Она аккуратно ежедневно посылала справляться о здоровье Антона Михайловича и даже несколько раз заезжала сама.

Это внимание, а в особенности эти посещения вливали какую-то необычайную энергию в возрождающиеся силы больного. Ему были приятны, приятны до боли эти свидания.

Княжна Маргарита, достигнув цели, видимо не желала круто оборвать свои отношения к этому разбитому ею человеку. Хотела ли она поставить вновь его на ноги, поддерживая в нем надежду, или она преследовала дру-

гие цели? Об этом знала она одна.

Даже Гиршфельд недоумевал.

— Охота тебе с ним возиться, он больше не нужен! — сказал он ей со своей обычной резкостью.

— Это мое дело, я считаю, что так надо! — отрезала ему она.

Гиршфельд удивленно посмотрел на нее, но не сказал ни слова, предоставив ей полную свободу действовать по ее усмотрению. Ссориться из-за таких мелочей он находил излишним.

Нежные, ласковые, полные любви речи княжны Маргариты Дмитриевны подобно чудодейственному бальзаму действовали на Шатова.

Она рисовала ему картины их будущего семейного счастья, одна другой заманчивее. Образ погибшей Лиды отходил от него все дальше и дальше и, наконец скрылся совершенно. Княжна, впрочем, для достижения этого счастья предписывала свои условия, требовала продолжительную отсрочку.

— Ты хорошо понимаешь сам, что я, несмотря на всю любовь к тебе, не выйду за-

муж за дюжинного доктора. Ты должен сделаться знаменитостью. Ты — моя гордость. Я не хочу, связав тебя собой, помешать твоей славе, отнять у науки ее лучшего работника, ее будущее украшение.

— Приказывай, моя царица, я достигну всего, всего! — восторженно восклицал он и в голове его звучала сила, на самом деле способная завоевать мир.

— Выздоровеешь, отдохнешь, займешься практикой, а так годика через два поедешь за границу — работать. Вернувшись оттуда, займешь кафедру. Имя будет сделано, карьера упрочена и я твоя. Согласен?

— Согласен, согласен, дорогая моя! — покрывал он поцелуями ее руки.

Она надевала перчатки и ехала прямо от него к Гиршфельду.

У последнего в одном из переулков, прилегающих к Пречистенке, была особая, маленькая, убранная как игрушечка, квартирка специально для приемов княжны. В этом же домике жил знакомый нам репортер Петухов, и его жена наблюдала за порядком в обыкновенно запертой квартире Гиршфельда и хра-

нила ключ. Другой ключ был у княжны Маргариты Дмитриевны. Здесь устраивались их свидания. Гиршфельд доверял Петухову и тот всеми силами старался оправдать это доверие, хотя делал это далеко недаром.

По прошествии шести недель со дня смерти княжны Лиды, Николай Леопольдович начал хлопотать об утверждении Маргариты Дмитриевны в правах наследства после сестры.

— Когда же мы получил эти деньги? — спросила княжна у Гиршфельда в одно из их свиданий на квартирке.

— По миновании законных сроков, — отвечал тот, — но почему тебя это так интересует, разве ты в чем-нибудь отказываешь теперь?

— Нет, благодарю тебя, я занимаю теперь в обществе то место, которого желала достигнуть и которое вполне соответствует как моему рождению, так и образованию, но я думала, что мне на эти деньги можно будет съездить за границу. Ты знаешь, что путешествие — моя давняя мечта.

— Поезжай хоть завтра, денег хватит, — заметил он, — но будет ли благоразумно? Тебе

придется ехать одной.

— Как одной? Я хотела бы ехать с тобою; конечно, не вместе, но чтобы там встретиться.

— Ну, этому мешает многое, и первое, что наши дела еще не совсем устроены. Шестовские капиталы хотя и находятся в нашем распоряжении, но, по капризу ее сиятельства, княгиня Зинаида Павловна в большей части их может потребовать каждую минуту от меня отчета. Положим, я ее запутал вместе со мною, но все же главная ответственность ляжет на меня.

— Когда же это наконец кончится? — нетерпеливо перебила она его.

— Надо переждать годика три, четыре, мне, быть может, удастся вытеребить от нее удостоверение о полной сдаче дел и сумм, как ее личных, так и опекунских. После этого она, быть может, догадается умереть, и тогда мы свободны, как воздух, и богаты, как крезы.

— Как это скучно! Ведь она умереть может и не догадаться? — злобно усмехнулась Маргарита Дмитриевна.

— Тогда мы придумаем средство помочь

ей совершить это далекое путешествие! — с наглым цинизмом ответил Гиршфельд. — Теперь же мой совет потерпеть. Заграница тот нас не уйдет.

Княжна надулась.

— О, с каким наслаждением увидела бы я эту женщину мертвой! — с нескрываемым раздражением почти крикнула она после некоторой паузы.

— И увидишь, — холодно подтвердил он, — от наших рук не уйдет и она, но, говорю, надо подождать.

— Подождать, так подождать! — согласилась его собеседница.

Княгиня Зинаида Павловна и не представляла себе возможности такого разговора о ней между ее милым «Кока» как она называла Гиршфельда, и ее племянницей, влюбленной без ума, как ее уверил Николая Леопольдович, в Шатова. Он и княжна умели так тонко вести дело, что княгиня и не подозревала их близости. Смерть княжны Лиды не произвела сильного впечатления на Зинаиду Павловну. Стареющая красавица была всецело поглощена своей страстью к Гиршфельду,

увеличивающейся с каждым днем, и с утра до вечера занята своей наружностью и туалетом. Все, что не относилось к ее личному *я* и к нему, казалось ей не стоящим ее внимания.

Таинственность, которая по воле Николая Леопольдовича царила в их отношениях, еще более раздражала ее, придавая им, как о и предсказывал, особую прелесть и пикантность.

Вращаясь и занимая почетное место среди высшего московского общества, спускаясь до благоговеющего перед ней, по крайней мере по ее мнению, среднего, Зинаида Павловна поняла, что более открытые ее отношения к ее поверенному шокировали бы ее, не увеличивая наслаждения, и оценила вполне данный в этом смысле Гиршфельдом еще в Т. совет. Он сделался для нее не только любимым человеком, но и властелином-оракулом. Без его совета, без его согласия она, как мы видели не предпринимала ничего. Так сумел опутать ее этот хитрый человек.

XI
Свадьба Стеши

Время шло своим чередом. Прошел год, не внесший в жизнь наших героев особенных изменений, если не считать смерти отца и матери Гиршфельда, отошедших в вечность друг за другом через небольшой промежуток времени. Смерть эта не произвела на Николая Леопольдовича ни малейшего впечатления. Всегда смотря на своих родителей лишь как на источник дохода, оказывавшийся весьма скудным, но необходимым во дни ранней юности, он, ворочающий теперь десятками тысяч, понятно, не мог жалеть о его прекращении, тем более, что давно бросил им пользоваться. Чувства же сыновней любви он не питал, да и не признавал в принципе.

— Любовь и уважение не могут быть родовыми, а только благоприобретенными! — щеголял он дешевым парадоксом.

Старушка-мать Гиршфельда только на три месяца пережила своего мужа и, потрясенная смертью этого нежно любимого ею человека,

сошла в свою очередь в могилу. Последние дни стариков были радостны. Они горячо благодарили Бога, допустившего их на старости лет видеть своего единственного сына на блестящей дороге и вполне обеспеченным. Они, к счастью своему, смежили очи, не догадавшись, какой ценой покупает их сын этот блеск и это обеспечение. Одно открытие этого убило бы их, отравив последние минуты этих «отжившись свой век идеалистов», как с иронией называл их единственный их сын. Это были люди старого закала, называвшие вещи их собственными именами. В их лексиконе слово «преступление» не было еще заменено выражением: «выгодная афера», а слово «мошенник» — словом «делец». В блаженном неведении сошли эти «идеалисты» в могилу и скоро были позабыты сыном-реалистом новой формации. Он устроил для них обоих вполне приличные похороны и успокоился сознанием исполненного сыновьего долга.

Со дня смерти княжны Лиды прошел год. Ко дню годовщины прибыл заказанный в Италии роскошный памятник — великолепно высеченный из белого мрамора молящий-

ся ангел на черном мраморном же постаменте, с надлежащею надписью.

Памятник был поставлен и освящен.

Почасту и подолгу рядом с этой молящейся белой фигурой виднелась около могилы другая черная фигура молящегося монаха. Это молился послушник Карнеев.

В доме Шестовых произошло за это время еще одно незначительное, впрочем, событие. Однажды, окончив утренний туалет своей барыни, знакомая нам горничная княгини Зинаиды Павловны Стеша, сообщила ей, что принуждена оставить свое место, почему и считает долгом предупредить заранее для подыскивания другой горничной.

— Что это значит? Ты чем-нибудь недовольна! — уставилась на нее привыкшая к ней княгиня.

— Помилуйте-с, ваше сиятельство, как недовольна, я много довольна вашим сиятельством. Жила у вас как у Христа за пазухой. Лучшего места по всей, кажись, России не найдешь! — бросилась Стеша целовать у нее руки.

— Так почему же ты уходишь, я не пони-

маю?

— Я, ваше сиятельство, выхожу замуж, своим хозяйством пожить хочется. Щей горшок, да сам большой.

— Вот как, — улыбнулась княгиня, — это другое дело, поздравляю. Кого же это ты подцепила?

— Ивана Флегонтовича.

Княгиня вопросительно посмотрела на нее: это имя не говорило ей ничего.

— Писарем он служит в здешнем квартале, к нашему дворецкому хаживал — у них мы и познакомились.

— И много получает он жалованья?

— Жалованье небольшое — двадцать рублей, ну, да доходишки, на нас двоих хватит.

— А пойдут дети?

— Бог и на них пошлет.

Стеша врала. Почти за пятилетнюю службу у княгини она сумела скопить себе небольшой капиталец и была не бесприданница, что, независимо от того, что Иван Флегонтович Сироткин (такова была фамилия жениха Стеши) был влюблен, послужило одним из мотивов сделанного им предложения.

— Молодой? — спросила княгиня.

— Двадцать два года.

— Моложе тебя!

Стеша потупилась.

— Он из благородных! — переменила она щекотливую тему разговора. — У него отец в Сибири в чиновниках служит.

— Ну, что же, дай Бог, я тебя не оставлю, награжу, я твоей службой довольна.

Стеша бросилась целовать ее руки.

В роскошной главной квартире помощника присяжного поверенного Николая Леопольдовича Гиршфельда только что окончился прием. Сам хозяин переменил сюртук на фрак и собирался ехать в суд.

— К вам там пришла горничная от княгини Шестовой, — доложил вошедший лакей.

— Ко мне? — удивился Гиршфельд, так как горничная в княжеском доме не служила для посылок.

— Точно так-с. Она в передней дожидается.

— Как зовут?

— Степанндой.

Он поморщился, однако сам вышел в переднюю.

— Здравствуй, Стеша.

— Здравствуйте, Николай Леопольдович. Я к вам-с.

— От княгини? Что случилось?

— Нет я от себя.

— Ты уже давно ко мне от себя не ходила! — пошутил Николай Леопольдович.

Стеша потупилась.

— Дельце есть! — произнесла она.

— Секрет?

— Секрет.

— Пойдем в кабинет. Никого не принимать, — обратился он к лакею, — я сейчас еду.

— Слушаю-с.

Затворив плотно за собою тяжелые двери кабинета, Николай Леопольдович усадил Стешу в кресло.

— Ну, говори в чем дело, цыпочка! — хотел было взять он ее за подбородок.

Она быстро отстранилась. Он так и остался с протянутой рукой.

— Я выхожу замуж, — ответила она.

— Вот как! То-то ты с некоторых пор стала такая недотрога. Ну, что ж, с Богом, благословляю и разрешаю. За кого?

Стеша объяснила.

— Что же, в посаженные, или в шафера пришла приглашать? — улыбнулся он.

— Никак нет-с, только объявить пришла, потому что слишком два года вам верой и правдой служила…

— А, контрибуция, понимаю! — перебил ее Гиршфельд и вынув из кармана связку ключей, подошел к вделанному в стене кабинета железному шкафу и отпер его.

Вынув из него толстую пачку радужных, он отсчитал пять штук. Стеша быстро исподлобья сочла количество отсчитанных бумажек. По ее лицу мелькнула презрительная усмешка.

— Вот тебе на приданое. Больше не могу. Чем богат, тем и рад! — подал он ей деньги.

— Очень вам благодарна, — ответила та и сунула деньги в карман и вышла.

Следом за ней вышел в переднюю Гиршфельд, оделся и уехал.

— Жид пархатый! — ворчала, между тем, спускаясь по черной лестнице, Стеша. — Княгиню может не на одну сотню тысяч обобрал, а мне всего пятьсот рублей отсчитал. Расщед-

рился, нечего сказать. Попомню я тебе это, жидюга проклятый.

Роман Стеши продолжался уже около года. Более полугода, как настоящий жених ее сделал ей предложение, но объявление о свадьбе отложено до получения согласия его родителей из далекой Сибири. Наконец согласие это было получено, и Стеша, как мы видели, сообщила о своем предстоящем браке княгине и Гиршфельду. Свадьба была назначена через месяц. Княгиня наградила Стешу истинно по-княжески. Она подарила ей три тысячи рублей, заказала полное роскошное приданое и, кроме того, выдала пятьсот рублей на свадьбу, которая была блестящим образом сыграна в княжеском доме, за счет княгини. Последняя и один сановный московский старичок были у Стеши посаженными матерью и отцом. На свадьбе присутствовали княжна Маргарита Дмитриевна, Шагов и Гиршфельд. Николай Леопольдович подарил невесте серьги и брошку, осыпанную бриллиантами, хотя, надо сказать правду, не дорогими, но этот подарок не примирил ее с ним, и она продолжала внутренне негодовать на него за слишком

малую, по ее мнению, оценку ее услуг. Молодые переехали на особую квартиру. У княгини, после нескольких, быстро сменившихся горничных, появилась востроносенькая, вертлявая блондинка Лиза. Зинаида Павловна сравнительно была ею довольна.

XII
Отъезд

Двухлетний срок, назначенный княжной Маргаритой Дмитриевной Шатову для отдыха после болезни, истекал. Практика его шла превосходно. Имя его стали упоминать в числе московских медицинских знаменитостей. Он был любимым ассистентом знаменитого московского врача-оригинала, «лучшего диагноста в мире», как называли этого профессора университета его поклонники.

Об этом патроне Шатова ходили по Москве невероятные рассказы. В одном доме он приказал разобрать капитальную стену для доставления больному надлежащего количества воздуха. В другом он приказывал зимой выставлять рамы. Следующий случай из ме-

дицинской практики этого московского светила очень характерен и рисует его гениальную сообразительность. Жена одного очень богатого представителя серого московского купечества, начала страдать странными головными болями. Она по утрам была почти не в силах подняться с постели и лишь к вечеру боли немного стихали, чтобы утром повториться с еще большею силою. Все средства, как домашние, так еще и по сие время практикующих в Замоскворечьи знахарей и знахарок, были испробованы, но ничто не помогало. Обратились к докторам. Больную осмотрели чуть ли не все московские знаменитые и не знаменитые врачи. Прописаны и приняты были всевозможные лекарства, но безуспешно. Доктора положительно отказались определить болезнь. Муж больной созвал наконец большой консилиум, на который был приглашен и знаменитый диагност. Посланный пригласить его врач рассказал ему историю и симптомы болезни и тот обещал быть. Консилиум был назначен вечером. Врачи собрались и стали ждать. Прошло несколько часов, а знаменитый врач не при-

езжал. Подождали еще несколько времени и решили начать консилиум без него. Осмотрели больную, начали толковать и разъехались почти около полуночи. В купеческом доме все заснули крепким сном. Вдруг, в четыре часа ночи, в передней раздался сильный властный звонок. Оказалось, что приехала знаменитость и приказала разбудить хозяина. Заспанный «сам» вышел в наскоро освещенную залу.

— Где больная? — резко спросил доктор.

— В спальне, спит! — с недоумением смотря на «шального», по его мнению, дохтура, отвечал купец.

— Ведите меня к ней! — приказал прибывший.

Его привели в спальню. Больная сладко спала на пуховиках. Знаменитость мельком посмотрела на нее и внимательным взглядом окинула спальню. Это была большая комната, в углу которой стоял огромный киот, уставленный образами в драгоценных окладах. Перед ним горело семь лампад.

— Уберите лампадки из спальни навсегда! — обратился врач к стоявшему сзади него

мужу больной.

Тот смотрел на него во все глаза.

— Слышите! — крикнул он.

— Слышу-с! — отвечал перепуганный купец.

Врач вышел из спальни, получил за визит и уехал. Купец передал на другой день бывшим на консилиуме докторам странное приказание. Те посоветовали исполнить. Больная выздоровела.

За визит этот московский чудодей не брал меньше ста рублей, о чем он всегда объявлял заранее.

С товарищами-врачами он обращался деспотически. Только, кажется, одного Шатова он любил насколько мог искренно и ценил к нем знание, трудолюбие и способности.

Отъезд Антона Михайловича был назначен. Он стал делать прощальные визиты и заехал в Донской монастырь к Карнееву. Он за последнее время редко бывал у него. Несмотря на то, что при их свиданиях как и при посещениях Карнеевым Шатова во время болезни, разговор ни одним словом не касался грустного прошлого, похороненного в могиле

княжны Лиды и близкой от нее кельи послушника Ивана, Антону Михайловичу тяжелы были свидания с ушедшим из мира другом. Живым упреком совести восставала перед ним его мрачная фигура в монашеском костюме. Воззрения и взгляды этих людей разошлись в диаметрально противоположные стороны: один похоронил все в этой жизни, другой ожидал от нее еще многого. Один любил и был счастлив в прошедшем, другой любил в настоящем и надеялся быть счастливым в близком будущем. Шатов застал Ивана Павловича за какими-то математическими выкладками. Он и в монастыре не покидал, по благословению отца-игумена, своих научных занятий.

Встреча двух друзей после большого перерыва была сдержана. Шатов объявил, что приехал проститься.

— Куда едешь? — спросил Иван Павлович.

— За границу, брат, доучиваться.

— Доброе дело, доброе дело! Надолго?

— Года на два, на три, не больше.

Оба замолчали. Беседа видимо не клеилась. Шатов стал прощаться. Иван Павлович

обнял его и отвернулся, чтобы скрыть выступившие на глазах слезы.

По уходе Антона Михайловича, Карнеев опустился на колени перед образами в теплой молитве о своем друге. Он молился о том, да избавит его Он, Всемогущий, от тлетворного влияния губящей его женщины. Да исторгнет из сердца его роковую страсть. Да просветит Он его ум там, вдали, в разлуке с нею. Он не знал, что самая поездка Шатова за границу — дело тлетворного влияния этой женщины, то есть княжны Маргариты Дмитриевны, что лишь подчиняясь всецело ее сильной воле, уезжал из России Антон Михайлович.

С Константином Николаевичем Вознесенским Шатов простился задушевно по-дружески. Вознесенский знал, по рассказам Карнеева, полный злоключений роман Антона Михайловича и относился с состраданием к этому бесхарактерному, слабому, но все-таки прекрасному человеку.

— До свидания, желаю вам всего, всего хорошего, а главное здоровья и успеха в ваших научных занятиях! — крепко пожал он на прощанье руку Шатова.

Последний вечер в Москве перед отъездом провел Антон Михайлович с Маргаритой Дмитриевной. Они сидели вдвоем в гостиной.

— Счастливец, через несколько дней ты будешь за границей! — сказала она.

Он горько улыбнулся.

— Ты, кажется, недоволен?

— Чем же мне быть довольным? Разлукой с тобой — это было бы странным.

— А видеть новые страны, новых людей, лицом к лицу встретиться с учеными двигателями науки, слушать их и поучаться у них самих, черпать, так сказать, премудрость из первых источников. Этого разве мало?! Значит ты не любишь твоей науки! — с пафосом заговорила она.

— Кажется в этом-то меня упрекнуть нельзя. Я доказал эту мою любовь. Слишком, даже чересчур много жертв принес я и приношу во имя этой науки… — ответил он.

Лицо его омрачилось. Она замолчала.

Странные отношения установились между этими двумя людьми. С того памятного вечера, когда княжна Маргарита умышленно, в присутствии покойной сестры, сказала Шато-

ву «ты» — это «ты» так и осталось при их беседах с глазу на глаз. Это было не «ты» двух друзей, не «ты» двух любовников, так как таковыми, в узком смысле этого слова, они не были. Это было обычное, а с ее стороны даже вынужденное «ты». Антон Михайлович дорожил им, видя в нем залог их будущей близости, для Маргариты же Дмитриевны оно было сначала странным, потом она к нему привыкла, но ей оно не говорило ничего. Нельзя было бы сказать, что она не любила Шатова, но это была какая-то любовь прошлого — жила же она страстью настоящего. Она не хотела пока совсем отказаться от него, но не хотела и совсем брать его. Быть может, впрочем, что, подчиняясь во всем Гиршфельду, она находила наслаждение в подчинении себе другого.

— Допустим, что разлука со мной тяжела тебе, но ведь мы растаемся не навеки: три года промелькнут быстро. Ты, наконец, едешь туда для меня, даже для нас! — первая прервала она молчание.

Он просиял и взял ее за руку.

— Да, да, ты права, моя дорогая, это с моей стороны одно малодушие. Я просто не в силах

совладать с собой. Прости меня, не сердись.

— Я и не сержусь.

— Ты будешь писать ко мне, часто?

— Конечно. Может даже соскучусь, да и прикачу к тебе туда, как снег на голову.

Он положительно захлебнулся от восторга и покрыл ее руку горячими поцелуями. Она не отнимала руки и глядела на него своими загадочными глазами. Они были бесстрастны, они не говорили ничего, они не отражали состояния души их не менее загадочной владелицы. Часы на камине гостиной пробили час. Шатов простился, крепко пожав и поцеловав руку княжны и уехал.

На другой день он отправился в путь. К отходу поезда на вокзал приехала его проводить Маргарита Дмитриевна. Это внимание совершенно успокоило все еще расстроенного Антона Михайловича.

Раздался второй звонок. Он, простившись с княжной, уселся в вагон с радужными мечтами о будущем. Яркими, веселыми красками рисовало оно ему возвращение в Россию, обладание любимой женщиной, тихую, беспечальную, счастливую жизнь.

Прямо с вокзала Маргарита Дмитриевна отправилась в известный нам переулок на Пречистенке, в квартиру, где ждал ее Гиршфельд.

— Проводила своего соколика? — с нескрываемой иронией встретил он ее.

Она пристально поглядела на него, но не ответила ни слова. Он заметил произведенное его шуткой впечатление и переменил тон.

— Однако, довольно о пустяках, поговорим о деле.

— Это будет лучше!

Они уселись.

— Двести тысяч, оставшиеся после смерти сестры твоей, мною получены. Они заключаются в билетах государственного банка.

— Это хорошо, мне надо, я и позабыла сказать тебе, сделать перевод в Париж Ворту шести тысяч рублей.

— Хорошо, это можно! — поморщился он. Она этого не заметила.

— Я хотела переговорить с тобой о том, что держать эти деньги в казенных бумагах, по моему мнению, крайне невыгодно. При на-

стоящем настроении биржи, при настоящем развитии молодого в России частного банкового дела, акции этих банков, а также железных дорог представляют из себя лучшие бумаги, особенно для помещения небольших капиталов. Хранить в наше время деньги в малопроцентных государственных бумагах — абсурд.

— То же, разменяй и помести, как найдешь лучше. Я в этом ничего не понимаю. Тебе знать лучше.

— Я не считаю себя вправе действовать без твоего согласия. Я попрошу даже тебя выразить его письменно.

— Это еще зачем?

— А затем, что я, как помощник присяжного поверенного, нахожусь под контролем. Я обязан ежегодно представлять в совет ответ, к которому должен прилагать и оправдательные документы. Вот почему я и все выдачи тебе делаю под расписки — они мне нужны для отчетности.

— Хорошо, я тебе выдам письменное согласие. Какой может быть тут вопрос. Мы с тобой слишком близки, составляем, по твоим сло-

вам, одно лицо. Какие же тут отчеты?

— Близость близостью, а дело делом. Для всех других и для нашей корпорации — я только твой адвокат, обязанный тебе аккуратной отчетностью.

— Понимаю, понимаю! — нетерпеливо сказала она.

— Значит, я распоряжусь по своему усмотрению. Квитанцию перевода в Париж привезу тебе завтра. Теперь же бросим дела, они мне и так надоели, дай мне отдохнуть около тебя душой.

Он привлек ее к себе.

XIII
Комедиант

Месяца через два после отъезда за границу Шатова, с которым княжна Маргарита Дмитриевна была в частой переписке, по Москве разнеслась роковая весть о крахе Ссудно-коммерческого банка, помещавшегося на Никольской улице. Всюду слышались рассказы о ловком гешефте железнодорожного короля, еврея Беттеля Струсберга, сумевшего выудить из злополучного банка семь миллионов, перемешанные с оханьем и аханьем несчастных вкладчиков и акционеров. Банк прекратил платежи. Его акции перестали котироваться на бирже, упав до стоимости веса бумаги. Между так или иначе причастными к этому легкомысленному учреждению наступила паника. Зеркальные двери банка, все еще осаждаемые тщетно надеющиеся получить обратно свои, часто трудовые, гроши толпой, были запечатаны. Дела банка перешли в ведение судебного следователя и прокурорского надзора или, по выражению за-

щитника одного из подсудимых по этому делу и из директоров банка еврея Ландау — присяжного поверенного Куперника, «кончилось дело банка, началось банковое дело».

Одни адвокаты потирали руки, в предвкушении лакомых кусков — гонорара, имеющего быть полученным с «излюбленных граждан» Москвы, долженствующих скоро волею судеб переместиться с различных мягких кресел почетных должностей на жестокую скамью подсудимых. Кому придется урвать кусочек от этого роскошного пирога? Вот вопрос!

Каждый из «прелюбодеев мысли» рассчитывал и надеялся.

«Авось и я поживлюсь!» — думал всякий из них порознь, потирая руки.

Думал и Николай Леопольдович, но не попав еще в выдающиеся знаменитости, как человек рассудительный, не рассчитывал быть избранным в число защитников.

«Удовольствуемся ролью поверенного нескольких гражданских истцов. Все-таки громкий процесс. Можно выдвинуться, конечно, с помощью печати. Надо взять за бока Петухова — пусть трубит», — соображал он с

довольной улыбкой, сидя у камина в своем кабинете.

Дело было под вечер.

Вдруг он ударил себя ладонью по лбу.

— Это мысль! — произнес он вслух и сильно дернул сонетку.

— Лошадей и одеваться скорей! — отдал он приказание выбежавшему лакею.

Не прошло и четверти часа, как он уже мчался по направлению к Пречистенке и сидя в санях сильно жестикулировал и все что-то бормотал. Удивленный кучер даже несколько раз обернулся и подозрительно посмотрел на разговаривающего с самим собою барина. Он видел его в таком состоянии в первый раз. Выскочив из саней у подъезда дома, где жили Шестовы, он сильно дернул за звонок в половину княгини. — Дома? — спросил он отворившего ему лакея.

— Сейчас только откушать изволили, в гостиной.

— Одна?

— Одна-с, — с удивлением посмотрел лакей на встревоженного Гиршфельда.

Быстро направился Николай Леопольдо-

вич в гостиную и буквально вбежал в нее.

— Ты! — радостно поднялась с дивана ему навстречу, княгиня, но, заметив его расстроенный вид, остановилась.

— Что с тобой?

— Я погиб! — не сказал, а простонал он и, поцеловав крепко ее руку, тяжело опустился в кресло.

— Что случилось, говори, не мучь! — ветревоженно начала она.

— Говорю тебе — я погиб! — снова простонал он и закрыл лицо рукам.

— Да что такое? Объясни толком, ради Бога! — умоляла она, силясь отнять руки от лица рыдающего Гиршфельда.

— Я тебя разорил! — прошептал он.

— Меня? — побледнела она даже под румянами.

— Тебя, моя дорогая, ненаглядная, тебя, за которую я готов отдать всю жизнь, у ног которой я готов умереть, и я умру, умру, мне ничего больше не остается делать.

Быстрым движением вынул он из кармана револьвер и приставил его к виску.

— Несчастный, что ты делаешь? — вскрик-

нула она, бросилась к нему и с силою выхватила из его рук револьвер.

— Дай мне умереть здесь, около тебя, не гони!.. — продолжал Николай Леопольдович, казавшийся совершенно обессиленным.

Слезы градом лились из его глаз.

— Кто тебя гонит?! Ты сошел с ума! Успокойся, говори толком. Твоя жизнь дороже мне всех моих денег. Неужели ты этого не знаешь, безумный!

Он схватил ее руки и покрыл их поцелуями, орошая слезами. Она стала перед ним на колени и обвив его голову руками, начала целовать его в заплаканные глаза.

— Милая, дорогая, хорошая! — шептал он.

— Успокойся же, мой милый, и расскажи в чем дело! — нежно сказала она, встала и налила ему стакан аршаду — напиток, который она пила постоянно вместо воды.

Николай Леопольдович выпил и отер слезы.

— У меня было куплено на триста две тысячи твоих денег акций этого проклятого Ссудного банка, который вдруг рухнул.

— Боже мой! Какое несчастье!

— Несчастье! — горько улыбнулся он. — Хуже — позор! Позор для меня, не предусмотревшего этот крах. До последнего дня они шли на бирже на повышение и вдруг...

Гиршфельд снова зарыдал.

— Значит нельзя было и предусмотреть, это просто несчастье и никакого нет позора! — мягко начала она, увидав, как принял он к сердцу вырвавшееся у нее восклицание.

— Нет, нет, позор, я не перенесу того, что заставил безумно любимую мною женщину потерять такую сумму.

— Не убивайся, дорогой, а лучше скажи, что делать? — уже совсем нежно прервала его она.

— Что делать? Ничего. Умереть!

— Опять за свое.

Она заставила выпить его еще стакан аршаду.

— И неужели мы ничего по ним не получим?

— Ничего, я уже собрал эти дни справки; впрочем, может быть, это дело суда, но питать какие-либо надежды не следует.

— А деньги княжны? — вдруг спросила

княгиня. Нельзя ли перевести на ее имя мои акции, хоть тысяч сто.

— Нельзя! — покачал головой Николай Леопольдович.

— Почему?

— Она потеряла на этих же акциях все свои двести тысяч.

Губы Зинаиды Павловны сложились в нечто, похожее на улыбку.

— А деньги сына? — с дрожью в голосе продолжала она.

— Целы, слава Богу, все до копейки. Есть даже лишних, тысяч сто, или около этого.

— Сколько же теперь осталось у меня денег?

— Немного более полутораста тысяч, ведь ты знаешь, что ты брала из капитала.

— Но ведь это нищета, мне нечем будет жить, придется уехать в деревню! — с отчаянием сказала она.

Он вздрогнул.

— Нет, не придется, не придется даже ни в чем стеснять себя.

Она вопросительно посмотрела на него.

— За кого же ты меня принимаешь?

Неужели ты думаешь, что я когда-нибудь позабуду, что ты спасла мне жизнь? Я твой раб и работник до гроба. Я отказываюсь, во-первых, от моего жалованья, а во-вторых — я много зарабатываю и теперь, я надеюсь на большее — я буду выплачивать тебе проценты на потерянные по моей оплошности деньги и понемногу погашать капитал. Значит, ты, если бы я не сказал тебе все откровенно, и не догадалась бы о потере. Все должно идти по-прежнему. Если ты не согласишься, я покончу с собой, если не здесь, так в другом месте.

— Милый, хороший, — обняла она его, — согласна! Мне ведь и деньги-то нужны для того, что быть с тобой, нравиться тебе. Конечно, я привыкла к роскоши, привыкла мотать, но что же делать, это вторая натура.

— И тебе не надо будет ее насиловать.

— После моей смерти ведь все же твое. Сын достаточно богат, что я о нем заботилась. Я хотела даже переговорить с тобой о завещании в твою пользу.

— Не надо, не надо, не смей и думать об этом! — заволновался Николай Леопольдо-

вич.

— Почему? — удивилась она.

— А потому, что после твой смерти мне никаких денег не нужно: я тебя не переживу. Я живу и дышу только тобой! — привлек он ее к себе.

— О чем же было убиваться? На наш век хватит, а после нас… Apres nous le déluge! — улыбнулась разнежившаяся княгиня.

— Я попрошу тебя только об одном, — спокойным голосом начал он, — не говори ничего княжне, что она потеряла все свое состояние.

— А разве ты ей не скажешь! Положим, теперь ее нет дома, она собиралась куда-то выехать после обеда, но завтра…

Николай Леопольдович, как бы невзначай, вынул часы: приближался час назначенного с княжной свидания.

— Нет, я постараюсь возвратить ей эти деньги. У меня есть несколько дел с крупным гонораром в будущем. Еще неизвестно, как взглянет на все это она и ее доктор, с которым она переписывается чуть не каждый день. Могут поднять историю и скомпрометиро-

вать меня. Ты, конечно, этого не захочешь?

— Хорошо, — согласилась она, — я не скажу ей ни слова.

Ей было это очень неприятно. Разделение общего горя с близким человеком умеряет его тяжесть. Сознание, что другой близкий человек также несчастлив, составляет почему-то сладкое утешение в несчастьи. Недаром говорит пословица; на людях и смерть красна.

Успокоившийся мало-по-малу Николай Леопольдович просидел еще около получаса с княгиней, рассыпаясь перед ней в благодарности и признаниях в вечной страстной любви и, наконец, уехал, совершено обворожив ее своим рыцарским благородством и чувствами.

Револьвер она ему не отдала.

— Я сохраню его на память об этом, сказали бы многие, несчастном, а для меня счастливейшем дне моей жизни, когда я вполне узнала и оценила тебя... — сказала она, обнимая его в последний раз.

«Хороший револьвер! Двадцать два рубля стоит», — думал Гиршфельд, усаживаясь в сани.

XIV
Выгодный денек

Княжна уже более получаса ожидала Николая Леопольдовича.

Входя на лестницу квартирки, в переулке, прилегающем к Пречистенке, он придал себе снова расстроенный вид.

— Я думала, что ты уже совсем не приедешь... — встретила его Маргарита Дмитриевна.

— Дела задержали, нас постигло большое несчастье.

— Какое? — побледнела она.

— Мы потеряли в акциях этого проклятого банка двести тысяч рублей. Я после разговора с тобой о деньгах, оставшихся после сестры, поместил их в эти бумаги, увлекшись их быстрым повышением на бирже. Они стояли твердо до последнего дня, когда вдруг банк лопнул и ворох накануне ценных бумаг превратился в ничего нестоящую макулатуру. Я сначала этому не верил, но сегодня получил точные справки.

— Значит, я потеряла все мои деньги! — с отчаянием в голосе крикнула княжна и буквально упала в одно из кресел.

На губах Николая Леопольдовича появилась злая усмешка.

— Ничуть, — начал он, отчеканивая каждое слово, — я потерял мои деньги, если ты не хочешь принять первую мою редакцию: «наши». Твои деньги я могу возвратить тебе хоть завтра все до копейки.

— Виновата, я обмолвилась! — смешалась она.

— Я бы просил тебя так на будущее время не обмолвливаться, если ты хочешь продолжать вести со мной наше дело! — тем же резким тоном заметил он.

— А княгиня, она, конечно, ничего не потеряла! — переменила она разговор, подчеркнув слово «конечно».

Николай Леопольдович понял шпильку и улыбнулся.

— Конечно, ничего, но это не помешало мне быть сейчас у нее и уверить ее, что она потеряла на акциях этого банка триста две тысячи рублей. Таким образом, мы нажили

на этом деле сто две тысячи. Надеюсь, что в этом случае ты ничего не будешь иметь против этого «мы»? — в свою очередь уколол он ее.

— Какой ты злой! — улыбнулась она, совершенно успокоенная.

— Как же приняла это известие княгиня? — спросила она, когда Гиршфельд сел в кресло.

В коротких словах передал он проделанную им у княгини сцену с револьвером.

Княжна смеялась от души.

— Можно было проделать тоже самое и с частью денег князя Владимира, — сообразила она вслух.

— Нет, моя дорогая, нельзя, да и не зачем. Поспешишь — людей насмешишь, совершенно справедливо говорит русский народ. Княгиня очень боится опекунской ответственности. Деньги князя от нас не уйдут, но надо их заполучить в собственность с умом и осторожно. Подумаем — надумаемся.

Князь Владимир, громадный капитал которого служил предметом страстных вожделений и упорных помышлений этих двух совре-

менных бандитов, уже несколько лет как вышел из реального училища Вознесенского. Провалившись на экзамене после двухлетнего пребывания в одном и том классе, он, по правилам училища, должен был оставить его. Княгиня отдала его в другой московский пансион, где он стал готовиться для поступления в Александровское военное училище. Из тщедушного черномазенького мальчика он превратился в высокого, не по летам худого долговязого юношу. Ему шел семнадцатый год. У матери он бывал лишь по праздникам и то не на долго, проводя свое время с товарищами в далеко не детских удовольствиях. Ранние кутежи и попойки наложили на его лицо свой роковой отпечаток. Цвет его лица был зеленовато-бледный, глаза горели каким-то лихорадочным огнем. Учился молодой князь очень плохо, но в том пансионе, где он находился, мало обращали внимания на успехи в науках сынков хорошо платящим богатых родителей и несмотря на это, все питомцы этого заведения, пробившие в нем несколько лет баклуши, всегда попадали каким-то чудом в те специальные заведения, куда готовились. В са-

мом пансионе юношам была предоставлена полная свобода действий. Уходили они из заведения и возвращались в него не спрашиваясь ни у кого. Великовозрастным ученикам такие порядки были на руку, и это оригинальное учебно-воспитательное заведение сделалось убежищем всех изгнанных из других училищ маменькиных сынков. Князь Владимир был кумиром своих кутящих товарищей. Хотя княгиня давала ему очень небольшие карманные деньги, но его главным тароватым казначеем был Гиршфельд, а потому юный князь всегда имел в своем распоряжении, сравнительно с другими своими товарищами, довольно крупные суммы, которые и тратил с княжескою щедростью. Николай Леопольдович поставил себя с молодым князем на дружескую ногу, выслушивал с интересом его похождения, пикантные анекдоты, заводил сам разговор на те или другие игривые темы, извращая еще более уже и так испорченное воображение юноши, не сдерживая его, но, напротив, толкая вперед по скользкому пути кутежа и разврата, иногда даже и сам принимая в этих княжеских куте-

жах благосклонное участие. Они были даже на ты. Молодой князь был без ума от своего друга и руководителя элегантного адвоката, и мечтал о том времени, когда, достигнув совершеннолетия, он, в гвардейском мундире, будет кутить вместе с Гиршфельдом в Петербурге, куда он стремился всей душой. Зинаида Павловна была в восторге от такой близости ее сына к ее любовнику. Николай Леопольдовича смотрел на юношу как на будущего своего выгодного клиента, который возвратит ему сторицею те сравнительно небольшие суммы, которыми он покупал восторженную любовь молодого князя.

Беседа Гиршфельда с княжной Маргаритой продолжалась уже в более миролюбивом духе. Николай Леопольдович сказал ей, чтобы она ни единым словом не проговорилась княгине о том, что она знает о потере всего своего состояния, передав ей свой разговор с Зинаидой Павловной по этому поводу.

— Я надеюсь получить от нее на твою долю хоть малую толику! — заметил он.

Наконец княжна уехала, во всем согласившись со своим сообщником. Николай Лео-

польдович завернул на минуту в квартиру Петухова.

— Самого, конечно нет? — спросил он, не снимая шубу, у вышедшей в переднюю жены Николая Ильича.

Вездесущего репортера дома не оказалось.

— Попросите его зайти ко мне завтра утром на квартиру! — сказал он ей.

— Хорошо-с, хорошо-с, непременно передам, — торопливо ответила Матрена Семеновна (так звали жену Петухова).

Это была безличная, худенькая, бледная женщина. Николай Леопольдович простился с ней, быстро сбежал с лестницы, бросился в сани и крикнул кучеру.

— Домой!

Лошади понеслись.

Он вздохнул полною грудью.

— Уф, даже устал, — прошептал Гиршфельд, — но и хороший за то выдался мне сегодня денек.

День в самом деле был для Николая Леопольдовича выгодный — он нажил ни более, ни менее как полмиллиона и превратил княжну Маргариту Дмитриевну Шестову в

свою содержанку, приковав ее к себе самою, по его мнению, надежною цепью — денежной.

XV
Живоглот

Московский Демосфен таким образом был прав, сказав, что княгиня и княжна Шестовы потеряли на акциях Ссудно-коммерческого банка полмиллиона. Надо, впрочем, заметить, что у Николая Леопольдовича, создавшего из своих легковерных доверительниц таких крупных потерпевших по грандиозному делу, не было в его несгораемом сундуке ни одного экземпляра акций лопнувшего банка. По счастливой случайности, он в нем даже не держал никогда и вкладов. Надо было добыть нужные бумаги на громадную, заявленную княгине и княжне, сумму. Для того-то Николай Леопольдович и вызвал к себе Николая Ильича Петухова. Последний утром следующего дня не заставил себя ждать. Как только Гиршфельд проснулся, ему доложили, что в приемной дожидается Петухов. До нача-

ла адвокатского приема оставался еще слишком час, и Николай Леопольдович, приказав подать себе и явившемуся гостю чаю, велел позвать ее в спальню, а сам продолжал лениво потягиваться в своей роскошной постеле, Через несколько минут в дверях спальни появилась робко ступавшая по мягкому ковру своей бархатной походкой фигура Николая Ильича.

Это был невысокий, плотный мужчина с сильно поседевшими когда-то черными волосами, которые обрамляли на голове довольно густой бахромой громадную, почти во весь череп лысину, а над губами и на подбородке образовали усы и французскую бородку. Щеки были не особенно тщательно выбриты. Цвет лица и громадной лысины был сплошь темно-красноватый, что смягчало резкость этого же цвета на носу, указывавшем на нередкое поклонение его владельца богу Бахусу. Одет он был в черный, сильно потертый сюртук, из-под которого виднелись брюки с лоснящимися коленками и сильно обитыми низками, лежавшими на порыжевших сапогах. В красных, грубых руках с короткими

пальцами он держал мягкую войлочную шляпу.

Таков был репортер Петухов.

На всех встречавшихся с ним первый раз Николай Ильич своей фигурой, своим внешним обликом производил впечатление человека, прошедшего, как принято говорить, огонь и воду и медные трубы. Это первое впечатление и не было ошибочным. До того времени, когда он сам пристегнул себя к русской журналистике, сначала в качестве газетного отметчика полицейских происшествий, а затем кропателя сценок, рассказов и даже фельетониста, Петухов прошел массу разнообразных специальностей, перепробовал много разнородных занятий. Начал он свою карьеру сидельцем питейного заведения во времена канувшего в вечность откупа, содержал потом, сколотив на этой скромной должности небольшой капиталец, свой маленький трактир, но прогорел вскоре на этом предприятии. От юности своей любил Николай Ильич водить компанию с ученою молодежью и этато ученая молодежь; — студенты, сообщившие некоторый лоск и даже некоторую долю

знаний любознательному сыну народа, помогли ему выпустить в трубу его скромное заведение, где им был открыт широкий кредит, который они, само собою разумеется, не оправдали. В Москве было много лиц судебного персонала и присяжных поверенных, которые во времена своего студенчества водили с Петуховым компанию и были виновниками быстрого закрытия его трактирчика. Около года провел Николай Ильич в страшной борьбе с наступившей нищетой. К этому времени относится и эпизод из его жизни, о котором он не любил вспоминать. Он, под гнетом безвыходного положения, решился изображать в одном из балаганов под Новинским на масляннице дикого человека, причем загримированный индейцем, на глазах публики глотал живую рыбу, терзал и делал вид, что ест живых голубей. Какая-то пьяная купеческая компания случайно разоблачила обман, сильно избила доморощенного индейца, а затем накачала его водкой на мировую, и с тех пор среди купечества за ним осталась кличка «живоглот», за которую он очень сердился. К концу этого злополучного года, он решился сделать-

ся литератором. Он начал писать мелкие заметки из московской жизни и в особенности из нравов знакомого ему, по прежней деятельности, серого московского купечества. Написал и издал даже томик своих «питейных» стихотворений. Он обладал природной наблюдательностью, писал языком понятным для массы и имел среди выходящих из нее невзыскательных читателей сравнительный успех. Это был своего рода самородок и самородок не без таланта.

Одним из препятствий на избранном им литературном поприще служила его полуграмотность. Остряки рассказывали, что он в слове «еще» ухитрялся делать четыре ошибки и писал «есче». Ненавистную ему букву «е» он на самом деле совал всюду, и даже слово «пес» писал через нее, что послужило поводом для одного московского юмористического журнала ответить ему в почтовом ящике: «собаку через „е“ пишете, а в литературу лезете». Николай Ильич, однако, не унывал, а лез и влез. Много терний пришлось ему встретить и на этом новом пути. Обличенные им купцы не оставались в долгу и не раз бивали они

«литератора», мазали ему лысину горчицей и проделывали с ним всевозможные штуки, подсказанные пьяною фантазией расходившихся самодуров. Николай Ильич стоически переносил эти «неприятности писателя» и шел неуклонным путем обличений.

Купцы присмирели, стали даже его побаиваться и охотно платили ему контрибуцию под угрозой магического слова: «пропечатаю». Юная, едва окрепшая гласность была тогда еще для многих страшным пугалом. Это было темное прошедшее Николая Ильича.

В то время, к которому относится наш рассказ, Петухов был уже фельетонистом, хотя и не покидал выгодной репортерской деятельности. Он издал книжку своих рассказов и имел довольно громкое имя в газетном мире, сделался заправским литератором, что, впрочем, не мешало ему собирать дань с купечества, но сравнительно более крупную. На Нижегородской ярмарке, которую он посещал ежегодно, с ним случались, как носились слухи, подчас прежние «неприятности» и дружеские столкновения между ним и обличаемыми, но они кончались выгодным для «литера-

тора» примирением и не предавались гласности. Купцы любили Николая Ильича. Он подходил к их пьяным вкусам, умел позабавить компанию. Вся Москва была ему знакома. Со всем купечеством, со всей полицией он был на дружеской ноге.

Светлою чертою в личности Николая Ильича была его любовь к семье, состоящей из знакомой нам жены и двух детей, сына и дочери, из которых первый учился в гимназии. У него же жила свояченица, сестра жены, старая дева, заведывающая его маленьким хозяйством, так как его жена была болезненной женщиной, постоянно лечившейся.

Николай Ильич нес все свои доходы в дом, отказывая себе, во всем, даже в приличном костюме. Доходы эти были не из крупных, а потому Петухов не брезговал заработать лишний рубль и на других, до литературы отношения неимеющих, делах.

Заветною его мечтою было сделаться когда-нибудь «ледахтором», как своеобразно произносил он это слово.

XVI
Странное поручение

— Будущему редактору! — приветствовал Николая Ильича Гиршфельд, протягивая руку из-под одеяла.

Он знал его слабую струнку.

Тот сложил губы в почтительную улыбку и благоговейно дотронулся до руки адвоката.

— Николаю Леопольдовичу, как ваше драгоценное?

— Ничего, живем хорошо, ожидаем лучше.

— Подавай вам, Господи. По делу-с изволили требовать?

— Да, по делу, по большому делу.

— Все, что в силах, сделаем. Для вас, вы знаете, в огонь и в воду.

— Знаю, знаю, и кажется, меня нельзя упрекать в неблагодарности и на будущее время я плательщик хороший.

— Истинное слово сказали. Отсохни у меня язык, если я осмелюсь противоречить.

— Проведете это дело хорошо и вам будет хорошо.

— В чем же дело-то-с? — навострил уши Петухов.

— Мне надо добыть акций Ссудно-коммерческого банка иа пятьсот две тысячи рублей.

Николай Ильич вытаращил глаза.

— Это вам зачем же-с? Ведь они теперь медного гроша не стоят.

— Надо. Если говорю, значит надо.

Петухов задумался.

— Купить хотите? — вопросительно поглядел он.

— Ну, да, конечно, купить, но только купля купле рознь. Если я объявлю, что намерен купить акций на полмиллиона, то дела рухнувшего банка могут поправиться и ничего не стоящие сегодня бумаги, завтра пойдут в гору.

— Пожалуй, что так! — согласился Николай Ильич.

— Конечно, так, но этого мне не надо. Мне желательно приобрести их по возможно сходной цене. Смотря по цене, вы получите с каждой штуки комиссионные — я уж не обижу. В счет могу дать вперед сотняжку.

Петухов просиял было, но вдруг лицо его омрачилось.

— Задача не легкая, — покачал он головой, — как приступить к делу и не придумаешь.

— С умом, батенька, приступить надо, под строгим секретом. Прежде всего протрубить в газетах, что акции эти ничего не стоять, что по ним не будет ничего получено, а потом понемногу начинать скупать, направляя желающих продать к Вурцелю. Он в своем кабинете эти дела и обделает. Знакомство у вас есть. Каждого продавца надо припугнуть, чтобы он держал эту продажу в тайне, а то-де собьют цену. Теперь благо еще паника не прошла. Поняли?

— Понял-с, понял-с, и золотая у вас голова-с! — улыбался во весь рот Николай Ильич.

— Значит, по рукам.

— По рукам-с! — протянул он ему свою красную руку. Тот ударил по ней своею.

Лакей внес чай и удалился.

Петухов сидел на кончике стула и пил с блюдечка, по-купечески. Он, видимо, погружен был в обдумывание порученного ему дела.

Николай Леопольдович, наскоро выпив

свой стакан, вскочил с постели, надел шитые золотом туфли, накинул бархатный темно-синий халат, вынул из под подушки связку ключей и прошел в кабинет.

От задумавшегося Николая Ильича не ускользнул звук отпираемого железного шкафа и шелест ассигнаций. По его лицу разлилась довольная улыбка. Замок шкапа щелкнул и в спальне снова появился Гиршфельд.

— Вот вам и авансик! — подал он Петухову радужную.

— Очень вам благодарен! — вскочил тот на ноги и даже присел от удовольствия.

Быстро спрятал он бумажку в боковой карман сюртука.

— Так действуйте осторожно, но возможно скорей... — заметил Гиршфельд тоном, дающим знать, что аудиенция кончена.

— Рад стараться, — осклабился Николай Ильич и стал прощаться.

После его ухода Николай Леопольдович оделся. Начался прием, а по его окончании он поехал в «Кабинет совещаний и справок», помещавшийся в одной из отдаленных улиц Москвы. Приказав своим лошадям проехать

за ним прямо в окружный суд, он нанял извозчика. Подъехав к неказистому деревянному домику он не вошел в подъезд, над которым красовалась вывеска «кабинета», а проскользнул в калитку, ведущую во двор.

Поднявшись на лестницу черного хода, он постучал в обитую зеленой клеенкой с оборванным по краям войлоком дверь.

На его стук дверь отпер сам Андрей Матвеевич Вурцель, уже пожилой человек, с седыми щетинистыми усами и небритым несколько дней подбородком, одетый в засаленный военный сюртук без погон.

Посещение Николая Леопольдовича с заднего крыльца, видимо обычное и нередкое, ничуть не удивило Вурцеля.

Он почтительно принял блестящего адвоката и проводил его в комнату, служившую ему кабинетом и спальней, плотно притворив дверь, ведущую в переднюю половину квартиры, где помещалась контора.

Гиршфельд, сбросив свою дорогую шубу на постель Андрея Матвеевича, в коротких словах объяснил ему цель своего посещения и предстоящую ему деятельность по скупке ак-

ций лопнувшего банка.

Вурцель серьезно выслушал Николая Леопольдовича. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Он не выразил ни малейшего удивления странной фантазии своего патрона.

— Хорошо, это нужно будет аккуратно оборудовать! — ответил он деловым тоном.

— Пожалуйста, уж постарайтесь! — пожал ему на прощанье руку Гиршфельд и, накинув шубу, вышел тем же путем.

В числе экипажей, стоявших на круглом дворе здания судебных установлений, стояли уже и его американские сани. В суде он старался и сам распространять известие, что по акциям лопнувшего банка получить будет ничего нельзя. Он с удовольствием узнал, что почти все разделяют это мнение. Разговор коснулся потерпевших лиц, имевших капитал именно в акциях. Он назвал своих доверительниц и крупную сумму их потери. Это произвело сенсацию между адвокатами. Они с завистью посматривали на поверенного таких крупных потерпевших. В числе потерпевших назвали, между прочим, директора реального училища Константина Николаевича

Вознесенского, потерявшего на акциях около двадцати тысяч.

— Это потеря части нажитых упорным и усидчивым трудом денег, — заметил рассказчик.

Гиршфельд посмотрел на часы. Был второй час в начале. В голове его мелькнула мысль. У него явилось страстное желатине купить потерянное расположение этого человека. Он не допускал и мысли, чтобы что-нибудь на свете было не покупное. Сознание, что этот, когда-то протежировавший ему, его бывший учитель брезгливо отвернулся от него и при встрече обдаст его как бы ледяною водою холодной сдержанностью, до боли уязвляло его самолюбие. Он понимал, что этот человек имеет на то свои уважительные причины, зная мутный источник его настоящего благосостояния, его жизненного успеха, и это усугубляло горечь этого сознания. Хотя ему не пришлось ничем убедиться, что Константин Николаевич каким-нибудь лишним словом выдал известную ему тайну успеха его карьеры, но все-таки эта тайна в руках недружелюбно относившегося к нему уважае-

мого в Москве лица пугала его.

«Я предложу ему половину номинальной цены за эти ничего не стоящие бумаги. Не будет же он так глуп, что откажется!» — размышлял он, выходя из суда и садясь в сани.

Он приказал кучеру ехать на Мясницкую.

«Раз он согласится и продаст мне акции, он поймет, что я сделал это единственно из расположения к нему, из бескорыстного желания деликатно принять на себя половину потери им трудовых денег, из благодарности за прошлое. Он оценит это, и этот великодушный поступок с моей стороны не позволит ему говорить обо мне дурно, если бы даже у него явилось это желание. Он будет куплен сделанным ему благодеянием».

В этих размышлениях он и не заметил, как пара его рысаков повернула на двор реального училища.

XVII
Неподкупный

Входя в подъезд училища, у Николая Леопольдовича мелькнула мысль о той разнице, которая была в его настоящем визите и визите к тому же Вознесенскому четыре года тому назад. Тогда он шел за благодеянием, теперь он сам являлся благодетельствовать. Самодовольная улыбка мелькнула на его губах. Он небрежно кинул тому же швейцару училища:

— Константин Николаевич дома?

Вознесенский оказался дома. Тот же, как и тогда, так по крайней мере ему показалось, лакей, выбежав на звонок швейцара, проводил его в знакомую уже нам приемную и попросив подождать, побежал доложить о посетителе. Николай Леопольдович остался ждать.

Он сел в тоже кресло, на котором четыре года назад гадал на пальцах о том, даст ли ему взаймы Константин Николаевич шестьсот рублей. Он вспомнил об этом обстоятель-

стве и улыбнулся.

«Теперь я приехал подарить ему чуть не десять тысяч. Загадать разве, возьмет, или не возьмет?»

Он загадал. Пальцы, как и тогда, не сошлись.

— Какое ребячество! — сказал он вслух.

В голосе его, однако, послышалось смущенье. Константин Николаевич не проявлялся. Он стал пристально смотреть на опущенную портьеру двери кабинета. Из этой самой двери, четыре года тому назад, впервые он увидел выходящею княгиню Зинаиду Павловну Шестову. Ему так живо представилась эта сцена, что он машинально вскочил с кресла и отошел в амбразуру окна, как это сделал тогда. Константина Николаевича все не было.

Гиршфельд стал нервно расхаживать взад и вперед по приемной, то садился в кресло, то снова вставал.

Наконец, портьера зашевелилась, поднялась и на пороге двери кабинета появился Вознесенский. С любезной, но холодной улыбкой на губах он сделал несколько шагов к Гиршфельду, смотря на него вопроситель-

но-недоумевающим взглядом своих выразительных глаз и подал ему руку.

Тот крепко пожал ее, но не ощутил ответного пожатия.

— Чем могу служить? — указал он ему рукой на кресло. Прошу садиться.

Николай Леопольдович положительно опешил от такого приема и смущенный опустился в кресло. Вознесенский сел на другое и молчал, продолжая вопросительно глядеть на посетителя. Произошла томительная для Николая Леопольдовича пауза.

— До меня дошли сведения, — начал он с заметною дрожью в голосе, — что вас постигло несчастье.

— Какое? — удивленно уставился на него Вознесенский.

— Вы, как я слышал, потеряли на акциях Ссудно-коммерческого банка довольно крупную сумму денег?

— Ах, вы об этом. Действительно, я потерял около восемнадцати тысяч.

— Для вас это должно быть чувствительно?

— Не скажу, что нет, так как это почти по-

ловина отложенных на черный день моих денег, нажитых честным трудом.

Последнюю половину фразы Вознесенский подчеркнул. Гиршфельд было смутился, но овладел собою.

— Я приехал предложить вам продать мне эти акции.

— Продать... вам?.. — медленно произнес Вознесенский.

— Да, мне!

— Но ведь они в настоящее время ничего не стоять, и будут ли стоить, покажет будущее. Многие утверждают, что по ним ничего нельзя будет получить и по суду. Вклады, вот дело другое.

Николай Леопольдович хотел было подтвердить это мнение, но во время сдержался.

— Я бы мог выдать вам за них наличными половину их номинальной стоимости.

Вознесенский пристально посмотрел на него.

— Я вас немножко не понимаю, — начал он, и в голосе его зазвучали металлические ноты, что служило признаком величайшего раздражения. — Если вы скупаете эти акции

для барыша и уверены, что получите по ним после суда более предлагаемой вами продавцам цены и правы, то это для меня не выгодно. Если же вы разделяете мнение многих опытных юристов, что эти акции не стоят ничего, то, значит, вы предлагаете мне подарок. Я не допускаю последнего предположения, так как это было бы с вашей стороны слишком смело, чтобы не сказать более. Во всяком случае, я от такой сделки отказываюсь.

Константин Николаевич встал и посмотрел на часы, давая этим понять, что ему нет времени для продолжения беседы.

Николай Леопольдович совершенно растерялся от такого оборота дела.

— Извините... я полагал... что в память прошлого... вы примете... услугу... — бессвязно забормотал он.

— В ваш прозаический, реальный век денежных услуг в память прошлого не оказывают. Это, я полагаю, ваше мнение, как блестящего представителя нашего века... — отрезал Вознесенский.

В голове его звучала явная насмешка.

— В таком случае, до свиданья! — прогово-

рил уничтоженный Гиршфельд.

— Прощайте! — ледяным тоном произнес Константин Николаевич, сделал кивок головой и, не подав Николаю Леопольдовичу руки, скрылся за портьерой.

Гиршфельд остался в приемной один.

— Дурак... — прошипел он вслед Вознесенскому.

Бессильная злоба душила его. Не помня себя, прошел он коридор, спустился по лестнице и бросился в сани.

— Домой! — злобно крикнул он кучеру.

Морозный воздух освежил его.

— Дурак, гордец! — продолжал он ругаться сквозь зубы.

«Была бы честь предложена, а от убытка Бог избавил!» — вспомнилась ему поговорка.

На этой мысли он успокоился. Вдруг лицо его снова омрачилось.

«А что как и другие продавцы акций зададутся мыслью, что их скупают из-за барыша и поднимут цену?»

Эта мысль страшно встревожила его.

«Нет, Вурцель и Петухов сумеют обделать это дельце аккуратно, не возбудя подозре-

ний…» — гнал он ее от себя.

Он не ошибся в своих верных помощниках! Через месяц, согласно продиктованному Гиршфельдом Петухову плану, нужное количество акций было скуплено за ничтожную цену, поштучно. Вурцель и Петухов получили хороший куртаж. Гиршфельд прекратил покупку акций и стал принимать их лишь по доверенностям. Получил он также несколько клиентов, потерявших крупные суммы на вкладах. Во всеоружии, со значком присяжного поверенного, полученным за неделю до второго заседания по делу банка (на первом слушание дела было отложено), явился Николай Леопольдович Гиршфельд в залу судебных заседаний, где мы застали его в начале второй части нашего правдивого повествования.

XVIII
Последний заговор

Прошло около года. Дело Ссудно-коммерческого банка, доходившее до сената, окончилось давно. Обвинены были только трое: Полянский, Ландау и Струсберг, из которых лишь первый понес существенное наказание и пошел в Сибирь; Ландау бежал, как говорили, в Америку, а железнодорожный король Беттель Струсберг по приговору суда был выслан заграницу. «Русский суд осудил меня на свиданье с тобою», писал он своей жене в Берлин. Претензии гражданских истцов, как пророчил петербургский редактор, остались неудовлетворенными «до вечности». По акциям, как и предсказывали, не получили ничего, по вкладам — тридцать копеек с рубля, или что-то в роде этого.

Княгиню Зинаиду Павловну такой исход этого дела страшно поразил, так как она, несмотря на то, Гиршфельд, как мы видели, объявил ей прямо, что деньги потеряны безвозвратно, все-таки надеялась. Благодаря от-

части этой надежде, она подарила княжне Маргарите пятьдесят тысяч рублей и обещала после своей смерти отказать ей полтораста, когда та, узнав как бы случайно о потере ею всего ее состояния, подняла крик, что будет жаловаться на Гиршфельда и сотрет его с лица земли.

Николай Леопольдович, по наущению которого княжна и продела всю эту историю, бледный, убитый умолял княгиню спасти его, вступив с «шальной княжной», как он называл Маргариту Дмитриевну, в какой-нибудь компромисс. Княгиня, жалея своего любимца, согласилась. Эти деньги, конечно, перешли в безотчетное распоряжение Гиршфельда.

Когда исход банковского дела окончательно выяснился, она, надо сказать правду, раскаялась, но ничем не выдала этого перед ним.

— Хорошо еще, что я не сделала тогда завещания, а только обещала! — утешала она себя.

Потеряв таким образом большую часть своего состояния, княгиня, несмотря на то, что Николай Леопольдович, верный своему слову, продолжал выдавать ей крупные сум-

мы по первому ее требованию, оплачивал баснословные счета всех ее поставщиков, не делая даже ни малейшего намека на желательное уменьшение ее бешеных трат, все-таки стала беспокоиться и внимательнее следить за действиями своего поверенного и с видимым колебанием, но пока еще без явного протеста подписывала опекунские отчеты. Такая перемена в его доверительнице, конечно, не ускользнула от зоркого Гиршфельда.

«Надо с ней покончить, а то доживешь до беды!» — стала мелькать мысль у него в голове.

«Да и младшая дорогонько обходится, так через несколько лет она все растранжирит и я сыграю в пустую. Надо бы и с ней развязаться!» — продолжал он варьировать свою мысль.

«Как?» — восставал в его уме вопрос.

Он стал обдумывать последний страшный план. Это было в конце февраля.

Незаметно прошел месяц. Были последние числа марта. Княгиня объявила Гиршфельду, что контракт на дачу в Петровском парке возобновлять не надо, так как она решила прове-

сти это лето в Шестове.

— Это будет и экономнее! — уколола она его.

Он сперва смутился этим ее решением, но затем успокоился и подумал:

«Тем лучше, можно с ней покончить там».

Составление рокового плана все еще не покидало его, но план как-то не укладывался в голове, хотя он уже сделал некоторые приготовления. Однажды он сидел в своем кабинете и ожидал приближения часа, назначенного для свидания с княжной Маргаритой. Ехать ему еще было рано. Оставалось более получаса. Он вспомнил, что ему надо отыскать какую-то нужную бумагу, отпер средний ящик письменного стола и вынул оттуда целый ворох документов. Вдруг что-то звякнуло. Перед ним на столе лежал ключ от первого номера гостиницы «Гранд Отель» в Т., украденный им более пяти лет тому назад.

— Эврика! — хлопнул он себя по лбу, сунул обратно в ящик вынутые бумаги, запер стол и взяв ключ, начал его рассматривать.

Он что-то обдумывал. Наконец, положив ключ в карман, он несколько раз прошелся по

комнате и взглянул на часы.

— Пора! — сказал он вслух, подошел к железному шкапу, отпер его и, вынув из него маленький пузырек синего стекла с завернутым тщательно замшей горлышком, положил его в жилетный карман.

— Да, да, так будет хорошо! — говорил он сам себе, спускаясь с лестницы.

Маргарита Дмитриевна уже ждала его в их квартирке.

— Ну-с, надо с нею покончить! — объявил он ей после взаимных приветствий.

— Наконец-то! — со злобною радостью произнесла она. — Ты, конечно, обдумал, как это сделать, чтобы для нас было безопасно? — продолжала она уже несколько упавшим голосом.

— Ты отравишь ее.

— Я! — прошептала она.

В этом шепоте послышалась овладевшая ею вдруг робость. Она побледнела.

— Да, ты! Кто же может это сделать иной, не возбудив подозрений. В этом пузырьке заключается сильнейший яд, две, три капли его, влитые в стакан аршада, смертельны. В

аршаде он незаметен на вкус, так как пахнет тоже миндалем.

Он подал ей маленький синий пузырек. Она взяла его. Руки ее тряслись. Она видимо боролась с волнением.

— Когда и где? — чуть слышно спросила она.

— В Т., в первом номере гостиницы «Гранд Отель». Я заставлю ее написать здесь расписку в принятии от меня всех, как ее личных, так и опекунских сумм и взять ее с собою в Т., под предлогом сдачи мною дел там. Она приедет туда с вечерним поездом, устанет и рано ляжет спать. Ты останешься около нее. Она вечером много пьет. Ты подашь ей стакан отравленного аршаду. Смерть наступит моментально. Тогда ты возьмешь из ее сумки бумагу, вынешь ключ из двери номера и положишь его ей под подушку, а затем осторожно и незаметно уйдешь.

Он говорил с лихорадочною поспешностью.

— А дверь останется открытой? — спросила она, уже с холодным вниманием слушая своего сообщника.

— Нет, ты запрешь ее вот этим ключом, — подал он ей, вынув из кармана, ключ. — Он от того же номера и случайно попал мне в руки, когда я был в Т., в день смерти твоего отца.

Она спокойно взяла ключ и опустила его в карман.

— Куда же я уйду? — задала она вопрос.

Он стал в тупик. Эта простая мысль не приходила ему в голову. Он почувствовал, что у него из под ног ускользает почва. Задуманный план рушился. Он глядел на ее с видом утопающего, которому не за что ухватиться. Она поняла его.

— Мне надо поехать в Т. ранее, тем более, что для этого есть прекрасный предлог. Баронесса Фальк, каждую зиму бывая в Москве, заезжала к нам и приглашала меня гостить к ней. Я могу теперь сделать ей это удовольствие.

Он схватил ее обе руки и покрыл их горячими поцелуями.

— Ты умнее всех женщин на свете! — восторженно повторял он. — Это гениальная мысль!

Она самодовольно улыбнулась.

— Значит, ты по телеграмме княгини встретишь ее на вокзале, сделаешь все то, что я говорил, и возвратишься в губернаторский дом.

— А ты? — перебила его она.

— Я выеду вслед за княгиней с тем поездом, который приходит в Т. утром, сойду на предпоследней станции и проеду на лошадях в пригородный монастырь. Ты велишь разбудить себя у Фальк пораньше и поедешь туда к обедне. Я буду тебя ждать в маленькой рощице на берегу озера. Там ты отдашь мне бумагу и ключ. Пузырек же оставишь на столе у постели княгини. Поняла?

— Поняла.

— Оттуда я возвращусь на станцию и прибуду в Т. с вечерним поездом, а ты вернешься после обедни к Фальк.

Она задумалась.

— Но ведь это страшно рискованно, можно попасться! — произнесла она.

В голосе ее было слышно колебание.

— Ничуть! В виду почти постоянного запустения в этой гостинице, попасться во время совершения самого дела нет ни малейшей ве-

роятности. Когда же на другой день в запертом номере найдут княгиню отравившуюся в постеле, с ключом от номера под подушкой, то не может быть никакого сомнения, что все следователи мира признают самоубийство. Будет даже и причина — это растрата ею опекунских денег.

Она молчала.

— Едва ли кто-нибудь придумает умнее того, что придумали мы с тобой, — начал он снова. — Именно с тобой, так как главная часть плана, которая ускользнула от меня и без которой он весь мог рушиться, всецело принадлежит тебе. Что же ты молчишь, ты согласна?

— Да, согласна! — холодно и просто отвечала она.

— Потом мы укатим заграницу, — весело добавил он.

Таким образом третий и последний заговор между этими двумя людьми состоялся.

XIX
Две просьбы

Через три недели первая часть плана, составленного Гиршфельдом и княжной, осуществилась. Маргарита Дмитриевна уехала в Т. Она сообщила об этом своем намерении княгине при Николае Леопольдовиче.

— Вот и отлично, — заметила она, — а то мы очень нелюбезны относительно баронессы. Я сама проездом в Шестово заверну в Т., сделаю ей визит и кстати захвачу тебя с собой в деревню. Ведь ты, надеюсь, не откажешься разделить нынешним летом мое затворничество?

— Напротив, мне очень хочется в деревню, подышать чистым воздухом, а то этот пыльный парк мне надоел.

— Вы собираетесь затворничать, княгиня? — усмехнулся Гиршфельд. — Мне очень жаль.

— Вам? — обратилась она к нему.

— Я собирался погостить у вас и думал повеселиться на ваших деревенских праздни-

ках.

— Я всегда буду рада видеть своих добрых знакомых.

— О, в таком случае я покоен, таких добрых знакомых, как я, соберется целый дом и ваше затворничество превратится в ряд празднеств.

Княгиня улыбнулась.

Сборы княжны были недолги.

— Вы мне, конечно, телеграфируете о выезде, — обратилась она к тетке при прощаньи, — я приеду вас встретить на станцию.

— Непременно, непременно!

— Вы намерены остановиться тоже у Фальк?

— Нет, я остановлюсь в гостинице, к чему стеснять себя и их.

На губах Маргариты Дмитриевны появилась довольная улыбка, Гиршфельд ждал ее на Рязанском вокзале и напутствовал советами и указаниями. Проводив ее, он отправился к Зинаиде Павловне. Было около десяти часов вечера.

— Я свободен целый вечер и решил посвятить его тебе, если ты располагаешь остаться

дома, — сказал он, войдя в ее будуар.

— Конечно, я располагаю и очень рада! — оживилась она. — Будешь пить чай?

— Пожалуй.

Княгиня позвонила и приказала подать чаю.

За чаем он старался превзойти даже ее в нежности.

Она сияла.

— У меня будет к тебе большая, большая просьба, — обратился он к ней.

— Какая?

В голосе ее послышались тревожные нотки.

Это не ускользнуло от его внимания, он улыбнулся.

— Освободи меня от твоих и личных, и опекунских дел, пусть я останусь для света твоим добрым знакомым, для тебя же по-прежнему боготворящим тебя человеком.

— Почему у тебя явилась такая мысль и что привело тебя к такому решению? — окинула она его пытливым взглядом.

— Безграничная любовь к тебе, моя дорогая!

Он, расхаживавший до тех пор по комнате, подсел к ней на кушетку.

Она глядела на него вопросительно.

— За последнее время я заметил, — прости меня, моя ненаглядная, — я буду говорить правду, что эти дела, эти денежные расчеты омрачают даже те светлые для меня, по крайней мере, минуты, когда мы бываем одни, что ты из-за них переменилась ко мне. Я боюсь, что они в конец погубят мое, я даже не смею сказать «наше», счастье.

— Ты ошибаешься! — вспыхнула она, но не выдержала его взгляда и потупилась.

Она должна была сознаться, что он прав.

— Пусть так, — продолжал он, — дай Бог, чтобы я ошибался, но в наших дорогих для меня отношениях я не желал бы и этого. Я не хочу, чтобы даже ошибочные мысли омрачали их.

— Значит, ты отказываешься быть моим поверенным?

— Да, но я не перестану быть для тебя тем, что я есть — другом, советником. Я хочу лишь устранить между нами всякие денежные расчеты.

— Но ты обещал, поправить… мои дела… — робко, чуть слышно проговорила она.

— Они поправлены. Неужели ты думаешь, что иначе я решился бы отказаться от их ведение? — смело и прямо поглядел он ей в глаза.

— Ты не шутишь? — с нескрываемою радостью спросила княгиня.

— Я никогда не шучу в делах. Разрешенная тобой спекуляция с капиталом твоего сына была очень счастлива, купленные мною на его деньги бумаги поднялись в цене; я, кроме того, за последнее время счастливо играл на бирже. Подведя сегодня утром итоги, я могу сообщить тебе, что не только весь капитал и доходы князя Владимира в целости, но я имею полную возможность возвратить тебе те триста две тысячи, которые ты потеряла по моей оплошности на акциях Ссудно-коммерческого банка и пятьдесят тысяч, заплаченные тобою за меня Маргарите Дмитриевне.

Княгиня смотрела на него нежным, благородным взглядом.

— Капитал и доходы князя, — говорил, между тем, он, — ты, обратив в государствен-

ные бумаги, сдашь от греха в дворянскую опеку. На проценты же с твоего капитала, помещенного мною в верных бумагах, будешь жить совершенно спокойно. Эти проценты составят ежегодный доход в тридцать тысяч. Я думаю довольно?

— Конечно, конечно, за глаза, я не трону капитала и на днях же совершу завещание в твою пользу! — радостно заявила она.

— Нет, ты этого не сделаешь.

— Почему?

— Чтобы не огорчать меня. Повторяю тебе, что я не хочу, чтобы у кого-нибудь из нас была даже мысль о деньгах, дела мои идут, слава Богу, хорошо, на мой век хватит, а тебя... тебя я не переживу.

Она заключила его в свои объятия и порывисто, страстно начала целовать.

— Милый, хороший, ненаглядный!

— Итак, этот вопрос решенный. Я попрошу тебя никогда и не возвращаться к разговору о завещании, у тебя, во-первых, есть законный наследник, а во-вторых, тебе еще очень и очень равно думать о смерти. Разговор этот для меня тяжел. Не правда ли, ты не вернешь-

ся к нему?

— Никогда, никогда, дорогой мой, даю тебе слово!

— Вместо этого я попрошу тебя исполнить две мои просьбы.

— Хоть десять, говори, нет, верней, приказывай, я раба твоя! — прижалась к нему она.

— Во-первых, я попрошу тебя, чтобы моя полная сдача тебе дел и денег осталась тайной между нами и в особенности от княжны Маргариты Дмитриевны, так как уплатить ей в настоящее время полтораста тысяч я не могу, а она, узнав, что я рассчитался в тобой, может снова затеять историю.

— Да, от нее это, пожалуй, станется, — задумчиво сказала она.

— И даже наверное. Значит, ты понимаешь насколько моя просьба основательна.

— Понимаю и, конечно, свято исполню ее.

— Вторая просьба может показаться тебе нелепой фантазией, но я заранее умоляю тебя именем нашей любви исполнить этот мой, если хочешь, даже каприз.

Он остановился, как бы в нерешительности.

— Говори, говори, для тебя я исполню все? — со страстью в голосе сказала она.

— Я сдам тебе все дела, расписки и деньги в Т.

— Мы поедем вместе! — перебила она.

— Нет, это будет неудобно, так как тебя там встретит княжна, да и вообще неловко. Я приеду на другой день, с утренним поездом, тебя же провожу с тем, который приходит в Т. вечером.

— Хорошо, в чем же твоя вторая просьба, твой каприз?

— Мне хотелось бы, — вкрадчиво начал он, — чтобы ты сегодня написала расписку о приеме от меня всех документов, денег и доверенности.

Она хотела снова перебить его, но он не дал ей этого и поспешно продолжал:

— Отдашь ты мне ее, конечно, в Т., по окончании приема от меня всего в целости, но мне хотелось бы, чтобы ты написала ее именно нынче, нынешним числом, с которого и начнется для меня новая эра моей, очищенной от грязи денежных расчетов, любви к тебе, мое божество — вот в чем мой каприз.

Он глядел на нее умоляющим взглядом.

— Какой ты еще ребенок, изволь, я напишу, — с необычайною нежностью согласилась она.

Зинаида Павловна подошла к письменному столу и написала под диктовку Гиршфельда расписку в получении от него обратно доверенности и всех документов и денег полностью и подписала ее.

— Теперь ты мною доволен? — обратилась она к нему, заперев расписку в бюро.

— Благодарю тебя, благодарю тебя! — бросился он перед нею на колени.

Она подняла его, усадила с собой рядом на кушетку и все твердила:

— Какой же ты ребенок, какой ребенок! Он не переставал целовать ее рук.

— Ты не бросишь меня, не обманешь? — вдруг встревоженно спросила она.

— Что за мысли, я останусь до гроба верным твоим рабом, преданным тебе душою и телом.

Он привлек ее к себе и покрыл поцелуями ее лицо и шею.

Через две недели княгиня Зинаида Павлов-

на выехала в Т., уведомив об этом с вокзала княжну Маргариту. Еще за неделю до своего отъезда она, по совету Гиршфельда, дала телеграмму в контору гостиницы «Гранд Отель», чтобы ей был приготовлен первый номер, и отправила в Шестово свою горничную с багажом, состоящим из нескольких сундуков с туалетами. С собой она взяла только одно платье для визита к баронессе.

— До после завтра! — были последние слова Николая Леопольдовича княгине, сидевшей у открытого окна вагона первого класса.

Поезд тронулся.

Оставшийся на платформе Гиршфельд проводил его злобной усмешкой.

XX
Под взглядом трупа

Поезд, на котором прибыла княгиня Шестова в Т., приходит в одиннадцатом часу вечера. На платформе ее встретила Маргарита Дмитриевна, приехавшая на вокзал в губернаторской коляске. Через десять минут они уже были у подъезда гостиницы «Гранд Отель». Княжна велела кучеру ее дожидаться.

— Я зайду к вам, ma tante, выпить чашку чаю… — сказала она тетке.

Их провели в первый номер, приготовленный по телеграмме княгине, и тотчас же сервировали чай. Княгиня заказала себе графин аршаду. За чаем княжна начала рассказывать Зинаиде Павловне т-ские новости. Особенно заинтересовала последнюю начатая Маргаритой Дмитриевной история о недавнем романтическом бегстве жены кассира местного банка с юным адвокатом.

Явился лакей с аршадом.

— Уберите чай, — сказала ему Зинаида Павловна, — и пришлите горничную, я устала

и разденусь, а ты, machere, расскажешь мне подробнее эту историю, когда я лягу в постель.

Лакей начал убирать чай.

— Разбудите меня завтра в девять часов! — отдала она ему последнее приказание.

— Слушаю, ваше сиятельство! — ответил тот и удалился. Через несколько минут явилась горничная.

Зинаида Павловна удалилась в спальню и стал раздеваться. Княжна осталась в приемной и стала нервно ходить взад и вперед. Ее начало охватывать волнение, она чувствовала внутреннюю дрожь. Горничная вскоре вышла из спальни и удалилась.

Был двенадцатый час ночи, в гостинице царила мертвая тишина.

— Я выпью у вас стакан аршаду! — крикнула княжна.

— Пожалуйста, а потом захвати его сюда, я легла, — откликнулась княгиня из спальни.

Маргарита Дмитриевна налила стакан и с жадностью выпила его.

Быстро вынула она из кармана пузырек, данный ей Гиршфельдом и чуть не половину

вылила из него в графин с оставшимся аршадом.

Закупорив пузырек, она снова спрятала его в карман и, взяв графин и стакан, отправилась в спальню.

Княгиня лежала в постеле.

— Налей и мне! — обратилась она к племяннице.

Та вздрогнула и машинально поставила графин и стакан на столик перед кроватью.

— Что с тобою, ты не слышишь, налей мне аршаду! — повторила Зинаида Павловна.

Княжна, успевшая побороть волнение, налила стакан и подала ей. Руки ее все-таки дрожали. Княгиня взяла стакан и залпом выпила его. Вдруг она схватилась за грудь, конвульсивно приподнялась а кровати, как бы собираясь крикнуть. Стакан выпал у нее из рук и упал в складки одеяла.

Маргарита Дмитриевна инстинктивно зажала ей ладонью рот и с неестественной силой прижала ей голову к подушке.

Судороги с княгиней продолжались.

В коридоре раздались чьи-то шаги.

Княжна вся точно съежилась и, продолжая

все с большею силою зажимать рот тетке, впилась глазами в ее глаза, готовые выскочить из орбит в предсмертном ужасе.

Шаги в коридоре приближались.

Маргарита Дмитриевна как бы окаменела, не переменяя позы. Волосы у нее поднялись дыбом. В тишине номера слышно было, как стучали ее зубы.

Шаги слышались уже у самой двери, затем стали удаляться и, наконец, смолкли совсем.

Прошло еще несколько томительных секунд. Княгиня перестала биться. Княжна почувствовала под своей рукой холод. Перед ней лежал труп. Глаза его пристально смотрели на нее.

Маргарита Дмитриевна бросилась к лежащей на стуле сумочки княгини. Она оказалась запертой. Это препятствие ошеломило ее. Она потеряла способность соображать.

Так прошло еще несколько минут. Она вспомнила привычки тетки и снова направилась к постели. Труп с потемневшим лицом глядел на нее во все глаза.

Она сунула руку под подушку и достала связку ключей. Второпях она не могла сперва

найти ключ, а потом попасть в замок. Время казалось ей вечностью.

Она дрожала, как в лихорадке. Наконец сумочка была отперта. Она вынула бумагу, опустила ее в карман, заперла сумочку и положила, как ее, так и ключи, на прежние места. А труп все глядел.

Затем она подошла на цыпочках к выходной двери, вынула ключ, возвратилась в спальню, сунула его под подушку, поставила на стол пузырек с ядом и потушила свечу. Она бросила последний взгляд на постель и ей показалось, что она видит впотьмах, как глядит на нее труп.

Она вышла в приемную, надела ватерпрув, шляпу, потушила лампу и подошла к двери.

В коридоре было тихо. Она осторожно отворила дверь, вышла, заперла ее снаружи и положила ключ в карман платья, быстро прошла коридор и начала спускаться по лестнице. Дремавший сладко швейцар вскочил, распахнул ей дверь и подсадил в дожидавшуюся ее у подъезда губернаторскую коляску.

— Домой! — сказала она кучеру. Коляска помчалась.

Возвратившись в губернаторский дом, она приказала прислуживавшей ей горничной разбудить ее на другой день в семь часов и велеть к этому времени запрячь пролетку.

— Я поеду к обедне, в монастырь, я уже говорила об этом баронессе! — объявила она.

Горничная ушла. Маргарита Дмитриевна легла, но не могла заснуть. Она было потушила свечку, но в темноте ее преследовали широко раскрытые, полные предсмертной агонии, глаза ее тетки.

Она старалась думать о другом, завертывалась в одеяло с головой, но глаза все глядели на нее. Она зажгла свечу, надела туфли, накинула капот и стала ходить по комнате.

«Кажется, план исполнен хорошо, — думала она, — на меня не может пасть ни малейшего подозрения. Она после моего ухода заперлась в номере и отравилась — это ясно. Влила она яд прямо в графин, из боязни, что один стакан не подействует, — продолжала соображать она. — Наконец, он всецело мой, принадлежит мне одной! Я купила его рядом преступлений! — перенеслась ее мысль на Гиршфельда. — Через неделю, через две, мы

поедем с ним заграницу, в Швейцарию, в Италию, в Париж».

Она вспомнила о Шатове, который теперь был именно в Париже.

— Что мне делать с ним? Теперь он мне уже мешает.

Она села в кресло и задумалась.

«Написать ему, что я полюбила другого, что я прошу его забыть меня навсегда? Нет, этот удар будет для него слишком силен. Он все-таки несчастный человек. Сколько жертв принес он из любви ко мне».

Она самодовольно улыбнулась.

«Я напишу ему, что я предпринимаю путешествие по России, прошу его еще год остаться за границей и, желая испытать его и мои чувства, требую, чтобы он в течении года не писал ко мне и не ждал моих писем. Так будет лучше. Год много времени. Не видя меня и не переписываясь со мной, быть может, и позабудет меня».

Она перешла к письменному столу и начала писать Шатову письмо.

Много раз рвала она начатые письма, прежде нежели осталась довольна написан-

ным. Когда она запечатала письмо и надписала адрес, было уже совсем светло. Она потушила свечу и легла.

Не успела она заснуть, как ее разбудила горничная… Княжна приказала ей отправить письмо на почту и стала одеваться. Голова ее страшно была тяжела. В виски стучало. Она почувствовала себя лучше, лишь усевшись в экипаж.

Стояло чудное, свежее майское утро.

XXI
Роковой ключ

На другой день по прибытии княгини Шестовой в Т. рано утром в конторе гостиницы «Гранд Отель» была получена на ее имя телеграмма из Москвы, Лакей, призванный в контору для вручения ее по принадлежности, вспомнил, что ее сиятельство приказала ему накануне разбудить ее в девять часов, и несмотря на то, что был девятый час в начале, полагая, что приезжая ждала именно эту телеграмму, отправился стучаться в дверь первого номера.

На сперва осторожный стук его он не получил ответа. Он стал стучаться сильнее, но также без результата.

Он забарабанил что есть мочи — ни гласу, ни послушания. Лакей в недоумении побежал в контору и сообщил об этом казусе.

Вскоре у двери номера, занимаемого княгиней Шестовой, появился хозяин гостиницы и собралась почти вся прислуга. Хозяин был одним из местных купцов, сменивший прежнего обрусевшего немца, который прогорел и был одним из тех весьма немногих немцев, которые, не нажившись в гостеприимной России, отправились в свой фатерланд.

Постучав еще несколько времени в запертую дверь номера, в замке которой ключа с внутренней стороны не было, хозяин решил послать за полицией. Явившийся вскоре полицейский офицер, попробовав постучаться еще несколько раз, приказал сломать замок. Дверь была отворена и вошедшие нашли княгиню Зинаиду Павловну лежащею мертвой в постеле.

Удалив из комнат набежавших лишних людей, полицейский офицер, в присутствии

ахавшего хозяина и двух понятых, приступил к составлению акта, дав знать о случившемся местному судебному следователю и прокурору.

Через полчаса, в гостиницу прибыли наши знакомые, которым было назначено судьбой принять участие как в первом, так и во втором акте жизненной драмы, разыгравшейся в семье князей Шестовых, судебный следователь Сергей Павлович Карамышев и исправляющий должность т-ского прокурора Леонид Иванович Новский.

Первый, после дела об отравлении князя Александра Павловича, был, по настоянию прокурорского надзора, переведен в городской участок. Главным мотивом для этого перевода было иметь его всегда перед глазами. Сергей Павлович сперва был очень этим недоволен, не имея более возможности устраивать себе летом воздушные канцелярии, но потом успокоился на мысли, что за то каждый вечер он может перекинуться в картишки в Коннозаводском собрании, что и исполнял неукоснительно.

Второй исправлял должность переведен-

ного в другой город бывшего своего начальника и со дня на день ожидал утверждения.

Сергей Павлович был поражен случившимся и со вниманием слушал полицейского офицера, сообщавшего ему подробности осмотра. Последний рассказывал ему о найденных: ключ от номера под подушкой вместе с другими ключами, стакане, оказавшемся в складках одеяла, и пузырьке синего стекла на столе.

Карамышев взял пузырек, откупорил его и понюхал.

— Это синильная кислота — она отравились, или отравлена. Из вещей все цело?

— Кажется все. Я отпер найденную на стуле сумочку и в ней оказалось четыре тысячи шестьсот тридцать восемь рублей кредитными билетами, носовой платок и золотой портсигар с папиросами, — указал полицейский офицер на стол в приемной, где лежали раскрытая сумочка и поименованные им вещи и деньги.

На столе же лежала вскрытая телеграмма, полученная утром — она оказалась от Гиршфельда, который извещал княгиню, что прие-

дет с вечерним поездом.

— За доктором послано?

— Уже давно.

— Он всегда опаздывает! — вставил Леонид Иванович. Все уселись в ожидании городового врача.

Сергей Павлович глубоко задумался. Ему живо припомнилась загадочная смерть мужа покойницы, князя Александра Павловича, случившаяся семь лет тому назад, и самоубийство несомненно невинного Якова Быстрова. Приезд доктора призвал его к настоящей действительности. Начался осмотр.

Доктор влил в рот принесенной по его приказанию в номер кошке столовую ложку аршада из графина.

Кошка быстро завертелась и через несколько минут околела.

— Княгиня отравилась, или отравлена синильной кислотой, в большом количестве примешенной к аршаду. Я полагаю даже, что вскрытие совершенно излишне. Наружный вид трупа красноречиво подтверждает несомненное отравление.

Новский и Карамышев согласились впол-

не с этим заключением. Начался допрос свидетелей. Когда прислуживавшие вечером княгине лакей и горничная показали, что оставили ее в номере с ее сиятельством княжной Маргаритой Дмитриевной, в уме Карамышева снова мелькнула мысль, что княжну также видели шедшей накануне по направлению к кабинету, в котором нашли на другой день мертвой ее дядю.

«Неужели я был тогда на настоящей дороге?» — задал он себе мысленно вопрос.

«Нет, не может быть!» — отогнал он от себя эту мысль.

Допрос продолжался.

Тем временем Маргарита Дмитриевна, не достояв обедни в монастырской церкви, вышла через заднюю калитку ограды и отправилась к месту назначенного ей Гиршфельдом свидания. По ее расчету, он должен был уже прибыть.

Был одиннадцатый час утра. Солнце ярко светило с безоблачного неба, отражавшегося в гладкой поверхности чудного озера, на берегу которого стоял монастырь. Свежая травка и листва деревьев блестели как-то особен-

но ярко. В маленькой ближайшей роще, по направлению к которой шла княжна, пели пташки.

Она вошла в рощу. Какой-то таинственный шелест приветствовал ее. Ей вдруг стало жутко. Перед ней мелькнули виденные ею вчера и грезившиеся ей всю ночь два глаза. Она прислонилась к одному из деревьев, чтобы не упасть. Тут она заметила фигуру спешившего к ней Николая Леопольдовича. Она оправилась. Она была не одна. Он был с ней.

— Наконец, ну, что? — подошел он.

Она молча подала ему бумагу и ключ. Он быстро развернул и посмотрел бумагу и сунул ее в карман.

— Золотая моя, неоцененная! — заключил он ее в свои объятия.

Она не сопротивлялась, но ей показалось, что от прикосновения этого человека веет таким же холодом, какой она ощутила вчера под рукой, державшей голову мертвой тетки. Она вздрогнула.

— Рассказывай как и что? — вызвал он ее к действительности.

Она передала ему все в подробности.

— Прекрасно, превосходно, лучше и не надо! — говорил он, потирая руки.

Она кончила рассказ.

— Теперь поезжай прямо туда. Если там еще ничего не знают, то прикажи передать княгине, когда она встанет, что ты была. Если же там уже началось следствие, то притворись убитой горем, упади в обморок.

Он посмотрел на часы. Было без четверти одиннадцать. Не упустив из ее рассказа, что княгиня приказала разбудить себя в девять часов, он был уверен, что следствие уже началось.

— Спеши же, спеши, моя дорогая! — обнял он ее в последний раз и незаметно опустил ключ, возвращенный ему ею, в карман ее ватерпрува.

Из церкви в это время выходил народ. Обедня кончилась. Княжна поспешила назад за ограду, вышла в главные ворота и, сев в пролетку, приказала кучеру ехать в «Гранд Отель». Подъезжая, она заметила около гостиницы толпу народа. Она поняла, что там уже все открыто и задрожала. Пролетка остановилась у подъезда гостиницы. Княжна вошла.

— Что случилось? — обратилась он к швейцару.

Голос ее дрогнул.

— Несчастье, ваше сиятельство! Княгиня, ваша тетушка, скончалась.

— Когда, где? — бросилась она по лестнице.

Опередивший ее швейцар расталкивал народ, толпившийся на лестнице ив коридоре и тщетно уговариваемый полицией разойтись.

Стоявший у дверей первого номера городовой не хотел было пускать княжну, но швейцар объяснил ему, что это племянница умершей, и она беспрепятственно вошла в номер.

— Умерла! Умерла! Где она? — бросилась она в приемную.

— Княжна! — успел выговорить Карамышев, поднявшись из за стола, где сидел вместе с Новским и доктором и допрашивал хозяина гостиницы.

Она на ходу порывисто вытащила из кармана ватерпрува носовой платок, чтобы приложить его к глазам.

Вдруг что-то упало на пол с металличе-

ским звоном.

Все присутствующие подняли головы.

На полу приемной лежал ключ с жестяной пластинкой, на которой стояла цифра 1.

Княжна посмотрела тоже вслед за другими на лежавший на полу ключ и обвела присутствующих помутившимся взглядом.

— Это я, я виновата, я отравила ее! — дико вскрикнула она и как сноп повалилась на пол.

Ее привели в чувство, и Сергей Павлович со строгим выражением лица стал ее допрашивать. Она открыла было рот для ответов, но вдруг остановилась.

— Я не могу отвечать вам теперь, дайте мне успокоиться, дня через два, три я расскажу вам все, все! — сказала она.

Следователь записал ее короткое сознание. Она беспрекословно подписала его.

Он составил постановление об аресте, и княжна Маргарита была отправлена в т-скую тюрьму.

XXII
Последнее свиданье

Весть об отравлении княгини и о сознании в совершении этого преступления княжны Маргариты Дмитриевны с быстротою молнии облетела весь город. Баронесса Ольга Петровна Фальк была страшно возмущена, что преступница жила у нее и даже ночь после совершения преступления это «исчадие ада», как она называла княжну, провела под ее кровлей.

В первом номере гостиницы «Гранд Отель» происходили панихиды, на которые собирался весь город. Всем распоряжался прибывший с вечерним поездом в день открытия преступления Гиршфельд.

Он казался убитым этим происшествием.

— Я любил покойную... как мать, — объяснял он всем причину своего горя.

— Я всегда считал ее способной на все, это гордое, злое существо, без сердца, без религии, без нравственных правил — костил он везде княжну.

Узнав по прибытии все подробности сознания и ареста своей сообщницы, он задумался.

«Мне надо ее увидать как можно скорее наедине!» — сказал он сам себе.

«Но как это устроить?»

«С деньгами можно пройти в ад и вернуться обратно!» — усмехнулся он.

Он не ошибся, если не относительно ада, то, по крайней мере, относительно т-ской тюрьмы.

Княжна была помещена в лучшую одиночную камеру. Эта «лучшая» камера была, впрочем, очень неказиста. Заплесневевшие толстые каменные стены были мокры и от них веяло холодом подвала. Половицы ходили ходуном, а в двойных рамах маленького единственного окошечка с железной решеткой стекла были до того грязны, что едва пропускали свет. Деревянный, некрашенный стол, такая же скамья и деревянная же кровать с жестким матрасом, покрытым одеялом из солдатского сукна, и с одной небольшой подушкой составляли всю меблировку этой камеры для привилегированных. Уже две ночи провела Маргарита Дмитриевна в этой каме-

ре, но до сих пор еще не могла совершенно прийти в себя. Одна мысль не давала ей покоя.

«Как мог попасть в ее карман этот ключ?»

Она ясно помнила, что отдала его вместе с бумагой Гиршфельду.

«Неужели она второпях только показала его ему и машинально опустила в карман».

Иначе она не могла объяснить себе его присутствие в ее кармане. Мысли ее переносились на Николая Леопольдовича.

Он должен прийти повидаться с ней.

В этом она не сомневалась. Эта мысль пришла ей в голову, когда она хотела начать свои показания следователю, она-то и остановила ее и княжна попросила отсрочку. Она должна видеться с ним прежде, нежели рассказать все. Он даст ей совет, он, быть может, ее выручит.

«Он должен прийти!»

Но кончался уже второй день заключения, а он не приходил.

«Неужели он не придет? Нет, не может этого быть! Он должен прийти».

Вдруг в коридоре раздались шаги видимо

двух человек. Шаги приближались к ее камере и наконец остановились у двери. Кто-то шепотом разговаривал с часовым, однообразные шаги которого смолкли. Она слышала, как вложили ключ в замок ее двери. Замок щелкнул. В дверь буквально проскользнул Гиршфельд, плотно притворив ее за собой.

— Ты! — вскрикнула она и бросилась к нему.

— Я, моя дорогая, конечно я, кто же как не я! — страстным шепотом начал он, усаживая ее на постель и садясь рядом.

— Я уже думала, что тебе не удастся пробраться в эти страшные стены.

— Я проберусь всюду, у меня есть ключ, который отпирает все замки, этот ключ — деньги.

— Не говори о них, из за них я здесь.

— Нет, не из-за них, друг мой, не из-за них, а по своей собственной оплошности, ты забыла отдать мне ключ, но это еще ничего. Мало ли как можно было объяснить его присутствие. Зачем же было сознаваться?

— Но пойми, увидав его, я была поражена, уничтожена; ведь это перст Божий.

— Вы бредишь, мой дружочек, — нежно заметил он, — или заведомо говоришь вздор, не желая сознаться в своей опрометчивости.

— Пусть так, — согласилась она, — но что же ты теперь намерен делать?

Она поглядела на него вопросительно. Голос ее дрожал.

— Что делать? Подписанного сознания не воротишь! — деланно-грустно произнес он и опустил голову.

— Прости, прости меня, что я тебя погубила! — кинулась вдруг она к нему на шею и зарыдала.

Он вскочил весь бледный и грубо оттолкнул ее.

— Как меня? — прохрипел он.

Она стояла перед ним ошеломленная его толчком. Из ее глаз градом лились слезы. Наконец ноги у ней подкосились, она села на кровать.

— Конечно тебя! Ведь ты же сам сказал, что сознанья не воротишь, я должна сказать всю правду, все, все. Я так и думала здесь эти два дня, что только очистившись искренним раскаянием, мы можем с тобой примириться

с Богом.

— Ты сумасшедшая! — прошипел он.

— Ничуть. Разве ты захочешь расстаться со мной? Значит — ты не любишь меня?

Он сдержал охватившее его волнение и присел к ней.

— Люблю, конечно люблю, доказательством этого служит то, что я здесь! — вкрадчивым, ласковым тоном заговорил он.

Она перебила его.

— А если любишь, то разделишь мою участь! — почти крикнула она. — Довольно преступлений, я решила, знай, я решила бесповоротно сознаться во всем до мельчайших подробностей. Это облегчит мою душу. Того же требую я и от тебя во имя любви ко мне, раскайся, явись сейчас же с повинною, а завтра я дам свое показание.

Она взяла его за руку. Он грубо вырвал ее и вскочил. Он был вне себя.

— Так ты думаешь, безумная, что я из любви к тебе пойду на каторгу? — начал он, отчеканивая каждое слово. — Ошибаешься! Я, как тебе небезызвестно, не признаю той любви до гроба, о которой пишут в романах, я люблю

человека пропорционально сумме приносимых им мне пользы и наслаждения и готов платить ему тем же, но не более. С тобой до сих пор в этом отношении мы были квиты! На ласку яотвечал лаской, за помощь в делах я окружал тебя всевозможной роскошью, исполнял все твои требования, капризы — платил тебе. Ты попалась, оказавшись неспособной к выполнению всесторонне обдуманного замысла, разыграла из себя нервную барышню и хочешь, чтобы с тобою вместе погибал и другой, неповинный в твоей ошибке человек, повторяю тебе, ты ошибаешься, ты должна отвечать одна.

Он остановился перевести дух. Княжна все время смотрела на него в упор своими большими глазами, горевшими зеленым огнем, то приподнимаясь, то садясь на кровать, но не вымолвила ни слова. Плакать она перестала.

— Я понял бы, — заговорил он снова, — если бы ты потребовала от меня отчета в нашей добыче, я сам пришел сюда предложить тебе денег, чтобы улучшить твое положение здесь в тюрьме, чтобы заплатить какому-нибудь знаменитому адвокату. — Кто знает — тебя

могут и оправдать! Наконец, чтобы обеспечить тебя на худой конец на каторге: деньги и там сила, способная превратить ее чуть ли не в земной рай, — я все это, повторяю, понял бы.

Он смолк и несколько времени глядел на нее вопросительно. Она сидела, не спуская с него глаз.

— Но вы, ваше сиятельство, идете далее, — продолжал он уже со злобной усмешкой, раздраженный ее молчанием, — вы хотите ни более, ни менее, как сделать из меня вашего попутчика в места отдаленные, вероятно, желая сохранить себе любовника. Не много ли будет, ваше сиятельство? Попытайтесь. Идите, доносите на меня. Я не откажусь от того, что был вашим любовником, — иметь любовницей красавицу княжну Шестову далеко не позорно, — но я постараюсь доказать, что вы отравили вашего дядю, желая уничтожить его завещание, уморили вашу сестру, чтобы завладеть ее наследством, и отравили тетку, приревновав ее ко мне, а теперь оговариваете меня из эгоистического желания, чтобы я разделил с вами вашу участь, едва ли после этого

поверят вашему голословному оговору.

Он снова остановился. Княжна молчала, бледная как полотно. Глаза ее остановились.

— Так не лучше ли нам с тобой остаться друзьями? — вдруг переменил он тон. — Я постараюсь всеми силами облегчить твою участь, я окружу тебя и здесь, и там возможным довольством и покоем. Образумься, согласись, моя дорогая!

Он сделал к ней шаг. Вдруг она порывисто вскочила с кровати и выпрямилась во весь рост.

— Вон… подлец… — указала она ему рукой на дверь…

В голосе ее послышалась дикая ненависть. Она была положительно страшна и, казалось, готова была кинуться и растерзать его. Он весь как-то съежился и, не заставив повторять себе приказание, выскочил за дверь.

Она слышала, как щелкнул замок и по коридору раздались поспешно удаляющиеся шаги двух человек.

XXIII
В тюрьме

Он ушел. Она осталась одна. Бледная, изнеможденная, с горящими, как у кошки, глазами, с высохшими губами, она скорее упала, чем уселась на скамейку. Долго, очень долго она сидела без движения, без мыслей. Глаза ее мало-по-малу теряли свой блеск; руки опустились; головка ее медленно наклонялась все ниже и ниже.

Прошел час, другой. В коридоре медленно, размеренно однообразным шагом прогуливался взад и вперед часовой, изредка апатично, по привычке, заглядывая через маленькое круглое отверстие в камеру арестантки.

Княжна Маргарита все еще сидела в своей застывшей позе, с опущенною головою, безжизненная и бесстрастная, скорее напоминая мраморную статую, чем живое существо. Маленькая тюремная мышка, набравшись храбрости вследствие наступившей тишины, вышла из своей норки и начала играть у ног Маргариты Дмитриевны.

Ее маленькие, узкие, светящиеся глазки то и дело устремлялись на княжну. Мышка ждала обычной ласки и обычного корма. Ни того, ни другого не последовало. Тогда, выведенная из терпения, мышка решилась напомнить о себе княжне более чувствительным образом. Она запустила свой острый зубок в ботинку княжны. Маргарита Дмитриевна вздрогнула и начала озираться вокруг. Мало-по-малу она выпрямилась, поднялась со скамейки и прислонилась к стене. На лице ее заиграл чуть заметный румянец и стало видно, что к ней возвратилась способность думать.

Страшно было ее пробуждение от временной апатии.

— Так вот до чего я дошла! — чуть слышно произнесла она, и губы ее искривились зловещей улыбкой. — Я, княжна Маргарита, была игрушкой этого бандита… Словно ничтожная тварь, я, не задумываясь, шла от преступления к преступлению в угоду этому выродку из жидов!.. Где же были мой ум, моя воля?.. Как могла меня так отуманить страсть к этому каторжнику?.. Какой стыд, какой позор, какое унижение!..

Княжна припомнила весь разговор с Гиршфельдом. Его голос, сперва вкрадчивый, а потом нахальный, раздавался в ее ушах.

— И этого человека я любила!.. Любила!.. Ха-ха-ха...

Княжна залилась ядовитым, злым смехом.

— Да, любила, — продолжала она, успокоившись. — И как еще любила! Никогда ни одна женщина в мире не отличалась такою беззаветной преданностью к любимому человеку, как я. Я была его рабой, его вещью!.. И чем он отплатил мне?.. Здесь, на этом самом месте, он дерзко, нахально, нагло нанес мне рану за раной, надсмеялся надо мной и топтал меня своими ногами. Я служила ему материалом для достижения благ земных. Я была для него сообщницей в преступлениях, долженствовавших служить ему средством к наживе, к богатству. Он никогда меня не любил!.. И вот теперь, когда за его преступление я очутилась здесь — он осмеливается бросит мне прямо в лицо, что я была обманута, что он меня никогда не любил.

Она поникла головой.

— Постойте же, г. Гиршфельд! — заскреже-

тала она зубами. — Я вам докажу, как можно безнаказанно надсмехаться над чувством женщины!.. Вы были ко мне безжалостны; отняли у меня честь, доброе имя!.. Вы выжали весь сок костей моих... Вы выпили всю кровь мою и насыщались ею, а теперь вы бросаете меня, как ненужную тряпку, безжалостно топчете своими ногами!.. Постойте же!.. Настанет и мой час!.. Час страшной мести!.. Трепещите!.. И я буду беспощадна!.. Я раздавлю вас, как гадину!.. И когда я увижу вашу гибель, когда я буду свидетельницей ваших предсмертных корчей, я также нагло, нахально буду торжествовать, как торжествовали вы... здесь...

Княжна сделала шаг вперед.

— Да, я буду беспощадна, — продолжала она все более и более воодушевляясь. — Я жаждала жизни! Я жаждала любви! Я жаждала счастья!.. Ничего этого не досталось на мою долю... Теперь я от всего отказываюсь... Мне ничего не нужно... ничего... кроме мести... Кроме счастья видеть его раздавленным... видеть его, этого блестящего мужчину, рядом с собой, в уродливом арестантском ха-

лате шествующим с партией на каторгу!.. Я умела любить, но я сумею и ненавидеть!.. Я всею силою моей души стремилась дать человеку счастье, но я сумею толкнуть его и к погибели!.. Я, княжна Шестова, постою за себя!.. Уж коли быть палачом, так быть им до конца...

Она снова поникла головой, и слезы полились из ее глаз. Долгое время она плакала молча. Вдруг она с неимоверною силою ударила себя в грудь и громко, навзрыд зарыдала. Она всеми силами старалась удержать свои слезы, но этого ей не удавалось: накипевшее горе рвалось наружу и не в ее силах было скрыть его. Но вот она до боли прикусила нижнюю губу и овладела таки собой.

— Трепещи, губитель! — крикнула она вне себя. — Близок день расплаты! Близок час моего мщения!.. За каждую уроненную здесь слезу ты заплатишь мне своею кровью! Своею низкою, черною кровью.

Вспышка прошла. Маргарита Дмитриевна утомленная опустилась на жесткую кровать. Она закрыла глаза и старалась хладнокровнее обдумать свое положение. По мере того,

как отвратительное прошлое со всеми своими подробностями воскресало в ее памяти, увеличивался ее ужас. Если раньше, в светлые минуты пробуждения, она оправдывала свои поступки и преступления овладевшею ее страстью, которая наполняла всю ее жизнь, и из-за которой он в состоянии была и на будущее время совершать новые преступления, но теперь, когда самая эта страсть получила в ее глазах такую чудовищно-преступную окраску, она затрепетала от ужаса и стыда и впервые почувствовала как неизмеримо глубоко ее падение.

— Невинная кровь вопиет и требует искупления! — крикнула она не своим голосом и затряслась всем туловищем.

Она вскочила с кровати и быстро зашагала взад и вперед по своей камере. Мысли ее приняли другое направление. Она уже больше не думала ни о Гиршфельде, ни о своей мести. Она вся углубилась в анализ своего собственного я.

Ее собственные поступки, ее личные грехи и совершенные преступления всецело завладели ее мыслями. Она с каким-то непонят-

ным наслаждением углублялась в свое прошлое, мучилась, ужасалась и в тоже время упивалась, наслаждалась своим ужасом, своими мученьями. Перед ней предстал образ страдалицы Лиды в тот момент, когда бедная, обманутая в своей любви, чистая девушка спала могильным сном в своей кроватке.

— Прости... Прости мне, сестра, — нервно вздохнула она, и глубокое раскаяние осветило ее лицо.

Чем больше думала Маргарита, тем больше она постигала, как загрязнено ее прошедшее, а выхода из этого лабиринта мучений она не видела.

Вдруг глаза ее заблестели неземным блеском, и лицо ее озарилось почти счастливой улыбкой.

«Собственными страданиями я искуплю мои грехи, мои преступления! — продолжала она думать. — Я не буду стараться об облегчении своей участи... Я буду каяться перед моими судьями, и выставлю перед ними всю грязь моей души... И чем больше будет позора, чем больше будет стыда, чем больше это отзовется на мне, тем лучше: страшная пре-

ступница заслуживает страшного наказания! Я буду унижена, я буду опозорена, я погибну, но этим позором, этим унижением, этою гибелью я примирюсь сама с собой... Когда заслуженное наказание постигнет меня, мне легче будет жить, мне легче будет ужиться с моей проснувшейся совестью... Придите же судьи и произнесите ваш суровый приговор... Я готова его выслушать... Я жду его!.. Но кара ваша должна обрушиться не на меня одну, она должна постигнуть и другого преступника... Она должна уничтожить и другую гадину и сделать ее безвредною!.. Да, г. Гиршфельд, рука об руку мы творили наши преступления, за то и на каторгу мы пойдем с вами рука об руку... Ха-ха-ха... Славная мы с вами парочка, нечего сказать... Но нет! Княжна Шестова не нуждается в товарищах... Она даже на скамье подсудимых должна сохранить свое достоинство... Ей не нужны товарищи по страданию... Она хоть и преступная, но не должна очутиться более рядом с этим выродком человеческого рода, с этим жидовским отребьем! Заслуженная кара постигнет его без моего вмешательства. А я, княжна Шестова, не унижусь

до сваливания своих преступлений на любовника-жида!.. Торжествуй же, Гиршфельд, ты пока спасен!.. Спасен до тех пор, пока кара Господня не сразит тебя по заслугам твоим без моего участия».

«Зачем самомнение, зачем злоба! — остановила она сама себя. — Без злобы, я просто не хочу, чтобы от моей руки, погубившей столько невинных, теперь погиб даже виновный. Я все приму на себя и все прощаю ему».

Крупные слезы продолжали катиться по ее осунувшимся щекам. Придя к такому решению и объяснив его таким образом, она успокоилась и снова села на кровать. Вдруг ей пришел на память Шатов. Она как-то совсем это время забыла о нем и о посланном к нему письме!

«Это все-таки хорошо, что я написала ему, — подумала она. — Когда он вернется, меня уже сошлют. Он позабудет меня. Дай Бог ему счастья. Только бы не видать его. Это живой укор моей совести, единственная живая жертва одного из моих страшных преступлений. Встречи с ним теперь я бы не вынесла. Что бы сказала я ему, ему, который так безза-

ветно любил меня, меня, недостойную, падшую, преступницу?»

Она снова зарыдала. Наконец, подняв голову, она обвела глазами камеру и в первый раз заметила в переднем углу ее деревянное распятие. Она долго, пристально глядела на него, затем встала и опустилась перед ним на колени, но… молиться она не могла.

XXIV
Судный день

Время шло с своею беспощадною быстротою. Княгиню Зинаиду Павловну Шестову похоронили с подобающею помпою и отвезли в Шестово, где и положили в фамильном склепе. Князь Владимир, приехавший из Москвы на похороны матери, не казался особенно огорченным. Он был неразлучен с Гиршфельдом. Последний, впрочем, прощаясь с княгиней, рыдал, как ребенок. Его принуждены были силою оттащить от гроба. Следствие по делу Маргариты Шестовой окончилось. В городе только и говорили, что о нем и с нетерпением дожидались дня, когда дело

будет назначено к слушанию.

В провинции не существует тайны даже следственных дел, особенно таких, которые так или иначе интересуют общество. За ними следят шаг за шагом, знают малейшие их подробности. Тоже случилось и с этим делом. Обвиняемая, как стало известно, созналась не только в отравлении тетки, но и дяди, более семи лет тому назад. Она с ужасающими подробностями рассказала все обстоятельства совершенных ею страшных преступлений. Особенно поражены были в городе подробным рассказом обвиняемой об обстановке, при которой она совершила преступление в гостинице «Гранд Отель». Образ княжны, отравительницы своих родных, разросся в воображении обывателей до чего-то чудовищного. Матери стали пугать ее детей.

Из городской тюрьмы, где в одиночной камере все продолжала сидеть княжна, шли другие рассказы. Говорили, что арестантка изнуряет себя постом и молитвою, читает священные книги, не спит по ночам.

«Лицемерит!» — решили в городе.

Ум человеческий не мог допустить воз-

можности чистосердечного раскаяния для такого «изверга человеческого рода», как называли княжну в Т. Не могли только разрешить вопроса — с какою целью совершила она эти преступления, какие мотивы руководили ею? Этого не мог добиться от обвиняемой и следователь. Она отказалась на отрез отвечать на подобный вопрос, объяснив, что эта цель, эти мотивы позорнее для рода князей Шестовых, нежели даже совершенные ею преступления. Этим ответом должны были удовольствоваться. Открытыми остались также вопросы: где достала она яд и как попал к ней ключ? На них она прямо упорно молчала. Сколько раз и как ни допрашивали ее — не могли переломить ее упрямства. Она молчала.

В городе нашлось даже много сторонников пущенной под сурдинкой Николаем Леопольдовичем мысли, что княжна отравила свою тетку с согласия последней, потому что они и в Москве так мотали вверенные княгине, как опекунше, деньги сына, что он, Гиршфельд, принужден был отказаться от чести быть их поверенным. Не желая попасть на скамью подсудимых за растрату, княгиня упросила

княжну дать ей яду. Как ни нелепо было это предположение, но неудовлетворенное любопытство многих обывателей начало допускать и его.

Вызванный к следователю, Николай Леопольдович объяснил, что по делу об отравлении князя Александра Павловича он ничего не знает, так как, если припомнит и сам г. следователь, он был во время совершения княжной преступления в Т., где провел два дня, и прибыл в Шестово, когда князь уже лежал мертвый в кабинете. Относительно отравления княгини он также не может показать ничего, так как приехал из Москвы вечером, когда она уже лежала на столе.

Свидетель, говоря это, прослезился.

— Я состоял семь лет поверенным покойной, — продолжал он, — но роль моя была чисто пассивная, я исполняя лишь по ее указаниям и под ее наблюдением разного рода поручения и денежные обороты. Даже советам моим не следовали: так, я отговаривал княгиню поместить чуть не большую половину своего состояния в акции Ссудно-коммерческого банка, но она не только приобрела их

на триста две тысячи, но даже уговорила княжну поместить в эти же бумаги все двести тысяч, доставшиеся ей после смерти сестры Лидии. Конечно, они обе потеряли все. В опекунские дела княгини я и не вмешивался, она вела их сама, и лишь по ее широкой жизни в Москве, по безумным тратам я стал догадываться, что дело с опекой не ладно, и поспешил отказаться от доверенности и сдать находившиеся у меня на руках суммы, в чем и имею собственноручную расписку княгини.

Николай Леопольдович предъявил следователю расписку.

— Вы были поверенным обвиняемой?

— Да, но по ее доверенности я утверждал лишь ее два раза в правах наследства, после ее отца и сестры, и был ее представителем, как гражданской истицы, в деле банка. Денежными же ее делами я не заведывал, кроме некоторых переводов в Париж ее поставщикам, которые я делал по ее поручению.

— Зачем вы прибыли в Т.? — спросил следователь.

— Несмотря на отказ мой быть поверенным княгини, — отвечал он, — мотивирован-

ный весьма благовидно моим неожиданным скорым отъездом из Москвы на неопределенное время по делам, мы остались с ней друзьями. Она созналась мне, что дела ее, как опекунши, страшно запутаны, и просила меня приехать в Т. помочь ей в них разобраться. Я обещал, но задержанный делами не мог приехать утром и дал ей телеграмму, что буду с вечерним поездом.

Следователь вполне удовлетворился этим объяснением. Наконец «судный день» для княжны настал. Маленькая зала Т-ского окружного суда не могла вместить всех желавших присутствовать на выдающемся процессе, хотя интерес его много уменьшился, когда узнали, что подсудимая отказалась иметь защитника. В залу впускали по билетам. Ее почти всю заняло избранное общество города Т. Масса публики, не добывшей билетов, толпилась на лестнице суда, в приемной и даже на улице, у т-ских присутственных мест. Судьи заняли свои места и дело началось. С опущенной долу головою, повязанною белым платком, в арестантском халате, медленно, в сопровождении двух солдат с ружья-

ми, вошла в залу и заняла свое место на скамье подсудимых княжна Маргарита Дмитриевна Шестова. В публике произошло движение, все старались поближе рассмотреть ее. Знавших ее поразила ее страшная худоба. Начался выбор присяжных заседателей и они, избрав старшину, заняли свои места.

Тихо, едва слышно, ответила подсудимая на обычные вопросы председателя о звании, имени и отчестве, летах и роде занятий. Началось чтение коротенького обвинительного акта. Упавшим почти до шепота голосом, побудившим председателя, предлагавшего ей вопросы, просить ее несколько раз говорить громче, признала себя княжна виновною в обоих приписываемых ей преступлениях и повторила свое показание, данное у следователя.

— Что побудило вас к совершению таких страшных преступлений? — спросил председатель.

Публика как бы замерла в ожидании. Подсудимая молчала.

Председатель повторил свой вопрос, но снова не получил ответа.

— Садитесь, — сказал он ей.

Княжна скорее упала, чем села на скамью. В публике послышался шепот неудовольствия. С согласия представителя обвинительной власти, трибуну которого занимал Новский, суд нашел допрос свидетелей, в виде сознания подсудимой, излишним и постановил приступить к судебным прениям.

Новский в небольшой, но энергичной речи нарисовал перед присяжными заседателями картины двух совершенных обвиняемой преступлений, выразил глубокое убеждение, что они обвинят ее, так как она сама созналась в них и это сознание вполне соответствует обстоятельствам дела, но заметил при этом, что сознание подсудимой не может быть названо чистосердечным, за которое сам закон смягчает наказание преступнику.

— Оно не полно, подсудимая что-то скрывает, быть может, очень важное для правильного отправления над ней правосудия, быть может такие обстоятельства, на основании которых вы могли бы, с спокойною совестью, дать ей снисхождение, быть может даже своих сообщников, остающихся безнаказанны-

ми, она не хочет раскрыть всецело свою душу перед вами, своими судьями. Пусть пеняет на себя. Вы не дадите ей снисхождения.

Так кончил свою речь обвинитель.

— Подсудимая, что вы имеете сказать в свое оправдание, встаньте! — обратился к обвиняемой председатель.

Она тяжело поднялась со скамьи. Публика снова застыла в ожидании.

— Я виновата... — раздался чуть слышный шепот. Она села, видимо не будучи в силах устоять на ногах.

— Вы не имеете ничего прибавить? Подсудимая молча покачала головой.

Председатель сказал резюме и передал старшине присяжных заседателей вопросный лист. Присяжные удалились для совещания. Наступили самые томительные минуты всякого уголовного процесса. Не более как через четверть часа присяжные вышли и старшина громко прочел вопросы и ответы. Оба ответа были: да, виновна, но заслуживает снисхождения.

В публике раздались аплодисменты, Подсудимая набожно перекрестилась на образ.

Председатель позвонил, и суд, выслушав заключение прокурора, удалился для постановления приговора. Через полчаса был он объявлен: княжна Маргарита Дмитриевна Шестова, по лишению всех прав состояния, была присуждена к каторжным работам на двенадцать лет. Подсудимую увезли обратно в тюрьму. Публика разошлась.

Прошло два месяца. Приговор о княжне Шестовой, посланный на Высочайшее утверждение, как состоявшийся над лицом дворянского звания, вернулся, объявлен в окончательной форме и вступил в законную силу. Княжна была отправлена этапным порядком в Москву в пересыльный замок.

В Т. несколько времени еще потолковали о деле княжны, а потом и позабыли о нем, тем более, что на смену ему явилось другое дело, заинтересовавшее общество: один выдающийся т-ский адвокат попал под суд, и от следствия ожидали пикантных разоблачений из адвокатской практики обвиняемого. Говорили о привлечении к делу многих лиц из общества. Дело о растрате покойною княгинею Шестовою опекунских сумм было замято Ни-

колаем Леопольдовичем, к обоюдному удовольствию его и т-ской дворянской опеки, с согласия князя Владимира Александровича Шестова, который избрал Гиршфельда своим попечителем.

XXV
В Тюмени

Поезд Екатеринбурго-Тюменской железной дороги прибыл к конечному пункту своего движения — в Тюмень. Это было в последних числах июля 188* года, в семь часов утра по местному времени. День был воскресный.

Движение по этой «паровой черепахе», как местные остряки называют железную дорогу, нельзя назвать оживленным. Довольно красивое здание вокзала всегда представляет пустыню: нет обычного на железнодорожных станциях движения, не видно встречающих, сторожа, носильщики и лакеи при буфете апатично двигаются по платформе и вокзалу даже при приближении пассажирского поезда, прибывающего, впрочем, всего один раз в сутки, в ранний час утра. Они хорошо знают,

что поезд привезет не сотни, а десятки лиц, из которых лишь некоторые потребуют их услуг. Перед вокзалом, впрочем, стоит несколько извозчиков, экипаж — тележка на дрожинах, костюм самый разнообразный, начиная с потертого сюртука с чужого плеча и кончая выслужившим свой срок арестантским халатом. Видимо и они собираются лишь «по обычаю», без особенной надежды на седоков, которыми не избаловала их железнодорожная станция. Так было и в описываемый нами день.

Раздался протяжный свисток, и поезд, состоящий из пяти, шести вагонов пыхтя, медленно, как бы ползком, притащился к платформе. Из вагонов вышло десятка полтора пассажиров, видимо местных, судя по тому, что ни один из них не заботился о багаже, весь имея его в руках, в форме узлов, чемоданов, корзин, и вскоре все они покинули гостеприимную кровлю вокзала, не полюбопытствовав даже взглянуть на буфетные залы. На этот раз только один путешественник явился добычей сторожей и заспанных лакеев. С недоумением оглянул он пустынную плат-

форму.

Заметно было тотчас, что он приехал из России, как принято называть центральные русские губернии. Этот путешественник был Антон Михайлович Шатов.

Он исхудал до неузнаваемости. Темно-серая летняя пара и такое же пальто висели на нем как на вешалке, в усах и в бороде появилась сильная седина, тоже замечалась и в его когда-то черных, как смоль кудрях, выбивавшихся из-под дорожной фуражки. Когда-то блестящие глаза — потускнели и приняли мрачное выражение.

Выпив наскоро стакан кофе и получив от лакея сведение, что пароход отходит в Томск в три часа ночи, он приказал ему получить его багаж и нанять извозчика в ближайшую к пароходной пристани гостиницу.

— Трогай, желанная! — ударив лошадь вожжами, крикнул возница, когда Антон Михайлович уселся, и лошадь как-то боком поскакала по немощеной улице.

Впереди, тоже вскачь, ехал извозчик с багажом.

Ближайшая к пристани гостиница оказа-

лась весьма далекой от вокзала, и Шатову, volens-nolens, пришлось осмотреть весь город. Нельзя сказать, чтобы он вынес из этого осмотра приятное впечатление. Немощеные улицы, деревянные мостки, вместо тротуаров, сделанные скорее для погибели, нежели для удобства пешеходов, так как на них весьма легко сломать себе ногу, и местные обыватели благоразумно обходят их, что наш путешественник мог заметить, по нескольку встреченным им по пути прохожим, удивленно останавливавшимся и оглядывавшим его внимательным и любопытным взглядом. Вместо домов покосившиеся деревянные лачуги и лишь изредка нечто, похожее на городские постройки. Попадались, впрочем, и каменные дома, на них обязательно находились вывески: «Водочный завод» или что-нибудь в этом роде и красовались доски с еврейскими фамилиями владельцев. Одно лишь здание каменное, оштукатуренное, изящной архитектуры, привлекло внимание Шатова, мелькнув светлым пятном на темном фоне.

— Это что за здание? — обратился он к вознице.

— Александровское реальное училище! — отвечал тот.

Наконец, проехав несколько улиц, или правильнее, переулков, передний извозчик повернул в открытые ворота, над которыми находилась вывеска: «Гостиница», а на столбах и закрытой калитке были налеплены какие-то афиши. Следом за своим багажом въехал во двор и Антон Михайлович.

Его сундук уже втаскивал на плечах по лестнице какой-то бородач, а чемодан тащила туда же босоногая баба.

Расплатившись с извозчиками, Шатов последовал за ними. Гостиница помещалась в двухэтажном, довольно приличном доме.

Лучший номер, куда принесли вещи приезжего, находился на втором этаже. Там было всего три, четыре номера и двери двух из них выходили в обширную залу, занятую громадным обеденным столом, сервированным довольно опрятно и даже украшенным двумя фарфоровыми вазами с букетами искусственных цветов.

— Сюда пожалуйте! — визгливым голосом пригласила приезжего босоногая бабенка,

распахнув первую дверь, выходящую в зал.

Антон Михайлович вошел в номер.

Помещение было очень опрятное и уютное: мебель заново обитая светлым ситцем, такая же перегородка, за которой виднелась пышная постель с несколькими подушками в белоснежных наволочках. Все это, освещенное солнцем, лучи которого проникали в открытые окна, придавало комнате веселый вид и производило приятное впечатление укромного уголка.

— Не прикажете ли чего? — осведомилась босоногая баба.

— Нет, пока ничего! — отвечал Шатов, с видимым наслаждением сбрасывая с себя дорожную сумку, револьвер в кобуре и снимая пальто.

Служанка удалилась, плотно приперев за собою дверь.

Антон Михайлович подошел к окну и в изнеможении опустился в стоявшее около него кресло.

Из этого окна, благодаря низким зданиям города, открывался обширный горизонт. Виднелся, как на ладони, почти весь немудрый

городок.

XXVI
Наедине с прошлым

Антон Михайлович задумался.

«Вот она, эта Сибирь! Непривлекательна, хотя это одни из ее первых аванпостов, но для меня все безнадежно потеряно. Здесь, по крайней мере, год тому назад была и она, да, почти год, в прошлом году в конце августа или в начале сентября она должна была отправиться с партиею. Мне сказал это смотритель московской пересыльной тюрьмы».

Он припомнил свое посещение этой тюрьмы, известное в Москве под именем Колымажного двора. Припомнил чистенькую, веселенькую квартирку смотрителя. Ему отперла миловидно одетая девушка лет восемнадцати и провела его в гостиную, куда вышел ее отец смотритель — добродушный старик, с открытым, честным лицом. Антон Михайлович представился и изложил свою просьбу о нужной ему справке.

— Ах, это ваша бедная княжна! — заметил

смотритель. — Мы здесь все ее так полюбили, хотя она и пробыла недолго...

Смотритель посмотрел на дочь. Та вся вспыхнула и на ее глаза навернулись слезы. Через несколько минут она вышла из гостиной.

— Не может забыть, — заметил смотритель, кивнув в сторону ушедшей, — очень уж с ней сдружилась, навзрыд плакала о ней когда ее отправляли.

Он передал Антону Михайловичу подробности пребывания княжны под его начальством.

— Болезненная она такая, все последнее время кашляла и так нехорошо кашляла, едва ли вынесет такой страшный путь! — сказал он, между прочим. Шатов почувствовал и теперь, как и тогда, как сжалось его сердце.

— Нынче у вас конец октября, — продолжал смотритель, — она должна уже быть теперь на месте, так как отправилась в конце навигации, т. е. в августе.

— Антон Михайлович поблагодарил за сообщение сведений и простился с радушным смотрителем. Тот сам запер за ним дверь.

Не успел Шатов сделать несколько шагов по широкому двору тюрьмы, как услыхал за собою голос.

— Постойте, господин, подождите!

Он обернулся. Перед ним стояла вся раскрасневшаяся дочка смотрителя, глаза ее видимо были заплаканы, в руках она держала довольно толстый запечатанный конверт.

— Вы меня звали? — обратился к ней Шатов.

— Вас! Вас ведь зовут Антон Михайлович Шатов, вы доктор?

— Да.

— Княжна думала, что вы будете ее разыскивать и поручила мне передать вам это.

Девушка подала ему конверт. На нем рукой княжны была сделана надпись: «Антону Михайловичу Шатову, в собственные руки». Антон Михайлович, как теперь помнит, приложил этот конверт к своим губам. Когда же он оправился от первого волнения и хотел поблагодарить подательницу, ее уже не было. Она скрылась.

Как сумасшедший бросился Шатов на извозчика и приказал ехать домой.

Приехав, он заперся в кабинете, бережно разрезал конверт и вынул объемистую рукопись, развернул ее. «Моя исповедь», прочел он заглавие и принялся за чтение.

Княжна Маргарита Дмитриевна подробно рассказывала в ней повесть своей жизни в течение семи лет со дня встречи ее с Гиршфельдом в Шестове, то нравственное состояние, в котором она находилась перед этой встречей. Она избегала называть его по имени, но Антон Михайлович знал, о ком она говорит. Шаг за шагом описывала она свое падение под влиянием этого человека, точно воспоминания об этих подробностях, видимо писанные с измученной душой, полной раскаяния, доставляли ей жгучее наслаждение самобичевания. Она оканчивала свою исповедь полным раскаянием во всем и мольбой о прощении у него и объясняла, почему она для него одного предназначала ее, тем, что он единственный человек, которого она могла бы любить, если бы смела, и она не хочет сойти в скорую могилу с какой-либо тайной от него.

Исповедь была написана по-французски. Страшное впечатление произвела на него эта

рукопись, он перечел ее несколько раз с начала до конца, и образ преступной, но все еще любимой им девушки заменился образом страдалицы, жертвы темперамента, воспитания, среды — роковой встречи.

Он почувствовал, что после прочтения этой исповеди он полюбил уже не ее падшую, преступную, а какую-то другую, возродившуюся, раскаявшуюся, прекрасную и несчастную. До прочтения он хотел лишь увидать ее, проститься с ней, теперь он хотел быть около нее, всю жизнь, до гроба. Антон Михайлович и теперь машинально, но бережно вынул из бокового кармана конверт и развернув рукопись, стал читать ее.

Окончив чтение, он снова положил ее в конверт и спрятал в карман. Он перенесся мыслью в более отдаленное прошлое. Он в Париже. Получив последнее письмо княжны, обрекавшее его на годичный искус, он с болью в сердце подчинился этому жестокому решению. Единственное удовольствие — получать весточки от безумно любимой им девушки и в письмах к ней отводить душу, которое он позволял себе среди усиленных на-

учных трудов, было у него отнято. Он еще более углубился в работу, в науку. В ней он хотел найти забвение и таким образом поскорее прожить этот роковой для него год. Он сделался совершенным затворником. Прежде еще он иногда посещал театры, кафе, некоторых знакомых из русских, теперь он перестал бывать всюду, кроме лекций и профессоров, под руководством которых он работал. Антон Михайлович отчетливо вспомнил даже теперь, почему это произошло: ему тяжело было видеть веселые лица, вид мужчины и женщины, идущих под руку, причинял ему невыносимые страдания. Он стал избегать даже без особенной надобности выходить на улицу.

Вдруг Антон Михайлович вздрогнул: ему живо припомнился самый страшный день в его жизни. Это было месяца через четыре после получения письма княжны. Он только что вернулся с лекции, как к нему явился незнакомый ему молодой человек.

Гость оказался только что приехавшим из Москвы, окончившим курс медиком, посланным на казенный счет за границу для усовер-

шенствования в науках.

Он привез ему письмо от одного из знакомых Шатову профессоров медицинского факультета и книгу, завернутую в газетную бумагу. Профессор рекомендовал ему г. Зингирева (такова была фамилия гостя) и поручал вниманию Антона Михайловича свой недавно вышедший из печати труд по какому-то медицинскому вопросу. Гость вскоре откланялся.

По его уходе Шатов взял принесенную им книгу и вдруг он прочел, явственно прочел в одном из столбцов газеты, в которую она была завернута: княжна Маргарита Шестова. Он с силой разорвал бичевку, связывавшую книгу. Воспоминание об этом было так сильно, что Антон Михайлович теперь, почти через год, почувствовал, как и тогда, боль в указательном и среднем пальцах правой руки, обрезанных бичевкой. Газета оказалась номером «Московских Ведомостей» от 13 июня 187* года, а статья, где были напечатаны имя, отчество и фамилия любимой им девушки — корреспонденцией из Т., состоявшая из подробного отчета о судебном заседании по де-

лу княжны Шестовой. Антон Михайлович ясно помнит, что он дочитал до конца эту корреспонденцию, но более он не помнит ничего. С ним случился нервный удар.

Оправившись от болезни, он тотчас же уехал в Россию, но увы, опоздал. Приехав в Т., он княжны уже там не застал, не застал ее в Москве, где получил о ней известие от смотрителя и ее «исповедь» от его дочери.

Антон Михайлович горько улыбнулся. Он припомнил, как отговаривали его в Москве его товарищи, профессора, знакомые, когда он решил, после прочтения исповеди княжны, ехать на службу в Восточную Сибирь. Они не могли понять, — ои не выдал им своей тайны, — что заставляет его менять большой город, прекрасную практику, кафедру старейшего русского университета, которую он не нынче — завтра должен был занять, на казенную службу в далекой Сибири. Он хотел быть около нее, облегчить насколько возможно ее участь, а они, они этого не знали.

Лицо его вновь приняло серьезное выражение. Он вспомнил день, когда он посетил Карнеева, рассказал ему все, а также и свое

решение.

— Поезжай, любовь к падшим и раскаявшимся — высшая любовь! — сказал этот уже совершенно отрекшийся от мира человек.

Антон Михайлович принялся хлопотать и месяц тому назад получил место городового врача в Иркутске.

«А что если я не застану ее в живых?» — мелькнуло вдруг в уме Шатова, когда он припомнил все им пережитое.

При одной этой мысли две крупные слезы скатились с его глаз на усы. Яркое солнце, как в каплях росы, заиграло в них. Антон Михайлович встал и начал ходить по комнате.

— Обедать будете, или еще рано? — отворила дверь босоногая баба.

Он приказал подавать.

После обеда он пошел погулять по городу, а вернувшись, лег и стал читать. В десять часов вечера он поехал на пароход.

XXVII
Посадка арестантов

У пристани, помещающейся на окраине города, за слободой, застроенной полуразвалившимися деревянными лачугами и даже землянками, где ютится по большей части ссыльный элемент, стояло несколько ломовых и живейных извозчиков и толпилось довольно много народу, чего-то как бы ожидающего. В этой толпе было много баб торговок и разносчиков. Первые были увешаны калачами, витушками, а в корзинках, стоящих у их ног, была всякая снедь, яйца, огурцы, кедровые шишки, сера[2] и прочее; тут же стояли бутылки с молоком, сливками; мужчины предлагали колбасу, рыбу вяленую и свежую и бутылочный квас.

Расплатившись с извозчиками, Антон Михайлович сдал багаж, взял себе билет первого класса и вошел на пароход, где в общей мужской каюте застал только одного пассажира. Они разговорились. Попутчик оказался местным купцом Иннокентием Павловичем Кит-

мановым, ехавшим по делам в Томск.

— Сколько, однако, народу с нами едет! — заметил в разговоре Антон Михайлович, вспомнив виденную им у пристани толпу.

— Откуда вы это знаете?

Тот объяснил.

— Вы ошибаетесь, это не пассажиры, это дожидаются партии.

— Какой партии?

— Арестантов.

— Разве с нами поедут арестанты? — невольно дрогнувшим голосом спросил Шатов.

— Да, от Тюмени до Томска пароходы одной компании Игнатова и Курбатова, которые возят почту и каждый рейс берет на буксир арестантскую баржу. Пойдемте на палубу и увидите; она уже прицеплена и готова принять своих даровых пассажиров.

Оба поднялись наверх.

Узкая Тура в плоских берегах несла около Тюмени свои мутные волны и на них качался большой пароход «Коссаговский», как гласила надпись на установленных рядком на палубе двенадцати ведрах. По одной линии с

ним мирно покачивалась на буксире арестантская баржа — громадное судно с каютами, окруженными с двух сторон, параллельно бортам, железными решетками, придающими ей вид громадной клетки.

«И в такой-то позорной клетке, быть может даже в этой самой, менее года тому назад провезли и ее, мою несчастную Маргариту!» — подумал Антон Михайлович, и слезы затуманили его глаза.

Погуляв на палубе, они спустились вниз, вошли в рубку, куда и приказали дать себе чаю, Китманов оказался человеком побывавшим всюду, как в Западной, так и в Восточной Сибири, и рассказы его заинтересовали Шатова. Незаметно за беседою пронеслись часы. На пароход стали собираться пассажиры, хотя не особенно в большом количестве. Наступила ночь.

Вдруг с берега в рубку до наших новых знакомых донесся сначала какой-то неопределенный шум, затем топот множества ног, звон оружия и лязг цепей.

Антоя Михайлович посмотрел на часы — был первый час ночи.

— Вот и наши невольные попутчики и попутчицы прибыли! — заметил Иннокентий Павлович.

Шатов вопросительно посмотрел на него.

— Арестантская партия пришла… — объяснил тот.

Лицо Антона Михайловича снова подернулось дымкой грусти.

— Пойдемте, посмотрим с палубы, картина посадки ночью очень эффектна.

Им действительно представилась эффектная картина. Северная ночь вступила в свои права. Мириады звезд и луна как-то особенно ярко блестели на темно-синем безоблачном небосклоне и как бы бессильно боролись с тьмой, заволакивающей землю. Очертания неказистого города с убогою слободою на первом плане, кое-где выделяющимися крышами каменных зданий и куполами двух-трех церквей в отдалении, имели какой-то фантастический, даже красивый вид. На самом берегу, у пристани, мрак казался еще гуще, несмотря на то, что по бокам какой-то темной движущейся массы мелькали десятки фонарей, слабо освещая лишь отдельные фигуры. Проис-

ходило ли это оттого, что на самой пристани сравнительно светлее от двух фонарей у входа и освещенных окон пароходной «конторки» — так называется пристройка на пристани, где помещается пассажирская и багажная кассы — или же этому был виною туман, стеливший над рекою и берегами? Вдруг зычный голос закричал: «стройся», а затем раздалась команда «проходи» и из темной массы отделилась темная же узкая лента и быстро потянулась на пристань, а затем по сходням на баржу. При сравнительном свете на пристани Шатов и Китманов могли различить бегущие фигуры арестантов в их однообразных костюмах — серых халатах и таких же шапках без козырька, иные с котомками за плечами, иные с узлами в руках и почти все с купленною на берегу незатейливою провизиею. Как в калейдоскоп проносились они перед глазами наших путников, звеня на ходу кандалами, и этот звон дополнял грустную картину не менее грустной мелодией.

— Десять, двенадцать, тридцать... — слышался с баржи резкий голос считавшего входящих, и гулкое эхо разносило этот счет на

далекое пространство сибирской степи.

Но вот картина изменилась: вместо фигур в шапках появились фигуры в белых платках — это началась посадка женщин. Впрочем, можно было угадать это, закрыв глаза, так как кандальный звон прекратился и его заменили пискливые выкрикивания — это арестантки переругивались, или просто на ходу беседовали между собой. Антон Михайлович положительно впился глазами в эту процессию и казался еле стоящим на ногах, так судорожно сжимал он рукою железные перила палубы, на которые облокотился всем телом.

— И она… также… — вслух подумал он.

— Что? — отозвался Иннокентий Павлович, но не получил ответа.

Он взглянул на Шатова.

— Что с вами, вы бледны как смерть, вам дурно? — засуетился он.

— Нет, ничего, просто голова закружилась, долго смотрел вниз! — опомнился тот.

В это время шли уже последние арестантки, за ними потянулись нижние чины конвоя с фонарями, а сзади партионный офицер. Еще

минута и все они скрылись на барже, откуда несся какой-то гул, перемешанный со звоном цепей, и давал знать, что баржа ожила, что партия посажена.

— Пойдемте теперь спать... — сказал Китманов.

— И то пора! — согласился Шатов и взглянул на часы. Было четверть второго пополуночи.

XXVIII
На арестантской барже

Берег у пристани мало-помалу опустел. Изредка лишь подъезжали и подходили запоздалые пассажиры, но на барже до того самого момента, когда пароход тронулся в путь, кипела жизнь. Никто из арестантов и арестанток не думал ложиться на жесткие нары. По мере входа арестантов на баржу их распределяли по камерам, которых было четверо, три мужских и одна женская, по две с каждой стороны. Середина занята проходом для часовых, а в конце этого прохода, на носу, помещается каюта этапного офицера. На корме

пристроена арестантская кухня и помещение команды. Таково внутреннее расположение арестантской баржи.

Каторжные и беглые занимали отдельную камеру — это аристократы ссылки. В ней сравнительно господствует тишина. Они ведут себя степенно, чинно, почти величаво, как бы в сознании своего превосходства над остальными пассажирами баржи, превосходства, добытого важностью совершенных преступлений. Их полубритые головы придают и без того несимпатичным лицам выражение зверское, отталкивающее.

Две другие мужские камеры наполнены бродяжками, ссылаемыми на житье, на поселение. Они сравнительно бесцветны по типам их невольных пассажиров — обыкновенно забитые, испуганные русские крестьянские лица и хитрые птичьи физиономии «жидков», прорвавшихся в каком-нибудь гешефте, но в виду их врожденной мошеннической осторожности попавших большею частью «на житие», реже «на поселение». Они держатся в стороне и болтают без умолку на своем жаргоне, сильно, по обыкновению, же-

стикулируя. Несколько татар перебрасываются изредка на своем языке. Русский элемент молчалив и занят, кто едой купленной на берегу провизии, а окончившие насыщаться — позевывают, изредка переругиваясь между собой, без злобы, а как бы для времяпрепровождения.

В женской камере, согласно русской пословице: «где две бабы — базар, где три — ярмарка», стоял положительный гул от визгливых голосов беседующих друг с другом арестанток, перемешанный с громким пестаньем ребят и криком последних. Типы арестанток тоже были все из обыденных, и лишь одна, лежащая в дальнем уголке камеры на нарах, с сложенным арестантским халатом под головой, невольно привлекала к себе внимание.

Брюнетка с матовым цветом лица, от болезненной худобы сделавшимся восковым и почти прозрачным, с большими черными огневыми глазами, полузакрытыми отяжелевшими веками и густыми ресницами, которые она с трудом поднимала, изредка окидывая грустным взглядом окружающую обстановку. Все черты ее еще молодого лица дышали

энергией, надломленной жизнью, или скорее приближающейся смертью, на близость которой красноречиво указывал ее яркий чахоточный румянец. Греческий красивый нос принял уже заостренную форму, и под неуклюжим арестантским платьем можно было угадать высокую, стройную и хорошо когда-то сложенную женщину, от которой остались теперь только, как говорится, кожа да кости.

Около нее, также как и она, не принимая участия в общем гомоне, царившем в камере, сидела старуха-арестантка с добрым, несколько слезливым выражением морщинистого лица. Такое выражение часто встречается у старух крестьянок.

— Что, болезная, отдохнула? — наклонилась она к молодой и в тоне ее голоса прозвучала нотка искренней жалости.

Молодая бросила на нее удивленно-благодарный взгляд, красноречиво свидетельствовавший, что она не привыкла встречать сострадание, и слабым голосом отвечала:

— Благодарю, бабушка, теперь как будто получше. Устала уж я очень, от острога-то

ведь пешком не близко.

— Отдыхай, касаточка, отдыхай, ишь на тебе лица нет, краше в гроб кладут.

— Скоро может и уложат! — печально проговорила больная.

— И что ты, с моего старой дуры слова не станется, тьфу, тьфу! — отплюнулась старуха.

— А не хочется мне, бабушка, умирать еще, — сверкнула больная воспаленными глазами, — уж кажется, куда жизнь не красна, а впереди еще хуже страшная, неизвестная каторга, а все жить хочется, надежда все еще в сердце ютится и мысль, мысль, сама знаю нелепая: авось лучше будет, из головы не выходит...

Больная закашлялась.

— Никто как Бог, касаточка, — отвечала старуха, — может и в самом деле лучше будет. Каторга-то для нашей сестры не страшна, от бывалых слыхала я, бродяжка ведь я, в Сибирь-то эту второй раз иду. Работой не неволят, а коли больна, в тюремной больнице хоть всю жизнь лежи — свободно. Поправишься, Бог даст! Из себя ты такая чудесная, начальству приглянешься, первым челове-

ком будешь — барыней. Конечно, коли перед начальством фордыбачить небудешь, покоришься.

Молодая горько улыбнулась.

— Нет, уж лучше смерть... — прошептала она.

— Э, мать, не нами начато это, не нами и кончится. Бабам везде одна планида! — заключила старуха, зевая и торопливо крестя открытый рот.

— Ишь неженка разлеглась, убери ножищи-то! — резким голосом крикнула на больную корявая, курносая баба, поместившаяся рядом. — Два места заняла, барыня каторжная.

Больная покорно подобрала ноги.

— Ты чего охальничаешь; благо отпору тебе настоящего не дадут, — накинулась на корявую старуха, — видишь, чай, буркалами-то своими, что она еле дышит.

— А по мне издыхай она вместе с тобой, старой хрычевкой! — отпарировала корявая.

Арестантки, что называется, сцепились.

Больная лежала с закрытыми глазами. Каким-то выражением всевыносящего терпения

дышало это красивое, истомленное лица. Это была, читатель наверное уже догадался, княжна Маргарита Дмитриевна Шестова. Она заболела в прошлом году в Тюмени воспалением легких и пролежала почти целый год в тюремной больнице. Поправившись немного, но уже с неизлечимым недугом, выписанная из больницы, она отправлялась далее, согласно приговору Т-ского окружного суда.

XXIX

Кровавый эпилог

Пароход и баржа шли без всяких приключений. Наступил восьмой день плавания. Причалили к последней перед Томском станции — Нарыму. Нарым — это маленький заштатный городишко Томской губернии. Он лежит в котловине, в полуверсте от берега реки Томи. С реки его трудно было бы и заметить, если бы колокольни двух церквей, да деревянная полицейская каланча не обличали его существования.

Не успел пароход остановиться, как с баржи прибежал старичок-фельдшер, находив-

шийся при арестантах, и запыхавшись начал спрашивать, нет ли среди пассажиров доктора?

— Я врач, — ответил Шатов, услыхав его расспросы, — что случилось?

— С арестанткой дурно, а я положительно не знаю, что делать, все средства перепробовал.

— С арестанткой? — вздрогнул Антон Михайлович.

— Да, да, пожалуйста, пойдемте поскорей, каждая минута дорога, очень сильно мучается.

Шатов последовал за ним.

Он привел его в женскую камеру и, растолкав столпившихся у одной из нар арестанток, указал ему на лежавшую на нарах княжну Маргариту. Она лежала навзничь, с закрытыми глазами, приложив обе руки к груди, и стонала. Увидав ее, Антон Михайлович остолбенел и машинально взял за руку. Она открыла глаза и узнала его.

— Ант... — сделала она усилие выговорить его имя, судорожно сжав ему руку, но не смогла.

Точно от какого-нибудь сильного толчка, все тело ее вдруг дрогнуло и вытянулось...

— Она умерла! — не своим голосом произнес Шатов и, выдернув свою руку из рук покойной, быстрыми шагами пошел к выходу.

Лицо его было так страшно, что столпившиеся было снова, арестантки в ужасе перед ним расступились. Фельдшер стоял с поникнутой головой. Ему, видимо, было жаль умершую.

Вернувшись на пароход, Шатов в рубку потребовал себе лист бумаги, перо и чернильницу и стал писать. Написав несколько строк, он сложил бумагу и положил ее себе в карман, потом, вернувшись в каюту, вынул из кобуры револьвер и поднялся на палубу. Она, как и все каюты, была пуста. Пассажиры, обрадовавшись остановке, высыпали на берег.

Вдруг с парохода раздался выстрел. Все бросились туда и вбежали на палубу. Антон Михайлович был уже мертв и лежал навзничь. В правом виске зияла огнестрельная рана, весь пол около него был залит кровью, невдалеке валялся револьвер большого калибра. Дали знать в город.

Явился местный полицейский пристав — старик лет пятидесяти пяти. Началось составление акта. В кармане пиджака самоубийцы найдена была записка следующего содержания.

«В смерти моей прошу никого не винить. Я застрелился сам. Весь мой багаж, все ценные вещи и деньги я дарю тому полицейскому офицеру, который будет составлять акт о моем самоубийстве, с тем, чтобы он похлопотал исполнить мою последнюю просьбу — похоронить меня рядом с той арестанткой, которая только что сейчас умерла на барже.
Иркутский городовой врач А. Шатов».

После акта пристав составил опись найденным при покойном вещам и деньгам — их оказалось около двух тысяч рублей — а также переданному ему капитаном парохода багажа самоубийцы. В принятии последнего он выдал капитану особую расписку, на которой подписался: Полицейский пристав города Нарыма Флегонт Никитич Сироткин.

Во время исполнения этих формальностей

пароход уже дал два свистка.

Тело Шатова вынесли на берег и положили на траву рядом с телом княжны Маргариты Дмитриевны Шестовой, вынесенным незадолго перед этим с баржи. Их в ожидании прибытия дрог, за которыми распорядился послать Флегонт Никитич, покрыли рогожей. Желание Антона Михайловича исполнилось: он нашел княжну и был около нее.

Пароход дал третий свисток и тронулся в путь. Ни кучке местных жителей, собравшихся к прибытию парохода, ни взволнованным происшествием пассажирам отошедших от пристани парохода и баржи не могло прийти и в голову, что им довелось быть свидетелями кровавого эпилога страшной жизненной драмы, начавшейся много лет тому назад в Москве и что эти два трупа, лежащие рядом под рогожей на печальном, неприютном берегу сибирской реки, дополнили лишь серию других трупов близких им людей, похороненных в России, по которым победоносно прошел один человек. Догадывались лишь по записке, оставленной самоубийцей, что в происшествии есть романическая подкладка. До

большего додуматься не могли.

Сама жизнь подчас является автором таких сложных драм, до которых уму человеческому никогда и не додуматься.

Часть третья
В тенетах

Подождите! Прогресс подвигается,
И движенью не видим конца:
Что сегодня постыдным считается,
Удостоится завтра венца...

Н. Некрасов

I
Семейная тайна

В громадном, роскошном доме князей Гариных, на набережной реки Фонтанки, царила какая-то тягостная атмосфера. Несмотря на то, что это был разгар сезона 187* года, солидному швейцару, видимо из заслуженных гвардейцев, с достоинством носившему княжескую ливрею и треуголку, привычно и величественно опиравшемуся на булаву, с блестевшим, как золото, медным шаром, — было отдано строгое приказание: никого не прини-

мать. Было воскресенье, четвертый час дня — визитные часы петербургского большого света.

Элегантные экипажи разных форм и наименований то и дело останавливались у шикарного подъезда, и ливрейные лакеи, соскочив с козел или запяток, буквально ныряли в подъезд и, возвращаясь к экипажам, обратно несли швейцару визитные карточки посетителей. На серебряном подносе, стоявшем на одном из столиков обширной швейцарской, по счету швейцара их уже кончалась вторая сотня. При появлении каждой посторонней ливреи, бравый швейцар вставал со своего кресла, произносил лаконичное: «не принимают», и с достоинством брал из рук возвратившегося к нему лакея визитную карточку. На губах его, впрочем, каждый раз при этом появлялась сардоническая улыбка.

Уже более десяти лет нес он швейцарскую службу при княжеских палатах и хорошо знал этот, так называемый «большой свет», который лучше и скорее познается в передних и швейцарских, нежели в залах и гостиных. Он понимал, что не выражение искрен-

ней дружбы и участия, не желание свидания, а одно праздное любопытство служило причиной такого необычайного наплыва визитеров в приемные часы в княжеском доме. С некоторыми из лакеев он был в близком знакомстве и видел по их вопросительным физиономиям, что они не прочь были бы расспросить его кой о чем, рискуя даже заставить дожидаться своих господ, полагая, и, вероятно, не без основания, вознаградить их за это ответами швейцара. Последний старался держать себя с таковыми еще более надменно, и своею холодною недоступностью заставлял их прикусывать языки с вертевшимися на них вопросами. После их сконфуженного ухода, он как-то еще с большею важностью выпрямлялся, на лице его появлялось выражение исполненного долга и гордого сознания, что он состоит охранителем княжеской семейной тайны.

Такая семейная тайна на самом деле существовала.

Уже с неделю, как в петербургских великосветских гостиных стал циркулировать упорный слух о каком-то домашнем романе два-

дцатилетнего князя Виктора Гарина, готовившегося к поступлению юнкером в один из фешенебельных гвардейских полков, с камеристкой его матери. Лица, видевшие за последние дни старую княгиню и двух молодых княжен, нашли подтверждение этого слуха в расстроенном виде первой и в сконфуженных личиках вторых. Лишь в лице старого князя с вечной фирменной, если можно так выразиться, приветливой улыбкой на устах, не могли прочесть ничего. Он был непроницаем, как не только вполне светский человек, но и как опытный придворный.

Накануне того дня, с которого начинается наш рассказ, молодой князь Виктор Гарин внезапно выехал за границу в сопровождении своего воспитателя-француза. Слух об этом несвоевременном отъезде молодого князя, единственного наследника титула и богатств, с быстротою молнии облетел петербургский большой свет и еще более подтвердил правдивость великосветской романической сплетни. Всем хотелось узнать подробности пикантной истории, но увы — добыть их было затруднительно. Княгиня с дочерь-

ми, спохватившись, что она не в силах притворяться равнодушной к поразившему ее инциденту в семье, скрылась на время от взоров света в тесном семейном кругу.

Ее всегда гостеприимные гостиные вдруг закрылись для всех, и вследствие этого стали вдруг же обладать особой притягательной силой. Весь петербургский beau-monde стремительно понесся на набережную Фонтанки. Этим объясняется такая быстрая смена экипажей у подъезда дома Гариных.

До второго часа дня чугунные золоченые ворота княжеского дома были отворены настежь, и лишь когда изящная карета английской работы с опущенным с обоих сторон шторами, запряженная парой серых в яблоках, кровных рысаков, въехала в замощенный гранитом двор, ворота медленно затворились. Это приехала старая княгиня Зоя Александровна от обедни, которую она слушала в соборе Смольного монастыря, где не рисковала встретиться со своими, — как она называла лиц, принадлежащих к ее кругу.

Она вошла в дом с бокового подъезда. Два лакея в ливрейных фраках бросились на-

встречу ее сиятельству в маленькой передней, бережно сняли с нее крытую малиновым бархатом ротонду из голубых песцов, и теплые ботинки, опушенные мехом шиншиллы.

— Позвать ко мне Александру в угловую! — кинула она приказ третьему лакею, встретившемуся с ней и вытянувшемуся в струнку в коридоре, ведшем, минуя парадные комнаты, в угловую гостиную, смежную с кабинетом старой княгини.

Она вошла в кабинет и в изнеможении опустилась в одно из стоявших в нем кресел, обитых синим трипом. Перед ней, как из земли выросла горничная. Княгиня остановила на ней удивленный взгляд. Видимо, появление перед ней этой служанки было для ее глаз делом непривычным.

Вдруг она сделала движение головой, как бы что-то припомнив и быстро стала стягивать перчатки, развязала ленты шляпки и то и другое молча отдала камеристке.

Та неслышными шагами вышла из кабинета.

Зоя Александровна встала, подошла к письменному столу с дорогим письменным

прибором, бюваром и всевозможными артистически сделанными безделушками, оперлась правою рукою на край стола, левую поднесла ко лбу и как бы застыла в этой задумчивой позе.

Княгиня Зоя Александровна Гарина принадлежала в былые годы к выдающимся петербургским красавицам большого света. Висевший на стене ее кабинета большой портрет, писанный масляными красками, изображавший молодую женщину в русском придворном костюме, снятый с нее лет тридцать-сорок тому назад, красноречиво подтверждал это обстоятельство. Несмотря на протекшие десятки лет, при первом взгляде на эту величественную старуху, роста немного выше среднего и приличной, не переходящей границ, полноты, с седыми буклями на висках и с правильными чертами до сих пор еще свежего, лишь в мелких морщинках лица, со светлыми, добрыми, покровительственно ласкающими глазами, с повелительным складом красивых полных губ, всякий нашел бы в ней поразительное сходство с изображенной на портрете, сияющей молодостью и

красотою, фрейлиной царствования Императора Николая. Зое Александровне было далеко за пятьдесят.

В описываемый нами день всегда спокойное, безмятежное лицо княгини носило отпечаток пережитого волнения, беспокойства, удивленной грусти. Именно удивленной, иначе нельзя определить это выражение. Видно было, что вся жизнь этой женщины протекла по заранее намеченному, ровному руслу, не выступая из берегов, не встречая на пути своем ни малейших препятствий, без бурь и шквалов, — иначе бы легкая зыбь, появившаяся на ее поверхности, устраненная быстро и даже, вероятно, бесследно, не могла бы произвести на нее такого сильного впечатления. Совершившееся же было именно легкой зыбью, хотя для непривычного к ограничениям воображения княгини оно представлялось каким-то подавляюще-страшным, еще далеко не устраненным несчастием. Предстоящее объяснение с «Александрой» — виновницей инцидента в княжеской семье, еще более усугубляло такое настроение Зои Александровны. Несмотря на то, что прошло уже более

недели со дня катастрофы, княгиня все продолжала переживать ее малейшие подробности и испытывала жгучие боли от растравляемой ею самою раны оскорбленного самолюбия. Проводив накануне сына за границу, удалив его от опасности, оградив от неизбежного, по ее мнению, падения и позора, словом — исполнив долг матери, княгиня поехала к обедне, дабы сосредоточиться в молитве и достигнуть забвения происшедшего и найти силы для хладнокровного, беспристрастного осуждения виновной; но в благоговейной обстановке храма ее не покидало воспоминание ряда безобразных картин пережитого. И теперь, после выслушанной литургии, они продолжали настойчиво проноситься перед ее духовным взором.

II

Мать и сын

Она помнит, твердо помнит, что это было в четверг на прошлой неделе. После завтрака, она с дочерьми Sophie и Annette сидела за рукоделием, в угловой гостиной; туда же пришел и Victor, ее cher Victor.

С нежной любовью вспоминает она образ своего любимца, находящегося от нее теперь на расстоянии курьерского поезда. Высокий стройный юноша, одетый в элегантную домашнюю бархатную визитку цвета prune, великолепно оттенявшую матовую белизну его строго-правильного лица, с выразительными карими глазами и темным, нежным пушком на верхней губе; волнистые светло-каштановые волосы своевольными завитками ниспадали на как бы выточенный из слоновой кости широкий лоб. О, как любила княгиня играть этими шелковистыми завитками, когда он, по обыкновению, садился на скамеечку у ее ног и склонял голову на ее колени! Увы, теперь он уже был далеко!

Княгиня снова перешла к воспоминаниям.

Ои вошел, и княгиня машинально подвинула ноги на скамейке, чтобы дать ему место; но он, против обыкновения, не занял его, а стал молча, быстрыми шагами ходить по гостиной, изредка беспокойным взглядом окидывая то свою мать, то дверь, ведущую в коридор.

— Что с тобой, Victor? — прервала молчание княгиня.

— Мне нужно, maman, переговорить с вами серьезно! — начал он глухим голосом.

— Серьезно? — ласково улыбнулась она. — Так говори! Здесь все свои. Садись! — указала она ему на скамейку у ее ног.

Он, казалось, не слыхал этого приглашения и продолжал на ходу:

— Повторяю, серьезно, так как дело идет о моей чести.

— О чести? Это громко! — улыбаясь, сказала она.

— Не громко, а страшно! — сказал он, остановившись перед ней.

Она побледнела, увидав его искаженное волнением лицо и горящие тревожным блес-

ком глаза.

— Я готовлюсь через несколько месяцев надеть гвардейский мундир, но при данных обстоятельствах это является делом невозможным.

— Почему?

— А потому, что я опозорю его, потому что я… подлец!..

Молодой князь с трудом выговорил последнее слово.

— Ты сумасшедший! Ты сам не понимаешь, что говоришь! — отвечала княгиня, стараясь казаться хладнокровной.

— Нет, понимаю! К сожалению, даже слишком понимаю! — продолжал князь Виктор с дрожью в голосе, все продолжая, не переменяя позы, стоять перед матерью.

— Так объяснись! Я, по крайней мере, не понимаю ничего.

— Сейчас, надеюсь, поймете. Как, по вашему, называется мужчина, который нагло обманул доверие девушки?..

— Sortez! — произнесла княгиня по адресу дочерей.

Те покорно вышли из гостиной. Княгиня с

сыном остались одни.

— Ты бредишь, безумный! — сказала княгиня, вскочив с кресла, и взяв сына за плечи, насильно усадила его на диван.

— Что такое, объясни толком…

— Я люблю, maman, и любим! — шепотом произнес князь.

— Кого, mon cher, и что же в этом ужасного? — ласково спросила княгиня, видимо немного успокоенная такой развязкой.

— Александру Яковлевну.

— Александру?.. Мою горничную?! — уставилась на него мать.

Она помнит и теперь, что волосы у нее поднялись дыбом при этом известии.

— Да, вашу горничную, — с горечью подчеркнул молодой князьэту фразу. — И только благодаря моей подлой скрытности, невеста моя до сих пор занимала в нашем доме такое неподходящее для нее положение.

— Твоя невеста?.. — с ужасом прошептала она.

— Да, невеста, более чем невеста — жена, хотя еще не венчанная!.. И я хочу, чтобы с ней обращались, как с таковой до тех пор, пока я,

произведенный в офицеры, не поведу ее торжественно к алтарю, не искуплю этим свой грех перед нею, не отблагодарю ее, посвятив ей всю мою жизнь за ее любовь и доверие ко мне.

В голосе его слышались слезы. Княгиня ушам не верила. Вдруг князь Виктор стремительно вскочил с дивана и бросился в коридор, откуда возвратился через мгновение, ведя за руку молодую девушку лет восемнадцати. Одетая в простенькое, темное шерстяное платье, красиво облегавшее ее грациозные формы, ростом выше среднего, с плавными движениями, с хитрым, кошачьим выражением миловидного личика, красоту которого французы весьма метко определяют словами beauté du Diable, с роскошной косой пепельного цвета, скромно завернутой на затылке, она казалась, сравнительно с взволнованным молодым князем, совершенно спокойной, и своими большими, смеющимися хитрыми глазами смело встретилась с вопросительным взглядом княгини. Такова была камеристка княгини Гариной — Александра Яковлевна, или как называла ее княгиня — Алек-

сандрита.

— Мы вместе пришли умолять вас об этом. Благословите нас и тем возвратите мне имя честного человека! — упав перед матерью на колени и увлекая за собой Александру, сказал молодой князь и тут же зарыдал.

Последняя, видимо, не очень охотно исполнила это.

Княгиня несколько времени молча и тупо смотрела на стоящих перед нею на коленях плачущего сына и потупившуюся, полусмущенную камеристку, и вдруг откинулась на глубокую спинку дивана в сильнейшем истерическом припадке.

На рыданье матери вбежали обе княжны, сидевшие в соседней гостиной. Александрита машинально побежала в будуар княгини и принесла одеколон и соли. Общими усилиями три девушки стали приводить в чувство Зою Александровну. Князь Виктор стоял поодаль у окна, и кусая губы, сдерживал невольно набегавшие на глаза слезы пережитого волнения. Княгиня очнулась и увидев наклонившуюся над ней Александру, продолжавшую примачивать ей виски одеколоном,

вдруг выпрямилась.

— Пошла вон мерз...

Она не успела докончить фразы, как Александрина, в свою очередь, выпрямилась во весь рост и бесстрашно, скорее нагло, — именно нагло, думала и теперь княгиня, — смотря ей в глаза, перебила ее, возвысив голос:

— Ни слова более! Не забывайте, что в моих жилах течет такая же княжеская кровь, как и в жилах ваших детей. Вы и я хорошо знаем это.

Пораженная княгиня испуганно начала озираться, и тут только заметила присутствие дочерей, переводивших свои вопросительные взгляды с матери на Александрину, стоявшую с гордо поднятой головой. Зоя Александровна опустила голову.

«Они слышали!..» — эта единственная мысль прессом давила ей голову.

Она и теперь вздрогнула от этой мысли.

Александрина, окинув еще раз смущенную княгиню вызывающим взглядом, неторопливой, полной достоинства, походкой вышла из комнаты. Ошеломленный князь Виктор про-

водил ее удивленным, но вместе с тем восторженным взглядом.

Он, как и его сестры, не понимал ничего.

III

Детство Александрины

В то время, как княгиня Зоя Александровна мучила себя воспоминаниями недавно ею пережитого, Александра Яковлевна Гаринова, так значилась она по мещанскому паспорту, тоже перебирала в своем уме одна за другой картины прошлого. Она сидела в своей маленькой, но уютной комнате, невдалеке от будуара княгини, на постели, покрытой белоснежным пеньковым одеялом, с целой горой подушек в тонких наволочках идеальной белизны. У ног ее лежал только что затянутый ею ремнями и запертый на ключ чемодан; сундук и другой чемодан, уже совершенно готовые, стояли у стены. Одета была она в то же платье, в котором являлась последний раз к княгине, но лицо ее, хотя и сохранявшее прежнее спокойствие, несколько осунулось, и в смеющихся, глазах не переставал гореть

злобный огонек. Она много пережила за эти полторы недели. Вечером, в памятный для нее четверг, — день объяснения с княгиней, — к ней явился камердинер старого князя и вежливо передал ей непременную волю его сиятельства, выражавшую запрещение выходить из комнаты впредь до особого распоряжения.

Таким образом она оказалась под домашним арестом.

Сначала она не хотела подчиниться этому распоряжению, но после первых минут негодования сообразила, что в ее настоящем положении борьба с княжеским семейством более чем бесполезна, и может лишь вредно отразиться на составленном ею многосторонне обдуманном плане, — на ее будущем, в которое она продолжала смотреть без боязни. Она надеялась притом на любовь князя Виктора, на найденную ею в нем слабую струну княжеской чести, на которой она за последнее время так искусно играла, на его характер, забывая или не зная, что у юношей, после сильного напряжения воли, быстро наступает реакция, и что в этом состоянии с ними можно

сделать все, что угодно. То же случилось и с молодым князем. После бурного объяснения с отцом, он всецело подчинился его сильной воли и, проведя тоже под домашним арестом и под присмотром своего гувернера более недели, почти довольный и веселый, под впечатлением рассказов своего ментора о чужих краях, отправился за границу. Образ героини его домашнего романа лишь изредка мелькал в его красивой голове.

— Не обижайте ее! — сказал он, прощаясь с матерью на вокзале и потупляя глаза.

— Oh, que tu es genereux! — воскликнула вместо ответа Зоя Александровна, заключая его в последний раз в свои материнские объятия.

Весть об отъезде молодого князя, не подававшего ей признаков жизни, несмотря на ее настойчивые ожидания, подняла бурю злобы в душе Александры Яковлевны.

— Я тебя заставлю ползать у ног моих, бесхарактерный, низкий мальчишка! — повторяла она себе несколько раз, скрежеща зубами.

Оставаться в доме Гариных после отъезда

Виктора, бросившего ее на произвол судьбы, ей было незачем. Она решила объясниться с княгиней и оставить этот дом до радостного дня мщения. Она начала укладываться.

«Куда идти?» — мелькало в ее голове.

О, место камеристки она найдет всегда! Особенно теперь, в виду ее романического разрыва с домом Гариных, любая светская приятельница княгини примет ее с большим удовольствием, из одного благочестивого желания насолить Зое Александровне. Она ядовито улыбнулась и стала пересчитывать деньги, скопленные ею из жалованья и подарков княгини. Их оказалось двести семьдесят пять рублей.

«Немного!..» — подумала она, сделав кислую гримасу.

Наконец последний чемодан был затянут. Александра Яковлевна решилась и успокоилась: настоящее ее определилось, а будущее, по ее мнению, было в ее руках. Она задумалась о прошедшем. Перед ней воскресали воспоминания раннего детства. Она помнит себя пяти-шестилетней девочкой в роскошном имении, живописно раскинувшемся на бере-

гу Волги и принадлежавшем жившему безвыездно в нем богачу, бездетному вдовцу, князю Ивану Васильевичу Гарину, родному брату князя Василия — отца Виктора. Она постоянно находилась при князе, — высоком, бодром старике, ходившем на костыле, — он был сильно контужен в правую ногу во время Севастопольской кампании; он сам учил ее читать и писать, сперва по-русски, а потом по-французски, арифметике, истории, географии, законом же Божьим занимался с ней сельский священник, добродушный, маленький, седенький старичок — отец Петр.

Она и обедала с Иваном Васильевичем, которого она называла «дядей», причем за стулом князя неизменно стоял его камердинер, отец — Яков Никандрович. Мать ее, полная и далеко не старая женщина, была русской красавицей в полном смысле этого слова, она служила экономкой в доме князя и была полновластной распорядительницей над княжеским домом, имением и даже, прибавляли провинциальные сплетники, над самим «его сиятельством».

Шура, как звал ее князь, росла и училась;

способности у нее были прекрасные — она была развита не по летам. Детский ум ее стал рано работать над выяснением ее положения в княжеском доме и своих отношений к родителям. Ничто не ускользало от наблюдательности ребенка. Ни нескромные толки прислуги, ни неосторожные слова ее отца по адресу матери в минуты ссоры, и изо всего этого девочка уразумела, что она для «дяди» более чем простая воспитанница. В этом убеждали ее, кроме того, нежность матери и холодность отца, смотревшего на нее подчас с нескрываемой ненавистью.

Яков Никандрович был болезненный, чахоточный, раздражительный человек, и скоро умер, не принеся своею смертью большого огорчения ни жене, ни дочери.

У князя появился новый камердинер. Мать Шуры, Марья Астафьевна, осталась по-прежнему экономкой и распорядительницей, или, как исподтишка называла ее завистливая дворня, «барской барыней». Шуре минуло восемь лет. Прошел еще год и Щуру посетило первое жизненное горе — смерть матери.

Дело было зимой. Марья Астафьевна, после

поездки в город, во время которой ее сильно продуло, вернулась домой и слегла. Несмотря на лечение двух городских врачей, приглашенных князем на помощь жившему в имении княжескому доктору, больная не перенесла пятнистого тифа и отдала Богу душу, не благословив даже дочь и не открыв ей тайны ее рождения, так как в виду заразительности болезни Марьи Астафьевны, Шуру, по распоряжению князя, перевели на его половину и не пускали к больной. Она не присутствовала даже на похоронах, с которых князь вернулся мрачнее тучи и прямо прошел в свой кабинет, откуда не выходил десять дней, и лишь после отслуженной на девятый день в зале, в его присутствии, панихиды, с нежностью приласкал одетую в траурное платьице сироту. Жизнь, казалось, вошла в обычную колею. Снова начались ее ежедневные занятия с князем и воскресные — с отцом Петром.

Время шло. Шуре уже минуло одиннадцать лет. Она перечитала без разбору всю деревенскую библиотеку старого князя. На дворе стоял июль месяц. В доме князя было большое оживление, так как с неделю уже гости-

ли: брат Ивана Васильевича — князь Василий, его жена — Зоя Александровна, тринадцатилетний сын Виктор и две дочери, — старшая Соня, ровесница Шуре, и десятилетняя Анюта. Шурочка быстро сошлась с гостившими детьми, обе княжны сделались ее задушевными приятельницами, а Виктор даже почувствовал к ней какое-то обожание.

— Я, мама, влюблен в Шурочку! — по секрету сообщил он боготворившей его матери.

Та засмеялась и прижала его к своей груди.

Оба князя после рассказа княгини об этом эпизоде, да и сама она, много смеялись над этой первой любовью Виктора, и трунили над ним, порой высказывая даже негодование в сердце мальчика за профанацию, как ему казалось, его святого, вечного чувства. Вдруг, однажды вечером, после чая, с князем Иваном сделался апоплексический удар. Через несколько дней, несмотря на старания лечивших его врачей, он повторился. Князь лежал без сознания, и лишь перед третьим ударом он на несколько часов пришел в себя и пожелал видеть брата и невестку.

Они тихо вошли в кабинет и приблизи-

лись к постели умирающего. Шурочка, постоянно тайком пробиравшаяся в кабинет больного «дяди», была там, но при их входе незаметно скрылась за ширмы, окружавшие постель.

Князь Иван тихим, прерывающимся голосом передал им свою последнюю волю.

— Все, как и следует по закону, оставляю твоему сыну; а сто тысяч в бумагах, в левом ящике бюро, в конверте, ей...

Князь не договорил — он смолк от видимого утомления. — Побереги ее, Зоя! Она мне... дочь!.. — продолжал князь.

Вдруг лицо его исказилось. С ним сделался третий удар. К утру — его не стало.

Шурочку нашли лежащею у ширм, в бессознательном состоянии, и перенесли в ее комнату. Княгиня, после похорон, вместе со своими детьми, увезла и ее в Петербург.

Князь Василий остался в имении, чтобы привести в порядок дела.

IV
Камеристка

С переездом в Петербург жизнь Шурочки круто изменилась, как изменилось и ее имя: ее стали звать Александрой, к чему она долго не могла привыкнуть. Из полновластной хозяйки она сделалась только терпимой сиротой, что живо чувствовалось самолюбивой девочкой. Ей не стеснялись, впрочем, давать это чувствовать даже в мелочах. Хотя она, как и прежде, играла с детьми князя Василия, но ей внушали, чтобы она с ними не обращалась фамильярно и звала их «сиятельствами». Когда собирались их сверстницы, дочери и сыновья сановников аристократов, Александрину удаляли в ее комнату. Училась она по-прежнему хорошо, и в особенности по русской словесности, которую преподавал студент — некто Виссарион Иванович Беляев, восторженный юноша, с открытым, выразительным, хотя и очень некрасивым лицом и длинными черными как смоль, жесткими, прямыми волосами. Александрине шел уже

шестнадцатый год; она обожала этого учителя и старалась не проронить ни одного его слова. Последний тоже отличал ее от князька и княжен, во-первых из пренебрежения к их аристократическому происхождению, которое молодой энтузиаст считал почему-то непременно соединяющимся с врожденным скудоумием, и даже при них очень любил распространяться о вредном влиянии каст на умственное развитие представителей, а во-вторых и потому, что Александрина была несомненно красивее обеих княжен, из которых Софи была совершенно бесцветная блондинка, и лишь Анюта обещала быть пикантной, темной шатенкой, что блистательно и исполнила, когда ей пошел шестнадцатый год. Во время же преподавания Беляева, она была неуклюжим тринадцатилетним подростком. А Виссарион Иванович был прежде всего, как он выражался, эстетом, да и способности молодого князя и княжен были несравненно ниже способностей его хорошенькой ученицы. Для нее он являлся часто безвозмездно в неположенные дни, и много повлиял на ее дальнейшее развитие. Княгиня, так

как дело касалось не ее дочерей, не обращала ни малейшего внимания на занятия принятой из милости в дом сироты, как она называла Александрину некоторым знавшим о ее существовании знакомым, тем более, что и занятия эти, согласно намерениям княгини, должны были вскоре прекратиться. Зоя Александровна, по мере того, как вырастали ее дочери, стала постепенно удалять от них Александрину, приучать ее к новой должности быть камеристкой при своей особе, в чем и успела совершенно за два последних года. Александрина, конечно, не употреблялась на черную работу, но заведовала туалетом княгини, помогала ей одеваться и входя в гостиные лишь по зову ее сиятельства. Свободное время она проводила в своей комнате, за книгами, которыми в изобилии продолжал снабжать ее Беляев, хотя и прекративший с ней, как и другие учителя, свои занятия.

«C'est même trop pour une cameriste! — сказала сама себе Зоя Александровна. — Иначе наживешь беду! — прибавила она уже по-русски, услыхав случайно в разговоре с дочерьми несколько резких мнений Александрины,

повторенных последними. — Elle me gâtera mes onfants!..» — мысленно закончила она снова по-французски.

Таким образом Александра Яковлевна вступила в новую роль, но нельзя сказать, чтобы она свыклась с нею. Ее самолюбие в течение нескольких лет было слишком сильно уязвлено мелкими уколами, чтобы изменение ее положения причинило ей жгучую боль, которая побудила бы ее решиться на открытый протест, но оно внушило ей мысль бороться против своих уничижителей подпольными средствами. В голове ее созрел план возврата себе князя Виктора, все продолжавшего, как и в детстве, смотреть на нее влюбленными глазами, — и тем отомстить ненавистной княгине. Увлечь при таком положении дела князя Виктора было нетрудно, но Александрина не рассчитала, что может увлечься и сама, зайти дальше чем следует, и таким образом попасть впросак, что, как мы видели, и случилось. План рухнул. Приходилось созидать новый: план мщения.

К чести Александры Яковлевны надо заметить, что вместе с окончанием укладки по-

следнего чемодана, этот новый план, в общих чертах, уже уложился в ее хорошенькой головке.

— Надо объясниться с княгиней и уйти поскорее из этого проклятого дома! — мысленно заметила она.

Как бы в ответ на эту мысль, дверь отворилась и в комнату вошла девочка лет пятнадцати — Настя, дочь знакомого нам бравого швейцара, назначенная княгиней прислуживать камеристке.

— Княгиня просит вас в угловую гостиную! — произнесла она с испуганно-застенчивым видом.

Этот вид совершенно не был в характере веселой и болтливой Насти, а появился лишь в отношении ее любимицы, Александры Яковлевны, со времени опалы последней — вероятно под влиянием ее отца и остальной прислуги.

Бедная девочка, видимо, не знала как держать себя с бывшей барышней, как прозвали Александрину за последнее время в людской, передней и швейцарской.

— Хорошо, сейчас! — отвечала, очнувшись

от своих дум, Александра Яковлевна.

Настя быстро исчезла за дверью.

— Наконец-то! — прошептала Александрита, и бросив на себя беглый взгляд в овальное зеркало, стоявшее на камоде, поправила прическу и твердою походкой вышла из комнаты.

Гостиная была пуста. Александрита остановилась у той самой двери, в которую полторы недели тому назад вошла вместе с князем Виктором. При одном воспоминании об этом вея кровь бросилась ей в голову и на глазах выступили злобные слезы. Она сбросила их энергичным движением век и устремила полный непримиримой ненависти взгляд на портьеру, закрывавшую дверь в комнате княгини. Прошло около получка. Наконец портьера зашевелилась, поднялась, и в гостиной, шурша шелковым платьем, появилась Зоя Александровна.

Обе женщины стояли несколько минут молча друг против друга, как бы испытывая взаимно силу своих взглядов. Обе все время не сморгнули.

Наконец, княгиня начала первая ледяным

тоном, избегая местоимении.

— Надеюсь, совершенно понятно, что после всего случившегося дальнейшее пребывание в доме немыслимо…

Зоя Александровна остановилась.

— С этим я более нежели согласна, и уже решила в этом же смысле ранее, чем принуждена выслушивать совершенно ненужное для меня мнение других!.. — надменно вставила Александра Яковлевна.

— И не только в доме, — продолжала княгиня, как бы не слыхав возражения, — но и в Петербурге! Такова непременная воля не только моя, но и князя Василия.

Александрина вспыхнула: молния гнева мелькнула в ее глазах. Она открыла было рот для резкого ответа о праве распоряжаться собой по собственному усмотрению, но вдруг остановилась.

«Ты пока безоружна; с сильными не борись!» — мелькнуло у нее в голове.

— Мне самой давно ненавистен этот город родовитых и чиновных тунеядцев! — скорее прошипела, чем сказала она.

На лице Зои Александровны не дрогнул ни

один мускул.

— В назначенный день и час, — начала она снова ровным голосом, — и на назначенный вокзал будет доставлено и передано тысячу сто рублей; сто на дорогу...

Углы рта Александры Яковлевны снова дрогнули. Она хотела крикнуть, что ей не нужно подачек из ее собственных денег, но до боли закусила губу и смолчала.

— Князь Василий желал бы иметь честное слово по вопросу о непременном выезде из Петербурга... — закончила княгиня.

— Я могу дать только княжеское честное слово, которое едва ли удовлетворит князя и княгиню Гариных, если они будут судить по себе, а потому я ограничиваюсь тем, что просто изъявляю согласие.

Она бросила на княгиню дерзкий, вызывающий взгляд, и, медленно повернувшись, вышла из гостиной.

Зоя Александровна выдержала спокойно этот взгляд, но лишь только Александрина исчезла за дверью, княгиня покачнулась и ухватилась обеими руками за спинку кресла. На побелевшем, как полотно, лице выразi-

лись неимоверное страдание и бессильная злоба. В таком положении она пробыла несколько минут. Наконец, собравшись с силами, неверной, слабой походкой она удалилась в свой кабинет.

V

Покровительница

Необходимое условие, — уехать из Петербурга, на которое Александра Яковлевна, как мы знаем, согласилась, — внесло некоторое осложнение в ее планы. В Петербурге у нее еще было некоторое знакомство, она могла рассчитывать получить хоть место камеристки, и исподволь выглядывать человека, могущего доставить ей такое положение (в непременной встрече с таким человеком она не сомневалась, зная цену своей наружности и решившись не быть особенно разборчивой в средствах), при котором мщенье семейству Гариных — отныне единственная цель ее жизни — не останется только искренним, сердечным, сильным желанием, а перейдет в дело и доставит ее затоптанному в грязь само-

любию полное торжество.

«Теперь все равно: мне терять нечего!» — решилась она.

Вне Петербурга Александрина не знала никого. Возникал вопрос: куда ехать?

Над ним-то и задумалась Александра Яковлевна, вернувшись в свою комнату. Наконец довольная улыбка осветила ее лицо: она видимо решила вопрос. На самом дела она вспомнила, что дальняя родственница княгини Гариной — наша старая знакомая, баронесса Ольга Петровна Фальк — во время своих ежегодных приездов в Петербург всегда была с ней очень ласкова, называла не иначе как «светлой головой» и «красавицей», а потому Александрина решила ехать в Т., рассчитывая, что баронесса не откажет ей в устройстве ее судьбы или же оставит у себя. Александра Яковлевна знала также, что хотя Ольга Петровна казалась очень расположенной ко всему княжескому семейству — от князя Василия зависела служебная карьера барона, губернатора Т-ской губернии, — во в душе изрядно-таки недолюбливала своих высокомерных аристократических родственников, свы-

сока и покровительственно принимавших провинциальную баронессу. Александрина поняла это из нескольких бесед с Ольгой Петровной в своей комнате, когда та забегала в ней поправить туалет или спросить ее мнение о купленной шляпке или наколке. Баронесса таким образом была единственным вне Петербурга лицом, к которому она могла обратиться в ее настоящем положении, и притом лицом очень подходящим.

— Не надо только, чтобы об этом знала княгиня Зоя! — вслух заключила Александра Яковлевна свое решение ехать в Т.

В этот же вечер она довела до сведения княгини, что завтра с почтовым поездом выезжает в Москву. На другой день на Николаевском вокзале дворецким князя Василия был вручен ей пакет, в котором она нашла одиннадцать радужных бумажек. Посланный, видимо действуя по приказанию, выждал, пока она взяла билет и села в вагон, и удалился с платформы лишь тогда, когда поезд тронулся.

Приехав в Москву, Александра Яковлевна, не полюбопытствовав даже осмотреть перво-

престольную столицу, в которой была в первый раз, переехала только площадь, разделяющую Николаевский вокзал от Рязанского, и с первым отходящим из Москвы поездом укатила в Т., куда и прибыла рано утром. Остановившись в ближайшей к вокзалу гостинице, по фамилии ее владельца носящей название «Булгаковской» и помещающейся на Дворянской улице, она быстро переоделась и на том же извозчике, который привез ее с вокзала, отправилась в губернаторский дом.

Ольга Петровна хотя и проснулась, но еще лежала в постели.

— Кто такая? — спросила она горничную, доложившую ей, что ее желает видеть какая-то приезжая барышня. — Так рано?! — сделав гримасу сказала она и зевнула.

— Александра Яковлевна, из Петербурга, от князей Гариных.

— Александрита! — воскликнула баронесса. — Что это значит? Веди ее скорее сюда…

Горничная вышла и через несколько минут вернулась с приезжей.

— Какими судьбами? — встретила ее Ольга Петровна.

— Приехала под защиту вашего превосходительства! — полупочтительно и полуна-смешливо отвечала Александрита.

— А княгиня?

— Я покинула их дом навсегда…

— Так это правда? Мне писали! C'est interessant, расскажи, садись… Ты мне пока не нужна, — обратилась баронесса к горничной.

Та вышла.

Александра Яковлевна пододвинула к кровати табурет, села и начала свой рассказ. Она откровенно передала баронессе свой роман с князем Виктором, умолчав, конечно, о том, что она сама увлекла его, а напротив, изобразив себя жертвой хитросплетенного молодым князем соблазна. Рассказала известные нам сцены с княгиней. Не скрыла и тайны своего происхождения и сцены у постели умирающего князя Ивана и, наконец, последние слова его о пакете ео стотысячным наследством, скрытым и присвоенным князем Василием.

Баронесса с жадностью слушала этот обвинительный акт против своих родственников, и улыбка торжества от предвкушения возможности держать гордую княгиню в руках,

не сходила с ее губ.

— Мое положение теперь безвыходно, — грустным тоном закончила свой рассказ Александра Яковлевна: — жить в Петербурге мне запрещено, а вне его только вы, баронесса, знаете меня и, быть может, не откажетесь принять во мне участие...

— Без сомнения, дорогая моя! Я похлопочу, сделаю, все возможное...

— Не возьмете ли вы меня к себе в... камеристки?.. — с трудом выговорила Александрина последнее слово.

— Ни за что... И не говори!.. Прости, — перебила сама себя Ольга Петровна, — что я говорю тебе ты...

— Помилуйте, баронесса! Почему же вы не хотите?..

— Ты с ума сошла, моя дорогая, чтобы я, зная твое происхождение, зная, наконец, твое воспитание и образование, которым, к слову сказать, могла бы позавидовать любая из княжен Гариных, чтобы я, повторяю, сделала бы тебя своей прислугой, почти горничной. Да я всю жизнь не простила бы себе этого! Я ведь не княгиня Зоя — эта бессердечная, ходячая

статуя!..

— Как же мне быть? — растерянно проговорила Александра Яковлевна, не ожидавшая отказа.

— Погости у меня недельку, другую, а там я, может быть, пристрою тебя к кому-нибудь из наших; но скорее в компаньонки, нежели в камеристки...

Александрина схватила руку баронессы и хотела поднести ее к своим губам, но Ольга Петровна притянула ее к себе и поцеловала в губы.

— Успокойся, не плачь! Бог даст все устроится, — сказала она, заметив слезы на глазах молодой девушки.

— Я не знаю как благодарить вас! Вы мне вторая мать...

Баронесса позвонила. Вошедшей горничной было отдано приказание приготовить комнату для приезжей и послать лакея в гостиницу за вещами.

Прошло несколько дней. Раз, вечером, Ольга Петровна пригласила к себе в кабинет Александрину.

— У меня есть для тебя приятная но-

вость, — встретила она ее. — Я получила сегодня письмо из Москвы от моей близкой приятельницы, княгини Шестовой. Она мне пишет, между прочим, что, после выхода замуж ее камеристки Стеши, она ужасно бьется, не находя себе новой, переменила уже нескольких, и хотя теперь последней относительно довольна, но все-таки она ей далеко не заменяет старой. Да я это и понимаю. Та жила у нее много лет и была ее другом. Если хочешь, я напишу Зине, и она, конечно, с радостью примет тебя, — особенно по моей рекомендации. К Зине я спокойно отпущу тебя, даже в камеристки: я знаю ее давно, — это женщина чудной души, неспособная обидеть никого. Ты вскоре сделаешься для нее не служанкой, а другом.

— Я постараюсь заслужить ее расположение и оправдать вашу рекомендацию, баронесса!

— Я напишу завтра же… — заметила Ольга Петровна, отпуская ее.

Александра Яковлевна была очень довольна хотя только надеждой получить место, да еще в большом городе, в столице. Ей, несмот-

ря на кратковременное пребывание, порядком надоел скучный, маленький Т., где ей, видимо, не могло представиться случая выйти на более широкую дорогу, чем дорога камеристки. А между тем, в ее настоящем положении, эта последняя дорога была для нее единственной. Ее воспитание не приучило ее к усидчивой работе, ее образование было чисто литературно-салонное, а мещанский паспорт клал непреодолимую грань между ней и тем обществом, в атмосфере которого она выросла, которым дышала, и отнимал у нее всякую возможность вступать в него на равной ноге, хотя бы даже компаньонкой, как сулила ей баронесса. Оставалась еще одна дорога, — дорога актрисы, но Александра Яковлевна была слишком благоразумна, чтобы решиться вступить на шатене театральные подмостки одинокой, беспомощной, беззащитной, и была слишком самолюбива, чтобы обречь себя при подобных условиях на театральное «небытие» или, что тоже, на жизнь третьестепенной артистки, — хотя следует сознаться, что поступление на сцену играло большую роль в составленном ею плане.

Через три дня получен был ответ княгини Зинаиды Павловны, совершенно согласный с предсказанным баронессой. Княгиня писала, что с удовольствием возьмет к себе рекомендуемую Ольгой Петровной особу, что будет обращаться с ней соответственно ее несчастному положению (баронесса не утерпела и, в общих чертах, не называя, конечно, фамилий, рассказала в письме Шестовой роман детства и юности Александрины), и что хотя она относительно довольна своей камеристкой Лизой и прогнать ее не имела бы ни духу, ни причивы, но, к счастью, Марго недовольна своей горничной, а потому Лиза переходит к ней.

Таким образом поступление Александры Яковлевны в камеристки к княгине Зинаиде Павловне Шестовой было решено, и она, распростившись с Ольгой Петровной и рассыпавшись перед ней в благодарностях, укатила из Т. в Москву с рекомендательным письмом баронессы.

— Пишите мне все, что там делается: я очень интересуюсь жизнью Зины и Марго! Я так люблю их! — были последние слова Оль-

ги Петровны при прощании с Александриной.

Та обещала.

Это было в конце ноября 187*, за несколько месяцев до того, как состоялся последний заговор между княжной Маргаритой Дмитриевной Шестовой и Николаем Леопольдовичем Гиршфельдом, решивший участь княгини Зинаиды Павловны. Обласканная княгиней, Александра Яковлевна вступила в отправление своих обязанностей, и так угодила Зинаиде Павловне, что та вскоре стала с ней почти на дружескую ногу. Всмотревшись в домашнюю жизнь княгини и княжны Шестовых, наблюдательной девушке не трудно было вскоре догадаться, какую двойную роль играл, относительно их обеих, их присяжный поверенный, Николай Леопольдович Гиршфельд, и вместе с тем оценить по достоинству ум, тактичность и находчивость этого дельца, подобного которому Александрина еще не встречала; и она, как в былое время княжна Маргарита, инстинктивно почувствовала в нем современную силу, и преклонилась перед ней. Это навело ее на мысль неотступно наблюдать за

его действиями.

Пикантное личико вновь появившейся у княгини камеристки — нельзя сказать, чтобы не пробудило грешных мыслей в уме падкого на счет клубнички Гиршфельда, но занятый в это время обдумыванием более серьезных планов, он отложил до времени их осуществление. Грубые же заигрывания его с Александриной наедине встретили с ее стороны такой энергичный, полный собственного достоинства отпор, что заставили Николая Леопольдовича призадуматься и более не повторять их.

«Ого, это, однако, высоко метящая и дорого ценящая себя штучка!» — сказал он сам себе, исходя на своего обычного практического взгляда на людей, и стал внимательно всматриваться в хорошенькое, пикантное личико, в плавные, грациозные, напоминающие балованную кошечку манеры новой княжеской камеристки.

«А хороша! Бесенок, совсем бесенок! Только бы покончить со старыми!.. А эту добыть будет легче», — решил Николай Леопольдович.

Прошло несколько месяцев. Княгиня стала собираться в свое имение, Шестово, отстоящее в семидесяти верстах от губернского города Т... и написав об этом ранее в деревенскую контору, отправила туда с туалетами новую горничную. Этой новой горничной была Александра Яковлевна Гаринова.

VI

По следам зверя

В Шестовском господском доме в течение почти семи лет заколоченном наглухо, начала пробуждаться жизнь. Ставни были открыты, несколько вновь нанятых лакеев расставляли в комнатах выколоченную на дворе мебель и стлали роскошные ковры, несколько деревенских баб мыли окна, полы, чистили медные приборы у дверей. Вновь приглашенный садовник приводил в порядок парк, цветник и оранжереи. Словом, шла усиленная деятельность, под наблюдением главного конторщика, остававшегося в роли управляющего имением Митрофана Сакердоновича, сына знакомого нам повара Сакердона Нико-

лаевича, сильно одряхлевшего за последние годы.

Митрофан Сакердонович был плотный, широкоплечий мужчина лет сорока пяти, с умным, плутоватым лицом, опушенным русою бородою, такого же цвета волосами на голове, обстриженными по-русски, в скобку; одевался он в длиннополый купеческий сюртук, носил цветные жилеты с рубашкой на выпуск, и немилосердно наваксенные сапоги бураками. Он был взят в Шестовскую контору еще мальчиком, после окончания курса двуклассного т-ского городского начального училища, князем Александром Павловичем, до женитьбы его на Зинаиде Павловне, и в силу способностей к письмоводству и знания дела, достиг места главного конторщика. Ему то при отъезде и было поручено княгиней Шестовой управление имением. Он был холост, ненавидел женщин, и время своего довольно обширного досуга посвящал исключительно чтению книг духовного содержания, которые читал вслух своему отцу. За последние дни, впрочем, он не брал в руки книги. С утра до вечера он был на ногах, наблюдал за приго-

товлениями к приезду ее сиятельства, княгини Зинаиды Павловны. Своего отца он откомандировал в кухню, и тот, оживленный перспективой возобновления своей привычной и любимой деятельности, ревностно приводил в порядок орудия кулинарного ремесла. Княгиню ждали еще только недели через две, но коляска с переменными лошадьми уже третий день ездила на станцию, для встречи ехавшей ранее княгини «камер-фрейлины» Александры Яковлевны, — как княгиня в письме в контору наименовала свою новую любимицу.

Это иностранное слово «камер-гофрейлина» возбудило долгие дебаты между Митрофаном Сакердоновичем и его отцом.

— Как по вашему, батюшка, это будет: прислуга али барыня? — глубокомысленно вопрошал сын.

Отец вместо ответа только с недоумением разводил руками.

— Я к тому, как оную особу принять! — вслух соображал Митрофан. — Если прислуга, то можно послать пару в тележке, если же барыня, то коляску тройкой; если прислуга —

поместить внизу, если же барыня — то наверху, в апартаментах ее сиятельства.

— Нда, задача! — произносил Сакердон, не разрешая вопроса.

Решили, впрочем, принять за барыню.

— Потому, коли ее сиятельство в письме по имени и отчеству величают.

Эту мысль высказал сын.

— Кашу маслом не испортишь, — пословицей выразил отец согласие с этим мнением.

Наконец, эта «неопределенного звания особа» прибыла. Александру Яковлевну провели в апартаменты княгини, но она скромно выбрала себе комнату рядом с будуаром княгини, где когда-то помещалась Стеша. Этот выбор навел было на Митрофана сомнение, не прислуга ли? Но внешний вид прибывшей, ее костюмы, манеры — утверждали противное и успокаивали его.

— Барыня, форменная барыня! — сообщал он отцу результаты своих наблюдений.

— Видимо, компанейка... — соображал Сакердон, коверкая на свой лад слово «компаньонка».

Дальнейшие приготовления к приему кня-

гини уже стали производить под наблюдением Александры Яковлевны. Дом ожил совершенно; на кухне, в привычных, хотя и слабых руках Сакердона закипела работа. Александра Яковлевна, выйдя на станции Ломовис к ожидавшей ее коляске, оглядев экипаж и ответив на почтительный поклон кучера, тотчас сообразила, что ее принимают далеко не за то, что она на самом деле, но быстро освоилась со своей ролью и приехала в имение с видом возвратившейся владелицы. Ее повелительный голос стал раздаваться вскоре по всему дому, все более убеждая Митрофана, что он имеет дело с «форменной» барыней.

Все свое свободное время Александрина посвящала чтению книг из княжеской библиотеки и размышлениям над встреченными ею на жизненной дороге новыми людьми. Среди этих «новых» людей видное место занимал Николай Леопольдович Гиршфельд. Наблюдения, предпринятые ею за последнее время над его отношениями к княгине и княжне, привели ее к таким неожиданным для нее результатам, навели ее на такие мысли, на которых она боялась даже останавли-

ваться.

— Посмотрим, что будет... — порой произносила она вслух. — О, если это так, то он в моих руках! — доканчивала она течение своих мыслей.

Прошло более двух недель, когда вдруг в Шестово было получено известие о драме, разыгравшейся в гостинице «Гранд-Отель», о смерти княгини и об аресте княжны.

Александра Яковлевна была поражена. Ее самую испугала ее проницательность. Совершившееся превзошло, к тому же, все ее предположения. Это ее ошеломило.

Несколько дней она не могла прийти в себя.

«Мне необходимо быть в курсе этого дела! — наконец решила она, возвратив себе способность размышлять. — Надо поехать в Т., к баронессе».

Это было накануне того дня, когда гроб с останками княгини Зинаиды Павловны привезли в Шестово для погребения. В числе многочисленных провожатых печальной процессии, прибыл туда и Гиршфельд с князем Владимиром. Поминального обеда не было, и го-

сти, после легкого завтрака, отправились назад в город. Николай Леопольдович с молодым князем тоже уехали с ними. Александра Яковлевна едва улучила минуту переговорить с ним.

— Не могу ли я узнать от вас, как мне поступать далее и кому сдать привезенные мною вещи покойной княгини? — обратилась она к нему.

Гиршфельд пристально посмотрел на нее, как бы что-то соображая.

— Я бы попросил вас остаться здесь до поры до времени; по окончании всего этого печального дела я сделаю надлежащее распоряжение, жалованье ваше будет идти вам по-прежнему, может быть вам нужны деньги?

Николай Леопольдович быстро опустил руку в боковой карман сюртука.

— Нет, денег мне не нужно, и дело не в жалованьи, но мне необходимо позаботиться о моем будущем.

— Повторяю, как только явится возможность, я приеду сюда один! — подчеркнул последнее слово Гиршфельд, — и тогда мы потолкуем.

— Хорошо, потолкуем! — загадочным тоном согласилась Александрина.

Николай Леопольдович не обратил на ее слова внимания и убежал к гостям.

Спустя неделю после их отъезда Александра Яковлевна, согласно своему решению, прикатила в Т. к баронессе. Та засыпала ее вопросами о жизни княгини последнее время в Москве, об отношениях ее к племяннице и Гиршфельду. Александрина отделалась от нее общими фразами, не высказывая своих соображений. От Ольги же Петровны она узнала все ее интересующее, все подробности, всюду разглашенного предварительного следствия по делу об отравлении княгини ее племянницей, до показания Николая Леопольдовича у судебного следователя включительно.

— Нашли же при княгине какие-нибудь вещи, бумаги? — задала она вопрос баронессе, когда та окончила свой обстоятельный рассказ.

Баронесса передала ей подробности о найденных деньгах, портсигаре и носовом платке в сумочке.

— И больше ничего?

— Ничего!

На этом разговор прекратился.

Переночевав в губернаторском доме, Александрина на другой день рано утром уехала обратно в Шестово. Уезжая, она знала, что унесла из номера, отравив свою тетку, княжна Маргарита. Первым делом Александры Яковлевны, по приезде в имение, было занять будуар и спальню покойной княгини, поместив в соседней комнате состоявшую при ней горничную, из молодых шестовских крестьянок. Затем, согласно просьбе Гиршфельда, она стала терпеливо ожидать его приезда.

VII
Томительные дни

Николай Леопольдович, между тем, вместе с князем Владимиром продолжал жить в Т., улаживая дело с дворянской опекой. Состояние его духа нельзя было назвать покойным. После его последнего свидания с княжной Маргаритой в стенах т-скон тюрьмы, им овладел почти панический страх. Хотя он и высказал княжне, что не боится ее показания о соучастии, но это была только угрожающая фраза, в душе же он хороша понимал, что малейшее неосторожное слово о нем при допросе поведет к привлечению его к следствию, при котором всякая мелочь может вырасти в грозную улику, да и самое показание о нем княжны, при ее чистосердечном сознании, при отношениях его к семье Шестовых, явилось бы сильным доказательством против него. Константин Николаевич Вознесенский и суровый монах Карнеев то и дело представлялись его подавленному уму грозными свидетелями обвинения. Если бы даже, чем черт

не шутит? — его оправдали присяжные, то карьера его навсегда разрушена, и он выйдет из суда с вечным несмываемым клеймом позора, — думал он, и холодный пот выступал у него на лбу и висках; на последних, за эти дни, появились даже серебряные нити. На самом деле, странная судьба постигла у нас в России суд присяжных: редко общество, которого они считаются избранниками, вместе с ними произносит над выходящим из суда оправданным подсудимым — «нет, не виновен»! Чаще всего это общество, подобно эху, упорно повторяет лишь последнее слово вердикта.

Ломка себя в течении дня в личине наружного спокойствия, почти без сна проводимые ночи, полный подавляющих грез, тревожный, редкий сон, от которого Николай Леопольдович пробуждался в холодном поту — все это положило резкий отпечаток на его наружность: он страшно осунулся и постарел. Замечающим это он объяснял горем потери друга — княгини. Это угнетенное состояние духа продолжалось с ним во все время предварительного следствия над княжной, которое, ка-

залось ему, тянется бесконечно. Хотя он знал из городских слухов, что она упорно молчит о причинах, побудивших ее к преступлениям, и не упоминает даже его имени, но страх, страх безотчетный, вернее ужас, что завтра она может дать другое показание, что каждую ночь она может одуматься и на утро стать его карающей Немезидой леденил его кровь, останавливал биение его сердца. Наконец, следствие было окончено для него благополучно. Дело поступило в суд и он уже получил повестку о вызове в заседание в качестве свидетеля. Это его не успокоило. Опасность, казалось ему, еще далеко не миновала. Он умышленно припоминал случаи из уголовной практики русских и иностранных судов, случаи чистосердечного сознания на суде не сознавшихся на предварительном следствии обвиняемых, факты превращения свидетелей в обвиняемых при обращении дел к доследованию — и, оставаясь наедине с самим собою, предавался дикому, злобному отчаянию, проклинал самого себя за свою слабость, тряпичность, но играть ту роль перед собою, которую играл перед другими, был не в силах. Он как-то весь

съежился, его охватывала нервная дрожь при одной мысли, что близок тот день, когда он будет обязан выносить, быть может, несколько часов ее присутствие, смотреть ей в глаза, и лгать под презрительным, уничтожающим взглядом страшных глаз. Он сознавал, презирая себя за это основание, что для подобной пытки у него может даже не хватить силы присущего ему нахальства. Что тогда? Он сам выдаст себя, станет своим собственным обвинителем. Он бы и не ошибся, если бы его не спасла та же княжна Маргарита.

День суда настал. Судебный пристав, вместе с другими свидетелями, повел и его в свидетельскую комнату. В узком коридоре, ведущем в эту комнату, его ожидала роковая встреча. Свидетели столкнулись с двумя солдатами, сопровождающими привезенную из тюрьмы княжну Маргариту, и принуждены были приостановиться и дать дорогу. Княжна окинула их быстрым, но внимательным взглядом, и ему показалось, что дольше других этот взгляд остановился на нем. Он задрожал, пошатнулся и упал бы, если бы близ стоящие свидетели не подхватили его под руки.

Его втащили в свидетельскую комнату и усадили на скамью. Он обводил всех безумным, блуждающим взглядом, грудь его конвульсивно поднималась. Пристав поднес к его губам стакан с водою, он сделал несколько глотков и пришел в себя.

«Конечно! Погиб!» — сказал он сам себе, уловив выражение подозрительного недоумения на лицах окружающих. Неимоверное усилие сделал он над собой.

— Я не могу видеть ее убийцу, — простонал он и глухо зарыдал.

Он достиг цели: подозрительность сменилась сожалением.

«Как он сильно любил покойную!» — решили присутствующие.

Пристав удалился в заседание. Прошел томительный час.

— Вы свободны, можете идти домой! Допрашивать вас не будут, — сказал пристав, войдя в свидетельскую комнату. — Подсудимая созналась.

Свидетели радостно схватились за шапки. Гиршфельд видимо не совсем понял и продолжал сидеть на скамье. Пристав подошел к

нему и повторил сказанное.

— Я рад за вас; вы больше ее не увидите и не растравите вторично вашу сердечную рану, — прибавил он, с чувством пожимая его руку.

«Неужели я спасен? — мелькнуло в голове Николая Леопольдовича. — Ну, а вдруг она проговорится?»

Прежний ужас сжал его сердце. Он не поехал домой, а смешавшись с толпою, окружавшей здание присутственных мест, с жадностью ловил исходившие из зала суда слухи о положении дела. Наконец стал известен вердикт присяжных и приговор суда.

Он вздохнул свободно, сел на первого попавшегося извозчика и поехал в «Гранд-отель» где для него было устроено отделение из двух соединенных номеров. Приехав, он в изнеможении упал на диван и проспал до утра, не раздеваясь.

Проснулся он прежним Гиршфельдом.

Оставаться ему в Т. теперь было незачем. Дела с опекой были устроены, находящийся под его попечительством князь Владимир Александрович Шестов был введен им в пра-

ва наследства после матери и уже с месяц как уехал в Москву. Николай Леопольдович решил, на другой же день, тоже оставить ненавистный Т., где он пережил столько томительных дней и ночей.

«Сегодня же сделаю прощальные визиты», — решил он.

Всюду темою разговора был только что окончившийся процесс княжны-отравительницы.

— Теперь я спокоен, — ораторствовал Гиршфельд:- земное правосудие совершилось — преступница достойно наказана, и кровь праведницы, вопиявшая к нему, отомщена. Княжна примирилась с законом, но не с Богом. Преступницы нет, — есть осужденная, но грешница осталась!.. Ее ждет еще кара там!.. Я глубоко убежден в этом...

Николай Леопольдович поднимал глаза к небу.

Баронесса Фальк, к которой он приехал к одной из первых, в особенности умилилась этой фразой и задержала его довольно долго, пустившись в воспоминания о ее покойном дорогом друге — Зиночке.

— Именно праведница была, c'est le mot, и умерла мученицей, — прослезилась Ольга Петровна.

Гиршфельд счел долгом сделать вид, что тоже глотает невольные слезы.

— A propos, — заметила баронесса, — могу я просить вас оказать мне небольшую услугу?

— Сочту за особенное для себя счастье.

— Я хочу попросить вас о моей protégée, последней камеристке покойной, Alexandrine. Быть может вы ее заметили: une jolie fille très distinguée.

— Я видел ее мельком в Москве, потом в Шестове, она и теперь там, — небрежно ответил Николай Леопольдович, но пикантный образ Александры Яковлевны с этого момента ярко восстал в его памяти.

— У вас в Москве, конечно, масса знакомых, не можете ли вы порекомендовать ее кому-нибудь в компаньонки, в лектрисы или в случае крайности в камеристки. Она очна хорошо воспитанная и образованная девушка.

Ольга Петровна в коротких словах передала Гиршфельду романические приключения

молодой девушки. Тот внимательно слушал и вспоминал, что нечто подобное слышал от княгини, но пропустил мимо ушей, занятый осуществлением своих серьезных планов.

«Так вот она какая птица! — проносилось в его голове. — С ней надо держаться другой тактики. Но все равно, на золотой крючок попадется, воспитание развило аппетиты, а средств к удовлетворению нет. Из камеристок попасть даже в не особенно дорогие и взыскательные содержанки уже большой успех. Она, кажется, настолько умна, чтобы понять и согласиться. Не надо только много обещать, чтобы не возмечтала и не задорожилась, не надо заискивать: надо, чтобы она знала свое место и чувствовала, что она для меня все-таки только камеристка».

Этим он закончил свои соображения.

— С удовольствием! — ответил он баронессе, когда она кончила. — Я еду в Шестово завтра, переговорю с ней и сделаю для нее все возможное.

Он встал прощаться.

— Благодарю вас заранее за себя и за нее, — крепко пожав ему руку, сказала Ольга

Петровна.

— Прощайте.

— Не прощайте, а до свидания. Будете, конечно, не раз в вашем городе — для меня и для мужа вы всегда желанный гость, друг моей несчастной Зины — мой друг.

— Я польщен, баронесса! Скажу более, я тронут до глубины души вашим сочувствием... — томно произнес Гиршфельд, целуя ее руку.

Весь остальной день и всю дорогу в Шестово сластолюбивые мечты об Александрине не покидали головы Николая Леопольдовича.

VIII
В когтях пантеры

Александра Яковлевна Гаринова сидела с книгой в руках на задней террасе шестовского дома, когда до нее донесся шум подъехавшего к крыльцу экипажа, а через несколько минут вошедший на террасу лакей доложил ей о прибытии Николая Леопольдовича Гиршфельда, за которым была послана на станцию, по его телеграмме, коляска.

— Скажи, что я здесь!.. — небрежно скомандовала она, не отрываясь от книги.

Лакей вышел.

Николай Леопольдович завтракал тем временем в столовой. На столе был накрыт один прибор, — Александра Яковлевна уже позавтракала, — и Гиршфельд с аппетитом отдавал дань кулинарному искусству Сакердона Николаевича, изредка задавая прислуживавшему лакею вопросы о их житье-бытье в Шестово.

— А где же Александрина? — спросил он между прочим.

— Кто-с? — удивленно ответил вопросом лакей.

— Александрина — княгинина камеристка! — разъяснил Гиршфельд.

— Такой у нас нет-с.

— Александра Яковлевна…

— Барышня-с? — понял наконец лакей. — Она дома-с, Иван докладывал им о вашем приезде, они-с приказали доложить вам, что они на задней террасе.

Очередь удивляться настала для Николая Леопольдовича.

— Барышня… — проговорил он сквозь зубы, допивая последний глоток бургунского и отирая рот салфеткой. — Пойдем представляться барышне, — добавил он с улыбкой и встал.

Он вышел на террасу в открытую настежь дверь.

Александра Яковлевна, углубившись в чтение, не заметила его появления.

Он остановился в дверях.

Она сидела, грациозно склонившись над книгой. Ее прекрасно сложенную фигуру облегало платье из легкой светло-голубой лет-

ней материи, миниатюрные ножки выглядывали из-под него, полуопущенные глаза оттенялись длинными темными ресницами. Серьезное выражение прелестного личика дышало наивностью и свежестью.

Гиршфельд невольно остановился в дверях и залюбовался на нее.

«Ну, конечно ж барышня! — мелькнуло у него в уме. — Да притом и преаппетитная...» — На губах его снова прозмеилась насмешливая улыбка. Он кашлянул.

Она опустила книгу на колени и повернула к нему голову. В этом движении было столько неподдельного достоинства, что выражение насмешки быстро исчезло с его лица и он почтительно проговорил:

— Здравствуйте!..

— А, здравствуйте!..

Она движением глаз указала ему на стоящее против нее, у металлического столика, чугунное кресло.

Он машинально последовал ее приглашению.

«Однако, она обращается со мной, точно владетельная принцесса, а я как мальчишка

позволяю ей это!» — пронеслось у него в голове.

Он обозлился сам на себя и, развалившись в кресле, видимо старался принять невозможно дерзко-нахальную позу. Закурив сигару, он начал пускать кольцами дым чуть не в лицо Александры Яковлевны. От нее не ускользнуло все проделанное им, но она только по временам улыбалась уголком рта. Оба некоторое время молчали…

— Баронесса Фальк, при прощании со мной, — лениво начал он, потягиваясь в кресле, — просила меня принять в вас участие и рекомендовать кому-нибудь в Москве на такую же должность камеристки, какую вы занимали при покойной княгине…

Он умышленно подчеркнул последнюю фразу и остановился.

— Я очень благодарна Ольге Петровне за память и заботу обо мне, — небрежно, в тон своего собеседника, заметила Александра Яковлевна.

— Я, конечно, должен слышать и от вас желание поручить мне заняться вашей судьбой в этом смысле, — снова начал он, растягивая

слова.

— Благодарю вас. Но в настоящее время я не могу еще высказать этого желания... У меня другие виды.

Она пристально посмотрела на него своими смеющимися глазами. Он невольно принял более красивую позу.

«Неужели, — подумал он, — в этих видах фигурирую я и мы таким образом сходимся в мыслях? Это сильно бы облегчило шаг к первому сближению, а там она в моих руках... Как она чертовски хороша!» — закончил он свою мысль.

— Я, признаться, с первого взгляда на вас, еще в доме покойной княгини, — продолжал он уже вслух, — немало удивился, что вы, при вашей красоте, избрали себе такой узкий путь в жизни.

— Вас это удивило? — спросила она, окинув его быстрым взглядом.

— Да, повторяю, удивило, а вкратце узнав от баронессы вашу историю, услышав о вашем воспитании, о вашем образовании, о которых я догадывался ранее по вашим манерам, мое удивление возросло еще более, и я

вполне понимаю, что это было только временное положение, что у вас должны быть виды на более широкую деятельность.

— Вы думаете?

— Вполне уверен, да иначе и быть не может, в должности камеристки, почти горничной, вы не на месте.

— Какой же широкий и более подходящий для меня путь я бы могла избрать, по-вашему мнению?

— Какой какой?! Какой угодно. Женщина с такой обаятельной внешностью имеет полное право всестороннего выбора! — восторженно заговорил он, пожирая ее глазами и забывая даже о том, что этим может набить ей цену.

Под ее разжигающе-вызывающими взглядами проснулась его животная натура. Желание обладать ею, и как можно скорее, было единственною его мыслью. Он даже подвинулся на край кресла и перегнулся к ней через стол.

— Это комплимент и фраза, а мне нужен ответ. Какой же путь? — настойчиво спросила она.

— Боже мой! Неужели найдется хотя бы один человек в мире, который за обладание вами не положил бы к вашим ногам себя самого, свои средства, свое богатство, не окружил бы вас комфортом, не сделал бы вашу жизнь — жизнью полновластной царицы?

Он пытливо поглядел на нее.

— Себя самого, свои средства, свое богатство, — задумчиво повторила она. — Вы не упомянули об имени!.. Но хорошо: я понимаю и переведу вашу поэтическую шараду на прозаический язык: вы советуете мне идти в содержанки?..

— Пошлое слово...

— Но все-таки слово... — перебила она. — Да не в этом дело! Допустим, что я с вами согласна, но где найти такого человека?

— Он перед вами!.. — захлебываясь, проговорил Гиршфельд, вскочив с кресла.

— Вы?..

— Да, я!.. Я богат, я устрою вашу жизнь, как вы пожелаете, я не остановлюсь перед безумными тратами.

Он стремительно бросился к ней. Она отстранила его рукой и встала.

— Не спешите, я еще не выбрала вас своим содержателем, — со смехом сказала она.

Он почувствовал, что этот смех леденит его кровь.

— Согласитесь! Я люблю вас, страстно, безумно!.. — задыхающимся голосом говорил Гиршфельд.

Он, весь дрожа, приближался к ней. Она отступала, и, дойдя задом до баллюстрады террасы оперлась на нее обеими руками.

— Люблю! — с иронией ответила она. — Не так же ли, как вы любили княгиню и княжну?..

— Княжну?.. — почти прошептал он, побледнев.

— Да, княжну... Но хорошо... Я согласна неограниченно пользоваться вашим богатством... Вот вам моя рука.

Он оправился и прильнул к этой руке долгим, страстным поцелуем.

— Это задаток...

— Нет, это прибавка к полученной уже вами за меня плате.

Он поглядел на нее испуганно вопросительным взглядом.

— Я вас… не… понимаю…

— Вам заплатила за меня княжна Маргарита распиской княгини, — в упор сказала она.

Он, как пораженный ударом молнии, упал на асфальтовый пол террасы.

Александра Яковлевна медленно прошла в комнаты и позвонила.

— Господину Гиршфельду дурно, — сказала она явившемуся на звонок лакею.

Тот бросился на террасу. Она прошла к себе наверх.

IX

Первая петля

Николай Леопольдович очнулся в бывшем кабинете Александра Павловича на той самой отоманке, на которой умер старый князь. На его голове лежали холодные компрессы. Кругом суетилась сбежавшаяся прислуга. Помутившимся, полубессознательным взглядом обвел он окружающую его обстановку и вдруг стремительно вскочил с дивана. Он припомнил все: и прошлое, и настоящее. Схватившись за голову, еще мокрую от упав-

шего при его быстром движении компресса, он зашагал по кабинету. Прислуга в недоумении столпилась в дверях.

— Мне лучше!.. Уйдите!.. Я позову, когда надо, — отрывисто сказал он, заметив наконец посторонних.

Все вышли, оставив его одного, и плотно притворили двери. Он остановился среди кабинета, продолжая внимательно оглядывать его. В нем почти ничего не изменилось за истекшие восемь лет. Все вещи стояли, висели и лежали на прежних местах, только на письменном столе с этажерками не было ни пузырьков, ни бумаг, а лишь в образцовом порядке были расставлены письменные принадлежности. Живо представился Николаю Леопольдовичу момент его первого приезда в Шестово в качестве учителя молодого князя Владимира, и встреча с покойным мужем ныне тоже покойной Зинаиды Павловны, так быстро и неожиданно ставшей в Москве его любовницей. Тогда он, Гиршфельд, был юноша, только что намеревавшийся вступить на адвокатское поприще, полный сил и надежд, стремился он к одной жизненной цели: богат-

ству, и... и достиг ее... Но как? Перед ним пронеслись картины постепенного достижения этой цели. Он припомнил в мельчайших подробностях свою двойную игру с покойной княгиней и ее племянницей, княжной Маргаритой Дмитриевной Шестовой, — игру, доведшую последнюю до преступлений, первою жертвою которых был князь Александр Павлович Шестов.

«На этой самой отоманке, — подумал он, — видел я его восемь лет тому назад мертвым, отравленным, по моему наущению, княжной. Это было началом ее преступной деятельности, за которую она так недавно расплатилась двенадцатилетней каторгой. Бедная Лида, — хрупкое, нежное создание! И ты была раздавлена колесницей современных искателей золотого руна! — припомнил он симпатичный образ сестры княжны Маргариты — Лидии, припомнил лежащею ее в гробу с неземной улыбкой спокойствия на устах, того спокойствия, которое было отнято у нее в последние дни ее жизни, отнято при посредством гнусной интриги».

Он был страшен под гнетом воспомина-

ний; глубокие морщины избороздили его лоб, остановившиеся глаза готовы были выскочить из орбит. Крупные капли пота, выступив на висках, медленно текли по щекам... Он все продолжал стоять, как вкопанный. Искаженное предсмертной агонией лицо княгини Зинаиды Павловны восстало в его воображении... Он припомнил, по рассказу княжны Маргариты, подробности ее отравления в гостинице «Гранд-Отель» в Т. Волосы у него поднялись дыбом... он задрожал... Вот и камера, т-ской тюрьмы, княжна Маргарита в арестантском платье, с глазами, пылающими гневом, с выражением презрения и непримиримой ненависти на лице.

— Вон, подлец! — прозвучали в его ушах последние слова княжны арестантки.

Он захохотал. То был адский хохот безграничной злобы, хохот безграничного отчаяния. Чего достиг он? Положения? Богатства? Да! Но разве все это не здание, построенное на песке? Одно дуновение ветерка, и все, все разрушено, ни от чего не останется и камня на камне. Позор, позор, позор!.. Он снова заходил по комнате, и наконец скорее упал, неже-

ли сел в кресло, закрыв лицо руками. Несчастный, он думал, что с окончанием суда над княжной прекратятся его мучения, что вердикт присяжных над его сообщницей спасет его от возмездия, оградит его от прошлого непроницаемой стеной: что если он сам и не забудет его, то никто не осмелится ему о нем напомнить, что все концы его преступлений похоронены в могиле княгини и так же немом как могила сердце каторжницы-княгини, а между тем…

«Она, эта девушка, почти горничная, — с ужасом вспомнил он последнюю сцену с Александриной, — бросила ему в лицо слова, доказывающие, что она знает многое… что одно ее показание об этом многом может погубить его… Что делать? Как быть?..»

Он бессильно опускал голову.

«Устранить… — мелькнуло в его голове — Но как? Через кого? Он сам не в состоянии совершить преступление, он может лишь составить план и вдохновить других, близких; а где они? Единственная его верная исполнительница — в тюрьме, осуждена на каторгу, да и та отшатнулась от него…»

«Вон, подлец!..» — снова припомнились ему роковые слова, и снова заставили его задрожать.

Он, кроме того, любит ее, эту неожиданную мстительницу, одним словом повергнувшую его к своим ногам; любить так, как только может он, Гиршфельд, любить женщину, соблазнительную по внешности и вдруг ставшую для него недосягаемой. Эта недосягаемость сразу превратила в нем желание обладать ею в дикую, безумную, нечеловеческую страсть. Он ясно сознавал невозможность заглушить в себе это роковое чувство.

— Она должна быть моей! — страстно прошептал ьн, поднимая голову, но вдруг остановился, как бы испугавшись этой мысли...

«Нет, никогда... — ответил он сам себе. — Да и из чего ей? Из-за денег? Она и так будет брать их у меня, сколько захочет. Из-за меня лично? Она видимо достаточно знает меня, чтобы не вдаться в обман».

Он припомнил ее иронический хохот при слове: «люблю».

— Жениться?

Он сейчас же бросил эту мысль. Брак с

бывшей камеристкой княгини, после все-таки оставшейся загадочною смерти последней, может бросить на него сильную тень, возбудить толки, навести на мысли, на подозрения...

«Нет, нет, не надо ей даже намекать на это, а то кто знает, она может этого потребовать, а я... я в ее власти», — скрежеща зубами подумал он и встал.

«Пусть так, — решил он, — я поделюсь с ней состоянием, окружу ее роскошью, она увидит, почувствует ту страсть, которая клокочет к ней в моем сердце, и быть может откликнется на нее. Говорят — страсть заразительна».

Он нервно тряхнул головой и выпрямился.

«Хватит на обоих!.. Состояние молодого князя еще в моих руках...» — думалось Гиршфельду.

— Войдите, — уже почти спокойным голосом ответил он на почтительный стук в дверь кабинета.

— Пожалуйте кушать! — распахнув дверь, доложил лакей.

Гиршфельд поправил перед зеркалом свой

туалет твердой походкой отправился в столовую.

Александра Яковлевна приветливо протянула ему руку.

— Как вы себя чувствуете? С вами это и раньше случалось? — наивным тоном спросила она, лукаво улыбаясь.

— Нет! Но вы хоть кого заставите упасть к вашим ножкам! — с насильственной усмешкой ответил он и сел к столу.

Разговор во время обеда, в присутствии прислуги, вертелся на пустяках. После обеда он попросил ее уделить ему несколько минут для серьезного разговора.

— Пойдемте ко мне! — просто ответила она.

Они вдвоем поднялись в будуар покойной княгини.

В нем тоже не произошло никаких изменений, и лишь обивка мебели и стен несколько поблекла.

— Поговорим! — сказала Александра Яковлевна, опускаясь на chaise-longne и указывая ему место на маленьком кресле около себя.

Он сел, но начал не сразу, как бы обдумы-

вая то, что ему предстояло передать ей, и стараясь не глядеть на нее. Она же спокойно и молча смотрела на него.

— Из нескольких брошенных мне в лицо на террасе слов, — медленно, с трудом заговорил он, не подымая на нее глаз, — я понял, что вам известно многое из того, что я считал окруженным непроницаемой тайной, известной лишь мне, да еще одной, оставшейся в живых, особе...

— Томящейся теперь в стенах т-ской тюрьмы, — пояснила она, отчеканивая каждое слово.

Он еще ниже наклонил голову в знак согласия.

— А потому я в вашей власти! Но мне хотелось бы узнать, — если вы, конечно, пожелаете мне открыть это, — каким образом вы могли проникнуть в эту тайну?

Он бросил на нее мимолетный взгляд.

— Княгиня, за последнее время, сделалась со мной откровеннее; мы были почти друзьями и, кроме того, дверь ее будуара, задрапированная портьерой, не всегда была плотно притворена. Понимаете?

— Понимаю... — глухо ответил он, посылая в душе тысячу проклятий по адресу неосторожной покойницы.

— Но мои отношения к княжне?.. — с усилием продолжал он.

— Я была наблюдательнее покойницы... — прервала она, взглянув на него своими смеющимися глазами.

Он весь похолодел под этим взглядом, но вскоре оправился.

— Итак, повторяю, я и моя будущность в вашей власти. Надеюсь, однако, что вы не намерены меня погубить. В этом порука поданная вами мне на террасе рука...

— Вы не ошиблись: мне нет дела до человеческого правосудия, я сама изыскиваю средства совершить суд над другими за себя... И теперь я нашла эти средства...

— Над кем? — прошептал он.

— Это вас не касается, с этой стороны вы можете быть покойны: я нуждаюсь в помощниках, а не в сообщниках...

— Молчу... Но какую же роль вы предназначаете мне?

— Я сделаюсь вашей содержанкой...

— Вы? Моей?..

Он сделал движение к ней.

— Без всяких, с вашей стороны, прав на эту содержанку... Вы их еще ничем не заслужили, — остановила она его повелительным жестом.

Он остался на месте.

— Но я заслужу!.. Оставьте мне хоть надежду, — прошептал он.

Он схватил ее руку и прильнул к ней губами.

— Довольно, г. Гиршфельд. Поговорим о деле! — сухо отрезала она, отнимая руку.

Он сделал над собой неимоверное усилие.

— Приказывайте... — скорее прохрипел, нежели сказал он.

Деловым тоном объяснила она ему, что желает переехать на жительство в Москву, куда он должен отправиться раньше и приготовить для нее помещение со всей обстановкой, прислугой и экипажами.

— Надеюсь, что я останусь довольна! — заметила она.

— Я сделаю все возможное и даже невозможное, лишь бы приблизиться хоть немного

к осуществлению моих надежд...

— Посмотрим, — с улыбкой ответила она.

— О, увидите! Я создам для вас маленький рай...

— Телеграфируйте мне сюда, когда этот рай будет готов, и я надеюсь, что это случится скоро: здесь я, признаться, порядком соскучилась; а теперь я вас более не задерживаю...

Александра Яковлевна встала. Он простился с ней и с опущенной головой вышел из будуара.

Через два дня, приняв от Митрофана Сакердоновича отчеты по имению и денежные суммы, и передав из них тысячу рублей Александре Яковлевне, Николай Леопольдович выехал из Шестова в качестве покорного устроителя судьбы Александры Яковлевна Гариновой.

X
Репортер

Всеведующий и вездесущий московский репортер, главный сотрудник и фельетонист некой московской газетки, выписываемой, как уверяла злые языки, исключительно русскими просвирнями, — Николай Ильич Петухов только что вернулся домой после трудового дня. Бережно сняв свою единственную пару, он облачился в сильно засаленный, когда-то серый, а теперь ставший неопределенного цвета драповый халат, протертый насквозь в том месте, которое красноречиво показывало, что почтенный «литератор» усердно высиживает свои произведения, затем вышел из своего маленького кабинета в приемную, служившую и столовой, где семейство ожидало его за чайным столом.

Это семейство состояло из жена Николая Ильича — Матрены Семеновны, худенькой, болезненной женщины со страдальческим выражением лица, сестры ее, Марьи Семеновны — старой девы, заведывавшей незатейли-

вым хозяйством Петухова сына и дочери. Сыну его, Вадиму, шел семнадцатый год; он покончил с гимназическою премудростью на третьем классе, и никакие дисциплинарные меры не пробудили в нем дальнейшего стремления к наукам. Лавры отца не давали ему спать, и он слонялся по Москве в погоне за происшествиями, составляя о них заметки и отдавая их через отца в редакцию.

Николай Ильич, — зная по собственному опыту, что для «литератора», как он именовал себя, не только не нужна наука, но даже и грамота, — хотя и неохотно, скрепя сердцем, так как мечтал видеть сына «в студентах», к которым он с юности своей питал горячие симпатии, согласился пустить юношу по «литературной части».

— Кровь, батюшка! Ничего не поделаешь!.. — объяснял он знакомым неудачную карьеру сына. Весь в меня... Против крови, как против рода, нечего прати...

Николай Ильич был искренно убежден, что «литераторство» у него в крови.

Двенадцатилетняя дочка Петухова, Марфушка, была прехорошенькая девочка и

успешно училась в гимназии: «литературная» кровь, видимо, в ней не говорила.

Жил Николай Ильич в одном из переулков, прилегающих к Пречистенке, занимая в двухэтажном деревянном доме небольшую квартирку в пять комнат, как эти каморочки с дощатыми перегородками, иногда не доходящими даже до потолка, громко называл домохозяин.

В семье Петухов был неразговорчив и даже появлялся только по вечерам, обедал в трактирах, содержатели которых считали за честь покормить его обедом, не заикаясь о плате, зная за собою грешки по кухне и по другим отраслям деятельности.

Молча взял Николай Ильич из рук своей свояченицы стакан чая, налил себе на блюдечко и, держа его пятью пальцами «по-купечески», аппетитно стал прихлебывать, изредка отправляя к рот мелко наколотые кусочки сахара, стоявшего перед ним в глиняной вазочке.

— Тебя там Никита на кухне часа с два дожидается! — тихим грудным голосом нарушила молчание Матрена Семеновна.

— Никита?.. Зови его сюда, да водочки нам с закусочкой, какой есть… — ответил Петухов.

Никита был один из многочисленных приятелей Николая Ильича, крестьянин Т-ской губернии, завзятый рыболов. Надо заметить, что Петухов уже десятки лет со страстью предавался уженью рыбы и ему были известны не только все рыболовы-крестьяне подмосковных деревень, но круг его знакомств с ними расширялся вплоть до Поволжья, и он по временам, летом, пропадал из Москвы по неделям, корреспондируя из посещаемых им городов и деревень, и предаваясь своей страсти к удочке. Обильная рыбой река, на которой стоит губернский город Т., конечно, не ускользнула от его внимания, как не ускользнуло и славящееся своими карасями озеро, на берегу которого раскинулся ближайший в Т. мужской монастырь.

Никита, полной кличкой Никита Лаврентьев, по прозвищу Ерш, был крестьянин деревни, расположенной на другом берегу этого озера. Прозвище Ерша он получил вследствие всегда всколоченной фигуры, страсти к рыбной ловле и вспыльчивого характера.

Услыхав приказание мужа, Матрена Семеновна тотчас встала и вышла из комнаты. За нею разбрелись по углам и остальные домочадцы, окончившие чаепитие.

Петухов поближе пересел к самовару.

— Николаю Ильичу! Чай да сахар!.. — раздалось приветствие; в дверях, с поклоном, показалась неуклюжая фигура Никиты.

— Другу! Садись, чайком побалуешься!

Никита уселся.

— Признаться, касательно чая — былое дело. Да и ничего, пополоскаюсь — чай на чай не палка на палку... Как можешь? Все ли с добром?.. — сказал Никита, принимая из руки Николая Ильича стакан чая.

— Благодарствуй... Каким тебя ветром в Белокаменную занесло и давно ли?

— Вечером приехал, а завтра восвояси; нашему рыболовному генералу снасти привозил: летом разов пять наезжал, у меня хоронил, ну, а теперь, вестимо, октябрь на дворе, — отписал привезти.

В это время Марья Семеновна внесла на подносе графин с водкой и две рюмки, холодную вареную говядину, нарезанную мелкими

кусочками, на одной тарелке, черный хлеб на другой, и все это поставила на стол перед собеседниками.

— Ну, как ловля нынешним летом? — спросил Николай Ильич, наполнив рюмки и чокаясь с Никитой.

Оба выпили.

— Нечего Бога гневить, ловили изрядно!.. — отвечал Никита, дожевывая закуску.

— Не привелось мне побывать в наших местах.

— Ой ли, разве не был? — подозрительно посмотрев на него, спросил Никита.

— Нет!.. А что?

— Погрешил я, значит, летом на тебя...

— Аль двойник привиделся?..

— Двойник, не двойник, а только было это, как бы те не соврать, в апреле; иду это я утречком от обедни, — глядь из рощи, что у озера, барин выходит, твой благоприятель...

— Кто такой?

— Да вот прошлым летом ты с ним приезжал... еще у него удочку карась утащил...

— Николай Леопольдович?

— Он и есть! Николай, а по отчеству язык

сломаешь.

Петухов при этом неожиданном известии навострил уши.

— Ну и что же? Говорил ты с ним?

— Какой! Я ему закричал «барин»!.. А он, куда тебя, оглянулся и ну улепетывать.

— Не ошибся?

— Не слепой! Я и погрешил на тебя: И Николай, думаю, Ильич здесь поблизости, да может чем изобиделся, и от моих ворот поворот.

— Нет, чем изобидиться, я тобой доволен, — заметил тот, снова наполняя рюмки. — Я не был.

— Теперь верю; говорю — погрешил.

— Да когда же это было?

— Говорю, в апреле! Тут вскорости еще, да почитай в тот же день, в городе, в гостинице, племянница тетку отравила. Княжна какая-то, сказывали.

— Шестова?

— Кажись так! Она, баяли, в монастыре за обедней в тот день была.

— А!!! — только мог сказать пораженный этой новостью Николай Ильич.

Беседа затем пошла своим чередом; слы-

шались только рыболовные термины, шли рассказы об удачном и неудачном уженьи.

Графинчик был окончен, и Николай Ильич, оставив своего гостя ночевать на кухне, удалился в свой кабинет.

Несмотря на усталость от проведенного в беготне по городу дня и на выпитую в изрядном количестве водку, Петухов не мог заснуть. Сообщение Никиты Лаврентьева о встрече им Гиршфельда у монастырской рощи близ Т. после обедни, в день обнаружения преступления княжны Маргариты Шестовой, положительно жгло ему мозг. Он репортерским чутьем догадывался, что в этом обстоятельстве есть нечто очень важное.

Сбросив халат и юркнув под ватное, сшитое из ситцевых лоскуток одеяло, он потушил свечку и начал соображать. Он внимательно следил за газетными известиями о деле княжны Маргариты, так как знал отношение к ней своего благоприятеля — Николая Леопольдовича, для которого обделывал разные делишки среди купечества, и чуял его косвенное участие в этом деле, но ухватиться за малейшее доказательство не мог.

— Чисто сделано! — не раз со злобным восторгом повторял он, внимательно читая корреспонденции из Т. — Иголочки не подточить!

Вдруг, теперь, совершенно случайно, являлось доказательство, в день по его совершения у обедни в монастырской церкви, — припомнил Николай Ильич.

Он знал это из печатного обвинительного акта.

Но из того же обвинительного акта, а именно из приведенного в нем показания Гиршфельда, он помнил что последний, по его собственным словам, был задержан делами в Москве, и прибыл в Т. только с вечерним поездом, когда уже княжна со-знался и была арестована.

Несомненно, что он лгал в этом показании, а виделся с княжной утром около монастыря, но счел необходимым скрыть это свидание, что исполнил очень искусно, поручив кому-нибудь отправить из Москвы в Т. княгине Зинаиде Павловне телеграмму, полученную утром в гостинице «Гранд-Отель», уже после своего отъезда из Белокаменной. Зна-

чит он знал, что совершится преступление и был, следовательно, его соучастником. Иного вывода сделать было нельзя. Показание Никиты Ерша, вместе с показаниями его, Петухова, об отношениях Гиршфельда с осужденной молчаливой княжной, может не только запутать Николая Леопольдовича в неприятное для него дело, но даже привести его на скамью подсудимых и, смотря по ведению следствия, совершенно погубить. Внимательно, как уже мы сказали, следя за известиями о деле об отравлении княгини Шестовой ее племянницей, Николай Ильич, преследовал одну мысль, найти в нем хотя бы малейший намек на участие Гиршфельда и, опираясь на знание его отношений к подсудимой, сорвать с последнего денежный куш и начать на него издание собственной газеты, что было уже несколько лет заветною мечтою Петухова. Увы, такого намека в деле он, как мы видели, до беседы с Никитой, не находил. Теперь — дело другое.

— Приготовьтесь г. Гиршфельд раскошелиться... — радостно несколько раз повторил он, обсудив всесторонне важность принесен-

ного Никитой известия, и заснул сном счастливого человека, твердо верующего в свою звезду.

Всю ночь снился ему милый его сердцу газетный лист, под которым красовалась подпись: Редактор-издатель Н. И. Петухов.

XI
Второй свидетель

На другой день в девять часов утра Николай Ильич подходил своей плавной походкой к роскошному небольшому домику-особняку, изящной архитектуры, с лепными художественными украшениями по фасаду, зеркальными окнами в одно стекло и шикарным подъездом. Дом этот находился на одной из улиц, выходящих на Арбатскую площадь, и принадлежал присяжному поверенному Николаю Леопольдовичу Гиршфельду. Смело нажал Петухов пуговку электрического звонка, и по лицу его разлились даже довольная улыбка от этой смелости.

«Знай наших!» — как бы говорила вся его непрезентабельная внешность.

— Дома? — спросил он отворившего ему лакея.

— Еще почивают-с.

— Я подожду, очень нужное дело.

Лакей, знавший Николая Ильича, впустил его.

Вскоре Николай Леопольдович проснулся и узнав, что его дожидается Петухов по важному делу, приказал позвать его в спальню.

— Что скажешь? — встретил он его, протягивая руку из-под одеяла. — Садись.

Петухов, пожав руку Гиршфельду, пододвинул стул к кровати и сел. Необычайная резвость Николая Ильича не ускользнула от внимания Николай Леопольдовича.

«Что с ним? Вид у него совсем торжествующей свиньи. Что-нибудь и тут неладно!» — промелькнуло в его уме.

«Что за вздор! И откуда у меня явилась такая подозрительность?» — остановил он сам себя.

— Дельце есть личное, так сказать, — почти шепотом начал, между тем, Петухов.

— Личное?

— Да-с, личное, заветное, можно сказать:

давно я эту мечту лелею.

— На счет редакторства? — усмехнулся Гиршфельд, зная давно стремление к нему Петухова.

— Именно-с... — вздохнул тот.

— Зачем же дело стало? Если нужно похлопотать о разрешении, у меня есть рука, — устрою.

— Не одно-с это: в этом-то, я знаю, памятуя мою вам службу, вы не откажете. Хотелось бы газетку без предварительной цензуры сварганить, отголоском Москвы ее сделать, серой Москвы — массы, а то сами знаете, какие у нас теперь газеты мелкой-то прессы: одна вопросами о духовенстве всем оскомину набила, другая — приставодержательством беглых профессоров занимается и в большую играет, а третья, смех и грех, совсем либеральная шипучка, благо ее редактор заведение шипучих вод имеет; об остальных и говорить нечего — все можно забить и дело сделать ахтительное.

Николай Ильич даже захлебнулся от восторга. Николай Леопольдович улыбнулся, — подозрения его рассеялись.

— Так чего же не достает, чтобы сделать это «ахтительное» дело?

— Денег.

— И много на это надо?

— Да тысяч двадцать пять на первое время, — пять тысяч залогу за издание без предварительной цензуры, ну, да на первоначальные расходы, типография, бумага, сотрудникам, публикации...

— А у тебя много денег? — остановил этот перечень Гиршфельд.

— Какие у меня деньги? — с хлеба на квас перебиваюсь...

— Так чего же ты без толку толкуешь, а я слушаю.

— Да, думал, Николай Леопольдович, что вы...

— Дам тебе двадцать пять тысяч? — даже привскочил он на локоть.

— Думал, что дадите, и теперь думаю, — невозмутимо продолжал Петухов.

На его губах мелькнула плотоядная улыбка. Николай Леопольдович не заметил ее.

— Да если бы это было и на самом деле выгодное дело, в чем я сильно сомневаюсь, то

откуда я их возьму? В делах теперь застой, денег у меня самому не хватает, с домом этим тут еще связался — уйму денег съел, сам еле перебиваюсь...

Петухов смотрел на него и недоверчиво улыбался.

— Ты чего зубы-то скалишь? — рассердился Гиршфельд. — Обокрал я, что ли, кого, что деньгам счета не знаю?

«С чего-нибудь он да пристал! Что-нибудь тут да не ладно!» — мелькало в его уме и еще более раздражало его.

— Зачем обокрасть, — спокойно отвечал Николай Ильич, — умные люди не крадут, дураки крадут, Николай Леопольдович, крадут и попадаются; а умные люди не попадаются, значит не крадут.

Он с выразительною наглостью взглянул на него.

Николай Леопольдович молчал, до крови закусив нижнюю губу. Подозрения, что Петухов затевает против него что-то недоброе, разрасталось в его душе. С тех лор, как он попал в первую петлю им самим сплетенных тенет и был всецело в руках Александры Яковлев-

ны Гариновой, он с какой-то болезненной боязливостью стал относиться ко всем, кто знал его близко при жизни Зинаиды Павловны.

— Так не дадите? — начал Николай Ильич после некоторой паузы.

— Конечно не дам! — крикнул хриплым голосом Гиршфельд. — И по очень простой причине — у меня нет! — добавил он тише и мягче.

— На нет и суда нет, — с прежней скверной улыбкой развел руками Петухов.

Оба собеседника замолчали.

— Совсем из ума вон, — прервал молчание Петухов, — вам поклон есть — от Никиты Ерша.

— От кого?

— Позабыли разве? В прошлом году из Т. мы с вами на монастырское озеро ловить рыбу ездили, в деревне останавливались у рыбака, с ним и охотились...

— А, помню!.. — слабым голосом ответил Николай Леопольдович.

Вся кровь бросилась ему в голову при упоминании Петуховым Т.

— Обиделся на вас он очень.

— Тогда? За что?

— Нет, не тогда, нынешним годом он вас в апреле, идя от обедни, у монастырской рощи встретил, окликнул даже вас, а вы от него, как он говорит, точно от чумы убежали...

Николай Ильича остановился, пытливо смотря на Гиршфельда.

Последний мгновенно побледнел. Он вспомнил, что какой-то мужик на самом деле окликнул его два раза, когда он выходил из рощи после свидания с княжной Маргаритой.

— Это было в тот самый день, когда княгиню Зинаиду Павловну, царство ей небесное, — истово перекрестился Петухов, — нашли отравленной, а княжна Маргарита Дмитриевна, по словам обвинительного акта, была у обедни в монастырской церкви. Вас, кажется, в этот день в Т. не было?

Гиршфельд не отвечал. Он был уничтожен этим странным совпадением обстоятельств. По-прежнему полулежал он на кровати, приподнявшись на локте и обводил вокруг себя испуганно-безумным взглядом, как бы стараясь найти точку опоры над зияющею под ним пропастью. Николай Ильич хорошо видел со-

стояние своего благодетеля, но ни один мускул не дрогнул на его лице и он по-прежнему медленно продолжал:

— Я и сам было усомнился, да Никита под присягу идет, что хорошо узнал вас. Тут я и подумал, что если бы об этой вашей таинственной прогулке сведал т-ский прокурорский надзор, дело-то молчаливой княжны, пожалуй, повернулось бы иначе...

Петухов захихикал.

— Идите... подождите... меня в кабинете... Я сейчас выйду... — задыхающимся, хриплым голосом только мог произнести Николай Леопольдович, быстро приподнявшись на кровати и указывая Николаю Ильичу на дверь.

— Подождем! Отчего не подождать? — самодовольно ухмыльнулся тот и выскользнул из спальни своею бархатной походкой.

Не успел он выйти, как Гиршфельд упал в подушки и зарыдал.

Это были слезы злобы и ожесточения.

— Поддел, поддел, подлец! — скрежеща зубами, повторял он несколько успокоившись и обмывая заплаканное лицо у роскошного мраморного умывальника.

— Надо заткнуть этому псу глотку просимым им куском, — решил он, надевая халат.

Тем временем, Николай Ильич сидел в обширном шикарно убранном кабинете Николая Леопольдовича, нежась в покойном кресле и предаваясь мечтам. Двадцать пять тысяч он считал в своем кармане и прикидывал в уме расчеты по изданию, способы быстрого успеха и будущие барыши. Он уже воображал себя в недалеком будущем капиталистом и, небрежно потягиваясь в кресле, как бы заранее приучал себя к окружающей его роскоши. Появившийся в дверях кабинета, наружно совершенно спокойный Николай Леопольдович заставил его, по привычке, вскочить с кресла.

— Садитесь, — жестом указал ему Гиршфельд на покинутое им кресло и сам сел к письменному столу.

Петухов опустился в кресло и молчал.

— Вы говорили, — начал Николай Леопольдович, — что для издания газеты вам нужно двадцать пять тысяч рублей.

Голос его слегка дрогнул.

— Да, никак не меньше, — отвечал Николай Ильич и лицо его засветилось радостной

улыбкой.

— В каких бумагах желаете вы получить эту сумму?

— Предпочтительнее в кредитных билетах или сериях.

— Завтрашний день в этот же час вы получите ее полностью здесь.

Николай Ильич просиял совершенно.

— Благодарю вас! — начал было он, но вовремя спохватился.

— Никаких благодарностей, — перебил его, кроме того, Гиршфельд: — я плачу вам за молчание и надеюсь, что после этого у вас не явится мысли доводить обо мне какие-либо сведения до прокурорского надзора.

— Всеконечно не явится, — заспешил Петухов. — Проверьте, что все узнанное мною за последнее время, как известны мне ваши отношения к княжне Шестовой — будут отныне тайной, схороненной во мне, как в могиле.

— Я принужден вам верить!.. Итак, до завтра. Николай Леопольдович встал и протянул Петухову руку. Тот крепко пожал ее.

— Будьте покойны!.. Могила!.. — повторил он.

— Кстати, — заметил Гиршфельд, когда Николай Ильич уже был у двери, — новая газета, при нужде, не откажется, конечно, служить моим интересам?..

— Без всякого сомнения: я никогда не отказывался и не отказываюсь служить вам, — ответил тот и исчез за дверью.

— Молодец, Николка! Важнецкое дельце обделал! — похвалил он сам себя, выйдя из подъезда дома Гиршфельда и вздохнул в себя полной грудью свежий сентябрьский воздух.

На другой день он получил обещанные деньги.

XII
Московский «censor morum»

Прошло несколько месяцев. Николай Ильич Петухов был утвержден редактором-издателем ежедневной газеты без предварительной цензуры. Ему не пришлось даже просить о разрешении в Москве новой газеты, — он просто купил одну прекратившуюся, за неимением подписчиков, газетку, не потерявшую еще права издания. Владелец этой газетки был мелкий аферистик, которых столичная жизнь плодит как грибы в дождливое лето, пускавшийся, конечно без денег на фуфу, во всевозможные предприятия, от делания цинковых кастрюль до издания газет включительно, и прогоравший во всем так же быстро, как и изобретенные им кастрюли. Хлопоты по утверждению Петухова редактором не обошлись без помощи Николая Леопольдовича Гиршфельда, которого Николай Ильич, несмотря на еще неостывшую хотя уже значительно успокоившуюся, злобу успел сильно заинтересовать в этом деле.

Первый видел, что второй совершенно переродился и с такой несокрушимой энергией принялся за дело, что Гиршфельд перестал даже сожалеть об отданных деньгах. От успеха этого дела зависела, кроме того, большая или меньшая вероятность, что Пастухов снова не обратится к нему за субсидией, чего чрезвычайно боялся Николай Леопольдович, тративший и без того безумные деньги на Александру Яковлевну.

— У всякого кошеля есть дно... — со страхом повторял он сам себе.

Еще за месяц до выхода первого номера новой газеты, на нее подписалось почти все московское серое купечество, среди которого вращался Николай Ильич, сумевший искусно рекламировать свое нарождающееся детище и всучать на него подписные билетики. Купцы, кроме того, надеялись, что «живоглот» — под этим прозвищем был известен среди них Николай Ильич, — пощадит в своей газете подписчиков, в чем, впрочем, жестоко ошиблись, и несмотря на то, что увидали свою ошибку с первых ее номеров, нарасхват читали ее не давая зарока и на будущее время вно-

сить за нее деньги. Их подкупало скандальное направление: все московские сплетни находили место на ее страницах. Каждый лавочник, пропечатанный в ней вчера, с жадностью развертывал ее завтра, надеясь встретить пропечатанным своего соседа, кума, приятеля. Все это сделало то, что числе подписчиков, по выходе первых номеров, стало увеличиваться прогрессивно. Розничная продажа тоже шла на славу. Николай Ильич, пропуская мимо ушей возгласы негодования, подчас довольно справедливого, по адресу их нового собрата на страницах других московских периодических изданий — торжествовал.

— Брань на вороту не виснет, — утешал он себя русской пословицей.

— Брань — та же реклама! — изрекал ему в утешение Николай Леопольдович, деятельность которого, как выдающегося адвоката, чуть ли не ежедневно восхвалялась на разные лады на страницах новой газеты.

— Я их, этих ругателей, этих проповедников принципов, этих оградителей неприкосновенности семейного очага, всех куплю! —

заговорил уже через полгода по выходе газеты Петухов и не ошибся.

Те, которые, казалось, собственною кровью писали против его газеты ожесточенные статьи, стали ее постоянными сотрудниками. Щедро и аккуратно уплачиваемый гонорар произвел эту метаморфозу. Выдача авансов сломила самых непреклонных.

Репортерская часть в газете, благодаря знакомству Николая Ильича со всею московской полицией, была доведена до совершенства. С властями вообще, а с московскими в особенности, консервативный по инстинкту Петухов был в идеальном ладу. Московские либералы — существуют и такие — говорили даже о нем, перефразируя стих Пушкина:

Старик Катков его заметил
И, в гроб сходя, благословил.

Спустя месяц-два по выходу в свет новой газеты, Николай Ильич был вызван для объяснений по поводу помещенной в ней заметки, к одному власть имущему московскому сановнику. С душевным трепетом прибыл он, трусливый по природе, в назначенный час в

дом особы. Продрожав несколько времени в приемной, он был приглашен в кабинет.

Сановник принял его стоя, в присутствии чиновника.

— Вы редактор новой газеты?

— Точно так-с! Не губите, ваше-ство! — скороговоркой произнес Николай Ильич, со слезами на глазах, и не успел сановник опомниться, как Петухов схватил его руку и запечатлел за ней поцелуй, обливая ее слезами.

Это происшествие так поразило старика-сановника, что он усадил Николая Ильича в кресло, приказал принести воды, просил успокоиться и отпустил обласканным, обещав всевозможное покровительство его изданию.

Московские Титы Титычи и купеческие «саврасы без узды» как огня боялись «петуховской газеты», страшась быть в ней ежедневно пропечатанными за их безобразные ночные оргии по загородным ресторанам, скандалы и мордобития; сложились даже разделения скандалов на «скандалы просто с полицейским протоколом» и «скандалы с протоколом и петуховской газетой». Во избежание

последних, они, несли обильные дани Николаю Ильичу, и он таким образом сделался для Москвы своеобразным «censor morum», как древние римляне именовали блюстителя нравов. Особенно рьяные охотники до сильных ощущений, избравшие себе всецело жизненным девизом: «нраву моему не препятствуй», платили контрибуции в форме ежемесячных взносов, сумма которых определялась как по состоянию плательщика так и по степени развития его мускульной силы.

Но и эти обложенные регулярной податью не всегда избегали заслуженной кары, в форме пропечатанья в новой газете за свои выдающиеся из ряда вон подвиги, если не озабочивались добыть каждый раз после грандиозного скандала амнистию от строгого редактора.

Следующий случай, имевший место на второй год издания новой газеты, красноречиво доказывает это.

Один из прожигавших наследственные тятенькины капиталы — юный купеческий саврасик, устраивавший гомерические кутежи, с битьем зеркал, посуды и неприглянувпшхся физиономий в колоссальном количестве, по-

корно вносил ежемесячно редактору нового обличительного органа его пятьдесят рублей за молчание о своих «пассажах».

Новая газета долго оставляла его веселиться по своему, как вдруг, в один прекрасный день, на ее страницах была напечатана обширная заметка об одном из его подвигов. Фамилия героя была, впрочем, обозначена одними инициалами. Подвиг, навлекший на него такую беду, был следующий. У него была некая «пассия» — женщина замужняя. Вдруг муж ее, сильно мешавший любящим сердцам, заболел какою-то простудною болезнью и отдал Богу душу. Жена опечалилась мало, саврасик был в восторге и устроил за свой счет роскошные похороны, за которыми следовал обильный яствами и питиями поминальный обед в гостинице на Ваганьковом кладбище. На обеде присутствовали все прихлебатели савраса. Напившись до зеленого змия, последний потребовал шампанского, затем вскочил на стол и начал плясать трепака. Посуда со звоном полетела со стола, прихлебатели плясали вокруг. Духовенство поспешило удалиться; на его место явилась по-

лиция.

Скандал вышел грандиозный.

О нем-то и пропечатали в новой газете.

Прочитав утром роковую заметку, вносивший исправно свою ежемесячную дань саврас ошалел до того, что вчерашнего хмеля как не бывало, и он, совершенно трезвый, помчался для объяснения в редакцию, помещавшуюся в то время на набережной Москвы-реки. В трезвом виде он, надо заметить, был смирнее ягненка.

— Ты это что же?.. Это не того... не ладно! — воззрился на него саврас.

— Что такое? Что не ладно? — недоумевающим тоном спросил Петухов.

— Деньги берешь, а мораль пущаешь, — это не модель!

— А ты про это? Так ты, баранья голова, думал, что я тебе за сто пятьдесят рублей на поминальных столах плясать дозволю? Шалишь. Три тысячи, или завтра же полную фамилию и подробности помещу. Слышишь? — крикнул Николай Ильич.

— Слышу... — робко произнес уничтоженный этим аргументом «саврас».

Через полчаса требуемая сумма была доставлена.

Так обделывались дела в редакции новой газеты.

В домашней жизни Петухов не изменил своих привычек. Слегка подновив обстановку своей квартиры и сделав себе необходимое платье, он ни на копейку не увеличил своих расходов, терпеливо ожидая, когда средства позволят ему зажить на совсем широкую ногу. Его семья почти не чувствовала финансового изменения в средствах ее главы. Она по-прежнему довольствовалась малым, и только сын Вадим перехватывал иногда у отца малую толику и кутил с сотрудниками, чувствуя себя на седьмом небе в их литературном обществе.

XIII
Казначей поневоле

Николай Леопольдович сдержал слово и сдал для Александры Яковлевны Гариновой на самом деле «маленький рай». Уже более года жила она в Москве на средства Гиршфельда, — широко, без счета, пользуясь ими. Квартирка ее находилась в бельэтаже одного из двух громадных домов, построенных по петербургскому типу (тогда еще весьма немногих в первопрестольной столице), образующих целый переулок между Петровкой и Неглинным проездом, носящий название Петровских линий. Нижние этажи чуть ли не шестиэтажных громад были заняты роскошными магазинами, из огромных зеркальных окон которых лились по вечерам ослепительные потоки света: мостовая и тротуары в проезде между домами были сделаны из тогда только что входившего в моду асфальта, и, кроме газовых фонарей, в проезде поставлены были электрические фонари по системе Яблочкова. В этом появившемся лишь года за

два до описываемого нами времени центре старушки-Москвы уголке Петербурга господствовало день и ночь необычайное для Белокаменной оживление, благодаря открытому в тех же Петровских линиях фешенебельному Татарскому ресторану, также по петербургскому образцу. Нечего и говорить, что дома эти были снабжены всеми удобствами, подъемными машинами, электрическими звонками, проведенными водою и газом, освещавшим десятки шикарных подъездов.

Пять больших комнат, составлявших квартиру Александры Яковлевны, казались небольшими и уютными, так как величина их скрадывалась массою разнообразной мебели, тяжелых портретов, драпировок, картин в роскошных рамах, ламп и бра; ее будуар и спальня были отделаны так же, как у покойной княгини Зинаиды Павловны в Шестове, с тою лишь разницею, что пунцовый цвет будуара заменен был голубым. В зале, уставленной золоченою мебелью, стоял великолепный деми-рояль из грушевого дерева, с бронзовыми, блестевшими как золото, украшениями. Александра Яковлевна за последнее вре-

мя стала заниматься музыкой. Ее далеко нельзя было назвать музыкантшей. В доме Гариных она училась музыке вместе с княжнами, умела играть легкие пьески и танцы, и обладая, кроме того, музыкальным слухом, она искусно воспроизводила слышанные ею мелодии. В пении она обладала тоже не особенно выдающимися качествами — у нее был приятный, но очень маленький и совершенно необработанный голосок, так что она часто прибегала к так называемому «говорку», но зато умела петь с шиком и особенною, чисто цыганскою, фразировкою. Таковы были музыкальные таланты Александры Яковлевны.

Это, впрочем, не мешало окружавшим ее вскоре после ее появления в Москве поклонникам провозгласить ее чуть ли не выдающейся артисткой, или уж, по меньшей мере, женщиной с задатками гениальности. Сонм этих поклонников состоял из начинающих карьеру адвокатов, литераторов, студентов, маленьких артистов и артистов-любителей. Последних, в описываемое нами время, было более, нежели комаров в июне.

Среди этой многочисленной свиты нарождающейся на горизонте Белокаменной артистической звезды, выдавались, по своему общественному положению только двое: Николай Егорович Эдельштейн и Иван Васильевич Марин.

Первый был недюжинный артист-музыкант, московская знаменитость, хотя много лучей славы, окружающей его имя, было позаимствовано от выдающегося артистического успеха его брата — общеевропейской известности здравствующего и первенствующего среди русского музыкального мира до сего дня. Николай Егорович стоял во главе одного из московских музыкально-драматических учебных заведений. Это был человек лет сорока с небольшим, среднего роста, с лицом еврейского типа, замаскированного отчасти отсутствием бороды, с длинными курчавыми волосами. Он был большой руки bonvivant, лихой собутыльник и страстный любитель женщин. Учреждение, во главе которого он находился, готовило артисток и давало ему в последнем смысле обильную жатву. По Москве ходили упорные слухи, что располо-

жение г. директора, в известном смысле, являлось условием sine qua non успешного окончания артистического образования в этом учреждении. О Николае Эдельштейне и многих ученицах рассказывалось много скандальных историй. Некоторые из них не сходили благополучно с рук ловеласа-начальника: являлись защитники девушек, и раз даже арапник справедливо разгневанного брата прогулялся по спине (по другой же редакции, по лицу) Николая Егоровича, вздумавшего довольно исключительно заняться артистическим образованием сестры воинственного братца, но встретившего от нее энергичный отпор.

Другой, Иван Васильевич Марин, был актер казенной сцены и преподаватель драматического искусства в находящемся под начальством Николая Егоровича учреждении. Он не уступал последнему в наклонностях ловеласа, но в виду преклонности лет, ухаживания его были чисто эстетического характера.

Николай Леопольдович Гиршфельд был хорошо знаком с обоими и когда Гаринова выразила ему желание серьезно заняться сво-

им музыкальным образованием, то он на другой день прислал ей письмо, с которым она и отправилась к Эдельштейну.

Николай Егорович рассыпался перед ней в любезностях и обещаниях упрочить ее артистическую карьеру, и она вышла от него уже в качестве ученицы московского музыкально-драматического учреждения. Надо, впрочем, отдать справедливость директору, что несмотря на то, что он на первых же порах отличил от других новую ученицу и стал явно и настойчиво за нею ухаживать, это не помешало ему убедиться в ее музыкальной неподготовленности и маленьком голоске, и сдать ее в класс драматического искусства, на руки Марина — своего безопасного соперника в ферлакурстве, уверив Александру Яковлевну, что лишаясь ее как ученицы, он приносит жертву на алтарь искусства, так как у нее, по его мнению, разделенному с Мариным — авторитетом в этом деле, — несомненные задатки драматической актрисы, и на его совести лежал бы грех лишения отечественной сцены ее лучшего будущего украшения. Гаринова охотно приняла все это за правду и, как ка-

жется, не осталась в долгу у Николая Егоровича за его попечения о ее артистической судьбе, так как последний, за все время ее пребывания среди слушательниц драматических курсов и даже по выходе, что случилось через год, не отнимал у нее своего расположения и часто посещал ее один и с Мариным.

Такой поворот в артистической карьере «несравненной и божественной» Александры Яковлевны, как называли ее поклонники, привел в неописанный восторг ту часть их, которая состояла из артистов-любителей. Они стали наперерыв добиваться ее участия в устраиваемых ими спектаклей в трех, предназначенных исключительно для любителей, московских театриках: Немчинова на Поварской, Секретарева на Кисловке и Шумова в благословенной Таганке. Такое участие приносило, кроме удовольствия видеть свой кумир на сцене, и известную выгоду устроителям, так как билеты на спектакли любителей, или как их прозвали «губителей», в описываемое время, при существовании монополий казенных театров, считались бесплатными и должны были продаваться под сурдинку, сре-

ди знакомых, причем всучивались имевшим неосторожность познакомиться хотя мимоходом с «любителем», что называется, наступая на горло, Гаринова же обыкновенно распродавала их массу, много отдавала даром, платя из своего кармана и, кроме того, никогда не отказывала в деньгах для устройства спектакля.

При таких условиях понятно, что она была желательней исполнительницей и играла постоянно первые роли, печатаясь в афишах красной строкой.

Ее профессор, как громко именовал себя Марин, не запрещал ей лицедейство даже ставил большинство спектаклей с ее участием, — конечно, не безвозмездно.

Он далеко не верил в великую артистическую будущность своей хорошенькой ученицы, хотя вместе с Эдельштейном пылко уверял ее в противном. Марин рассчитывал, что она, со своей пикантной сценической внешностью, может иметь успех на сцене, исполняя роль кокеток и ingénue comique, оставаясь во всех ролях той же «божественной» Александрой Яковлевной, а потому не только не

препятствовал ей играть в премьерши среди любителей, но даже подал ей мысль выйти с курсов и брать у него частные уроки, что та и исполнила.

Этим, влюбленный в свою ученицу, хитрый старик убил, как говорится, двух зайцев: устранил ученицу, мешавшую общему ходу учебного дела, с которой он не мог поступать с обычною ему строгостью, и доставил себе, кроме хорошо оплачиваемого частного урока, удовольствие приятных tete-a-tete'ов. В такой-то любительской горячке прошло первое время пребывания Гариновой в Москве. В отношениях ее к Гиршфельду не изменилось ничего: она продолжала держать его в почтительном отдалении, считая совершенно достаточным ту честь, которую она оказывает ему, позволяя разыгрывать относительно нее роль тароватого содержателя. На самом же деле он был лишь ее казначеем поневоле. На его обязанности лежало заботиться, чтобы на текущем счету Александру Яковлевны Гариновой в банкирской конторе Волков с сыновьями значилась всегда солидная цифра; об экстренных же суммах, необходимых ей, она

сообщала ему лично, вызывая его к себе коротенькою запискою. Каждое слово таких записок, буквально ценилось ею на вес золота.

Первое время Николай Леопольдович таил в своем сердце, кое-какие надежды на благосклонность «божественной», но надежды эти день за днем становились все более призрачными, хотя в описываемое время он еще не потерял их совершенно, продолжал бывать на ее вторниках и следить за ней ревниво-влюбленным взглядом. Она делала вид, что не замечает этого, а между тем в сердце Гиршфельда не переставала клокотать целая буря неудовлетворенной страсти, оскорбленного самолюбия, бессильной злобы и бесправной ревности. Для последней в особенности представлялось обширное поле, так как, в виду двусмысленного положения в обществе Александры Яковлевны, в ее салонах собирались, кроме нескольких заправских артисток, артистки-любительницы, все сплошь близко граничащие с кокотками; большинство же были мужчины, мало стеснявшиеся с этим артистическим цветником, и почти не выделяя из него и хозяйку. Скарбезные шутки, пи-

кантные анекдоты сыпались со всех сторон не только из уст мужчин, но и женщин.

Этот господствовавший в салоне Гариновой тон коробил даже циничного Гиршфельда, ставшего, кстати сказать, в силу своей платонической любви, почти пуританином. Окружающие часто открыто выражали ему свою зависть, как обладателю «божественной», и тем заставляли его, прикрываясь деланной улыбкой, переносить жестокие сердечные страдания. Не раз с сожалением и раскаянием вспоминал он не только княжну Маргариту, но даже княгиню Зинаиду Павловну.

XIV
Хочу быть актрисой

Был второй час дня.

Александра Яковлевна только что встала, и в утреннем негляже казалась утопающей в волнах тончайшего батиста и дорогих кружев, сквозь которые в подобающих местах просвечивало ее выхоленное, атласное, розовое тельце. С тех пор как мы покинули ее в Шестово, она пополнела и посвежела, красивое личико приобрело выражение большей самоуверенности и даже игривого нахальства. Она сидела, грациозно откинувшись на спинку chaise-longue и капризно играла миниатюрными ножками, обутыми в шитые золотом китайские туфельки.

Перед ней, на маленьком, низеньком столике, стоял серебряный кофейник, такая же сахарница и недопитая чашка севрского фарфора на серебряном подносе. Она по временам пила из нее маленькими глотками, при чем движение ее руки, в откинутом рукаве утреннего капота, давало возможность ви-

деть эту полненькую ручку, покрытую легким пушком, почти всю до плеча.

Николай Леопольдович сидел на кресле поодаль и пожирал хозяйку плотоядным взглядом. Он переносил все адские муки Тантала, и это продолжалось уже более двух лет. Намеренно ли, или нет? — об этом знала только она одна, но Гаринова принимала его с деловыми визитами почти всегда в соблазнительном негляже.

И теперь Гиршфельд привез ей, по ее требованию, весьма значительную сумму. Объемистая пачка радужных бумажек лежала небрежно брошенной на серебряном подносе рядом с кофейником. Исполнив свою обязанность, он хотел было удалиться, но Александра Яковлевна, нетерпеливым движением всего корпуса, остановила его:

— Сейчас и бежать! Посидите! Хотите кофе?

Он отказался, чувствуя, что в ее присутствии, при подобной обстановке, он не будет в состоянии сделать глотка, и пробормотал что-то о неотложных делах.

— Пустое; у меня тоже есть до вас дело...

Он посмотрел на нее вопросительно и опустился в кресло.

— Вы удивлены; вы думаете, что я и дело — несовместимы; а вот и ошибаетесь! И я часто серьезно думаю, и теперь надумалась: мне надоела эта возня с любителями, эта жизнь содержанки...

Она остановилась.

В его голове мелькнула мысль, что она решилась изменить свое положение и выйти за него замуж. Он давно порешил согласиться на этот брак, если один этот путь мог доставить ему так страстно желаемое обладание.

«А если это будет лишь фиктивный брак?»

От этой мысли он весь похолодел.

— Я хочу поступить на настоящую сцену, с окладом жалованья и с хорошим окладом! — закончила она.

Этот конец был для него неожиданностью. Сладкие грезы были разрушены.

«Значит, все-таки она сознает, что нехорошо так беспощадно обирать меня, — подумал он. — У нее проснулось ко мне чувство жалости!..»

Это его отчасти успокоило.

— На казенную сцену, на первые роли трудно, да и жалованье там мизерное, — деловым тоном ответил он.

— Да я и не хочу на казенную; с чего вы это взяли? Я хочу поступить на частную, в тот театральный кружок, который уже с год как существует в Москве, под управлением Львенко. Вы ее, конечно, знаете? Вы всех знаете...

— Я знаю Анну Аркадьевну, и даже хорош с ней и с ее мужем.

— Он, кажется, тоже адвокат? — кинула она.

— Да!

— Ну, вот видите... Она, как слышно, платит баснословные оклады, но берет со строгим выбором... Я просила к Эдельштейна, и Марина представить меня ей, они обещала, но потом как-то сконфужено уклонились; видимо она не хочет знакомиться с содержанкой! — с злобной горечью произнесла Гаринова.

— Не думаю; это что-нибудь да не так! Анна Аркадьевна женщина без предрассудков и всецело преданная искусству, — поспешил успокоить ее Гиршфельд.

— Думаете ли вы, или не думаете — это меня не касается, но это так... Понимаете? Так!.. Никто, а вы меньше всех, в этом меня разуверите!.. — капризно крикнула Александра Яковлевна.

Гиршфельд не отвечал.

— Видите, видите: и вы молчите, — продолжила она, — а потому я хочу, чтобы она не только приняла меня к себе на сцену на первые роли и на хорошее жалованье, но сама приехала со мной познакомиться и пригласить меня...

— Но это так не делается, — заикнулся было Николай Леопольдович, но Гаринова не дала ему договорить.

— Мне нет дела, делается ли это у них или у вас, но я хочу этого! Слышите? Я хочу!.. — крикнула она; вся раскрасневшись, быстро вскочила с места, несколько раз прошлась по комнате и снова села.

От быстрого движения у нее расстегнулась верхняя пуговица капота и обнажилась белоснежная шейка.

Николай Леопольдович молчал, задыхаясь от страсти.

— Слышите? Я хочу! — повторила она и топнула ножкой.

— Слышу… я сделаю… Но какая же за это награда?.. — хрипло, с трудом ответил он.

— Пока, вот: целуйте! — с улыбкой протянула она ему свою руку.

Он мгновенно сорвался с места, схватил эту руку и крепко прильнул к ней губами выше локтя.

— Довольно… — сказала она, пробуя отстранить его от себя; но он как клешами сжал ее руку и не отрывался, — Мне больно!.. Слышите?..

Он не слыхал, весь дрожа от охватившей его страсти. Лицо его побагровело, жилы на лбу налились кровью. Остановившиеся глаза почти выкатились из орбит. Он был страшен. Продолжая левою рукою держать ее за руку, правою он сделал движение, чтобы обхватить ее за талию и наклонился к ней уже совсем близко.

Она почувствовала опасность.

«Крикнуть!.. Это скандал!» — пронеслось к нее в голове. Она вдруг захохотала.

Этот хохот отрезвил его. Он бессильно вы-

пустил ее руку, обвел ее помутившимся взглядом, схватился за голову обеими руками и несколько минут простоял в оцепенении.

— Извините... — прошептал он наконец, взял шляпу и шатаясь вышел из комнаты.

— Не забудьте о Львенко! — весело крикнула она ему вдогонку.

После его ухода, Александра Яковлевна подошла к зеркалу. Ей вспомнилось лицо Гиршфельда, за минуту так ее напугавшее; но теперь, при этом воспоминании, на ее губах появилась самодовольная улыбка.

«Кажется, я и без тайны в руках могу крепко держать в них этих царей природы, как высокопарно называют себя мужчины. Этот умный, но сладострастный жид готов положить к моим ногам все золото, собранное им ценою преступлений, готов решиться на массу других, лишь бы добыть меня. Но сила красивой женщины прежде всего в ее недостижимости, а если она и сойдется с кем-нибудь, то в неуверенности мужчины в прочность этой связи. Нами дорожат лишь тогда, когда рискуют ежеминутно потерять... Я знаю это, и это-то знание — моя сила! С ним и со средствами

Гиршфельда, я достигну своей цели...»

Так думала она, любуясь собой.

Николай Леопольдович, между тем, не помня себя, выскочил из двери квартиры Гариновой, а затем из подъезда, и бросился в свою коляску. Только свежий сентябрьский воздух заставил его опомниться. Он с омерзением к самому себе припомнил только что пережитую сцену.

«И не иметь возможности отомстить, быть бессильным свидетелем своего собственного унижения!»

Он заскрежетал зубами.

«Что если бы, — блеснула у него мысль, — он послушался тогда княжны Маргариты, явился бы с повинной и был теперь на каторге со все-таки любимой и любящей девушкой?»

Он не знал о постигшей ее судьбе.

«Что тогда? Не лучше ли ему было, чем теперь, в когтях Гариновой и Петухова? В постоянном страхе?» — настойчиво восставали в его уме вопросы.

«Гораздо лучше!» — подсказывал ему в ответ какой-то внутренний голос.

XV
Директриса

На другой день, рано утром, Николай Леопольдович покорно поехал со щекотливым поручением Гариновой к Анне Аркадьевне Львенко. Ни по одной черте его лица нельзя было догадаться о перенесенных им страданиях вчерашнего дня. Оно, как и вся его упитанная, выхоленная фигура, дышало наружным спокойствием, самоуверенностью и самодовольством.

Анна Аркадьевна жила в тех же Петровских линиях, занимая громадную угловую квартиру в третьем этаже, окна которой выходили частью на Петровку, а частью в проезд между домами. По наружности, это была полненькая, невысокого роста, довольно пикантная шатенка, с большими, сумасшедше-восторженными глазами, которыми она артистично управляла, придавая им, сообразно обстоятельствам, то или другое выражение. Подвижная, непоседливая, она принадлежала к народившемуся лишь в семидеся-

тых годах нынешнего столетия типу женщин «чреватых идеями», как выразился о них Н. Соловьев. Этими идеями была полна ее миловидная головка, — они били в ней, что называется, через край. Анна Аркадьевна жаждала самостоятельной деятельности, но в силу ее воспитания и образования, такая деятельность могла открыться для нее только в области искусства. Она и бросилась в него. По происхождению — столбовая дворянка, она провела детство и юность безвыездно в одной из ближайших к Москве губерний, в уездном городе, где ее отец занимал выборные должности, а мать наблюдала за воспитанием и образованием как ее, так и младшей дочери — Лизы. Последнее было поручаемо выписываемым из Москвы гувернанткам, а первое состояло в классических домашних мерах исправления, ряд которых увенчивался грозным отцовским чубуком. На умную и способную от природы девочку это «воспитание и образование» не положили резкого отпечатка и не обратили ее в шаблонную, недалекую, застенчивую «уездную барышню». Напротив, они выработали в ней характер, наклонность к

протесту, и с летами — желание во что бы то ни стало вырваться из-под родительского крова, настойчивость и упрямство в достижении цели — главные свойства характера Анны Аркадьевны. Уйти от мер домашней строгости вообще и от отцовского чубука в особенности, вскоре представился случай, и Анна Аркадьевна не преминула им воспользоваться.

К ней присватался жених — Яков Осипович Левенберг.

Молодой человек, окончивший всего года за два перед тем университетский курс, он был назначен исправляющим должность судебного следователя в тот город, где текла довольно неприглядная в родительском доме жизнь Анны Аркадьевны. Юный жрец тогда только что обновленной русской Фемиды был принят с распростертыми объятиями в семейных домах уездного города, а в том числе и в доме родителей Анны Аркадьевны. Яков Осипович оказался весьма приличным молодым человеком и, кроме того, очень хорошим музыкантом. За роялем начался и кончился скороспелый роман молодой девушки. Она с дет-

ства усердно занималась музыкой и считалась чуть не первой музыкантшей в уезде, к радости и гордости своей матери, которая с восторгом передавала отзыв одной столичной гостьи о том, что в пальчиках ее Анюты просто какое-то волшебство.

Несмотря на это «волшебство», Левенберг оказался перед ней выдающимся артистом, чем и покорил юное, да еще жаждавшее простора и свободы сердце. Свеженькая, хорошенькая, а для уезда очень начитанная и развитая девушка (она сама старалась дополнить пробелы своего образования) и, кроме того, музыкантша и артистка в душе Анна Аркадьевна не могла не произвести впечатления на молодого следователя-пианиста, а кругленькое приданое, о котором ходили слухи, довершило увлечение молодого человека. Игра в четыре руки завершилась в один прекрасный день предложением руки и сердца со стороны Якова Осиповича.

Анна Аркадьевна сконфузилась.

Отцовский чубук в последний раз мелькнул в ее воображении.

Она согласилась.

После ряда домашних сцен, ею было добыто и согласие родителей, которые вначале отказали было претенденту. Этот отказ еще более подзадорил своенравную девушку. Одним из мотивов его было то, что жених — еврей, но это препятствие было вскоре устранено, В маленьком городке узнали, что следователя Левенберга в ближайшее воскресенье будут крестить в местном соборе. На небывалую в уездном городе церемонию собралась толпа народа, и крещение было совершено с помпою. Яков Осипович, таким образом, положил к ногам Анны Аркадьевны веру своих отцов.

Вскоре после этого состоялась их свадьба. Жизнь молодых потекла вначале довольно ровно. Свободное от служебных занятий время молодой муж посвящал, совместно с женою, музыке или же чтению выписанных из столицы книг и журналов. Вскоре, впрочем, у молодого супруга, получившего за женой довольно крупную сумму денег, открылась страсть к картам, и он стал просиживать напролет целые ночи, проигрывая весьма крупные куши. Тут-то и сказался выработанный в родительском доме характер Анны Аркадьев-

ны. Она, для спасения мужа из водоворота пагубной страсти, не прибегала к рутинным сценам, но в один прекрасный день, укатив с его согласия, на несколько дней в Москву, прислала ему оттуда категорическое письмо о том, что она более не намерена вернуться, но что он, если пожелает, может выйти в отставку и переехать в Москву, где она встретит его верной женой.

«Это — мое бесповоротное решение; причин объяснять не желаю!» — закончила она энергичное послание.

Никакие вмешательства родителей, никакие письменные, даже личные просьбы супруга, не подействовали на упрямую головку Анны Аркадьевны: она твердо стояла на своем и заявляла, что приготовилась ко всякому скандалу, ко всякой огласке. Супруг nolens-volens должен был уступить, и зачислился в московские присяжные поверенные.

Адвокату «по неволе» сразу повезло счастье, и кроме очутившегося у него в руках крупного родственного процесса, доставившего ему громадный гонорар, дела его, вообще, на первых порах пошли весьма ходко. Как

артист в душе, Яков Осипович собрал вокруг себя музыкальный кружок и делил свое время между письменным столом и роялем.

Анна же Аркадьевна, напротив, охладела к музыке. Это произошло от того, что после игры слышанных ею виртуозов, к числу которых принадлежал Николай Эдельштейн и особенно его брат — Антон, и даже после игры ее мужа, ее не удовлетворяла собственная ее игра: она сознавала, что в этой области она не достигнет выдающегося успеха, т. н. первенства, а этот успех, это первенство гвоздем сидели в ее упрямой головке. В ней сидели бесы самолюбия, самомнения и тщеславия, и не давали ей ни минуты покоя; препятствия к достижению цели только раздражали ее, а если эти препятствия становились чересчур серьезны, она бросалась с такой же, если не большей энергией в другой дело. Так было и теперь. Выступив несколько раз с успехом на любительских спектаклях в Москве, обладая хотя небольшим, но довольно симпатичным и хорошо поставленным голоском, она решила посвятить себя драматическому искусству, энергично засела пополнять в этом направле-

нии свое литературное образование, и наконец добилась принятия на казенную сцену.

На театральных подмостках она появилась под фамилией Львенко.

Вскоре, впрочем, она увидела, что казенная сцена не может удовлетворить ее самолюбию, ее жажде выдающегося успеха: она попала в театральную толпу, ей давали изредка маленькие роли в водевилях с пением, — что было далеко не то, о чем она мечтала. Горькое разочарование действительности не только не отняло, не уменьшило, но даже увеличило ее энергию. Она решила устроить свой театр и послужить искусству, став во главе этого артистического предприятия, дабы через него составить себе имя.

— Я добьюсь того, что имя Львенко не умрет в истории русского театра! — говорила она сама себе и близким ей людям.

Анна Аркадьевна горячо принялась осуществлять задуманное дело на широких, свойственных ее русской натуре началах. Деньги у нее были, кредит также, и с этими двумя силами можно сделать все, и дело двинулось на всех парусах.

Ко времени нашего рассказа, театральный кружок под управление Анны Аркадьевны Львенко второй год существовал в Москве, и театр кружка успешно конкурировал с казенной сценой, оставляя последнюю за флагом. Директрисой театра кружка, как именовала себя Львенко и как значилось на ее визитных карточках, были собраны в Москву все выдающиеся провинциальные артистические силы, и таким образом составилась лучшая труппа в России. Всей душою преданная идее проведения в жизнь чистого искусства, Анна Аркадьевна бережно охраняла свой вертоград — ее собственное выражение — от тех дневных и ночных бабочек, которые званием артистки прикрывали другие, к искусству прямого отношения не имеющие профессии. Таких кандидаток в артистки в Москве было немало. Вот почему она уклонялась от знакомства с Александрой Яковлевной Гариновой.

Кроме того, Эдельштейн и Марин выбрали весьма неудачное время для ходатайства за свою протеже перед Анной Аркадьевной. Последняя была занята в то время всецело де-

лом освобождения частных сцен от тяготевшей над ними монополии казенных театров и путем всевозможных и подчас даже невозможных ходатайств довела его до благополучного конца. Театр кружка Львенко явился первым в России свободным частным театром.

— Я своим бабьим хвостом сделала то, чего не могли сделать до меня сотни мужчин! — говорила торжествующая Анна Аркадьевна.

Это была правда; но увы, владелица чудодейственного «бабьего хвоста» обладала одним недостатком: она не знала арифметики. Несмотря на ежедневные полные сборы, расходы были так велики, состав труппы так громаден, оклады такие баснословные, что не только нельзя было думать о барышах, — не для них и начала она дело, — но надо было постоянно принимать средства, как свести концы с концами. Денег не было, и Львенко нуждалась постоянно. Об этом знал Гиршфельд, и на это рассчитывал.

XVI
В конторе театра

Деятельной директрисы театра, несмотря на довольно ранний час утра, Николай Леопольдович уже не застал дома.

— Барыня с полчаса как уехала в театр на репетицию! — объяснил ему отворивший дверь лакей в изящном фраке и белоснежной жилетке.

Не желая откладывать исполнение поручения Гариновой, Гиршфельд приказал кучеру ехать на Тверскую. На этой улице, в доме жида-подрядчика Моисея Соломоновича Шмуль, разбогатевшего исключительно на поставке для армии подошв, — тех исторических подошв, которые никак не могли долго удержаться на сапогах русского солдата и принудили нашу победоносную армию сделать русско-турецкую компанию почти босиком, — помещался театр кружка под управлением Анны Аркадьевны Львенко. Театр этот с год как был устроен специально для кружка, на общие средства Шмуль и Львенко. Злые

языки даже уверяли, что Моисей Соломонович решился на передачу части своего громадного дома под театр pour les yeux de madame. Была ли в этом доля правды — неизвестно, но Моисей Соломонович до прекрасного пола, к большому горю его жены, Ревеки Самуиловны, был на самом деле очень падок.

Дежурный капельдинер попросил Николая Леопольдовича подождать в фойе и побежал с его визитной карточкой к директрисе.

Гиршфельд стал прогуливаться по зале, украшенной по стенам портретами и бюстами знаменитых русских и иностранных писателей. Его внимание в особенности привлек великолепный, исполненный масляными красками поясной портрет М. Ю. Лермонтова, в роскошной золоченой раме. До слуха Николая Леопольдовича доносился со сцены смешанный гул голосов, прерываемый резким хохотом и визгливыми звуками скрипки. Репетиция была в полном разгаре.

Он ждал и рассчитывал в уме, какую сумму придется ему выложить сегодня для исполнения каприза Александры Яковлевны.

Анна Аркадьевна, между тем, сидела в

уютной, роскошно отделанной конторе театра, и вела деловой разговор с главными воротилами дела — актерами Матвеем Ивановичем Писателевым и Андреем Николаевичем Васильевым-Рыбаком.

Первый был драматический резонер, громадного роста, видный мужчина, говоривший глубоким басом. Он начал свою артистическую карьеру еще студентом московского университета, участвуя на любительских спектаклях в доме известной московской артистки Г. Н. Федотовой. Последняя открыла в нем задатки актерското таланта, и молодой человек, увлекшись сценой, бросил университет, не окончив курса. Началось скитание по провинциям, но оно не сгубило, как многих других, Матвея Ивановича, несмотря на то, что он с самого начала обладал только «глоткой» и очень небольшим дарованием, у него был другой талант, и талант громадный: уметь жить с людьми и пользоваться ими. Он вскоре женился на некрасивой, но талантливейшей провинциальной актрисе Полине Андреевне Стрешневой, и за жениным хвостом всеми правдами и неправдами вылез в пре-

мьеры. Лучше других удавались ему так называемые «рубашечные» роли в русских бытовых пьесах, а также роли героев в старинных трагедиях, где его внушительная глотка была как раз на месте. Безусловно хорош он был в роли Несчастливцева в комедии А. Н. Островского «Лес», где он играл самого себя. На его театральной судьбе, впрочем, не оправдалось замечание другого героя этой пьесы, Аркадия Счастливцева: «Нынче оралы-то не в моде»!.. Писателев имел успех и был в моде.

Васильев-Рыбак был актер другого типа. Его амплуа были комические и характерные роли. Сложилось мнение, что комики вообще народ добродушный. Он был то, что русский народ метко называет «рубаха-парень». Некрасивый лицом и фигурой, но замечательно талантливый, он был готов отдать последнее не только нуждающемуся товарищу, но даже первому встречному, и несмотря на громадность получаемого жалованья, всегда был без копейки и вечно забирал вперед у антрепренеров. Пристрастие к богу Бахусу — характерная черта русских гениев — было раз-

вито в нем довольно сильно. Любимым напитком, который он буквально тянул с утра до вечера, был лимонад с коньяком. Чуждый какой-либо интриги, он за последнее лишь время поддался влиянию Писателева, считая его своим искренним другом. Эта дружба вполне оправдывала французское правило, что крайности сходятся.

Таковы были главные воротилы дела театра кружка и помощники директрисы, Анны Аркадьевны Левенберг, по театру Львенко.

С ними-то, в момент приезда Николая Леопольдовича, и вела она серьезную беседу на тему ожидавшегося, обычного впрочем, за последнее время, финансового кризиса. Говорил, впрочем, только один Писателев; Васильев-Рыбак молча прихлебывал из стакана лимонад с коньяком.

— Так, Анна Аркадьевна, нельзя! Так может все дело рухнуть, а если нет, то наверно выскользнуть из наших рук; на него в Москве многие зубы точат. Надо прежде всего достать денег, а затем сократить труппу для уменьшения расходов, — басил Матвей Иванович.

— Как! Сократить труппу?! — воззрилась на него Анна Аркадьевна.

— Так, на треть! У нас набрана чертова пропасть совершенно ненужных людей.

— Не могу же я им отказать от места среди сезона и пустить по миру! У них, наконец, контракты!..

— У большинства давно нарушены ими самими. Они своевольничают, а их не только не выгоняют, но даже не штрафуют. Так нельзя!

— О штрафах я уже распорядилась, но сокращать, выгонять...

Анны Аркадьевна задумалась.

— Это не честно, — добавила она.

— Такая фраза неуместна при коммерческом предприятии; тут нужно думать о своей собственной шкуре, — язвительно заметил Писателев.

— Я не торговка, — отпарировала Львенко.

— А надо быть ею, чтобы вести такое дело! С одной идеей о служении чистому искусству — далеко не уедешь.

— Тогда лучше пусть гибнет дело...

— Без денег оно и так погибнет, а между

тем деньги вам предлагали на днях — хорошие: десять тысяч вносила эта барыня (вы сами рассказывали) за одно лишь право поступить на сцену кружка, а вы...

— Но ведь она кокотка... — вспыхнула Львенко.

— Так что же? Все они кокотки... — хладнокровно решил Матвей Иванович.

В это время вошел капельдинер с карточкой Гиршфельда.

— Вот, — воскликнула Львенко, — может быть сам Бог его посылает, чтобы спасти меня. Через него и даже у него можно достать деньги.

— Да, если вы ему нужны... — ставил Писатслев.

— Значит нужна, коли приехал!.. Проси!.. — кинула она капельдинеру.

Тот вышел.

— Меня всегда оправдывала надежда на Провидение: в последнюю минуту, но помощь явится...

— На Бога надейся, да сам не плошай, так-то, барынька, — фамильярно потрепал ее по плечу Андрей Николаевич, допив свой стакан

и удаляясь из конторы вместе с Писателевым.

На пороге они столкнулись и поздоровались с входившим Николаем Леопольдовичем.

— Каким вас ветром занесло, дорогой мой? — встретила его Анны Аркадьевна. — Я вас не видела ни у себя, ни в театре, кажется, целую вечность.

— Напротив, я усердный посетитель этого храма искусства, но отнимать у его главной жрицы драгоценное для нее и для общества время было бы, с моей стороны, преступлением, — заметил он, садясь в кресло.

— Знаю я вас: всегда вывернется! Нет, кроме шуток: по субботам я дома, муж будет тоже рад вас видеть.

— Не премину воспользоваться, если позволят дела... Все дела, да дела! — вздохнул Гиршфельд. — Я и сейчас к вам по делу...

Анна Аркадьевна молчала, вопросительно глядя на него.

— Начну без обиняков. Я слышал, что дело-то у вас, несмотря на успех, очень и очень швах...

Она открыла было рот для возражения.

— Главное, скажите откровенно! От этого зависит дальнейшая наша беседа и, может быть, крупная поддержка дела…

— Если предложение компании, то я на это не пойду, начала одна и погибну одна.

— Погибну… Значит швах!.. Успокойтесь: не компании… Отвечайте же, — очень швах?

Она наклонила голову в знак согласия.

— Сколько надо?

«Сказать больше, — мелькнуло в ее голове, — лучше будет».

— Тысяч двадцать, — произнесла она вслух.

— Двадцать? Не много ли?

— Minimum, minimum! — заторопилась Анна Аркадьевна.

— Двадцать, — повторил Гиршфельд, — а обеспечение?

— Вексель и закладная на театральное имущество, декорации…

— Оно таких денег не стоит, — ну, да все равно.

— Как не стоит? Оно стоит в пять раз больше! — вспыхнула Львенко.

— Стоило, дорогая; но товар не ходкий: ку-

да с ним денешься, если продавать?..

— Я до этого не допущу...

Гиршфельд усмехнулся.

— Это все ищущие денег говорили, говорят и будут говорить. Ну, да я сказал — все равно... Двадцать тысяч будут у вас хоть сегодня, но...

Он остановился.

— Что же но? — уставилась на него она.

— С условием...

— С каким?

В коротких словах передал Николай Леопольдович желание Александры Яковлевны Гариновой.

— Это невозможно! — категорически заявила Анны Аркадьевна, внимательно выслушав Гиршфельда.

— В таком случае, прощайте! — вставая, сказал он.

«Без денег оно и так погибнет, — пронеслась в ее уме фраза Писателева, — а двадцать тысяч спасут все дело. Надо решиться».

— Подождите, — остановила она его. — Ну, хорошо, я приму ее, положу ей триста рублей месячного жалованья. Я слышала от Марина,

что она хорошая актриса на молодые роли; но зачем же я поеду сама просить ее? Это унижение! Этого не делается...

— Я не могу изменить ни на йоту этого каприза взбалмошной женщины: я только передаю вам условия. За исполнение их я доставляю вам двадцать тысяч. Поверьте, что в другом месте вы под залог вашего театрального имущества не достанете и пяти. Решайте!

В уме Львенко происходила борьба.

— Хорошо, я согласна, я пойду! — нервно хрустнула она суставами пальцев.

— В день подписания с нею контракта мы пишем вексель, совершаем закладную, и вы получите деньги. Значит, по рукам?..

— По рукам! — подала ему руку Анны Аркадьевна. — Я поеду завтра...

— Чем скорее, тем лучше. Деньги готовы. Только, конечно, это условие умрет между нами. Александра Яковлевна менее всех должна об этом догадаться.

— Понимаю!

Николай Леопольдович простился и уехал. В тот же день он сообщил Гариновой о предстоящем визите к ней г-жи Львенко.

XVII
Каприз исполнен

«Все-таки она, по отзывам всех, талантливая женщина; быть может и на самом деле из нее выработается выдающаяся артистка и этим она будет обязана мне: я, так сказать, подарю ее отечественной сцене. Содержанка!.. Ну, да что ж? Содержанка — не кокотка; это почти что гражданский брак... Наконец, я приношу эту жертву для дела...»

Так, или почти так успокаивала себя Анна Аркадьевна, поднимаясь на другой день по лестнице подъезда в квартиру Гариновой.

«Одно я знаю достоверно, я видела ее несколько раз, она обворожительно хороша. С такою внешностью нельзя не иметь успеха на сцене. Красота артистки, в наше время, является суррогатом таланта», — окончательно успокоила себя Львенко и позвонила.

Предуведомленная Александра Яковлевна ожидала ее, но не показала ей этого, а напротив, заставила ее несколько минут дожидаться в гостиной.

Анна Аркадьевна залюбовалась на роскошную обстановку: она сама любила комфорт, и ее квартира была отделана как игрушка, но Гаринова ее перещеголяла.

«C'est un petit palais!» — мысленно решила она, сидя в покойном маленьком кресле.

Наконец портьера поднялась, и хозяйка этого petit palas появилась в гостиной с любезной, но вопросительной улыбкой на губах.

— Заочно мы с вами давно знакомы; я, по крайней мере, вас знаю: мы встречались в театрах, в клубах... Вероятно и меня вы знаете: я — Львенко, — встала и первая заговорила Анна Аркадьевна.

— О, конечно! Вас знает не только вся Москва, — вся Россия!.. Мне очень приятно. Садитесь! — ответила Александра Яковлевна, опускаясь в другое кресло.

Гостья тоже села.

— Чем я обязана честью и удовольствием вашего посещения? — начала Гаринова.

— Я приехала пригласить вас принять участие в спектаклях кружка. Нам нужна артистка на роли ingénues dramatiques и кокеток. Идущий у меня репертуар дает ей обширное

поле для развития сценических способностей. Вы, как я слышала, уже давно подвизаетесь с успехом на частных сценах; ваш профессор Марин отзывается о вас с восторженной похвалою, а Марин в этом деле авторитет и считается, в добавок, строгим и беспристрастным критиком. Наконец, сама ваша внешность ручается за успех.

Александра Яковлевна, под градом похвал, скромно потупила глазки.

— Благодарю за честь... Я должна вам признаться, что поступление на сцену кружка сделалось моею заветною мечтою... Я просила об этом уже давно Эдельштейна и Марина, но...

— Я помню, они говорили мне, — перебила ее Львенко, но в то время мне было не до новых ангажементов.

Она попала на свой конек и пустилась в длинный рассказ о своих хлопотах по делу освобождения частных театров и о своем «чудодейственном бабьем хвосте».

— Недавно только я добилась своего и могла приняться за дополнение и освежение труппы.

— Какие же ваши условия? — спросила ее Гариова, утомленная длинным повествованием.

— На первое время я могу предложить вам триста рублей в месяц. В остальном вы должны будете подчиняться общему для всех контракту. Приезжайте нынче вечером в театр и мы его подпишем.

Гостья поднялась.

— Значит, я могу считать это дело покончен-ным?.. — спросила она.

— Триста рублей... Хоть это и немного, но — хорошо: я согласна, — подавая ей руку, отвечала Александра Яковлевна.

Директриса и новая артистка расцеловались.

«Какова! Триста рублей в месяц ей немного... Она далеко пойдет... Живет как сказочная царевна, да и хороша почти также», — рассуждала сама с собой Анны Аркадьевна, усаживаясь в карету.

В этот вечер, до начала спектакля, Александра Яковлевна Гаринова подписала контракт и вступила на сцену театра кружка под псевдонимом Пальм-Швейцарская.

Весть о принятии новой артистки с быстротой молнии распространилась не только за кулисами, но и в собравшейся в громадном числе на спектакль публике. Александра Яковлевна перезнакомилась со всеми бывшими на лицо своими будущими товарищами по сцене. Со многими из них, и в том числе с Писателевым и Васильевым-Рыбаком, ома была знакома ранее. Первый был даже в числе ее поклонников.

Habitues театра — несколько московских молодых коммерсантов-богачей, с Николаем Егоровичем Эдельштейном во главе, явились в директорскую ложу, где в этот вечер, вместе с Анной Аркадьевной, сидела и вновь ангажированная артистка, и представились последней. Из этой же ложи положительно не выходил в конец растаявший перед Александров Яковлевной Моисей Соломонович Шмуль. Его плотоядное, типичное лицо даже как-то особенно лоснилось от восторга одного созерцания «божественной».

У Николая Егоровича явилась мысль, поддержанная Моисеем Соломоновичем и другими, отпраздновать день заключения контрак-

та с новой артисткой роскошным ужином в одной из обеденных зал ресторана «Эрмитаж». Он тотчас послал заказывать его, и после спектакля на него были приглашены, кроме Александры Яковлевны, все премьеры в премьерши. Сама директриса приняла в нем благосклонное участие.

Много было выпито за этим ужином, много было предложено тостов: за процветание искусства, за успех новой артистки и за другие приличные случаи оказии, как и всегда доказывающие не искренность пожеланий, а лишь живучесть древнего изречения святого князя Владимира: «Руси есть веселие пити». По окончании ужина, дамы удалились, но попойка продолжалась до утра. Сам отличавшийся воздержанностью, Шмуль напился до положения риз и наелся ветчины и трефного мяса, совершенно забыв о Моисеевом законе.

— Она восхитительна, божественна… — заплетающимся языком продолжал восхищаться он уже давно уехавшей Гариновой.

— Она должна иметь успех! Надо поддержать ее! — решили все.

Только один из присутствующих не выра-

жал громко своего восторга по адресу виновницы торжества, но это не значило, чтобы она не произвела на него впечатления. Напротив, он уже давно, но безуспешно ухаживал за ней. Это был присяжный поверенный, Адам Федорович Корн, державший негласно вешалку при театре кружка. Такое занятие, заключающееся в снимании с других верхнего платья, он находил, вероятно, вполне совместимым с занятием адвоката, часто снимающего с клиента последнюю рубашку. Он недавно женился на некрасивой и сюсюкающей дочери богатого московского купца и получил за женой крупное состояние. Теперь он рассчитывал, нельзя ли покорить сердце «божественной» женщины деньгами.

Сладкие мечты Адама Федоровича были прерваны предложением подписного листа на венки и букеты для Александры Яковлевны. Дебют ее был назначен через несколько дней, и ее поклонники заботились заранее об устройстве овации. Адам Федорович подписал довольно крупную сумму.

При таких благоприятных обстоятельствах началась артистическая карьера Александры

Яковлевны Пальм-Швейцарской, как мы отныне и будем называть ее.

Наконец, наступил вечер спектакля, в котором она должна была появиться в первый раз на сцене кружка. Она выступила в «Дикарке». Театр был набит битком. При появлении ее на сцене, раздался довольно бестактный гром рукоплесканий. Это ее отчасти смутило, но она вскоре овладела собой и провела не раз уже игранную ее роль более, чем гладко. В некоторых сценах она подкупала зрителей-мужчин реальностью исполнения.

После первого акта начались бесчисленные цветочные подношения, но при поднятии занавеса во втором акте, присутствовавшая в театре публика была поражена тем, что первый ряд кресел, занятый известными московскими богачами, виверами, вдруг опустел, и в нем, на своем кресле «владельца театра», одиноко восседал Моисей Соломонович Шмуль. Лицо его было красно и носило следы пережитого волнения. Вскоре публике стали известны причины подобного экстраординарного явления.

Оказалось, что Мойша Шмуль разыграл в

своем театре жидовского Отелло. Его пламенная страсть к «божественной» Александре Яковлевне, за несколько дней знакомства, возросла до своего апогея, и он стал, без всякого права на то, ревновать ее ко всем. Эдельштейн, в промежутке между первым и вторым актом, повел в ее уборную познакомить с ней одного не бывшего на ужине московского денежного туза. Моисей Соломонович, считая последнего, в финансовом смысле, опасным для себя конкурентом в сердце красавицы-артистки — он только и признавал над женщинами силу денег — воспылал гневом и наскочил в буфете на Николая Егоровича.

— Что же это такое? Как вы шмели хадить на сцену? За што вы считаете мой театр? Это — благородное учреждение, а не то, што ви думаете!..

Дело чуть было не окончилось дракой, но Николая Егоровича удержали и увезли из театра. Уехали и все его приятели, которые занимали весь первый ряд.

Несмотря, впрочем, на глупую историю, отчасти омрачившую дебют, спектакль прошел с помпою. Подношения, заранее передан-

ные в оркестр, продолжались, хотя подносители и исчезли из театра.

Пальм-Швейцарская положительно рассвирипела, узнав о выходке Шмуля.

— Я не пущу к себе на глаза этого пархатого жида! Как он смел? Какое он имеет право? Я была с ним любезна, а он зазнался!.. — кричала на весь театр Александра Яковлевна.

Вскоре, впрочем, она смягчилась и даже устроила у себя примирение Эдельштейна и его приятелей с Моисеем Соломоновичем, выговорив себе безусловную свободу уборной.

— Царство разделившееся — погибнет, а вы — мое царство! — провозгласила она, подняв бокал шампанского, чтобы запить мировую.

— За расширение царства! — поддержали присутствующие.

— Аминь! — заключила Пальм-Швейцарская.

Николай Леопольдович, на другой же день после подписания контракта Александрой Яковлевной, совершив с Анной Аркадьевной необходимые документы, выдал ей обещанные им двадцать тысяч рублей.

Писателев, заметив появление денег, понял в чем суть, но даже не выразил вслух одобрения поступку директрисы. Он был положительно очарован Александрой Яковлевной, и не желал, чтобы другие артисты знали, что она принята за деньги. Он надеялся теперь при почти ежедневных свиданиях с «божественной», добиться успеха, если бы даже для этого ему пришлось бросить порядком надоевшую, талантливую, выведшую его в люди, супругу, служившую вместе с ним на сцене кружка, и маленького сына, а поэтому был очень доволен, ждал и надеялся…

Васильев-Рыбак тоже догадался о причинах принятия в труппу Пальм-Швейцарской, и очень обиделся, так как Анны Аркадьевна, за несколько времени перед тем, наотрез отказала ему в принятии на сцену одной его пасии, пользовавшейся не особенно скромной репутацией, объяснив этот отказ ее служением идеи чистого искусства. Теперь эта идея была ею же самой профанирована. С появлением Пальм-Швейцарской кулисы оживились, между ними и публикой стало больше общения. Из ее уборной то и дело доносились

звуки откупоривания бутылок. Добродушный Андрей Николаевич и не подумал, впрочем, интриговать против новой артистки, несмотря на образ ее действий, далеко не гармонировавший с новым ее званием, во-первых потому, что интрига не была в его характере, а во-вторых он знал, что его друг Писателев — без ума влюблен в нее. Даже гнев на Анну Аркадьевну выразился лишь тем, что он стал называть ее, под пьяную руку, «хозяйкой заведения», — на что последняя очень обижалась.

XVIII
Еще палач

Состояние духа Николая Леопольдовича Гиршфельда было, как мы уже отчасти знаем, далеко не из веселых. Он находился в постоянном страхе, что вот-вот явится еще кто-нибудь и напомнит ему о прошлом, напомнит ему о его виновности; и кто знает, удастся ли ему купить молчание этого грядущего неизвестного лица, и какою ценою? С покупкой молчания своих настоящих «палачей»,

этих «ненасытных акул», как он мысленно называл Гаринову и Петухова, он уже почти примирился, хотя с невыносимою болью еврейского сердца делился с ними своими деньгами, добытыми рядом страшных преступлений. Дела шли плохо, капиталы княгини и княжны Шестовых таяли как воск в плавильной печи; выручало еще до сих пор бесконтрольное распоряжение имениями и капиталами князя Владимира Александровича Шестова, но и этому, как всему в мире, предвиделся конец; и при этом еще ежеминутное ожидание появления новых и новых свидетелей прошедшего, концы которого далеко, как оказывалось, не канули в воду. Было от чего находиться в постоянном страхе. Каждый звонок, раздававшийся в роскошном доме Гиршфельда в приемные и не приемные часы, бросал в жар и холод несчастного владельца этого роскошного палаццо. Испуганным, тревожным взглядом окидывал он каждое новое лицо, появлявшееся в его адвокатском кабинете, и неимоверными усилиями воли преодолевал свое внутреннее волнение, стараясь казаться спокойным. Лихорадочно дрожащими

руками распечатывал он получаемые им официальные бумаги и со страхом прочитывал их: строки прыгали перед его глазами и он должен был несколько раз перечитывать... Ему все казалось, что княжна Маргарита, которую он считал в живых, там, в далекой каторге, вдруг одумается, и наученная окружающими ее новыми, опытными людьми, донесет на него, раскроет все, что так упорно скрывала на суде, и его, по этому доносу, позовут к ответу.

В один прекрасный день, если только у Николая Леопольдовича были прекрасные дни, когда он вернулся домой к обеду, лакей подал ему визитную карточку, на которой было напечатано: Стефания Павловна Сироткина.

— Они просили вас принять их непременно сегодня, в шесть часов вечера, по очень важному делу.

— Когда она была? — спросил Гиршфельд, с недоумением рассматривая карточку.

У него внутри зашевелилось предчувствие чего-то недоброго.

— Не прошло и пяти минут, как вы уехали, а они позвонились...

— Какова она из себя?

— Невысокого роста, брюнетка; лица не рассмотрел, так как они были под вуалью; одеты хорошо, приехали на извозчике.

— Одна?

— Одни-с.

— Отчего же ты ей не сказал моих приемных часов.

— Я докладывал, но они сказали, что они знают; да у них до вас особенное дело, личное, а потом добавили: я буду в шесть часов, попроси барина подождать меня; иначе он завтра же раскается, если не примет меня. Он меня знает хорошо.

Николай Леопольдович похолодел и все продолжал рассматривать визитную карточку.

— Хорошо! Прими ее и проводи в кабинет… Для других меня нет дома, — приказал он лакею после небольшой паузы.

Он взглянул на часы: было без десяти минут пять. Страдавший и так за последнее время отсутствием аппетита, Николай Леопольдович в этот день почти совсем не дотронулся до обеда. Мысль о таинственной посетитель-

нице не давала ему покоя.

«Кто бы это мог быть?»

Время, как всегда в ожидании, тянулось черепашьим шагом. Он перешел в кабинет, где уже, в виду зимних сумерек, были зажжены свечи и лампы, все нет, нет да поглядывал на брошенную им на письменный стол карточку ожидаемой им барыни, и в волнении ходил по комнате.

«Кто бы это мог быть?» — гвоздем сидел у него в голове неотвязный вопрос, в передней раздался сильный, властный звонок. Он вздрогнул и остановился среди кабинета, уставившись на дверь, ведущую из приемной. Он слышал, как отперли парадную дверь, ждал. Ручка двери кабинета зашевелилась, дверь отворилась и на пороге появилась стройная барыня, вся в черном, с густой вуалью на лице. Она вошла, тщательно затворила за собою дверь, и оглянув с головы до ног Гиршфельда и всю комнату, откинула вуаль. Перед ним стояла Стеша, бывшая камеристка княгини Зинаиды Павловны Шестовой.

Он в одно мгновение ясно припомнил ее. Он вспомнил, что эта когда-то близкая ему де-

вушка и, вместе с тем, наперсница покойной княгини Зинаиды Павловны, знавшая хорошо его отношения к ней, покинула место у княгини, так как вышла замуж за квартального писаря Сироткина. Он сам дал ей пятьсот рублей на свадьбу, подарил ей бриллиантовые брошку и серьги, был на этой свадьбе, но уже более четырех лет как потерял ее из виду, забыл даже о ее существовании. Зачем же она у него? Что привело ее к нему? Тяжелые предчувствия его сбывались. Все это мигом промелькнуло у него в голове.

— Стеша, ты?.. — мог только вымолвить он, уставившись на нее тревожным взглядом.

— Да, это я, но меня зовут Стефания Павловна, а «ты» мне говорят только мой муж и его отец — отвечала она ровным, спокойным голосом. Гиршфельду показалось, что таким же независимым, нахальным тоном говорил с ним Петухов.

«Еще палач!» — решил он, окончательно падая духом.

— Извините… я обмолвился!.. Садитесь! — пробормотал он упавшим голосом.

Стеша не могла не заметить произведен-

ного ее появлением впечатления, и довольная улыбка появилась на ее красивых губах. Она мало изменилась за это время, только слегка пополнела, что шло к ней и не портило ни ее грациозной фигурки, ни пикантного личика. Надетый на ней костюм указывал на относительное довольство.

Она небрежно опустилась в кресло у письменного стола и в упор поглядела на Николая Леопольдовича, тоже усевшегося за стол.

На несколько минут наступило молчание.

— Чем могу служить? — нарушил его Гиршфельд.

— Я, напротив, сама пришла сослужить вам службу, — улыбнувшись углом рта, сказала Стеша.

Он вопросительно поглядел на нее.

— Я принесла вам пакет с копиями рукописей; посмотрите их, почитайте на досуге, а завтра в это же время ответьте мне, желаете ли вы, чтобы подлинник этих бумаг остался у меня, схороненным от любопытных глаз, или же вы предоставляете мне право поступить с ними по моему усмотрению? Завтра я заеду за ответом.

С этими словами Стеша подала Николаю Леопольдовичу объемистый конверт, на котором четким писарским почерком было написано: «Его Высокоблагородию Антону Михайловичу Шатову. В собственные руки».

Он взял его и взглянул на подпись.

— Но это адресовано не ко мне...

— Ничего! Во-первых, я говорю вам, что это копия, а во-вторых, адресат уже давно лежит в могиле.

— Как? Разве Шатов умер?

— А вы не знали?

Стеша в коротких словах передала Николаю Леопольдовичу подробности о смерти от чахотки княжны Маргариты Дмитриевны на арестантской барже во время следования в Сибирь, и о самоубийстве доктора Шатова на пароходе, который вел на буксире эту баржу и на котором он ехал на службу в Сибирь, в качестве иркутского городового врача.

— Я слышал только, что он уехал, но все остальное в вашем рассказе для меня совершенная новость, — произнес ошеломленный Гиршфельд.

Внутри его шевельнулось радостное чув-

ство, что двух врагов уже не существует.

— Но это что за бумаги? — указал он глазами на конверт, который продолжал держать в руках.

— Посмотрите и поймете! — загадочно отвечала она. Конверт не был запечатан.

Он дрожащими руками вынул из него две рукописи: одна была написана по-французски, женским почерком, другая по-русски, тем же писарским почерком, каким была написана надпись на конверте.

Он продолжал с недоумением смотреть на лежавшие перед им на столе бумаги.

— Подлинник написан по-французски; это — копия, а другая — перевод… — объяснила Стеша.

Не владея свободно французским языком, Николай Леопольдович обратился к русскому переводу.

— Моя исповедь! — прочел он вслух и начал было читать далее.

— Вы прочтете без меня. Теперь посмотрите только на подпись; мне некогда, — сказала Стеша, вставая.

Он покорно стал быстро перелистывать ру-

копись.

— «Маргарита Шестова», — прочел он в конце ее и остолбенел. Крупные капли пота показались на его лбу. Он переводил почти бессмысленный взгляд с этой роковой подписи на спокойно стоявшую перед ним Стешу, и обратно.

— Так до завтра, в это же время! — сказала она и протянула ему руку.

Он, казалось, не понимал ничего.

— До свиданья, до завтра! Я приеду в шесть часов за ответом! — крикнула она.

— До свиданья… до завтра… — почти бессознательно повторил он, но руки не подал.

Стеша опустила вуаль и вышла из кабинета.

«Однако же и проняло его!» — мысленно сказала она себе, выходя из подъезда и садясь на дожидавшегося ее извозчика.

Гиршфельд продолжал неподвижно сидеть над этими ужасными загробными рукописями, и подпись. «Маргарита Шестова» кровавыми буквами прыгала в его глазах. Он даже не заметил, как ушла из кабинета Стефания Павловна Сироткина.

XIX
Сибирский гость

Уже почти пять лет, как Стеша или, как она переименовала себя, Стефания Павловна Сироткина была замужем и жила своим хозяйством. Муж ее, Иван Флегонтович, нашел в ней не жену, а сущий клад, как он и любил выражаться о своей супруге. Это с его стороны и не было преувеличением. Прослужив несколько лет у такой барыни, как княгиня Зинаида Павловна Шестова, Стеша привыкла к довольству, приобрела известного рода лоск в обращении и была барыней в полном смысле этого слова. Она и свое маленькое хозяйство поставила на приличную ногу. Небольшая квартира Сироткиных была убрана, хотя и не роскошно, но очень чисто и мило; несмотря на то, что Стеша была матерью двух детей, мальчика трех лет и девочки, которой кончался второй год, — дети, под присмотром деревенской девочки, исполнявшей обязанности няньки, находились в детской и не производили в квартире беспорядка, обычного у

людей среднего состояния. Кроме няньки, Стеша обходилась одной прислугой, которая исполняла обязанности кухарки и горничной. Их квартирка помещалась в одном из переулков, прилегающих к Остоженке и идущих к Москве-реке, в районе того квартала, где служил Иван Флегонтович писарем, будучи женихом и в первый год супружества. Стеша была, однако, недовольна низкой должностью своего мужа, и сумела переместить его на более выгодную должность письмоводителя местного мирового судьи. В этом помог ей, как положительно обвороженный ею полицейский пристав, так и Николай Ильич Петухов, с семьей которого, да и с ним самим, Стеша сумела сойтись, познакомить и даже сдружить своего мужа. У мирового судьи он получал больше жалованья, да и доходы были не грошевые. Скопленный же за службу у княгини капиталец, с прибавлением подаренных последнею и Гиршфельдом во время ее свадьбы денег, образовал небольшое состояние, которое в руках умной, оборотистой и расчетливой Стеши было весьма и весьма солидным фондом для жизненного не

только довольства, но и комфорта.

Кроме того, за полгода до дня нашего рассказа, отец Ивана Флегонтовича, Флегонт Никитич Сироткин, служивший полицейским приставом в гор. Нарыме, Томской губернии, вышел в отставку, выслужив пенсию, и приехав в Москву, поселился у своего женатого, единственного сына. Он потерял жену еще в Сибири, и уже около десяти лет был вдовцом. За свою сибирскую долголетнюю службу Иван Флегонтович скопил изрядный капитал, и хотя не любил говорить об этом, но сам предложил и аккуратно платил сыну и снохе тридцать рублей в месяц за стол и квартиру, — что было в хозяйстве большим подспорьем, тем более, что Стеша даже не переменила квартиры, устроив отцу мужа кабинет последнего, и перенеся письменный стол в довольно обширную спальню. Она сумела подольститься к старику, и он нередко раскошеливался и делал ей и ее мужу подарки, и даже несколько раз проговаривался об имевшихся у него деньгах.

— Живите, не унывайте, детей растите, еще плодите: хватит детишкам на молочиш-

ко! Не даром я по медвежьим углам почти всю жизнь прошлялся! — любил говорить он под веселую руку. — Умру — все ваше; с собой не унесу.

В таком относительно счастливом положении находилось семейство Сироткиных.

Одно немного беспокоило Стешу: муж ее за последнее время стал выпивать. С приездом же отца эти выпивки стали чаще, так как старик любил «царапнуть» по-сибирски, а сын был всегда его усердным компаньоном. По вечерам за рюмочкой начинал всегда Флегонт Никитич свои любопытные, нескончаемые рассказы о Сибири, о тамошней жизни и службе. Стеше, надо сознаться, надоели таки порядком эти рассказы старика за графинчиком, но раз до ее слуха долетела знакомая фамилия — Шатов, и она вся превратилась в слух.

Флегонт Никитич повествовал о том, как, года за два до своего отъезда из Сибири, он составлял на пароходе «Коссаговский», во время остановки его у Нарыма, акт о самоубийстве ехавшего на службу иркутского городового врача, Антона Михайловича Шатова, оставив-

шего после себя записку, что он завещает все находившееся при нем имущество и деньги тому полицейскому офицеру, который будет составлять акт о его самоубийстве, причем просить его похлопотать, чтобы его похоронили рядом с той арестанткой, которая только что умерла на барже.

— Красивый такой, молодой еще, а сгиб! Ни за грош сгиб! А все, видимо, из-за бабы, из-за этой самой арестантки, прости Господи! — вставил Флегонт Никитич в рассказ свое соображение.

— А как звали арестантку? — задала вопрос Стеша, и даже сама налила рюмку мужу и свекру, что случалось с ней весьма редко.

— Положим и арестантка-то не простая: бывшая княжна, Маргарита Дмитриевна Шестова; в каторгу шла за отравление дяди и тетки.

Старик спокойно выпил рюмку водки.

— Шестова? — воскликнул сын, чуть было не подавившись куском мяса, положенным им в рот для закуски. — Это не наша ли? — обратился он к жене.

— Конечно, она! — отвечала Стеша. — Что

же дальше? — спросила она Флегонта Никитича.

— Что же дальше? Велел похоронить на кладбище рядом, после вскрытия трупа самоубийцы и произведенного дознания, и все рапортом представил по начальству.

— А наследство-то вам отдали по записке этого несчастного? — спросил Иван Флегонтович.

— Отдать-то отдали, только уж перед самым отъездом. Новый окружной суд в Томске присудил, а при прежних порядках канителили, да и до сих пор бы все писали, а право на моей стороне было: умер он, как оказалось по вскрытию, не в душевном помрачении, по публикациям наследников не явилось, ну, в мою, значит пользу и порешили.

— И много денег?

— Около двух тысяч рублей, да вот часы эти с цепочкой. Старик вынул из кармана жилетки массивные золотые часы на такой же цепочке.

— Чемодана два, белье там, платье... Я на месте его распродал! Мне не в пору. Худой был покойник — царство ему небесное. Порт-

сигар серебряный, спичечница. Вот эти самые.

Флегонт Никитич указал на лежавшие около него на столе вещи.

— Да еще, уж после акта и описи, когда пароход отчалил, на дроги стали покойников, его да арестантку-княжну, класть, — у него из бокового кармана сюртука пакет выпал с какой-то рукописью. Я его взял тогда, да так никуда не представлял. Написано по-французски. Один там из ссыльных на этом языке немного мараковал, при мне просматривал, говорит, описание жизни, и подписано Маргарита Шестова. Это, значит, она к нему перед смертью писала.

— Он у вас цел? — стремительно спросила Стеша.

— В целости, в бумагах хранится; я человек аккуратный: зря ни одной бумажки не выкину, а это все-таки память о добром человеке.

— Отдайте ее мне, голубчик, папочка! — стала она молить, бросившись к нему на шею.

— Это зачем?

Стеша рассказала, что долго служила у тет-

ки княжны Маргариты княгини Зинаиды Павловны, любила ее и желала бы иметь память о ней, особенно записку, писанную ее рукою.

— У вас и так много вещей на память... Я и прошу у вас не ценную вещь, а ничего не стоящую бумагу!.. Не откажите же, папочка, в моей просьбе! — закончила она.

— Будь по твоему: возьми! — разнежился старик и поплелся в свою комнату отыскивать рукопись.

Стеша с мужем остались одни. Последний смотрел на нее с недоумением.

— В этой рукописи для нас, может быть, целое состояние! — шепнула она ему.

Недоумение его увеличилось.

— Это, то есть, как же? — спросил он.

— Расскажу все потом! Теперь молчи! — отвечала она.

Флегонт Никитич вернулся в комнату и подал Стеше сильно засаленный конверт, на котором рукой княжны была сделана надпись: «Его Высокоблагородию, Антону Михайловичу Шатову. В собственные руки».

— На! Бери, егоза, коли выпросила! — по-

шутил он.

Стеша от восторга несколько раз поцеловала его руку, и снова наполнила рюмки.

Таким путем исповедь княжны Маргариты, писанная ею в т-ском остроге и московском пересыльном замке, и переданная дочкой смотрителя последнего Антону Михайловичу Шатову, когда он разыскивал княжну, попала в руки бывшей камеристки покойной княгини Зинаиды Павловны — Стеше или Стефании Павловне Сироткиной.

Старик еще долго повествовал о своем сибирском житье-бытье, но Стеша не слушала. Она внимательно рассматривала подаренную ей рукопись, и хотя не понимала ни слова, но, казалось, всем существом своим хотела постигнуть смысл неведомых ей букв.

Покончив графинчик, старик удалился на покой и Стеша остались вдвоем со своим мужем. С быстротою кошки она очутилась около него с подаренным ей конвертом в руках.

— Если только в этой рукописи, написанной княжной Маргаритой, упоминается имя адвоката и любовника ее покойной тетки — Гиршфельда, то отец твой, сам того не зная,

подарил нам неисчерпаемый источник дохода.

Иван Флегонтович не понял ничего, что и отразилось на его лице.

— Я давно была уверена, что этот Гиршфельд виновнее самой княжны в смерти Зинаиды Павловны, но, как ловкий и юркий жид, сумел избежать даже малейшего подозрения. Если только княжна написала доктору Шатову что-нибудь о своем деле, то, вероятно, она упоминала о нем. Это будет против него доказательство. Я ему продам бумаги, но за хорошую цену. Понял?

— Теперь понял! Я всегда говорил, что ты у меня сущий клад! — отвечал он, с нежностью обнимая ее за талию.

Стеша уклонилась от объятий.

Надо заметить, что, выходя замуж, она далеко не любила своего жениха; не полюбила она его и тогда, когда он стал ее мужем: она хотела лишь сделаться замужней женщиной, — барыней, хотя бы в миниатюре, чего и достигла. Хлопоча за мужа возвышая его, она думала лишь о себе, о своем собственном положении, но далеко не о нем. Он был для нее

лишь средством, орудием ее собственного «я», а это «я» было целью ее жизни. И теперь, надеясь, что имеет в руках неисчерпаемый источник дохода, она поделилась этой мыслью с мужем не потому, что считала свои интересы общими с его, а лишь потому, что он был ей нужен для исполнения ее плана.

— Надо найти переводчицу и переписчицу, знающую французский язык. Перевод перепишешь ты сам. Мне нужно иметь точную копию, как с подлинника, так и с перевода, — заметила она.

— Я устрою это завтра же: в редакции у Николая Ильича есть такая барышня.

Иван Флегонтович, кроме службы у мирового судьи, работал, и у Петухова, давая отчеты о тех или других курьезных разбирательствах у мирового судьи.

На другой же день переводчица явилась, уговорилась в цене и принялась за работу: в неделю перевод был окончен, и даже с французского подлинника была снята копия.

Копию с перевода старательно переписал сам Иван Флегонтович, он же скопировал и надпись на конверте, в которой были вложе-

ны бумаги, представленные Стешей Гирш-фельду.

Хотя княжна ни разу не назвала его в своей исповеди ни по имени, ни по фамилии, но человек, доведший ее до преступлений, был так ясно обрисован, что едва ли бы кто затруднился тотчас же узнать в нем Николая Леопольдовича. Стеша, по крайней мере, ни на минуту не усомнилась, что княжна говорит именно о нем, и осталась вполне довольна подарком свекра. Последний не знал даже о предпринятой над подаренной им рукописью работе, так как Стеша весьма ловко уговорила его съездить на богомолье в Троице-Сергиевскую лавру, где Флегонту Никитичу так понравилось, что он прожил там почти две недели. Спрятать подлинник с переводом в купленную по случаю несгораемую шкатулку, Стеша с копиями этих документов явилась, как мы видели, к Гирфельду.

XX
Сделка

Долго, безмолвно, почти неподвижно просидел Николай Леопольдович в своем кабинете над принесенными Стешей бумагами, ошеломленный обрушившимся на него новым, страшным ударом. Известие о смерти княжны и Шатова, наполнившее в начале его сердце злобною радостью, представлялось ему теперь в ином свете. И это двойное убийство совершено было им, им одним! Он глубоко это сознавал, и это сознание тяжелым камнем легко на его сердце, пробудило угрызение даже его покладистой совести. Он испытывал жгучие, невыносимые страдания. Голова его, казалось, была наполнена кипящею лавою, глаза бессознательно устремились в пространство. Он начал галлюцинировать. Вот он видит, что от двери кабинета отделились две фигуры, и медленно, страшно медленно подвигаются к нему. Он узнает эти призраки. Залитый кровью Шатов, с бледным лицом и беспомощно мстительным взглядом

ведет под руку до неузнаваемости изнеможенную княжну Маргариту; от неимоверной худобы лица с обострившимися чертами глаза ее, эти страшные глаза, стали еще больше, пристально смотрят на него и сверкают зеленым блеском непримиримой ненависти... Вот эти призраки ближе, ближе; вот они совсем около него...

Он вскрикнул, вскочил, но тотчас же опомнился.

— Боже мой, до чего я дошел! До потери рассудка!.. — прошептал он.

Кризис миновал; Николай Леопольдович почти успокоился. С этим человеком, жившим исключительно животною жизнью, случилось то, что наблюдается и в природе, где буря чем сильнее, тем непродолжительнее. Его душевная буря стихла. Чувство самосохранения взяло верх: он принялся за чтение исповеди княжны. Он прочитал ее до конца и начал снова. Таким образом он прочел ее несколько раз и почти выучил наизусть. Несомненно было одно, что он не имел дела с подлогом: исповедь была написана самой княжной Маргаритой, так как одна она могла

знать все те мельчайшие подробности их отношений, на которые она указывает, как на причины своего падения, своих преступления.

«Но ведь она не называет меня ни разу! Имеет ли эта бумага силу судебного доказательства? Кто этот злой гений, о котором она пишет? Почему это несомненно я, а не другой? Не тревожусь ли я по пустякам? Не виной ли тому мои расшатанные нервы?»

Он схватился за эти вопросы, как утопающий за соломинку, но соломинка обломилась.

«Нет, я обрисован слишком ясно; при том она упоминает фамилии Воскресенского и Карнеева. Если рукопись попадет в руки прокурорского надзора — их несомненно вызовут. Они прямо укажут, что речь идет обо мне. Их не купишь!»

Гиршфельд горько улыбнулся.

«Они не пойдут доносить на меня сами, не придут продавать мне свое молчание, но если от них потребуют показаний, они скажут правду, а эта правда для меня страшнее всякой лжи. Для следствия нужна только нить, а

бусы улик нанижутся сами. Узнают и о моих отношениях к Петухову и Гариновой; позовут и их; а кто знает, будут ли они молчать? Тому и другой я уже составил обеспеченное состояние. Нет, необходимо надо купить у Стешки эту бумагу».

Од поник головой.

«Тем более, — приободрился он при мелькнувшей в его голове мысли, — что это, вероятно, последнее доказательство прошлого, за которое мне приходится расплачиваться. И не только вероятно, но наверно. Если бы существовали другие, они явились бы раньше».

Это соображение его совсем успокоило.

«Но сколько она запросит? Чего потребует? Надо соглашаться на все, лишь бы уничтожить подлинник этой ужасной бумаги, этого последнего доказательства».

Придя к этому решению, он взял конверт и оба экземпляра рукописи, изорвал их на мелкие части, бросил в камин и зажег. Синеватое пламя охватило бумажные лоскутки, постепенно превращая их в пепел. Он стоял около камина, и пламя последнего освещало, все еще искаженное пережитым волнением, его

красивое лицо. Свечи на письменном столе кабинета уже догорели и потухли, в окна брезжилось серенькое, ранее зимнее утро, и слабый свет его боролся со светом ламп. Николай Леопольдович сам потушил их и отправился в спальню.

Но заснуть он не мог.

Время на другой день, до назначенного Стешей часа, тянулось для него невыносимо долго. Он совершил обычный прием клиентов, поехал затем в суд и по другим делам, приказав приготовить к вечеру роскошный ужин и кофе с ликерами, сервировать его на две персоны в кабинете, а к семи часам туда же подать чай. Возвратившись домой, он снова почти не дотронулся до обеда, и стал ждать... Наконец, раздался звонок, и в кабинете появилась черная фигура Стеши. Она, как и вчера, плотно затворила за собой дверь, откинула вуаль, подала развязно руку Николаю Леопольдовичу и бросилась в кресло. Только нынче она была, видимо, весела и улыбалась.

— Устала, пешком пришла: погода соблазнила! Ну, что, прочли? Надумались? —

вскользь добавила она, как бы нечто несущественное.

Гиршфельд, как и вчера, сидел против нее у письменного стола. Ее непринужденный веселый вид заразил его. Он, несмотря на переживаемые им тяжелые мгновения, не мог не залюбоваться ею. Разгоряченная ходьбой, с ярким румянцем на смуглых щеках, она была чрезвычайно пикантна.

Он даже залюбовался.

— Надумался, и весь в вашей власти! — ответил он.

— Ну, всего-то мне, пожалуй, теперь и не надо: было время, да прошло! — снова улыбнувшись, сказала она.

Сознавая по вчерашней сцене свою власть, она играла с ним как кошка с замученною мышью.

— Приказывайте!.. — покорно прошептал Николай Леопольдович.

— Так как же? Желаете ли вы, чтобы подлинник исповеди княжны остался в моих руках, или же вы предоставляете мне право представить его куда следует?

— Я хотела бы, напротив, чтобы он был

при мне уничтожен совершенно.

— Ну, на это я не соглашусь...

— А как же иначе? — с беспокойной дрожью в голосе спросил он.

— Очень просто: вы мне заплатите пятьдесят тысяч; мой муж через ваше посредство сделается частным поверенным, — он законы знает и экзамен выдержит, а меня вы найдете способ лично или через кого-либо рекомендовать госпоже Львенко, с тем, чтобы она приняла меня на сцену своего театра, хотя бы на небольшие роли. Я участвовала на нескольких любительских спектаклях, и полюбила это дело.

Она остановилась.

«И эта на сцену!.. Ну, времена!» — мелькнуло в его уме. Он хотел возразить, но она перебила его.

— При исполнении этих условий, говорю вам серьезно и окончательно, вы можете спать спокойно и считать эту рукопись как бы несуществующей. Согласны? Или я ухожу!

Она сказала это бесповоротно-решительным тоном и встала.

— Хорошо, хорошо, согласен! Куда же

вы? — встрепенулся Гиршфельд.

— Если согласны, то я останусь…

Она снова уселась.

— Но, скажите, зачем вам сохранять эту бумагу у себя? На что она вам нужна? — вкрадчиво начал он.

— А хотя бы для того, чтобы вы были весь в моей власти! — загадочно ответила она.

— Я вас не понимаю!

— Не в денежном смысле! Не беспокойтесь, кроме пятидесяти тысяч, я не возьму у вас ни копейки.

— Тогда зачем же я вам?..

— Так; каприз, желание власти…

Николай Леопольдович понял, что он пожинает плоды своего же влияния на нее в Шестове и, первое время, в Москве. С ней он репетировал свои проповеди княжне Маргарите. Стеша оказалась достойной ученицей современного философа.

— Но каким образом попала к вам в руки эта рукопись?

Стеша рассказала.

— Значит, о ней знает отец вашего мужа?

— Он считает ее совершенно ничтожной

бумагой.

— А муж?

— Муж тоже ничего не знает, — соврала Стеша. — Я с мужем далеко не так откровенна, как вы думаете...

Она лукаво посмотрела на него и двусмысленно улыбнулась. Странный поворот мыслей произошел у нее в голове. Когда цель ее была достигнута, когда она уже считала себя обладательницей крупного состояния, она вдруг пожелала возобновить связь с этим человеком, который был ее любовником в то время, когда она была горничной княгини Шестовой, и третировал ее тогда, как горничную. Теперь у нее явилось непреодолимое желание, чтобы этот человек, за которым гнались, из-за которого погибли две женщины, составлявшие для него идеалы великосветских барынь — княгиня и княжна Шестовы, этот человек, видимо утопавший в роскоши и богатстве, не сморгнув согласившийся выдать ей полсотни тысяч, был у ног ее, был ее любовником, но любовником-рабом. Сам Гиршфельд — этот красивый, выхоленный мужчина — являлся для ее смолоду развра-

щенного воображения желанным любовником. Она вспомнила часы любви, проведенные с ним, и кровь бросилась ей в голову. Она сравнила его со своим мужем и это сравнение решило судьбу Ивана Флегонтовича.

«Но пусть теперь он походит за мною. Он в моей власти, рукопись у меня!» — подумала она и грациозно потянулась в покойном кресле.

Это движение неги и соблазна не ускользнуло от Гиршфельда. Подобно электрической нскре, оно сообщилось его животным инстинктам. Они проснулись. Страстным, похотливым взглядом окинул он ее. Она заметила это и выдержала взгляд.

— Когда же я могу получить деньги? — ледяным тоном спросила она.

— Завтра утром я внесу их в купеческий банк, на текущий счет на ваше имя, а в два часа вы можете получить от меня чековую книжку, но при этом одно условие.

— Какое еще? — деланно-недоумевающим взглядом окинула она его, хотя по выражению его пожирающих глаз видала, какого сорта должно быть это условие.

— Я не перечил ни одному предложенному вами условию… Надеюсь, что и вы…

— Говорите! — не дала она ему докончить.

— Я попрошу вас отпраздновать со мной заключение вашей сделки, выпить сперва чаю, а потом поужинать. Для беседы, я думаю, у нас найдутся темы и кроме этого, навсегда покончeнного дела.

Стеша сделала вид, что колеблется.

— Но я не могу, это будет долго!.. Что скажет мой муж…

— Ведь вы же с ним не всегда откровенны; отчего же не тряхнуть стариной со старыми друзьями?

Он взял ее за руки.

— Хорошо, я посижу, но не долго… — слабым голосом, как бы нехотя сдаваясь, отвечала она и снова опустилась в кресло.

— Снимите вашу шляпку…

Она медленно стала развязывать ленты.

Гиршфельд позвонил.

Дверь отворилась и лакей внес на серебряном подносе роскошно сервированный чай, поставил его на стол у турецкого дивана, недалеко у топившегося камина, и удалился,

плотно притворив за собою дверь кабинета.

Гиршфельд и Стефания Павловна перешли на дивам. В оживленной беседе время незаметно пролетело до ужина. Гиршфельд превзошел себя в утонченной любезности. Он еще утром составил план возобновить свою связь со Стешей, ее пикантность произвела на него впечатление. Отказ отдать подлинную исповедь еще более утвердила его в мысли о необходимости привязать к себе эту, все-таки опасную для него женщину. Кроме того, он хотел найти в этой связи быть может исцеление от роковой страсти к Гариновой. Отуманенная его ласками и выпитым за ужином вином и ликерами, Стеша не устояла.

Во втором часу ночи они простились, и простились на «ты». Стефания Павловна уже не заметила ему, что «ты» говорят ей только муж и его отец.

На другой день Николай Леопольдович покончил с денежной стороной своей сделки со Стефанией Павловной Сироткиной и передал ей чековую книжку купеческого банка, а в течение месяца исполнял и другие предписанные ее условия. Иван Флегонтович Сироткин,

с которым Стеша явилась через несколько дней к Гиршфельду для возобновления знакомства, получил свидетельство на право ходатайства по чужим делам в московской судебной палате, окружном суде и мировых съездах. Николай Леопольдович передал ему даже, для начала, несколько дел и обещал рекомендовать клиентов. Стефания-Павловна была принята на сцену театра г-жи Львенко на вторые роли, под фамилией Орфелиновой, придуманной ей Гиршфельдом.

Нередко с тех пор, по-прежнему закутанная густой вуалью, новая артистка и жена адвоката посещала Николая Леопольдовича и эти посещения, вероятнее всего, были не для бесед об исповеди покойной княжны Маргариты Дмитриевны Шестовой.

XXI
Мраморная красавица

Бывший ученик Николая Леопольдовича Гиршфельда, не так давно вышедший из-под его попечительства и ставший одним из крупнейших его доверителей, сын покойной княгини Зинаиды Павловны, князь Владимир Александрович Шестов, во время рассказанных нами в предыдущих главах событий, жил, служил и жуировал в Петербурге.

Служба в одном из гвардейских гусарских полков не обременяла его, да он ею почти и не занимался, так что у начальства был на счету далеко не исправного офицера. Время свое он делил между посещениями большого петербургского света, куда был принят по праву имени и богатства, и безумными оргиями с товарищами, как офицерами и другими представителями «золотой» петербургской молодежи. В их мнении он стоял высоко, был их любимцем, почти кумиром, но это, конечно, далеко не говорило в его пользу. По внешности это был худой, но стройный молодой

человек, с бледным, изнеможенным лицом, маленькими черненькими усиками и курчавыми черными волосами. Его глаза, горевшие воспаленным блеском, были окружены сильной синевой, печатью бессонных ночей и разгульной жизни, придававшей им то загадочное выражение много испытавшего человека, которое так нравится пожившим женщинам. Его нравственная физиономия чрезвычайно метко и точно определялась односложным термином: «хлыщ». Все внутреннее миросозерцание юного князька исчерпывалось его страстью к лошадям и женщинам, причем, как относительно первых, так и последних, он находил полное удовлетворение в хвастливом сознании себя покупателем дорого стоящего. Вращаясь постоянно среди женщин, стоящих на жизненном рынке наряду с рысаками и иноходцами, князь Владимир естественно не мог чувствовать ни к одной из них не только нравственной, но даже животной привязанности. Пресыщенность породила стремление единственно к новизне, и эта прелесть новизны стала прелестью жизни. Привычка создала вторую натуру: у него вы-

работался взгляд на женщин по встреченным образцам, и этот взгляд, в силу умственного убожества князя Владимира, стал его взглядом на женщин вообще. Таков был молодой Шестов, достойный ученик такого ментора, как Николай Леопольдович Гиршфельд.

Несмотря, впрочем, на все эти отрицательные качества молодого гусара, он был, как мы уже говорили, принят с распростертыми объятиями во всех семьях великосветского Петербурга, где слова: «блестящая партия» заставляют биться даже скованные льдом этикета сердца отцов и матерей. Баснословный богач, или по крайней мере считаемый таковым, представитель древнего княжеского рода, чуть не потомок Рюрика, князь Шестов был завидным женихом в той среде, где богатством и происхождением исчерпывается весь человек. Одной из великосветских семей, не только охотно принимавших князя Владимира, но и охотно посещаемых этим последним была знакомая нас семья князей Гариных. Он не забывал приемных дней этого дома на Фонтанке, аккуратно являлся не только на балы, но даже на petites soirées

intimes княжеской семьи.

Молодой князь Виктор Гарин, вернувшись из того невольного заграничного путешествия, о котором мы упоминали в первых главах этого правдивого повествования, вступил юнкером в один из гвардейских полков, и через два года был произведен в офицеры. Мягкий по природе, воспитанный дома, не испытавший на себе влияния товарищеской среды учебного заведения, созидающей характеры юношей, балованный сынок боготворившей его матери, князь Виктор Васильевич Гарин вступил в самостоятельную жизнь сперва юнкера, а потом офицера с смутными, неопределенными взглядами на жизнь, — без знания и конечно, без всякого умения распознавать окружающих его людей, и даже, странно сказать, без точного понятия о добре и зле. Он был тем воском, из которого первый встреченный на его пути, произведший на него впечатление человек, мог легко и спокойно лепить какие угодно фигуры, смотря по желанию, наклонностям и таланту скульптора. Таким он был в ранней юности, в чем мы успели убедиться из описанного нами романиче-

ского эпизода с камеристкой его матери, Александрой Яковлевной Гариновой, — таким остался он и придя в сравнительно зрелый возраст, в настоящий момент нашего рассказа. На первых же порах его юнкерства, судьба и среда столкнула его с князем Шестовым, хотя они служили а разных полках. Слава о подвигах идеального для многих кутилы и бонвивана циркулировала среди петербургского офицерства в частности и среди «золотой молодежи» столицы, в которую вступил и князь Виктор Гарин, вообще. Рассказы об устраиваемых им гомерических попойках и кутежах, об его гениальной изобретательности в области прожигания жизни, не могли не произвести впечатления на молодого, неопытного юношу, почувствовавшего себя впервые самостоятельным человеком, членом известной корпорации, эмблемой которой являлся только что надетый им юнкерский мундир. Почти с благоговейным трепетом явился он первый раз приятелем и собутыльником главы и коновода блестящей плеяды молодых людей — князя Владимира Александровича, которого он знал и встречал

раньше в родительском доме, но тот, к крайней обиде для последнего, на него, кандидата в воины, не обращал ни малейшего внимания. За первым же дебютом в небольшом, интимном, так сказать подготовительном кутеже, они сошлись; князь Шестов обласкал новобранца, выпил с ним на «ты», стал его другом и руководителем.

Князь Виктор чувствовал себя на седьмом небе.

Скульптор, такие образом, отыскался и начал свою работу над нравственной физиономией молодого Гарина. Но как ни тлетворно было влияние на юношу его нового друга, оно, к счастью князя Виктора, не могло быть глубоким, а могло лишь усыпить его хорошие инстинкты, — эти драгоценные перлы души, присущие ранней молодости, — но не вырвать их с корнем. Резец безнравственного, но далеко не умного скульптора не проникал глубоко. Несмотря на усвоенный молодым Гариным от своего друга и руководителя взгляд на женщин, образ соблазненной им девушки, подруги детских игр, из-за слабости характера оставленной им на произвол судьбы, оку-

танной даже для него полнейшей неизвестностью, словом — образ Александры Яковлевны нередко мелькал в его воображении и часто заставлял его среди разгара холостой пирушки, при звуках опереточных мотивов, под веселый говор продажных парижанок, поникать красивой головой, чтобы скрыть позорные, с точки зрения окружающих, светлые и чистые, невольно набегавшие на глаза слезы, — слезы угрызения совести. Князь Виктор стыдился этих порывов, упорно скрывая их от своего друга, и последний видел в нем только своего достойного ученика, благоговеющего пред учителем. Это щекотало мелкое самолюбьице петербургского пижона, и князь Шестов был почти неразлучен со своим Телемаком. Надо, впрочем, заметить, что не одна дружба к Виктору Гарину привлекала нового друга в дом его родителей, вместе с которыми, на отдельной половине, жил и сын. Князь Шестов, чуть не ежедневно видясь с Виктором или у себя, или у него, аккуратно, как мы видели, посещал и его семейство, в дни назначенные для приема, что мог бы и не делать если бы приманкой для этого служил

только его молодой друг.

Была и другая приманка для князя Владимира.

Княжна Анна Васильевна Гарина, младшая сестра князя Виктора, еще в детстве обещавшая, если читатель помнит, быть пикантной, хорошенькой шатенкой, — к двадцатому году, именуемому «годом чертовой красоты», более чем сдержала эти обещания. Высокая, стройная, с правильными чертами надменного, величественного, унаследованного от матери, лица, она была красавицей в полном смысле этого слова, но красавицей мраморной, холодной, недоступной. Было ли это следствием холодности ее натуры вообще, или же семена развития их общего с Александрой Яковлевной учителя, студента Беляева, попали на благородную почву, и княжна Анны стала чужой в родной среде, относясь к ней с высокомерным презрением и им заменяя невозможный для нее, в силу ее воспитания и положения, более явный протест? Это была тайна души и ума скрытной и недоверчивой, даже по отношению к ее матери, молодой красавицы-княжны. Рой поклонников

окружал ее, призванную царицей всех великосветских балов и звездой петербургского большого света. Множество претендентов на ее руку принуждены были отступить перед ледяною сдержанностью и холодным высокомерием разборчивой невесты. Один из них даже отомстил ей пущенной и долго циркулировавшей в великосветских гостиных остротою, что он, ухаживая за княжной Анной Гариной, получил ревматизм.

— Это почему? — спросили его.

— Очень просто: она так холодна, что я простудился.

Самою равною для нее партиею, по мнению и приговору высшего судилища петербургского большого света, разделяемому и родителями красавицы, был князь Владимир Александрович Шестов, но с ним-то княжна Анна и вела себя еще загадочнее, чем с другими: она прямо не обращала на него ни малейшего внимания, всецело и всюду игнорируя его присутствие, даже у себя дома. Избалованный не только женщинами полусвета, носившими его на руках, и светскими барынями, любящими мимолетные интрижки, но даже

девушками, которые, по наущению родителей, были предупредительно-любезны и заискивающе кокетливы с «блестящей партией» (установившееся светское реномэ князя Владимира), он был уязвлен таким отношением к нему первой красавицы Петербурга, и заставить эту гордую девушку принадлежать ему — конечно, путем брака, который молодой князь считал чем-то не выше нотариальной сделки, — сделалось насущным вопросом его оскорбленного мелкого самолюбия. Он усиленно, настойчиво ухаживал за высокомерной княжной, хотя без всякого успеха, без малейшей надежды растопить окружавшую ее ледяную кору; но эти-то препятствия и раздражали князя Владимира, привыкшего к легким победам над женщинами. Княжна Анны и была той приманкой, заставлявшей его неукоснительно и аккуратно торчать в приемные дни в роскошных гостиных князей Гариных.

XXII
В уборной

Князь Виктор Гарин был произведен в офицеры после лагерного сбора. Опрыскивание эполет ознаменовалось гомерическим трехдневным кутежом, устроенным по плану и под руководством князя Шестова, который, через несколько дней после его окончания, уехал в Москву, по вызову своего поверенного, Николая Леопольдовича Гиршфельда.

Прошло недели три. Виктор Гарин уже успел соскучиться о своем приятеле, который обещал вернуться дня через два, и услыхав в одно прекрасное, хотя довольно позднее утро, доклад своего лакея о приезде его сиятельства князя Владимира Александровича, бросился с распростертыми объятиями на встречу так долго пропадавшего друга. Они расцеловались.

— Где это ты запропастился? Я думал, что ты, по меньшей мере, умер. Откуда ты? Неужели все был в Москве? — засыпал его Гарин вопросами.

— В Москве, mon cher, в Москве! И, как видишь, не умер: жив, здоров, свеж и красив! — ответил Шестов, отстегнув саблю и забираясь с ногами на стоявший в кабинете князя Виктора громадный турецкий диван.

— Ужели все по делам? C'est très ennuyeux, я полагаю...

— По каким так делам! Дело было минутное, что-то я там у нотариуса несколько раз подписал, и кончено. Задержало меня нечто другое и более интересное.

— Женщины?.. — догадался Виктор. — Но в Москве, какие же там могут быть женщины? Купчихи, коровы... C'est interessant.

— Женщины... c'est interessant!.. — передразнил его Владимир. — Не женщины, а одна женщина, но такая, которая стоит всех, не только петербургских, но женщин всего мира.

— Сильно сказано! — пошутил Виктор. — Ну и что же? Конечно, успех, и не даром потрачено время?

— Никакого успеха! Да я и не добивался: я любовался ею, наслаждался ее обществом, был несколько раз у нее, устроил в честь ее

два пикника и... только.

— Давно ли ты стал идеалистом? Или это влияние старушки-Москвы?

— Тут ни причем идеальничанье, — тут просто вопрос чести: она на содержании у моего старинного друга и поверенного Гирш-фельда.

Князь Владимир пустился в восторженное описание личности, ума, таланта и умения жить своего бывшего учителя и попечителя, а теперь постоянного поверенного.

— Он старательно скрывает эту связь даже от меня, но я не дурак: догадался, и не желая огорчать его, ограничился обыкновенною любезностью с предметом его сердца. Но что за женщина, что за женщина. Уж сумел выбрать! Молодец!..

— Кто же она такая?

— Актриса, талант, грация, красота!.. Она играет первые роди в театре Львенко... Вся Москва сходит с ума, толпа поклонников, но она со всеми ровна: ни малейшего предпочтения, и все довольны. С моим другом Николаем Леопольдовичем она даже холоднее, чем с другими, — вот почему я и догадался о их бли-

зости. Я знаю женщин, mon cher. Газеты превозносят ее до небес... Да неужели ты не читал?

— А ты читал? — усмехнулся Виктор.

— В Москве!.. Даже с жадностью пробегал театральные рецензии.

— Ну, а ведь я не влюблен в эту актрису; как ее фамилия?

— Александра Яковлевна Пальм-Швейцарская.

— Александра Яковлевна... — прошептал смущенный Виктор.

Он ощутил сердцебиение и побледнел.

«Не может быть!.. Одно и тоже имя и отчество!..» — подумал он про себя.

— Что с тобой? Ты ее знаешь?

— Ровно ничего!.. Я о ней не имею ни малейшего понятия!

— За этот подвиг чести, вполне приличествующий мне, как «рыцарю без страха и упрека», меня, впрочем, утешила одна из ее товарок, драматическая актриса Соня Волина, толстейшая бабенка с миниатюрной, прехорошенькой головкой, — веселое, беззаботное созданье. Для меня она даже изменила — ко-

нечно, временно — своему постоянному обожателю, богачу-рыбнику из Охотного ряда...

Владимир захохотал.

— И от нее не пахло рыбой? — со смехом спросил Виктор.

— Один Chypre, чистейший Chypre! — отвечал с комическою важностью Шестов.

Разговор затем перешел на другие темы, и приятели, условившись как провести вечер, расстались.

Прошло около месяца, а Виктор Гарин почему-то никак не мог отделаться от так поразившего его рокового совпадения имени и отчества восхитившей его друга московской актрисы и предмета любви его ранней молодости. Нет, нет, да и приходило ему на память это совпадение. Кровь бросалась ему в голову.

«Неужели это она? Актриса и содержанка... Не может быть!» — гнал он от себя эту мысль.

Несколько раз, как бы вскользь, расспрашивал он о ней у Владимира, и описываемый последним портрет московской знаменитости оказывался схожим с покинутой Виктором девушкой. Ее прошлого не знал и Шестов.

Он был всего один раз у матери, когда Гаринова служила у нее в камеристках, и не обратил на нее внимания; В Шестове, во время похорон княгини, он тоже почти не заметил ее. Гиршфельд ни словом не обмолвился о прошлом Александры Яковлевны, да и сам он знал это прошлое, как нам известно, лишь в общих чертах, по рассказу баронессы Фальк. Щемящий душу князя Виктора вопрос оставался, таким образом, открытым.

— Да чего ты ко мне пристал с ней? Если хочешь, поедем в Москву — познакомлю! — заметил Владимир раз своему другу, когда тот перевел разговор на Пальм-Швейцарскую.

Князь Шестов уже почти позабыл предмет своего московского восторга и был всецело занять в это время ни на шаг не подвигавшимся покорением сердца неприступной княжны Анны.

— Отлично, поедем! — ухватился за эту мысль Гарин. — Ведь я, относительно Гиршфельда, не нахожусь в твоем положении, и могу покойно постараться украсить его рогами. Не так ли?

— Конечно! — сквозь зубы процедил Вла-

димир, которому надоели эти разговоры.

Хлопоты о кратковременном отпуске не заняли много времени, и через неделю оба друга уже катили с курьерским поездом в Белокаменную.

Стоял конец ноября. Театральный сезон был в полном разгаре. Познакомив своего друга Гарина с Гиршфельдом и, вспрыснув приезд в Москву и это знакомство шампанским за прекрасным обедом в ресторане «Эрмитаж», князь Владимир повез Виктора вечером на Тверскую улицу, в театр, распорядившись еще во время обеда послать за двумя креслами первого ряда. Театр был, по обыкновению, набит битком. Главной пьесой шла комедия «На хуторе», в котором Пальм-Швейцарская пленяла даже своих хулителей изяществом, грацией и пикантностью, особенно на сцене в саду, качаясь в гамаке.

При первом появлении ее на сцене, князь Виктор вздрогнул — по его телу как будто пробежала электрическая искра. Что-то знакомое мелькнуло ему во всей изящной фигуре красавицы-актрисы. Нельзя сказать, чтобы он совершенно не узнал в ней Александру

Яковлевну Гаринову; время — более трех лет — и костюмы изменили ее почти до неузнаваемости: она пополнела, похорошела и даже как будто выросла, так что хотя Виктор, увидав ее, с первого разу мысленно воскликнул:

«Да ведь это она!» — но тотчас же прогнал снова от себя эту мысль:

«Нет! Не может быть!»

Несмотря на такое решение, он все-таки почувствовал какой-то боязливый сердечный трепет, когда в один из антрактов Владимир сказал ему:

— Ну, пойдем в уборную к «божественной»; я тебя представлю.

Виктор знал по рассказам Владимира об этом эпитете Пальм-Швейцарской.

С возрастающим ежеминутно волнением переступил он порог двери, ведущей за кулисы, на которой зачем-то имелась надпись крупными буквами: «Посторонним лицам вход воспрещается». В театре г-жи Львенко, слово «посторонний», видимо, имело весьма обширное толкование. Пройдя через сцену привычным шагом бывалого человека, рас-

кланиваясь направо и налево со знакомыми актерами и актрисами, князь Шестов провел Виктора на половину, где помещались дамские уборные, и смело постучался в уборную № 1.

— Войдите! — раздался симпатичный голос. Он вошли.

Александра Яковлевна сидела спиной к двери, перед громадным овальным зеркалом, одетая в то же самое легкое летнее платье, в котором была на сцене, и поправляла гримировку. Шестов подошел и поздоровался с нею.

— Недолго просидишь в Петербурге, если увидишь вас, да еще познакомишься с вами! — заговорил он. — Вот я и снова около вас, да кроме того, привез вам еще смертного, моего закадычного друга, влюбленного в вас без ума по одним моим восторженным рассказам, в справедливости которых, впрочем, он сам уже успел убедиться, увидев вас сегодня на сцене. Позвольте представить: князь Виктор Васильевич Гарин.

При этом имени, Пальм-Швейцарская вздрогнула и выпрямилась.

Слушая до сих пор Владимира в полоборо-

та, она вдруг обернулась лицом к гостям и окинула князя Виктора долгим взглядом. Этот взгляд решил все: Виктор узнал Александрину. Он потупил глаза и едва удержался на ногах от необычайного волнения.

Александра Яковлевна заметила произведенное ею впечатление и постаралась прекратить эту, тяжелую для них обоих, при постороннем лице, сцену.

— Очень рада, князь, познакомиться с вами! Надеюсь, что вы будете у меня; адрес мой сообщит вам ваш друг. Завтра от двух до четырех я буду одна! — сказала она, протянув ему руку, которую Виктор машинально пожал.

Владимир с недоумением слушал и ничего не понимал в этой сцене.

— Теперь же, по праву свободной артистки, я попрошу вас удалиться, господа! Мне надо переодеваться. Прощайте! — Она кивнула головой и начала снимать брошку.

Шестов, поцеловав ей руку, вышел; вслед за ним, шатаясь как пьяный, последовал и князь Гарин.

— Однако, ты счастливец! — заговорил

Владимир. — Не успел явиться, как получил на завтра же приглашение на tete-a-tete. Это как тот, как бишь его, римский или греческий полководец, который говорил: пришел, увидел, победил.

Князя Шестова, видимо, нельзя было упрекнуть в знании истории.

Виктор не ответил ничего на эту шутку приятеля: он предчувствовал, какое это будет tete-a-tete, и знал, какая это победа.

— Да что с тобой? Тебе дурно? — взглянув на него, спросил Шестов.

— Ничего! Жарко… от газу… — соврал Гарин, преодолевая себя.

Они вышли в партер и направились в фойе.

Там было свежее. Виктор успел несколько успокоиться.

«Я искуплю теперь перед ней мою вину. Времени впереди много!» — мысленно решил он.

— Ты завтра поедешь? — спросил его Шестов, когда они после театра подъезжали к Лоскутной гостинице, где остановились.

— Отчего же не поехать? Конечно поеду! —

деланно веселым тоном ответил он.

Несмотря на утомление после прошлой ночи, проведенной в дороге, Виктор не мог заснуть целую ночь: мысли, одна другой несообразнее, лезли ему в голову; лишь под утро он задремал, но поминутно просыпался от тяжелых грез: то он видел себя убитым рукою мстительной Александрины, то ее — убитую им и плавающую в крови. С тяжелой головой, с разбитыми нервами встал он с постели около полудня.

XXIII
Tet-a-tet

Ровно в два часа того же дня князь Виктор робко нажал пуговку электрического звонка у подъезда квартиры Александры Яковлевны Пальм-Швейцарской.

— Князь Гарин? — осведомился отворивший ему дверь лакей.

— Да! — ответил Виктор.

— Пожалуйте! — Слуга бросился снимать с него шинель.

Его видно ждали и даже были приняты все

предосторожности, чтобы назначенное tet-a-tet не было кем-либо нарушено. Князь прошел в гостиную. Она была пуста. Он сел в кресло и стал нетерпеливо ждать, поглядывая на опущенную портьеру. Александра Яковлевна, приехав домой по окончании спектакля, тоже почти всю ночь не сомкнула глаз. Цель всей ее жизни — месть князю Виктору Гарину и всей его семье — была близка к осуществлению. Он был здесь, и завтра будет у нее. Она распорядилась, чтобы это свидание было с глазу на глаз. Кроме злобной ненависти, она ничего не чувствовала к первому своему любовнику, но она должна играть драматическую роль. Не даром же она актриса! Она должна явиться перед ним во всеоружии своей обаятельности. С завтрашнего дня он должен пресмыкаться у ее ног, готовый на всякие жертвы, — от денежных до чести своего имени и чести своей семьи включительно.

— Чести! — злобно прошептала она. — Не большая жертва для Гариновского отродья.

«Надо высосать из него все, что возможно и даже невозможно — в возмездие!.. И потом бросить, как выжатый лимон», — решила она

и заснула под утро с этою мыслью.

Встала она ранее обыкновенного и занялась обдумыванием своего туалета. Выбор ее остановился на кружевном утреннем капоте, который, как вероятно не забыл читатель, произвел такое ошеломляющее действие на Гиршфельда.

«Надо заставить его подождать, — подумала она, когда ей доложили о приезде князя Гарина. — Однако, он аккуратен... Это добрый знак», — ядовито улыбнувшись, подумала она, посмотрев на часы.

Было две минуты третьего. Виктор сидел и ждал. Время тянулось для него томительно долго. Наконец, портьера зашевелилась, откинулась и в гостиной показалась хозяйка.

— Александрина! — бросился он к ней навстречу.

— Без фамильярностей, князь! — отстранившись от него, сказала Александра Яковлевна, сделав величественный жест рукою и окидывая его с головы до ног презрительным взглядом.

Ошеломленный ее возгласом, он, казался, прирос к месту и покорно опустил голову, в

ожидании новых ударов.

— Вы, ваше сиятельство, — начала она снова насмешливым тоном, — приехали в Москву полюбоваться, а может быть и поухаживать за новою актрисою, Пальм-Швейцарскою, и не ожидали, что встретите в ней дело ваших грязных рук, обманутую вами, когда-то любимую и любившую вас девушку... Вы вчера смутлись от неожиданности такой встречи... Я заметила ваше смущение и порадовалась за вас. Значит, у вас еще есть совесть, и она способна хотя временно просыпаться... Я от вас не ожидала и этого...

Виктор поднял на нее умоляющий взгляд, но во встреченном взоре разгневанной женщины он прочел столько непримиримой злобы, что снова опустил голову.

— Я сжалилась над вами и устроила это, быть может, последнее — это зависит от вас — свидание с вами. Я могла вчера еще сделать то, что вы уже нынче не могли бы надеть этого честного мундира, который вы клялись не надевать до тех пор, пока я не буду, с согласия ваших родителей, объявлена вашей нареченной невестой. «Подлец», говорили вы

тогда, «не должен позорить мундира». А между тем, князь, вы в нем!..

Он вздрогнул и снова бросил на нее умоляющий взгляд. Она не унималась.

— Я вчера публично, при вашем друге, имела полное право плюнуть вам в глаза и рассказать ваше бесчестное, постыдное бегство от опозоренной вами девушки. Я пощадила вас и принесла жертву в честь вашего, вами самими опозоренного, мундира. А почему я это сделала? Потому что я искренне любила вас, потому что не разумом, а сердцем я до сих пор люблю вас...

Последнюю фразу она произнесла задыхающимся от волнения шепотом, и скорее упала, нежели села в кресло.

— Я люблю человека, меня погубившего!.. Я люблю... подлеца! — истерически захохотала она и умолкла.

Князь Виктор снова приблизился к ней и упал перед ней на колени.

— Простите, простите меня!.. — простонал он. — Я три года мучаюсь и не нахожу себе места от угрызений совести за это преступление моей юности. Три года ношу я в сердце

образ и благословляю день нашей настоящей встречи, дающей мне возможность искупить перед вами мою вину, искупить какими угодно жертвами, ценою моей жизни.

— Не хотите ли вы предложить мне пойти к вам на содержание?.. — презрительно сказала она, вскинув на него глаза.

— Не будьте жестоки: я далек от этой мысли: я предлагаю вам руку и сердце, я предлагаю вам мое имя, несмотря на ваше настоящее положение, в котором, впрочем, виною опять только я один...

Он схватился руками за голову.

— Какое положение? — вскипела она, вскочив с места. Он продолжал стоять на коленях.

— Уж не верите ли и вы той сплетне, что я живу на содержании у Гиршфельда? Так знайте же, что я на самом деле богата, но это богатство куплено ценою моего ума, а не тела; в последнем смысле — я не продаюсь...

— Извините, вы меня не так поняли! Я говорил о положении актрисы... — растерянно прошептал он, поднимаясь с колен.

— А чем, позвольте спросить, ваше сия-

тельство, — наступая на него, перебила она, — положение актрисы бесчестнее и позорнее положения тех актрис в жизни, — светских дам и девушек, играющих в добродетель и прикрывающих искусной игрой свое полнейшее нравственное растление? Такую актрису, по мнению людей вашего круга, вы спокойно можете назвать перед церковным алтарем вашей женой, чтобы вашим же именем прикрывать дальнейшие похождения этой светской добродетельной развратницы. Труженица же искусства, получающая своей игрой толпу в этой великой народной школе, называемой театром, заклеймлена печатью отвержения, именем комедиантки, со стороны настоящих, подлых, низких, но чаще всего титулованных комедианток! Так знайте же, что честная актриса не принимает вашей жертвы, отказывается от чести быть княгиней Гариной. Женитесь на комедиантке вашего крута!

Она повернулась, сделав вид, что уходит.

— Но я люблю вас… — простонал Виктор.

Она снова обернулась к нему.

— Люблю?.. — с иронической улыбкой по-

вторила она уже более мягким тоном. — Люблю?.. А где же вы были до сих пор? Почему вы не бросились на поиски любимой вами женщины, как только что вернулись из-за границы, узнав, что ваша матушка с позором выгнала за ворота вашу жену перед людьми и перед Богом, как вы называли меня когда-то?..

— Я этого не знал: мне сказали, что вы покинули дом по собственному желанию, что отец обеспечил ваше дальнейшее существование...

— И вы поверили этой лжи, вы утешились этой сказкой? Тысяча рублей, выкинутые мне из моих же денег вашим отцом, называется на языке этих людей обеспечением?

— Простите, повторяю, простите! Нет, даже не прощайте теперь, но дайте возможность заслужить это прощение... Я действовал под влиянием...

— Знаю даже под чьим: под влиянием княгини! — злобно сверкнув глазами, досказала она.

Он не ответил ничего и лишь покорно опустил голову.

— Хорошо! — продолжала она. — Я вполне понимаю ваше желание заслужить мое прощение. Ваша вина передо мной такова, что должна тяготить мало-мальски честного человека, а вы слишком молоды, чтобы испортиться вконец, несмотря на окружающую вас тлетворную среду. Знайте только, что заслужить это прощение вы должны будете громадными жертвами, и все же они не будут равносильны той жертве, которую я принесла вам, не искупят того оскорбления, которое вами нанесено мне. За мной всегда останется безусловное право прощения, и я воспользуюсь им, когда увижу, что вы достаточно искупили свою вину.

— Александрина, я готов на всякие жертвы.!.. Дайте мне только надежду, что вы когда-нибудь вернете мне свою любовь...

— Этой-то надежды я вам и не дам. За будущее не ручаюсь: может быть это и будет так, смотря по вашему поведению относительно меня, а до тех пор я для вас не Александрина, а Александра Яковлевна, а вы один из моих поклонников, как артистки, и то новичок, которого я до поры до времени могу держать в

черном теле. Вот мои условия. Принимаете ли вы их? Если да, то поговорим о подробностях; если же нет — прощайте...

Она снова повернулась от него к портьере.

— Принимаю безусловно! Останьтесь, останьтесь! — задыхающимся голосом произнес Гарин.

— Тогда сведем прежде всего семейные денежные счеты!

В коротких словах передала она ему сцену, виденную ею в детстве у постели своего умирающего незаконного отца, князя Ивана Гарина.

Краска стыда за родителей покрыла лицо молодого человека.

— Это возмутительно! — прошептал он.

— Более чем возмутительно! — подтвердила она. — Признаете ли вы теперь за мной право получить от вашего семейства девятьсот девять тысяч рублей, считая уплаченной ту тысячу рублей, которую я получила при моем изгнании из вашего дома?

— Конечно, признаю! — твердо ответил Виктор.

— От вас, как от единственного наследни-

ка богатств ваших родителей, я и требую возвращения этой, по праву принадлежащей мне и украденной у меня, суммы. Вы их доставите мне на этой неделе.

— Я?.. — пробормотал он, уставившись на нее. — Но откуда же я их возьму? Я еще не наследовал от моих родных: они, как вам вероятно известно, оба живы и здоровы.

— Мне нет до этого дела; вы достанете их пока под векселя, а расплатитесь потом: я не нуждаюсь в них, но действую из принципа. Возвращая мне их, вы успокоите прах моего отца, а вашего дяди, и примирите меня отчасти с собою, а там мы увидим. Согласны?

— Согласен на все; но кто поверит мне, в моем настоящем положении, такую сумму?..

— Я помогу вам и в этом... Обратитесь к Гиршфельду, я сегодня вечером поговорю с ним.

В глазах Гарина блеснул ревнивый огонек. Это не ускользнуло от Пальм-Швейцарской.

— Успокойтесь! Я вам уже говорила и могу дать честное слово, что не имею чести состоять его любовницей.

— Если так, то согласен... — прошептал

Виктор.

— Чтобы в течение недели деньги были в моем столе. Приезжайте в театр, заходите ко мне в уборную, разрешаю даже поднести мне подарок. По вторникам собираются у меня. Больше, пока, мне сказать вам нечего. Прощайте.

Она протянула ему руку. Он страстно прижался к ней губами. Она вырвала ее и скрылась за портьерой. Он поехал домой.

— Ну что, как дела? — встретил его Шестов.

— Ничего! Был, пил кофе...

— Никого кроме тебя не было?

— Никого.

— Счастливец!.. Скромничает!.. Туда же!..

В тот же вечер Николай Леопольдович был вызван экстренно к Александре Яковлевне.

— Завтра князь Гарин обратится к вам с просьбою достать ему под вексель сто тысяч рублей. Устройте ему это дело поскорей, но только на самых тяжелых для него условиях.

— Сто тысяч! — воскликнул Гиршфельд, — Но где же я их возьму!

— Это до меня не касается. Вы слышите,

что я сказала? Ваше дело исполнить. Сделайте скорее; слышите?

— Слышу! — ответил тот, посылая ей мысленно всевозможные проклятия.

— Не беспокойтесь: отец его миллионер и заплатит, если вы умно его запутаете и сделаете этот платеж вопросом чести. Впрочем, мне вас в этом не учить стать!.. — успокоила она его.

Николай Леопольдович быстро смекнул, что она говорит дело и уехал от нее в самом деле совершенно спокойно. Визит к нему на другой день князя Виктора с просьбой достать денег не был, таким образом, для него неожиданностью. Он обещался похлопотать, и через несколько дней заем этот был совершен через контору знакомого нам Андрея Матвеевича Вурцеля. Князь Гарин выдал векселей на сто пятьдесят тысяч, сроком на шесть месяцев, и подписался на них «по доверенности отца».

— Но ведь я никакой доверенности не имею? — пробовал возражать он.

— И не надо! Это одна пустая формальность. Через полгода мы их перепишем! —

успокаивал юношу Вурцель. — Такова воля капиталиста; иначе нельзя достать денег.

Виктор подписал и, получив деньги, помчался к Пальм-Швейцарской, которой и вручил девяносто девять тысяч рублей.

— Для начала — я вами довольна! — улыбнувшись, сказала она и дала ему поцеловать руку.

Несколько дней спустя, в московских газетах было сообщено о поднесенном от публики артистке Пальм-Швейцарской богатом подарке, состоявшем из бриллиантового колье, вложенного в роскошный букет. Это колье было поднесено князем Виктором Гариным накануне отъезда его с Шестовым в Петербург, так как срок отпуска их кончился.

Последний, несмотря на то, что Виктор не говорил ему ни слова о своих отношениях к Александре Яковлевне, был вполне убежден, что у его друга Гиршфельда, со времени пребывания Гарина в Москве, выросли рожки. Это льстило самолюбию учителя: он радовался успехам своего ученика.

XXIV
Светский брак

Через несколько дней по приезде из Москвы, князь Владимир Шестов сделал предложение Анне Васильевне Гариной. Он обратился не к ней лично, а передал княгине Зое Александровне свои чувства к ее дочери и умолял о ее ходатайстве в этом деле. Княгиня поблагодарила его за честь и обещала переговорить с дочерью.

— Я сделаю все возможное, дам ей материнский совет, и этот совет, князь, вы можете быть уверены, будет в вашу пользу! — сказала княгиня, ласково улыбаясь.

— Благодарю вас! — с чувством отвечал Владимир, целуя ее руку. — Я сумею составить счастье вашей дочери, мое же счастье теперь в ваших и ее руках.

— Повторяю, я и князь (могу вам ручаться за него) согласны; решающий голос — голос Annette, но не думаю, чтобы она подала его против вас...

— Я, увы, далеко не убежден в этом... —

вздохнул князь. — Я не могу похвастаться особым вниманием княжны…

— Она девушка со странностями, но у нее прекрасное сердце; я говорю это не как мать, — я беспристрастна, — но она умеет различать людей, она оценит ваше к ней чувство, о котором, быть может, и не догадывается.

— Я старался показать его настойчивым и продолжительным ухаживанием! — возразил он.

— Она могла не видеть в нем серьезных намерений…

— Дай Бог! — прошептал он, придавая себе взволнованный вид и вставая, чтобы проститься.

— Я надеюсь вас скоро успокоить благополучным ответом, — сказала княгиня, подавая ему руку.

Он снова крепко поцеловал ее.

По его уходе она удалилась к себе в кабинет, села в кресло и задумалась.

Обнадеживая князя Владимира на благополучный ответ со стороны своей младшей дочери, княгиня говорила ему далеко не то,

что думала. Она хороша знала ту нескрываемую княжной Анной антипатию, которую последняя питала к настоящему претенденту на ее руку, так что на добровольное согласие княжны на этот брак не могло быть ни малейшей надежды. Между тем, этот-то брак и был сладко-лелеянной мечтою княгини Зои и ее мужа. Более блестящей партии они не могли желать для своей дочери, репутация же князя Владимира, как кутилы, мота и развратника, не имела ровно никакого значения в их глазах. Они находили себе утешение, а князю — оправдание, в народных поговорках: «быль молодцу не укор», «бесится, бесится, да и перебесится» и «женится-переменится». Колоссальное богатство князя, доставшееся ему от отца, — они не знали, какие метаморфозы оно претерпело в руках искусного Гиршфельда, — одно могло заслонить недостатки жениха и придать ему даже небывалые достоинства в глазах сиятельных родителей невесты. Средства этих родителей были к тому же далеко не в блестящем положении. Еще во время поездки всего княжеского семейства в именье брата, князя Ивана, в то лето, когда он

неожиданно умер ударом, дела князя Василия были крайне запутаны: на имениях лежали неоплатные долги, и главною целью посещения брата был расчет со стороны бившегося как рыба от лед князя Василия, находившегося накануне полного разорения, на родственную помощь. Смерть брата, таким образом, произошла совершенно кстати и даже ранее, нежели князь Василий передал ему о своем гнетущем положении. Опекунство над сыном, которому достались все имения дяди, скрытые князем капиталы, как принадлежащий Александрине, так даже и часть доставшегося родному сыну, поправили финансовое положение князя Василия, но, увы, не надолго. Не прошло и десяти лет, как от этих капиталов не осталось даже приятного воспоминания; снова явились долги, и в опекунские отчеты вошел не присущий им фантастический элемент. Совершеннолетие сына, принявшего наследственные имения и оставившего их в управлении отца, вторично спасло князя Василия от разорения и даже от позора, так как капитал сына значился только на бумаге, а имения были заложены и перезаложе-

ны.

Ничего не смысля в делах, Виктор имел весьма смутное понятие о том, что у него есть отдельное от отца состояние. Он, как и Владимир Шестов, «что-то» подписывал, но прочесть это «что-то» не давал себе труда, а быть может и самое чтение не привело бы ни к чему и дело от этого не стало бы для него яснее. Главною причиною растройства денежных дел семейства князей Гариных, кроме стоящей баснословно-дорого придворно-светской жизни, был сам князь Василий, ведший большую игру в карты и на бирже, первую несчастливо, а последнюю неумело, как неумело вел дела и по имениям, которые ему приносили чуть не убыток, а для управляющих были золотыми днами. Как бы то ни было, но положение было не из приятных, и о том, чтобы дать за дочерьми приданое, соответствующее их титулу и положению, нечего было и помышлять. Княгиня Зоя Александровна знала все это, и ясно понимала, что брак ее дочери Анны с богачом князем Шестовым является прямою помощью неба.

«Он не возбудит денежного вопроса: у него

хватит на десятерых!» — мысленно решила она.

«Надо уломать Annette, но как?»

Зоя Александровна позвонила.

— Доложите князю Василию Васильевичу, если он дома, что я прошу его тотчас же пожаловать ко мне! — сказала она вошедшей камеристке.

Князь Василий в это время только что вернулся из какого-то заседания, а потому через несколько минут явился в кабинет супруги, блистая всеми регалиями. Это был высокий, красивый старик — князю было под шестьдесят — с громадной лысиной «государственного мужа» и длинными седыми баками — «одно из славных русских лиц».

Мягкою походкою подошел он к жене и с грациозной нежностью поцеловал ее руку.

— Me voici… вот и я! — перевел он по-русски, опускаясь на маленький диванчик и начиная рассматривать великолепные желтые ногти, что служило признаком, что князь приготовился слушать.

Княгиня в коротких словах передала князю о сватовстве князя Владимира Шестова и о

замеченной ею антипатии ее дочери к претенденту.

— Quelles bêtises!.. Она должна согласиться. Отказываться от такой партии, при нашем положении, excusez du peu... — вспыхнул князь.

— Но, mon cher, ты знаешь характер Annette; я просто боюсь приступиться.

— C'est vrai, c'estune bete! — щелкнул длинным ногтем мизинца левой руки — признак раздражения — произнес князь.

— Que faire alors? — спросила княгиня.

— Ordonner! — лаконически ответил он.

— Я ее позову сюда, мы скажем ей вместе! — согласилась княгиня, протянув руку в сонетке.

— S!.. — процедил сквозь зубы князь.

Зоя Александровна позвонила и приказала позвать княжну Анну.

Княжна вошла и недоумевающе-вопросительным взглядом окинула торжественно-серьезные лица и фигуры отца и матери.

— Вы меня звали, maman? — ровным голосом обратилась она к княгине.

— Да, ma chère! Присядь; нам с отцом надо

переговорить с тобой.

Недоумение, но уже беспокойное, появилось на как бы выточенном из мрамора, красивом лице княжны Анны.

Она села на стул.

— Князь Владимир Александрович Шестов сегодня просил у меня твоей руки… — торжественно произнесла княгиня.

Анна Васильевна сперва вспыхнула, потом побледнела.

— Он бы мог обратиться сперва ко мне! — с дрожью в голосе сказал она.

— Это по новому, — съязвила Зоя Александровна, — но это все равно… Истинная любовь робка, и он обратился ко мне, как к твоей матери с просьбой походатайствовать за него у тебя.

— И вы?

— Я ходатайствую… Князь и я согласны на этот брак, лучшей партии нельзя и желать. Надеюсь, что и ты не найдешь что возразить против этого и… согласишься! — быстро добавила княгиня.

Она спешила исполнить волю мужа и приказать, но в душе трусила.

— Но я… — прерывающимся голосом, еле владея собою, проговорила княжна, — не только не люблю его, но даже не уважаю.

— Sapristi! — щелкнув ногтем, вспылил князь. — Очень ему нужно твое уважение!.. Это совсем не входит в расчеты женихов.

Дочь метнула на отца едва заметный, почти презрительный взгляд.

— Ma chère, — начала снова княгиня: — я буду с тобой откровенна, ты не ребенок, ты поймешь меня. Наши дела очень плохи, а князь баснословно богат; выходя за него, ты не только устроишь свою судьбу, но… — Зоя Александровна запнулась.

— Но и… поправишь наши обстоятельства, — с трудом добавила она.

Князь продолжал щелкать ногтем.

— Не надо глядеть на брак идеально, помещански; в нашем кругу брак ни к чему не обязывает…

Княгиня остановилась, заметив устремленный на нее холодный взгляд дочери.

— Если я должна выйти не за князя Шестова, а за его состояние, то я… согласна! — ледяным тоном сказала княжна, с неимоверным

усилием выговорив последнее слово, и встала.

Это быстрое согласие ошеломило Зою Александровну.

— Я больше не нужна?.. — произнесла дочь и, не дождавшись от матери ответа, вышла из кабинета.

Князь и княгиня остались одни и взглянули друг на друга. Выражение их лиц было таково, будто они получили по пощечине. Они впрочем, не могли не сознавать, что такое согласие дочери и было ничем иным, как пощечиной.

— Quelle imbécile… — проворчал князь.

— En tout cas… она согласилась! — вздохнула княгиня.

С прежней надменной холодностью повторила княжна Анна Васильевна Гарина свое согласие явившемуся на другой день, предупрежденному уже княгиней, счастливому своей победой, князю Владимиру. Драма, происходившая в душе молодой девушки, с неподвижным лицом выслушивавшей в продолжение двух месяцев до дня свадьбы вычурные любезности презираемого ею жениха, ее

будущего мужа, осталась скрытой в глубине ее загадочной натуры. Через несколько времени она сделалась с ним даже почти любезна.

Наконец, наступил день свадьбы, которая и была отпразднована с надлежащим великолепием и пышностью. Весь петербургский большой свет принес свои поздравления «прелестным, созданным друг для друга» — как утверждали все — новобрачным. Княжна Анна Васильевна Гарина стала княгиней Шестовой.

XXV
Приговор семейного совета

Менее полугода длилось совместное сожительство молодых супругов Шестовых. Женившись, как мы видели, единственно из чувства оскорбленного самолюбия, князь Владимир естественно не мог питать и не питал к своей молодой жене никакого чувства, кроме жажды чисто животного обладания красавицей. Княжна Анна, сделавший княгиней Шестовой, с своей стороны ни на йоту не из-

менила своих холодных, полупрезрительных отношений к Богом данному ей супругу, а эти отношения не могли, конечно, представить сколько нибудь благодарную почву для дальнейшего роста горячей, продолжительной страсти. Молодой супруг вскоре — к большому, надо заметить удовольствию молодой супруги — охладел к ней.

Она зажила светскою, совершенно отдельною от него жизнью, а он почувствовал себя, как это бывает в массе современных супружеств, более холостым, нежели до свадьбы. Он и повел холостую жизнь. Снова начались кутежи и попойки, снова возвратился он к компании своих временно покинутых собутыльников, в числе которых находился и брат жены, Виктор Гарин, оплакавший было своего потерянного коновода, пошедшего стезей семейного человека.

Виктор Гарин, вернувшись из Москвы, был неузнаваем: он видимо не находил себе места в родном Петербурге и был в каком-то чаду. С отпуском и без отпуска ездил он то и дело в Москву поклониться новому кумиру — Пальм-Швейцарской, терся в ее гостиных, в

кругу ее многочисленных обожателей, видное место среди которых стал за последнее время занимать актер Матвей Иванович Писателев. Его отличала «божественная». Злые языки шли даже далее в точном определении их отношений и этого отличия.

Виктор выбивался из сил обратить на себя внимание когда-то любившей его и принадлежавшей ему девушки, а ее почти безразличное отношение к его ухаживанию еще более распаляло его страсть, доводя ее до апогея. Вместе с часу на час возрастающим чувством молодого князя возрастали и расходы, соединенные с ухаживанием за «знаменитостью».

В одну из таких отлучек князя Владимира над его ментором по части прожигания жизни и шурином князем Шестовым стряслась беда. Незадолго до своей свадьбы с княжной Гариной, князь Владимир во время одной из своих попоек встретился в загородном ресторане с неким весьма приличным на вид господином Николаем Александровичем Мечевым. Несколько метких замечаний и громких фраз последнего, брошенных в кратковремен-

ном разговоре, так понравились недалекому по уму отпрыску древнего рода князей Шестовых, что он, разгоряченный к тому же винными парами, начал умолять своего нового знакомца разделить с ними компанию, на что тот, поломавшись для вида и изрек несколько высокопарных демократических сентенций, согласился. Через час они уже пили на «ты» и были друзьями. Николай Мечев был, как принято называть такого рода людей за последнее время — умственный пролетарий. Недоучившись в университете, где рамки программы стесняли, по его словам, богатырский полет его духа, а рутина преподавания лишь тормозила его на пути приобретения знаний, нужных для человека и «гражданина» — он особенно любил это слово и всегда подчеркивал его — желающего служить своему родному народу, Мечев отдался самообразованию и действительно был ходячею энциклопедиею отрывочных и поверхностных, но за то самых разнообразных знаний. На какие средства он жил было его тайной, имений ни родовых, ни благоприобретенных за ним не числилось, определенных занятий, выражаясь языком

полицейским, он не имел, а между тем был одет всегда более чем прилично и даже подчас не стеснялся довольно значительными тратами, что давало ему возможность втираться в среду молодежи высшего круга, среди которой он предпочитал военных. На недалекие, а чаще недозрелые умы молодежи, поток громких фраз Мечева производил действие, граничащее с действием гипнотизма, и многие представители этой молодежи благоговели перед ним, считая его чуть не пророком, не предвестником «новых веяний». С таким-то человеком свела судьба слабохарактерного князя Шестова. Восторженный по натуре, искавший от безделья новых впечатлений, инстинктивно стремящийся к какой-нибудь деятельности, князь Владимир стал ярым поклонником Николая Александровича, умело наигрывавшего на всех слабых струнках души своего нового «сиятельного» друга, как иронически называл «демократ» Мечев «аристократа» Шестова. Отвлеченный временно сватовством от кружка новых знакомств, сделанных через Мечева, князь Владимир, заживя вновь холостою жиз-

нью, но уже женатого человека, сошелся вторично с Николаем Александровичем и его кружком, и вскоре, частью по неумелой ретивости свежеиспеченного деятеля, попался в грязную историю с политической подкладкой, принужден был выйти из полка и даже был арестован. Арест его, впрочем, был непродолжителен. Лица, производившие расследования этой глупой истории вообще, и участия в ней князя Шестова, за которого усиленно ходатайствовал тесть его князь Гарин, в особенности, убедившись, кроме того, и сами в безвредной глупости этого потомка Рюрика, одетого сильною постороннею рукою в тогу русского заговорщика, отпустили князя Владимира на свободу, учредя над ним полицейский надзор.

Мечев, увидя, что его «сиятельный друг» попался впросак, успел скрыться заграницу.

Вернувшись из места своего заключения в дом своей жены, князь застал у нее тестя и тещу. Семейный синклит изрек ему свое решение.

— Я мог, — сквозь зубы начал старый князь, холодно поздоровавшись, как и осталь-

ные члены семейного совета, с освобожденным узником, — спасти вас от тюрьмы, от заслуженного вами вполне наказания за глубоко возмущающее душу всякого верноподданного ваше преступление, но я бессилен возвратить вам то положение в обществе, которое вы занимали до сих пор, бессилен снять с вас то клеймо позора, которое наложено на вас, и — выскажу мое мнение — совершенно справедливо этим обществом. Двери домов, составляющих круг наш и нашей дочери — вашей жены, отныне заперты для вас навсегда...

Князь остановился и несколько раз щелкнул ногтем среди воцарившегося гробового молчания.

— Вы, конечно, понимаете, что при подобных условиях совместная жизнь ваша с вашею женою — моею дочерью — является немыслимой. Ей, ни в чем неповинной, или же вернее сказать, виновной лишь в роковой ошибке выхода за вас замуж, в чем одинаково, если не в большей степени, виновны и мы с княгиней, быть извергнутой из того общества, в котором она выросла и к которому по

праву принадлежит, было бы, надеюсь, и вы согласитесь со мной, высшею несправедливостью. Это была бы с ее стороны безумная жертва, которую она приносит вам не желает и которой вы, даже по ее мнению, не стоите…

Князь снова остановился. Шестов почти умоляющим взглядом окинул княгиню Зою и свою жену, но в холодном, злобном выражении их глаз прочел полную солидарность их с князем Василием, прочел бесповоротный себе приговор и беспомощно поник головою. Испуганный процедурой ареста, допросов и заключения, и обрадованный освобождением, боясь возобновления все этой истории, что, он сознавал, было во власти освободившего его тестя, князь Владимир совершенно растерялся.

— Я принужден согласиться, — прошептал он.

— Sapristi, — щелкнул князь ногтем, — вас никто и не спрашивает о согласии, вам только предписывают…

Шестов снова опустил голову под уничтожающим взглядом тестя.

— Это еще не все, — продолжал послед-

ний; — кроме этого дома, купленного вами на имя вашей жены, из которого вы сегодня же выедете, вы должны дать ей известное, соответствующее ее положению в обществе, обеспеченное состояние...

Князь запнулся, увидав вопросительно-удивленный взгляд немного оправившегося князя Владимира.

— Сказав «ей», — поправился он, — я допустил неточность, моя дочь не нуждается в вашем состоянии, у нее есть свое — предназначенное ей в приданое, но она носит под сердцем вашего ребенка. Ограждая его-то интересы, я и возбудил этот для меня неприятный денежный вопрос.

Князь усиленно защелкал ногтем.

— В какой же сумме? — спросил князь Владимир.

— Я думаю, что не менее полмиллиона, — резко ответил Гарин, — и помните, что от исполнения этого условия зависит ваше дальнейшее относительное спокойствие. Я сумею заставить вас исполнить обязательства перед вашею женою, — скороговоркой добавил он сделав, угрожающий жест.

— Хорошо, я спишусь с моим поверенным, — произнес снова уничтоженный Шестов.

В этот же день он выехал из дома своей жены, распростившейся с ним как с посторонним человеком, в отделение Европейской гостиницы, а вечером написал и отправил письмо к Николаю Леопольдовичу Гиршфельду, в котором рассказал ему откровенно свое положение и требование тестя, просил его немедленно распорядиться переводом на имя княгини Анны Васильевны Шестовой пятисот тысяч рублей через Государственный банк, произведя для этого какие он заблагорассудит обороты с его имениями и капиталами. Гиршфельд, получив подобное письмо своего доверителя, сперва положительно ошалел и решил ехать в Петербург, чтобы отговорить князя передавать жене такую уйму денег, которые, естественно, переходя в семью Гариных, ускользали из его загребистых лап, как поверенного, но размыслив, он тотчас сообразил, что с тестем Владимира, князем Василием Гариным шутки плохи, и через дней, произведя несколько денежных комби-

наций, устроил требуемый перевод, поживившись в этом деле и для себя весьма солидным кушем. О точном исполнении его поручения он не замедлил уведомить Владимира Шестова, присовокупив, что в виду скорой реализации такой крупной суммы, понесены весьма солидные убытки на процентах. Князь Владимир, ничего не понимавший в делах, не обратил на это ни малейшего внимания, обрадовавшись переводу, освобождавшему его от власти его тестя, самое воспоминание о котором тяготило его душу страшным кошмаром.

XXVI
Соломенный вдовец

Прошло более двух недель, когда князь Владимир Александрович Шестов присмотрелся, если можно так выразиться, к своему новому положению. Предсказания князя Василий Гарина сбылись. В тех домах, где его принимали так недавно с распростертыми объятиями и куда он было толкнулся с визитом, он услышал суровые ответы швейцаров: «не принимают». Встреченные им в рестора-

нах и на улицах товарищи, бывшие приятели и собутыльники, сторонились от него, как от зачумленного. Один лишь Виктор Гарин не изменил ему, но и тот дал ему понять, что в виду его натянутых отношений с его домашними, визиты к нему были бы неудобны.

— Ты понимаешь, mon cher, что в доме моих дражайших родителей, где я к несчастью живу, не моя воля... К тебе я не премину заглядывать. Да не прокатишься ли в Москву? Я на днях еду туда.

Шестов ехать в Москву отказался.

Такая неизменность дружбы Виктора Гарина к отставному мужу его сестры имела причиной надежду перехватить у богача Шестова малую толику деньжонок, в которых князь Гарин очень нуждался. Он, тративший баснословные суммы на подарки Пальм-Швейцарской, платил громадные проценты растовщикам Петербурга и Москвы и, буквально, был в отчаянном положении. Страсть его к «божественной» Александре Яковлевне не уменьшалась, а, напротив, росла не по дням, а по часам. Та искусно поддерживала ее, идя к намеченной ею цели.

Виктор Гарин уехал. На князя Шестова напал почти ужас. Всеми забытый, чувствуя себя совершенно одиноким, через день после отъезда Виктора, он шел, опустив голову, по Невскому проспекту, как вдруг услыхал около себя симпатичный женский голос.

— Князь, князь, стыдно быть таким рассеянным и не узнавать знакомых.

Владимир поднял голову и увидал перед собой скромно, но изящно одетую миниатюрную барыньку, с миловидным, немного подкрашенным личиком фарфоровой куколки, обрамленным волосами пепельного цвета.

— Агнесса Михайловна! — воскликнул он и с радостью протянул ей обе руки.

— Что это вы глаз не кажете? Я слышала о вашем аресте, но узнала и о вашем освобождении, о вашем разрыве с женой. Я следила за вами... — заговорила она почти шепотом, подчеркнув последнюю фразу.

— Благодарю вас, — с чувством пожал князь все еще находившуюся в его руках ее руку.

— Чувство это не было поддельно.

Первое слово сочувствия, произнесенное

этой женщиной, произвело на него, измученного за эти дни непрестанными уколами самолюбия, сильное впечатление.

— Нечего благодарить, хорош, нечего сказать, то ухаживал, я было совсем собралась отвечать, а он вдруг как в воду канул. Извольте явиться сегодня же вечером, мамаша, сестра, брат и, в особенности, я будем очень рады видеть нашего дорогого «политического мученика».

Последние слова Агнесса Михайловна добавила уже совершенно шепотом. Это новая, придуманная ею ему кличка, несказанно обрадовала Владимира. Он поднял голову, приосанился и повеселел.

— Непременно, непременно буду и начну ухаживать за вами с начала, а вы поскорей надумайтесь отвечать — для меня это теперь очень важно, я одинок совершенно, — весело начал он, но окончил эту фразу так серьезно, что Агнесса Михайловна окинула его вопросительно-проницательным взглядом.

— Ишь какой поспешный, — улыбнулась она, — ну, да там увидим. Так до вечера?

Они расстались. С почти облегченным

сердцем отправился Владимир к себе в гостиницу, с аппетитом съел поданный ему обед и стал нетерпеливо поглядывать на часы, дожидаясь того времени, когда можно будет поехать к Боровиковым — такова была фамилия матери, брата и сестер Агнессы Михайловны Зыковой.

Последняя, намекнув Шестову на его ухаживания за ней, не сказала неправды. Он на самом деле ухаживал за ней довольно долго, познакомившись с их домом через Мечева, но она, как умная женщина, не отталкивая его, но и не подавая ему особых надежд, вела тонкую игру. Его арест прекратил временно посещения им ее семьи и даже почти вышиб из его памяти ее образ. Нынешняя встреча, слова сочувствия, услышанные им впервые от нее, лестное для него, по его мнению, прозвище «политического мученика», данное ему ею же — все это заставило его сердце вдруг забиться чувством гораздо более сильным, чем то, которое служило стимулом для ухаживанья за ней до ареста, до обрушившегося на него остракизма из общества, почти таким чувством, каким не билось ни для одной из

встреченных им женщин. Он почувствовал себя положительно влюбленным. В его положении он считал это величайшим счастьем. Она несомненно ответит ему взаимностью. Она даже очень ясно намекнула ему на это. Князь стал припоминать короткий разговор с ней, каждое ее слово.

— Она полюбит меня! Я заставлю ее полюбить себя, — шептал он. — С ней я найду, наконец, свое счастье, мы устроим себе уютное гнездышко. Я окружу ее роскошью, я буду нежить, лелеять ее. Ей, этому хрупкому, миниатюрному созданию, не придется ходить пешком, не придется иметь даже никакого понятия о нужде...

Так мечтал князь Владимир, а время между тем тянулось довольно медленно.

Воспользуемся этим временем, чтоб познакомить поближе читателя как с самой Агнессой Михайловной Зыковой, так и с семейством Боровиковых, которые должны будут играть довольно видную роль в дальнейшем развитии нашего правдивого повествования.

Мать Агнессы Михайловны — Мария Викентьевна Боровикова была вдова когда-то

очень богатого, но в конец разорившегося помещика, оставившего ей после себя лишь неоплатные долги и четырех детей — сына Константина и дочерей Агнессу, Зинаиду и Александру. С ними-то, на скопленные еще при жизни мужа небольшие деньжонки, переселилась она в Петербург, оставив хищных кредиторов покойного делиться оставшимися после его имениями и отказавшись за себя и за детей от убыточного наследства. Ко времени нашего рассказа, она уже жила безвыездно в Петербурге более пятнадцати лет и жила довольно прилично, не смотря на то, что никаких доходов ни откуда не получала и никаким делом не занималась.

Такая жизнь мыслима только в Петербурге — это жизнь на выклянчиваемые повсюду под тем или другим предлогом, а иногда даже без всякого предлога, пособия и займы без отдачи. Для последних Марья Викентьевна охотно знакомилась со всеми чуть не в вагонах конки и на улицах, приглашала к себе, радушно принимала, и на второй же визит нового знакомого огорашивала его просьбой дать ей взаймы ту или другую, часто даже

весьма маленькую, сумму.

Знакомые, состоявшие большею частью из молодых людей, охотно ссужали время от времени радушную маменьку трех молоденьких дочек небольшими субсидиями, не желая терять знакомства в доме, где они проводили очень весело время. По наружности это была среднего роста весьма почтенная старушка, с претензиями на аристократические манеры и тонкость обращения. Дети не приносили ей много радостей.

Сын Константин, перебывавший во всевозможных учебных заведениях, нигде не окончил курса, и хотя ему уже давно минуло гражданское совершеннолетие, все еще продолжал сидеть на шее своей маменьки, в ожидании места, занимаясь кой-какими частными делами и мелким комиссионерством, с грошевым заработком, который, и то весьма редко, доносился им до дому, а обыкновенно оставлялся в тех или других злачных местах Петербурга. Долговязый, угреватый молодой человек, с редкой растительностью на бороде и усах, с лицом, носившим следы пристрастия к выпивке, он был, несмотря на это, все-таки

любимцем своей матери, мечтавшей найти ему невесту с стотысячным приданым.

Старшая дочь Агнесса семнадцати лет вышла замуж за саперного офицера, но года через четыре разошлась с ним и снова приютилась с трехлетним сыном Володей под крылышко матери. В момент нашего рассказа ей шел двадцать шестой год и она уже года четыре как не жила с мужем. Кто из обоих супругов был виноват в размолвке решить, как это обыкновенно бывает, было весьма затруднительно: иные говорил, что она ушла от него, другие, что он ее бросил.

Две ее сестры, Зинаида и Александра, несмотря на тоже довольно зрелый возраст и бывавшую у них молодежь, все еще сидели в девушках, и Марья Викентьевна потеряла почти всякую надежду видеть их пристроенными, хотя бы даже не в законе, но за хорошим человеком.

— Что за радость брак-то нынче, одно стеснение, — говорила эта либеральная маменька, — вот у меня Агнессочка ни девушка, ни вдова, ни мужняя жена.

Хороший человек, однако, и на таких сво-

бодных условиях ве находился, хотя обе сестры, особенно Зиночка, были довольно миловидны.

Агнесса Михайловна, впрочем, сравнительно с ними, была красавица.

XXVII
Под дулом револьвера

Скажем несколько слов о друзьях и данниках семейства Боровиковых. За Зинаидой Михайловной последнее время сильно приударял старый комиссионер и адвокат по бракоразводным делам Антон Максимович Милашевич, бросивший, как утверждали, из-за нее на произвол судьбы жену с тремя взрослыми дочерьми, переехавший на отдельную квартиру, все свое свободное время проводивший у Боровиковых и несший в их дом все свои заработки, но это было, кажется, лишь платоническое поклонение со стороны сластолюбивого старичка.

Милашевичу было далеко за пятьдесят и он был весьма странный, с разбитыми нервами, раздражительный человек. В семье Боро-

виковых и их интимном кружке он был известен под прозвищем «дедушка».

Агнесса Михайловна тоже не оставалась без «присяжного кавалера». В этом звании при ней состоял имевший в Петербурге ортопедическое и бандажное заведение Владимир Васильевич Охотников, подвижный, худощавый блондин, с коротко обстриженной головой и козлиной бородкой, в черепаховых очках. Веселый каламбурист, любитель петь романсы, хотя немилосердно и беззастенчиво фальшивя, он уже около двух лет был ежедневным гостем Марьи Викентьевны, платя за это знакомство обильную дань, как ей, так и Агнессе Михайловне. Его жена, красивая брюнетка Анна Александровна, давно махнула рукой на влюбчивого мужа и всецело посвятила себя своей пятилетней дочке Лидочке, сетуя лишь порой на недостаток в средствах к жизни, виною чего справедливо считала траты мужа на «мазаную», как Анна Александровна окрестила Агнессу Михайловну, намекая на пристрастие последней к косметическим притираньям. Мы видели из описания наружности Зыковой, что это не

было совсем клеветою.

Одна Сашенька довольствовалась временными обожателями и сменяющими друг друга ухаживателями.

Почти тоже ежедневным гостем семейства Боровиковых и тоже вносивших свою лепту в хозяйственную сокровищницу Марьи Викентьевны, но неимевшим определенного назначения ни к одной из ее дочерей, был офицер запаса армии Александр Федорович Кашин — мужчина более чем средних лет, с довольно правильными чертами лица медно-красного цвета, с вьющимися каштановыми волосами и на две стороны расчесанной окладистой бородой. Его специальность и средства к жизни были из оригинальных: он был «вечный жених». Сватался он ко многим несколько раз в Петербурге, ездил для этого в Москву, забирался даже в отдаленные провинциальные города, везде умел сделаться женихом засидевшейся в девицах невесты, получить при этом непременно задаток в счет приданого, но почему-то всегда после этого к его и, вероятнее всего, к счастью и его нареченных, свадьбы расстраивались и невесты отказыва-

лись от жениха, поступаясь внесенным задатком. С тою же целью познакомился он несколько лет тому назад и с Боровиковыми; но у них с Марьей Викентьевной произошло то, что весьма метко определяется русской поговоркой: «нашла коса на камень», и он сделался постоянным гостем и другом ее семейства, платясь за это сам и откинув самую мысль о задатке.

Таков был за исключением массы бывавшей молодежи, интимный кружок семейства Боровиковых.

Они занимали небольшую, но довольно приличную квартирку четвертого этажа в пять комнат, в одном из переулков, прилегающих к Знаменской улице.

Туда-то в девятом часу вечера и прибыл, по приглашению Агнессы Михайловны, князь Владимир Александрович Шестов.

Все члены семьи и все друзья дома были в сборе. Князь был ранее знаком со всеми. Ему устроили, весьма польстивший его самолюбию, восторженный прием, не знали где усадить, восхищались его рыцарским поступком с женою, находили, что в штатском платье он

стал еще красивее, если это только возможно. Последнее мнение подала сама Агнесса Михайловна. Князь совсем растаял и развеселился, и напившись чаю, попросил позволение устроить «на радостях возобновления знакомства и для его крепости» загородный пикник, получил общее согласие, приказал своему кучеру съездить за экипажами и повез всех в Аркадию, где заказал роскошный ужин с шампанским и фруктами. Веселье и попойка продолжались до утра. Владимир все время увивался около Агнессы Михайловны, жал ее руки и ощущал ответные пожатия.

Марья Викентьевна еще до катанья сумела под шумок занять у него на неделю сто рублей и устроила так, что Агнессочка укатила вперед вдвоем с князем на его собственных рысаках. С этого вечера князь почти ежедневно стал бывать у Боровиковых, усиленно ухаживая за Зыковой.

Агнесса Михайловна исполнила его просьбу при описанной нами встрече на Невском, и довольно скоро надумалась ему ответить, но, разгадав его натуру, обставляла их свидания всевозможными предосторожностями,

измышляла всевозможные препятствия и опасности, то уверяя его в преследованиях ее мужа, который решил накрыть и убить их обоих, то выражая боязнь, что о их близости узнает ее мать, которую она боится будто бы как огня.

— Она выгонит меня из дома и не пустит к сестрам, а их я обожаю! — патетически восклицала она.

Отуманенный князь всеми силами и средствами старался ее успокоить и с восторгом и непреодолимым волнением ждал с ней свиданий наедине, которыми она его часто не баловала. Она достигла цели, его чувство к ней крепло, вследствие препятствий, ему нравилась таинственная обстановка их свиданий, соединенных с постоянной опасностью, в которую он, по глупости влюбленного, верил.

— Только теперь узнал я настоящую любовь — такую, как наша — любовь, под дулом револьвера! — восторженно восклицал он, заключая ее в свои объятия, во время этих редких свиданий.

Агнесса Михайловна незаметно улыбалась. Она хорошо понимала, что открытое

беспрепятственное обладание ею вскоре бы приелось молодому князю. Она знала себе настоящую цену и увеличивала ее искусной игрой. Окружающие делали вид, что не замечают их отношений. Владимир Васильевич Охотников по прежнему пользовался расположением Агнессы Михайловны, которая уверила князя, что он необходим им для отвода глаз. Шестов верил и даже подружился с ним, и тот успел перехватить у него сотняжку другую, так как в деле займа без отдачи тоже был малый не промах...

Мелкие лепты, как его, так и других друзей дома, в сокровищницу Марьи Викентьевны, в виду появления в семье Боровиковых такого, выражаясь актерским языком, «жирного карася», как князь Владимир, за ненадобностью прекратились, что отразилось на хозяйственном бюджете Анны Александровны, и она была очень довольна.

С своей «первой серьезной любовью», как называл Шестов Агнессу Михайловну, он познакомил и своего единственного оставшегося ему верным старого друга, — князя Виктора Гарина. Тот изредка вместе с ним посещал

семью Боровиковых и даже шутя ухаживал за Зиночкой, к великому неудовольствию Милашевича.

XXVIII
Генерал-баба

Знакомая нам учредительница «театрального кружка» в Москве Анна Аркадьевна Львенко, одетая в роскошное утреннее платье, полулежала на диване в своей гостиной. Эта гостиная была убрана с артистическим беспорядком: на полу лежал великолепный персидский ковер, вокруг стола, покрытого бархатной салфеткой, на котором красовалась изящная фарфоровая лампа, бронзовая спичечница, пепельница и проч., была расположена разнохарактерная мягкая мебель, крытая зеленым трипом, диван, кресло, табуреты, chaises longues. По углам стояли этажерки с книгами и всевозможными objets d'arts. Стоявшее у стены дорогое пианино и висевшие по стенам картины — произведения знаменитых художников, довершали обстановку.

Красивая рука Анны Аркадьевны, украшенная дорогими кольцами, с потухшей папиросой бессильно откинулась на ручку дивана: видно было, что ее обладательница о чем-то задумалась, что-то соображает. Перед ней на столе лежал лист бумаги, сплошь исписанный цифрами. Изящные бронзовые часы, стоящие на камине, показывали половина первого. В передней послышался звонок.

— Иван Павлович Воскресенский! — доложил вошедший лакей.

— Проси, проси! — как бы очнувшись, произнесла Анна Аркадьевна и вновь закурила потухшую папиросу.

В комнату вошел довольно плотный, средних лет господин.

— Царице нашего искусства! — подошел он к ручке хозяйки, и затем, по ее приглашению, уселся в кресло.

— Ох, не говорите, Иван Павлович, — жалобно ответила она, — какая уж я царица, коли без царства осталась. Слышали?

— Как не слыхать, в городе только об этом и говорят, но как все это случилось — разно толкуют?

— Как, как? Интрига и зависть, зависть и интрига — вот начало и конец всего. Сами, чай, знаете, сколько мне стоило содержание театра: жалованье платила баснословное, десятки, какой, сотни тысяч переплатила, а тут перед катастрофой недостало трех, четырех тысяч, ну, я уплату и приостановила, актеры гвалт подняли, но с ними с одними я бы справилась, уломала бы. Вся беда, что пели-то они под чужую дудку: петербургский антрепренер, что сюда несколько месяцев тому назад приехал и все нюхал, и настрой их. Сошелся он, кроме того, с Корном — присяжным поверенным, вешалку у меня он держал, в компании теперь мою труппу держать, Корн последние свои деньги в дело отдал. У Корна-то этого на меня исполнительный лист был в восемь тысяч — ну, сейчас опись театрального имущества сделали. Скандал! Актеры кассу отобрали. Газеты крик подняли. Ох, уж эти мне газеты!

— Да, дело не хвали.

— Что тут хвалить: прекрасное дело в трубу вылетело! Ну, да ничего, может, Бог даст, что-нибудь и устроим. Нашелся тут у меня

компаньон — маленький антрепренерчик — выручил из Корновских когтей. Одно мне больно, как женщине, актерик тут у меня был Валетов, по театру, может знаете, а настоящая-то его фамилия Птицын — из грязи вытащила, служил он, кроме театра, так по службе за него хлопотала, дозволение играть на сцене выхлопотала, жалованье ему хорошее положила — обыгрался с хорошими артистами и стал ничего себе — так и он туда же к петербурскому, да в газетах еще коллективные письма против меня подписывал. Вот она, людская-то благодарность!

— Да, теперь ее — благодарность-то, днем с огнем не найдешь! — задумчиво промолвил гость.

— Ну, да что о мне-то все толковать. Как вы поживаете, давно я вас у себя не видала. Спасибо, что вспомнили — навестили.

— Я-то живу по прежнему, наша служба однообразная — описи да продажи, продажи да описи, а нынче дело это стало самое трудное, потому что из десяти человек у девяти ничего не найдешь. Я и к вам по дельцу — по маленькому.

— Вот как? по какому же?

Гость при этом расстегнул сюртук, чтобы вынуть что-то из бокового кармана и обнаружил висевший у него на шее знак судебного пристава.

— Вот, — проговорил он, вынимая из кармана бумагу, — маленькое взысканьице с вас, по претензии купца Панкратова.

— А, знаю, знаю: сейчас, милейший Иван Павлович, я вернусь к вам и мы это дело уладим, — и хозяйка, быстро встав с дивана, исчезла за портьерой.

«Говорил я Панкратову, что в лучшем виде один все дело обделаю и деньги получу — так и вышло. Не такая женщина Анна Аркадьевна, чтобы на скандал идти: права она, что из зависти и интриги только чернят ее», — думал гость, поджидая хозяйку.

Время шло: часы на камине пробили половину второго, потом два. Со времени ухода Анны Аркадьевны прошло полтора часа. В передней раздался сильный звонок. Иван Павлович, уже давно нетерпеливо расхаживавший по гостиной, вышел в зал и добрался до передней.

Там на прилавке дремал лакей.

— Послушай, любезный, — обратился он к нему, — доложи Анне Аркадьевне, что я ее дожидаюсь.

— Да их дома нет-с, — флегматично отвечал тот.

— Как так, разве она недавно уехала?

— Не могу знать-с. Барин вот только что сейчас приехали.

— Ну, доложи обо мне хоть ему.

Лакей пошел в кабинет и выйдя через несколько минут, произнес лаконическое: просят.

Иван Павлович вступил в комфортабельный кабинет мужа Анны Аркадьевны — Якова Осиповича. После обычных приветствий, он молча подал ему повестку. Левенберг мельком взглянул на нее, повертел в руках и возвращая назад, произнес:

— Это относится не до меня, а до моей жены, а она в Петербурге.

— Помилуйте! — вскрикнул Иван Павлович. — Да я только сейчас имел удовольствие с ней беседовать.

— Уверяю вас, что она в Петербурге, — вну-

шительно произнес супруг. — Вы вероятно ошиблись.

Иван Павлович остолбенел.

— Ну, генерал-баба! — ворчал он про себя, через несколько минут, надевая в передней пальто.

Хотя прозвище «генерал-бабы» совершенно подходило к Анне Аркадьевне, но, увы, за последнее время ей самой приходилось плохо. Сцены с судебными приставами, хотя и не подобные рассказанной нами, происходили чуть не ежедневно. Адам Федорович Корн вел уже с год против Львенко подпольную интригу. Он не только сам предложил ей те восемь тысяч, о которых она упомянула в разговоре с Воскресенским, но скупил и другие претензии на нее, в том числе и претензию Гиршфельда, по закладной на театральное имущество. Заручившись согласием главных персонажей труппы продолжать дело под его руководством, он вступил в открытую борьбу с запутавшейся в долгах Анной Аркадьевной и конечно вышел победителем.

«Маленький антрепренерчик», на которого, как мы видели, возлагала она надежды, не

только ни мало не поправил ее дел, но, напротив, сам обобрал ее в конец и скрылся. Крах предприятия был, таким образом, полный, и Львенко осталась буквально без гроша, с дефицитом на десятки тысяч рублей.

Усердной помощницей Корна в этой борьбе за обладание «первым свободным театром в России» была Александра Яковлевна Пальм-Швейцарская. Она интриговала между артистами против Анны Аркадьевны, которой, несмотря на приятельские к ней отношения за последнее время, не могла забыть и простить первого отказа от знакомства Матвей Иванович Писателев, находившийся всецело под влиянием Пальм-Швейцарской, расставшийся даже незадолго перед этим из-за нее с своей женой и сыном, был, конечно, тоже за Корна, переманив на сторону последнего и Васильева-Рыбака. Главные воротилы всего дела отшатнулись от Анны Аркадьевны — этим одним был заранее подписан ее приговор. Жена Матвея Ивановича — Полина Андреевна Стрешнева, после целого ряда сцен ревности, в половине последнего сезона вышла из состава труппы кружка и уехала в Пе-

тербург, где была вскоре принята на казенную сцену Александра Яковлевна одерживала таким образом победу за победой.

Это была ее театральная деятельность. На ряду с ней она продолжала вести прежнюю игру с Гиршфельдом и Гариным. Первый уже почти свыкся со своею ролью ее «кассира по неволе» и даже перестал мечтать о получении от нее какой-либо благодарности. Не то было с Виктором Гариным. Он выбивался из сил заслужить обещанное возвращение ее прежнего чувства к нему. Раза по два в месяц являлся он в Москву, подносил подарки, устраивал пикники, тратя на все это безумные куши, Бог весть где и на каких условиях, добываемых им денег, и сам своими собственными руками рыл ту пропасть, в которую мстительная женщина готовилась хладнокровно столкнуть его. Даже по наружности он стал совершенно иной, страшно похудел, глаза приобрели какой-то горячечный блеск, — все это указывало на переносимую им страшную нравственную пытку. Он производил впечатление человека, живущего на вулкане и ежеминутно ожидающего взрыва.

Момент взрыва и на самом деле был близок.

XXIX
Подлог

Вернувшись из последней своей поездки в Москву, князь Виктор заметил, что на половине его родителей творится что-то не ладное. Когда он, по обыкновению, хотел зайти поздороваться с матерью, его не допустили до нее.

Камеристка княгини коротко объяснила его камердинеру, что ее сиятельство в настоящее время не расположены принять молодого князя. Отца его не было в Петербурге — он накануне приезда сына быстро и неожиданно уехал в Москву.

Князь Виктор понял, что это начало конца, он вспомнил, что сроки уже вторично переписанных векселей на полтораста тысяч, подписанных им по доверенности отца, истекли. Приближались платежи и по другим выданным им обязательствам, а денег в его распоряжении было всего каких-нибудь тысячи две

рублей, которыми нечего было думать даже уплатить проценты. Он хотел обратиться за деньгами к отцу, у которого не брал давно; с этою мыслью ехал из Москвы, и вдруг оказалось, что поздно, что все вероятно уже открыто и его ждет бурное объяснение с князем Василием, а может и нечто худшее. В этих размышлениях Виктор не обратил внимания на лежавшую на письменном столе корреспонденцию. Он заметил ее только после поданного ему на его половину завтрака, до которого, кстати сказать, и не дотронулся. В числе писем оказался большой казенный пакет. Князь распечатал его, взглянул и остолбенел. Это был приказ, по которому корнет князь Виктор Васильевич Гарин увольнялся в отставку по прошению, вследствие расстроенного здоровья. Такого прошения князь никогда не подавал.

По быстроте, с какой состоялся этот приказ, не трудно было угадать влиятельную руку князя Василия, вероятно спасшего сына от увольнения в отставку без прошения. Так понял и Виктор, и это смутило его еще более.

«Значит, — думал он, — произошла полная

огласка его подвигов за последний год; если отец мог избрать только такой крайний путь для спасения его от позора, да и не его лично, а своего имени, значит пощады от отца ему ждать нечего — надо приготовиться ко всему».

Виктор большими шагами стал ходить по своему роскошному кабинету, затем подошел к письменному столу, отпер один из ящиков и, достав довольно объемистый футляр синего бархата, открыл его. В нем был прекрасно сделанный портрет Пальм-Швейцарской, в том самом костюме, в котором он увидал ее в первый раз на сцене в пьесе «На хуторе». Александра Яковлевна, в редкие минуты баловства ею молодого князя Гарина, снялась исключительно для него и подарила ему этот портрет.

Князь долго, пристально смотрел на него.

«Для тебя, божество мое, принес я все эти жертвы, принесу, если понадобится, еще большие, отдам самую жизнь. Найдешь ли ты, что теперь я хотя частью искупил свою вину перед тобой, подаришь ли хоть ласковым словом, когда я явлюсь к тебе, быть мо-

жет, изгнанный из родной семьи, покинутый всеми, одинокий, бездомный!..»

Виктор глубоко вздохнул и почти набожно поцеловал портрет. Бережно запер он его снова в стол, тряхнул головой, как бы желая прогнать печальные мысли, и на самом деле почти успокоился, смело, с каким-то озлоблением отчаяния стал глядеть в свое непроглядное будущее.

«Я выскажу в глаза отцу всю горькую правду, она будет отомщена моей погибелью».

Эта мысль понравилась пылкому юноше.

«Долой, скорей долой этот мундир, надетый клятвопреступником, над ним тяготеет проклятие, он приносит мне одни несчастья!..»

Князь сбросил с себя форменную тужурку и позвонил. Явившемуся камердинеру он приказал подать себе халат, разделся и облекся в него.

— Все форменное платье, все офицерские вещи, дарю тебе, очисти моментально от них гардероб. Слышишь, моментально.

Камердинер вытаращил на князя глаза.

— Разве ваше сиятельство, изволили вый-

ти в отставку?

— Да, — односложно ответил князь, но таким тоном, который не мог никому придать дальнейшей охоты расспрашивать его сиятельство.

— Слушаю-с, благодарю вас! — ответил слуга.

— Съезди, кроме того, сейчас же к Тедески и чтобы через полчаса у меня был его главный закройщик, я хочу заказать себе штатское платье.

Камердинер вышел. Виктор снова заходил по кабинету, рисуя себе предстоящее объяснение с отцом, придумывая положения, сцены, предугадывая вопросы и готовя ответы.

Приехавшему портному князь заказал платье, приказав изготовить самую необходимую часть его в наикратчайший срок. Прошло два дня. Платье было доставлено, но Виктор не выходил из дому и ждал призыва пред родительские очи. Князь Василий еще не возвращался. Княгиня Зоя Александровна не пускала к себе на глаза сына, следуя точному приказанию уехавшего мужа. Она давно замечала страшную перемену в своем любим-

це; знала его ухаживания за какой-то московской актрисой Пальм-Швейцарской, смотрела на это ухаживанье сквозь пальцы, считая это увлечение со стороны сына обычною данью молодости, не подозревая ничего серьезного и, конечно, не имея ни малейшего понятия о том, кто эта Пальм-Швейцарская. За последнее время князь и она даже задумали женить сына на дочери одного железнодорожного и банкового скороспело-сановного туза — некрасивой, уже немолодой девушке, разборчивой невесте, которая оказалась не прочь за миллион чистыми деньгами купить себе в мужья русского князя и княжеским титулом прикрыть свое происхождение из города Шклова. Княгиня исподволь в разговоре с сыном выражала свое желание видеть его женатым. Виктор, полусерьезно и полушутливо, уверял ее, что это и его пламенное желание и он скоро надеется представить ей будущую молодую княгиню Гарину.

Когда он зашел с ней проститься перед последней своей поездкой в Москву, княгиня, уже заранее посоветовавшись с мужем, решилась серьезно поговорить с Виктором о его

браке с Раечкой, так звала она приготовляемую ему невесту с миллионным приданым — Раису Григорьевну Ляхову. Какими путями отец последней, бывший Гершка, а ныне Григорий, добыл себе такую совсем не еврейскую фамилию, оставалось тайной для всех.

— Опять туда! — укоризненно покачала головой княгиня, когда Виктор сообщил ей, что едет на недельку в Москву.

— Опять, maman, опять, там сильнейший магнит... — пошутил сын.

— Пора бы бросить этот магнит, ты уж не мальчик, пора подумать об устройстве своего собственного дома.

— Думаю, maman, думаю... — нетерпеливо взглянул он на часы.

До курьерского поезда оставалось только два часа, а ему надо было заехать еще в несколько мест, по поручениям Александры Яковлевны.

— Не в том ли выражается твоя дума, что ты связался в Москве с какой-то актрисой, presque avec une cocotte, j'ai entendu.

— Maman, — вспыхнул Виктор: — не продолжайте, ни одним словом не смейте касать-

ся незапятнанной репутации этой несчастной девушки...

— Tu es fou, ты сумасшедший, незапятнанная репутация у актрисы c'est seulèvent drôle.

Княгиня засмеялась.

— На этот путь толкнул ее один негодяй, по приказанию своих родителей, не смеяться, а плакать должны были бы вы...

— Я?.. — недоумевающим тоном, спросила она, окидывая взволнованного Виктора беспокойным взглядом.

Он вскочил с кресла и нервно заходил по комнате.

— Да, вы! — остановился он через мгновенье перед матерью, — так как этот негодяй — я, а эти родители вы и мой отец.

— Так она?..

Княгиня остановилась.

— Она — Александра, Александра Яковлевна Гаринова! — твердо отчеканил князь.

Зоя Александровна остолбенела.

— Не ее ли ты собираешься представить мне в качестве дочери? — задыхающимся от злобы голосом проговорила она.

— О, это был бы счастливейший день в мо-

ей жизни, — с отчаянием воскликнул Виктор: — но она пока отказывается от этой чести...

— Она... отказывается... — медленно проговорила княгиня. — Поди вон! Ты мне не сын... — с трудом добавила она.

Виктор было подошел к ее руке, но она отняла ее.

Он вышел и спокойно уехал в Москву.

Гарин знал свою мать, он был уверен в ее любви к нему и не полагал, что эта размолвка могла стать серьезной, а потому отказ ее принять его после возвращения из Москвы поразил его, и он не мог иначе истолковать его, как влиянием отца, в чем и не ошибался.

Ошеломленная переданным ей сыном известием о его любви к той женщине, от которой она его, казалось, так искусно устранила, княгиня решила сообщить завтра же все мужу и вместе с ним придумать способ спасти своего любимца из рук этой злодейки. На другой день ее ожидал новый сюрприз. Князь Василий, которого она только что думала пригласить к себе для переговоров, бледный, расстроенный явился в ее кабинет.

— Вот ваше баловство, дождались! — заявил он, непривычно возвышая голос и потрясая сплошь исписанным листом почтовой бумаги.

— Что ты хочешь этим сказать? — уставилась на него княгиня.

Князь сообщил ей, что им сейчас получено из Москвы письмо, и показал ей его, в котором некто Андрей Матвеевич Вурцель уведомлял его, что у него в конторе имеются векселя его сына князя Виктора Гарина на сто пятьдесят тысяч рублей, подписанные им по доверенности отца и, кроме того, он, Вурцель, оберегая честь имени князей Гариных, скупил остальные обязательства князя Виктора у московских и петербургских ростовщиков, тоже на сумму более ста тысяч рублей. Сроки всем этим обязательствам истекают на днях и потому он приглашает князя уплатить по ним, грозя в противном случае предъявить их к протесту и взысканию, так как, сколько ему известно, доверенности у князя Виктора кредитоваться от имени отца никогда не бывало и дело это носит уголовный характер.

— Это она, это все она!.. — воскликнула Зоя

Александровна, в изнеможении откидываясь на спинку кресла.

— Кто она? — вопросительно посмотрел на нее князь Василий.

— Александрина.

— Ты бредишь?

— Нет, далеко нет, не далее как вчера, он рассказал мне все.

Она передала мужу ее вчерашний разговор с сыном.

— Теперь я понимаю! — щелкнул князь ногтем. — Надо принять меры. Я соберу деньги и уплачу, хотя мне это будет очень трудно, но, или он женится на Ляховой, или я выгоню его из дома...

Зоя Александровна кинула на мужа умоляющий взгляд.

— Временно, но выгоню... — смягчился князь. — Если он явится в мое отсутствие, вы не должны принимать его, слышите?

— Слышу!

— Если вы не исполните, то будет хуже для него, — сделал он угрожающий жест.

Княгиня покорно опустила голову.

— Я должен сообщить вам еще худшее: его

едва не выгнали из полка, я насилу спас, упросив командира уволить его по прошению, которого он не подавал, сказав ему, что я добуду на это согласие министра.

— За что? — простонала Зоя Александровна.

— Он подделал бланк своего товарища графа Потоцкого на вексель в десять тысяч рублей. Тот заплатил, но сообщил об этом командиру и офицерам. Полковник был сейчас у меня. Я отдал ему для передачи Потоцкому десять тысяч и умолял не доводить дело до офицерского суда. Сейчас поеду хлопотать у военного министра. Он, надеюсь, пожалеет мои седины, не допустить опозорить мое имя…

В голосе князя послышались слезы. Княгиня была бледна как полотно и еле сидела в кресле.

— Теперь, более чем когда либо, надо устроить скорее брак Софи с Путиловым, иначе, отдав почти триста тысяч, мы нищие, — сказал князь Василий, после некоторой паузы.

— Софи согласна, Путилов бывает часто. Я думаю, что это устроится. Время ли только те-

перь думать о свадьбе при таком несчастьи?

Зоя Александровна глубоко вздохнула.

— О делах, матушка, думать всегда время, — заметил князь Василий. — На княгиню Анну надежда плоха, она, кажется, не расположена помогать нам, с ней мы сыграли в пустую, а может быть мы устроим и сразу две свадьбы, Софи с Путиловым и Виктора и Ляховой.

XXX

Ловля жениха

— Его сиятельство князь Василий Васильевич просит пожаловать ваше сиятельство к себе, — доложил камердинер старого князя, входя в кабинет Виктора.

— Сейчас! — встрепенулся последний и невольная робость овладела им.

Все предположенные на досуге вопросы и ответы вылетели из головы, наступивший момент объяснения, хотя и далеко не неожиданный, заставил сильно забиться его сердце. Нервною походкою отправился он на половину старого князя и как-то невольно замедлил

шаги перед дверью отцовского кабинета. Он нажал ручку двери, она медленно отворилась, он вошел.

Князь Василий сидел у письменного стола и, казалось, не заметил появления сына. Тот остановился у дверей и тихо кашлянул. Князь Василий обернулся.

— Это вы? Добро пожаловать! — сказал он голосом, в котором слышались металлические ноты.

Виктор подошел ближе к отцу.

— Вам, надеюсь, знакомы эти документы? — подал тот ему пачку векселей. — Возьмите и просмотрите, все ли тут? Чего вы боитесь? Надо было бояться выдавать их, — продолжал он, видя, что сын, совершенно растерявшись, стоит опустя руки.

Виктор, услыхав упрек в трусости, встрепенулся, взял документы и стал их просматривать.

— Все! — сухим голосом сказал он через несколько минут.

— Я вас поправлю, есть еще один, который погубил вашу военную карьеру. По нему заплатил граф Потоцкий, а ему я, — подал князь

Василий сыну вексель в десять тысяч рублей с подложным бланком графа. Виктор взял его, подержал почти бессознательно в руках и возвратил отцу.

— Что же вы, князь, на все это скажете? — уставился на него отец.

Виктор молчал.

— Я жду, хотя понимаю, что таким поступкам, марающим честь и доброе имя, нет оправдания.

Сын вспыхнул.

— Ошибаетесь, отец мой, у меня есть оправдание, но оно вместе с тем и ваше обвинение, я истратил все эти деньги на девушку, которую вы лишили состояния и крова, а я чести и доброго имени, сто тысяч рублей, завещанных словесно на одре смерти моим дядей, князем Иваном, его побочной дочери Александре Яковлевне Гариновой, она получила сполна. Остальное пошло также на нее и явилось лишь небольшим вознаграждением за то унижение, которое она терпела в доме ее ближайших родственников, в нашем доме.

Такой ответ не был, после разговора с кня-

гиней, неожиданным для князя, и он только несколько раз во время монолога сына щелкнул ногтем.

— Хорошо-с, может быть все то, что рассказала вам эта госпожа, и правда, но считаете ли вы теперь ее удовлетворенной и ваши обязательства относительно нее конченными? — ровным голосом спросил князь Василий.

— Никогда! — воскликнул Виктор. — Мои обязательства относительно нее могут кончиться только с моей смертью.

— Вы говорите серьезно?

— Совершенно!

— Подумайте. Я предлагаю вам мое полное прощение, восстановление вашего положения в обществе, с непременным условием вашего брака с Раисой Григорьевной Ляховой.

— С жидовкой, — презрительной прошептал Виктор.

— С дочерью действительного статского советника, — поправил князь Василий.

— Никогда!

— Я дам вам время на размышление…

— Мне его не надо, знайте, что кроме Александры Яковлевны Гариновой, если только

она наконец согласится, я никогда никого не поведу в алтарю. Даю в этом честное слово князя Гарина.

— В таком случае я попрошу вас выехать немедленно из моего дома, забыть, что у вас есть отец и мать... Я вас проклинаю!.. — хриплым голосом закричал князь Василий, вскакивая с кресла и указывая сыну на дверь:

— Подите вон!

Князь Виктор быстро вышел, еле сдерживая готовые хлынуть из глаз слезы, пережитого волнения. Часа через два он снова был потребован в кабинет отца.

— Вы не передумали? — обратился к нему последний.

— Нет! — твердо ответил он.

— В таком случае я призвал вас для того, чтобы сообщить вам, что за уплатой ваших долгов, никакого личного имущества у вас не осталось, но я с своей стороны сделал распоряжение в контору о выдаче вам ежемесячно двухсот рублей. В контору вы соблаговолите сообщить ваш будущий адрес.

Князь Василий остановился. Виктор молчал.

— Вы мне больше не нужны, — произнес князь Василий, после некоторой паузы, и отвернулся, занявшись какой-то бумагой.

Сын вышел. В этот же день, холодно простившись с матерью и сестрою, он уехал в Москву.

— Поверьте, князь, я умею ценить людей, приносящих для меня жертвы и идущих из-за меня на преступления, — подарила его Пальм-Швейцарская ласковой улыбкой, когда он рассказал ей все происшедшее с ним в родительском доме, и протянула ему руку.

Он припал к ней горячим поцелуем. Она долго не отнимала ее. В ее сердце закралась было жалость к этому гибнущему из-за нее юноше, но она переломила себя. Враждебное чувство к роду Гариных с новой силой проснулось в побочной дочери князя Ивана.

Николай Леопольдович Гиршфельд с распростертыми объятиями встретил Виктора и предложил ему помещение в своем доме.

— О плате и не заикайтесь, вы мой гость на неопределенный срок; если мне понадобится, вы не откажетесь оказать и мне какую-нибудь услугу.

Виктор принял это любезное приглашение. Гиршфельд действовал под влиянием Александры Яковлевны.

— Не упускайте его из виду, он мне еще нужен, — сказала она.

Николай Леопольдович, впрочем, и сам рассчитывал извлечь из этого современного «блудного сына» сановных родителей известную долю пользы. Он, как мы увидим далее, не ошибся: князь Виктор Гарин стал одним из его преданных клевретов.

Изгнание сына не внесло почти никакого изменения в строй жизни семейства Гариных. Княгиня Зоя Александровна, получив от мужа отчет о последней беседе его с сыном и о положительном отказе его вступить в желательный для них брак с миллионершей Ляховой, стала усиленно, по требованию князя, хлопотать о браке ее старшей дочери Софи с Сергеем Николаевичем Путиловым.

Сергей Николаевич был сын богатого купца, бывшего крестьянина Пензенской губернии, Николая Никандровича Путилова. Его отец вел обширную внутреннюю и заграничную торговлю хлебом, и был царьком петер-

бургского хлебного берега. Умный старик не препятствовал желанию сына идти по ученой части, хотя сам обучался на медные деньги, и Сергей Николаевич кончил одним из первых кандидатов математический факультет петербургского университета. Богатый, образованный юноша естественно вырывался из своей среды и, случайно сойдясь с князем Виктором Гариным, попал в дом его родителей, а через них в другие дома великосветского Петербурга. За последнее время этот заколдованный круг значительно разомкнулся и доступ в него не только образованным, но даже просто шлифованным плутократам, стал сравнительно легок. Николай Никандрович и сам вращался среди сановников и аристократов, заседая с ними в многочисленных благотворительных учреждениях и комитетах. Считая своего единственного сына за человека серьезного и теперь даже дельного советника по торговым делам, он спокойно оставлял его баловаться по фешенебельным гостиным, вполне уверенный, что его миллионное дело перейдет после его смерти в надежные и не только опытные, но и образованные руки.

Торговые поручения отца, блистательно исполненные Сергеем Николаевичем в Англии, Франции и Германии, твердо убедили его в этом мнении.

— А если и женится там на какой-нибудь голой княжне или графине, пусть. Нам за приданым не гнаться стать. Сами капитал десятками миллионов считаем, — говорил Николай Никандрович лицам, выражавшим опасение, что Сергей Николаевич срубит себе дерево не по плечу.

— Да, его тоже не проведешь, очень он у меня умен! — добавлял счастливый отец.

Мать Сергея Николаевича, Домна Семеновна, уже совсем простая, «не полированная», как называл ее муж, женщина, чуть не молилась на своего Сережу.

— Заморская, кажись, принцесса и та ему не под пару, — рассуждала она среди своих многочисленных приживалок.

Этого-то Путилова и наметили в мужья своей старшей дочери Софьи князь и княгиня Гарины.

Княжна Софья Васильевна была худенькая, болезненная, невзрачная блондинка, по-

слушная, безответная, недалекая по уму, но с добрым сердцем. Бй шел уже двадцать пятый год — она, что называется засиделась. Надо, впрочем, сказать, что и ранее на ее руку являлось мало претендентов, а если и были таковые, то они метили на приданое, что далеко не входило в расчеты ее родителей — этих только кажущихся богачей.

— Софи, надо же, наконец, кончить с Путиловым, — сказала княгиня Зоя своей дочери через несколько дней после отъезда сына.

— То есть как кончить, maman, я не понимаю?

— Пора бы понимать, не маленькая…

Софи вспыхнула.

— Или он должен сделать предложение, или же прекратить свои посещения, он, наконец, тебя компрометирует…

Путилов, в самом деле, часто бывал у Гариных и по целым часам беседовал по душе с Софи, которая ему нравилась как терпеливая слушательница, высказывавшая по простоте своей души часто, сама не замечая того, весьма дельные мысли. Сергей Николаевич чувствовал к ней слабость говоруна — он был им,

несмотря на свою серьезность. Никакого другого чувства он не испытывал к этой доброй, но некрасивой девушке.

— Что же мне делать, maman? — покорно спросила Софи.

— Что делать, что делать? Всему учить надо. Пококетничать, полюбезничать с ним, позволить поцеловать руку, себя…

— Себя? — вспыхнула Софи.

— Ну да, себя, не растаешь, а там мое дело… — рассердилась княгиня.

— Я попробую… — прошептала дочь.

Совершенно случайно намеченный Зоей Александровной план был выполнен со стороны Софи блистательно. Сергей Николаевич явился как-то после завтрака, au bon courage. Княгиня оставила их с Софи в гостиной. Последняя хотя и не умело, но стала с ним кокетничать. Путилов разнежился, стал целовать ее руки, взял за талию. Софи склонила ему голову на плечо. В дверях появилась княгиня Зоя. Сергей Николаевич быстро отскочил от княжны.

— Ничего, ничего, я давно уже вас люблю как сына, — обняла его Зоя Александровна.

Хмель выскочил из головы Путилова. Он понял, что участь его решена и что надо сделать предложение. Он его и сделал. Мать и дочь выразили согласие. Жениха оставили обедать. Возвратившийся домой князь Василий отечески заключил его в объятия и облобызал. За обедом было подано шампанское и выпито за здоровье жениха и невесты. В этот же вечер Сергей Николаевич сообщил своему отцу о сделанном им предложении и о полученном согласии, умолчав, конечно, об обстановке.

— Что же, с Богом, дело хорошее, фамилия известная, сам истинный вельможа, а какова она — тебе знать, не мне ведь жить с ней... — отвечал Николай Никандрович.

На другой день князь Василий Васильевич первый сделал визит будущему свекру своей дочери и пригласил на завтра к себе на обед, как его, так и его супругу.

— Телом-то жидка больно, Сереженька, да и неказиста! — выразила свое мнение, по возвращении с обеда, Домна Семеновна о своей будущей невестке, любовно глядя на сына.

Тот поморщился от этого замечания.

Через месяц была сыграна скромная, интимная свадьба.

Таково было желание князя Василия и жениха. Тотчас же после венца молодые уехали заграницу. Василий Васильевич успел занять у старика Путилова довольно круглую сумму.

XXXI
Еще жертва

В то время, когда в Петербурге происходили описанные в предыдущих главах события, жизнь наших московских героев шла своим чередом. Дела Николая Леопольдовича Гиршфельда, как одного из московских светил адвокатского мира — так, по крайней мере, чуть не в каждом номере называла его «петуховская газета», были блистательны. По городу то и дело ходили слухи о получении им крупных кушей гонорара, возбуждая зависть начинающих, или же неудачных «софистов XIX века», были ли эти слухи хотя на половину правдивы, или же пускались клевретами и многочисленными агентами Николая Леопольдовича — это было покрыто мраком

неизвестности. Смело можно было утверждать лишь одно, что там, где можно было сорвать куш, Гиршфельд не зевал и не давал промаха. С этим были согласны, как сторонники Николая Леопольдовича, так и его антагонисты. В пример приводили следующий бывший в его адвокатской практике факт: ямщики московской Ямской слободы обратились к нему с просьбой принять на себя хлопоты по сложению с них накопившейся за много лет недоимки, образовавшей очень солидную сумму. Николай Леопольдович очень ловко заключил с ними условие об уплате ему гонорара в десять тысяч рублей, «в случае если недоимка окажется сложенной», отправился в канцелярию городской думы, и там узнал, что недоимка эта уже сложена с них несколько месяцев тому назад, взял копию с постановления думы и, по смыслу условия, получил десять тысяч. Прибавляли, что Гиршфельд ранее заключения условия знал о положении дела о недоимке, состоя, как московский домовладелец, гласным думы. Несмотря, впрочем, на такое легкое срывание значительных кушей, положение его дел вообще и

состояние его духа в описываемое нами время было из незавидных.

Понятие «о незавидном» положении дел, было, конечно, относительно. Другой, менее алчный, чем Николай Леопольдович, сохраненное им до сих пор, за выдачею Петухову, Сироткиной и за постоянными громадными тратами на Пальм-Швейцарскую, состояние считал бы богатством и благословлял бы свою судьбу, но Гиршфельд воображал себя обобранным и разоренным, прикидывая в уме, сколько бы было у его, если бы не явились в его кассу непрошенные загребистые лапы. Несмотря на то, что к чести Петухова и Сироткиной надо сказать, что они не беспокоили более Николая Леопольдовича денежными требованиями, он все же время от времени предавался сожалению об отданных им кушах. Ему хотелось, кроме того, чтобы все эти его подневольные траты пали на счет его доверителя, князя Владимира Шестова, и чтобы из его состояния осталась бы и ему львиная доля. Этого, после последовавшей выдачи полумиллиона княгине Анне, и при продолжающихся усиленных и прогрессивно увели-

чивающихся требованиях громадных сумм самим князем Владимиром, легко устроить не предвиделось, хотя молодой князь до сих пор беспрекословно подписывал не читая всевозможные акты и расписки по указанию Гиршфельда. Юридически последний мог бы, конечно, в неделю обставить дело так, что иголочки не подточишь, но князь при уменьшении, выдач мог поднять скандал и произошла бы огласка, чего пуще огня боялся Николай Леопольдович.

«Надо устроить все келейно, мирком да ладком!» — мечтал он в тиши своего кабинета.

«Как?» — восставал в его уме вопрос.

Обдумыванием его то и был занят за последнее время Гиршфельд.

План уже начал было слагаться в его изобретательной в этом смысле голове, когда одно обстоятельство заставило отложить не только приведение его в исполнение, но даже отделку деталей в долгий ящик. Флегонт Никитич Сироткин, как будто бы дожидался только видеть своего сына в возможном для него почетном положении, и недели через две по-

сле того, как Иван Флегонтович сделался адвокатом, а жена его артисткой лучшего театра в Москве, слег в постель и отдал Богу душу. Причиною его смерти была сильная простуда, схваченная им при поездке с Николаем Ильичем Петуховым на рыбную ловлю в прорубях. Старик, впрочем, до самой смерти своей не верил в свою простудную болезнь.

— Пустое, просто смерть пришла, и где тут у вас простудиться, ишь невидаль морозы, мы в тайге на снегу спали, а мороз бывало градусов под пятьдесят, а то и ровно, а тут что, тьфу, а не морозы!

После старика остался капитал в двадцать тысяч рублей, и завещание, по которому все он оставлял своим внучатам.

После похорон отца с Иваном Флегонтовичем случился первый запой, который и стал повторяться через весьма короткие промежутки. Прежде он любил выпить в компании, но был, по-русской пословице, «пьян да умен, два угодья в нем», теперь же он забросил адвокатуру и пил почти без просыпу. Несчастная Стеша натерпелась от него много горя. Вечно пьяный муж требовал постоянно водки

или денег на нее, лез в драку в случае отказа, а иногда прямо колотил ее, без всякой видимой причины, а просто по пьяной фантазии. Она только и отдыхала у Николая Леопольдовича, к которому почти искренно привязалась, и он платил ей, на сколько это было в его натуре, взаимностью. Ему жаловалась она на зверское обращение с ней мужа, и он как мог старался ее утешить.

— Хоть бы он сгинул поскорей и меня освободил! — стала наконец зачастую восклицать выведенная из терпения Стефания Павловна.

— И сгинет, долго не протянет при таком пьянстве, — уверял ее Николай Леопольдович.

Вскоре, впрочем, ему пришлось вместе с нею искренно разделять это желание. Несмотря на принятые со стороны Гиршфельда предосторожности не пускать пьяного Сироткина в его дом, он однажды, по недосмотру прислуги, с заднего крыльца забрался в кабинет к Николаю Леопольдовичу.

К счастью, тот был один.

— Не пускать... меня не пускать... — заплетающимся языком начал кричать Иван Фле-

гонтович, — адвокат, важная птица, подумаешь.

Он тыкал в Гиршфельда пальцем.

— А хочешь... я тебя сдуну, возьму и сдуну, от жены на тебя бумагу получу и сдуну... Пойдешь ты у меня соболей ловить... То-то, а ты... не пускать, меня не пускать!.. А травить людей умеешь?

Он погрозил ему пальцем, приняв возможно величественную в его положении позу.

Николай Леопольдович, услыхав этот страшный для него пьяный бред, побледнел, как мертвец, и еле удержался на ногах. Он призвал на помощь все свое самообладание, постарался всеми силами успокоить непрошенного гостя, сам вывел его от себя и, усадив его на извозчика, отправил домой.

— То-то, уважай! — повторил ему несколько раз Иван Флегонтович, когда он сводил его под руку с лестницы и усаживал на извозчика.

Вернувшись домой, Гиршфельд тотчас же распорядился послать за Стефанией Павловной, написав ей коротенькую записку. Она вскоре явилась. Он усадил ее на диван и дро-

жащим от волнения голосом передал ей только что устроенную ее мужем сцену.

— Зачем же ты, Стеша, солгала мне тогда, что он ничего не знает?

— Не хотела причинять тебе лишнего беспокойства, в трезвом виде, да бывало и выпив — он могила, кто же знал, что с ним стрясется такая беда.

— Как хочешь, Стеша, ангел мой, ты меня спаси! — со слезами на глазах упал перед не он на колени.

— Да как же я тебя спасу, милый мой? — с искренним сожалением воскликнула она. — Бумагу отдать, так ведь этим ему рот не завяжу...

Гиршфельд так растерялся, что даже не воспользовался предложением Стеши возвратить ему подлинную исповедь, и продолжал глядеть на нее умоляющим взглядом.

— О, хоть бы он сгинул! — прошептала Стеша.

— И пусть сгинет, пусть сгинет, — ухватился он за эту мысль, — дорогая, неоцененная моя, пусть сгинет.

— Да ведь без Божьей воли ничего не слу-

чится… — развела она руками.

— Можно, Стеша, я тебе дам, подлей… несколько капель… — хриплым, прерывающимся шепотом начал он.

— Не говори, не продолжай! — вскочила с дивана и как-то дико вскрикнула она. — Мне и так последние ночи все снится княжна Маргарита.

Он упал головой на подушки дивана и зарыдал. Успокоившись немного, она подошла, села снова на диван около его головы и молча дала ему выплакаться. Наконец, он вскочил на ноги, вытер глаза и несколько раз прошелся по кабинету.

— Хорошо! — остановился он перед ней. — Скажи мне откровенно, ты была бы довольна, если бы он умер?

— То есть как? — уставилась она боязливо на него.

— Ну, например, утонул что-ли…

— Сам?

— Сам не сам, но… как будто сам…

Стеша молчала.

— Пойми, Стеша, что тут нужно выбирать между мной и им, если он до послезавтраш-

него утра будет жив, я пущу себе пулю в лоб...

Стеша вздрогнула. В его голосе звучала правда.

— Отвечай же?

— Делай, как знаешь! — махнула она рукой. — Но, а если ты попадешься? — добавила она шепотом.

— Я тут не причем. Это будет случайность... Только слушай! Где он теперь?

— Дома, спит... Я его уложила и поехала к тебе.

— Задержи его завтра до двенадцати часов, а к двенадцати за ним заедут.

— Кто?

— Князев и Гарин.

Стеша колебалась.

— Неужели нельзя обойтись без этого? — робко задала она вопрос.

— Нет, или он, или я... Помни, Стеша! Согласна?

— Хорошо! — чуть слышно отвечала она.

— Так поезжай же, моя прелесть! — обнял он ее и крепко поцеловал.

Стефания Павловна уехала.

Александр Алексеевич Князев, фамилию

которого упомянул Гиршфельд при разговоре с Сироткиной, был один *жз* преданнейших клевретов Николая Леопольдовича. Это был высокий, полный, атлетически сложенный блондин, с редкими волосами на голове, но за то густыми, длинными усами. Он когда-то служил в военной службе, прокутил до нитки отцовское достояние, вышел в отставку и с тех пор не имел определенных занятий, питаясь перед встречей с Николаем Леопольдовичем писанием разного рода просьб темному люду, для чего и бродил около Иверских ворот и слонялся по коридору окружного суда, не брезгуя и прошением милостыни pour le panvre officier... Гиршфельд, умевший различать людей, с год уж как пригрел его, поставил на приличную ногу, отвел ему комнату в своем доме и даже платил жалованье, хотя не давал ему почти никакого занятия, кроме редкой переписки бумаг. Он берег его для экстренных случаев, не сомневаясь в его преданности ему. Князев буквально благоговел перед своим благодетелем, хотя, по требованию Николая Леопольдовича, при посторонних, держал себя совершенно независимо. Алек-

сандр Алексеевич был человек способный на всякое как геройское дело, так и преступление, стоило ему посулить, или еще лучше дать денег на кутеж, и для него не было ни в чем слова; нельзя. Вино и водку он истреблял в огромном количестве, но почти никогда не пьянел.

После ухода Стефании Павловны, Гиршфельд приказал позвать к себе в кабинет Александра Алексеевича. Он оказался дома и не замедлил явиться, одетый во все черное. Гиршфельд спокойно объяснил ему, какого рода услугу он от него ожидает, заметив вскользь, что Сироткин мешает его любовной интриге с Стефанией Павловной.

— Вот вам радужная в задаток, послезавтра будет другая, если все обойдется благополучно, только чур, завтра сделать дело, а не пропадать из дому, — подал ему он кредитку.

Князев только укоризненно посмотрел на Николая Леопольдовича и сунул бумажку в карман.

— Вы пригласите с собой Гарина, но он не должен ничего знать. Немножко выкупается — это не беда. Понимаете?

— Понимаю, и в лучшем виде обделаю, будьте покойны, такого мозгляка, как Сироткин, я отшвырну сажени на две — теперь половодье, лодку опрокинем у берега, напоим мы его до положения риз — он и не почувствует, как у прапраотца Адама, не проспясь очутится, — цинично захохотал Князев.

Дня через два после этого разговора во всех московских газетах появилось известие о катастрофе, происшедшей на Москве-реке, у Воробьевых гор. Газеты передавали, что в ночь на 15 мая 188* года, князь Виктор Васильевич Гарин, отставной поручик Александр Алексеевич Князев и частный поверенный Иван Флегонтович Сироткин, возвращаясь с рыбной ловли и находясь в сильно нетрезвом виде, выехав на середину реки, по неосторожности опрокинули лодку и упали в воду. На их крики о помощи подоспели крестьяне деревни Потылихи, и двое из находившихся в лодке: князь Гарин и Князев были спасены, третий же Сироткин, утонул и труп его до сих пор не найден. Сильно разложившийся труп Ивана Флегонтовича, только около двух недель спустя, был усмотрен прибитым к бе-

регу реки, верст за пять от Москвы.

Все эти дни Гиршфельд и Стефания Павловна провели в тревожном состоянии ожидания, что вот, вот Иван Флегонтович явится перед ними живой. К рассказу Князева Николай Леопольдович все таки относился с некоторым недоверием, хотя и уплатил ему обещанные деньги. Наконец, труп был найден, привезен в Москву и после формальностей вскрытия, передан Стефании Павловне. Она устроила мужу богатые похороны и, казалось, была потрясена этой утратой.

XXXII
Свадьба

Прошло около трех месяцев. Николай Леопольдович провел их почти в постоянном беспокойстве. Это беспокойство происходило от более чем странного, загадочного поведения относительно его Стефании Павловны Сироткиной.

После похорон мужа она около месяца почти совершенно не бывала у Гиршфельда, а если и заезжала, то всегда на минуту, с ка-

ким-то растерянным видом, спеша к детям, к сиротам, как она с особым ударением называла их. Затем, хотя посещения ее участились, но она все-таки была совсем другая, нежели прежде, и Николай Леопольдович уловил несколько брошенных ею не него взглядов, сильно его обеспокоивших. Из них он заключил, что она на что-то решилась, но это «что-то» скрывает от него.

«Что с ней делается? — задавал он себе вопрос. — Или мне только кажется — это все моя проклятая подозрительность. Нет, не может быть, я слишком хорошо знаю людей, она что-то задумала».

Такие, или в таком роде, разговоры вел он сам с собою — почти ежедневно.

Ежедневно также ожидал он, что она наконец выскажется. Ожидания его не сбывались. Он решился наконец заговорить об этом первый.

— Скажи мне, моя дорогая, что с тобой, ты совсем переменилась ко мне и видимо не искренна со мной? — спросил он ее в одно из их свиданий наедине.

— Я! — смутилась она. — Кажется я все та-

кая же.

— Нет, ты что-то скрываешь от меня, но очень неискусно, и это делает тебе честь. Между нами не должно быть тайн.

— Если так, изволь, я скажу тебе, — встрепенулась она; — мне кажется с некоторых пор, что ты меня совсем не любишь, что ты даже никогда не любил меня.

— Что за мысли, чем я тебе показал это, не тем ли, что почти три месяца мучаюсь и волнуюсь от твоей холодности...

— А разве у меня не может появляться мысль, что это твое беспокойство относится не лично ко мне, а к находящемуся у меня в руках документу?

Николай Леопольдович побледнел, что не ускользнуло от нее.

— Я почти уверена, что это так... — с горечью продолжала она.

— Уверяю тебя, что я даже забыл думать об этой бумаге! — деланно-небрежным тоном сказал спохватившийся Гиршфельд.

— Этому-то я не поверю, — ядовито улыбнулась она.

— Напрасно!

— Ничуть, и я докажу тебе сейчас твоими собственными поступками. Если бы ты любил лично меня, разве ты стал бы продолжать со мной эту преступную связь. Я понимала ее, когда я была не свободна, а теперь… — Она в упор поглядела на него. Он понял этот ясный намек и закусил губу.

— Ты знаешь хорошо мои взгляды на брак… я никогда не женюсь…

— Если так, если ты меня не любишь настолько, чтобы поступиться для меня этими взглядами, то нам надо расстаться…

— Расстаться!.. Ты с ума сошла!

— Непременно, я это решила давно, вот именно это-то я от тебя и скрывала. У меня дети; они подрастут, какой пример подам я им!?

Она остановилась.

— Какие пустяки, кто внушил тебе подобные мысли?

— Не ты? — бросила она ему.

— Уж конечно! — усмехнулся он.

— Я и решила, что лучше расстаться нам теперь, хотя я, и не отказываюсь, люблю тебя, искренно за это время привязалась к тебе, решилась даже для тебя на преступление.

Он вздрогнул при этом воспоминании.

— Но, видно, я твоей-то любви не заслужила, не стою... Прощай!

Она встала и подошла к столу за шляпкой.

— Куда же ты? — с тревогой в голосе спросил он.

— Куда? К детям, к сиротам...

— Когда же ты придешь?

— Никогда.

— Не мучь меня, скажи, что ты шутишь! — загородил он ей дорогу.

— Нет, не шучу, я говорю совершенно серьезно.

— Как же я?

— Как ты? Жил без меня и проживешь, Бог даст, — усмехнулась она.

Он с тревогой глядел на нее; видимо было, что он хотел что-то спросить у нее и не решался. Она угадала его мысли.

— Поверь мне, что я лично исполню свято мое слово об исповеди княжны; если же я выйду замуж, то тогда это будет дело моего мужа. От второго мужа у меня тайн не будет.

— Нет, нет, я не могу расстаться с тобой! — бросился он к ней. — Я буду этим твоим вто-

рым мужем.

— Ты так долго медлил, что я бы вправе теперь отказаться, — улыбнулась она довольной улыбкой, — но я, так и быть, согласна. Моим свадебным подарком будем тебе исповедь княжны Маргариты.

— Не думаешь ли ты, что я из-за нее решаюсь жениться на тебе? — вспыхнул он.

— Я не хочу этого думать, — уклончиво отвечала она.

Через неделю, в присутствии только двух шаферов, Князева и князя Гарина, в церкви Св. Бориса и Глеба, что на Арбатской площади, совершилось бракосочетание присяжного поверенного Николая Леопольдовича Гиршфельда с вдовою канцелярского служителя Степанидой Павловной Сироткиной. Дети Стеши были заранее перевезены в дом Николая Леопольдовича. Туда же из церкви отправились и молодые. Приехавшие с ними шафера, выпив по бокалу шампанского, удалились по своим комнатам. Стеша с мужем остались одни.

— Велим подать себе чай и ужин в кабинет, как тогда, помнишь, первый раз… — про-

шептала она.

Он позвонил и распорядится.

Они прошли туда.

Она вынула из кармана подлинную исповедь княжны Маргариты Дмитриевны Шестовой, зажгла ее на свечке, бросила в камин и быстро потушила свечи и лампы.

— Что ты делаешь?

— Я хочу, чтобы наше первое законное уединение освещала именно эта рукопись — неисчерпаемый источник беспокойства для тебя за твое доброе имя, и для меня за искренность твоей любви.

Синеватое пламя, охватившее пожелтевшие листки, осветило страстный, искренний поцелуй новобрачных.

Не находя возможным появиться среди своих московских знакомых с своей женой, которую большинство из них знало, как камеристку покойной княгини Зинаиды Павловны Шестовой, Николай Леопольдович решил переехать в Петербург, что вполне сообразовалось с тем планом, который он не привел в осуществление вследствие выходки первого мужа его настоящей супруги. В течении меся-

ца он ликвидировал все свои дела, продал дом и переехал на жительство со своей семьей в Северную Пальмиру, оставаясь присяжным поверенным московского округа. За ним последовал только один Александр Алексеевич Князев. Князь Виктор Гарин не решился покинуть Москвы — резиденции его кумира — Александры Яковлевны Пальм-Швейцарской.

Часть четвертая
В Архангельскую губернию

Ничего не будет нового,
Если завтра у него
На спине туза бубнового
Мы увидим... Ничего!

Н. Некрасов

I
Аристократка

Громадный, тенистый, вековой парк, обнесенный массивною железною решеткою, почти совершенно скрывал от взоров прохожих и проезжающих по одной из отдаленнейших улиц города Москвы, примыкающей к Бутырской заставе, огромный барский каменный дом с многочисленными службами, принадлежащий графине Варваре Павловне Завадской. Даже зимой сквозь оголенные деревья парка, этот вековечный памятник отживающей старины и барства, окрашенный в беловато-серую краску, с громадным подъез-

дом под массивным фронтоном, едва был доступен для взоров любопытных.

Подобного рода обширные городские усадьбы еще и теперь, хотя редко, встречаются на окраинах Белокаменной, где пока не всякий вершок городской земли перешел в руки спекулятивных строителей, ухитряющихся чуть не на ладони строить Эйфелевы башни с тонкими, дрожащими от уличной езды стенами и множеством квартир «со всеми удобствами». Для домохозяев, прибавим мы вскользь.

Широкая густая аллея вела к подъезду дома от литых чугунных ворот, на чугунных же столбах которых возвышались два огромных фонаря, зажигавшиеся лишь несколько раз в год, в высокоторжественные дни; обыкновенно же в девять часов вечера эти массивные ворота уже запирались. В главном доме, вмещавшем в себе целые амфилады с старинной мебелью, бронзой и коврами, жила, окруженная многочисленными приживалками и десятками мосек, шелковистых пинчеров и болонок — восьмидесятилетняя графиня Варвара Павловна Завадская, урожденная княжна

Шестова.

Она была родной сестрой покойных князей Александра и Дмитрия Павловичей и следовательно родной теткой покойных же княжен Маргариты и Лидии Дмитриевны и благополучно здравствующего князя Владимира Александровича Шестова. Но так как графиня давно уже прекратила всякие не только родственные, но даже отношения простого знакомства с своими братьями, то племянники и племянницы не только никогда не видали ее, но даже едва ли подозревали существование своей близкой родственницы.

Покойная княгиня Зинаида Павловна во время жизни своей в Москве после смерти мужа раза четыре была у нее, но ни разу не была принята и не получала ответного визита. Делать визиты и не было в обычае графини Варвары Павловны. Вся московская аристократия и столичные высокопоставленные лица периодически ездили к ней на поклон, являлись с поздравлениями в праздники, дни именин и рождения ее сиятельства. В эти дни ею устраивались petites soirées intimes, доступ на которые был чрезвычайно труден.

Во время таких-то soirées и зажигались фонари на чугунных воротах.

Молилась Варвара Павловна в своей домовой церкви, и потому редкие ее выезды в старинной карете с гербами, запряженной шестеркой-цугом, с двумя ливрейными лакеями на запятках, составляли событие не только для местных обывателей, но и для половины Москвы.

Кроме приживалок, в доме состоял огромный штат прислуги обоего пола; лакеи были одеты в ливрейные фраки, красные жилеты, чулки и башмаки, горничная обязательно в темно-коричневые платья — любимый цвет старой графини. Она сама — высокая, полная, выглядевшая далеко моложе своих лет, с строгим, властным выражением правильного лица, надменным взглядом светло-карих глаз, с седыми буклями на висках, в старомодном чепце и платье из тяжелой материи, казалась сошедшею с фамильного портрета — одного из тех в массивных золоченых рамах, которыми были увешаны стены ее обширной «портретной». Для новых лиц и новых знакомств графиня была почти недоступна.

На нее-то, как на единственную близкую родственницу Владимира Александровича Шестова и возлагал все свои надежды и упования «оборотистый адвокат» Николай Леопольдович Гиршфельд в деле осуществления своих планов, состоящих, как мы видели, в том, чтобы отмахнуть себе львиную долю из шестовских богатств и притом отмахнуть артистически, без перспективы удалиться в одно прекрасное утро «в места более или менее отдаленные».

— Чтобы комар носу не подточил, вот какую надо подвесть механику! — так заканчивал Гиршфельд, обдумывая подробность той или другой комбинации, тот или другой план.

Сделать в этих планах графиню Варвару Павловну своей невольной, но главной помощницей являлось для него необходимым, и он стал настойчиво и упорно добиваться свиданья с ней. Это, как мы знаем, было не легко. Но Гиршфельд был не из тех, у кого опускаются руки при первом препятствии. Выдержкой и настойчивостью он мог похвастаться.

Николай Леопольдович начал с того, что

написал графине почтительное письмо, в котором в самых изысканных и витиеватых выражениях просил, как милости, личного свиданья, необходимого для переговоров, касающихся вопросов ее фамильной чести, но не получил ответа. Четыре раза он ездил к ней лично, но его не принимали, несмотря на рассыпанные щедрою рукою «чаи» графской прислуге. Два последние раза о нем, как объяснили лакеи, даже не осмелились доложить. Для менее настойчивого в преследовании своих целей человека, нежели Гиршфельд, дело показалось бы пропащим, но Николай Леопольдович унывал не долго и начал свои подходы с другой стороны. Он подделался всеми правдами и неправдами к одному московскому старичку-сановнику, запросто бывавшему у графини, представил ему, что ее сиятельство настойчиво отказываясь уделить ему несколько свободных минут, делает это в ущерб славы ее рода, которой грозит опасность померкнуть, и сановник убедил графиню принять неведомого радетеля ее семейной чести. Аудиенция была назначена.

С невольным, непреодолимым трепетом

прошел Николай Леопольдович, в сопровождении лакея, амфиладу громадных комнат, напоминавших сами по себе и по обстановке седую родовитую старину, не удержавшись, впрочем, не прикинуть ей в уме современную цену. Цифра вышла настолько солидной, что Гиршфельд почти с религиозным благоговением вступил наконец в гостиную, где сидела в покойном кресле графиня Варвара Павловна.

— Господин Гиршфельд! — выкрикнул в дверях лакей и неслышными шагами удалился.

Каким-то резким диссонансом прозвучала эта еврейская фамилия под кровом жилища истой аристократки. Даже все собачонки встретили этот доклад визгливым, ожесточенным лаем, смешавшимся с возгласами унимавших их приживалок. С минуту в комнате стоял общий гомон.

Наконец раздался резкий голос графини, граничащий с басом.

— Уберите собак!

Собачонки и приживалки моментально исчезли. Графиня легким кивком головы от-

ветила на почтительные поклоны Николая Леопольдовича.

— Прошу садиться! — указала она ему рукой на кресло. Он сел.

— Князь Сергий, — так называла она старичка-сановника, — убедил меня принять и выслушать вас, хотя и не в моих правилах принимать незнакомых; для деловых же разговоров у меня есть главноуправляющий моими имениями, но как из полученного мною вашего письма, так и из слов князя Сергия, я к удивлению моему узнала, что дело касается будто бы славы моего рода, моей фамильной чести...

Она остановилась.

— Я, ваше сиятельст... — начал было он.

— Я еще не кончила, — резко оборвала его Варвара Павловна.

Он умолк.

— Письму я не поверила, — после некоторой паузы снова начала она, — князю Сергию, передавшему мне чужие слова — тоже, потому что я единственная представительница на земле рода графов Завадских, у нас с покойным мужем, единственным сыном своих ро-

дителей, детей не было, следовательно поддержка славы рода и фамильной чести всецело лежит на мне, а я лично не сомневаюсь, что я их ревниво охраняю и опасности для них до конца моей жизни не вижу.

Она окинула Николая Леопольдовича надменным взглядом. Он отвечал не тотчас, боясь снова быть остановленным.

— Но вы, ваше сиятельство, конечно не забываете, — вкрадчивым голосом наконец начал он, — что вы представительница не одного, а двух знаменитых родов, имена которых по справедливости и по заслугам занесены на вечные времена на скрижали русской истории.

Графиня посмотрела на него вопросительно.

— Я говорю о роде князей Шестовых…

На ее лицо набежала тень.

— Род князей Шестовых окончился со смертью моего покойного батюшки, — сурово поглядела она не него, — мои братья Дмитрий и Александр были князьями только бумагам, первый женился на какой-то польской жидовке, прижил с ней двух дочерей, из кото-

рых младшая умерла чуть не накануне своей свадьбы с каким-то докторишкой, а старшая сослана в каторжную работу за отравление брата Александра и его третьей жены. Достойная племянница достойных этой смерти дяди и теки.

— Она тоже уже умерла, — добавил Гиршфельд.

— И слава Богу, — кинула графиня.

— Второй, Александр, — отвечала она, — при посредстве двух жен породнился чуть не со всеми московскими лабазниками и, наконец, женился в третий раз на женщине, назвать которую ее настоящим именем я даже не решаюсь и которая вместе с ним сделалась жертвою своей племянницы — дочери польской жидовки. Какое же отношение могу иметь я к этому новому, чуждому для меня, испозоренному по судам роду князей Шестовых.

Варвара Павловна взглянула на него в упор.

— Но представитель этого рода по мужской линии жив, ваш племянник…

Она не дала ему договорить.

— У меня нет племянников! — злобно крикнула она. — Сын этой авантюристки — un bâtard!

Она даже задохнулась от волнения, но вскоре оправилась.

— Если ваше дело касается этого князя, — иронически подчеркнула она последнее слово, то я… то мы можем кончить нашу беседу… А впрочем, я дала слово князю Сергию вас выслушать. Продолжайте, я слушаю…

— Князь Владимир Александрович, осторожно, почтительно опустив голову, начал Николай Леопольдович, — по бумагам считается законным сыном и князем. Я состою уже давно его поверенным, но его жизнь, в особенности за последнее время, его неимоверные траты денег заставляют меня опасаться, что если его родственники не положат этому предел просьбою отдать его под опеку за расточительность, он может в скором времени оказаться нищим и, не привыкнув ни к какому труду, не получив почти никакого образования, может дойти до преступления.

Последнее слово он подчеркнул, исподлобья поглядел на графиню. Та слушала совер-

шенно спокойно.

— Я решил, жалея князя и охраняя честь его рода от еще большого позора, передать все это вашему сиятельству, не зная, что ваше сиятельство, в силу не бывших до сих пор мне известными семейных отношений, не признаете его вашим родственников. Повторяю, не зная этого, я и решился просить ваше сиятельство принять участие в князе, которое может выразиться просьбою об учреждении над ним опеки. Прошение об этом у меня уже изготовлено и вашему сиятельству стоило бы только подписать его. Относительно же того, что доводы мои о положении дел князя не голословны, я могу представить вашему сиятельству доказательства.

Николай Леопольдович замолчал. Графиня несколько времени молча продолжала смотреть на него, как бы ожидая продолжения.

— Все? — наконец спросила она.

— Все-с, — поспешил ответить Николай Леопольдович.

— Я принуждена вас поблагодарить за заботу о чести фамилии, которую носил мой покойный батюшка, хотя, признаться, не пони-

маю причин такой заботливости с вашей стороны, но я все-таки остаюсь при своем мнении: никакого князя Шестова я не только племянником, но даже отдаленным родственником не признаю, а потому до судьбы его мне нет никакого дела. Если он растратит свое состояние, не буду жалеть — большая часть этого состояния составилась от продажи братом Александром своего титула, если же он дойдет до преступлений, в таком случае будет лишь достойным сыном своей матери.

В голосе старой графини звучала непримиримая злоба. Николай Леопольдович понял, что дело его проиграно, но вместе с тем и удивился подробностям, которые знала Варвара Павловна о жизни всех непризнаваемых ею ее родных.

Ее приживалки видимо знали свое дело.

Графиня встала, давая этим знать, что аудиенция окончена. Гиршфельд поспешил откланяться.

II
Главноуправляющий

Совершенно расстроенный тем, что личное свиданье с графиней Варварой Павловной, для получения которого им было потрачено столько трудов, усилий и времени, не привело ни к каким результатам, сошел Гиршфельд в обширную швейцарскую.

— Благополучно ли-с? — осведомился бравый страж-швейцар, подавая ему шинель.

В ожидании получения красненькой на чай, какую сумму давал ему Николай Леопольдович в свои первые визиты, швейцар невольно входил в его интересы.

— Какой благополучно, ничего не добился! — сунул Гиршфельд ему в руку ассигнацию.

— И напрасно вы лично их сиятельство беспокоите, они у нас ндравные — вам бы обратиться к Владиславу Казимировичу...

— Это к главноуправляющему?

— Точно так! — ухмыльнулся швейцар. — Именно что главный потому что все по ихне-

му делается, что не захочет — умел их сиятельству в душу влезть.

— И ты думаешь, что через него можно кое-что сделать?

— На все что хотите уговорит — примеры бывали, точно глаза их сиятельству отведет и все по ихнему делается.

— А где он живет?

— Здесь же, в главном флигеле...

— Теперь дома?

— Кажется, что дома... Лошадей им не подавали. Из парадного бы я видел.

Не теряя золотого времени, Николай Леопольдович вышел к подъезду, жестом остановил хотевшего подать лошадей кучера и перешел через двор, к стовшему в стороне большому флигелю, на массивно-дубовой парадной двери которого была привинчена медная доска с надписью: «Владислав Казимирович Савицкий».

Гиршфельд позвонил.

— Как прикажете доложить? — осведомился отворивший дверь лакей.

Николай Леопольдович подал ему свою визитную карточку.

— Пожалуйте в залу! — распахнул двери лакей из прихожей.

Меблировка и убранство, как залы, так видневшихся далее комнат, были роскошны и современны, — только блестевший как зеркало паркет был видимо старинной работы и гармонировал один с глубокими амбразурами огромных окон, к которым как-то даже совсем не шли модные легкие драпри.

— Просят в кабинет! — доложил вернувшийся вскоре лакей и повел Гиршфельда через амфиладу комнат.

Обширный кабинет, в который вступил Николай Леопольдович, был убран в духе кабинетов современных дельцов. Всюду бросалась в глаза блестящая и роскошная, но видимо показная деловитость. Гиршфельд при этой знакомой ему родной обстановке почувствовал себя, как рыба в воде, и непоколебимая надежда, что именно здесь все может устроиться, утвердилась сразу в его уме.

При входе Гиршфельда, из-за огромного, стоящего посреди комнаты, письменного стола, поднялась высокая фигура хозяина, прервавшего, видимо, какую-то письменную ра-

боту, так как стол был буквально завален бумагами и конторскими книгами, а посередине лежала неоконченная рукопись.

— Прошу садиться, чем могу служить? — раздался резкий, металлический голос Владислава Казимировича.

Он небрежно бросил на подставку чернильницы находившееся в его руке перо.

Главноуправляющий имениями графини Завадской, имевший на нее, как мы уже знаем из рассказа швейцара, такое неотразимое влияние — был атлетически сложенный мужчина лет шестидесяти, с подстриженными под гребенку седыми как лунь волосами, длинными усами с подусниками, придававшими воинственный вид до сих пор еще чрезвычайно красивому лицу, с крупными, правильными чертами и темно-карими большими глазами. Одет он был в домашнюю темно-зеленого цвета венгерку со шнурами. Масса дорогих перстней украшала его выхоленные руки. Становилось понятным с первого взгляда, какою ворожбою умел влезть в сердце старой графини этот седой красавец. Он был главноуправляющим еще при жизни по-

койного графа, но наибольшую силу и власть получил над графиней после смерти ее мужа, случившейся лет около двадцати тому назад. Московские сплетни шли далее и удостоверяли, что «неотразимое влияние» началось гораздо ранее.

Николай Леопольдович сел и подробно рассказал свое посещение графини, разговор с ней и неудавшееся его ходатайство о подаче ею прошения о назначении опеки над ее племянником, а его доверителем.

— Я слышал, что вы пользуетесь не только неограниченным доверием ее сиятельства, но и имеете на нее большое влияние, а потому и решился обратиться к вам, не согласитесь ли вы помочь мне в этом добром деле, — закончил свою речь Гиршфельд.

— Вы говорите: добром деле, — подчеркнул в ответ Владислав Казимирович, пристально смотря на своего собеседника.

В его проницательном взгляде и тоне его голоса читалась и слышалась нескрываемая ирония.

Николай Леопольдович молчал, поняв, что имеет дело с таким же как он сам дельцом,

которого ему не провести.

— А позвольте вас спросить, — хладнокровно, между тем, продолжал Савицкий, — вы лично сами сильно заинтересованы в этом добром деле?

Он снова сильно подчеркнул последние слова.

Гиршфельд попробовал было посмотреть на него недоумевающе-вопросительным взглядом.

— Я думал, что мы друг друга поймем скорее! — как бы невзначай кинул Владислав Казимирович.

— Я вас понимаю, — твердо ответил Николай Леопольдович, увидав, что надо играть на чистоту, — и отвечу совершенно откровенно: да, заинтересован довольно сильно...

— Так-то лучше. Вы, конечно, имеете в виду и опекуна?

— Если бы это было возможно, я не прочь, чтобы назначение его последовало по моему указанию.

— Невозможного я тут ничего не вижу, это зависит от условий, — уверенно заявил Савицкий. Велико ли состояние князя?

— Теперь?

— Ну, хоть теперь…

— Теперь, если ликвидировать, наберется не более полумиллиона, — соврал Гиршфельд. — Несколько лет тому назад оно составляло около двух миллионов, но безобразные траты князя, выдача им полумиллиона его супруге — выдача быстрая и несвоевременная, обошедшаяся очень дорого, страшно пошатнула положение дел. Я могу доставить вам краткую выписку…

— Это совершенно излишне и к делу ничуть не относится, я опекуном князя быть не собираюсь и мне надо было знать приблизительную цифру его состояния лишь для более правильного определения цены моего вмешательства в это дело.

Владислав Казимирович замолчал.

— Какие же будут ваши условия? — дрогнувшим голосом спросил Николай Леопольдович.

— Двадцать пять тысяч, деньги вперед! — после некоторой паузы произнес Савицкий.

— Но это… — начал было Гиршфельд.

— Предупреждаю, я не торгуюсь… — сде-

лал решительный жест Владислав Казимирович, как бы отстраняя рукою всякое возражение собеседника.

— И вы уверены в том, что добудете согласие графини? Я уже сообщал вам, что она не хочет и слышать о своем племяннике.

— Ее согласия тут и не потребуется, она даже ничего не будет знать о поданном прошении...

— Как же это? — удивился Николай Леопольдович.

— Она подпишет его в числе других бумаг. Я слишком давно состою ее поверенным, чтобы она утруждала себя чтением предлагаемых мною ей для подписи бумаг.

Гиршфелад понял.

— Хорошо, я согласен, деньги я могу доставит вам завтра, — встал он с места.

— Захватите и прошение, но вам, конечно, неудобно, если оно будет подано тотчас же; вероятно вам необходимо известное время на устройство дел?

— Пожалуй что так... Вы читаете чужие мысли... — улыбнулся Николай Леопольдович.

— Это для нас с вами, относительно друг друга, наука не трудная, — фамильярно потрепал он его по плечу.

— Надеюсь, мы будем друзьями?! — подал он ему свою руку.

— Всеконечно! — радостно произнес Гиршфельд, крепко пожимая громадную руку Владислава Казимировича.

— Прошение будет подписано графиней, а вы уведомите меня, когда наступит удобное для вас время для его подачи. Я отправлю его почтою...

Новые знакомые и будущие друзья расстались. На другой день Николай Леопольдович доставил главноуправляющему графини Завадской, как условленную, или лучше сказать потребованную им сумму, так и прошение от имени графини Варвары Павловны, в котором она ходатайствовала о назначении над родным племянником ее князем Владимиром Александровичем Шестовым опеки за расточительность и просила о назначении опекуна, лично ей известного, отставного поручика Александра Алексеевича Князева, к которому питает полное доверие — сама же лично она

не принимала на себя опеку над племянником лишь за преклонностью лет. Побеседовав по душе и условившись в подробностях дела, Гиршфельд и Савицкий расстались совершенно довольные друг другом. План Николая Леопольдовича, таким образом, в своем главном основании удался, хотя и с непредвиденным им крупным расходом.

— Что ж, не за мой счет отдал я эти деньги, а за счет его сиятельства! — утешил себя он.

Подачу прошения, вскоре, как обещал Владислав Казимирович, подписанного графиней, пришлось, впрочем, отложить на неопределенное время, так как через несколько дней после его подписания с Николаем Леопольдовичем случился совершенно, как мы видели, неожиданный для него инцидент, а именно, вступление его в брак со Стефанией Павловной Сироткиной. Молодые после свадьбы, как мы уже знаем, решили переехать на постоянное жительство в Петербург. Перед отъездом Гиршфельд условился с Савицким, что накануне дня, когда прошение должно быть отправлено почтою из Москвы, он пришлет ему телеграмму, в которой будет

одно слово: «посылайте».

III

В женских руках

Князь Владимир пришел в восторг при получении им еще из Москвы известия о предстоящем переезде на постоянное жительство в Петербург его прежнего учителя, поверенного и друга Гиршфельда, он встретил его на вокзале, засыпал вопросами, а более всего рассказами о своем житье-бытье в Петербурге, о своем романе и о его героине. Он не спросил только ничего о той фразе письма, которым Николай Леопольдович извещал его о намерении перенести свою адвокатскую деятельность в Петербург, а эта фраза была следующая: «одной из причин, побуждающих меня принять это решение, да пожалуй и главной, служить весьма и весьма шаткое положение ваших дел». Князь Шестов не обратил на нее никакого внимания, да вероятно не совсем и понял. Ему было не до того. Муж Агнессы Михайловны уехал из Петербурга, и хотя она по-прежнему обставляла их свида-

ния разными предосторожностями, но все же соблаговолила назначать их чаще и они были продолжительнее. Владимир в это время находился на седьмом небе.

— Когда мы заживем под одной кровлей, я буду целые дни смотреть в эти чудные глазки, чтобы прочесть каждое твое желание, каждый твой каприз... Прочесть и исполнить, — страстно шептал он ей.

— Никогда! — обыкновенно отвечала она.

— Но почему же?

— Что скажут мои родные, что скажет свет?

— Что такое родные, свет! Ведь живет же так добрая треть Петербурга.

— И пусть, но я так жить не буду! — отрезывала она тоном, прекращающим дальнейшие рассуждения.

Он умолкал, порывисто привлекая ее в свои объятия:

— Радость моя, делай, что хочешь, я твой раб, послушный и верный до гроба!

Она снисходительно улыбалась. Петля на шее князя все более и более затягивалась.

Николай Леопольдович не только сочув-

ственно выслушал все рассказы и пересказы своего молодого друга, но даже подал несколько практических советов.

— Не надо никогда показывать любимой женщине, что она всецело владеет вами, женщины — властительницы всегда капризные тираны. Попробуйте потребовать от нее этой жертвы, поставьте условия, покажите, что вы мужчина. Если она любит, то несомненно сдастся, — докторальным тоном сказал он.

— О, нет, этим с ней ничего не поделаешь — у нее характер, железный характер. Вы не знаете ее!

— Надеюсь узнаю — не скроете.

Князь Владимир ухватился за эту мысль и стал просить Гиршфельда поехать с ним к Боровиковым. Тот охотно согласился.

— Вот погодите, устроюсь в Питере и первый визит к ним!

Князь, в порыве восторга и благодарности, бросился обнимать его.

— Вы ее узнаете, оцените и поймете, как я неизмеримо счастлив, любя ее и будучи любим ею, — торопливо бормотал он.

Дружеское «ты», которое они говорили

друг другу, когда князь был еще мальчиком, с летами забылось.

Появление вместе с Гиршфельдом в роли его жены бывшей камеристки княгини Стеши — ныне Стефании Павловны — сперва поразило Владимира Александровича, но вскоре он нашел оправдание Николаю Леопольдовичу.

— Значит он ее любит.

Этим князь, любивший сам, как ему, по крайней мере, казалось, до безумия, объяснил себе все и стал относиться к г-же Гиршфельд с утонченно-почтительным уважением.

Семья Боровиковых и все завсегдатаи их квартиры, бывшие в полном сборе при первом посещении Гиршфельда, посещении, о котором за несколько дней предуведомил Шестов, были положительно восхищены Николаем Леопольдовичем и долго на разные лады восхваляли его ум, манеры, наружность.

— Красивый мужчина! — подала свой голос Марья Викентьевна.

— Умен, могу сказать умен! — решил «дедушка» Милашевич.

— Сейчас видно честного человека, со спо-

койною совестью! — изрек скорый на приговоры Охотников.

Наблюдательный Гиршфельд тоже остался очень доволен новым знакомством, но совершенно в ином смысле.

«Дока на доке, докой погоняет!» — думал он, припоминая виденные им новые лица.

«И маменьке, и старшей дочке пальца в рот не клади — откусят! — продолжал он далее варьировать свою мысль. — В крепкие сети попался его сиятельство!»

Мысль его перенеслась на молодого князя.

«Надо помочь любящим сердцем — сослужить службу и тем, и другим — весь этот люд может очень и очень пригодиться».

Николай Леопольдович чутьем провидел возможность создать из окружающих Шестова лиц верных себе сподвижников. Он, как мы увидим, и не ошибся.

В виду таких соображений, Гиршфельд поспешил познакомить с Боровиковыми свою жену, и Михайловна вскоре сделалась ее задушевной приятельницей. Почти ежедневно бывала она у Стефании Павловны, куда неукоснительно являлся Шестов. Стеша, по

приказанию Николая Леопольдовича, часто и подолгу оставляла их одних, извиняясь хозяйственными распоряжениями и наблюдением за детьми. Гиршфельд не преминул вскользь намекнуть князю, что он это устраивает для него, и тот был преисполнен благодарности. Вскоре Николаю Леопольдовичу пришлось оказать ему еще большую услугу. Агнесса Михайловна почувствовала себя в интересном положении. Она казалась в отчаянии, между тем как Шестов торжествовал.

— Это связывает нас на веки — ты теперь не бросишь меня! — восторженно говорил он.

— Это ужасно! Надо принять меры, у меня не должно быть ребенка. Узнает мой муж — он опозорит меня. Моя мать не пустит меня на порог своего дома, знакомые отвернутся... Я застрелюсь, если увижу, что поздно принять какие бы то ни было меры.

— Подумай, что ты говоришь, ты значит не любишь меня?

— Глупый, люблю, конечно, люблю, но пойми, ведь это позор. У меня законный ребенок, сын, что скажет он, когда вырастет. Разве куда-нибудь скрыться, потом отдать в воспи-

тательный! — соображала она.

— Моего... нашего ребенка... в воспитательный! — в отчаянии восклицал князь. — Ты сошла с ума!

— Ты прав, может я и сама не в состоянии буду расстаться с ним! Лучше смерть!

Он всячески старался утешить ее, но она ничего не хотела слышать. Князь Владимир окончательно упал духом.

«Посоветоваться с Николаем Леопольдовичем!» — мелькнуло в его уме.

Он отправился к нему. Спокойной и участливо выслушал Гиршфельд Владимира.

— Успойтесь, князь, дело совсем не так сложно и важно, как кажется вам обоим. Я поговорю с ее матерью и с ней.

— Это невозможно! — вскрикнул князь. В голосе его прозвучало отчаяние.

— Почему? — уставился на него Николай Леопольдович.

— Ее мать ничего не знает!

Гиршфельд улыбнулся.

— Наконец, я не должен был ее компрометировать и перед вами. Она мне этого никогда не простит. Она особенно просила, чтобы

я вам, как своему другу, не поверил бы тайну наших отношений.

— Другой мой, женщина часто просит не делать именно того, что она искренно и настойчиво желает, — снова усмехнулся Николай Леопольдович.

Владимир вопросительно уставился на него.

— Я этого не понимаю.

— И не мудрено, у вас видимо были слишком легкие отношения к женщинам, вам не приходилось, да и не было надобности их изучать, а я, увы, знаю женщин слишком хорошо.

Он глубоко вздохнул и замолчал.

Встреченные Гиршфельдом на жизненном пути женщины вереницей пронеслись мимо него, пленительный образ Пальм-Швейцарской мелькнул в тумане.

Князь тоже молчал.

— Вы, надеюсь, верите в мою опытность, верите в знание людей, верите, наконец, в мое к вам расположение, скажу более, искреннюю дружбу, — начал Николай Леопольдович.

— О, конечно, конечно, — вскочил с кресла Владимир и крепко с чувством пожал ему руку.

— Если так, то сядьте, успокойтесь и выслушайте меня внимательно.

Тот послушно сел.

— Вы говорили мне не раз, что ваше искреннее желание состоит в том, чтобы жить вместе с Агнессой Михайловной, под одной крышей, так сказать maritalement?

— О, да, да, но, увы, я должен, кажется, навсегда отказаться от этой мысли!

Владимир было просиял, но тотчас снова омрачился.

— Она ни за что не согласится; не далее как нынче утром она мне не позволила даже говорить об этом.

— Ну мне-то позволит, — уверенно ответил Николай Леопольдович.

Тот испуганно посмотрел на него.

— Не бойтесь, — продолжал Гиршфельд, — и верьте, что все, что я сделаю, будет сделано к вашей пользе и к вашему счастью. Сидите здесь, много через час я привезу ее сюда, к жене, она лично изъявит вас согласие и вы от-

сюда же поедете нанимать вашу общую квартиру.

Николай Леопольдович говорил об этом так спокойно, как о совершившемся факте. Это спокойствие сообщилось и князю.

— Если только это случится, то такие услуги не забываются до гроба, — вскочил он и бросился обнимать Гиршфельда.

— Так я еду!

— Поезжайте! — несколько упавшим голосом произнес Владимир.

В его взгляде на Николая Леопольдовича отразились страх и надежда. Гиршфельд внимательно посмотрел на него.

— До свиданья, до скорого! — пожал он ему руку.

«Однако, он не на шутку ее любит, это серьезно! — думал он дорогой к Боровиковым. — Что может сделать умная женщина! Кутилу, развратника, менявшего женщин как перчатки, привязать к себе, как собаку! Теперь он всецело в ее руках! Она может сделать его счастливым, если любит на самом деле, или погубит окончательно, если играет только в любовь, но во всяком случае относи-

тельно его она — сила. Это надо принять к сведению».

Владимир, между тем, перешел в гостиную, где Стефания Павловна стала занимать его разговором, расспрашивать о столичных удовольствиях.

На дворе стоял конец октября — начало сезона.

Князь отвечал ей невпопад, находясь в состоянии пугливого ожидания. Стук каждого подъезжавшего к дому экипажа (квартира Гиршфельда была на первом этаже) заставлял его нервно вздрагивать.

IV
Гнездышко

Кроме «интересного положения» Агнессы Михайловны, в семье Боровиковых, за описываемое нами время, случилось еще довольно крупное происшествие. Константин Боровиков влюбился и, вопреки желанию своей матери, вступил в брак с некоей некрасивой, но удалой и разбитной барыней, Ольгой Александровной Мосовой. Мечты Марьи Викентьевны о невесте для своего сына с миллионным приданым, таким образом, были разрушены.

Мосова, ставшая Боровиковой, была бедна, жила в последнее время литературным заработком, получая, кроме того, ежемесячное пособие от литературного фонда, в количестве двадцати пяти рублей. Происхождение этого пособия таково: за несколько месяцев перед свадьбой Мосовой и Боровикова, кружок петербургских литераторов и драматургов проводил до могилы одного из своих довольно известных собратьев. С покойным писателем

и драматургом жила несколько лет, как это принято называть, в гражданском браке Ольга Александровна и имела от него ребенка — девочку. По смерти ее сожителя, имевшего свою законную семью, от которой он уже давно жил отдельно, все его имущество перешло, конечно, к последней, так как завещание им оставлено не было, сама же Ольга Александровна и ее малютка-дочь остались без всяких средств к жизни. Такое положение, оставшихся после покойного, близких ему лиц, подало многим из литераторов, собравшихся отдать последний долг своему собрату, мысль о возможности принятия содержания и воспитания ребенка на средства фонда. Слово, в данном случае к счастью, быстро перешло в дело, и энергичные хлопоты увенчались успехом. Литературный фонд назначил ребенку умершего литератора пособие в размере двадцати пяти рублей в месяц. Злые языки, намекая на это обстоятельство, говорили, что Боровиков получил вместе и жену, и «литературное наследство». Сплетни относительно Мосовой шли еще далее, не говоря уже о том, что уверяли, что будто бы все ее рассказы и

сценки, помещаемые изредка в газетах и журналах, принадлежали не ей, а ее покойному сожителю; рассказывали совершенно уверенным тоном, что она еще ранее, нежели сойтись с литератором, была замужем, что муж ее жив — называли даже фамилию: Елкин — и что она вышла заведомо от живого мужа. На сколько это было справедливо — судить не нам, тем более, что все это мало касается нити нашего повествования. Под свежим впечатлением своих разрушенных надежд и всех этих слухов Марья Викентьевна ходила мрачнее тучи. Это, однако, не помешало ей принять явившегося Николая Леопольдовича с распростертыми объятиями.

Был седьмой час в начале, дома сидели только она, да Агнесса Михайловна. Барышни гуляли, а для завсегдатаев не наступило еще время.

— Вот одолжили, что вспомнили и заехали, — рассыпалась Марья Викентьевна перед Гиршфельдом, не зная где и усадить его.

— А я к вам по делу, и по серьезному делу, — заговорил он, после обычных приветствий, опускаясь в кресло.

Марья Викентьевна вопросительно уставилась на него.

— Являюсь к вам ходатаем по поручению, или лучше сказать без всякого поручения, за князя Владимира Александровича.

Лицо Боровиковой вытянулось, а услыхавшая конец этой фразы входившая в гостиную Агнесса Михайловна даже остановилась в дверях.

— И к вам тоже! С вами я даже буду ссориться! — поднялся ей на встречу Гиршфельд и подал руку.

Мать и дочь многозначительно переглянулись.

— В чем же дело? — почти разом спросили они, усаживаясь на диван.

Они немного отправились от первого смущения и даже насильственно улыбались.

— Дело в том, что романы хорошо писать, полезно иногда и проделывать в жизни, но тянуть, как написанные, так и жизненные одинаково вредно, первые потому, что покоситься на автора и редактор, и издатель, да и публике наскучит, а вторые потому, что не знаешь как обернется; вдруг одному действу-

ющему лицу надоест — «любить под дулом револьвера», — подчеркнул Николай Леопольдович и лукаво улыбнувшись, взглянул на Агнессу Михайловну.

Та сперва покраснела, насколько ей позволяла это косметика, а потом побледнела. Мамаша как-то растерянно улыбалась и смотрела на Гиршфельда с видом утопающего, ищущего за что ухватиться.

— Что вы хотите этим сказать? — через силу произнесла дочь. — Значит князь…

— Ничего не значит, милая барынька, — не дал он ей договорить: — князь теперь сидит у меня и у него наверное душа не на месте, а сердце и подавно, так вы его у него давно сдвинули…

И мать, и дочь весело улыбнулись.

— Я высказал это в смысле предупреждения, заботясь о вашем же, милая барынька, будущем… Мне известно все до малейших подробностей, князь вырос на моих глазах и считает меня своим единственным другом. И он не ошибается, да и это не могло бы быть иначе, я как родной был принят в дом его матери и из одного чувства благодарности обя-

зан был бы перенести свои симпатии с покойной на ее единственного и любимого сына! Иначе я бы оскорбил ее дорогую для меня память. Кроме того я люблю князя и лично... Повторяю, я знаю все. Поймите, все, все...

Гиршфельд подчеркнул последние слова.

— Как, он разболтал?

Николай Леопольдович не дал ей докончить.

— И отлично сделал, потому что иначе это могло кончиться хуже, нежели теперь... У меня есть только к вам один важный, серьезный вопрос. Любите ли вы его?

Агнесса Михайловна удивленно вскинула на него глаза.

— Если вам, вы говорите, известно все, то как же могло бы быть иначе?

— Могло-то могло! Мы с вами не вчера родились, я вас прошу ответить мне на вопрос... — категорически заявил он.

— Люблю!.. — отвечала она, видя, что с ним не приходится играть в слова.

— А если любите, то пора прекратить играть комедию...

— Что это значит?

— Я вас отлично понимаю, скажу больше, я преклоняюсь перед вашим умом; такого человека, как князь, нельзя было и привязать к себе иначе, как постоянным страхом потери, постоянною опасностью в любви, вы артистически выполнили вашу задачу, вы исправили неисправимого, вы привязали его к себе, как собаку... За это вас честь и слава! Но довольно... Всему есть границы, даже собачьему долготерпению... Вам, как умной женщине, следует это помнить.

— Но разве он жаловался?

— Ничуть! Он до того увлечен вами, что ему и на мысль не может прийти жаловаться на вас. Но мне его самому жаль и я не могу допустить, чтобы его долее бесполезно мучили. Он желает жить с вами «совместно», как говорим мы, дельцы. Ваше положение настоятельно, по моему мнению, даже этого требует. Вы заставили его полюбить вас настолько сильно, что, поверьте, беспрепятственное обладание вами не может охладить в нем это чувство, тем более, что подозревать его ревностью вам ничто не мешает и при семейной обстановке... Значит надо согласиться.

— Но мой сын! — возразила она.

— Он будет любить и заботиться о нем, так как вы его мать.

— А позор, ребенок ведь будет незаконный?

— Ничуть! Он будет записан на вашего мужа. Ему законом предоставляется годичный срок на оспаривание законности, но почему он узнает, живя вдали от Петербурга.

— Разве это можно?

— Конечно можно, я говорю с вами серьезно, я не шучу. Кроме того, я подаю вас этот совет, имея в виду вашу обоюдную пользу. Князь жил до сих пор, не зная своих средств. Я, как его поверенный, должен сказать вам, как человеку самому близкому князю, что эти средства далеко не велики — он истратил уже почти три четверти своего состояния вместе с выделом полумиллиона своей жене, а потому для вас и для вашей семьи на совершенно комфортабельную жизнь хватит, но на постоянные пикники со всеми вашими знакомыми, извините меня, может и не хватить, тем более, что московские родственники князя, я ему еще этого не говорил и вас прошу дер-

жать пока в тайне, по полученным мною сведениям, хотят положить предел его безумным тратам. Они хотят хлопотать о назначении над ним опеки за расточительность. Это пока слухи, но если они подтвердятся — я ему помочь буду не в состоянии, эти родственники — люди слишком сильные и влиятельные...

— По-моему, Николай Леопольдович прав, я не знаю, почему бы тебе не согласиться. Кто знает, при твоей игре — он может увлечься, а тогда он у тебя всегда на глазах... — заметила Марья Викентьевна.

— Что же, maman, дело не во мне — я согласна... Вы за него ручаетесь, Николай Леопольдович?

— Ручаюсь, барынька, ручаюсь! Отныне я вам друг и союзник, но и от вас требую того же.

— От души делаюсь им, — протянула она ему руку. Он крепко пожал ее.

— Так едемте и пусть князь будет сегодня же на эмпиреях блаженства. Он там, чай, истомился, сердечный!

— Едемте, едемте!

Восторг Владимира, когда Гиршфельд вернулся домой вместе с Агнессой Михайловной, и последняя выразила полное согласие на совместную жизнь, был неописуем. Он бросился обнимать то того, то другую, и тотчас помчался, конечно вдвоем, нанимать квартиру. Они нашли очень хорошую и удобную в одном из переулков, идущих параллельно Николаевской улице. В несколько дней князь роскошно омеблировал ее и неизвестно для чего устроил даже телефон. Агнесса Михайловна вместе с сыном переехала на новоселье, отпразднованное, как «семейное торжество», с подобающей помпой. Все завсегдатаи квартиры Боровиковых и Гиршфельд с женою, конечно, находились на лицо. Охотников остался постоянным гостем Михайловны и при ее новом положении. Князь был в восторге — его давнишняя мечта наконец исполнилась. К Николаю Леопольдовичу он чувствовал нечто в роде религиозного благоговения.

V
Неприятная новость

Прошло около месяца. Гиршфельд только что вернулся из Москвы, куда ездил для окончания последних дел и решил наконец приступить к «шестовскому» делу. Время казалось ему самым удобным. Князь Владимир в блаженстве, около своей ненаглядной Агнессочки, и, считая Николая Леопольдовича главным устроителем этого блаженства, слепо верил в его дружбу. Ни малейшее сомнение в уме, практичности и честности его поверенного не могло закрасться в его душу. Гиршфельд вызвал его к себе «по делу».

— Я должен вас сообщить, князь, неприятную для вас новость, — начал он.

— Что такое? — встревоженно спросил Владимир.

— Над вами в скором времени будет учреждена опека за расточительность...

— Какая? Почему? Кому это понадобилось?

— Вашей родной тетушке, или вернее ее управляющему, который, вероятно, имеет в

этом деле свои виды.

— Какой тетушке? — недоумевал князь.

— Графине Варваре Павловне Завадской, — отчетливо произнес Николай Леопольдович.

— Я о ней первый раз слышу...

— Это не мешает ей, однако, быть родной сестрой вашего покойного батюшки.

— Но ей-то до меня что за дело? — воскликнул Владимир.

— Этого я сам в точности допытаться не мог, — серьезно отвечал Гиршфельд. — Управляющий ее и поверенный, а может быть и еще более близкий человек, некто Савицкий, объяснил мне, что графиня решилась бесповоротно на такой шаг для охранения от окончательного разорения рода князей Шестовых, из которого происходит и она. Мне, впрочем, сдается, скажу более, я почти уверен, что всем этим орудует господин Савицкий, который, как кажется, столкнулся с вашим тестюшкой.

— О, этот Гарин! — заскрежетал зубами Владимир.

— Сила! С ним меряться трудно! — задум-

чиво произнес Николай Леопольдович.

— Но что же делать, что же делать? Надо же бороться, воспрепятствовать этому! — ломал князь себе в отчаянии руки.

— Бороться нечего и думать, воспрепятствовать нельзя, а помочь вам и одурачить их — можно.

— Одурачить, вы говорите, можно? Ради Бога помогите мне хоть в этом... — со злобною радостью воскликнул Владимир.

— Для этого-то я и пригласил вас, чтобы обо всем переговорить, садитесь и слушайте, а то вы бегаете точно зверь в клетке.

— Слушаю, слушаю! Говорите только.

— Что касается их околпачивания, то я начал уже это дело и довольно успешно. Надо вам сказать, что старая графиня, узнав, что я ваш давнишний и постоянный поверенный и вероятно желая выведать от меня о положении ваших дел, еще за последнее время моей жизни в Москве добивалась всеми силами свиданья со мной, т. е. вы понимаете, что ее графское величие не позволяло ей приехать ко мне, а она хотела, чтобы я явился к ней. Один из московских сановников — ее друг, а

мой большой приятель, несколько раз намекал мне об этом, видимо по поручению графини, но я старался притвориться непонимающим этих прозрачных намеков.

Гиршфельд раскурил потухшую сигару.

— Тогда же до меня дошли слухи о намерении ее подать просьбу о взятии вас под опеку, — продолжал он. — Но я на эти ничем не подтвержденные слухи не обратил внимания и не стал даже беспокоить вас сообщением их. В последнюю мою поездку в Москву слухи подтвердились и у меня явилась мысль, которую я привел блестящим образом в исполнение. Я отправился к графине. Она приняла меня с распростертыми объятиями, не знала, где посадить, была утонченно любезна. Я, не дожидаясь подходов с ее стороны, выпалил ей, что явился к ней с просьбою, чтобы она подала прошение о взятии вас под опеку за расточительность, что я решился на этот шаг, блюдя ваши интересы и ограждая славу и блеск рода князей Шестовых, наплел ей турусы на колесах, словом ошеломил ее.

— Зачем же вы сами-то? — недоумевающе спросил Владимир.

— Так было надо. Слушайте дальше! Ее сиятельство, считая меня своим единомышленником, пустилась со мной в откровенности и созналась, что она сама давно задалась этою мыслью, что прошение уже почти готово, но что она не знает только подробностей ваших дел и ее затрудняет выбор опекуна. Я, конечно, согласился прийти к ней на помощь и в том, и в другом случае — обещался прислать ей выписку о ваших делах и рекомендовал опекуна. Кого, как вы думаете?

Князь продолжал недоумевающе глядеть на Николая Леопольдовича.

— Князева! — расхохотался Гиршфельд.

— Сашку Князева? — спросил в свою очередь Владимир. — Ну, и что же она?

— Познакомила меня с управляющим и они оба согласились избрать его, он сегодня же едет в Москву знакомиться с графиней, я ему доставил средства прожить там несколько времени на широкую ногу, разыгрывая роль человека с независимым состоянием, и взял слово не пить. Он в слове крепок и все оборудует.

— Молодцом, отлично их подвели, — сооб-

разил наконец князь. — Так Сашка Князев, будет моим опекуном! — продолжал хохотать он.

— А я его поверенным! — добавил со смехом Николай Леопольдович.

— Когда же они подадут прошение?

— В том-то и дело, что они будут дожидаться моей выписки, а я промедлю, и мы таким образом выиграем время, чтобы их уже окончательно одурачить.

Князь Владимир стал снова внимательно слушать.

— Необходимо прежде всего, чтобы в моей выписке все ваши именья значились проданными...

— Но ведь это неправда! Я не продавал ни одного, — возразил князь.

— Совершенно верно, но они, как вы знаете, заложены каждое под две закладные, следовательно их продажа в настоящее время является только выгодной аферой, прекращая платеж процентов. Вырученные же деньги останутся у меня, т. е. все равно, что у вас, если вы, конечно, мне доверяете?

Николай Леопольдович остановился и во-

просительно посмотрел на Владимира.

— Как вам не стыдно это говорить, конечно, доверяю безусловно! — поспешил уверить его тот.

— Я мог бы сдать их вам на руки, но во-первых, вы тотчас же отдадите их Агнессе Михайловне, а это, простите меня, будет далеко не в ваших интересах. Вы мне недавно говорили, что она сказала вам, между прочим, что не ручается за то, что может увлечься, следовательно вам прямой расчет держать ее в руках вашими средствами, а вы потеряете над нею эту силу, если вполне ее обеспечите. Я не хочу этим сказать, что она любит вас только из-за денег, сохрани меня Бог, я слишком уважаю ее, чтобы думать это, но женщины вообще народ загадочный и как знать, чего не знаешь…

— Это пожалуй так… — задумчиво промолвил Владимир.

— И наконец, в моих руках эти деньги не останусь мертвым капиталом, а принесут проценты, а это в ваших интересах.

— Конечно, конечно! Я ведь в этом ничего не понимаю, а вы, вы мой ангел-хранитель.

Еще так недавно вы доказали мне это!

— Часть капитала я тоже удержу у себя. Вы мне дадите для проформы в получении продажной суммы за именья и удержанной мною части капитала расписки. Я представлю им выписку и у них в опеке будет весьма немного. Для князя Гарина это будет пренеприятный сюрприз!

— Отлично, великолепно, это гениальная мысль! — согласился Владимир, довольный возможностью насолить князю Василию.

— Кроме того, вы выдадите векселя всем вашим знакомым. Мы постараемся написать их на солидную сумму. Опекун скупит их за полцены, за что дворянская опека может его только похвалить. Деньги останутся, конечно, у нас, так как и векселя будут у меня, а ваши приятели: Милашевич, Кашин, Охотников и другие только распишутся. Я с ними переговорю. В опеке будет грош, а мы останемся по-прежнему богатыми. Князь Гарин лопнет от злости! Так согласны? — подал он руку князю.

— Согласен, конечно, согласен! — поспешил пожать ее князь.

План таким образом был составлен. Менее чем в течении месяца имения князя Владимира, в числе которых и знакомое нам Шестово, были проданы заранее еще в Москве приготовленным покупателям, которые по телеграммам Гиршфельда прибыли в Петербург для совершения купчих крепостей. Полученные с покупателей деньги, за вычетом залоговых сумм, приютились в несгораемом шкафу кабинета Николая Леопольдовича, где были положены расписки князя Шестова в получении этих сумм полностью от Гиршфельда.

— Мой совет все это дело держать в тайне от Агнессы Михайловны, — говорил последний князю. — Женщины вообще имеют смутное представление о делах и не только смутное, но чаще всего превратное. Большие же суммы денег могут положительно отуманить их рассудок — они могут пойти на крайности. Она окружена роскошью и довольством, вы предупреждаете ее желания — но не переходите границ.

Владимир послушно внимал советам своего оракула, как он называл Николая Леопольдовича. Агнесса Михайловна, со своей сторо-

ны посвященная отчасти Гиршфельдом в дела князя, в той мере, в которой первый находил это нужным, дала ему слово не расспрашивать Владимира о делах и не вмешиваться в них, за что Николай Леопольдович обещал ей быть постоянно на страже интересов ее и ее семейства. Она, впрочем, и без того, совершенно освоившись со своим новым положением, повела изнеженный образ жизни, вставала в два часа, каталась, выезжала в театры, концерты, собирала к себя кружок знакомых и в вихре удовольствий и сменяющихся одно за другим впечатлений и не помышляла о делах. Князь Владимир, между тем, по совету Гиршфельда, с согласия Милашевича, Кашина, Охотникова и других, добытых Гиршфельдом лиц, выдал на их имя векселя в совокупности на очень значительную сумму. Эти векселя также нашли себе до времени уголок в несгораемом шкафу оборотистого адвоката. Наконец, в Москву к Савицкому полетала телеграмма с условленным заранее словом: «посылайте».

VI
Газетная вырезка

Все совершилось как по писанному. В несколько месяцев опека над князем Шестовым была учреждена — опекуном был назначен Александр Алексеевич Князев, избравший своим поверенным Николая Леопольдовича Гиршфельда. Приведенное в известность имущество опекаемого составило сравнительно весьма незначительную сумму, которая за скупкою опекуном за половинную цену векселей князя уменьшилась еще почти на половину. Последняя сделка была утверждена дворянскою опекою. Гиршфельд торжествовал, но до времени не уменьшал выдачу денег князю Владимиру, который по-прежнему швырял ими без счета. С невыразимой нежностью поглядывал Николай Леопольдович на полки своего несгораемого шкафа, где в образцовом порядке были сложены приобретенные им пятипроцентные банковые билеты и разного рода акции и облигации. Они пестрели всевозможными цветами и ласкали

и нежили взор. Тут же красовались внушительных размеров пачки радужных и серий и желтенькие, блестящие стопы полуимпериалов. По приблизительному расчету Гиршфельда, он мог, не смотря на баснословные траты его на Пальм-Швейцарскую, на выдачу Петухову и Стеше капитала, который целиком находился в ее руках, на широкую свою жизнь в Москве и Петербурге и содержание клевретов и прихлебателей, считать себя в конце концов обладателем кругленькой суммы — более чем в полмиллиона рублей. В этот расчет, впрочем, входило содержание князя Шестова без уменьшения ему выдач и Пальм-Швейцарской только в течение двух лет — время, в которое Николай Леопольдович надеялся от них отделаться совершенно.

На ясный горизонт такого светлого будущего не преминули набежать вскоре грозные тучи. Через несколько времени после благополучного окончания «шестовского» дела, в числе полученных из Москвы писем Николай Леопольдович увидал изящный конверт, на котором был написан его адрес знакомой ему рукой Александры Яковлевны.

Сердце Гиршфельда сжалось, как бы чуя что-то недоброе. Что могла на самом деле писать ему эта женщина? Он внимательно следил за пополнением ее текущего счета в банкирской конторе Волкова с сыновьями, увеличил даже сумму этого счета, в виду своего отъезда из Москвы, на ее экстренные надобности. Она обходилась ему до сорока тысяч ежегодно. Чего же еще она могла требовать от него? Он дрожащими руками разорвал конверт и развернул письмо, из которого выпала печатная вырезка из газеты. Самое письмо заключало в себе лишь несколько строк:

> «Приезжайте немедленно, необходимо лично видеться и переговорить по поводу прилагаемой при сем газетной заметки. Поспешите, иначе я приму меры.
> Готовая к услугам
> А. Пальм-Швейцарская».

Гиршфельд схватил газетную заметку — это была вырезка из «Петуховской» газеты. Он узнал по шрифту и бумаге.

«Нам пишут из Т-а, — так гласила заметка, — что в городе носятся упорные слухи,

будто бы наделавшее несколько лет тому назад шуму дело по обвинению княжны Маргариты Шестовой в отравлении своих дяди и тетки, за что она была присуждена к каторжным работам, но умерла на пути следования в Сибирь — будет возбуждено вновь, в силу открывшихся новых обстоятельств, хотя и не оправдывающих обвиненную, но обнаруживающих ее пособника и подстрекателя, до сих пор гулявшего на свободе и безнаказанно пользовавшегося плодами совершенных преступлений. Сообщаем это только как слух, хотя есть основание думать, что подтверждение его есть лишь вопрос времени».

Николай Леопольдович выронил заметку и бессильно опустил руки. Он несколько минут не мог прийти в себя и дико озирался по сторонам.

— Опять!.. До которых же пор, наконец! — мог только через силу прошептать он.

Усилием воли Гиршфельд едва возвратил себе способность соображать — он понял все. Но то, что он понял, заставило еще больше сжаться его сердце и инстинктивно взглянуть на несгораемый шкаф. Со стороны Петухова

это был вызов, со стороны Пальм-Швейцарской ловкое пользование обстоятельствами. Предстояло снова откупаться от них, и видимо теперь они намерены содрать с него значительную сумму. Они могут его разорить окончательно, а он, он бессилен, он в их руках. При этой мысли Гиршфельд задрожал и снова бросил полный нежности взгляд на своей несгораемый шкаф. Нажитое страшными преступлениями, гибелью ни в чем неповинных людей, уж почти все истрачено, все расхищено. Теперь они — эти люди-акулы добираются до добытого им за последнее время, путем ловко обдуманных комбинаций и всевозможного рода ухищрений. Они — эти люди, не прилагая никакого труда, пользуясь лишь счастливо совпавшими для них обстоятельствами, заберут, если не все, то львиную долю его барышей, барышей, полученных от обдуманно веденного в течении нескольких лет дела. Сколько напряжений ума положено им в него! Он, оказывается трудился, для других!

Гиршфельд закрыл лицо руками и горько заплакал, заплакал чуть ли не в первый раз в

жизни. Слезы облегчили его. Он тряхнул головой, успокоился и, казалось, примирился с совершившимся фактом. Спрятав письмо и заметку в бумажник, он почти спокойно принялся за чтение остальной корреспонденции. Окончив это занятие, он позвонил и приказал лакею приготовить чемодан к курьерскому поезду Николаевской железной дороги, отвезти его на вокзал и купить билет. На другой день утром он уже был в Москве.

Приведя в порядок свой туалет в гостинице «Славянский Базар», Николай Леопольдович послал с посыльным коротенькую записку Петухову, в которой просил его быть у него к пяти часам вечера по очень важному делу, а затем с замиранием сердца помчался в Петровские линии к Александре Яковлевне Пальм-Швейцарской. Та приняла его, по обыкновению, в соблазнительном неглиже, но оно на этот раз не произвело на него ни малейшего впечатления.

— Я получил вчера вашу записку, — начал он, усаживаясь, по ее приглашению, в кресло, — и поспешил явиться из Петербурга по вашему приглашению, но не понимаю, как

могла вас так встревожить пустая газетная утка.

Он проговорил все это деланно-небрежным тоном.

— Вы не понимаете? Странно! Я думала, что вы сейчас поймете, что встревожило меня, — протянула она, пристально глядя на него своими смеющимися глазами.

Он не выдержал, смутился и опустил голову. Она улыбнулась довольной улыбкой.

— Во-первых, — снова медленно начала она, — вы совершенно напрасно притворяетесь. Эта заметка встревожила вас больше, нежели меня, так как мы с вами очень хорошо понимаем, что это далеко не газетная утка. Для нас с вами, не говоря об остальной читающей публике, намек слишком ясен... Надеюсь вы согласны?

— Да, конечно! Но что же из этого? Я увижусь с кем следует и переговорю! — отвечал Гиршфельд.

— Как, что из этого? — вспыхнула Александра Яковлевна. — Если тайна, в силу обладания которой я пользуюсь средствами для порядочной жизни, не принадлежит мне од-

ной, тогда я рискую, что эта тайна не нынче, завтра может обнаружиться и потерять в моих руках всякую цену, в потому требую, чтобы мое молчание было обеспечено и притом обеспечено солидно. Иначе, вы понимаете, что я сделаю?

Она взглянула на Гиршфельда с таким откровенным цинизмом торгаша страшной тайны, что тот побледнел.

— Но позвольте, уверяю вас, что эта тайна никогда не обнаружится, ни у кого не хватит духа идти против меня. Что-нибудь сорвать с меня — вот их дело. Для того и строчат они свои пасквили. То, что я плачу другим, до вас не касается. Вам то, кажется, я никогда, ни в чем не отказывал — за что же вы-то собираетесь погубить меня?

Он глядел на нее умоляющим взглядом.

— Я совсем не хочу вас губить, — резко отвечала она. — Что мне за радость, но я и не хочу терять средства к жизни из-за какого-нибудь писаки. Делайтесь с ним как знаете, это не мое дело, но я требую, слышите, требую, чтобы вы меня обеспечили от всяких случайностей.

Она сердито топнула ножкой. В голосе ее прозвучали решительные ноты.

— Чего же вы хотите? — через силу произнес он.

Прилив бессильной злобы против этой женщины сжал ему горло.

— Я обдумала на этот счет мои окончательные условия; я получала сумму в сложности за пять лет, то это составит триста тысяч рублей. Вы их внесете на хранение в бумагах в государственный банк в Петербурге и квитанцию вышлите мне в течении недели, считая с завтрашнего дня. Расчеты наши будут тогда окончены, и я всю жизнь буду нема, как рыба.

Она выговорила все это залпом, не дав ему перебить ее.

— Триста тысяч! — повторил он задыхаясь и злобно окидывая ее с головы до ног. — Но где же я возьму их? Это невозможно…

— Невозможно? Тем хуже для вас, — хладнокровно заметила она. — Откуда же вы их возьмете — это до меня не касается. Я только повторяю вам — это мои окончательные условия.

Она подчеркнула последнюю фразу.

— Это невозможно, невозможно! — продолжал как бы про себя повторять Гиршфельд.

Она не обратила на это восклицание никакого внимания.

— A propos, — переменила она разговор, — когда вы едете обратно в Петербург?

— Не знаю! — растерянно отвечал он, все еще не будучи в состоянии прийти в себя.

Не отдать требуемых денег было нельзя, просить об уменьшении чудовищного требования — нечего было и думать. Она не уступит ни копейки, зная хорошо, что получит все. Он был близок к умопомешательству.

— Я спросила это потому, что князь Гарин получил на днях телеграмму от своей матери: у него умирает отец и мать просит его приехать. Не захватите ли вы его с собой? Я его пришлю к вам. — Где вы остановились?

Николай Леопольдович не отвечал, бессмысленно уставившись на нее помутившимися глазами. Жилы на его висках усиленно бились.

«А ну, как он бросится на меня?» — мельк-

нуло в уме Пальм-Швенцарской.

Она позвонила.

— Подай барину стакан воды! — приказала она появившемуся лакею.

Гиршфельд продолжал сидеть неподвижно.

Лакей явился со стаканом воды на серебряном подносе и остановился перед ним. Тот перевел на него глаза, встряхнул головой, взял стакан и залпом выпил.

— Еще! — почти простонал он.

Лакей бросился исполнять приказание, кинув недоумевающий взгляд на встревоженного барина. После второго стакана Николай Леопольдович немного успокоился. Александра Яковлевна повторила ему о князе Гарине.

— Хорошо, присылайте, я еду, вероятно, сегодня же вечером, — отвечал он и сказал свой адрес.

— Я вас не задерживаю — вы совсем больны, — встала она.

Он встал тоже.

— Так помните же — я жду неделю!

Он не ответил ничего, машинально пожал

ей руку и шатаясь вышел из гостиной.

VII
Редактор

По возвращении в гостиницу, Николая Леопольдовича ожидал новый сюрприз. Не успел он войти в номер, как служащий в коридоре лакей подал ему письмо, на конверте которого был бланк редакции «петуховской газеты». Гиршфельд разорвал конверт и прочел письмо следующего содержания, написанное тоже на редакционном бланке.

> «Николай Ильич Петухов имеет честь уведомить уважаемого Николая Леопольдовича, что будет ожидать его к себе сегодня, между 5-ю и 6-ю часами вечера.
> С почтением за Николая Ильича
> П. Астапов».

Вся кровь бросилась в лицо Николая Леопольдовича. Он не устоял на ногах и бессильно опустился на первый попавшийся стул. Николка Петухов! Это питейное отродье, этот недавний оборванец — репортеришка, быв-

ший у него на посылках, смеет не только не являться на его приглашение, но даже назначать почти аудиенцию через своего секретаря. Это было уже оскорбление. Гиршфельд низко, низко склонил свою голову.

— До чего дошел я! Горничная княгини Шестовой, заводившая шашни со всеми княжескими лакеями — вспомнились ему слова покойного князя Александра Павловича, вдова бывшего писаря квартала — моя жена. Другая горничная той же княгини, хотя и случайная, принимает меня, как владетельная принцесса, предписывает мне условия и не терпит возражения, и наконец, этот бывший кабацкий сиделец, по моей милости сделавшийся редактором, осмеливается третировать меня с высоты своего величия!..

Он нервно захохотал.

— А я, я бессилен перед ними! — продолжал он, и из глаз его полились злобные слезы. — Я всецело в их руках, в руках этих отправителей надо мною не земного, а скорей адского правосудия.

Он смолк за минуту.

— Отомщены ли вы, души загубленных

мною, или это все еще только начало! — почти вскрикнул он, схватив себя за голову.

Он впал в какое-то нервное оцепенение.

«Сколько, заломит с меня этот живоглот?» — привел он через несколько времени в порядок свои мысли.

«О, я отдам все, отдам и триста тысяч этой „обаятельной“ акуле, этому дьяволу в изящном образе женщины, лишь бы кончить роковые счеты с прошлым, вздохнуть свободно. От шестовских капиталов, таким образом, у меня не останется почти ничего, но и пусть — они приносили мне несчастье. Буду работать, на мой век хватит! Aprez nous le déluge!» — пришла ему на память любимая фраза покойной Зинаиды Павловны.

Он старался себя успокоить, а между тем мысль о необходимости расстаться с громадным капиталом невыносимо больно сжимала его сердце.

«Авось я отделаюсь от него подешевле», — мелькнула в его уме надежда.

Поведение Николая Ильича и тон письма не давали ей укрепиться в его сердце.

«Будь что будет?» — махнул рукой Нико-

лай Леопольдович, но решил, впрочем, чтобы не раздражать Петухова, ни одним словом не упоминать о его бестактной выходке с письмом.

Время визита к Николаю Ильичу, между тем, приближалось. Гиршфельд приказал подать себе обедать и, подкрепившись наскоро, поехал к Петухову.

Николай Ильич Петухов жил уже не на набережной Москвы-реки, а в одном из переулков, прилегающих к Воздвиженке, занимая две квартиры — внизу помещалась редакция и контора, а в бельэтаже жил он сам со своим семейством. Николай Ильич занимал большую квартиру, зала, гостиная и кабинет были убраны комфортабельно, хотя немного безвкусно, так как новая блестящая бронза и картины в золоченых рамах неведомых миру художников резали глаз.

Кабинет был огромный и в одной из стен его был вделан, видимо недавно, несгораемый шкаф. Он первый и бросился в глаза вошедшему Гиршфельду.

«Приготовился!» — злобно подумал он.

Из-за письменного стола поднялся сам Ни-

колай Ильич, облаченный в новый драповый, вышитый шнурками халат. Ворот ночной рубашки тонкого полотна был расстегнут и обнаруживал волосатую грудь.

— Николаю Леопольдовичу, питерскому гостю, сколько лет, сколько зим! — пошел Петухов на встречу Гиршфельду своей семенящей походкой и протянул обе руки.

Гиршфельд сухо пожал правую.

— Садитесь, дорогой мой, вот сюда, на отоманку, покойнее будет. Уж вы меня извините, что я в халате, работы страсть. Не сладка, не сладка, я вам скажу, жизнь литератора! — суетился Николай Ильич.

Гиршфельд уселся на отоманку.

— Какими судьбами к нам в Белокаменную? По делам? — спросил Петухов с самым невинным видом.

— По делам! — усмехнулся Николай Леопольдович. — Уж будто бы мой приезд для вас и неожидан?

Он пристально посмотрел на него.

— Загадки задаете! — уклончиво ответил Николай Ильич, но не вынес его взгляда и опустил глаза.

— Задаю, — отвечал Гиршфельд, — и хочу, чтобы вы мне вот эту поскорей отгадали.

Он достал из кармана сюртука бумажник, вынул из него присланную ему Александрой Яковлевной газетную вырезку и подал ее Петухову.

— Хе, хе, хе, задело соколика за живое! — вдруг неожиданным циничным смехом залился Петухов.

— Чему же вы смеетесь? — вспыхнул Николай Леопольдович. — Я спрашиваю вас, что это значит?

— А значит это, государь мой, что не следует забывать благоприятелей... — с тем же гадким смехом продолжал Николай Ильич.

Гиршфельд, совершенно неожидавший такого оборота дела, был положительно ошеломлен и глядел на Петухова во все глаза. Тот, между тем, быстро подскочил к двери кабинета, запер ее на ключ и возвратился на место.

— А вы полагали, уважаемый Николай Леопольдович, — снова насмешливым тоном начал он, — что выбросив Николке Петухову двадцать пять тысяч рублей, каплю в море нажитых вами капиталов, вы с ним покончи-

ли все счета, даже облагодетельствовали, на ноги поставили, век должен вам быть обязан, стоит лишь вам крикнуть: позвать ко мне Петухова — он так к вам, как собачонка, и побежит. Прибыть в Москву изволили! Чтобы был у меня в пять часов вечера! Как бы не так! Ошибаетесь! Оно действительно, на полученные от вас деньги я из ничтожества вышел, персоною стал, вся Москва чуть не в пояс кланяется, деятелем полезным сделался.

Он самодовольно улыбнулся, погладив свою французскую бородку. Николай Леопольдович молча продолжал глядеть на него.

— Но, во-первых, деньги эти я не получил от вас в подарок, это было вознаграждение за услугу, и вознаграждение, между нами сказать, небольшое, я бы мог потребовать тогда от вас сколько мне было угодно, и вы бы беспрекословно исполнили мое требование, но я, я был великодушен! Я надеялся, что вы оцените мою умеренность и не будете неблагодарны, но оказалось, что я ошибся. Вы, видимо, решили, что мы квиты, но в данном случае ошиблись вы. Не вашим деньгам обязан я моим настоящим положением, а исключи-

тельно моему уму и литературному таланту. Не даром молвится русская пословица: «глупому сыну не в помощь богатство», а какие-нибудь двадцать пять тысяч и подавно. Значит наши счеты с вами далеко не сведены. Вот вам и разгадка этой загадки.

Петухов указал глазами на газетную вырезку. Нахальство Николая Ильича превзошло ожидание Николай Леопольдовича. Он был, что называется, сбит с панталыку.

— В какой же сумме вы меня считаете своим должником? — мог только проговорить он.

— Окончательно?

— Ну, хоть окончательно…

— Видите ли вы, уважаемый Николай Леопольдович, хотелось бы этот домик в собственность приобрести, заложен он, так не желательно бы было с кредитным обществом возиться, чистенький приобрести хотелось бы. Типографию бы свою завести, оно выгоднее, а то не весть сколько денег лишних переплачиваешь…

Петухов остановился, как бы что-то соображая.

— Сколько же надо? — нетерпеливо спросил Николай Леопольдович.

— Да как вам сказать? Как будто на мой пятипроцентный билет главный выигрыш пал.

— Двести тысяч! — воскликнул Гиршфельд и даже привскочил с места.

— Уж никак не меньше... — с невозмутимым хладнокровием подтвердил Николай Ильич.

— Вы с ума сошли! Это грабеж! Откуда я их возьму? Вы на самом деле считаете меня каким-то Ротшильдом!

— Э, батенька, ничем я вас иным, как Николаем Леопольдовичем, не считаю, но дела ваши знаю досконально.

— Видно не знаете! — возразил было Гиршфельд, но Петухов посмотрел на него в упор с такой уверенной улыбкой, что тот смолк.

— Это уж вы оставьте, и если нам с вами считаться услугами, то эта сумма явится далеко не такой громадной, как вы стараетесь представить. Я с вами поступаю, как говориться, «по-божески».

— Хорошо «по-божески»! — сквозь зубы

процедил Николай Леопольдович.

— А как же иначе? Именно «по-божески». Другой бы с вас с первого раза такой куш содрал, что вы бы ахнули, а все-таки выдали бы — нищим бы вас сделал и ничего вы не поделали бы. Перед перспективой копанья «царевой руды» говорить и возражать не приходится, а я вас щадил, видит Бог, щадил! Думал, авось сам поймет, почувствует. Мало того, сколько потом услуг вам оказал и не пересчитаешь, а вы возмущаетесь — грабят, дескать! Стыдитесь...

— Какие еще-то услуги? — задыхаясь от волнения, спросил Гиршфельд.

— Как какие? — воззрился на него Петухов. — Уж мы ли вас не восхваляли на все лады, как светило не только московской, но даже русской адвокатуры, но это в сторону. Я лучше буду говорить не о том, что мы печатали, а о том, о чем мы умалчивали. В печати в наше время чаще всего молчание является именно золотом. О ямщицком деле мне было известно — я промолчал; несчастный случай с покойным Иваном Флегонтовичем тоже был из подозрительных.

Николай Ильич исподлобья, но пристально посмотрел на Гиршфельд.

Тот опустил глаза.

— Я тоже промолчал… — после некоторой паузы начал Петухов. — А между тем знаю почти все подробности о дневнике покойной княжны: накануне своей смерти, Иван Флегонтович, царство ему небесное, мне все рассказал.

Он истово перекрестился.

— Повторяю, я молчал… О браке вашем с горничной покойной княжны Зинаиды Павловны, заключенном, конечно, ради того же дневника, тоже не намекнул словом, а сюжетец интересный — хоть роман пиши.

Он остановился.

Николай Леопольдович сидел, как окаменелый.

— Этого ли не довольно? — вопросительно поглядел на него Николай Ильич. — Есть и еще! Устройство опеки над князем Шестовым, подробности тоже нам не совсем не известны… Что вы на это, уважаемый Николай Леопольдович, скажете?

Тот молчал, подавленный всеведением

московского репортера-редактора. Чем иным мог он ответить ему, как не согласием на его условия.

— Когда и как доставить вам деньги? — слабым голосом спросил Гиршфельд.

— Я денька через два сам к вам в Питер прикачу — там мы и рассчитаемся. Кой-какие дела есть к тамошним редакторам, да и в потомственные почетные граждане тоже пробраться хочется, так похлопотать надо...

— Деньги будут готовы, но надеюсь, что тогда мы будем с вами квиты навсегда.

— Без сомнения — я в слове кремень. Даю вам в этом честное слово... — протянул Николай Ильич ему руку.

Николай Леопольдович холодно пожал ее и направился к двери. Петухов поспешил забежать вперед и отпер ее.

— До свиданья в Питере! — проводил он гостя.

В состоянии, близком к бессознательному, вышел Гиршфельд из квартиры Николая Ильича, сел на извозчика и приехал в гостиницу. В своем номере он застал Виктора Гарина. Эта встреча отчасти вызвала его к дей-

ствительности, напомнила просьбу Пальм-Швейцарской захватить с собой в Петербург князя. Рассеянно поздоровался он с ним, рассеянно слушал его рассказы о том, что Александра Яковлевна недели через две переезжает на постоянное жительство в Петербург, что Матвей Иванович Писателев принять на петербургскую казенную сцену и она надеется, при его протекции, не только играть на клубных сценах, но даже пробраться на казенную, что Адам Федорович Корн, поддев артистов на удочку контрактов с артельными началами, по окончании первого же сезона заиграл в открытую и обсчитал их хуже всякого антрепренера. Все это князь Гарин рассказывал с мельчайшими подробностями, как в номере гостиницы, так и сидя уже в вагоне железной дороги, уносившей их в Петербург.

Наконец он заснул. Николаю Леопольдовичу было не до сна. Исполнение требование Пальм-Швейцарской и Петухова, в связи с необходимостью по крайней мере года на два удовлетворять требованья князя Шестова — ни в чем ему не отказывая, делали то, что материальное его благосостояние рисковало

стать далеко не завидным. Шестовские капиталы, добытые им рядом преступлений, включая и нажитые при устройстве опеки — пошли, что называется, прахом.

«Надо опять начинать с начала, приниматься за дела, работать, а я только что рассчитывал отдохнуть!» — со злобным ожесточением думал он, всю ночь не смыкая глаз.

Поезд замедлил ход, подходя под своды петербургского вокзала.

VIII
У постели умирающего

В знакомом нам доме князей Гариных, на набережной реки Фонтанки, царствовала могильная тишина. Парадные комнаты были заперты, шторы на окнах, выходивших на улицу, спущены, лакеи в мягкой обуви не слышно, как тени, ходили по дому, шепотом передавая полученные приказания. Вся мостовая перед домом была устлана толстым слоем соломы, делавшей неслышным стук проезжавших мимо экипажей. Все указывало, что в доме есть труднобольной.

Князь Василий Васильевич, действительно, уже около трех месяцев был прикован к постели серьезным недугом. Его крепкая натура ожесточенно боролась с приближающейся смертью, лишь медленно шаг за шагом уступая ей после сражения. Все петербургские «светила медицинского мира» перебывали у постели больного и продолжали ежедневно посещать его, но не могли сказать ничего утешительного княгине, откровенно заявляя, что исход болезни ее мужа несомненно смертельный, и лишь можно поддерживать, и то сравнительно недолгое время, угасающую жизнь. Это же мнение в весьма резкой форме высказала и приглашенная «знаменитость» из Москвы, взявшая за визит три тысячи рублей вперед. Князь, таким образом, был приговорен к смерти.

— Спасти его может только Бог! — сказала, между прочим, московская знаменитость.

Княгиня Зоя и обратилась к Богу.

«Гром не грянет, мужик не перекрестится» — эта пословица, являясь несомненной клеветой на истинно русского человека, становится святою истиной в применении к

представителям нашего офранцуженного барства. Она оправдалась всецело и на княгине Гариной. Грянул гром — она перекрестилась.

Сознавал ли сам князь Василий опасность своего положения, чувствовал ли близость смерти — было неизвестно. В редкие минуты полного сознания, особенно за последнее время, он мирно беседовал с женою и с дочерью — княгиней Анной Шестовой и Софьей Путиловой, проводивших целые дни вместе с матерью в спальне умирающего. Одного лишь не могла достигнуть княгиня Зоя — это убедить мужа простить сына. Малейшее напоминание с ее стороны о Викторе приводило больного в страшное раздражение, оканчивавшееся обыкновенно тяжелым обмороком. Ни единым словом князь не выражал свою последнюю волю, — воля эта, впрочем, была им высказана в составленном вскоре после изгнания Виктора из родительского дома завещании, по которому князь оставлял после своей смерти все свое состояние своей жене, предоставляя обеспечение детей ее усмотрению, с тем, впрочем, чтобы выдача князю Виктору не превышала назначенных

ему отцом двухсот рублей в месяц. Примирить мужа с своим единственным любимым сыном стало заветною мечтою Зои Александровны, в особенности после того, как все лечившие князя Владимира доктора высказались решительно за смертельный исход его болезни. Когда, таким образом, надежда на земную помощь и на врачей тела исчезла, княгиня, как мы уже сказали, обратилась к помощи небесной — к врачам души.

Слава о чудодейственной силе молитвы священника Кронштатдского собора о. Иоанна Сергиева уже успела в то время облететь всю Россию. Рассказывали множество случаев исцеления безнадежно больных одной молитвой этого отличающегося силой веры служителя алтаря, за ним, кроме того, укрепилась и слава прозорливца. К нему то и обратилась княгиня Зоя Александровна с прочувствованным письмом, прося его не отказаться приехать помолиться о болящем князе Василии. Кроме надежды на силу молитвы этого видимо угодного Богу человека, княгиня рассчитывала на силу его убеждения, чтобы заставить ее мужа перед смертью простить

опального сына. Она решила рассказать о. Иоанну все, открыться ему, как на духу, и просить его повлиять на князя в смысле прощения единственного сына.

О. Иоанн не заставил себя долго ждать. Через несколько дней после отправки письма, к подъезду княжеского дома подъехала карета, по следам которой бежала толпа народа, и из нее вышел о. Иоанн. Благословляя по обе стороны собравшуюся у подъезда толпу, он прошел в швейцарскую и приказал доложить о себе княгине. Она приняла его в комнате, смежной со спальней больного.

О. Иоанн был человек среднего роста, худощавый, с резко очерченными линиями выразительного лица и проникающим в душу взглядом добрых, ясных, серых глаз. Жиденькие светло-каштановые усы и бородка закрывали верхнюю губу и подбородок; такого же цвета волосы жидкими прядями ниспадали на плечи. Одет он был в коричневую камлотовую рясу. На груди его висел золотой наперсный крест.

Своей своеобразной торопливой походкой, соединенной с постоянным передергиванием

плеч, что происходило от тяжелых вериг, которые он постоянно носил на теле, вошел он в комнату, где его ожидала княгиня с дочерьми. Положив, вместо благословения, на голову каждой из них крестообразно свои руки о. Иоанн справился о больном. Княгиня провела его в спальню. Князь был в забытьи.

О. Иоанн долго пристально смотрел на исхудалое, с обострившимися чертами лицо больного, подернутое мертвенной бледностью, с темным земляным оттенком.

— Пойдемте, помолимся! Он этим временем придет в себя, я его исповедую и приобщу — запасные дары со мной, — тихо произнес он и направился было в другую комнату, но княгиня Зоя остановила его.

В коротких словах передала она историю разрыва между отцом и сыном, не утаив и малейшей подробности, включая даже биографию Александрины и присвоения ее денег. Эта была искренняя исповедь жены и матери у постели умирающего мужа.

— Повлияйте, батюшка, на него, — указала Зоя Александровна полными слез глазами на больного, — чтобы он престал несчастного.

Княгиня посмотрела на о. Иоанна умоляющим взглядом.

— Попробую с Божьей помощью! — после некоторой паузы ответил он.

Они вышли из комнаты больного. В соседней комнате было уже приготовлено все для молебна. В дверях толпилась прислуга.

О. Иоанн начал молиться. Уверенность тона молитвы этого необыкновенного, отмеченного божественным перстом священника — сообщалась предстоящим, и им казалось, что подобная молитва не может быть не услышана и не исполнена. В это молитве слышалась не мольба, а скорее почтительное требование, — в ней была вера, переходящая в несомненную уверенность. Для слабых смертных, присутствующих при подобной молитве, становился на мгновение понятен тот идеал евангельской веры «с горчичное зерно», веры, способной двигать горами.

По окончании молебна из спальни послышался слабый голос больного и княгиня поспешила туда. Князь был в полном сознании и чувствовал себя сравнительно лучше. Узнав, что о. Иоанн в их доме, он пожелал его

видеть. Приняв от него благословение, он попросил жену и дочерей удалиться.

— Я хочу исповедываться и приобщиться! — слабо сказал он.

Около часу провел о. Иоанн в беседе с умирающим, и результатом это беседы было высказанное князем Василием желание видеть сына. Обрадованная княгиня тотчас же телеграфировала ему в Москву.

Больной как-то просветлел и укрепился духом и хотя был так же слаб, как и прежде, но жгучие боли прекратились. Он стал говорить о своей смерти, но в этих словах не слышалось не только страха, но даже сожаления о покидаемом мире.

Прошло несколько дней, а князь Виктор не ехал, княгиня ожидала его после каждого приходящего из Москвы поезда, на которые высылался за ним экипаж, но их сиятельство, говоря словами лакея, «прибывать не изволили». Зоя Александровна ужасно беспокоилась, боясь, что он не застанет в живых день ото дня слабевшего князя Василия, тоже ежедневно справлявшегося о сыне. Наконец молодой князь, как мы знаем, прибыл вместе с Нико-

лаем Леопольдовичем и расстался с последним на вокзале. Княгиня бросилась на шею сыну и залилась слезами.

Успокоившись, она рассказала ему ход болезни его отца, жояговор докторов, посещение о. Иоанна, и желание князя видеться с ним, выраженное после беседы с знаменитым священником. Князь Виктор выслушал все это более чем хладнокровно.

«Он стал для нас совсем чужой! — подумала Зоя Александровна. — О, как жестоко отомстила нам эта женщина!»

С сестрами князь Виктор встретился тоже чрезвычайно холодно. Его думы и мысли были на самом деле далеко от родительского дома — они вертелись постоянно, как белка в колесе, около «божественной» Александры Яковлевны.

— Пойдем к отцу! — вывела его из задумчивости княгиня.

Он машинально последовал за ней.

Князь Василий, увидав перед собою сына, сложил губы в нечто в роде ласковой улыбки и протянул ему руку. Тот беззвучно поцеловал ее.

— Я умираю, ты остаешься единственной опорой твоей матери, единственным представителем рода князей Гариных. Надеюсь, что эти важные обязанности, в связи с просьбой своего умирающего отца, заставят тебя изменить твою жизнь а пойти иным, более достойным носимого тобою имени жизненным путем.

Больной остановился, еле переведя дух, — давно уж он не произносил такой длинной фразы.

Виктор опустил глаза и вместо ответа снова припал губами к исхудалой руке отца.

Если бы князь Василий обладал прежнею прозорливостью, то по одному апатичному выражению лица сына он понял бы, как далек последний не только от искреннего желания исполнить последнюю его волю, но даже вообще от всей этой тяжелой обстановки родительского дома. К счастью для умирающего, он от непривычного волнения ослаб и впал в забытье. До самой смерти, последовавшей недели через две после описанной нами сцены, он не приходил в полное сознание и умер тихо, как бы заснув.

Отдать последний долг богатому и родовитому сановнику собрался буквально весь великосветский Петербург. Печальный кортеж медленно двинулся по Невскому проспекту, по направлению к Александро-Невской лавре. Металлический гроб, сплошь прикрытый множеством венков от разных ведомств и учреждений, тихо колыхался под роскошным балдахином, впереди которого несли бархатные подушки с бесчисленными орденами покойного. Когда отпевание было окончено и семья покойного стала с ним прощаться, в церкви, среди столпившихся около гроба, произошло движение. Какая-то молодая дама, элегантно одетая в глубокий траур, вошла в церковь и стал энергично прокладывать себе дорогу к гробу. Приблизившись к нему, она сделала земной поклон и, поднявшись на ступени катафалка, простилась с покойным князем. Затем незнакомка повернулась, не сходя с возвышения, лицом к окружающим катафалк, обвела всех высокомерным взглядом, который и остановила на стоявшей впереди, рядом с дочерьми и сыном, княгине Зое Александровне. Не спуская с нее глаз, молодая

женщина стала медленно спускаться со ступеней. Княгиня подняла на нее глаза, вскрикнула и упала без чувств на руки подоспевших мужчин. С обеими ее дочерьми тоже сделалось дурно. Незнакомка самодовольно улыбнулась и сделала знак рукою князю Виктору. Тот быстро подскочил к ней и взяв под руку, вывел из церкви. Это была Александра Яковлевла Пальм-Швейцарская, накануне лишь прибывшая в Петербург.

Инцидент этот сделался на долго предметом горячих пересудов в петербургских гостиных.

IX
Васька-миллионер

Время шло со своею беспощадною быстротою. Прошло уже около двух лет. Николай Леопольдович Гиршфельд своевременно исполнил требования «ненасытных акул», как он называл Петухова и Пальм-Швейцарскую, и усиленною работою старался вернуть хотя небольшую часть выскользнувшего у него из рук громадного состояния.

Петербургская практика, впрочем, его далеко не радовала. Подопечный князь Шестов жил по прежнему на широкую ногу, окружая Агнессу Михайловну роскошью и комфортом, бывая на всех петербургских пожарах и избранный даже председателем вольной пожарной дружины, составившейся из любителей в одной из ближайших к Петербургу дачных местностей. Со скрежетом зубовным продолжал выдавать Николай Леопольдович требуемые князем суммы, находя несвоевременным и опасным начать с ним играть в открытую, хотя, к ужасу своему, видел, что его

несгораемый шкаф пустеет не по дням, а по часам, и не далеко то время, когда прекратить содержание князя принудит его необходимость. Отсутствие крупной практики сказывалось и на его личном бюджете, а для поддержки реномэ богатого человека ему часто приходилось заимствовать из того же несгораемого шкафа, где покоились оставшиеся крохи колоссального наследства после покойного князя Александра Павловича Шестова. Гиршфельда поддерживала лишь вера в его счастливую звезду. Его клевреты, из числа которых вышел князь Виктор Гарин, живший в доме матери, снова совершенно обеспеченный, и за последнее время переменившийся совершенно, исправившийся во многом, кроме своей фатальной страсти к Александре Яковлеве, рыскали по стогнам столицы, как ищейки, разыскивая крупные дела или точнее крупные гонорары. На место выбывшего Гарина, около Николая Леопольдовича, кроме оставшегося Князева, появились новые лица — его помощники — Дмитрий Вячеславович Неведомый и кандидат прав Николай Николаевич Арефьев.

Первый состоял официальным помощником Гиршфельда и числился тоже в Московском округе. Это был атлетически сложенный мужчина, с некрасивой, отталкивающей физиономией, всегда неряшливо одетый в потертое платье, казавшееся на нем, а быть может и бывшее на самом деле «с чужого плеча». Он и Князев были неразлучными друзьями, жили в одной меблированной комнате на углу Невского и Литейной и истребили в громадном количестве, за счет и страх Николая Леопольдовича, всевозможные изделия водочных заводов. Юридические познания Неведомого давно уже были позабыты им на дне сороковок.

Сам по себе Дмитрий Вячеславович был добродушный человек, неспособный по собственной инициативе на дурное дело, но по своей бесхарактерности, он являлся послушным орудием в руках других и был готов на все за лишнюю и после лишней рюмки водки.

Совершенной противоположностью ему был другой неофициальный помощник Николая Леопольдовича — Арефьев. Среднего ро-

ста, худощавый, юркий и подвижный, с коротко обстриженными волосами и бородкой, с быстрыми, умными, бегающими глазами, говоривший хриплым фальцетом — это был делец в полном смысле слова, положивший уже давно в основу своего нравственного мировоззрения уложение о наказаниях с предвзятою и настойчивою мыслью о полной возможности спокойно обходить статьи этого кодекса. Съевший на законах «несколько собак и закусив щенком» — его собственное выражение — он умел говорить и писать с неотразимой логикой. Официально заниматься адвокатурой ему было запрещено давно, но он не унывал, а вел себе дела под сурдинку, прикрываясь именем то того, то другого частного и даже присяжного поверенного, для которых он был нужным человеком, изображая из себя живую, ходячую книгу законов и кассационных решений. Восемь раз судился он с присяжными заседателями и всегда выходил из суда оправданным. Словом, Арефьев был bette noire петербургского прокурорского надзора.

Гиршфельд познакомился с ним вскоре после последнего его оправдания, понял, что

для него это клад, а не человек, постарался сойтись с ним и очень им дорожил, не смотря на то, что Николай Николаевич, по своей привычке, третировал его свысока, даже получая от него весьма не редкие субсидии в довольно крупном размере.

Основной чертой его характера было презрение к людям, в нем заискивающим и ему помогающим. Может быть эта происходило от сознания, что он стоит головою выше его окружающих по уму и по знаниям и от озлобления, что жизнь его сложилась так, что он сделался для охранителей правового порядка чем-то в роде травленного зайца. Глумление над этими охранителями было любимою темою его разговоров.

Таковы были люди, окружавшие Николая Леопольдовича в Петербурге. В полк его «клеврет-ов-ищеек» записался и «дедушка» Милашевич. Последнему вскоре посчастливилось.

В одну из своих ежедневных экскурсий по Петербургу, Антон Михайлович случайно забрел в грязный трактир-низок на Сенной площади. Там он натолкнулся на довольно обыденную, но на этот раз заинтересовавшую его

сцену. Выпроваживали, или, как говорится, «честью просили», убеждая внушительными жестами, какого-то пьяного оборванца, вступившего по поводу своего, по его мнению, несвоевременного и далеко для него нежелательного изгнания, в жестокий спор с молодцеватым буфетчиком. С обеих сторон слышалась отборная ругань. Не отказывали себе в удовольствии вставить крепкое словцо и постороннее посетители-завсегдатаи этого злачного места. Нагрузившийся оборванец видимо сознавал за собой какие-то непризнаваемые окружающими качества и достоинства, ставившие его выше их. Определить его года по оплывшему от беспробудного пьянства лицу, с потерявшими всякое человеческое выражение чертами и мутным, бесмысленным взглядом изжелто-серых глаз было затруднительно, и лишь появившаяся в редких определенного цвета волосах на голове и бороде седина и громадная лысина указывали, что он прожил, по крайней мере, четыре десятка лет.

— Я тебе покажу, — заплетающимся голосом продолжал уже при Антоне Михайловиче

выкрикивать оборванец, подступая к стойке и энергично отталкиваемый от нее двумя мальчишками половыми, — дай срок, найму адвоката — миллионы получу, весь этот твой кабак с тобою вместе куплю и выкуплю.

При словах «адвокат» и «миллионы» Милашевич навострил уши.

— Проваливай «живой покойник» пока до миллионов, говорю проваливай, не проедайся! — невозмутимо отпарировал буфетчик.

— Васька-миллионер, волк его ешь! — слышались возгласы завсегдатаев, сидевших за столиками, по адресу оборванца.

Усилия мальчишек увенчались успехом, и будущий миллионер, или как называл его буфетчик «живой покойник» был вытолкнут за дверь заведения, со скрипом и грохотом тяжелого блока затворившуюся за ним.

Антон Михайлович наскоро выпил у стойки рюмку водки и вышел почти вслед за заинтересовавшим его оборванцем. Последний стоял прислонившись к косяку двери заведения, изображая таким образом сцену из потерянного рая, и продолжал бормотать ругательства по адресу изгнавшего его буфетчика.

Милашевич отошел от него несколько шагов и стал наблюдать за ним. Оборванец отделился, наконец, от косяка и пошатываясь отправился по направлению к Садовой. Антон Михайлович последовал за ним.

Завернув в один из прилегающих к этой улице грязных переулков, оборванец шмыгнул под ворота громадного шестиэтажного дома. Он сделал это с такой быстротой, какой не вжидал от него Милашевич, едва успевший подскочить к воротам, у которых на скамейке с олимпийским величием восседал старший дворник. Присутствием этой «особы» и объяснилась торопливость оборванца, хотевшего видимо незаметно проскользнуть мимо глаз «начальства». Последнее, однако, его заметило, что выяснилось из ответа старшего дворника на вопрос Антона Михайловича.

— Не можешь ли сказать мне, любезный, что это за человек?

— Какой? — проницательным взглядом окинул Милашевича дворник, не трогаясь с места.

— А вот что сейчас прошмыгнул в ворота?

— Шантрапа, много их тут гнездится! — презрительно сплюнул дворник.

— Ты его не знаешь? — тоном сожаления спросил Антон Михайлович.

— Как не знать, какие же мы будем старшие дворники, коли жильцов знать не будем, и не желательно бы знать, да же обязанности.

— Значит это жилец?

— Да вам на какую потребу?

— Надо бы знать! — уклончиво отвечал Милашевич и сунул в руку дворника несколько серебряных монет.

Тот моментально поднялся с места и стал любезен и разговорчив. Он обстоятельно и подробно объяснил, что оборванца зовут Василий Васильевич Луганский, что он из дворян, был когда-то «на линии», да теперь видимо скопытился и стад «бросовый» человек. Живет он втроем на кухне подвального этажа на дворе, насупротив выгребной ямы. Дворник даже указал рукой по направлению этой кухни.

— С кем же он живет?

— Жена у него законная. Надежда Петровна, да ейный «воздахтор» из французов, Егор

Егорович Деметр.

— Чем же они живут?

— Воздахтор ейный промышляет по бильярдной части, а Васька-то с женой чем Бог пошлет.

— А не слыхал ли ты, что у него есть какое-то дело и он надеется быть богатым человеком?

— Брешет что-то он об этом постоянно, да навряд, зря только болтает! — недоверчиво отвечал дворянин и умолк.

Ничего больше Антон Михайлович от него не добился и, записав номер дома и сообщенные имена, отправился снова в трактир, откуда был изгнан Луганский. Милашевич надеялся получить более подробные сведения от буфетчика этого злачного места, и не ошибся. Усевшись за один из столов, ближайших к стойке, он потребовал себе несколько лучших кушаний, водки и даже полбутылки крымского вина. Расчет его оказался верным — такой выдающийся в этом месте заказ, в связи с приличным одеянием нового посетителя, произвел впечатление и обратил на него внимание буфетчика. Она разговорились и скоро

последний, по приглашению Антона Михайловича, сидел за его столом и вел с ним беседу «с опрокидонтом», как называл «дедушка» Милашевич разговор за рюмочкой. Последний искусно перевел беседу на недавно изгнанного из заведения оборванца.

— Нестоящий внимания субъект! — заметил буфетчик. — Промышляют они с женой тем, что собирают на похороны друг друга — она значит неутешной вдовой, а он неутешливым вдовцом прикидываются и подачки все пропивают.

— Оттого-то вы и зовете его живым покойником? — полюбопытствовал Антон Михайлович.

— Отчасти, но только прозвище это за ним не так давно укрепилось. Сюжет тут смехотворный у них с супругой вышел. Выклянчила она у одной приезжей барыни на похороны муженька десятирублевку. Барыня-то оказалась доброй душою, в положение ее горестное вошла, адрес взяла — помогу, дескать, после похорон. Ушла Надежда Петровна — ног под собой не слышит, бумажку в кармане то и дело ощупывает — цела-ли голубушка? При-

мчалась домой и пошло у них с мужем и воздахтором ейным стогование и пирование. А барыня-то, добрая душа, по ее уходе раздумалась, не хватит де ей горькой десять рублей, купила это она саван, туфли, свечей прихватила, да и покатила часика через три по ее уходе по адресу. Приехала покойнику поклониться, а он, родименький, и лыка не вяжет, пьян мертвецки. И пир у них горой идет. Плюнула барыня, саван, туфли и свечи бросила им на стол и вспять вернулась. Они вскорости и свечи продали, да и пропили. Мы его «живым покойником» с тех самых пор и прозвали.

Относительно прозвища «миллионер» приказчик сообщил, что Луганский рассказывает, что умерший не так давно его дядя завещал все свои именья, стоющие более миллиона, в пожизненное владение своей жене, минуя его, законного наследника, а между тем оно как-то так выходит, что жена и не жена дяди...

— Только, кажись, все это он брешет, — закончил свой рассказ буфетчик, качая сомнительно головой. — Нестоящий внимания

субъект!

Они выпили по последней. Милашевич расплатился, поблагодарил буфетчика за компанию и вышел, очень довольный сообщенными сведениями.

На другой день рано утром Антон Михайлович отправился к Луганскому, застал его в сравнительно трезвом состоянии, обстоятельно расспросил о деле, рассмотрел имевшиеся у него документы и объявил, что у него есть адвокат, который возьмется вести его дело на свой счет, что этот адвокат — известный присяжный поверенный Николай Леопольдович Гиршфельд. Кроме Луганского, Милашевич застал дома и жену его, и ее, как выразился старший дворник, «воздахтора».

Надежда Петровна была еще далеко не старой женщиной, но жизнь, которую она вела, и роль, которую она играла в этом «подвальном счастьи втроем», положили на ее лицо свой отпечаток; одета она была почти в лохмотья.

Егор Егорович Деметр казался перед ними франтом и барином — это был тип завсегдатая бильярдной Доминика, — высокого роста,

с нахальной физиономией, с приподнятыми вверх рыжими, щетинистыми усами, с жидкой растительностью на голове и начавшим уже сильно краснеть носом. На вид ему было лет за тридцать. Одет он был в сильно потертую пиджачную пару, с георгиевской ленточкой в петличке.

По совещанию с своими домашними Луганский согласился, захватив документы, ехать вместе с Милашевичем к адвокату. Общими усилиями привели в возможный порядок его туалет, и торжествующий Антон Михайлович повез открытого им наследника миллионного состояния к своему патрону.

Николай Леопольдович, внимательно выслушав сперва доклад Милашевича, а затем объяснения Луганского, рассмотрел документы и согласился взяться за ведение этого дела на свой счет, с выдачею даже Луганскому небольшого аванса для приличной жизни. Таким образом, возникло наделавшее так недавно столько шуму в Петербурге дело миллионера Луганского. Принимая его, Гиршфельд и не думал, что оно будет последним и роковым в его адвокатской карьере.

X
Наследник

Суть дела, принятого Николаем Леопольдовичем к своему производству, заключалась в следующем. В конце апреля 188* года умер брат Василия Васильевича Луганского, давно уже не только не сохранивший с ним родственных отношений, но прямо не пускавший его себе на глаза за прежний образ его жизни, доведший его до настоящего положения — камер-юнкер Михаил Васильевич Луганский. Умер он холостым и не оставил после себя завещания. Между тем, по завещанию умершего около десяти лет тому назад дяди Василия Васильевича камергера, действительного статского советника Александра Николаевича Луганского, брат его Михаил был собственником двух громадных имений в С-ом уезду П-ской губернии Сушкино и Комаровка, находившихся, согласно тому же завещанию, в пожизненном владении их тетки, жены Александра Николаевича Антонины Карловны Луганской, урожденной

Лерхман. Стоимость имений составляла заманчивую сумму — свыше миллиона рублей. Таким образом «живой покойник» и «Васька-миллионер» петербурской Сенной площади далеко не без основания считал себя будущим богачом. Заключения старшего дворника и буфетчика трактира, что он видимо «брешет», были неверны. Кроме того, брак Александра Луганского с девицею Лерхман был совершен заграницей с несоблюдением некоторых формальностей, а потому мог быть, при известного рода настойчивых хлопотах, признан недействительным.

Задачею дела было, если не уничтожить совершенно пожизненное владение Антонины Луганской судебным порядком, доказав незаконность ее брака, то путем возбуждения дела об его недействительности и посредством угроз и убеждений склонить ее отказаться самой от пожизненного владения, конечно за известное вознаграждение. При обоих исходах Василий Луганский делался собственником и распорядителем этих имений, как единственный законный наследник после брата Михаила.

Решившись вести дело именно в этом смысле, и уверенный в успехе, Николай Леопольдович на другой же день заключил с Луганским у петербургского нотариуса Ивановича условие, по которому получал 30 % с ценности имений при поступлении их в полную собственность и распоряжение Луганского, из каковой ценности должна быть вычтена сумма, имеющая, в случае надобности, быть выданной Антонине Луганской, если дело окончится миром. Луганский, со своей стороны, выдал ему полную доверенность.

Дело началось. Хотя Гиршфельд принял ведение его на свой счет, но денег для предстоявших расходов у него не было, так как оставшихся крох Шестовского наследства едва хватало для жизни самого Гиршфельда и продолжавшихся безумных трат князя Владимира, которым Николай Леопольдович все еще боялся положить предел. Он, впрочем, надеялся выйти из этого затруднительного положения при посредстве того же Луганского, и даже проделать с ним и лакомым куском в виде его наследства то же, что и с князем Шестовым и его капиталами, но уж без риска потерять его,

и потому решился пока тратить свои деньги. Первым шагом Николая Леопольдовича, по совету Арефьева и Неведомого, которых он пригласил сотрудниками по ведению этого миллионного дела, было написать письмо Антонине Луганской, жившей постоянно в Берлине.

В этом письме он уведомлял ее, что получил доверенность от Василия Луганского на ведение против нее дела об уничтожении ее права пожизненного владения именьями, доставшимися ей после ее покойного мужа, брак с которым признан петербурскою духовною конситориею недействительным, а потому предлагал ей и даже советовал окончить дело миром за единовременное вознаграждение, о сумме которой она бы благоволила сообщить ему письменно в наивозможно непродолжительном времени. При письме была приложена копия с определения петербургской духовной консистории.

Это определение было добыто следующим, образом. Гиршфельд подал в консисторию прошение, в котором изложил историю брака Александра Луганского с девицею Антони-

ною Лерхман и перечень представленных при обыске документов, просил консисторию поставить определение, может ли брак при подобных данных быть признан действительным? Духовная консистория в разрешении заданного ей просителем вопроса постановила частное определение о том, что брак этот, при наличности только указанных просителем данных, должен быть признан недействительным.

Копия с этого-то определения и была послана Николаем Леопольдовичем Антонине Луганской.

Через несколько времени получился ответ. Определение консистории видимо подействовало, и Луганская выразила согласие уступить свое право за четыреста пятьдесят тысяч рублей, и кроме того просила подождать предъявлением иска до приезда ее в Петербурге, куда она собиралась в скором времени. Выдача чуть не половины стоимости именья далеко не входила в расчеты Гиршфельда и он, оставив письмо без ответа, стал ждать личного свидания с теткой Луганского, не предпринимая ничего по порученному ему

делу. Он составил план атаки несговорчивой и дорожащей пожизненной владелицы и занялся пока всецело ее племянником.

Василий Васильевич переехал со своей женой и неразлучным с ней Деметром из кухни в небольшую, но чистенькую квартирку по Бассейной улице и зажил почти прилично на получаемые ежемесячно, по условию с Гиршфельдом, сто пятьдесят рублей. Он даже стал меньше пить, к великой радости Надежды Петровны.

Странная и тяжелая судьба выпала на долю этой несчастной женщины. Вероятно только беспросыпное пьянство мужа, ставшего почти идиотом, довело ее до открытой измены ему и до потопления своих несомненно в начале нравственных страданий в всеисцеляющей рюмочке, прибегать к которой она и привыкла, но она по своему любила мужа. Начав почти новую жизнь, она переменилась и хотя не порвала своих отношений, уже освященных годами, к Егору Егоровичу, но сделалась вполне приличной хозяйкой и заботливой женой.

Признавая Николая Леопольдовича, взяв-

шегося за дело ее мужа и вытащившего их буквально на свет Божий, за их благодетеля, она всецело доверилась ему. Василий Васильевич, с которым Гиршфельд обращался как с родным, почти молился на своего поверенного, особенно после рассказов о его высокой честности, доброте и прочих выдающихся качествах, слышанных им от князя Шестова, с которым, Николай Леопольдович не замедлил познакомить своего нового доверителя, и который даже при первом свидании счелся с Василием Васильевичем отдаленным родством. Слабоумный Луганский был положительно на седьмом небе от сознания себя родственником родовитого аристократа. Один Деметр видел далее их. Как человек тоже на своем, хотя и коротком, веку прошедший огонь и воду и медные трубы, он видел Николая Леопольдовича, «как рыбак рыбака» издалека, был на стороже и старался влиять в этом смысле и на Надежду Петровну.

— Уж как я рада, как я рада, Николай Леопольдович, что мой-то пить меньше стал, и все больше дома, а то я страсть боялась. Теперь, когда дело наше в ход пошло, ведь он с

пьяну за рюмку водки готов продать его, векселей надавать, а теперь векселя-то его чай денег стоят, — высказала Надежда Петровна Гиршфельду свои задушевные мысли при одном из его посещений Луганского.

— Еще бы, — заметил он, — теперь, когда газеты прокричали его имя и весть о получаемом им миллионном наследстве, — векселя его принять никто не задумается.

— То-то я и говорю, страх меня берет, боюсь я.

— Я сам об этом думал и даже составил план. Я, как вам известно, живу на даче в Стрельне, в городе бываю лишь изредка. Дача у меня большая. Пусть он приедет ко мне гостить, все на моих глазах будет, там же и Шестов живет, а они кажется сошлись, да и здоровье его не из крепких, на чистом воздухе отгуляется. Здесь же вы, не ровен час, за ним не углядите!

— Боюсь, боюсь, что не угляжу, да меня он и не побоится, а вас, другое дело, он вас уважает, да и побаивается...

— То-то, так я за ним к вечеру заеду.

Надежда Петровна даже обрадовалась. Ни-

колай Леопольдович уехал. Когда она передала Егору Егоровичу, вернувшемуся с ее мужем домой, о визите Гиршфельда и его предложении, тот покачал головой.

— Что-нибудь да он затевает, смотри как бы хуже не вышло, я тебе не раз говори, что уж очень он горячо нам благодетельствовать принялся, а это не спроста. Не такой он человек, насквозь его вижу.

— Ну, пошел опять каркать! — рассердилась Надежда Петровна, хотя в душе ее шевельнулось сомнение, которое уже успел посеять Деметр.

На этом разговор между ними кончился, и отъезд Луганского на дачу к Гиршвельду состоялся в тот же вечер. Василий Васильевич радовался как ребенок. Егор Егорович оказалось не ошибся. Николай Леопольдович на самом деле «не спроста» пригласил Луганского гостить к себе на дачу. Исправление его, в смысле воздержания от выпивки, было далеко не в его интересах и шло в разрез составленному им плану похода на карман будущего миллионера. Угнетенное состояние подчас ничего не понимающего доверителя было

ему на руку. Поэтому на даче в Стрельне они застали выписанных Гиршфельдом из Петербурга Князева и Неведомого и их благосклонному покровительству передал Гиршфельд своего клиента, открыв для них всех широкий кредит в местном трактире. Результат не трудно было угадать; Луганский снова запил мертвую. Явившуюся навестить мужа Надежду Петровну к нему не допускали, заявляя, что он уехал в город. Егор Егорович не решался пока ничего предпринять, так как благосостояние как его, так и его сожительницы, зависело в то время совершенно от Николая Леопольдовича и рисковать этим благосостоянием он боялся.

— Будет и на нашей улице праздник! — утешал он Луганскую. — Повременить надо до окончания дела.

Николай Леопольдович, между тем, кроме систематического спаивания своего доверителя, старался всеми силами восстановить его против его жены и Деметра, особенно против последнего, так как видел в нем помеху осуществления своих предначертаний.

— Стыдитесь, — говорил он Василию Васи-

льевичу, в минуты его трезвого состояния, — я понимаю, что при вашем прежнем положении, вы по необходимости выносили эту позорную для вас, как для мужа, жизнь втроем, а теперь дело другое, не нынче — завтра вы богатый человек, с положением, с знакомством, родственник князя Шестова. Как взглянет на все это общество, в которое вы готовитесь вступить!..

— Что же мне делать? — спрашивал Луганский и на его бессмысленном лице выражалась готовность полного послушания.

— Надо совсем оставить жену, тем более, что у ней есть отдельный паспорт, я буду продолжать выдавать им с Деметром по сто пятидесяти рублей, а ваше содержание приму на свой счет. Для спасения вас от позора не постою за лишним расходом. Да и на что вам она?

— Конечно, она мне не нужна! — соглашался Василий Васильевич.

— А у меня, кажется, вы ни в чем не терпите недостатка.

В ответ на это Луганский лез обниматься.

Рядом таких убеждений Гиршфельд полу-

чил согласие Луганского, что осенью он поедет жить в усадьбу его жены Макариху, отстоящую в четырех верстах от уездного города К-ы, К-ой губернии, купленную не задолго перед тем Стефанией Павловной на деньги, оставленные Флегонтом Никитичем Сиротки-ным.

— Она еще не устроена, но вы мне поможете ее привести в порядок и этим отблагодарите за заботы и лишние траты, — говорил Николай Леопольдович.

Василий Васильевич приходил в восторг от одной мысли, что он может быть чем-нибудь полезен своему благодетелю.

XI
Барон

В самый разгар хлопот Гиршфельда по делу Луганского, или вернее сказать, с самим Василием Васильевичем, над ним разразился первый, хотя и не совсем неожиданный удар. Он частным образом узнал в дворянской опеке, что вследствие прошения графини Варвары Павловны Завадской, опекун Шестова Князев устраняется от опекунства и над князем назначается новый опекун, барон Адольф Адольфович Розен. Николай Леопольдович понял, что это дело рук управляющего графини, Савицкого, мстившего ему за отказ в десяти тысячах рублях, о настоятельной надобности в которых Владислав Казимирович намекнул ему при последнем их свидании в Москве с месяц тому назад. Гиршфельд, ревниво оберегавший ничтожные крохи, оставшиеся в его распоряжении от нажитых капиталов, сделал вид, что не понял намека, а Владислав Казимирович не счел возможным, по своей шляхетской гордости, высказать свое

желание напрямик. Дружеские отношения были, таким образом, порваны, и Савицкий вторым прошением княгини объявил Николаю Леопольдовичу войну. Последний приготовился к возможной обороне.

Узнав, что указы барону Розену о принятии и Князеву о сдаче опекунских дел уже изготовлены, Гиршфельд начал с того, что приказал Александру Алексеевичу совсем перебраться к нему на дачу, отметившись в доме, где он занимал вместе с Неведомым меблированную комнату, выбывшим в Москву. Этим достигалось то, что опекунские суммы, находившиеся в руках Гиршфельда, до времени могли быть не сданы, в виду невозможности вручить указ опекуну Князеву. Сам же Александр Алексеевич спокойно, хотя и нелегально, проживал в Петербурге, продолжая пьянствовать с Неведомым.

Николай Леопольдович, к которому опека, после тщательного розыска в Москве канувшего в воду опекуна, обратилась с запросом, ответил, что адрес Князева ему неизвестен, но что на руках его имеется опекунская сумма в двадцать пять тысяч рублей, которую он

имеет честь представить в распоряжение опеки. Последняя распорядилась, продолжая розыски пропавшего Князева, до принятия от него отчета в опекунском имуществе, передать представленные поверенным бывшего опекуна присяжным поверенным Гиршфельдом деньги в билетах — вновь назначенному опекуну барону Розену, — Князева же считать от опекунства устраненным. Для нового опекуна такой оборот дела был очень неприятным и уже совершенно неожиданным сюрпризом.

Барон Адольф Адольфович Розен был тип захудалого прибалтийского барона, высокий как жердь, вечно прилизанный и до приторности чисто одетый, он умышленно растягивал слова при разговоре и непомерно был занят собственной персоной. Для поправления своих плохих финансов он наградил баронским титулом дочь одного богатого петербургского золотых дел мастера, но весьма неудачно, так как после двухмесячного супружеского сожития, баронесса сбежала от своего супруга с титулом и состоянием. Барон, урвав с ее отца малую толику отступного — успоко-

ился.

Владислав Казимирович Савицкий считал его в числе своих старинных приятелей и, задумав вести кампанию против Гиршфельда, вызвал его в Москву, условился с ним о предстоящем дележе добычи и подсунул графине прошение о перемене опекуна над князем Владимиром. Для барона такое опекунство было находкой и он, конечно, с радостью и с благодарностью согласился принять на себя это почетное звание, тем более, что кредит в Европейской гостинице, где он жил, стал сильно для него колебаться. Каково же было его разочарование, когда наличное состояние опекаемого им князя определилось лишь мизерною суммою на двадцать пять тысяч рублей.

Сообразив, впрочем, что и это лучше, чем ничего, барон деятельно принялся за исполнение своих опекунских обязанностей, не оставляя надежды получить с Князева и Гиршфельда отчет и остальные деньги. Вызвав к себе князя Владимира, он объявил ему, что до получения всего опекунского имущества, он может выдавать ему из процентов

принятого им капитала лишь пятьдесят рублей в месяц. Князь, наученный и успокоенный Гиршфельдом, не прекращавшим выдачу ему денег, только улыбнулся и даже, не особенно любезно обошелся с своим новым опекуном. Когда же тот заикнулся было о том, что необходимо возбудить против его бывшего опекуна и поверенного последнего дело в уголовном порядке, то Владимир Александрович вспылил:

— Я знаю Николая Леопольдовича давно и знаю за безупречно честного и порядочного человека, хорошо знаю и Князева, вас же, барон, я не знаю! — резко ответил он.

Адольф Адольфович смолчал, но тут же решил, что с таким опекаемым надо держать ухо востро, так как он всецело стоит на стороне Гиршфельда и Князева и что самое лучшее просить о расширении прав опеки, т. е. о предоставлении ей прав опеки над малолетним. В этом смысле барон написал обширное послание Владиславу Казимировичу, рассказав ему обстоятельно и подробно положение дел. Прошение о расширении прав опеки, подписанное графиней Завадской, вскоре по-

лучилось в подлежащем учреждении, где ему дали быстрый ход и права опеки расширили. Натянутые и без того отношения между бароном Розеном и князем Шестовым, когда последний узнал об этом, еще более обострились.

В таком положении находились дела князя Владимира Александровича Шестова, продолжавшего пьянствовать на даче в компании Князева, Неведомого и Луганского. Дело последнего подвигалось медленно. В начале августа в Петербург приехала, давно ожидаемая Николаем Леопольдовичем, Антонина Карловна Луганская и остановилась в Европейской гостинице.

Личное свидание с ней Гиршфельда не привело ни к каким результатам — она осталась при желании получить за право пожизненного владения четыреста пятьдесят тысяч рублей. Рассерженный неудачей, Николай Леопольдович, с тем же определением духовной консистории в руках, добился отобрания у несговорчивой противницы паспорта и выдачи ей на прожитие реверса, где она значилась: «именующей себя женою действитель-

ного статского советника». Антонина Карловна насилу, при помощи своего адвоката, добилась возвращения ей настоящего вида на жительство и быстро уехала обратно в Берлин из оказавшейся для нее весьма не гостеприимной России.

Дело этим не двинулось ни на шаг. Главные хлопоты и расходы, сопряженные с ними и поездкой в Берлин, были еще впереди. Надо было позаботиться о деньгах, тем более, что и до этого времени на содержание Луганского, его жены и Деметра была израсходована уже порядочная сумма. Этим и занялся прежде всего Гиршфельд.

Перед отправкой Василий Васильевича в Макариху, он убедил его выдать ему вексельных бланков на полтораста тысяч рублей.

— На сто тысяч — будет обеспечением моего гонорара на случай вашей смерти, ведь в животе и смерти Бог волен, дорогой Василий Васильевич, — дружески потрепал он его по плечу. — На пятьдесят же тысяч — будут служить, в том же случае, обеспечением вашей супруги.

Луганский согласился беспрекословно и

подписал требуемые бланки. Николай Леопольдович запечатал их при нем же в большой конверт и передал Стефании Павловне.

— Спрячь подальше — это обеспечение мое и супруги Василия Васильевича, если с ним что-нибудь случится, но да сохранит его Бог... — торжественно закончил он и обнял Луганского.

Тот, в восторженном полупьяном состоянии, со слезами на глазах, бросился целовать его руки.

На другой день Василий Васильевич уехал. Для сопровождения его и для компании при скуки деревенской жизни, в качестве аргуса и собутыльника, был командирован Гиршфельдом Князев, нелегальное пребывание которого в Петербурге столь продолжительное время становилось рискованным. Ему дана была Николаем Леопольдовичем подробная инструкция, которая оканчивалась словами:

— Поить, но самому не пьянствовать!

Отъезд Князева вместе с Луганским устроили тайно от князя Владимира, у которого Гиршфельд через несколько дней даже спросил, не встречал ли он Александра Алексееви-

ча. Тот отвечал отрицательно.

— Пропал, сгинул, как в воду канул, — сетовал Николай Леопольдович, — не знаю что подумать...

— Отыщется, где-нибудь закутил! — высказал свое мнение Шестов.

Этим убеждением князя в таинственном исчезновении вместе с Луганским его бывшего опекуна вскоре воспользовался Гиршфельд, решивший открыть перед Шестовым свои карты. Он уже переехал в Петербург, а князь все еще продолжал жить на даче. Последнего задержала болезнь Агнессы Михайловны, разрешившейся недавно от бремени вторым ребенком — девочкой. Первому — мальчику шел уже второй год. Наконец, она достаточно оправилась для возможности переезда.

Князь приехал в Петербург к Николаю Леопольдовичу.

— Наконец и мы перебираемся с дачи, Агнессочка поправилась, молодцом! — начал он после взаимных приветствий. — Заехал к вам на минуту, деньги нужны.

— Много?

— Да дайте тысяч пять: в кармане всего что-то около семисот рублей осталось, — небрежно ответил князь.

Гиршфельд скорчил серьезно печальную физиономию.

— Нам, князь, необходимо с вами счесться, хотя я и имею честь считать вас в числе своих искренних друзей, но знаете пословицу: «счет дружбы не портит».

— К чему это? Как будто я вам не доверяю. Столько лет не считался с вами и вдруг счеты! — возразил Шестов, не заметив серьезности Николая Леопольдовича.

— Вот то-то и нехорошо, что столько лет не считались. Я вам предлагал не раз, а вы всегда, что называется, и руками, и ногат отмахивались, а между тем вы бы знали положение ваших дел, и это знание повлияло бы на вас быть может убедительнее моих просьб не сорить деньгами. Теперь же наступил момент, что я выдать вам просимую сумму в затруднении.

— Как в затруднении? Разве у меня нет? — вытаращи него глаза Шестов, видя, что он не шутит.

— В том-то и дело, что нет!

— Вы шутите?

— Нисколько!

Гиршфельд подошел к бюро, отпер его, вынул объемистую папку бумаг в изящной синей обложке, на которой крупными буквами было напечатано: «Дело присяжного поверенного Николая Леопольдовича Гиршфельда. *По опеке князя Владимира Александровича Шестова».* Последняя строка была написана чернилами.

— Потрудитесь рассмотреть документы и ваши расписки и вы убедитесь, что у меня ваших денег на руках осталось только две тысячи триста семнадцать рублей.

Князь сидел, как пораженный громом, и как-то глупо улыбался.

— У скрывшегося неизвестно куда Князева опекунских денег, по моему расчету, — продолжал Николай Леопольдович, — должно было остаться тысяч тридцать; но, во-первых, я его не могу разыскать уже недели две, а во-вторых, он обязан будет их передать новому опекуну.

Шестов продолжал молчать, как будто бы

это до него не касалось.

— Если не верите, говорю: посмотрите документы, рассмотрите все дело...

— Оставьте вы меня с вашими делами, с вашими документами, — вскрикнул князь, — я в них никогда ничего не понимал и не понимаю. Я понимаю лишь то, что меня обобрали!

— Князь! — вскочил Николай Леопольдович. — Вы меня оскорбляете!

— Не мог же я прожить такое громадное состояние? — уже упавшим, плаксивым голосом продолжал Шестов, не поднимаясь с кресла и даже не заметив гнева Гиршфельда.

— Всякое состояние можно прожить! — спокойно заметил Гиршфельд.

— Значит, я нищий!

— Не нищий, но и не богач. Когда Князев передаст опеке деньги, у вас будет капитал тысяч в пятьдесят, если не более. Люди с такими деньгами считаются состоятельными.

— Это нищета, нищета! — воскликнул князь и зарыдал. Вид этого плачущего, разоренного им человека и разоренного-то не в его пользу, тронул даже Гиршфельда.

— Успокойтесь, я выдам вам пять тысяч, прибавив из своих денег, — подошел он к нему. Шестов вскочил.

— Я требую своего, а не подачки. Пусть нас разберет суд! — крикнул он и вышел, хлопнув дверью.

Николай Леопольдович спокойно уложил бумаги обратно в бюро. Он был приготовлен и ожидал подобной сцены. Для ограждения себя от немедленного скандала со стороны князя он принял меры. Он знал, что Агнесса Михайловна и ее мать, которых он сумел довольно некрасиво запутать в это дело, на его стороне. Он отчасти запугал их, а отчасти привлек на свою сторону всевозможными посулами, ни к чему его не обязывающими. Раскрыть глаза им было некому, так как все окружающие их люди были по тем или другим соображениям на стороне Гиршфельда.

«Охладеет, вернется!» — улыбнулся последний, тщательно заперев бюро.

Он и не ошибся. Князь Владимир, выбежав, как сумасшедший, из квартиры своего поверенного, сел в пролетку и приказал ехать в Европейскую гостиницу. Дорогой на него

напало раздумье. От природы малодушный, он жил настоящей минутой, мало заботился о будущем; он начал сожалеть, что отказался от предложенных ему Николаем Леопольдовичем пяти тысяч, которые он считал нужными для него до зарезу.

«Если я начну вместе с бароном Розеном против него дело. Он делец и конечно его затянет и, кто знает, может быть, и окажется правым — я ведь не читал ни одной бумаги, которые подписывал. Чем же я буду жить? Пусть в таком случае барон выдаст мне эти пять тысяч из моих денег, тогда я решусь».

С таким предложением он и обратился к Адольфу Адольфовичу, которого застал дома.

Тот отказал наотрез.

— Кроме пятидесяти рублей в месяц, я не могу пока выдавать вам ничего! Против того же господина я уже начал дело и подал, как ваш опекун, жалобу прокурору, — протянул барон.

— В таком случае я останусь на его стороне и мы посмотрим! — спыхнул князь.

— Сколько угодно! — гордо ответил Розен.

Они расстались.

Эта неудача, в связи с убеждениями, на которые не поскупилась Агнесса Михайловна по возвращении его на дачу, сделали то, что князь Владимир на другой день утром снова явился к Гиршфельду.

— Дайте хоть пять тысяч! — печально заявил он.

— Теперь, после вчерашнего инцидента, я не могу так просто, по-дружески, выдать их, — сухо ответил тот.

Лицо князя вытянулось.

— Я не отказываюсь от их выдачи, но я желаю снять с себя незаслуженное нарекание. Рассмотрите ваше дело и не одни, я приглашу со своей стороны Неведомого и Арефьева, и вы Милашевича и Охотникова, надеюсь, что вы им верите и считаете их близкими вам людьми.

Шестов наклонил голову в знак согласия.

— Пусть они совместно с вами рассмотрят дело, и если я окажусь правым, я выдам тотчас же пять тысяч рублей, взяв с вас расписку в излишне перебранных вами деньгах. Если же они найдут мой отчет неправильным, то подавайте на меня в суд. Иначе я не согла-

сен...

В этот же вечер собралось это своеобразное заседание, и третейские судьи постановили единогласно, что Николай Леопольдович прав и представленный им отчет правилен. Князь Владимир получил пять тысяч рублей и выдал условленную расписку.

XII

Последняя игра

На ряду с рассказанными в предыдущих главах далеко не романтическими событиями, другие герои и героини нашего правдивого повествования жили другою жизнью, переживали иные чувства.

Александра Яковлевна Пальм-Швейцарская, как уже известно читателю, перебралась на постоянное жительство в Петербург, где на казенной сцене всеми правдами и неправдами не только приютился Матвей Иванович Писателев, но приобрел даже известный вес и влияние. Жили они по прежнему на разных квартирах. Александра Яковлевна часть оставшейся зимы провела в рос-

кошной квартире на Николаевской улице, снятой ею по контракту на несколько лет, убранной и отделанной как игрушка, а на лето переехала в Озерки, где купила себе собственную огромную дачу и отделала ее почти с царским великолепием. На сцене Озерковского театра и выступила она в первый раз перед петербургской публикой и имела громадный успех. Вскоре около нее собрался кружок горячих поклонников ее таланта, даже более многочисленный, чем в Москве. Изредка посещал ее Гиршфельд, сохранивший, по ее требованию, знакомство с ней, чаще Александр Алексеевич Князев, сильно за ней ухаживавший, бессменно и постоянно князь Виктор Гарин. Его положение теперь было иное, чем в Москве: он жил с матерью и располагал снова независимыми средствами, хотя и небольшими.

Дела после князя Василия оказались в большом беспорядке. Княгиня Зоя Александровна, потрясенная смертью мужа и появлением у его гроба Александрины, отправилась вместе с дочерью, княгиней Анной Шестовой, и внуком, сыном последней, по предписанию

докторов, лечиться за границу. Они уехали в самом конце зимы и располагали вернуться через год. Они звали с собой и сына, но он наотрез отказался и остался один в громадном княжеском доме.

Несмотря на то, что он по прежнему был принят в свете, он редко посещал великосветские гостиные и охотнее проводил время запросто у Николая Леопольдовича, ежедневно, конечно, посещая Александру Яковлевну. Время только распаляло его безумную страсть к ней. Причиной этому была несомненно все продолжающаяся с ее стороны в отношении к нему холодность и недоступность. В один из последних вечеров, проведенных ею на даче, он, заехав к ней, застал ее случайно одну. Такое счастье редко выпадало на его долю. Он решил воспользоваться представившимся случаем и сделать решительный шаг. Со своей стороны и Пальм-Швейцарская давно готовилась нанести княжеской семье окончательный удар и тем завершить план задуманной ею мести. Возвращение князя Виктора в родительский дом и наступившее сравнительное спокойствие в этой се-

мье раздражало и дразнило ее.

«Неужели вся моя возня с этим влюбленным мальчишкой пропала даром! — злобно думала она. — Нет, я увижу еще унижение княгини Зои! Я буду отомщена и отомщена жестоко».

Она говорила это сама себе с непоколебимой уверенностью. Она ждала тоже свиданья с князем наедине, но свиданья случайного, чтобы он не догадался, что оно подготовлено и начал сам необходимый для нее разговор. Она, как мы видели, дождалась.

— Я хотел бы с вами, если вы сегодня расположены меня выслушать, поговорить серьезно и откровенно... — робко начал князь, когда они уселись на утопавшей в зелени террасе. Был прелестный августовский вечер.

Пальм-Швейцарская окинула Гарина вопросительно-недоумевающим взглядом.

— Говорите, это вероятно будет о любви ко мне, — с деланной горькой усмешкой отвечала она. — Сегодняшний вечер к этому располагает... Я вас слушаю...

— Да, о любви, — горячо начал он, задетый за живое ее насмешливым тоном, — о той

безумной любви, о том восторженном поклонении, неизменность которых я надеюсь доказал вам, в течении стольких лет. Я долее страдать не могу, не в состоянии — ведь и страданиям нужен предел.

Он выговорил последнюю фразу с видимою внутреннею болью.

— Чего же вы от меня хотите? Я вижу вашу любовь, я ей верю; я простила вас! — наивным тоном сказала она.

— Но разве вы не прнимаете, что это мне мало, я хочу возвращения вашей любви, возвращения прошлого... Вы обещали мне.

Он упал перед ней на колени.

— Умоляю вас, решайте скорее мою участь... Повторяю, я долее этой пытки выносить не могу.

В его голосе слышались слезы.

— Прошлое... — задумчиво начала она. — Но каким же способом может вернуться, если я даже возвращу вам мою любовь?

Она повелительным жестом заставила его встать с колен и сесть на место.

— Сделаться снова вашей любовницей... это ли вы называете возвращением прошло-

го? — в упор спросила она.

Он вспыхнул.

— Никогда! У меня не было даже такой мысли! Я прошу вашей руки, я прошу вас быть моей женой!

— А что скажет княгиня?

— Что мне за дело до моей матери, я не ребенок и совершенно самостоятелен, да и она не решится стать на дороге к моему счастью. Она слишком любит меня и хорошо знает, насколько серьезно мое чувство к вам. В случае же чего мы спокойно обойдемся и без ее согласия.

Она отрицательно покачала головой.

— Я-то на это никогда не соглашусь, — медленно отвечала она. — Я желала бы, чтобы княгиня сама приехала ко мне просить моей руки для своего сына.

Она пристально посмотрела на него. Он смутился.

— Это невозможно! — растерянно было начал он.

— А между тем это мое окончательное решение, — перебила она его. — Ей одной я могу дать тот или другой ответ... — спокойно

сказала она.

Он сидел, понурив голову, и молчал.

— Что я говорю: невозможно? — вдруг поднял он голову. — Это возможно и даже очень возможно. Я заставлю ее это сделать, я заставлю ее выбирать между ее согласием и моею смертью. Вот вам моя рука.

Она протянула ему свою руку. Он прильнул к ней губами.

— Но, увы, моя мать только что недавно уехала заграницу и вернется в конце будущего лета — еще целый год! — печально сообразил он.

— Разве я не стою, чтобы вы подождали еще год! — улыбнулась она. — Ведь вы меня видите почти каждый день — ми и не заметим, как промелькнет зима...

Он глубоко вздохнул.

— Хорошо, но значит я могу уже теперь считать вас своей невестой! — восторженно воскликнул он, снова взяв ее руку.

— Увидим! — загадочно отвечала она.

Он припал снова к ее руке горячим, страстным поцелуем. Она не отнимала ее, но глядела на него злобно-насмешливым взглядом.

Отуманенный открывающимся для него, хотя в довольно отдаленном будущем, светлым горизонтом, Виктор не заметил этого взгляда.

Вскоре на дачу стали собираться обычные гости. Tete-a-tete Александры Яковлевны с князем Гариным был нарушен. Позднее других приехал и Николай Леопольдович с женой, знакомой с Александрой Яковлевной еще по театру Львенко в Москве. Князь Виктор отправился вместе с ними в город и не утерпел не рассказать Гиршфельду, по секрету, о полученном, по крайней мере, как ему казалось, согласии Пальм-Швейцарской быть его женой. Трудно отказать себе в удовольствии поделиться с кем-нибудь радостью.

— Что ж, исполать вам, у нее хорошее состояние! — заметил Николай Леопольдович.

Гарин поморщился.

Он не ожидал услышать в ответ на свое восторженное сообщение такой прозаический вывод.

— Она сама величайшее сокровище! — отпарировал он.

— Гм! — вместо ответа промычал Гиршфельд.

XIII
В Макирихе

Дело Луганского вступило в серьезный фазис своего развития. Вскоре после отправки Василия Васильевича с Князевым в Макариху, Гиршфельд взял у своей жены пакет с оставленными Луганским вексельными бланками и стал их утилизировать в возмездие за понесенные по делу траты и для возмещения предстоящих расходов. Не смотря на уверенность Николая Леопольдовича, высказанную жене Василия Васильевича, что векселя ее мужа все охотно примут для дисконта, это оказалось в действительности делом далеко не легким. Только при помощи «дедушки» Милашевича удалось отыскать охотника до легкой, даже сопряженной с риском, наживы, в лице нотариуса петербурского окружного суда Петра Павловича Базисова, который дисконтировал векселя с бланком Гиршфельда с выдачею половинной валюты. Таких векселей в два раза Базисов принял на сумму около восьмидесяти тысяч рублей. По другим

векселям пришлось ограничиться еще более умеренными суммами, часть же вексельных бланков положительно не шла с рук за ненахождением капиталистов.

В Берлин для окончательных переговоров с Антониною Луганскою был командирован присяжный поверенный Егор Анатольевич Винтер, поверенный Базисова. Винтер был тоже из современных оборотистых дельцов, высокий блондин, с тщательно расчесанною бородой, с пенсне на носу, без умолку болтливый и беззастенчивый, он являл собою совершеннейший тип «прелюбодея мысли» и «софиста девятнадцатого века». За свою миссию он условился получить не более и не менее как пятнадцать тысяч рублей и дорожные расходы. Явившись в Берлин, он объявил г-же Луганской, что совершенно не знает никакого Гиршфельда, а хлопочет в интересах Василия Луганского, как поверенный Базисова, которому первый должен большую сумму, и по русским законам его кредиторы могут наложить на именье, находящееся у нее в пожизненном владении, запрещение и арестовать доходы. Кроме того, Егор Анатольевич открыл

в церковных книгах русской церкви в Берлине подчистку в месяце совершения брака Антонины Луганской с ее мужем, и на это обстоятельство, имевшее, по его словам, важное значение для дела, он тоже обратил ее внимание. Словом, петербургский адвокат провел и вывел берлинских поверенных Луганской и довел ее до того, что она согласилась уступить свое право пожизненного владения за двести пятьдесят тысяч рублей, о чем Винтер немедленно и телеграфировал Гиршфельду.

Последний выразил по телеграфу свое согласие, и Егор Анатольевич, сбросив личину, уже по передоверию Гиршфельда, заключил с Антониной Луганской условие, по которому она соглашалась на залог своих имений в одном из русских банков, с выдачею ей из полученной залоговой суммы двухсот пятидесяти тысяч рублей. С этим условием в портфеле он покатил обратно в Петербург.

Николай Леопольдович ожидал его приезда с нетерпением, так как из Макарихи, где уже более года находился Луганский, стали приходить тревожные вести. Первое время Василий Васильевич, согласно инструкции,

данной Князеву Гиршфельдом, аккуратно присылал писанные под диктант Александра Алексеевича письма к Николаю Леопольдовичу с выражением любви, благодарности, неограниченного доверия и полной заранее санкции его действий по делу о наследстве. Затем наступил крутой перерыв в подобной корреспонденции, и Гиршфельд даже получил несколько писем Луганского в далеко не дружелюбном и даже дерзком тоне.

Князев, с своей стороны, уведомил Николай Леопольдовича, что Луганский сильно соскучился в неприютной усадьбе, то и дело ездит в г. К-у, где пьянствует в кабаках и трактирах, разбрасывает векселя, так как высылаемых ему Гиршфельдом денег не хватает, и даже извозчику, с которым постоянно ездит в город, выдал вексель в пять тысяч рублей. Личное присутствие там Гиршфельда являлось, по его мнению, необходимым. Николай Леопольдович разделил это мнение.

По получении от Винтера условия с Антониной Луганской, он на другой же день выехал в Макариху. Подъезжая к усадьбе, которую он видел только мельком, никогда не

располагая в ней жить и которую посоветовал купить своей жене в виду ожидаемого поднятия цен на земли в этой местности и дешевой цены, он был поражен сам ее грусть наводящим видом. Полуразвалившийся господский домишко уныло торчал среди полусгнивших надворных построек, ровная, унылая местность дополняла грустную картину. Это была, по истине, какая-то мерзость запустения.

«Прожив тут не только год, а месяц, даже непьющий до того человек, сопьется с кругу от скуки», — мелькнуло в голове Гиршфельда.

Луганский и Князев, оба бывшие в сильном подпитии, встретили Николая Леопольдовича почти враждебно. Они, оба, что называется осатанели от пьянства и скуки.

«Надо немедленно увезти их отсюда!» — решил Николай Леопольдович.

«Куда?» — возник вопрос.

Он вспомнил, что у него есть старинный его благоприятель еще по Москве, преданный ему человек с покладистой совестью — некто Петр Петрович Царевский, служивший в то время мировым судьей в одном жидовском

местечке, одной из привислянских губерний. Под его-то присмотр он и решил отправить Луганского и Князева.

Тон разговоров последнего был далеко не успокоителен, и Гиршфельд стал побаиваться измены со стороны до сих пор верного клеврета. С присущим ему уменьем он в несколько дней не только успокоил обоих, описав Луганскому в радужных красках его будущность, по получении залоговой суммы из банка, и окончательного расчета с его теткой, и посулив Князеву за его верную службу и проведенный «каторжный», как выражался сам Александр Алексеевич, год, чуть не золотые горы, но даже успел взять с Василия Васильевича вексельных бланков на сумму шестьдесят пять тысяч рублей. После этого он стал их торопить отъездом, так как ему надо было спешить в Москву, где он имел знакомство в одном из банков и надеялся заложить именья Луганского за большую сумму.

Поспешность отъезда имела еще и другое основание. Василий Васильевич признался ему, что послал жене письмо с просьбой приехать в Макариху, и Гиршфельд боялся, как

бы она не застала здесь мужа.

Наконец они собрались и уехали. Перед отъездом Николай Леопольдович скупил за ничтожную сумму все выданные Луганским в К-е векселя, заставив векселедержателей поставить на них безоборотные бланки.

То жидовское местечко, куда привез Гиршфельд своих пленников, каковым в его глазах теперь был и Князев, отстояло в двадцати верстах от станции железной дороги и было ничто иное, как грязный, малолюдный посад.

Петр Петрович Царевский принял приезжих с распростертыми объятиями и, после непродолжительного совещания с Николаем Леопольдовичем, согласился принять их под свой надзор, рекомендовав для той же роли в помощь себе местного станового пристава, с которым и познакомил Гиршфельда. Князев и Луганский очутились, таким образом, незаметно для себя, почти под домашним арестом. Им отвели маленькую комнату, бывшую под канцелярией, набили сеном два тюфяка и этим окончили заботу о них.

Николай Леопольдович пробыл с ними три дня, взяв с Василия Васильевича удосто-

верение, что он признает правильным все предшествующие его распоряжения и подтверждает его полномочие, выраженное в доверенности, на залог имения в той сумме, в какой ему заблагорассудится. Подпись Луганского на этом удостоверении засвидетельствовал, как мировой судья, Петр Петрович Царевский.

Оставив Князеву и Луганскому деньги на расходы, Гиршфельд покатил в Москву, где по его распоряжению ждали его жена, Арефьев и Неведомый. Туда же, к этому же времени, должен был прибыть Егор Анатольевич Винтер и поверенный Антонины Луганской Карл Карлович Обермейер. Слабоумный Василий Васильевич проводил своего «благодетеля» всевозможными благословениями и пожеланиями.

В Москве дело по залогу имения Луганского затянулось месяца на два, а когда день выдачи ссуды уже был назначен, вдруг из г. Вны получена была на имя банка телеграмма Василия Васильевича, которой он просил банк приостановиться выдачею ссуды до его приезда. Узнав об этом, Николай Леопольдо-

вич был положительно ошеломлен. Он не мог понять, как Луганский мог очутиться в В-не.

Дело объяснилось лишь через три дня. В Москву прибыли Луганский с женой, Деметр и Князев. Гиршфельд тотчас же потребовал от последнего объяснения.

— Я тут не причем, — я положительно не в силах был удержать его. В этом пархатом жидовском логовище еще скучнее, чем в Макарихе. У Царевского с утра до ночи только и делают, что дуются в карты. Василию Васильевичу это надоело, он стал опять слоняться по трактирам и харчевням, пьянствовать и выдавать векселя, и наконец потребовал, чтобы я с ним ехал в Москву — к вам. Я его уговаривать — куда тебе, слышать не хочет. Тайком, по его желанию, мы и удрали. Я, впрочем, успел шепнуть Царевскому и они нас со становым на станции железной дороги догнали и стали его уговаривать остаться. Ни за что! Так вчетвером в В-ну и покатили. Не успели приехать, как в тот же день в гостиницу явились Егор Егорович и Надежда Петровна. Мы туда, сюда — хотели Василия Васильевича в другой номер перевести — спрятать, а он на

дыбы — хочу с женой видеться, соскучился. Что же мы могли поделать. Стали они втроем шептаться, и я о телеграмме узнал, когда уже ее послали.

Каким образом Надежда Петровна и Деметр узнали о местопребывании Луганского осталось невыясненным. Николай Леопольдович сильно заподозрил самого Князева в сообщении жене Луганского адреса мужа, но не высказал ему этого.

«Я с ним сведу счеты после!» — решил он и деятельно принялся ухаживать за Василием Васильевичем, его женой и даже Деметром.

Залог в банке состоялся. Ссуда была выдана в размере четыреста пятидесяти тысяч рублей; из которых двести пятьдесят тысяч получил Обермейер и укатил с ними в Берлин. Гиршфельду, по договору, следовало получить триста двадцать пять тысяч рублей, но он великодушно согласился получить лишь сто пятьдесят тысяч, из которых семьдесят две тысячи передал Винтеру, как поверенному Базисова, пятнадцать тысяч лично ему за поездку в Берлин, пять тысяч — Арефьеву и шесть тысяч пятьсот сунул Деметру.

Князев и Неведомый получили по тысяче рублей. Из остальных денег ему предстояло погасить некоторые другие векселя Луганского с его бланками и пять тысяч выдать по условию Милашевичу — в остатке наличный гонорар составлял сравнительно небольшую сумму. Пятьдесят тысяч рублей получила Надежда Петровна.

Луганский сделался собственником богатых имений, но не получил ни гроша. Это не мешало ему быть добродушно довольным. Недовольны остались Князев и Неведомый, но последний ни жестом, ни словом не выдал себя. В возмещение остальной части гонорара Николая Леопольдовича Луганский совершил вторую закладную на имение Комаровка на имя Стефании Павловны Гиршфельд, на сумму сто пятьдесят тысяч рублей и арендный договор на то же имение на четыре года, по пяти тысяч рублей в год, расписавшись в получении за все время аренды вперед.

После дележа вся компания отправилась в гости к новой арендаторше в Комаровку. Гиршфельд распорядился отслужить молебен и представился священнику, как новый вла-

делец именья. Прожив там около двух недель и сделав хозяйственные распоряжения, они с женой, Арефьевым и Князевым отправились обратно в Петербург.

Дмитрий Вячеславович Неведомый объявил, что едет в Москву, куда его призывают дела. Николай Леопольдович без малейшего подозрения дружески простился с ним. Луганский с женой и Деметр уезжали в соседнее именье Сушкино. Неведомый, после отъезда Гиршфельда с компанией, поехал с ними.

— Однако и пообчистил же вас этот живодер, — начал он возмущаться еще дорогой. — А я вас как путных, — обратился он к Надежде Петровне и Деметру, — уведомил, где найти Василия Васильевича, что ж, найти — нашли, а от глупостей удержать не сумели, при вас почти последнюю рубашку с него сняли, чуть самого не проглотил и не подавился.

Оказалось, что в сношениях с Деметром был Дмитрий Вячеславович, давно уже недовольный Гиршфельдом; он расспросил у Николая Леопольдовича, когда тот приехал в Москву, о местопребывании Луганского, уведомил письмом Егора Егоровича, который

вместе с Надеждой Петровной, узнав из того же письма, что не нынче завтра должны получить деньги из банка, поехали за ним и случайно встретились в г. В-не.

— Что же нам было делать — он его совсем оплел: сами видите, каким он вернулся из путешествия.

Василий Васильевич на самом деле, видимо, ничего не понимал из их разговора, сидел и глупо-блаженно улыбался.

— Теперь, по крайней мере, надо действовать — надо заставить его подать жалобу прокурору, я напишу, а Егор Егорович перепишет... Заставить его подписаться, а затем постепенно настроить против Гиршфельда будет теперь не трудно...

На этом и порешили.

Через несколько дней по приезде в Сушкино, жалоба была изготовлена и полетела по почте в Петербург на имя Прокурора Окружного Суда. Недели через две Дмитрий Вячеславович, как ни в чем ни бывало, явился к Николаю Леопольдовичу и поселился в его квартире, где продолжал скрываться от розысков, опеки и судебного следователя и

Александр Александрович Князев.

XIV
Выпуск в тираж

Довольный и веселый, не чуя беды, вернулся Николай Леопольдович в свою петербургскую квартиру. Расплатившись с Милашевичем и по мелким векселям, да еще со скидкою, он имел удовольствие уложить в опустелый было почти несгораемый шкаф довольно кругленькую сумму в бумагах.

— Славное дельце обделал! — хвалил он сам себя, потирая руки.

Возбужденного против него дела опекуном Шестова Розеном и самим Шестовым, которому он решительно отказал в дальнейших подачках, и тот перешел на сторону Адольфа Адольфовича, он не боялся.

— Им под меня иголочки не подточить, только бы отделаться от Князева!

План «выпуска его в тираж», как своеобразно выражался Гиршфельд, был им уже составлен. Он вскоре после приезда приступил к его выполнению, а предварительную подго-

товку начал еще ранее. Всю дорогу от Комаровки до Петербурга Николай Леопольдович был предупредительно любезен с Александром Алексеевичем и к концу пути успел положительно изгладить из его души неприязненное чувство, тем более, что обещал ему дополнительное вознаграждение в более крупном, чем полученное им размере по окончании всех расчетов. В вагоне железной дороги, усевшись отдельно от других, они разговорились.

— Эта тысяча рублей является для вас, дорогой Александр Алексеевич, лишь небольшим задатком, — медоточивым голосом начал Гиршфельд. — Разве я не понимаю, сколько услуг сделали вы мне в этом деле, вы были главным моим сотрудником и несли в нем самые тяжелые обязанности. Пробыть более года с глазу на глаз с этим идиотом, одно уж чего-нибудь да стоит.

— Да, трудненько было! — вставил Князев.

— Знаю, знаю, ценю и понимаю! — с чувством перебил его тот. — Без вас могло погибнуть все дело. Спасибо, большое спасибо.

Николай Леопольдович крепко жал ему

руку.

— Мне не хотелось вознаградить вас по заслугам при Дмитрие Вячеславовиче, он мог тоже потребовать такую же сумму и сделать скандал. Вы ведь его знаете?

Князев утвердительно кивнул головой.

— А ему тысячи рублей за глаза довольно, не только довольно — много. Что он делал? — пьянствовал на мой счет и больше ничего. Я его и совсем хотел устранить от дела, особенно после разговора о вас, который он сам к чему-то начал, да уж так сжалился...

— Разговор обо мне? Что же он говорил? — спросил Александр Алексеевич.

Гиршфельд сделал вид, что смешался.

— Так, ничего! Экий проклятый язык, не хотел говорить, сорвалось! — уклончиво отвечал он.

— Нет, позвольте, уж вы договаривайте, я хочу знать, — настаивал Князев.

— Извольте, но только дайте мне слово, что вы ему об этом не скажете, я сам скоро постараюсь вывести его на чистую воду. Тогда вы свободны действовать против него.

— Вот вам моя рука! — протянул Князев

руку. — Честное слово дворянина.

Николай Леопольдович передал ему, что Неведомый будто бы сообщил, что он, Князев, не надежен и имеет намерение перейти на сторону Луганской и Деметра и сильно может повредить ему в деле.

— Ах, подлец! — воскликнул Александр Алексеевич.

— Вы понимаете, дорогой мой, что когда вы явились вместе с ними в Москву, у меня мелькнуло подозрение. На минуту, но мелькнуло. Этим и объясняется моя временная к вам холодность! Вы понимаете?

— Понимаю, понимаю, а я недоумевал! Ах, негодяй! Другом считался, целовался походя, полячишка! Я его в бараний рог согну.

— Вы помните ваше слово?

— Со временем, с вашего разрешения.

Гиршфельд перевел разговор на другую тему.

— Отчего вы, дорогой мой, не женитесь? — вдруг спросил он.

Князев вытаращил на него глаза.

— Мне жениться!.. Да кто же за меня пойдет, какая-нибудь бесприданница, с разбитою

жизнью, как обыкновенно говорят вкусившие от древа познания добра и зла девицы?

— Зачем бесприданница, — улыбнулся Николай Леопольдович. — Оно, конечно, надо полагать, вкусившая от древа, но с приданым и хорошим приданым. Вы ее знаете.

— Кто же это такая?

— Александра Яковлевна!

— Вы шутите, разве она за меня выйдет?

— Отчего же бы ей и не пойти? Вы мужчина красивый, с хорошей дворянской фамилией, а она что ж — актриса, мещанка... Скажу вам более, я сам слышал от нее мнение о вас, из которого заключил, что вы ей нравитесь...

Александр Алексеевич даже покраснел от удовольствия. Перспектива женитьбы на Пальм-Швейцарской, которая ему очень нравилась, обладавшей к тому же независимым состоянием и талантом, приносящим не малый доход, ему очень улыбалась.

— Да ведь там Писателев? — робко спросил он.

— Пустяки, сплетни! — категорически успокоил его Николай Леопольдович.

— Наконец, Гарин?

— Так и позволит ему мать жениться на актрисе — это он подождет, да и Александра Яковлевна мало обращает на него внимания. Сами, чай, заметили?

— Н-да… — протянул Князев, но все же сомнительно покачал головой.

— Смелость города берет, дружище! — потрепал его Гиршфельд по плечу. — Хотите я позондирую для вас почву?

— Сделайте одолжение, я жениться на ней далеко не прочь — она мне очень нравится! — сознался Александр Алексеевич.

Через несколько дней по приезде в Петербург, Николай Леопольдович поехал с визитом в Александре Яковлевне. Она жила в той же квартире на Николаевской улице. Между прочими разговорами он приступил к главной цели своего визита.

— Я к вам с маленькой просьбой и надеюсь, что после стольких лет верной службы, уволенный в отставку чиновник имеет право обратиться к своему бывшему начальству, и она не решится ему отказать.

Он улыбнулся и посмотрел на нее вопросительно.

— Смотря по просьбе! — в свою очередь улыбнулась она.

— Для вас исполнение ее ничего не стоит, для меня же имеет громадное значение.

— Интересно!..

— Пококетничайте посильнее с Князевым, будьте с ним любезнее, чем с другими, сделайте вид, что он вам нравится...

— С Князевым? — скорчила Александра Яковлевна улыбку пренебрежения. — C'est trop... Да и зачем вам это?

— Это уж моя тайна! Я только прошу.

Пальм-Швейцарская задумалась.

Гиршфельд подвернулся с своей «маленькой» просьбой в довольно удачное время. Мать князя Гарина уже с месяц как вернулась из-за границы, задержанная там долее предположенного времени болезнью своей дочери княгини Шестовой, а князь Виктор, между тем, медлил исполнением своего слова. Княгиня Зоя Александровна не появлялась в гостиной Александры Яковлевны свахой своего сына. Сам князь был в мрачно озлобленном настроении.

«Неужели ему не удалось?» — задавала се-

бе вопрос Пальм-Швейцарская.

«Спросить, завести разговор — это значит навязываться!» — отогнала она от себя мелькнувшую было мысль.

Да это и не входило в ее расчеты.

Явное предпочтение, отданное ей кому-нибудь из окружающих ее поклонников, хотя бы даже Князеву, должно несомненно произвести на Виктора впечатление и ускорить развязку. Все это мгновенно пронеслось в ее голове.

— Извольте, я исполню вашу просьбу, не интересуясь вызвавшей причиной, но это только для вас! — подчеркнула она последние слова и протянула ему руку.

Он почтительно поцеловал ее.

— Еще одно маленькое условьице — сделайте так, чтобы князь Гарин первый заметил это.

Она пристально посмотрела на него.

«Неужели мы оба случайно действуем против Виктора! — подумала она. — Тем лучше!»

Николай Леопольдович уехал.

— Дерзайте! — лаконически выразил он Князеву результат своего зондирования поч-

вы.

Александр Алексеевич прибодрился, присанился, стал даже меньше пить и зачастил с визитами к Пальм-Швейцарской. Мрачное настроение князя Виктора Васильевича имело свои солидные основания. Более месяца со дня приезда матери он почти ежедневно давал себе слово серьезно переговорить с ней о своем браке с Александрой Яковлевной, но как только оставался наедине с княгиней, у него не повертывался язык. Если бы вопрос шел только о согласии Зои Александровны на этот, хотя, конечно, по ее мнению, безумный и несчастный брак, он бы давно испросил это согласие и добился бы его, хотя непременно ценою многих сцен и истерик.

Унизительное несомненно для его матери условие, поставленное Пальм-Швейцарской, чтобы первая ехала к ней лично просить ее руки для сына — сковывало ему язык. Он знал хорошо свою мать, знал ее родовую гордость, непреклонность в вопросах этикета, почти панический страх перед мнением того общества, в котором она вращалась. Согласие свое на брак сына она могла дать ему, но в

глазах общества этот его неравный брак мог считаться совершенным вопреки ее воле. Ее прощение сына и его жены могло быть истолковано лишь как великодушное с ее стороны признание совершившегося печального факта. Ее самолюбие было в известной степени ограждено от тяжелого удара. Инициатива же самой княгини в деле брака ее сына с актрисой и ее бывшей камеристкой не могла остаться без огласки. Свет заклеймит ее за чудовищное унижение. Так, несомненно, должна была рассуждать его мать.

Не выберет ли она скорее смерть своего единственного сына, нежели бесчестие своего рода и имени? Вот вопрос? Кто знает, как она разрешит его? Между тем угроза самоубийством — единственное средство добиться ее согласия, а в случае ее отказа — оно и единственный, на самом деле, исход в его положении. Влачить же далее такую жизнь, как теперь, он был не в силах, — видеть горячо любимую женщину при ее настоящей обстановке, под нахальными взорами первых встречных, в атмосфере двухсмысленных острот и анекдотов, прозрачных намеков и предложе-

ний — пытка, которую он переносил в течении нескольких лет, становилась для него положительно невыносимой. Разговор с матерью ставил, таким образом, на карту его жизнь, а жить ему еще хотелось, тем более, что он считал себя любимым своим кумиром.

Он медлил.

Появление в салонах Александры Яковлевны Князева, на которого она прежде, казалось, не обращала никакого внимания, в роли счастливого поклонника, видимо пользующегося взаимностью, конечно, ему первому бросилось в глаза и больно защемило его сердце.

Пальм-Швейцарская не ошиблась — Виктор решил объясниться с матерью и стал постепенно ее к этому подготавливать. К Князеву же, с которым он прежде был даже дружен, он стал питать непримиримую ненависть. Ему казалось, что тот глумится над ним, говорит с ним покровительственным тоном счастливого соперника. Николай Леопольдович тем временем не дремал и подливал масло в огонь.

— Сашка-то наш, кажется, у «божественной» в большом фаворе? — вставил он в раз-

говоре, затащив к себе Гарина поужинать после театра.

Князь вспыхнул.

— Не знаю! — сквозь зубы отвечал он.

— Сам хвастается, говорит, стоит лишь мне сделать предложение и баста... Да я еще подумаю...

— Он... негодяй... — прохрипел Виктор. — Я, кажется, кончу тем, что поставлю его на барьер.

— Это, извините, князь, не умно... Поучить его следует, чтобы он за чужими невестами не бегал и победами, вероятно даже воображаемыми, над ними не хвастал, но становиться вам с ним на барьер не резон. Кто он такой? Темная личность... Если я держу его у себя, то я адвокат: при нашей профессии со всеми брататься приходится. Наш ведь брат — та же кокотка.

— Как же его поучить? — недоумевал Виктор. — Избить?

— Да, помять поосновательнее, только, конечно, не собственноручно — руки только замараете...

Князь продолжал глядеть на него вопроси-

тельно.

— Мало ли у вас кучеров и лакеев, по трешнику в зубы и готово дело, — продолжал развивать свою мысль Гиршфельд. — Пригласить поужинать на острова, подпоить его, да где-нибудь на возвратном пути, хоть в Александровском или Петровском парке, и поучить... Будто бы на всех напали...

«А что если мать откажет, да он после моей смерти на самом деле на ней женится», — неотступно засела в голове князя Виктора мысль.

Она холодила ему кровь. План Николая Леопольдовича ему пришелся по душе.

— Поговорите с Дмитрием Вячеславовичем, он тоже против него большой зуб имеет. Мое же мнение — поучить надо! — закончил Гиршфельд.

Зуб Дмитрия Вячеславовича Неведомого против Князева был устроен тем же Николаем Леопольдовичем. Последний под честным словом не говорить ничего Князеву, рассказал ему почти тоже самое, что говорил Александру Алексеевичу в дороге про Неведомого. Дмитрий Вячеславович, который видел в до-

носе Князева на себя долю правды, чего не знал сам Гиршфельд, и обязанный тоже честным словом, да кроме того и скрытный по природе, молчал, но затаил против своего бывшего друга страшную злобу. Князев, по известной нам причине, тоже был с ним более чем холоден. Друзья стали врагами.

Гарин, по совету Николая Леопольдовича, столковался с Неведомым, и они решились проучить их общего врага.

Через несколько дней ранним утром какими-то неизвестными людьми был доставлен в квартиру Гиршфельда полузамерзший, избитый Князев, находившийся в бессознательном состоянии.

«Поучили» его видимо «основательно».

Николай Леопольдович распорядился, оказав возможную домашнюю помощь и приведя в чувство, отправить его с первым отходящим из Петербурга поездом в Москву, попросив сопровождать его в отдельном купе Неведомого.

Тот согласился.

По прибытии в Белокаменную, он поместил его в Марьинскую больницу, где Алек-

сандр Алексеевич, протянув две недели, умер.

Дело о растрате денег Князевым, как опекуном князя Шестова, за смертью последнего до вручения ему указа о сдаче дел, было прекращено опекой.

За благополучный исход для дела, возбужденного по доносам князя Владимира и барона Розена, Гиршфельд был покоен, хотя дело это, по собранным им сведениям, все еще находилось в рассмотрении прокурорского надзора. Тревожила его полученная прокурором жалоба Луганского, о чем он узнал тоже стороной, хотя по ней еще не приступали к производству следствия.

Смерть Князева, являвшегося и в этом деле для него опасным свидетелем, была очень и очень кстати. Барон Розен не преминул, впрочем, написать на Николая Леопольдовича новый донос, обвиняя его в убийстве Князева, но дело было устроено слишком чисто, чтобы Гиршфельда это обеспокоило.

Когда ему передали об этом, он только улыбнулся.

XV
Примиренье

Положение князя Владимира Александровича Шестова было ужасно. После окружавшей его роскоши, после безумных и бесчетных трат, после отсутствия самого понятия о возможности отказа себе в чем либо, он очутился почти нищим, с любимой им женщиной на руках, сыном этой женщины и тремя его и ее детьми. Третий ребенок, мальчик, родился через год после окончательного расчета с Гиршфельдом. Пять тысяч, полученные от последнего Шестовым, были прожиты им менее чем в два месяца. Приступлено было к продаже и залогу вещей, и наконец была продана вся роскошная обстановка квартиры, и князь с Зыковой и детьми переехали в меблированный дом на Пушкинской улице, заняв сперва два прекрасно обставленных номера. В квартире в переулке, параллельном Николаевской улице, они продержались около года, в дорогих номерах три месяца, а уже когда пришлось тащить к благодетелям-жидам но-

сильное платье и белье, они перебрались в «маленькие номера», как называются в этом меблированном доме более дешевые помещения, лишенные некоторых присущих остальным удобств. Как это обыкновенно бывает, переход от роскоши к почти безусловной нищете совершался для них незаметно. Разорение было слишком неожиданное, чтобы князь и Агнесса Михайловна могли сразу в него поверить и принять меры к сохранению хотя ничтожных крох из полученных пяти тысяч и из вырученной от продажи мебели и вещей весьма солидной суммы. Им все казалось, что это только временное затруднение, что не нынче, завтра они снова будут в прежнем положении — надо только переждать.

Князь Владимир, как мы знаем, был не только не умен, а прямо «недалек» и совершенно непрактичен. Непрактичностью же отличалась и Агнесса Михайловна, привыкшая жить сперва за спиной матери, потом мужа, а затем князя. Отказывать себе в чем-либо, пока в кармане звучала хотя какая-нибудь возможность, она не могла. Кроме того, они оба, повторяю, не верили до самого конца в

свое разорение. В этой мысли их поддерживали окружающие.

Стоит только разыскать пропавшего Князева, и суд заставит его дать отчет по опеке и сдать остальные капиталы, тогда вы снова богатые люди. Конечно, не то что прежде, но все-таки будете себе жить да поживать припеваючи. Так говорили Охотников, Кашин и «дедушка» Милашевич. Они действовали с расчетом, им всем была на руку продолжающаяся открытая жизнь Шестова и Зыковой. Было где провести весело время, было где перехватить деньжонок.

Адольф Адольфович Розен шел далее — он утешал князя, что суд возвратит ему все состояние, прямо, по его мнению, украденное Гиршфельдом. Вопрос только во времени. Время, между тем, шло.

Наступил, как мы видели, момент, когда им пришлось перебраться в «маленькие номера» и жить с детьми и необходимой при последних прислугой на пятьдесят рублей в месяц, выдаваемых опекуном. Сомнения в возможности выигрыша дела против Гиршфельда, особенно после полученного известия

о смерти Князева, напали на Шестова и Зыкову.

Князь Владимир отправился к Николаю Леопольдовичу, но не был им принят. Надо заметить, что Шестов, промотав пять тысяч, обратился к Гиршфельду с письмом, прося ссудить ему десять тысяч рублей до разыскания его опекуна, но получил категорический отказ.

Взбешенный этим, князь написал тогда же Николаю Леопольдовичу второе, уже дерзкое письмо, в котором объявил, что окончательно разрывает с ним всякое знакомство и постарается упечь его в Сибирь, где таким, как он, самое подходящее место. Этим разрывом Шестова с Николаем Леопольдовичем воспользовался барон Розен и продиктовал князю донос на Гиршфельда, который и был послан прокурору. Барон выдал за это своему опекаемому не в зачет сто рублей, конечно из опекунских сумм.

Николай Леопольдович распорядился не принимать ни князя Шестова, ни Зыкову, а последней написал даже письмо. В нем он выражал сожаление, что она, вопреки его

ожидания, не могла удержать князя от нанесения ему оскорблений и от писания на него кляуз, хотя он никогда ни к князю, ни к ней не чувствовал ничего, кроме искреннего расположения, которое, он надеется, доказал на деле и даже хотел, как и обещал ей, быть к услугам ее и князя на будущее время, но что теперь, после совершившегося инцидента, он в праве считать себя освобожденным от всяких нравственных обязательств не только по отношению к князю (об этом не может быть и речи), но даже и по отношению к ней.

Агнесса Михайловна, все еще продолжавшая верить в Гиршфельда, напала на князя, что из-за него они потеряли человека, который всегда мог оказать им существенную поддержку. В особенности доставалось от нее Шестову, когда положение их совершенно определилось, т. е. когда у них не оставалось уже ничего. По ее же настоянию он сделал свой неудачный визит Николаю Леопольдовичу.

— Не принял! — сообщил грустно князь, возвратившись в номер.

— Я этого ожидала, — затараторила Агнес-

са Михайловна, — да иначе и не могло случиться. Облаял человека ни за что, ни про что, и думаешь, что он тебе сейчас: милости просим! Нет, походи, да покланяйся.

Шестов уныло опустил голову.

— Я пойду сама, силой ворвусь к нему и выпрошу у него за тебя, дурака, прощение! — добавила она после некоторой паузы и стала одеваться.

Князь молчал.

Зыкова оказалась счастливее. Она встретила Николая Леопольдовича, спускавшегося из подъезда.

— Ради Бога, на одну минуту, — остановила она его уже на тротуаре.

— Что вам угодно? — холодно произнес он.

— Я к вам, простите вы, ради Христа, Владимира и меня!

— Вас? Вас мне не в чем прощать…

— Его простите, ведь он волосы на себе рвет; этот проклятый подучил его и письмо написать, — врала она, — и прошение.

— Да зачем вдруг понадобилось князю мое прощение? — в упор спросил он ее.

— Как зачем? — смешалась она. — У нас те-

перь на вас только одна и надежда, ведь мы почти с голода умираем; жить нечем.

Николай Леопольдович окинул ее с головы до ног. Помятая шляпка, легкая драповая тальма, несмотря на стоявшие морозы, стоптанные калоши красноречиво подтверждали сказанное ею. Тиршфельд смягчился. Надо, впрочем, заметить, что главной причиной этого «смягчения» была мелькнувшая в его голове мысль, что князь Шестов, находящийся теперь в черном теле, может быть ему полезен, как для более быстрого прекращения им же и его опекуном затеянного против него дела, так и как свидетель по делу Луганского.

— Сколько он получил за донос на меня с барона? — спросил он.

— Сто рублей, — откровенно отвечала Зыкова.

— Пусть придет сегодня вечером, я дам ему двести на мировую, но при известных условиях, если он, конечно, на них согласится.

— Он на все согласится, ручаюсь вам за него! — радостно воскликнула Зыкова.

— А мне к Стефании Павловне как-нибудь зайти можно? — робко спросила она.

— Милости просим! — подал он ей руку и стал усаживаться в сани.

Михайловна побежала домой. В тот же вечер Шестов явился в Гиршфельду. Он робкою поступью вошел в кабинет. Николай Леопольдович положительно не узнал его. Князь Владимир, на самом деле, страшно изменился за время их разлуки. Он исхудал так, что платье сидело на нем как на вешалке, глаза приняли какой-то мутный цвет, веки были воспалены, а отпущенная им борода совершенно изменила его физиономию. Одет он был в сильно потертый черный драповый пиджак, застегнутый до верху, без всяких признаков белья, лоснящиеся черные брюки с обитыми низками и разорванные штиблеты дополняли его костюм; в руках он держал изрядно-таки помятую шляпу-котелок. От него несся сильный букет сивушного масла. За последнее время он стал часто прикладываться к рюмочке. В душе Гиршфельда при виде князя шевельнулось нечто вроде раскаяния.

— Ну, что, милейший князь, — ласково начал он, — видно «худой мир лучше доброй ссоры» и «старый друг лучше новых двух», —

протянул он ему руку.

Шестов с жаром пожал ее. Николай Леопольдович усадил его в кресло, сел сам и они принялись толковать. Результатом их разговора было то, что князь Владимир написал под диктовку Гиршфельда донос на своего опекуна барона Розена, обвиняя его в растрате опекунских сумм и отказываясь от поданной им, по наущению того же барона, жалобы на Николая Леопольдовича. Последний вручил ему при прощании двести рублей и обещал небольшую периодическую помощь.

— Вы показывали у следователя? — спросил его Гиршфельд.

— Показывал.

— Подтвердили жалобу?

— Да! — опустил князь глаза.

— Напишите еще прошение о вызове вас вторично и при допросе откажитесь от первого показания.

— А мне за это ничего не будет?

— Ничего, на предварительном следствии вы можете менять показания хоть ежедневно — тут нет никакого не только преступления, но даже проступка. Да вот вам подтвер-

дит мои слова Николай Николаевич, — указал Николай Леопольдович на входившего в кабинет Арефьева.

Тот подтвердил, сославшись даже на кассационные решения. Князь Владимир написал прошение и следователю.

Арефьев взялся отправить обе бумаги по почте по принадлежности.

— Только на конвертах сделайте надписи своей рукой, — обратился он к Шестову.

Тот исполнил и это.

Так совершилось примирение Гиршфельда с князем Владимиром, которому он начал изредка бросать подачки, редко, впрочем, превышающие сумму в пять или десять рублей.

Шестов был доволен. Несчастье сделало его почти слабоумным, а, быть может, это было последствием пьянства и прошлых кутежей. Агнесса Михайловна, пользуясь разрешением Николая Леопольдовича, частенько забегала к Стефании Павловне и тоже пользовалась малой толикой от ее великих милостей. Марья Викентьевна Боровикова продолжала жить, окруженная данниками, крупнейшим из которых был «дедушка» Милашевич,

ухлопавший на Зиночку почти все пять тысяч, полученные им за дело Луганского. Она продолжала принимать у себя Агнессочку и князя, но третировала последнего en canaille. Князь не обижался.

XVI
Под угрозой смерти

Александра Яковлевна Пальм-Швейцарская ошибалась, полагая, что в семье князей Гариных царит возмущавшее ее мстительный ум спокойствие.

За судьбу своих дочерей княгиня действительно была покойна.

Княгиня Анна Шестова имела свое более чем независимое состояние и, не смотря на положение соломенной вдовы, сумела занять почетное место среди петербургского большого света, тем более, что все симпатии были далеко не на стороне ее мужа, не забытого в высшем кругу только по имени, но считавшегося потерянным из общества навсегда. Она по-прежнему царила на балах, ее маленький сын Борис был поручен попечениям опытной

бонны и гувернантки. Репутация княгини Анны, впрочем, была безупречна, что часто зависит не от действительных нравственных качеств, а от уменья вести свои дела.

Незаметнее в свете, но быть может счастливее, чем ее сестра, была другая дочь княгини Зои — Софья Васильевна Путилова. Искренно привязавшаяся к своему мужу, который платил ей нежным уважением, она неохотно покидала детскую, где у ней подрастали так называемые «красные» дети — мальчик и девочка, и лишь по обязанности поддерживала светские знакомства и отношения. Покойный князь Василий, вскоре после возвращения Софьи с мужем из свадебного заграничного путешествия, пользуясь своим огромным влиянием в высших сферах, успел доставить Сергею Николаевичу несколько почетных должностей, не мешавших ему помогать отцу в его торговых оборотах, и даже звание камер-юнкера. Положение Путилова и его жены в высшем петербургском свете было таким образом упрочено. Через год с небольшим после свадьбы сына старик Путилов умер и миллионное его состояние и дело с ко-

лоссальными оборотами перешло всецело в руки Сергея Николаевича. Его мать Домна Семеновна сошла в могилу ранее своего мужа месяца на три. Миллионы Путилова сделали то, что петербургская аристократия не только принимала его с распростертыми объятиями, но даже заискивала в этом сыне народа.

Это не вскружило, однако, головы серьезного не по летам Путилова и он весь погрузился в наследственное дело, занявшись, впрочем, исключительно заграничным хлебным экспортом. Предоставив всецело своей жене выслушивать комплименты и любезности, рассыпаемые щедрою рукою представителями и представительницами высшего петербургского света по адресу его миллионов, он большую часть года находился за границей, где, как и дома, свободное от дела время отдавал своей громадной библиотеке, пополняемой периодически выходящими в свет выдающимися произведениями как по всем отраслям знания, так и по литературе.

Княгиня, повторяем, была бы счастлива, если бы на этом ясном горизонте ее жизни не висела бы мрачная, грозная, все возрастаю-

щая туча. Такой тучей была судьба ее любимца — князя Виктора. Устроив предсмертное примирение сына с отцом, она надеялась, что Виктор, под впечатлением беседы с умирающим, сделавшись, наконец, после смерти князя Василия главою рода, поступив на службу, которая, конечно, для князя Гарина была открыта по всем ведомствам, сделает блестящую карьеру и не менее блестящую партию. Детская шалость, как называла она совершенный сыном подлог, заставивший его покинуть военную службу — была забыта. Дипломатическая карьера сына была заветной мечтой княгини Зои.

Разборчивая невеста Раиса Григорьевна Ляхова все еще была в девушках, как бы ожидая князя Гарина и доказывая, — так, по крайней мере, думала княгиня, — верность русской пословицы, что суженого конем не объедешь.

M-me Ляхова за это время очень поблекла, но миллионы ее оставались все такими же свежими.

— Ты больше не поедешь в Москву, ты, конечно, останешься с нами? — с тревогой спро-

сила княгиня Зоя сына после примирения с отцом.

— Куда я поеду, конечно останусь с вами! — отвечал он, с нежностью целуя ее руку.

Это ее обрадовало и укрепило ее надежды. Увы! Не на долго!..

Появление на похоронах князя ненавистной ей. Александрины открыло ей глаза. Она поняла, почему сын не намерен покидать Петербурга. Она — эта женщина, несколько лет уже составлявшая кошмар княгини, была здесь — в одном с ней городе. Поведение сына в церкви, о котором она узнала из светских толков, доказывало, что он далеко не излечился, как она надеялась, от своей пагубной страсти. Княгиня же была бессильна против этой женщины, отнимающей у нее ее любимца.

«О, если бы был жив Basile!» — первую минуту подумала она.

«Что же мог, впрочем, поделать и Basile, — с отчаянием говорила она себе в последствии. — Не мог же он запретить жить в Петербурге талантливой артистке Пальм-Швейцарской, женщине с громадным, хоть Бог

весть какими путями добытым состоянием».

Княгиня все это узнала стороной. Дальнейшие наблюдения над сыном к ужасу подтвердили ее предположения. Князь Виктор продолжал безумно любить Александрину. Это было серьезно, непоправимо. Несколько раз, видя его мрачным и растерянным, она хотела первая заговорить с ним, решалась даже дать косвенное согласие на их брак, с тем, чтобы она уехали навсегда за границу, но сердце княгини Гариной одерживало после сильной борьбы победу над сердцем матери. Она делала вид, что не замечает расстряенного, болезненного вида сына и молчала. Сколько это ей стоило — знало ее сердце.

Князь Виктор тоже, как мы видели, не решался на серьезную беседу с матерью поэтому вовросу. Полученное им известие о смерти Князева окончательно потрясло и без того разбитую переносимыми им в течении нескольких лет нравственными пытками его нервную систему. Он не ожидал, что осуществление плана, нашептанного ему Гиршфельдом окончится так трагически. К сердечным мукам прибавились муки угрызения со-

вести. Князь решил покончить, по крайней мере, с первыми.

Когда он вошел в кабинет Зои Александровны с целью серьезно переговорить с ней о своей будущности, она положительно испугалась выражения его исхудалого за последнее время лица. Он имел вид сумасшедшего, с растрепанной прической, с воспаленными от видимо проведенной без сна ночи, горевшими лихорадочным огнем, бегающими глазами.

— Что случилось? — невольно сорвалось с ее языка. Она даже привстала в кресле.

— А вы только теперь заметили, что со мной что-то случилось? — с мрачной иронией задал он вопрос вместо ответа, останавливаясь перед ней.

Она скорее упала, нежели опустилась в кресло, и смущенно потупила глаза.

— Я тебя не понимаю! — уклончиво отвечала она.

— Не понимаете, — с горькой усмешкой на пересохших от волнения губах продолжал он. — Где же чуткое материнское сердце? Неужели вы видите, что ваш сын чахнет и

гаснет на ваших глазах?

— Я видела это, мучилась за тебя, но не знала и не знаю причины! — чуть слышно произнесла она.

—, Зачем притворство? Вы очень хорошо знаете эту причину, — возвысил он голос. — Она все та же, из-за которой уже много лет тому назад вы из этого самого дома изгнали опозоренную мною и обездоленную вами несчастную девушку. Я до сих пор люблю ее безумно, страстно…

— Ты сошел с ума, чего ты кричишь, — выпрямилась в кресле княгиня Зоя. — Разве я мешаю тебе, ты кажется с ней видишься, пользуешься ее взаимностью, ее настоящее положение таково…

Она не успела договорить.

— Ни слова более! — крикнул Виктор. — Так вот вы чем отвечаете на искреннее признание сына? Новым оскорблением, новой клеветой на боготворимую им девушку. Так знайте же, княгиня, что если вы не исполните теперь моей просьбы, то выйдете отсюда не иначе, как перешагнув через труп вашего единственного сына.

Он быстро вынул из кармана револьвер. На лице Зои Александровны выразился смертельный испуг, она побледнела и готова была лишиться чувств.

— Чего же ты хочешь? — простонала она. — Ну, женись на ней, я согласна, т. е. я даю тебе лично это согласие, но чтобы свет не знал этого, чтобы не было огласки, пусть думают, что ты женился помимо моей воли. Уезжайте после свадьбы за границу, я там могу даже гостить у вас...

— Свет! — снова горько усмехнулся он. — Что для меня мнение света? Я бы давно женился на ней без вашего согласия и умчал бы ее на край света, но, увы, она не согласна.

— Чего же она хочет? Занять место в нашем обществе — это для нее, как для актрисы, невозможно!

— Она и не думает об этом, она презирает это «ваше общество». Она желает только возмездия за нанесенное ей вами оскорбление, и я ее понимаю.

Виктор остановился. Княгиня глядела на сына недоумевающе вопросительным взглядом.

— Она желает, — продолжал он, — чтобы вы лично приехали к ней просить ее руки для меня.

— Я! — с болезненным стоном крикнула княгиня.

— Да, вы!

— Это невозможно!

— Тогда прощайте!

Он поднес дуло револьвера к виску. Зоя Александровна прочла на его лице непоколебимую решимость.

— Остановись, несчастный! — вскочила она стремительно с кресла и схватила его за руку. — Хорошо, я согласна, я пойду...

Последние слова она произнесла совсем уже ослабевшим голосом, шатаясь отступила к креслу и буквально упала в него. Князь Виктор сунул в карман револьвер, быстро опустился перед ней на колени и стал целовать ее похолодевшие руки, обливая их горячими слезами.

— Maman, благодарю вас, вы буквально спасли мне жизнь! — сквозь слезы лепетал он.

Княгиня немного оправилась.

— Но только, чтобы это было тайной между нами, возьми с нее слово, никому не говорить о моем к ней визите.

Князь продолжал целовать ее руки.

В этот же вечер он сообщил Александре Яковлевне о предстоящем завтра посещении ее его матерью, умолчав, конечно, о поставленном княгиней условии.

Он понимал, что оно оскорбительно для его кумира.

— Могу я приехать с ней? — спросил он при прощании.

— Нет, я желаю говорить с ней одной! — ответила Пальм-Швейцарская.

Князь уехал. В его душе царил давно уже не испытанный им сладкий покой. Будущее представлялось ему в радужном цвете. Грезы, одна другой заманчивее, всю ночь витали над его головой. Он спал сном счастливого человека.

Княгиня Зоя, между тем, не спала. Предстоящее унижение перед Александриной леденило ей кровь и лишь восставшее в ее памяти виденное сегодня утром лицо бесповоротно решившегося на самоубийство сына при-

давало ей силы.

XVII
Последний удар

Совершенно по другим причинам не спала ту же ночь Александра Яковлевна Пальм-Швейцарская. Сердце ее билось злобною радостью. Завтра она увидит унижение перед собой ее злейшего врага — княгини Зои. Завтра она отомстит за нанесенные ей оскорбления, за ее разбитую жизнь. Что бы было с ней, если бы не случайная встреча с Гиршфельдом? Что она такое и теперь? Актриса, о богатстве которой говорят не иначе, как с двусмысленной улыбкой. К тому ли она готовилась? О том ли она мечтала? Ей пришли на память мечты ее юности, но она отогнала их прочь. Ничего не поделаешь против совершившихся фактов. Но зато завтра она отомстит.

В радостном волнении не могла она сомкнуть глаз, лежа в своей роскошной постели, утопая в волнах тончайшего батиста. Лишь под утро заснула она тревожным сном.

В двенадцать часов она уже была одета и стала ждать. До назначенного княгиней часа оставалось два часа. Время казалось ей вечностью. Она сидела в приемной, у одного из окон которой, ближайших к подъезду была система зеркал, позволявшая видеть подъезжавшие экипажи.

Квартира Александры Яковлевны была на первом этаже. То и дело при звуке останавливавшихся у подъезда карет — княгиня думала, что она непременно приедет в карете — она подбегала к зеркалам.

Время шло. Стоявшие на громадной тумбе из черного мрамора великолепные бронзовые часы показывали уже пять минут третьего. Александра Яковлевна не отходила от зеркал, впиваясь в них взглядом. Вот несколько карет проехало мимо, у подъезда же остановились извозничьи сани и из них вышла высокая барыня с лицом, закрытым густою черною вуалью. Извозчик медленно отъехал. Отчасти по фигуре, но скорее инстинктивно, она узнала в подъехавшей княгиню. Вся кровь бросилась ей в голову — она быстро ушла к себе в будуар.

В передней раздался звонок. Это была на самом деле княгиня Гарина.

— Так вот как, ваше сиятельство, — злобствовала, между тем, Пальм-Швейцарская, ломая свои изящные пальцы, — вы являетесь ко мне инкогнито, на извозчике, закутанная непроницаемой вуалью. Вам совестно приехать открыто к вашей родной племяннице, к будущей жене вашего сына, и вы так приехали просить моего согласия только потому, что я актриса и незаконная дочь...

Она злобно расхохоталась.

— Княгиня Зоя Александровна Гарина! — доложил вошедший лакей.

— Проси в гостиную, — кинула ему Александра Яковлевна.

Она не торопилась выходить и стала медленно ходить но пушистому ковру будуара.

Княгиня, между тем, ожидала в гостиной. Каждая секунда казалась ей вечностью. Унижение ее уже началось — актриса заставила ее дожидаться. Она то краснела, то бледнела под опущенной вуалью. Единственная мысль — поскорее все это покончить — царила в ее голове.

Хозяйка квартиры все не появлялась.

Княгиня несколько раз нервною походкой прошлась по комнате и снова села. На окружающую обстановку, действительно художественную, она не обратила никакого внимания. Она чувствовала себя в каком-то пространстве.

Наконец Пальм-Швейцарская вышла в гостиную с гордо поднятой головой и с выражением высокомерия на лице.

— С кем имею удовольствие говорить? — медленно отчеканивая каждое слово, начала она.

Княгиня поняла, что причиной подобного вопроса опущенный густой вуаль и быстро откинула его, не вставая с кресла. Александра Яковлевна села в кресло против нее.

Обе женщины одно мгновение пристально смотрели друг на друга и молчали.

— Чем могу служить вашему сиятельству? — первая проговорила Пальм-Швейцарская.

— Вам, вероятно, не безызвестна причина моего сегодняшнего визита к вам...

Голос княгини дрожал. Александра Яко-

влевна смотрела на нее вопросительно.

— Я приехала, — между тем продолжала та, — выразить вам лично, как вы этого желали, мое согласие на брак с вами моего сына Виктора. Я согласна. Единственная моя просьба к вам будет та, чтобы свадьба была не в Петербурге, так, как вы сами, надеюсь, понимаете, что независимо от ваших превосходных нравственных качеств, которые я всецело признаю и которыми вы сумели внушить моему сыну такую горячую и продолжительную к вам привязанность, разница вашего и его общественного положения невольно возбудит для меня и даже для него неприятную, а для вас совершенно ненужную огласку в свете, возбудить толки и пересуды… После свадьбы самое лучшее, по моему мнению, — я бы тоже очень просила вас об этом, — уехать за границу…

— Позвольте, ваше сиятельство, — перебила ее тираду Александра Яковлевна, — вы кажется очень спешите выражением вашего согласия, которого я никогда не добивалась…

Она окинула княгиню надменным взглядом. Та, что называется, опешила.

— Но Виктор мне передавал... — начала было она и смешалась.

— Князь меня не так понял. Когда он сделал мне предложение, я сказала ему, что могу дать тот или другой ответ только вашему сиятельству, если вы от его имени явитесь просить моей руки... — с явной насмешкой в голосе продолжала Пальм-Швейцарская.

Княгиня продолжала растерянно смотреть на нее.

— А между тем вы, ваше сиятельство, являетесь ко мне не с просьбой, а с снисходительным выражением вашего согласия, за которым я к вам, кажется, не обращалась...

Она продолжала окидывать Зою Александровну наглыми, вызывающими взглядами.

— Хорошо, — через силу вымолвила княгиня, переживавшая, видимо, страшную душевную бурю, — я прошу вашей руки для моего сына.

Голос княгини оборвался... Пальм-Швейцарская улыбнулась.

— Вот, ваше сиятельство, как переменяются на сцене жизни роли... Несколько лет тому назад я на коленях вместе с вашим сыном

умоляла вас о согласии на наш брак... Я была тогда, хотя и опозоренная князем Виктором, но еще совершенно молодая, наивная и неиспорченная женщина, почти ребенок, в моих жилах текла и тогда, как течет и теперь, такая же княжеская кровь, как и в ваших детях, но вы не только не изъявили этого согласия, но выгнали меня со двора, как ненужную собачонку.

Александра Яковлевна остановилась. Княгиня Зоя сидела с опущенными глазами и молчала.

— Прошли года, — продолжала Пальм-Швейцарская, — я сделалась актрисой, много испытав в жизни. Вы, согласно вашему светскому кодексу нравственности, считаете меня совершенно падшей женщиной.

Княгиня сделала головою жест отрицания.

— Не возражайте, это будет неправдой, — не дала ей заго-ворить Александра Яковлевна, — ваш таинственный приезд ко мне на извозчике, под густою вуалью, красноречиво подтверждает правду моих слов. Если бы свет узнал о вашем визите ко мне, вы сделались бы мишенью страшных пересудов.

— Но я просила Виктора передать вам, чтобы это оставалось тайной… — испуганно вставила Зоя Александровна.

— Вот видите! — засмеялась Пальм-Швейцарская. — Успокойтесь, об этом не узнает никто, я не вижу причин хвастаться визитами ко мне княгини Гариной, хотя ваш сын ничего не говорил мне да и не посмел бы сказать…

На лице Зои Александровны выступили багровые пятна.

— Словом, вы чураетесь меня, как прокаженной, — медленно продолжала Александра Яковлевна, — и если явились ко мне выразить ваше согласие на брак с вашим сыном и даже просите моей руки, то это только потому, что я сумела сделать для вашего сына вопрос обладания мною вопросом жизни и смерти. Ко мне приехала не княгиня Гарина, а мать, не желающая потерять своего единственного сына и выбравшая между его смертью и женитьбой на актрисе из этих зол меньшее.

Она злобно захохотала. Княгиня смотрела на нее, видимо, не понимая к чему она клонит речь.

— А я на вашу просьбу моей руки для князя Виктора, — снова начала Пальм-Швейцарская, — отвечу то же, что ответила ему в Москве в первое наше свидание после насильственной разлуки: актриса Пальм-Швейцарская отказывается сделаться княгинею Гариной. Я хотела иметь удовольствие повторить вам лично, ваше сиятельство!

Александра Яковлевна встала.

— Но ведь вы сами говорите, что ваш отказ убьет его! — в свою очередь вскочила с кресла Зоя Александровна.

Она была бледна, как полотно, губы ее дрожали.

— Так что ж, — хладнокровно ответила та, — худая трава из поля вон...

Княгиня, как разъяренная мегера, стремительно бросилась на нее, но Пальм-Швейцарская ловко толкнула ее в грудь рукою, и Зоя Александровна грузно упала на ковер гостиной.

С ней сделался глубокий обморок.

— Я валялась тоже у твоих ног!.. — злобно прошипела Александра Яковлевна, с довольной улыбкой смотря на лежавшую у ее ног

княгиню Гарину.

Затем она позвонила.

— Заложить карету поскорей! — отдала она приказание лакею.

Пальм-Швейцарская села в кресло и молча пристально смотрела на лежавшую княгиню.

Когда карета была подана, пришедшую немного в себя Зою Александровну, видимо не понимавшую еще ясно совершающегося вокруг нее, одели, усадили в карету и повезли на набережную реки Фонтанки по адресу, переданному Александрой Яковлевной своему выездному лакею. Лишь подъезжая к дому княгиня пришла в себя.

— Отказала наотрез! — объявила она сыну, дожидавшемуся ее в кабинете.

Князь остолбенел и поглядел на мать помутнившимся взглядом. Зоя Александровна в коротких словах начала передавать ему перенесенную сцену. Она, впрочем, не окончила рассказа. Воспоминания о пережитом унижении были так свежи и потрясающи, что с ней сделался вторичный обморок, ее уложили в постель. Виктор машинально отправился к себе в кабинет.

Он отказывался что-либо понимать.

«Ведь она согласилась, согласилась более года тому назад!» — думал он.

Он был уверен, что это так.

«Как же теперь отказала? Ни с того, ни с сего! Может в самом деле разлюбила, увлекшись Князевым? Не может быть! — гнал он от себя эту мысль. — Она бы вчера сказала мне об этом! Зачем же она согласилась принять мою мать?»

Он положительно недоумевал.

«Месть, неужели месть? — хлопнул он себя по лбу. — Но за что же, ведь я, кажется, искупил и мою вину, и вину моих родных! Я потерял карьеру, был изгнан из родительского дома, совершил преступления, даже убийство!»

Образ Князева мелькнул перед ним. Под тяжестью воспоминаний он низко склонил голову.

«Надо разузнать, разъяснить! Что произошло у них с княгиней? Может быть это недоразумение! Надо ехать к ней!» — поднял князь голову.

Он взглянул на часы. Был шестой час в начале. От трех до семи она не принимала ни-

кого, он это знал. Надо было ждать. Он стал ждать.

XVIII
В спальне

Ровно в семь часов вечера князь Гарин позвонился у парадной двери квартиры Пальм-Швейцарской.

У подъезда он заметил поданную коляску Александры Яковлевны.

«Куда-то едет!» — подумал он, но все-таки приказал своему кучеру ехать домой.

Пальм-Швейцарская, на самом деле, была уже в передней в шляпке и перчатках.

— На два слева! — с умоляющим взглядом прошептал он, сбрасывая на руки лакея шинель.

Ока пожала плечами, но вернулась вместе с ним в гостиную.

— Что вам угодно? — холодно спросила она, Ни в передней, ни тут она не подала ему руки.

Он этого в волнении не заметал.

— Ради Бога обьясните, что случилось?

— Что такое? — ответила она вопросом.

— Что произошло у вас с моей матерью? — продолжал он дрожащим голосом.

— Ах, да! Княгиня была у меня, просила от вашего имени моей руки, и я ей отказала, — небрежно отвечала она. — Она вам вероятно это передала?

— Да! Но я ей не поверил! — задыхаясь произнес князь.

— Напрасно! Повторяю вам, я ей отказала, — подчеркнула она последние слова.

— Как же это? Ведь вы согласились?.. — растерянно прошептал он.

— Когда?

— Полтора года тому назад, на даче, разве вы не помните?..

— Вы не так меня поняли, князь, и ввели в заблуждение вашу почтенную матушку, — с иронией произнесла она эпитет, — я тогда сказала вам, что дам ответ только княгине и сегодня дала его...

— Но почему же вы не хотите быть моей женой? — наивно спросил ошеломленный Виктор.

Пальм-Швейцарская насмешливо посмот-

рела на него.

— Потому что не люблю вас! Однако, мне пора! Я еду в театр и обещалась заехать за Гиршфельдами. Прощайте, князь! — кивнула она ему головой и медленно вышла из гостиной.

— Прощайте! — машинально повторил он, следуя за нею.

Они вместе вышли из подъезда. Она села в коляску и уехала. Он остался на панели и бессмысленно смотрел вслед за удаляющимся экипажем. Вдруг, как бы что вспомнить, он вернулся в подъезде и снова позвонился у ее парадной двери.

— Александра Яковлевна просила меня подождать ее возвращения из театра... — сказал он отворившему ему дверь лакею.

Тот, зная его за хорошего знакомого своей барыни, молча снял с него шинель и почтительно пропустил в залу.

Виктор стал тихо бродить по комнатам, останавливаясь по долгу то в той, то в другой. Особенно продолжительное время он пробыл вгостиной, где за четверть часа перед этим говорил с Пальм-Швейцарской. Он припомнил

теперь, что она не подала ему руки ни при встрече, ни при прощанье, даже не попросила сесть. Значит он здесь в последний раз. Ему вдруг страшно захотелось совсем не уходить отсюда.

«Прощайте, князь!» — прозвучали в его ушах ее последние холодные слова.

Садясь в коляску, она даже не взглянула на него.

«Потому что я вас не люблю!» — пронеслось в его уме.

Он вздрогнул от внутренней жгучей боли.

«Она мстила! — подумал он. — Хорошо, она будет отомщена до конца!»

Он снова стал бродить по комнатам. Он останавливался перед роялем, перед диванами, перед креслами, припоминал, когда она играла последний раз, где и как сидела. Он вдыхал воздух ее комнаты. Он проник в ее будуар, аромат ее духов охватил его, он тяжело дышал, казалось, упиваясь ее дыханием. Часы на камине показывали без четверти двенадцать.

— Пора! — прошептал он, поднял портьеру и вошел в ее спальню.

Это была большая комната, обитая голубою шелковою материей, освещенная голубым фонарем, спускавшимся с потолка. Роскошная, уже приготовленная кровать стояла по середине. Он никогда не был в ее спальне. Вид ее постели остановил биение его сердца. Он несколько минут стоял, как окаменелый.

— Именно здесь! — проговорил он, — осторожно озираясь, подошел к кровати, лег и вынул и кармана револьвер.

Раздался выстрел. Сбежавшаяся прислуга застала князя уже мертвым. Он лежал на кровати. Огнестрельная рана зияла в правом виске. Алая кровь обагрила белоснежные, батистовые наволочки подушек и лежавший у постели белый ангорский ковер. Правая рука спустилась с кровати. Револьвер большого калибра валялся на ковре. На лице князя застыла улыбка какого-то блаженного довольства.

Весть о самоубийстве князя Гарина в квартире артистки Пальм-Швейцарской с быстротою молнии облетела весь дом. Старший дворник тотчас же распорядился послать за полицией, которая и не замедлила явиться. Едва затворилась парадная дверь квартиры

за вошедшими в нее помощником пристава и письмоводителем, как к подъезду подкатила коляска Александры Яковлевны.

Она приехала из театра вместе с Николаем Леопольдовичем, его женой и Писателевым, которых пригласила к себе ужинать.

Приехавших встретили роковым известием. Они прошли в спальню, где уже помощник пристава составлял акт. Александра Яковлевна остановилась перед лежащим на постели трупом, несколько мгновений как, бы вглядывалась в черты лица покойного князя, затем опустилась на колени, осенила себя крестным знамением и до земли поклонилась усопшему. Ни один мускул не дрогнул на ее лице.

Она спокойным, ровным голосом дала показание полицейскому чиновнику о последнем своем разговоре с самоубийцей.

— Как же мне быть! В этой квартире я не останусь! — обратилась она к Гиршфельду, подписав показание.

— Поезжайте к нам! — предложил он. Она согласилась.

Коляску еще не успели отложить, и Пальм-

Швейцарская, вместе с перепуганной на смерть происшествием Стефанией Павловной, отправилась в квартиру Гиршфельда.

— Николай Леопольдович ведь все время, кажется, с нами был? — задала дорогой вопрос Стефания Павловна.

— Конечно с нами! А что? — с недоумением спросила Александра Яковлевна.

— Ничего! Я так! — смутилась та.

Гиршфельд, между тем, вместе с Матвеем Ивановичем остались до конца составления акта и увоза трупа самоубийцы в его доме.

Княгиня Зоя Александровна, едва оправившаяся от второго обморока, еще не спала, хотя и лежала в постели.

Услыхав необычайное движение в доме, она позвонила.

В то же время в ее спальню вбежала вся в слезах совершенно растерявшаяся камеристка-француженка.

— Quell malheur, madame la princtss, quel malheur! — патетически восклицала она. — Votre fils est mort! On vient de l'apporter!

Княгиня привскочила на кровати, но вдруг снова откинулась на подушки, как-то странно

вытянувшись. С ней сделался нервный удар.

Явившиеся доктора прописали лекарства, но ничего не могли сказать утешительного находившимися у постели матери дочерям, за которыми было послано тотчас же.

Князь Виктор был признан совершившим самоубийство в припадке психического расстройства и похоронен по христианскому обряду. Похороны отличались пышностью, необычайной торжественностью и многолюдством. Последнее зависело от романтической причины смерти молодого человека, о которой знал почти весь город. В числе многочисленных провожатых преобладал дамский элемент. Его похоронили в Александро-Невской лавре и положили в склеп, рядом с отцом. На похоронах не присутствовали ни княгиня Гарина, ни Пальм-Швейцарская.

Первая сама была на краю гроба, а вторая, распродав с помощью Гиршфельда на другой же день после происшествия за полцены всю обстановку квартиры и, поручив ему сдать ее, укатила накануне похорон князя в Крым, условившись с Матвеем Ивановичем, что через месяц, т. е. на первой неделе великого по-

ста, он приедет туда же.

Княгиня Зоя Александровна пережила своего сына только на три недели. Она умерла тихо на руках своих дочерей.

Согласно ее желанию, за день до ее смерти, ее посетил, напутствовал и приобщил св. тайн о. Иоанн Сергеев.

Снова по Невскому проспекту, по направлению к Александро-Невской лавре, потянулась печальная процессия с останками последней обитательницы дома на набережной реки Фонтанки. Снова на похороны княгини собрался весь большой петербургский свет. Снова открылись двери склепа князей Гариных, чтобы принять свою последнюю гостью. Над этим склепом через год после смерти князя Василия была устроена покойной княгиней великолепная часовня, из белого мрамора, выдающаяся по красоте стиля и отделке между другими богатыми памятниками кладбища Александро-Невской лавры и невольно останавливающая на себе внимание всякого, посещающего это место вечного успокоения.

XIX
Перебежчики

У судебного следователя по важнейшим делам гор. Петербурга, по жалобам барона Розена, князя Шестова и Луганского, происходила, между тем, усиленная деятельность. Пачка бумаг: прошений, заявлений, показаний, постановлений и повесток в казенной синей обложке с надписью: «Дело» разрослось в огромный том. Разноречивые показания князя Шестова и Зыковой, то клеймивших Гиршфельда и восхвалявших барона Розена, то дававших совершенно противоположные объяснения, возводившие Николая Леопольдовича на недосягаемый пьедестал высокой честности и неподкупности и смешивавшиеся с грязью Адольфа Адольфовича, привели судебного следователя к внутреннему несомненному убеждению в виновности оборотистого присяжного поверенного и побудили его отнестись к следствию по этому запутанному делу с удвоенной энергией и осторожностью.

Судебный следователь же видел, что имеет в лице Гиршфельда опасного противника, опытного дельца и юриста, а потому и готовился сделать на него нападение во всеоружии обвинительных данных, обеспечивая тем себе заранее победу.

Князь Владимир и Агнесса Михайловна, на самом деле и после примирения с Николаем Леопольдовичем, несмотря на то, что получали как от него, так и от Стефании Павловны хотя и небольшие, но довольно частые подачки, несколько раз снова перебегали на сторону барона Розена и по его наущению являлись к следователю и давали показания против Гиршфельда. Стоило для этого только Адольфу Адольфовичу попасть к ним в то время, когда полученная не особенно давно подачка от Николая Леопольдовича была истрачена, а просил новую было рано, и предложить с своей стороны несколько десятков рублей. При получении новой подачки от Гиршфельда, являлся новый визит к следователю и новые показания, опровергающие последнее.

— Это ничего не значит, — толковал Агнес-

се Михайловне князь, — сам Арефьев мне сказал, что на предварительном следствии свидетели имеют право сколько раз им угодно изменять свои показания, а там мы посмотрим. Отчего же нам не пользоваться нашим правом и не получать за это деньги.

Во Владимире сказывался ученик Николая Леопольдовича. Вообще князь за последнее время страшно упал нравственно, у него появилась прямо какая-то мания — у кого бы то ни было и каким бы то ни было способом урвать денег. Сумма для него была безразлична: будь это десятки рублей, или даже десятки копеек.

В последний год своей все же сравнительно роскошной жизни он был какими-то судьбами, не смотря на то, что состоял под опекой, избран в товарищи председателя одного вновь возникшего в Петербурге благотворительного общества и председателем которого состоял, впрочем, тоже один доктор-маниак. Когда собственные деньги князя иссякли и наступила почти нищета, он без церемонии принялся за деньги бедняков и затратил из сумм общества на свои надобности около ты-

сячи рублей, но к счастью во время был остановлен. Дело перешло было к прокурору, но потом замято, и растрата князя, конечно исключенного из общества, была пополнена членами.

Причинами такого водимого и быстрого нравственного падения князя Владимира Александровича Шестова была с одной стороны его воспитание, отсутствие каких-либо нравственных правил, его положительная неподготовленность к трудовой жизни, отсутствие не только образования, но даже элементарных знаний, с другой же наступившее безденежье, вызвавшее вдруг страшное сознание своей положительной беспомощности, пробудившее дурные инстинкты его натуры в мелочах, ставшие заметными для окружающих, так как известно, что крупные подлости, совершаемые под аккомпанемент золотого звона, заглушаются этою дивной мелодией: они вовсе не замечаются, или же на них сквозь пальцы смотрит совеременное общество. Безденежье подействовало на князя настолько угнетающе, что он стал трасом, чего прежде за ним не замечалось.

Следующий почти анекдотический факт красноречиво подтвердит это его новое качество.

Месяца через три после его примирения с Гиршфельдом, последний захватил его с собой в загородную поездку — поужинать в холостой компании. Кроме Николая Леопольдовича и князя, поехали Арефьев и Неведомый. После ужина, за которым было достаточно выпито, компания возвращалась в город. Полупьяный князь повздорил за что-то с Дмитрием Вячеславовичем и назвал его прихлебателем. Взбешенный Неведомый моментально схватил князя за шиворот и несколько раз ударил лицом в дверцу ландо, в котором они ехали.

Владимир схватился рукой за окровавленное лицо и плаксивым голосом обратился к Гиршфельду.

— Дайте мне, Николай Леопольдович, двадцать пять рублей, чтобы я мог купить револьвер и убить этого подлеца.

Компания расхохоталась.

Князь, просидев целую неделю дома с обвязанным лицом и, получив за это время с

Гришфельда через Агнессу Михайловну двадцать пять рублей, был очень доволен, револьвера не купил и вскоре примирился с Дмитрием Вячеславовичем.

Агнесса Михайловна, полуубежденная доводами Владимира, соблазненная возможностью получать деньги с двух мест и таким образом быть сравнительно обеспеченной, все-таки совершала свои визиты к судебному следователю и давала показания, продиктованные ей бароном, со страхом и трепетом. Ее в особенности пугало то обстоятельство, что Николай Леопольдович рано или поздно узнает их двойную игру и тогда прощай обещанные ей десять тысяч, на которые у нее даже была бумага — нечто в роде промесса.

Николай Леопольдович действительно выдал ей такую бумагу, обеспокоенный известиями, полученными им стороной из суда о положении его дел. Эта было вскоре после примирения с князем. Он просил ее повлиять на последнего в смысле дачи им благоприятных для него показаний, как по своему делу, так и по делу Луганского, и обещал ей за это, по благополучном окончании обоих дел, выдать

згу сумму. Об этой бумаге знал и князь.

Во время одной из первых перебежек одного Владимира на сторону барона Розена, — Зыкова еще крепилась и была на стороне Гиршфельда, — он проболтался Адольфу Адольфовичу о существовании подобного обязательства.

Барон тотчас же сообразил, что такая бумага в руках следователя явилась бы сильной уликой против Николая Леопольдовича и поручил князю достать ему ее во что бы то ни стало, обещая уплатить за нее тысячу рублей наличными деньгами.

Князь обещал, но попросил задатка. Осторожный и скупой барон отказал, и Шестов снова переметнулся на сторону Гиршфельда. В озлоблении на Розена, он проболтался Агнессе Михайловне о его предложении. Та перепугалась. Она не могла поручиться, что князь, подкупленный снова подачкой барона, не отнимет у нее эту бумагу, или просто не выкрадет ее у нее.

«Отдать матери!» — мелькнуло в ее уме, но она не хотела, чтобы мать знала о существовании этой бумаги, и кроме того, Марья Ви-

кентьевна была далеко не аккуратной, у нее никогда ничего не было заперто, и князь, бывая в ее доме, мог свободно стащить драгоценную бумагу, на которую Зыкова возлагала все свои последние надежды. Под влиянием минуты она решила передать ее на сохранение тому же Николаю Леопольдовичу. Задумано — сделано.

«Он не обманет и так дело наверное кончится благополучно, его не подденут!» — размышляла она дорогой к Гиршфельду.

Откровенно рассказала она ему причину своего решения возвратить ему его обязательство.

— Я возвращу его вам по первому вашему требования, — с чувством пожал ей руку Николай Леопольдович, — поверьте, что за ваш честный и благородный поступок вы получите от меня гораздо больше обещанного.

Он при ней запер бумагу в несгораемый шкаф.

— Прощу вас, не говорите об этом Владимиру, — сказала она.

— Стану я с ним разговаривать, я на него давно махнул рукой, да и показания его для

меня безразличны — он стал совсем идиотом. Кто ему поверит, в чью бы пользу он ни показывал! Вы — другое дело.

В этот же визит она получила от него пятьдесят рублей.

— Это для ваших деток! — ласково сказал он, подавая деньги.

Она рассыпалась в благодарностях.

Это-то обстоятельство долго удерживало ее на стороне Гиршфельда, и лишь после долгой борьбы, она, убежденная князем и соблазненная деньгами барона, решилась дать несколько показаний против Николая Леопольдовича, которые, впрочем, как и князь Владимир, через несколько дней опровергла противоположными. Каждый раз после данного ей под диктовку Розена показания, она решила попросить Гиршфельда возвратить ей документ, бегала к нему с этою специальною целью, но, увы, у нее не поворачивался язык.

Николай Леопольдович не был еще не только привлечен в качестве обвиняемого, но даже ни разу не вызван судебным следователем, хотя какими-то судьбами находил возможным следить за малейшими подробно-

стями следствия и знал двойную игру Агнессы Михайловны, но не подавал ей об этом вида.

«Хорошо еще, что она, дура, возвратила документ, а то бы еще пришлось ей же платить за все ее каверзы!» — рассуждал он сам с собой в минуты, когда на него находила уверенность, что он выйдет сухим из воды.

Минуты эти время от времени стали появляться реже — продолжительность производства следствия начала его тревожить.

«Чего они копаются?» — думал он, и холодный пот выступил на его лбу.

Перспектива возможности привлечения в качестве обвиняемого и даже осуждения стала нередко мелькать в его уме.

«Пустяки!» — гнал он от себя тревожные мысли, но все таки продолжал понемножку прикармливать Шестова и Зыкову, заставляя их давать у следователя те или другие показания.

XX
На Лахте

Был конец июля. Николай Леопольдович проводил это лето на Лахте. Так называется живописная деревенька, раскинувшаяся на берегу Невы невдалеке от взморья и лежащая верстах в семи от Петербурга. Она считается сравнительно дешевой дачной местностью, но все-таки доступна вполне, т. е. со всеми удобствами, только людям со средствами, имеющими возможность держать своих лошадей, так как сообщение с городом очень неудобно. Гиршфельд нашел нужным в виду все продолжавшегося над ним следствия провести это лето белее скромным образом и в более уединенной местности, так как состояние его духа день ото дня становилось тревожнее, хотя из Москвы и получено было известие о прекращенни местным прокурорским надзором дела по обвинению его в убийстве Князева, в виду объяснения самого покойного, записанного в скорбном диете Мариинской больницы, но от петербургского про-

курорского надзора, видимо, ему не предстояло отделаться так легко и скоро.

Следствие проводилось и все более и более облекалось угрожающею таинственностью. Даже те «верные люди», имевшиеся под рукой у Николая Леопольдовича, не могли сообщать ему много о ходе его дела. Он был мрачно озлоблен в редко ездил в Петербург. Это состояние его духа и продолжительные отлучки из города не остались, конечно, без влияния на бюджет Шестова и Зыковой — оии переживали тяжелые дни, им часто не на что было пообедать и накормить детей.

Барон Розен требовать непременно достать ему обязательство Гиршфельда, а без этого, кроме месячных денег, не давал ни копейки. Получаемых пятидесяти рублей, более половины которых уходило на уплату за помещение, при бестолковом ведении хозяйства, хватало не более как на неделю — остальные три приходилось проводить, как говорится, на пище св. Антония. Князь Владимир, для изыскания денег, пускался на все тяжкие. Один из его знакомых позабыл у него ящик с биллиардными шарами. Возвратив-

шись за ними через несколько часов, он получил от беззастенчивого хозяина лишь квитанцию ссудной кассы на позабытые шары. Даже верного поклонника своей сожительницы, ежедневно посещавшего ее и ссужавшего нередко отнимаемыми им у собственной семьи рублевками, Владимира Васильевича Охотникова, не пощадил князь в своей погоне за деньгами.

Воспользовавшись тем, что Агнессе Михайловне понадобилась на несколько дней швейная машина, чтобы сшить детям кой-какое бельецо, он явился к жене Охотникова, Анне Александровне, упросил ее дать им на неделю ее машину, и когда та, по доброте ее сердца, согласилась, он увез ее не завозя домой прямо с места заложил в ссудной кассе и передал через несколько дней квитанцию Владимиру Васильевичу. Связанный с Зыковой, видимо, более, чем дружбой, последний безропотно положил ее в карман, ограничившись лишь заявлением князю, что его следовало бы за это побить.

В один из таких дней абсолютного безденежья в голове проснувшегося Шестова

мелькнула, как ему, по крайней мере, показалось, гениальная мысль.

— Съезди-ка ты к Николаю Леопольдовичу и попроси его уплатить тебе хотя часть по промессу, — обратился он к Агнессе Михайловне.

Та смутилась. Князь этого не заметил.

— Он не может отказать в уплате во документу, — продолжал он далее развивать свою мысль, — можно, наконец, пугнуть его тем, что я продам его Розену. Ты и пугни!

— Но как же я поеду, на какие деньги, ведь на Лахту не близко! — возразила она.

— Получение, по моему, верное, значит можно взять карету взад и влеред, мы поедем вместе, кстати прокатимся — погода сегодня не особенно хороша, дождь, но тем лучше, он дома, а в карете нас не замочит.

— Ты хочешь ехать со мной?

— Да, но к нему я не войду — я подожду тебя у рощи, не доезжая версты от деревни…

Перспектива поездки в карете улыбнулась малодушной Агнессу Михайловне.

«Надо же когда-нибудь решиться заговорить с ним об этом документе, — подумала

она, — положение же наше теперь в самом деле, безвыходное».

«А может, он не только отдаст его, но и уплатит часть. Если же не даст по промессу, я сумею выклянчить у него рублей пятьдесят», — мелькнула в ее уме надежда.

Она согласилась ехать. Владимир побежал за каретой, которую и нанял за четыре рубля. Они поехали. Князь, как говорил, вышел из кареты в конце рощи. Дождик, к счастью, перестал. Зыкова поехала далее.

Николай Леопольдович был очень удивлен, увидав остановившуюся у его дачи карету и вышедшую из нее Агнессу Михаиловну, однако, принял ее очень ласково.

Стефания Павловна, порядком скучавшая в этой «чухонской яме», как она прозвала Лахту, даже очень ей обрадовалась. Приезжая застала всех завтракающими на террасе. Ее усадили за стол. Она, впрочем, не могла есть ничего и сидела как на иголках.

— А я к вам, Николай Леопольдович, по делу приехала, переговорить... — наконец высказалась она.

— Пожалуйте! — встал он из-за стола, ска-

зал что-то шепотом жене и пошел в свой кабинет.

Зыкова последовала за ним.

— Ну-с, в чем дело? — спросил он, когда они уселись в кабинете.

— Я думала, я хотела... — запуталась она, — попросить вас, не можете ли вы уплатить мне теперь же часть по промессу...

— По какому промессу? — удивленно-холодным тоном спросил он.

— Как по какому? Который вы выдали мне в десять тысяч рублей.

— Покажите, пожалуйста, мне эту бумагу! Любопытно посмотреть... — небрежно заметил он.

— Но ведь он у вас! Я вам отдала его на сохранение еще зимой... — испуганно заспешила она.

— У меня, — протянул Гиршфельд, — гм! Как же это мной же выданный и неисполненный документ может находиться у меня же?

Он злобно засмеялся. Она глядела на него полным необычайной тревоги взглядом. Он медленно встал, подошел к двери кабинета, отворил ее, внимательно осмотрел соседнюю

комнату и запер дверь на ключ, потом подошел к одному из двух окон, бывшему открытым, и затворил его.

— Довольно играть комедию, — подошел он после этого к Агнессе Михайловне, — я не отказываюсь: промесс был у вас, а теперь хранится у меня, но он был выдан вам за то, чтобы вы стояли на моей стороне и влияли в том же смысле на князя. А что вы против меня показывали следователю по наущению и за деньги Розена? Вы думаете, я не знаю...

Он произнес все это злобным шепотом. Она сидела, как приговоренная к смерти. Слезы градом текли из ее глаз, оставляя темные полосы на сильно подкрашенном лице.

— Как же вам не стыдно явиться за документом, нравственное право на получение которого вы потеряли...

Она продолжала плакать молча.

— Не плачьте, — более мягко продолжал он, — если оба дела кончатся благополучно, я выдам вам ваши десять тысяч. Я знаю, что вы дали ваше последнее показание в мою пользу. Повторяю — выдам, но с условием, чтобы вы теперь уже не изменили мне до конца...

— Никогда! — сквозь слезы произнесла она.

— Теперь же, из принципа, в наказание за ваше нахальство, а не дам вам ни гроша... Не говоря уже о промессе — его вы никогда не увидите...

— Но как же нам быть, мы без копейки! — почти простонала она.

— И ездите в каретах! — зло усмехнулся Николай Леопольдович.

— Она не оплачена...

— Вы надеялись на меня... Повторяю, сегодня ни гроша...

Он отпер дверь кабинета, распахнул ее и вышел первый. Она, смущенная, утирая слезы, последовал за ним.

— Прощайте! — резко произнес он, выйдя вместе с ней на террасу.

— А Стефания Павловна?.. — растерянно проговорила она.

— Она ушла гулять с детьми, а потом пройдет к соседям! — ответил он.

Последняя надежда Зыковой перехватить деньжонок у жены Гиршфельда рухнула. Она простилась с Николаем Леопольдовичем и

уныло пошла садиться в карету. Карета покатила. Подъехав к роще, по опушке которой прогуливался Шестов, она остановилась. Князь Владимир отворил дверцу и быстро вскочил в карету.

Последняя двинулась снова в путь.

— Сколько? — радостно спросил он, но вдруг остановился, взглянув на заплаканное, полинявшее лицо Агнессы Михайловны.

— Что случилось? — тревожно спросил он.

— Не дал ни гроша и даже не возвратил промесса! — снова заплакала она.

— Как не возвратил промесса, да разве он у него? — крикнул он.

Зыкова созналась ему, прерывая плачем свой рассказ, что она из боязни, чтобы он не передал бумаги Розену, отдала ее на сохранение Гиршфельду, а теперь последний, узнав о ее показаниях, отказался возвратить ее.

— Дура! — захрипел князь.

В карете произошла безобразная сцена, князь ругал на чем стоит Зыкову и даже два раза ударил ее. Она завизжала.

Кучер, услыхав крик, остановился. Шестов опомнился.

— Пошел! — крикнул он кучеру, высунувшись из окна. Он продолжал уже пилить ее тихо.

— Меня променяла... продала... гадина... — шипел Владимир.

Агнесса Михайловна упорно молчала. Наконец приехали в город. Возник вопрос: откуда взять денег для уплаты за карету? Князь уже довольно миролюбиво начал совещаться с Зыковой. Решили ехать к ее матери. Мария Викентьевна обругала их обоих и отказала на отрез.

— Не приготовила я еще денег вам на кареты, аристократы какие подзаборные выискались! — ворчала она.

По счастью, явился «дедушка» Милашевич и выручил из беды.

Шестов, успокоившись по вопросу об извозчике, снова сцепился с Агнессой Михайловной, но Марья Викентьевна выгнала его вон.

Он вызвал на лестницу Антона Максимовича, выклянчил у него два рубля и ушел. Домой он явился поздно ночью, совершенно пьяный и без копейки.

XXI
Повестка

Прошло полтора месяца. Николай Леопольдович уже недели с две как перебрался с дачи на свою петербургскую квартиру. Был седьмой час вечера. В семье Гиршфельдов только что отобедали и, не выходя из столовой, пили кофе Николай Николаевич Арефьев и Зыкова. Разговор, как за последнее время почти постоянно, вертелся на производимом следствии. В передней раздался звонок. Гиршфельд вздрогнул.

— Кто бы это мог быть в такое время? — вслух заметил он, взглянув на часы.

Какое-то тяжелое предчувствие сжало его сердце.

— Вероятно, князь! Он хотел зайти! — вставила Агнесса Михайловна.

Предчувствие Николая Леопольдовича сбылось. Зыкова ошиблась.

Явился местный помощник пристава, который и прошел вместе с хозяином в кабинет. На лице полицейского офицера была написа-

на серьезная сосредоточенность. В столовой все как-то инстинктивно смолкли. Минут через десять помощник пристава с лицом, выражавшим сознание исполненного, хотя и неприятного служебного долга, вышел из кабинета, сделал снова как и при входе, общий поклон всем сидевшим в столовой в удалился, бряцая шпорами. В столовой продолжало царить общее молчание. Из кабинета через несколько минут появился бледный Гиршфельд с бумагой к руке.

— Дождались... к качестве обвиняемого... — глухим голосом произнес он, подавая бумагу Арефьеву.

Она оказалась врученною ему помощником пристава повесткой судебного следователя по важнейшим делам гор. Петербурга о явке через несколько дней для допроса в качестве обвиняемого по 1681 и 1688 статьям уложения о наказаниях.

Николай Николаевич взял повестку, мельком взглянул на нее в иронически улыбнулся.

— Пустяки! Ни с чем отъедут! — хладнокровно произнес он.

Такие следовательские billets deux были

для него привычным делом. Николай же Леопольдович был потрясен. В передней вновь раздался звонок.

На этот раз это был Шестов, который быстро, по своему обыкновению, подошел к Гиршфельду.

— Это из-за тебя все, негодяй, подлец! — вдруг вскрикнул последний, и не успел тот опомниться, как он влепил ему две здоровенные пощечины.

Ошеломленный князь обвел окружающих удивленным взглядам.

— Пошел вон, иначе я тебя убью! — не унимался Николай Леопольдович, которого жена и Агнесса Михайловна держали за руки.

Шестов обратился в бегство, ворча про себя ругательства и угрозы.

Лакей Василий, преданный Гиршфельду человек, привезенный им из Москвы, небрежно подал ему пальто. Он за последнее время, зная отчасти положение дел своего барина, не жаловал князя и даже называл его, конечно заочно, прохвостом.

— Каторжник, тебе и в Сибири места мало! — крикнул Владимир из передней.

Не успел он окончить этой фразы, как Василий со всего размаху ударил его по лицу, а затем, ловко схватив за шиворот, вытолкнул за дверь и запер ее на ключ.

— Молодец! — похвалил Василия выскочивший на шум в переднюю и видевший всю эту сцену Арефьев.

Николай Леопольдович сидел на диване в столовой, молчал и тяжело переводил дыхание. После возбужденного состояния, в которое его привело появление князя Шестова, наступила реакция — он совершенно ослаб.

— Послушайте! Да ведь это не ребячество, чего вы как какая нибудь баба, чуть в истерику не падаете! — стыдил его возвратившийся в столовую Арефьев и рассказал им в передней сцену.

Гиршфельд печально улыбнулся.

— Однако, надо будет с ним помириться, он будет нужен на суде! — сообразил он вслух.

— Эк, хватили, на суде, — усмехнулся Николай Николаевич, — до суда и не дойдет. Разве может такое вопиющее по бездоказательности дело пройти судебную палату не пре-

кращенным...

— Кто знает, на меня здесь злы многие... — сомнительно покачал головой Николай Леопольдович. — С этим миллионным делом Луганского многим я поперек горла встал, — добавил он после некоторой паузы.

— Злы, злы, а ничего не поделают, знаете русскую пословицу: сердит, да не силен.

— Ну, многие из них очень сильны! Вы, Агнесса Михайловна, — обратился он к Зыковой, — уж уговорите князя, чтобы он на меня не сердился... Объясните ему, что я был в таком положении... только что получил это проклятую повестку...

— Уговорю, уговорю, уж будьте покойны!.. — лебезила Зыкова.

— Вы его, самое лучшее, ко мне пришлите, я перед ним извинюсь и Василия заставлю у него попросить прощенья. А ловко он его! — добавил Гиршфельд уже по адресу Арефьева.

— Страсть, как ловко! — захохотал тот.

Уговорить князя Владимира оказалось не трудно, хотя по возвращении Агнессы Михайловны домой, он набросился на нее чуть не с кулаками, как она смела оставаться в том до-

ме, где ему нанесли такое тяжкое оскорбление, и изрекал почти целую ночь и утро по адресу Николая Леопольдовича всевозможные угрозы. На другой день он побежал к барону Розену. Адольф Адольфович знал, какими-то судьбами, ранее прихода Шестова о привлечении Гиршфельда в качестве обвиняемого и потому принял это сообщение своего опекаемого хладнокровно.

— Знаю, знаю даже, что его арестуют.

— Ну! — с злобною радостью воскликнул Владимир, припоминая вчерашнее.

На этом разговор оборвался.

Барон, полагая, что он больше в князе не нуждается, так как следственное дело приняло желательный для него оборот, был с ним очень холоден и на обычную просьбу денег отказал наотрез.

— Что я вам за постоянный кассир, — даже вспылил барон, — умели прожить миллионы, умейте жить и на пятьдесят рублей...

— Ну, вы пожалуйста без наставлений! — вспыхнул в свою очередь князь.

— Прощайте! — кивнул ему Адольф Адольфович и удалился в спальню.

— Чухонец проклятый! — громко проворчал Шестов и вышел из номера Розена.

По возвращении домой он был много сговорчивее вчерашнего, и Зыковой не стоило особенного труда уговорить его поехать мириться с Николаем Леопольдовичем. Примирение состоялось в тот же вечер. Князь не сказал ему ни слова о возможном аресте, так как иначе он должен был рассказать о своем визите к барону, тем более, что Гиршфельд именно и просил его не перебегать уже более на сторону опекуна.

— Поверьте, милейший князь, что я буду для вас полезнее и окажусь благодарнее!

Князь клялся в верности.

— Да чтобы я пошел теперь к этой чухонской морде, — с азартом восклицал он. — Никогда!

— Маленькую помощь вы всегда можете рассчитывать получить от меня и от моей жены! — сказал Николай Леопольдович. — Многого у меня, поверьте — у самого нет! — печально добавил он.

Утром этого же дня он передал Стефании Павловне все деньги и билеты, и она, по его

приказанию, отвезла их в банкирскую контору еврея Янкеля Ааронoвича Цангера на Невском проспекте и положила их на хранение на свое имя.

Цангер был старинный приятель Николая Леопольдовича еще по Москве, где имел тоже банкирскую контору, промышлявшую, как и петербургская, продажею выигрышных билетов в рассрочку. Одно время он даже приглашал Гиршфельда вступить с ним в компанию по ловле в этой мутной воде жирных провинциальных раков, но последний, занятый делами, отклонил это предложение.

— Зачем это? — спросила Стефания Павловна, когда муж отдал ей приказание отвезти деньги и взять квитанцию на свое имя.

— Мало ли что может случиться!

— Что же может случиться? — испуганно поглядела она на него.

— Арестуют! — улыбнулся он.

— Разве могут?

— Пустяки, я шучу! — успокоил он ее. — Делай, что говорят, значит так надо!

Она поехала все-таки встревоженная и, решив отдать Цангеру на сохранение и свои, и

детские деньги, захватила и их.

— Не ровен час, отберут! — подумала она. Успокаивая жену, Николай Леопольдович не был искренен.

Мысль о возможности ареста, хотя он и гнал ее от себя, гвоздем сидела в его голове. Он поэтому-то принимал меры и оставил в доме только пять тысяч на расходы. С приближением дня явки к следователю возбужденное состояние Гиршфельда дошло до maximum'a. Ему стыдно было сознаться даже себе: он трусил. Еврейская кровь сказывалась.

Он старался ободрить себя, каждую минуту думал, о предстоящем допросе и тем более расстраивал себе нервы.

Наконец день допроса настал. Николай Леопольдович совершенно больной поехал в окружной суд, в здании которого помещаются и камеры следователей. В приемной комнате, в третьем этаже, с мозаичным полом и скамейками по стенам, ему пришлось дожидаться недолго. Его попросили в камеру, помещающуюся в так называемом «прокурорском» коридоре.

Он называется так потому, что в нем нахо-

дятся камеры прокурора и его товарищей и только две камеры следователей по важнейшим делам.

Допрос начался. Он продолжался без перерыва несколько часов. Из вопросов, как следователя, так и присутствовавшего товарища прокурора Гиршфельда увидал, что против него собрана масса если не уличающих, то позорящих его данных. Бессильная злоба душила его.

Спокойные лица следователя и представителя обвинительной власти с играющей на них, так ему, по крайней мере, казалось, язвительной улыбкой поднимали в нем всю желчь. Наконец допрос был окончен. Следователь предложил ему подписать протокол.

— Я свободен? — хрипло спросил Николай Леопольдович, — кладя перо на чернильницу.

— Погодите минутку! — мягко сказал следователь и переглянулся с товарищем прокурора.

Гиршфельду показалось опять, что на их лицах появилось выражение ядовитой насмешки.

Следователь стал писать. Писал он около часу. Гиршфельд сидел неподвижно, голова его была страшно тяжела; в виски стучало: перед глазами то появлялись, то исчезали какие-то зеленые круги. Наконец следователь кончил писать и стал читать написанное. Это было постановление об его аресте.

— Потрудитесь подписать.

Николай Леопольдович вскочил, вырвал у судебного следователя перо, бросил его на пол и разразился потоком резкостей по адресу допрашивавших его лиц.

В камере произошел переполох. На усиленные звонки следователя сбежались сторожа, схватили Гиршфельда, с угрожающими жестами наступавшего на товарища прокурора.

Следователь наскоро составил акт об оскорблении его и товарища прокурора в камере при исполнении ими служебных обязанностей. Николай Леопольдович отказался подписать и его.

С помощью явившихся солдат его провели из камеры следователя в «дом предварительного заключения». Между зданием окружного суда и этой образцовой тюрьмой существует

внутренний ход. Гиршфельд еще некоторое время продолжал бушевать, но затем вдруг сразу стих, как бы замер.

XXII
В камере

Из нашедшего на него столбняка Николай Леопольдович вышел только через несколько часов уже в одиночной камере дома предварительного заключения. Он дико оглядывался кругом.

Сидел он на железной кровати, покрытой темно-серым байковым одеялом, с двумя подушками в чистых наволочках, в довольно обширной комнате, длинной и казавшейся узкой от почти пятиаршинной вышины ее свода. Стены ее были окрашены аршина на полтора от полу коричневой, а остальное пространство и свод яркою желтою клеевою краскою. Окно, помешавшееся на высоте от полу около четырех аршин, в которое теперь гляделись уже наступавшие осенние сумерки, было большое, квадратной формы, загражденное толстою железною решеткою.

Оно находилось в стене, противоположной тяжелой массивной обитой железом двери с небольшим круглым отверстием по середине в верхней ее части, в которое было вставлено стекло. Со стороны коридора это отверстие, производящее впечатление панорамы, было закрыто, так как лишь по временам открываемое чьей-то рукою, оно мелькало на двери светлой точкой. Одно из появлений этой-то светлой точки, мелькнувшее перед глазами Гиршфельда, случайно посмотревшего на дверь, и вывело его из столбняка. Небольшой деревянный лакированный стол и такой же стул дополняя убранство отведенного ему законом жилища.

Николай Леопольдович потер глаза, провел рукой по лбу, как бы не только припоминал, но вглядываясь во все происшедшее с ним до появления его в настоящей обстановке и понял все.

— Слопали! — злобно прошептал он.

Этим возгласом он счел как бы резюмированным свое настоящее положение и мысли его унеслись далеко даже от производимого над ним следствия, приведшего его так

неожиданно быстро в тюрьму.

Картины прошлого одна за другой восставали в его уме, он гнал их со всем усилием своей воли, а они настойчивее и настойчивее лезли ему в голову, и он, как бы изнемогший в борьбе с этим невидимым врагом, закрыл глаза и всецело отдался во власть тяжелых воспоминаний. Все припоминалось до малейшей подробности, до мельчайших деталей. Мимолетно пронеслись в его уме воспоминания раннего детства и юности. Жизнь в родительском доме, гимназия, товарищи, наконец самостоятельная жизнь студентом, комнатки «с мебелью» в Бронной, новые товарищи, мечты о богатстве и славе. Также быстро промелькнули и первые его шаги по окончании университетского курса: визит к бывшему его учителю Константину Николаевичу Вознесенскому, роковое совпадение одновременного с ним визита к нему же княгини Зинаиды Павловны Шестовой, сцена с ней в номере Северной гостиницы, проведенный с нею остаток того же дня, жизнь в Шестове, еще более роковая для него встреча с княжной Маргаритой Дмитриевной. Все это развернулось перед

ним мгновенно целой картиной, но также мгновенно и задернулось туманом.

Более продолжительно остановились его мысли на прошлом после отправления князя Александра Павловича. Жизнь в Москве, среди комфорта, богатства и лихорадочной деятельности, свиданья с княжной Маргаритой, смерть сестры ее Лиды, наконец труп княгини, лежащий на столе в номере гостиницы «Гранд-Отель» в Т. Над всеми этими и даже другими более мелкими картинами этого периода его жизни довольно долго работала его память. Конвульсивные движения передергивали порой его лицо.

Но долее всего с каким-то сладострастием самоистязания остановился он на самых страшных моментах его жизни. Он припомнил тоже тюрьму, но не столичную образцовую, сухую, светлую, вентилированную, блестящую, свежей окраской, а мрачную, сырую, грязную, с переполненной миазмами атмосферой, с убогой обстановкой — провинциальную тюрьму — тюрьму в Т. Вот перед ним восстает образ княжны Маргариты Шестовой в арестантском платье, сперва с радости ной

улыбкой любви при входе его в камеру, а затем с непримиримо-злобным устремленным на него взглядом своих страшных зеленых глаз.

«Вон, подлец!» — звучала в его ушах ее прощальная фраза последнего свиданья.

— Вон, подлец! — повторяет он невольно теперь подавленным шепотом и дрожит.

На смену выплывает другая картина. Коридор Т-ского окружного суда, та же княжна Маргарита, но уже страшно исхудавшая, в арестантском халате и белом платке на голове, конвоируемая двумя солдатами с ружьями, снова отыскивает его своим убийственным взглядом среди толпы случайно встретившихся с ней свидетелей по ее делу.

«Подлец!» — снова читает он в этом взгляде и снова дрожит.

Начинается для него время относительного спокойствия. Недолгим было это время.

Сцена с Александриной на террасе в Шестове встает в его воображении.

«Вам заплатила за меня княжна Маргарита распиской княгини...» — слышится ему мелодический, но холодный и насмешливый го-

лос.

Это голос первого его палача — Александры Яковлевны Пальм-Швейцарекой. Он почти и теперь, как и тогда, теряет сознание. Он припоминает, как он очнулся от обморока в кабинете князя Александра Павловича, на той самой оттоманке, где лежал мертвый, отравленный по его наущению князь. Он и теперь, как и тогда, быстро вскочил с кровати и несколько раз прошелся по камере. Глубоко вздохнув, он сел снова.

С диким наслаждением останавливается он на той унизительной роли, которую играл столько лет перед этой женщиной — бывшей камеристкой княжны Шестовой. Медленно анализирует развитие к ней в его сердце чисто животной страсти с момента появления ее в доме покойной княгини. Ему кажется, что и теперь еще ее пленительный образ волнует ему кровь, мутит его воображение. Таковы результаты неудовлетворенного желания его похотливого сердца.

Другой избранный судьбой палач является перед ним. Гаденькая фигурка Николая Ильича Петухова выползает уже из достаточно по-

темневшего угла камеры. Николай Леопольдович как-то брезгливо откидывается назад. Вот он протягивает ему свою красную, мясистую руку и смотрит ему в глаза с полупочтительной-полунасмешливой улыбкой.

«Совсем из ума вон! Ерш-то вам кланяется...» — мелькает в уме Гиршфельда первая роковая для него фраза Петухова.

Тяжелым гнетом ложатся на его ум картины отношений его с этим «кабацким сидельцем» до последнего унизительного для него свидания с ним в Москве.

А вот и последняя исполнительница над ним неземного правосудия, бывшая горничная княгини Зинаиды Павловны, его любовница Стеша, ставшая Стефанией Павловной Сироткиной — теперь его законная жена — г-жа Гиршфельд. Первый ее визит к нему пришел ему на память. Роковой конверт, поданный ему ею с копиями исповеди княжны Маргариты Шестовой. Лицо его исказилось. Он вдруг широко раскрыл глаза и даже подался вперед по направлению к уже почти совершенно потемневшей той части камеры, где была дверь. Он вспомнил ночь, проведенную

им над дневником княжны. Те же галлюцинации посетили его. Волосы у него стали дыбом, дыхание почти прервалось.

Из все более и более сгущающегося мрака камеры восстают знакомые ему фигуры. Худая, изнеможенная, с смертельной бледностью на лице, с запекшеюся на губах кровавою пеной идет к нему княжна Маргарита. Он видит, он чувствует на себе взгляд ее прекрасных глаз, глубоко ушедших в орбиты, но от того еще как бы сильнее горящих злобным зеленым огнем. Рядом с ней, худой, как скелет, с зияющей раной в правом виске, забрызганный кровью, медленно движется Антон Михайлович Шатов, и тоже глядит на него и глядит в упор. Непримиримая ненависть читается в этом взгляде.

Вот они подходят к нему совсем близко. Он чувствует их присутствие, их близость. Он старается отвернуться от них и поворачивает голову вправо.

Там тоже из мрака выделяются какие-то призраки.

Он всматривается в них, он узнает их. Князь Александр Павлович Шестов мелкими

шажками приближается к нему с сердитым взглядом своих маленьких глаз, с приподнятым как бы для удара, арапником в правой руке. Рядом с ним, опершись на его левую руку, идет княгиня Зинаида Павловна с искаженными предсмертной агонией чертами красивого лица, с готовыми выскочить из орбит, устремленными прямо на него, полными предсмертного ужаса глазами. Сзади их мелькает хорошенькая головка как бы спящей сладким сном княжны Лидии Дмитриевны Шестовой.

Николай Леопольдович в смертельном ужасе снова отворачивается.

Слева, уже совсем около него стоит с посиневшим лицом, с прикусанным до половины высунутым языком камердинер князя Александра Павловича — Яков, а рядом с ним избитый, весь в синяках — Александр Алексеевич Князев; из-за них выглядывает опухшее лицо утопленного Сироткина.

Увидя себя окруженным со всех сторон этими загробными мстителями, Гиршфельд вскочил и неистово крикнул:

— Слопали?

Призраки исчезли. На двери появилась светлая точка.

Николай Леопольдович уставился на нее, провел затем рукою по лбу и низко опустил голову. Он понял, где он находится. Схватив себя за волосы, он со злобными рыданиями бросился на кровать и уткнулся головой в подушки.

Светлая точка на двери исчезла.

XXIII
В Москве

Николай Ильич Петухов проснулся в прекрасном расположении духа. Впрочем, за последнее время такое расположение духа его почти не покидало. Дела его шли блестяще.

После поездки в Петербург, о которой он говорил при последнем свидании в Москве Николаю Леопольдовичу, и, привезя в Москву полученные с последнего деньги, купил, как и желал, дом, где он занимал квартиру и где помещалась контора и редакция его газеты, устроил в нижнем этаже этого же дома гро-

мадную типографию и почил на лаврах. Газета его шла великолепно. Вместе с полученной им от Гиршфельда суммой, состояние его, вследствие громадного дохода от подписки, розницы и, в особенности, от объявлений, дохода, далеко превышающего расход по изданию, достигало уже солидной цифры полмиллиона. Петербургская поездка и в другом отношении увенчалась вскоре полным успехом: ему было пожаловано потомственное почетное гражданство. В перспективе он даже рассчитывал на орден, служа в одном московском благотворительном учреждении.

В Москве он положительно считался особой. Почет и привет несся к нему со всех сторон. В день празднования последней годовщины его издания сотрудники поднесли ему пирог, внутри которого была искусно скрытая массивная серебряная чернильница в виде русского колодца — вероятно намек на кладязь современной премудрости — с вычеканеными на постаменте именами и фамилиями подносителей. Словом, московское общество, вообще, и окружающие Николая Ильича лица, в особенности, баловали его более,

нежели опереточного Калхаса прихожане храма, где он был жрецом. Петухову несли и beaucoup des fleurs, и beaucoup de fromage.

Обаяние его между сотрудниками было, впрочем, с его стороны совершенно заслуженное. Сказать иное — значит сказать неправду, что не входит в задачу автора. Его цель — снять фотографию с части современного общества. Портрет должен быть прежде всего верен оригиналу. Понравится ли отделка — это дело читателей.

Отношения Николая Ильича к собранной им под свое знамя газетной братии не оставляли желать для них ничего лучшего. Он входил в их жизнь и нужды, а к некоторым из своих постоянных сотрудников относился с чисто отеческою заботливостью. Авансы, иногда даже и в крупном размере, он выдавал легко и охотно: все его сотрудники были должны ему, и на погашение долга вычитывалась часть их гонорара, но настолько незначительная, что долг, особенно при часто еще повторяемых выдачах, редко у кого покрывался весь в течении года. Книжки с фамилиею каждого сотрудника, в которые

вписывался рассчет его долга, каждое первое число, после проверки в конторе, возвращались Николаю Ильичу и хранились у него в несгораемом шкафу. Светлое Христово Воскресенье обыкновенно, по приглашению Петухова, встречалось сотрудниками у него. Семейные были с их женами и детьми. После заутрени собирались приглашенные и садились за роскошно сервированный стол разговляться. Места избранных сотрудников были определены заранее положенными в стаканы, стоявшие перед прибором, билетиками с их фамилиями. Под салфеткой они находили свои долговые книжки с перечеркнутым рукою Николая Ильича рассчетом, т. е. с погашенным оставшимся долгом, доходившим у иных до несколько сот рублей. Это было заменой пасхального подарка.

Только большие праздники, дни именин и рождений, как своих, так и семейных, Николай Ильич всецело отдавал своим домашним. В остальные же дни он никогда не обедал дома, а в излюбленном им трактире на Театральной площади. К этому обеду он зачастую, приглашал и попадавших ему на глаза в ре-

дакции сотрудников. Приглашенный являлся в трактир, садился за так называемый «петуховский стол» и заказывал себе обед по своему вкусу, требовал водки, закуски, вина, кофе или чаю... Все это записывалось на счет Николая Ильича. Если бы незнакомый с подобными порядками приглашенный вздумал ожидать обеда, заказанного для него пригласившим, или предложения последнего выбрать по своему вкусу, то он рисковал остаться без обеда.

Николай Ильич сам только урывками сидел за своим столом, перебегая от одной знакомой компании к другой, такие знакомые ему компании восседали почти за всеми столами трактира, а затем, наскоро пообедав, шел играть на биллиарде. О приглашенных он даже позабывал, зная, что половые знают порядки «петуховского стола».

Этим пользовались многие из сотрудников и являлись весьма часто в урочный час в этот трактир без всякого приглашения, чтобы сытно и вкусно пообедать за счет хлебосола-редактора.

За все это сотрудники любили и почитали

Петухова, старательно работали для его газеты, многие не работали уже более нище, а посвящали ей все свои силы. Не было ли одною из причин колоссального успеха издания это отношение к нему главных его участников? В результате у Николая Ильича от всего этого были одни громадные барыши и слава тароватого издателя. Весьма понятно, что ему не от чего было быть в дурном настроении.

В этот же день, когда застает его наш рассказ, была суббота и он вечером собирался ехать на последнюю в этом сезоне рыбную ловлю. Предстоящая охота радовала его, как страстного рыболова. Ему, по обыкновению, подали в кабинет стакан чаю, кипу полученных газет и письмо из Петербурга.

Он распечатал последнее и стал читать. По временам он покачивал головой.

— Как веревку ни вить, а все концу быть, — сказал он вслух, окончив чтение.

Письмо оказалось обширной корреспонденцией из Петербурга о привлечении присяжного поверенного округа Московской судебной палаты Николая Леопольдовича Гиршфельда в качестве обвиняемого по делу

князя Шестова и Луганского. В ней подробно рассказывались оба дела, скандал, учиненный Гиршфельдом в камере следователя, и наконец его арест. Корреспонденция была написана одним из любимейших Николаем Ильичей его петербургских сотрудников, человеком, имевшим громкое газетное имя, к которому Петухов питал безусловное доверие.

Несмотря на это, перечитав еще раз письмо, он разорвал его в мелкие клочки и бросил в корзину, стоявшую под письменным столом.

— А все-таки жаль молодца, коли не выпутается! — снова вслух произнес он.

— Да нет, вывернется, парень — выжига! — добавил Николай Ильич после некоторой паузы.

Затем он принялся за чай и газеты.

Петербургские газеты были переполнены подробностями о деле и аресте Гиршфельда. В московских не говорилось еще ни слова.

Прочитав их и напившись чаю, Петухов как был в халате, захватив газеты, прошел в редакцию, которая, как и контора, переведена

была снизу, занятого под типографию, в соседнюю квартиру наверху, соединенную с квартирой редактора вновь устроенным внутренним ходом. В редакции он застал одного секретаря, еще довольно молодого человека с зеленовато-бледным лицом и маленькими усиками.

Тот быстро вскочил из-за стола, за которым сидел, вооруженный ножницами, и почтительно с ним поздоровался.

— Напишите самое краткое сообщение об аресте в Петербурге присяжного поверенного Гиршфельда и поместите под рубрикой: «нам пишут». Из газет по этому делу вырезок на делать, — сказал Николай Ильич, подавая ему газеты.

— А корреспонденция из Петербурга есть-с? — подобострастно спросил секретарь.

— Получена, но запоздала, все о том же деле Гиршфельда, — хмуро отвечал Николай Ильич и сел.

Скоро чело его вновь прояснилось.

— Попался, как кур во щи, кажется, влопался! — обратился он к секретарю.

— Рискованные дела вел-с! — выразил тот

свое мнение, поняв, что речь идет о том же Гиршфеяьде, деятельность которого была ему знакома по корреспонденциям, которые получались в редакции, но не были помещаемы.

— Рискованные! — передразнил его Петухов. — На рискованных-то не наживешься, а надо умеючи...

— Значит оплошал!

— То-то и есть, что оплошал, а жаль — парень оборотистый. Так помните, ничего, кроме краткого известия об аресте не печатать, — повторил он.

— Слушаю-с!

— Может, Бог даст, и выдерется! — добавил Николай Ильич и, не дождавшись мнения секретаря, ушел к себе.

Вернувшись в кабинет, он сел к письменному столу и задумался.

— Ни полслова о нем более печатать не стану! Не мне бросать в него камень! — вслух произнес он и принялся за работу.

XXIV
Знакомые лица

Реальное училище, учрежденное в Москве бывшим учителем Николая Леопольдовича Гиршфельда, Константином Николаевичем Вознесенским, процветало. Оно помещалось в том же громадном доме на Мясницкой и, не смотря на строгие условия приема, количество учеников его год от году увеличивалось. Сам энергичный и деятельный директор училища мало изменился с тех пор, как со смерти княжны Лидии Шестовой, поступления любившего беспредельно покойную инспектора его училища Ивана Павловича Карнеева послушником в Донской монастырь и наконец отъезда Антона Михайловича Шатова в Сибирь, порвал последние нити, связывавшие его с частью того кружка, в котором вращался его бывший ученик и даже любимец, Гиршфельд. Изредка слышал он стороной об его деятельности, но старался даже малейшим намеком не показать, что знаком с этим дельцом новой формации.

Погруженный в заботы о своем заведении, он и жил, впрочем, совершенно замкнутою жизнью, вращаясь в тесном кругу представителей московского педагогического мира. Желанным, но редким гостем был у него отец Варсонофий, имя, принятое Иванов Павловичем Карнеевым, принявшим схиму и бывшим уже казначеем Донского монастыря.

Константин Николаевич любил беседу с этим умным, развитым, образованным, по убеждению, ушедшим из мира, но и в стенах монастыря усердно служившим наукам, человеком. Достигнув поста монастырского казначея, считавшегося вторым лицом после игумена, отец Варсонофий остался в своей послушнической келье, не изменив ни на йоту режима своей жизни. Келья эта была невдалеке от могилы княжны Лиды, и отец Варсонофий по прежнему проводил ежедневно несколько часов на этой могиле в горячей молитве. На стене его кельи по прежнему висел портрет покойной княжны, затянутый черным флером. Последний только немного порыжел от времени. Изредка, лишь по обязанности службы, выезжал он из монастыря, а

потому посещения им Константина Николаевича, к которому он продолжал питать искреннюю любовь и уважение были не часты.

Было воскресенье, второй час дня.

Вознесенский сидел в своем кабинете и просматривал «Московские Ведомости». На одной из страниц газеты ему мелькнула в глаза фамилия Гиршфельда. Он заинтересовался и стал читать.

Это было перепечатанное из Петербургских газет известие об аресте Николая Леопольдовича со всеми подробностями как дел Шестова и Луганского, вследствие которых он был арестован, так и самого ареста. Статейка была довольно большая. Константин Николаевич только что окончил чтение, как вошедший в кабинет лакей доложил о приезде отца Варсонофия.

Обрадованный Вознесенский бросился навстречу уже входившему в кабинет гостю. После горячих приветствий он усадил его на диван.

— А я вам могу сообщить новость, пожалуй грустную, а пожалуй и отрадную, — сказал Вознесенский.

Отец Варсонофий поглядел на него вопросительно.

Константин Николаевич подал ему газету и указал на только что прочитанную им статью.

— Прочтите!

Гость углубился в чтение.

— Знаете ли что, — встал с дивана отец Варсонофий и положил газету на стол, — эта новость положительно отрадна.

«Однако, сколько в нем злобы!» — подумал Вознесенский, но не высказал своей мысли и только посмотрел на него с удивлением.

— Не потому, — продолжал тот, как бы отвечая на эту мысль, — что я злорадствую его несчастью, храни меня Бог от возможности допустить себя до такого настроения даже относительно моего врага. Бог видит мое сердце и знает, что я давным давно безусловно простил ему все то, что он сделал не лично мне, но близким мне людям — я говорю об Антоне и княжне Лиде.

При произнесении последнего имени две крупные слезы мелькнули на его ресницах. Он сморгнул их.

О судьбе Шатова отец Варсонофий знал через одного их общего товарища, который наводил справки и получил известие об его грустной кончине. Знал, конечно, и Константин Николаевич.

— Но почему же вы считаете это известие отрадным? — полюбопытствовал он.

— А потому, — отвечал отец Варсонофий, перестав ходить и усаживаясь снова на диван, — что оно доказывает, что Гиршфельд еще не в конец испорчен, что при несчастии, при неудаче, при нужде, он может исправиться и найдет для этого в себе силы, что только удача на преступном пути заставляла его не покидать его, вдыхала в него энергию и отвагу.

Он остановился. Вознесенский глядел на него недоумевающим взглядом.

— Мы переживаем такое время, — продолжал тот развивать свою мысль, — когда только попавшиеся преступники могут считаться еще способными к исправлению. Значит у них не хватило спокойной твердости всесторонне обдумать не только совершение преступления, но и тщательно скрытие его сле-

дов. Значит у них дрогнул ум при преступном замысле, как дрожит рука непривычного убийцы. Значит они добродетельнее тех ходящих на свободе и умело хоронящих концы своих беззаконий преступников. Не должны ли мы в этом смысле все-таки порадоваться за первых.

— Пожалуй вы правы! — задумчиво произнес Константин Николаевич.

— Конечно прав! В наше время даже вид человека только затруднившегося в приведении преступного умысла в исполнение, к несчастью уже отрадно! Тяжелое время мы переживаем.

Он замолчал. Задумался и Вознесенский.

— Эта его выходка во время ареста, нервный припадок, — начал снова отец Варсонофий, — доказывает, что он испугался, что он слаб... Я убежден, что он выстрадал после этого столько, что если его присудят к самому высшему наказанию, оно будет несравненно легче перенесенных им нравственных мучений.

— Наказание-то ему может быть не особенно велико — ссылка на житье в Сибирь, с ли-

шением некоторых прав и преимуществ, — вставил Константин Николаевич.

— Тем лучше, значит под новым небом он может сделаться хорошим человеком... Дай ему Бог!

— Что вы его уже ссылаете под новое небо. Он может еще вывернуться, а дело быть прекращенным. Наконец, его могут оправдать. Наши присяжные ведь часто судят, как Бог им на душу положит, — улыбнулся Вознесенский.

— А это еще лучше, — убежденно произнес отец Варсонофий, — поверьте этот урок не пройдет ему даром.

— Хорошо, кабы так! — сомнительно покачал головой Константин Николаевич.

Вошедший лакей доложил, что подано завтракать. Вознесенский повел своего гостя в столовую. За завтраком разговор вертелся на той же теме ареста Николая Леопольдовича в частности и низкого нравственного уровня современного общества вообще.

Отец Варсонофий продолжал по прежнему развивать свою мысль о сравнительной неиспорченности Гиршфельда, о возможности для

него самоисправления.

Константин Николаевич, хоть и слабо, но протестовал. Он рассказал, между прочим, о слышанном им стороной, на самом деле, страшно бедственном положении князя Владимира Шестова.

— Ведь как хотите, а виноват в этом Гиршфельд! — сделал он вывод.

— Положим, но не он один и не главным образом. Прежде всего виновато воспитание князя, среда, в которой он вырос, общество, в котором он вращался. Судьба столкнула его с Гиршфельдом — последний этим воспользовался. Не будь Николая Леопольдовича — был бы другой; Гиршфельдов у нас много.

Разговор уже шел в кабинет, куда они вернулись после завтрака. Наконец отец Варсонофий простился и уехал.

На других лиц московского общества, тоже знавших Гиршфельда, если не близко и даже не лично, арест его произвел сильное впечатление.

— И зачем понес его черт в этот чиновничий город — там нашего брата как раз подтянут! — выразил вслух свое мнение Андрей

Матвеевич Вурцель, продолжавший уже на свой страх и счет содержать в Москве «Кабинет совещаний и справок» и причислявший себя тоже к адвокатскому миру, прочитав известие об аресте Гиршфельда.

— В матушке Москве много насчет этого свободнее! — добавил он после некоторой паузы.

На счет чего «этого» — Андрей Матвеевич не пояснил свою мысль.

Московский совет присяжных поверенных, получив официальное уведомление об аресте одного из членов корпорации, снесся с петербургским судебным следователем, прося доставив ему краткие сведения по делу Гиршфельда и, получив и рассмотрев их, исключил присяжного поверенного Николая Леопольдовича Гиршфельда из сословия.

XXV
Известие об аресте

В семье Николая Леопольдовича известие об его аресте получено было только поздно вечером.

Стефания Павловна ждала мужа к обеду, ко времени которого пришел Арефьев, а также подоспели и князь Шестов с Зыковой. Ждали почти лишний час, но не дождались. Стефания Павловна страшно беспокоилась и охала.

— Уж чувствую я, что-нибудь с ним да случилось! — говорила она.

— Плюньте на ваше чувство, — с обычной своей резкостью успокаивал ее Николай Николаевич, — ничего с ним не могло случиться!

— Арестовали, он сам говорил... — вспомнила она, и слезы показались из ее глаз.

— Пустяки! Кучера-то он прислал из суда?

Послали справиться: кучер, оказалось, еще не возвращался.

— Вот видите, — продолжал Арефьев, —

только попусту вы нюните... Просто заставили его часа два-три дожидаться, начали допрашивать и тянуть с перерывами... знаем тамошние порядки.

— Да ведь он не ел, утром выпил только пустой стакан чаю, — заметила она.

— Из буфета прикажет подать, насытится, не беспокойтесь... Наверное теперь сытее нас, — добавил он с улыбкой, — так как мы из-за него здесь голодаем...

Стефания Павловна тоже улыбнулась сквозь слезы и приказала подавать обедать.

Часа через два после обеда вернувшийся кучер привез роковое известие. Он, не получив никаких приказаний от Николая Леопольдовича, простоял у подъезда суда почти до ночи и наконец, томимый голодом, обратился к вышедшему из подъезда сторожу.

— Скажи, любезный, скоро у вас тут дело-то кончится?

— Какое дело, ноне больших дел нет — все уже давно окончены...

— Окончены? — удивился кучер. — А я все своего барина поджидаю.

— Да ты чей?

— Адвоката Гиршфельда!

— Ну, брат, тебе его здесь долго не дождаться, — с иронией заметил сторож, знавший уже об аресте Николая Леопольдовича.

— Как не дождаться, где же он? — воззрился на него кучер.

— В тюрьме, братец мой, в предварительной… Семен Сергеевич его законопатил.

Семеном Сергеевичем звали судебного следователя.

— Вот так фунт! — развел руками кучер. — Значит мне восвояси!

Он стал удобнее усаживаться на козлах.

— Прощай, брат!

— Прощай!

Элегантная коляска Гиршфельда, одиноко стоявшая у подъезда окружного суда, отъехала.

При получении известия об аресте мужа с Стефанией Павловной сделалась истерика. Ее снесли в спальню, а за ней последовала и Агнесса Михайловна. Шестов было подошел к Арефьеву и стал выражать удивление по поводу случившегося и порицание действий следователя, но поставленный в тупик таким

оборотом дела, и крайне взволнованный судьбой своего патрона. Николай Николаевич резко оборвал его.

— Мало вас он и Василий поколотили, смотрите, как бы я не прибавил.

Владимир, зная буйный и ни перед чем не останавливающийся нрав Арефьева, поспешил от него отойти и вскоре один ушел домой, так как Зыкова осталась ночевать у Стефании Павловны.

Вскоре после князя отправился во восвояси и Николай Николаевич.

— Каковы! Запрятали таки! — ворчал он дорогой.

На другой день, немного оправившись, Стефания Павловна вместе с Зыковой отправились к следователю. Михайловна, конечно, к нему не входила. В просьбе разрешить свидание с мужем судебный следователь отказал.

— Недели через две, через три я вам разрешу с ним видеться, но только вам одним, а теперь я нахожу это положительно невозможным и вредным для дела.

Ко всем ее мольбам он остался глух.

— Надо подождать! — только и твердил он.

Ничего более не добившись, Стефания Павловна вышла от него обливаясь слезами. Скоро причина этого отказа объяснилась. Г-жа Гиршфельд была тоже привлечена в качестве обвиняемой в пособничестве мужу. Доказательством этого пособничества считалось совершенное на ее имя закладной и арендного договора на именье Луганского.

— Я денег ему под закладную не давала и аренды не платила, эти документы были совершены в возмещение гонорара, следуемого моему мужу! — на смерть перепуганная вызовом и главное перспективой казавшегося ей несомненным ареста, созналась она откровенно следователю.

Страх ее был необоснователен. Судебный следователь оставил ее на свободе, взяв с нее подписку о невыезде.

— Куда мне ехать? Некуда! — с рыданиями подписала она свое показание и подписку.

— А свиданья? — посмотрела она на следователя умоляющим взглядом.

— Теперь скоро, повремените несколько дней! — успокоил он ее.

На другой день после ее допроса в квартире Гиршфельда был произведен обыск. Денег найдено не было, так как расходные Стефания Павловна сумела припрятать, забрали только бумаги.

По обвинению в пособничестве Гиршфельду привлечен был к следствию и Николай Николаевич Арефьев. Судебный следователь арестовал и его, но через несколько дней освободить, отдав на поруки представленному Арефьевым поручителю.

За время своего краткого пребывания в доме предварительного заключения Николай Николаевич не видался с Гиршфельдом, так как тот в угнетенном состоянии духа сидел в своей камере и не выходил на обычную прогулку, во время которой арестованные имеют кое-какую, хотя и рискованную, возможность перебросится друг с другом несколькими фразами.

Арефьев ни после привлечения его к следствию, ни во время ареста не падал духом.

— Меня не сглотнут, ершист! — говорил он.

Наконец свидания с мужем были разреше-

ны Стефании Павловне. Первая встреча с его стороны далеко не была радушной. Гиршфельд был с женою более чем холоден. Между ним и ей лежала пропасть из тяжелых воспоминаний прошлого, еще так недавно им вновь так мучительно пережитых. Она хорошо понимала это, но это не мешало ей быть искренно к нему привязанной. Была ли это любовь или животная страсть и привычка — неизвестно. Она видела его теперь не тем, чем он был — угнетенным, потерявшимся, страдающим и страдала сама. Разговор между ними вертелся исключительно на хозяйственных распоряжениях. Она передала ему о своем привлечении к следствию, о привлечении Арефьева, об обыске.

Это все было ему уже известно.

— Часто ко мне не ходи, я напишу, когда будет надо, — холодно сказал он ей при прощании.

Она ушла опечаленная.

— Да бросьте вы о нем нюнить-то, — сказал ей Николай Николаевич, которому она передала, со слезами на глазах, о приеме, устроенном ей ее мужем, — он там, как ка-

кая-нибудь баба, от страху с ума спятил, а вы обращаете внимание на его разговоры... Погодите! Все перемелится — мука будет...

Следствие между тем шло своим чередом. Кашин, Охотников и «дедушка» Милашевич дали свои показания в благоприятном для Гиршфельда смысле.

Неведомый уехавший в Москву, был допрошен через местного судебного следователя. Князь Шестов и Зыкова были вызваны тоже в качестве свидетелей по делу Луганского и были всецело на стороне Николая Леопольдовича.

Между бароном Розеном и князем Владимиром произошел полный разрыв.

Газеты на перерыв сообщали те или другие известия по этому сенсационному делу.

Шестов даже поместил в одной из них письмо в редакцию, совершенно обелявшее Николая Леопольдовича и обвиняющее Адольфа Адольфовича Розена. За это письмо от успел сорвать со Стефании Павловны сто рублей.

Он и Зыкова ежедневно с утра до вечера находились в ее квартире. Детей они препро-

водили к матери, обещая вознаградить ее по окончании дела и по получении по промессу. Они продолжали быть уверенными в этой получке.

Усиленные хлопоты со стороны жены и знакомых Гиршфельда об освобождении его из под стражи под залог или поручительство не увенчались успехом. Следственная власть и прокурорский надзор были неумолимы. Прошло уже более полугода со дня ареста Николая Леопольдовича, а следствие еще не виделось конца. Стефания Павловна, не смотря на запрещение мужа, по совету Николая Николаевича, в неделю раз обязательно ходила к нему на свиданья.

— Нам необходимо знать, в каком он там находится состоянии! — пояснил он ей.

Сведения, приносимые ею из дома предварительного заключения, были раз от разу неутешительнее. Гиршфельд продолжал находиться в сосредоточенно-мрачном расположении духа и худел не по дням, а по часам.

— Нет, видно мне с ним не повидаться! — решил после одного из таких сообщений Стефании Павловны Арефьев.

— А то он нам так всю обедню испортит! — добавил он после некоторого раздумья.

— Как вам повидаться? — воззрилась на него она. — Да разве вас пустят?

— Повезут даже! — улыбнулся Николай Николаевич. — Уж я устрою!..

Стефания Павловна осталась в полном недоумении.

XXVI
Повезли

Николай Николаевич Арефьев на самом деле вскоре устроил так, что его не только пустили в дом предварительного заключения, но, как он и говорил, повезли в него. Он упросил своего поручителя — хорошего знакомого, отказаться от поручительства за него.

— Я вам оттуда напишу, когда подать следователю прошение о вашем желании принять меня снова на ваше поручительство, — заключил он свою просьбу.

— Для чего это вам? — вытаращил тот на него глаза.

— Нужно, батюшка, нужно! — потрепал

его по плечу Арефьев.

— Это в тюрьму-то вам понадобилось?

— Да!

— Охота!

— Пуще неволи! — добавил, улыбнувшись, Николай Николаевич.

Поручитель исполнил на другой же день его желание, и через несколько дней Арефьев был арестован. Дней пять уже просидел он в добровольном заключении, ежедневно выходя на прогулку во внутренний двор, но Гиршфельд не появлялся.

Николая Николаевичу это стало надоедать.

— Вот жидовская образина, трус израильский, сурком сидит у себя в берлоге... — посылал он ругательства по адресу Николая Леопольдовича.

Наконец однажды Арефьев, выйдя на прогулку, заметил вдали еле движущуюся фигуру Гиршфельда, которого даже, подойдя поближе, едва узнал. До того он похудел, осунулся и даже сгорбился. В бороде и усах появилась седина.

Николай Николаевич, улучив минуту, когда оба надзирателя были в стороне, подошел

к нему.

— Стыдитесь, будьте мужчиной, вы губите себя и нас, а еще юрист, практик — не понимаете разве, что все то, что вы сделали и в чем вас обвиняют, сделано на законном основании. Все это дело никак не уголовного, а гражданского суда.

Николай Леопольдович быстро поднял голову и только что хотел что-то сказать, как заметивший беседу надзиратель быстро подскочил к ним и вежливо попросил разойтись и не разговаривать, что строго запрещено правилами дома предварительного заключения. Николай Николаевич, не дождавшись окончания времени прогулки, ушея к себе в камеру и сел писать письмо своему поручителю. Цель, для которой он сам себя посадил в заключение, была им достигнута. Он был уверен, что произвел на Гиршфельда ободряющее впечатление. Он не ошибся.

— На законном основании! — повторил Николай Леопольдович несколько раз фразу Арефьева, возвратившись с прогулки в свою камеру.

Такая мысль ни разу не приходила ему в

голову со дня его ареста. Угнетенный в одиночестве воспоминаниями прошлого ум отказывался работать. Ему необходимо нужен был совет опытного человека, ободряющее слово, а он, оторванный от всех, предоставленный лишь самому себе и своим гнетущим воспоминаниям был лишен этого и все более и более падал духом. Жена не могла придать ему бодрости, она сама только жаловалась и плакала. Николай Николаевич понял это, а потому и решил во что бы то ни стало повидаться с ним, что, как мы видели, и исполнил.

— На законном основании! — продолжал повторять Гиршфельд, сидя у себя в камере.

«Да и на самом деле, чего я трушу? — начал рассуждать он. — Если они меня арестовали, то это далеко не доказывает, что против меня собраны сильные доказательства. Это просто с их стороны произвол. Бороться против него нельзя и глупо, но из за того, что они нанесли сильный удар еще не следует, что за ними обеспечена полная победа, что надо дать им эту победу и бессильно опустив руки, ждать окончательного поражения».

Он приободрился.

— Арефьев прав! Стыдно, надо быть мужчиной!

Он встал и начал бодро и быстро ходить по камере.

«Хорошо еще, что я за это время не дал ни одного показания, а то действительно мог черт знает чего напутать и погубить себя и других!» — думал он.

Действительно, он, не смотря на неоднократные вызовы его к судебному следователю, упорно молчал и не отвечал ни на один предложенный ему вопрос. Это обстоятельство было причиной того, что следствие тянулось так долго. Он начал припоминать обстоятельства дела Шестова и Луганского, взводимые на него ими обвинения и на каждый пункт их находил в своем уме совершенно естественные, — так, по крайней мере, казалось ему — оправдывающие его опровержения, основанные даже на документальных данных — письмах, расписках, нотариальных актах.

«Конечно, это дело чисто гражданское! Арефьев опять прав!» — решил он в уме и сел писать письмо жене.

В нем он просил ее прийти к нему на свидание в первый же установленный для них день по получении письма, привезти и передать через контору книги из его библиотеки. Затем следовал длинный перечень книг: законов и юридических сочинений. Стефания Павловна показала письмо уже вновь освобожденному на поруки Николая Николаевичу и просила его отобрать книги.

— За ум взялся, наконец-то! — проворчал он и стал исполнять ее просьбу.

— Я его нынче совсем не узнала, такой бодрый, веселый, молодцом стал! — сообщила она Арефьеву, вернувшись со свидания с мужем.

— Не даром же я более недели из-за этого под замком сидел, — с гордостью заявил он.

Гиршфельд горячо, между тем, принялся за свое дело, стал писать следователю обширные заявления, указывал новых свидетелей, просил о передопросе уже допрошенных, давал подробные показания. Следствие пошло быстрее. Дело по обвинению его в оскорблении должностных лиц при исполнении ими обязанностей службы поступило уже в суд.

Гиршфельд получил обвинительный акт и через несколько времени появился на скамье подсудимых перед судом без участии присяжных заседателей. Виновным он себя не признал, объяснив, что он был в крайне взволнованном состоянии, дошедшем до болезненного припадка, и ничего не помнит. Защитника он иметь отказался. Суд приговорил его на три месяца в тюрьму. Он подал обширную жалобу в судебную палату. Палата, рассмотрев ее, смягчила ему наказание, и постановила заключить его в тюрьму на два месяца. Приговор этот, постановлено было, в исполнение не приводить вперед до окончания главного о нем дела.

Николай Леопольдович написал и подал жалобу в сенат. Приговор судебной палаты не смутил его: он не терял бодрости.

Такое расположение духа, хотя и находящегося в заключении Гиршфельда, не могло остаться без влияния на его сообщников и клевретов, гулявших на свободе — будущих подсудимых и свидетелей. Они тоже приободрились и стали смелее глядеть на неизвестное будущее.

Кашин, Охотников, «дедушка» Милашевич, не говоря уже о князе Шестове и Зыковой, бывших при Стефании Павловне почти безотлучно, стали часто по вечерам собираться к ней, играли в карты, выпивали, закусывали и слушали ободряющие речи Николая Николаевича Арефьева.

О возможном неудачном исходе дела никто и не помышлял, хотя мысль о прекращении его судебного палатою, в чем почти ручался Арефьев, была оставлена по той весьма простой причине, что обвинительный акт был уже ею утвержден и выдан подсудимым.

— Оправдают, несомненно оправдают! — говорил Николай Николаевич.

Вся компания, кроме Стефании Павловны, хором, на разные лады повторяла эти уверения, спорила до слез с высказывавшими противоположное мнение и держала пари.

Одна Стефания Павловна задумывалась если не о своей — жен всегда оправдывают, сказал ей Николай Николаевич, — то о судьбе ее мужа. Кроме уверения Арефьева в невозможности ее обвинения, она чувствовала сама, что она тут ни в чем неповинна, и это созна-

ние действовало на нее успокоительно.

«Если его сошлют, надо будет ехать с ним! Как же бросить его! Ведь все же он мне нужен», — рассуждала она сама с собой.

«И зачем только я тогда опять сошлась с ним?» — мелькала у нее мысль.

«Ехать с детьми в невесть какую даль!» — ужасалась она.

«Положим, они уже не маленькие!» — старалась она сама себя успокоить.

На Николая Леопольдовича вручение ему обвинительного акта нельзя сказать чтобы не подействовало. Он снова начал трусить, хотя всеми силами старался себя подбадривать. Жена передала ему успокоительное на этот счет мнение Николая Николаевича.

При вручении обвинительного акта Гиршфельда заявил, что он просил назначить ему казненного защитника.

— Разве вы не изберете сами? — удивился товарищ председателя.

— У меня нет для этого никаких средств, я положительно разорен, почти нищий! — деланно грустным тоном отвечал он.

Товарищ председателя незаметно улыб-

нулся.

— Хорошо-с, — ответил он, — суд сделает распоряжение.

Упорное настойчивое уверение а неимении никаких средств, о чем он несколько раз повторял в своих заявлениях и показаниях следователю, Гиршфельд считал лучшим доказательством своей правоты при обвинении в корыстном незаконном ведении им миллионных дел.

Ему был назначен защитником один из выдающихся петербургских присяжных поверенных. Николай Леопольдович при первом же свиданьи с ним обещал, в случае своего оправдания и признания действительными закладной и арендного договора на именья Луганского, уплатить ему десять тысяч рублей.

— Я могу вам дать расписку, — заметил он.

— К чему! Я вам верю и, кроме того, расписка ваша для меня бесполезна, так как по ней я, защищавший вас по назначению от суда, требовать с вас не буду иметь права... — отвечал адвокат и перевел разговор на обстоятельства дела.

— Все-таки будет лучше стараться! — думал Николай Леопольдович по его уходе.

XXVII
Дело Гиршфельда и К°

Наконец, день, в который было назначено к слушанию в окружном суде с участием присяжных заседателей дело бывшего присяжного поверенного Николая Леопольдовича Гиршфельда, его жены Степаниды Павловны и кандидата прав Николая Николаевича Арефьева или, как более кратко выражались петербургские газеты: дело Гиршфельда и К° — настал.

Самый обширный дал для заседаний по уголовным делам петербургского окружного суда, с определенным количеством мест для публики, не мог вместить в себе всех желающих присутствовать на этом сенсационном процессе. Все свободные представители прокуратуры и судебной магистратуры поместились за креслами судей.

В местах для присяжных поверенных и их помощников была буквально давка. Места

для стенографов и репортеров были заняты все.

Стефанию Павловну и Арефьева защищали тоже не безызвестные присяжные поверенные и тоже по назначению от суда.

В качестве эксперта для определения умственных способностей Луганского был вызван знаменитый доктор-психиатр.

Поверенными гражданских истцов Луганского и опеки князя Шестова выступили тоже корифеи столичной адвокатуры.

Среди, числом около ста, вызванных свидетелей мелькали знакомые нам лица: Луганский, его жена, Деметр, князь Шестов, Зыкова, Кашин, Охотников и «дедушка» Милашевич.

Присяжный поверенный Неведомый, незадолго перед тем принятый в это сословие в Москве, не явился и представил свидетельство о болезни. Не явились также: бывший нотариус Базисов, за несколько месяцев до суда над Гиршфельдом, по суду же, исключенный из службы, бывший мировой судья, по назначению от правительства, Царевский, за полгода перед тем уволенный в отставку без

прошения, частный поверенный Манов, присяжный поверенный Винтер, которому совет за неблаговидные действия по делу Луганского воспретил практику на десять месяцев. Все они представили медицинские свидетельства о болезни.

Вышло замечательно курьезное совпадение: все адвокаты, так или иначе причастные к делу Гиршфельда, ко дню его суда заболели воспалением глотки, что выяснилось из прочтенных на суде представленных ими свидетельств о болезни.

В публике слышались игривые замечания:

— Глотали, глотали чужие денежки, да и доглатались!..

— Горлышко себе расцарапали!..

Особое внимание публики останавливали на себе оба потерпевшие — Василий Васильевич Луганский с блаженной, идиотской улыбкой на лице, и князь Владимир Александрович Шестов, одетый в оборванный, засаленный, черный пиджак, застегнутый наглухо, без всяких признаков белья, но в свежих лайковых перчатках.

Обвиняемые Гиршфельд и Арефьев были в

черных сюртучных парах, а Стефания Павловна в черном шелковом платье. Последняя была очень эффектна и на ней более, нежели с участием останавливались взгляды присутствующих мужчин.

После избрания присяжных заседателей, поверки свидетелей, было приступлено к чтению обширного обвинительного акта. В нем заключалось все уже известное читателям из предыдущих глав. По окончании этого чтения начался допрос обвиняемых.

Все трое не признали себя виновными в возводимых на них преступлениях.

Суд приступил к допросу свидетелей. Допрос этот продолжался семь дней. Особенно интересен был допрос Шестова и Луганского. Первый совершенно запутался и даже на суде несколько раз изменял свои показания.

— Позвольте, свидетель, какое же показание ваше заключает в себе правду — то ли, которое вы даете сейчас, или то, которое вы дали полчаса тому назад? — донимал его представитель обвинения.

Князь конфузливо молчал.

— Вы нам заявили полчаса тому назад, что

вы чувствуете себя нездоровым, а теперь, как вы себя чувствуете? — не унимался товарищ прокурора.

— Теперь мне лучше, — заявил князь, — но я стесняюсь...

— Кого?

— Публики!

Возбужден был вопрос о том, на каком языке говорит лучше князь Шестов: на французском, или на русском?

— Я даже думаю по-французски... — ответил на него Владимир.

— Позвольте, — поднялся со скамьи уже допрошенный барон Розен, — князь Шестов, по-моему, знает плохо французский язык, но на русском говорит и пишет превосходно.

— А вы, господин свидетель, — задал, с разрешения председательствующего, барону Розену вопрос подсудимый Арефьев, — сами хорошо знаете русский язык?

— Нет, мой плохо знает русский язык! — отвечал Адольф Адольфович.

— Как же вы беретесь судить о том, чего сами не знаете! — заметил председательствующий.

В публике послышался сдержанный смех. Барон сконфуженно опустился на скамью.

Луганский подробно, но запутанно, рассказал свои путешествия и мытарства под надзором покойного Князева, а потом и Царевского, и закончил эпизодом получения ссуды из банка в Москве, дележом добычи и совершением закладной и арендного договора.

— Решительно не понимаю, — сказал он в заключение, — как это могло случиться, только от наследства ровно ничего не осталось. Все рассовали и роздали. Каждый брал и имел право брать, кроме меня. Мне не пришлось ничего! Обо мне позабыли.

Гиршфельд почти после каждого свидетельского показания давал продолжительные объяснения. Перед тем как дать одно из них касающееся семейной обстановки Луганского, он даже ходатайствовал о закрытии дверей залы заседания. Ходатайство это было уважено судом, и публика временно удалена из залы.

— Зачем Гиршфельд просил закрыть двери? — спрашивали Арефьева во время перерыва.

— А это потому, что он хотел сказать и сказал большую глупость, так чтобы не так было совестно! — серьезно отвечал он.

Характерны были показания Зыковой, Охотникова, Кашина и «дедушки» Милашевича. Товарищ прокурора просил о занесении почти всех этих показаний в протокол.

Нечего и говорить, что они все были в пользу Гиршфельда. Они вместе с князем Шестовым даже, что называется, переусердствовали. Князь прямо заявил, что он считает Николая Леопольдовича честнейшим человеком и своим благодетелем и, если давал против него показания на предварительном следствии, то делал это по наущению барона Розена, а жалобы писал прямо под его диктовку. Почти тоже самое подтвердила и Зыкова.

По окончании допроса свидетелей началось чтение показаний свидетелей, неявившихся по законным причинам, массы документов и писем. Это заняло еще два дня.

Затем эксперт дал свое заключение, основанное на исследовании Луганского и обстоятельствах дела, выяснившихся на суде. Он признал Василия Васильевича страдающим

хроническим алкоголизмом, обуславливающим ослабление воли.

Судебное следствие было окончено, и суд после перерыва приступил к выслушанию прений сторон.

Судебные речи и возражения заняли более двух дней.

Николай Леопольдович в представленном ему последнем слове просил присяжных обратить внимание на его семейное положение, на отсутствие всяких средств к жизни, на более чем годичное заключение.

— От этих миллионных дел я не нажился, а, напротив, разорился.

Стефания Павловна не сказала ни полслова. Она молчала все одиннадцать дней процесса. Защитник ее во время судебного следствия задал свидетелям на ее счет два, три вопроса.

Развернулся, что называется, во всю в последнем слове один Арефьев. Он, впрочем, и во время допроса свидетелей делал несколько метких замечаний и возражений и давал оригинальные объяснения.

— Позвольте, гг. присяжные заседатели, —

говорил он, — утверждают, что я будто хотел надуть даже самого Гиршфельда, т. е. как это хотел — я положительно не понимаю — если бы я хотел, то и надул бы. Это не так трудно! Говорят далее, что будто бы я знал, что дело Луганского ведется незаконно, преступно, но помилуйте, гг. присяжные, если бы я это знал, я взял бы с Гиршфельда не пять, а пятьдесят тысяч...

В таком откровенном тоне он вел продолжительную беседу с присяжными заседателями.

Наконец, председательствующий сказал резюме и вручил вопросный лист присяжным заседателям.

Они медленно удалились.

Судьи ушли в кабинет.

Публика направилась в соседнюю залу и помещающийся около нее буфет. Всюду слышались толки, суждения, старались предвершить исход процесса.

Большинство утверждало, что по делу Шестова Гиршфельда оправдают, так как в этом деле сам чорт ногу сломит, а по делу Луганского пожалуй-де ему и не поздоровится.

Прошло около трех часов.

В половине второго ночи из комнаты присяжных заседателей раздался резкий звонок. Все поспешили на свои места в залу. Когда судьи собрались, старшина присяжных громко и отчетливо стал читать вопросы и ответы. Большинство оказалось правым: по делу Шестова бывший присяжный поверенный Гиршфельд был оправдан по всем вопросам, по делу же Луганского обвинен по одному вопросу, из растрат вексельных бланков на сумму более трехсот рублей. Стефания Павловна и Арефьев были оправданы. Закладная и арендный договор признаны были недействительными.

Когда после нескольких вопросов с ответами: нет, не виновен, старшина вдруг прочел: да, виновен, но заслуживает снисхождения, прояснившееся было лицо Николая Леопольдовича омрачилось и он, схватившись руками за решетку, низко опустил голову и зарыдал.

Со Стефанией Павловной сделалась истерика.

Чтение вопросов в это время было уже

окончено. Суд удалился для постановления приговора. Скамью подсудимых окружили знакомые Николая Леопольдовича и его жены и кое-как их успокоили.

Через полчаса суд снова вышел.

Бывший присяжный поверенный Николай Леопольдович Гиршфельд на основании вердикта присяжных заседателей, был присужден к лишению некоторых лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и ссылке на житье в Архангельскую губернию, с воспрещением всякой отлучки от места, назначенного ему для жительства в течение трех лет.

Его увели обратно в дом предварительного заключения.

Стефанию Павловну, все продолжавшую плакать навзрыд, увели под руки из суда Охотников и Милашевич, за ней следом шли Шестов, Зыкова и Кашин.

— Еще три раза осталось! — заметил, выходя из залы, Николай Николаевич.

— Что три раза! — полюбопытствовал один из его знакомых, шедший с ним рядом.

— Судиться, — невозмутимо отвечал он, —

чтобы до дюжины девятый раз оправдывают.

Так окончилось знаменитое «дело Гиршфельда и Комп.», длившееся двенадцать дней.

XXVIII
После приговора

Газеты на другой же день по окончании суда над Гиршфельдом разнесли весть о состоявшемся над ним обвинительном приговоре.

Петуховская газета, воздержавшаяся даже от печатанья его процесса, ограничилась снова лишь кратким сообщением о результатах петербургского сенсационного дела.

— Жаль молодца! — заметил Николай Ильич. — Ну, да деньги у него есть, а с деньгами он в Архангельске не пропадет.

Александра Яковлевна Пальм-Швейцарская, уже давно вернувшаяся из Крыма, но не возвратившаяся на постоянное жительство в Петербург, куда приезжала лишь временно гостить к Писателеву, снова примирилась с Адамом Федоровичем Корном и служила во вновь отстроенном им театре в Москве.

Не смотря на успех, который она имела на клубных и загородных сценах Петербурга и на хлопоты забиравшего на казенной сцене все большую и большую силу Матвея Ивановича, принятие ее на эту сцену не состоялось. Писателев мог удовлетворить ее самолюбие лишь тем, что большой портрет ее был выставлен по его просьбе у фотографа Шапиро на Невском проспекте, на ряду с портретами как его, так и других артистов и артисток Александрийского театра. Этим она была принуждена ограничиться. Первое время она бесилась, рвала и метала, делала Писателеву сцену за сценой, но затем успокоилась.

Известие об обвинительном приговоре над бывшим ее рабом Николаем Леопольдовичем Гиршфельдом, прочтенное ею в газетах, как более, чем за год ранее этого и весть о его аресте, не произвело на нее ни малейшего впечатления. Служебная роль этого адвоката по отношению к ней в деле ее мести семье князей Гариных была окончена. Самоубийством князя Виктора и смертью княгини Зои она сочла себя по справедливости отомщенной. Гиршфельд представлял для нее только вы-

жатый лимон, который она бросила и о котором, выпив с наслаждением сделанный из него лимонад, позабыла.

Константин Николаевич Вознесенский, не забывший, не смотря на то, что уже минуло более года, своего разговора с отцом Варсонофием по поводу ареста Николая Леопольдовича и наглядно вглядываясь пристально в жизнь современного общества, все более и более убеждаясь в правоте высказанного им тогда взгляда на общую эпидемическую, если можно так выразиться, преступность, положив в карман полученную им газету с сообщением об обвинении Гиршфельда, поехал в Донской монастырь.

— Свершилось! — сказал он, подавая газету радушно встретившему его казначею.

Тот взял и внимательно прочел указанную ему статью.

Затем встал, истово перекрестился и, преклонив колени перед киотом, наполненным образами и освещенным мягким светом лампады, начал горячо молиться.

Эта внезапная, как бы по вдохновению свыше, явившаяся у а Варсонофия, потреб-

ность молитвы, заразительно подействовала и на Вознесенского. Он встал и сперва только склонил голову в знак уважения к молящемуся человеку, но через несколько времени, незаметно для себя, сам опустился на колени и стал горячо молиться. Оба они молились об исправлении заблудшего ближнего, об избавлении его от несравненно более тяжелой кары небесного правосудия.

Смертельно поражены были таким неожиданным для них исходом дела все приспешники Гиршфельда, поражены тем более, что при благополучном для него исходе процесса, они все рассчитывали на его великие и богатые милости. В одно мгновение все надежды рухнули.

С вытянутыми лицами вышли из суда князь Шестов, Охотников и «дедушка» Милашевич. Зыкова, вторившая плачем Стефании Павловне, поехала с ней домой. Последняя была окончательно потрясена и слегла в постель, с которой не вставала более двух недель.

Сравнительно спокойнее их всех был сам осужденный Николай Леопольдович.

Рыдания его, раздавшиеся в суде после прочтения обвинительного вердикта, были последними. На него вдруг напало какое-то злобное отчаяние, почти ухарство. Не сморгнув глазом, выслушал он приговор суда и, высоко подняв голову, сошел со скамьи подсудимых, чтобы возвратиться обратно в тюрьму.

— Есть еще сенат и государь, — шепнул он, проходя мимо, плачущей жене, — а не удастся, с деньгами и там приживем!.. Хлопочи о моем освобождении.

В сенат была подана составленная им самим, его защитником и Арефьевым жалоба.

Хлопоты же по его освобождению затянулись и лишь через два месяца, когда сенат, рассмотрев его жалобу вне очереди, оставил ее без последствий, его наконец выпустили на поруки.

В день его освобождения почти из полуторагодичного заключения в доме Гиршфельда господствовало необычайное оживление.

Все его главные сотрудники и прихлебатели были в сборе, чтобы достойно встретить своего, хотя и поверженного, кумира.

Впрочем, у всех еще была надежда на все-

подданнейшее помилование, которое даст возможность возродиться из пепла этому современному фениксу.

Более всех суетился князь Шестов.

— Ради бога, дайте мне пять рублей! — отвел он в сторону Стефанию Павловну.

— Зачем вам это? — поморщилась та, сильно по окончании суда сократившая, по приказанию мужа, субсидии князю Владимиру и Зыковой.

— Помилуйте, не встретить же мне Николая Леопольдовича с пустыми руками — надо купить хоть двадцать пять штук сигар, я знаю, какие он любит.

— Какие пустяки, у него есть сигары! — заметила она и быстро отошла к остальным гостям.

Князь повертелся в комнатах и вдруг куда-то исчез.

Гиршфельда ждали каждую минуту. За ним была послана карета. Наконец он приехал. Не успел он приехать, поздороваться с женой и присутствующими, как в комнату влетел запыхавшийся князь Владимир. В руках он держал ящик с сигарами.

— Дорогому Николая Леопольдовичу с освобождением! — поднес он его Гиршфельду.

Тот принял подарок, но обошелся с Владимиром очень холодно и отстранился от объятий, в которые тот хотел было заключить его.

— Верю, князь, верю, что вы довольны! Верю и благодарю!

Николай Леопольдович похудел, как-то осунулся, даже поседел немного, словом изменился физически, нравственно же, видимо, был бодр. Он был почти весел. Было ли это в силу того, что он уже свыкся с своим положением, привык к мысли об ожидающей его перемене жизни, надеялся ли, как его окружающие, или же был уверен, что с деньгами он не пропадет, даже превратившись коловратностью судьбы в архангельского мещанина. Вероятнее всего, что его укрепляла последняя мысль.

Возвращение домой мужа Стефания Павловна отпраздновала роскошным завтраком, который прошел очень оживленно. Николай Леопольдович под конец, выпив вина, стал даже шутить, передразнивая поведение на су-

де Арефьева, копируя манеру давать показания «дедушки» Милашевича, Охотникова, Зыковой и князя Шестова.

— А вы у меня, Антон Максимович, — обратился он к Милошевичу, — так и будете значиться под кличкой, которую вам дал прокурор «кум и сват». С прозвищем «дедушка» приходится проститься.

Антон Максимович рассмеялся дребезжащим старческим смехом. Все вообще присутствующие, за исключением Николая Николаевича, добродушным смехом выражали удовольствие, что Гиршфельд прохаживался на их счет.

Вскоре после завтрака стали расходиться. Николай Леопольдович с Арефьевым удалился в кабинет.

— На два слова, — сказала Агнесса Михайловна, перед тем долго шептавшаяся с князем Владимиром, прощаясь с Стефанией Павловной.

Та увела ее в спальню.

— Мой-то что опять наделал, уж вы простите ради Бога его для нынешнего радостного дня. Он совсем каким-то дураком беспар-

донным стал! — со слезами на глазах начала Зыкова.

— Кто, что наделал? Кого и за что мне прощать? — не поняла Стефания Павловна.

— Да князь же! Ведь знаете на какие деньги он купил сигар Николаю Леопольдовичу.

— Не знаю! Он у меня просил, я отказала. Когда он принес, я тогда же подумала, откуда это?

— Он ваш дипломат заложил, да хорошо еще за безделицу, за пять рублей... — с отчаянием в голосе отвечала Агнесса Михайловна и подала ей квитанцию ссудной кассы.

Это было для Стефании Павловны так неожиданно, но вместе с тем показалось так комично, что она расхохоталась.

— Вот так подарил! За такой подарок по справедливости следует сказать: благодарю, не ожидал! Ну, да Бог с ним!

Она сунула квитанцию в карман. Агнесса Михайловна бросилась ее целовать:

— Какая вы добрая!

После ухода Зыковой и князя, Стефания Павловна пошла в кабинет и рассказала мужу и Николаю Николаевичу историю подне-

сенного князем Шестовым подарка. Они хохотали до слез.

— Да, он далеко пойдет! — восторгался Арефьев.

— Не дальше меня! — печально улыбнулся Гиршфельд.

— Вы, поверьте, никуда не пойдете, вас помилуют! — убежденно заметил Николай Николаевич.

— Ну, это улита едет, когда-то будет, да и будет ли?

— Будет и даже очень скоро!

Через неделю прошение на Высочайшее имя было написано и подано. Начались снова усиленные хлопоты. Надежда, эта «кроткая посланница небес», все еще не покидала сердца действующих лиц нашего правдивого рассказа.

XXIX
С повинною

В этих надеждах, сомнениях прошло более полугода. Кроме поданного уже, как мы знаем, всеподданнейшего прошения, за это время случился эпизод, придавший как Николаю Леопольдовичу, так и всем его окружающим, сильную уверенность на возможность благоприятного оборота дела.

Уверенность эта была, впрочем, непродолжительна. Дело в том, что месяцев через пять по окончании дела, в одно прекрасное после обеда, Николаю Леопольдовичу, сидевшему в кабинете, доложили, что пришел Антон Максимович Милашевич с Луганским.

— Этого зачем принесли черти? — с злостью в голосе крикнул Гиршфельд.

В это время в кабинет уже входили «дедушка» Милашевич и Василий Васильевич. Последний был почти пьян, а «дедушка» только навеселе. Видимо было, что они где-то основательно закусывали.

— Гостя вам нежданного, негаданного при-

вел! — весело заговорил Антон Максимович.

Николай Леопольдович молча пожал ему руку и бросил полный ненависти взгляд на Луганского.

— Вот возьмите его, раскаяние, так сказать, почувствовал, с повинною явился! — продолжал «дедушка», указывая обеими руками на стоявшего несколько сзади его Василия Васильевича.

— Именно с повинною, верное слово Антон Максимович молвил, — заплетающимся языком начал Луганский, — с повинною к благодетелю!

Василий Васильевич, неожиданно для Гиршфельда, упал ему в ноги.

— Простите, благодетель, не дайте умереть нераскаянному грешнику.

Николай Леопольдович бросился поднимать его. Милашевич созерцал эту картину с довольною улыбкой. На его лице было написано гордое сознание искусно обделанного дельца.

Он действительно, встретившись совершенно случайно на Невском с Василием Васильевичем, часа четыре водил его по тракти-

рам и портерным для должного приведения в состояние самобичевания и наконец представил его пред лицо своего патрона. Последний все еще продолжал уговаривать лежащего ничком своего бывшего клиента.

— Встаньте же, говорят вам, ну, чего вы валяетесь!

— Нет, вы меня сперва простите! — выкрикивал жалобным голосом Луганский.

— Хорошо, хорошо, прощаю, надо было раньше думать, отчего мне вас не простить — ведь все равно, того что сделано, не поправишь.

Василий Васильевич наконец с трудом поднялся с полу и уселся, по приглашению севшего Николая Леопольдовича, в кресло у письменного стола.

— Я против вас, ей-ей, не виноват вот ни на столько…

Луганский показал на кончик мизинца правой руки.

— Это все моя жена — протобестия, чтоб ей ни дна, ни покрышки, да Егорка ее меня настрочили: ублажали, ухаживали, а теперь, как сестра моя — родная сестра, — с пьяным

рыданием в голосе продолжал он, — отдала меня под опеку за расточительность, они, жена, т. е. и Егорка, мне гроша медного не дают! Спасибо сегодня Антону Максимовичу ублаготворил.

Гиршфельд проницательно посмотрел на все еще стоявшего и наблюдавшего эту сцену Милашевича.

«С чего это ему вздумалось ублаготворять этого идиота? — думал он. — Что-нибудь замыслил — это не спроста!»

— А ваше дело мы поправим, в лучшем виде поправим, так ведь, Антон Максимович? — повернулся Василий Васильевич к Милашевичу.

Тот только кивнул головой.

— Это как же вы поправите? — с недоумением спросил Николай Леопольдович и даже всем корпусом повернулся к Антону Максимовичу.

— Василий Васильевич изъявил мне желание, — вкрадчиво заговорил тот, — написать прошение министру юстиции, в котором объяснит, что он, чувствуя угрызения совести, желает восстановить истину, искаженную им

умышленно на суде по наущению окружавших его лиц, чем он ввел в заблуждение не только врача-психиатра, который его исследовал, но и присяжных заседателей, решивших дело. Василий Васильевич думает, что после такой повинной у него будет легче на сердце.

— Облегчит! Наверное облегчит! — с трудом проговорил Луганский, клюя носом.

Его видимо окончательно развезло.

— Я уже распорядился послать за Николаем Николаевичем. Он напишет прошение, конечно изменив почерк, а Василий Васильевич подпишет, — продолжал, между тем, Антон Максимович.

— И подпишу! — пьяным голосом закричал Василий Васильевич и даже ударил кулаком по столу.

— Это похоже на дело! — заметил с довольной улыбкой Гиршфельд.

— Я за вас еще обещал Василию Васильевичу, — полушепотом произнес Антон Максимович, — что вы не откажете ему в маленькой помощи рублей в двадцать пять. Он действительно без копейки.

— И это можно! — отвечал Николай Леопольдович.

В дверях кабинета появился прибывший, по приглашению Милашевича, Арефьев. В коротких словах ему передали суть дела. Тот, с своей стороны, одобрил намерение Луганского.

— Это будет вновь открывшимся по делу обстоятельстввм, и несомненно, что дело должны будут пересмотреть вновь, так как ваше осуждение является вопиющею юридической ошибкой... — авторитетно заметил он Гиршфельду.

Прошение министру было написано, подписано Василием Васильевичем и передано Милашевичу, который взялся завтра же отправить его по почте заказным письмом, а расписку почтамта передать Луганскому, которому и назначил свидание в низке трактира Могорина на Невском. Луганский получил от Николая Леопольдовича двадцатипятирублевку и удалился. Вскоре после него стал прощаться и Антон Максимович.

— От души благодарю вас! — крепко пожал ему руку Гиршфельд.

В руке Милашевича появилась радужная.

Он искусно, по-докторски, сунул ее в карман и вышел. Николай Леопольдович с Арефьевым остались вдвоем. Они пробеседовали далеко за полночь. Николай Николаевич оставил Гиршфельда вполне успокоенным и уверенным в счастливом обороте дела.

— Несомненно будут пересматривать и оправдают, — безаппеляционным тоном решил он.

XXX
Крах банкирской конторы

Арефьев, уверяя, что прошение Луганского не могут оставить втуне, не предусмотрел лишь того обстоятельства, что Василий Васильевич был признан окружным судом страдающим алкогольным помешательством. Это-то и послужило основанием для министерства юстиции оставить присланное им по почте прошение без последствий. Носились, кроме того, слухи, что Василий Васильевич, через несколько дней написал новое прошение министру, в котором отказался от перво-

го и даже рассказал обстановку, при которой оно было им подписано. Слухи эти были правдоподобны.

Словом, деньги, заплаченные за придуманный «дедушкой» Милашевичем «генеральный фортель» — как называл подачу прошения Николай Николаевич, были брошены на ветер.

Не более, как через месяц, получено было достоверное известие, что прошению этому никакого хода дано не будет. Оставалась лишь одна надежда на благоприятный ответ из канцелярии прошений, на Высочайшее имя проносимых.

— Вот дела, так дела, почище нас с вами обделывают! — вошел раз днем в кабинет Гиршфельда Арефьев.

Тот посмотрел на него вопросительно и пожал поданную руку.

— Я сейчас с Невского проспекта, там, у Полицейского моста, толпа народа, плач и скрежет зубовный!

— Что же случилось?

— Банкир в трубу вылетел! Это за один нынешний год по счету, кажется, третий!

— Какой банкир? — дрогнувшим голосом спросил Николай Леопольдович.

— Сам Янкель Цангер!

Гиршфельд побледнел.

Надо заметить, что по окончании суда над ним, подав сперва кассационную жалобу, а затем прошение на Высочайшее имя о помиловании, он не перестал держаться той же, спасительной, по его мнению, методы, какой держался и во время предварительного следствия. Метода эта, как мы уже знаем, состояла в настойчивом уверении всех, что он окончательно разорен делами Шестова и Луганского. Выйдя на свободу, он не только не взял обратно положенные по его приказанию на свое имя Стефанией Павловной в банкирскую контору Цангера денежные бумаги, но даже одобрил ее за то, что она положила туда и свои деньги.

Показывая всем окружающим, что страшно нуждается в средствах к жизни, Гиршфельд продал экипажи и лошадей и даже много лучших вещей из квартирной обстановки. Серебро и золото было заложено им в ломбард.

— Надо же чем-нибудь жить! — печально говорил он всем, рассказывая о продаже и залоге им вещей.

— А как же вклады? — растерянно спросил Арефьева Николай Леопольдович.

— Какой же дурак будет держать у этого пархатого жида вклады? — с своей обычной резкостью отвечал Николай Николаевич, но сам сконфузился, вспомнив национальность Гиршфельда.

Последний до крови закусил губу.

— Однако, мне пора, я к вам мимоходом! — встал Арефьев, простился и ушел, не заметив произведенного его сообщением на Николая Леопольдовича впечатлением.

Тотчас же по уходе Николая Николаевича, Гиршфельд позвал в кабинет жену.

— Съезди-ка к Цангеру. Арефьев тут что-то наболтал, что он прекратил платежи! — сказал он ей, стараясь казаться спокойным.

— Что! — вскрикнула она и, не устояв на ногах, не села, а скорее упала в кресло, по счастью стоявшее около.

Слезы брызнули из ее глаз.

— Поезжай, тебе говорят, может и пустя-

ки! — раздраженно заметил он. — Наплакаться успеешь и после!

Она поехала и вскоре вернулась вся в слезах и подтвердила в подробностях рассказ Николая Николаевича.

— В кассе нашли всего один кулон в два с полтиною! — рыдая сообщила она. — И себя, и детей по миру пустили!

Отчаянию ее не было пределов.

Николай Леопольдович бросился сам узнавать в чем дело.

«Поразительно, я считал его за солидного капиталиста; может быть это так — коммерческий фокус, а денежки целы. Мои-то наверное он мне выдаст — мы с ним слишком старинные приятели!» — утешал он сам себя дорогой.

Он поехал прямо на квартиру к Янкелю Ааронович у. Жена Цангера Ревека Самуиловна сообщила ему, что муж ее сидит в доме содержания неисправимых должников. О положении его дел она отозвалась незнанием.

— Я поеду к нему! — сказал Гиршфельд.

— Теперь уже поздно, к ним пускают только до четырех.

Он взглянул на часы. Было половина пятого. Целую ночь провел он, не сомкнув глаз ни на минуту. Стефания Павловна рыдала, как сумасшедшая. Прислуге отдано было приказание никого не принимать. На другой же день утром Николай Леопольдович добился свидания с Цангером.

— Мои бумаги и деньги целы? — были его первые слова.

— Увы! — вздохнул Янкель Ааронович.

— То есть, как же! Куда же вы их девали? — задыхаясь спросил Гиршфельд, обводя его помутившимся взглядом.

— Заложил, пустил в оборот, как это всегда делается в банкирских операциях. Один несчастливый биржевой ход и я, как видите, нищий! — развел тот руками, скорчил печальную физиономию.

Николай Леопольдович в бессильной злобе заскрежетал зубами.

Первую минуту он хотел броситься и убить его, но сдержался.

— Нас рассудит суд! — глухо сказал он и вышел. Неописуемое бешенство кипело в его груди, когда он возвращался домой.

«О, только бы помиловали! — думал он. — Я вытяну из тебя все жилы, бездельник, а получу свои деньги — все до копейки».

Извозчик остановился у подъезда его квартиры.

— Околодочный надзиратель приходил, бумагу какую-то оставил, просил вас расписаться! Я ее к вам на письменный стол положил! — сообщил ему Василий, снимая пальто.

Гиршфельд прошел в кабинет, сел за письменный стол и взял принесенную бумагу.

Это был отказ из канцелярии прошений на Высочайшее имя приносимых.

— Вот оно когда начинается настоящее-то возмездие! — прошептал Николай Леопольдович и низко, низко склонил свою преступную голову.

После долгих откладываний Николай Леопольдович наконец отправился на место ссылки. Семейство его осталось в Петербурге. Стефания Павловна продолжала хлопотать о помиловании мужа. Надежду на это помилование таил и сам Гиршфельд до самой смерти. Он умер, прожив в Архангельске около трех лет.

Остальные герои нашего правдивого повествования живут по-прежнему в Петербурге и Москве.

Князь Шестов, при помощи женившегося наконец «вечного жениха» Кашина, взявшего за женой несколько десятков тысяч, открыл фотографию на Невском проспекте.

Фотография идет плохо.

Писать дальше, значит писать о том, что будет завтра, а этого мы не знаем.

Поживем — увидим!

Примечания

1

Обман, надувательство, плутовство.

[^^^]

2

Род древесной смолы, которую жуют в Сибири, как предохранительное средство от цинги.

[^^^]